

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

[АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО].

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова и
съ приложеніемъ портрета П. И. Мельникова-Печерскаго.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

INSTITUT

BA DAŃ LITERACKICH PAN

W I B L O T O T E K A

90-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 71

Tel. 26-63-63

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1909.

<http://rcin.org.pl>

Артистическое заведение Т-на А. Ф. Марнсь, Измайл. просп., № 29.

24.152/2

ВЪ ЛЪСАХЪ.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава первая.

Верховое Заволжье — край иривольный. Тамъ народъ досужій, бойкій, смышленный и ловкій. Таково Заволжье сверху отъ Рыбинска внизъ до устья Кѣрженца. Ниже не то: поидетъ лѣсная глушь, луговая черемиса, чуваши, татары. А еще ниже, за Камой, степи раскинулись, народъ тамъ другой: хоть русскій, но не таковъ, какъ въ Верховьѣ. Тамъ новое заселенье, а въ заволжскомъ Верховьѣ Русь изстари усѣлась по лѣсамъ и болотамъ... Судя по людскому нарѣчному говору — новгородцы въ давнія рюриковы времена тамъ поселились. Преданья о Батыевомъ разгромѣ тамъ свѣжи. Укажутъ и «тропу Батыеву» — и мѣсто невидимаго града Китежа на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ. Цѣль тотъ городъ до сихъ поръ — съ бѣлокаменными стѣнами, златоверхими церквами, съ честными монастырями, съ княженецкими узорчатыми теремами, съ боярскими каменными палатами, съ рублеными изъ кондѣваго, негниющаго лѣса домами. Цѣль градъ, но невидимъ. Не видать грѣшнымъ людямъ славнаго Китежа. Сокрылся онъ чудесно, Божимъ повелѣньемъ, когда безбожный царь Батый, разоривъ Русь суздальскую, пошелъ воевать Русь китежскую. Подошелъ татарскій царь ко граду Великому Китежу, восхотѣлъ домъ огнемъ спалить, мужей избить либо въ полонъ угнать, женъ и дѣвицъ въ наложницы взять. Не допустилъ Господь басурманскаго поруганья надъ святыней христіанскою. Десять дней, десять ночей Батыевы полчища искали града Китежа и не могли сыскать, ослѣпленные. И досель тотъ градъ невидимъ стоитъ, — откроется передъ

страшнымъ Христовымъ судилищемъ. А на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, видѣются отраженныя въ водѣ стѣны, церкви, монастыри, терема княжечецкіе, хоромы боярскія, дворы посадскихъ людей. И слышится по почамъ глухой, заунывный звонъ колоколовъ китежскихъ.

Такъ говорятъ за Волгой. Старая тамъ Русь, исконная, кондовая. Съ той поры, какъ зачиналась земля Русская, тамъ чуждыхъ насельниковъ не бывало. Тамъ Русь сызстари на чистотѣ стоитъ — какова была при прадрѣдахъ, такова хранится до нашихъ дней. Хорошая сторона, хоть и смотреть сердито на чужаина.

Въ лѣсистомъ Верховомъ Заволжѣ деревни малыя, зато частыя, одна отъ другой на версту, на двѣ. Земля холодна, неродима, своего хлѣба мужику развѣ до масленой хватить, и то въ урожайный годъ. Какъ ни бейся на надѣльной полосѣ, сколько страды надъ ней ни принимай, круглый годъ трудовымъ хлѣбомъ себя не прокормишь. Такова сторона!

Другой на мѣстѣ заволжанина давно бы съ голода померъ, но онъ не лежебокъ, человекъ досужій. Чего земля не дала, умѣнемъ за дѣло взяться брать. Не побрѣлъ заволжскій мужикъ на заработки въ чужу-дальню сторону, какъ сосѣдъ его вязниковецъ, что съ пуговками, съ тесемочками и другимъ товаромъ кустарнаго промысла шагаетъ на край свѣта семь хлѣбъ добывать. Не побрѣлъ заволжанинъ по бѣлу свѣту плотничать, какъ другой сосѣдъ его Галка *). Нѣтъ. И дома сумѣлъ онъ приняться за выгодный промыселъ. Варегн зачалъ вязать, поярокъ валить, шляпы да сапоги изъ него дѣлать, шапки шить, топоры да гвозди ковать, вѣсовыя коромысла чуть не на всю Россію дѣлать. А коромысла-то какія! Хоть въ аптеку бери — сдѣланы вѣрно.

Лѣса заволжанина кормятъ. Ложки, плошки, чашки, блюда заволжанинъ точитъ да краситъ; гребни, донца, веретена и другой щепной товаръ работаетъ, ведра, ушаты, кадки, лопаты, корбья, весла, лейки, ковши, все, что изъ лѣсу можно добыть, рукъ его не минуетъ. И смолу съ дегтемъ сидитъ, а заплативъ попенныя, рубитъ лѣсъ въ казенныхъ дачахъ и стогняетъ по Волгѣ до Астрахани бревна, брусья, шести, дрючки, слеги и всякій другой лѣсной товаръ. Волга подъ бокомъ, но заволжанинъ въ бурлаки не хаживалъ. Последнее дѣло въ бурлаки идти! По Заволжью такъ думаютъ: «честнѣй подъ окномъ Христовымъ именемъ кормиться, чѣмъ бурлацкую лямку тянуть». И правда.

*) Крестьяне Галицкаго и другихъ уѣздовъ Костромской губерніи.

Живеть заволжанинъ хоть въ трудѣ, да въ достаткѣ. Сыз-стари за Волгой мужики въ сапогахъ, бабы въ котяхъ. Лаптей видѣмъ не видано, хоть слыхѣмъ про нихъ и слыхано. Лѣсу вдоволь, лыко ни почему, а въ рѣдкомъ домѣ кочедыкъ найдешь. Развѣ гдѣ такой дѣдушка есть, чтѣ съ печи ужъ лѣтъ пятокъ не слѣзаетъ, такъ онъ, скуки ради, лапотки иной разъ ковыряетъ, нищей братѣ подать, либо самому обуться, какъ стануть его въ домовину обряжать. Таковъ обычай: лѣтомъ въ сапогахъ, зимой въ валенкахъ, на тотъ свѣтъ въ лапоткахъ...

Заволжанинъ безъ горячаго спать не ложится, по воскреснымъ днямъ хлебаеть мясное, изба у него пятистѣнная, печь съ трубой; о черныхъ избахъ да соломенныхъ крышахъ онъ только слыхалъ, что есть такія гдѣ-то «на Горахъ» *). А чистота какая въ заволжскихъ домахъ!.. Славятъ нѣмцевъ за чистоту, русскаго корятъ за грязь и нерешество. Побывать бы за Волгой тѣмъ славильщикамъ, не то бы сказали. Кто знакомъ съ нашими стенными да черноземными деревнями, въ голову тому не придетъ, какъ чисто, опрятно живутъ заволжане.

Волга рукой подать. Что мужикъ въ недѣлю наработаетъ, тотчасъ на пристань везетъ, а полѣнился — на сосѣдній базаръ. Большихъ барышей ему не нажить; и за Волгой не всякъ въ тысячники лѣзетъ, зато, какъ ни плоха работа, какъ работнику въ семьѣ ни мало, заволжанинъ вѣкъ свой сыгъ, одѣтъ, обуть, и податныя за нимъ не стоятъ. Чего-жъ еще?.. И за то слава Тѣ, Господи!.. Не всѣмъ же въ золотѣ ходить, въ рукахъ серебро носить, хоть и каждому русскому человѣку такую судьбу мамки да няньки наивѣвають, когда еще онъ въ колыбели лежитъ.

Немало за Волгой и тысячниковъ. И даже очень немало. Плохо про нихъ знаютъ по дальнимъ мѣстамъ потому, что заволжанинъ про себя не кричитъ, а если деньжонокъ малу толику сконить, не въ банкъ кладетъ ее. не въ акціи, а въ родительску кубышку, да въ подпольѣ и зароетъ. Милліонниковъ за Волгой нѣтъ, тысячниковъ много. Они по Волгѣ своими пароходами ходятъ, на своихъ паровыхъ мельницахъ сотни тысячъ четвертей хлѣба перемалываютъ. Много за Волгой такихъ, чтѣ десятками тысячъ капиталы считаютъ. Они больше скужкой «горящины» **) да деревянной посуды промышляютъ. Накупятъ того, другого у сосѣдей да и плавятъ

*) «Горамъ» зовутъ правую сторону Волги.

**) Горящиной называется крупный щепной товаръ: обручи, дуги, лопаты, оглобли и т. п.

весной въ Понизовье. Барыши хорошіе! На иныхъ акціяхъ, пожалуй, столько не получишь.

Одинъ изъ самыхъ крупныхъ «тысячниковъ» жилъ за Волгой въ деревнѣ Осиповкѣ. Звали его Патапомъ Максимычемъ, прозывали Чапуринымъ. И отецъ такъ звался и дѣдушка. За Волгой и у крестьянъ родовыя прозванья ведутся, и даже свои родословныя есть, хотя ни въ шестыхъ ни въ другихъ книгахъ онѣ и не писаны. Край старорусскій, кондовыи, коренной, тамъ родословныя прозвища встарь бывали и теперъ въ обиходѣ.

Большой, недавно построенный домъ Чапурина стоялъ середь небольшой дереvушки. Домъ въ два жилья, съ лѣтней свѣтлицей на вышкѣ, съ четырьмя боковушами, двумя свѣтлицами по сторонамъ, съ моленной въ особой горницѣ. Ставленъ на каменномъ фундаментѣ, окна створчатыя, стекла чистыя, бѣлыя, въ каждомъ окнѣ занавѣска миткалевая съ красной бумажной бахромкой. На улицу шесть оконъ выходило. Бревна лицевой стѣны охрой на олифѣ крашены, крыша краснымъ червлякомъ. На свѣсахъ ея и надъ окнами узорчатая прорѣзь выдѣлана, на воротахъ двѣ маленькія расшивы и одинъ пароходъ ради красы поставлены. Въ домѣ прибрано все на купецкую руку. Полъ крашеный, — олифа своя, не занимать стать; печи-голандки кафельныя съ горячими лежанками; по стѣнамъ, въ рамкахъ краснаго дерева, два зеркала да съ полдюжины картинъ за стекломъ повѣшено. Стулья и огромный диванъ краснаго дерева крыты малиновымъ триломъ, три кѣтки съ канарейками у оконъ, а въ углу заботливо укрыты платками кѣтки: тамъ курскіе пѣвунны — соловьи; до нихъ хозяинъ охотникъ, денегъ за нихъ не жалѣеть.

По краямъ дома пристроены свѣтелки. Тамъ хозяйскія дочери проживали, молодыя дѣвушки. Въ передней половинѣ горница хозяина была, въ задней моленная съ иконостасомъ въ три тябла. Канонница съ Керженца при той моленной жила, по родителямъ «негасимую» читала. Внизу стряпушая, подкѣтъ да покои работниковъ и работницъ.

У Патапа Максимыча по рѣчкамъ Шиншикѣ и Чернушкѣ восемь токаренъ стояло. Посуду круглую: чашки, плошки, блюда, въ Заволжѣ на станкахъ точатъ — одинъ работникъ колесо вертитъ, другой тѣчитъ. Къ такому станку много рукъ надо, но смышленный заволжанинъ придумалъ, какъ дѣлу помочь. Его сторона мѣсто ровное, лѣсное, болотное, рѣчекъ многое множество. Большихъ нѣтъ, да нѣтъ и такихъ, что «на Горахъ» водятся: весной корабли пускай, въ межень ку-

рица не напыется. Въ песчаныхъ ложахъ заволжскихъ рѣчекъ воды круглый годъ вдѣсталь; есть такія, что зимой не мерзнутъ: лѣтомъ въ нихъ вода студеная, рука не терпитъ, зимой паръ отъ нея. На такихъ-то рѣчкахъ и построили заволжскіе мужики токаренъ: поставитъ у воды избенку вѣнцовъ въ пять, въ шесть, запрудитъ рѣчку, водливное колесо приладитъ, приводъ веревочный пристегнетъ, и вертитъ себѣ такая меленка три-четыре токарныхъ станка заразъ. Работа неврима въ спорѣ. Такихъ токаренъ у осиповскаго «тысячника» было восемь, на нихъ тридцать станковъ стояло; да кромѣ того, дома у него, въ Осиповкѣ, десятка полтора ручныхъ станковъ работало. Была своя красильная посуда красить, на пять печей; чуть не круглый годъ дѣло дѣлала. Работниковъ по сороку и больше Патапъ Максимычъ держалъ да по деревнямъ еще скупалъ крашную и некрашную посуду. Горящиной самъ въ Городцѣ торговалъ. Двѣ крупчатки у него въ Красной Рамени было, одна о восьми, другая о шести поставахъ. Расшивы свои по Волгѣ ходили, изъ Балакова да изъ Новодѣвичья ишеницу возили, на краснораменскихъ крупчаткахъ Чапуринъ ее перемалывалъ. Мукѣй въ Верховѣ онъ торговалъ: славная мукѣ у него бывала — чистая ровно пухъ; покупатели много довольны ей оставались.

У Макарья Патапъ Максимычъ двѣ лавки снималъ, одну въ щеляномъ, другую въ мучномъ ряду. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ онъ каждый годъ выправляетъ торговое свидѣтельство и давно слыветъ «тысячникомъ». Денегъ въ мошнѣ у него никто не считалъ, а намолвка въ народѣ ходила, что не одна сотня тысячъ есть у него. И въ казенны подряды пускался Чапуринъ, но большого припену отъ нихъ не видалъ. Говаривалъ подчасъ пріятелямъ: «радъ бы, бросилъ окаянны эти подряды, да больно ужъ я затянулся; а помнрать Богъ приведетъ, крѣико-накрѣико дочерямъ закажу, ни впредь ни послѣ съ казной не вязались бы, а то не будь на нихъ родительскаго моего благословенья».

Почетъ Патапу Максимычу ото всѣхъ былъ великій. По Заволжью никто его безъ поклона не миновалъ; окольные мужики, у которыхъ Чапуринъ посуду скупалъ, въ глаза и за глаза звали его: «нашъ хозяинъ». Довѣріе имѣлъ не въ одномъ крестьянствѣ, но и въ купеческомъ обществѣ. Да вотъ какой случай разъ приключился. Мостилъ Чапуринъ въ городѣ мостовую, подрядъ немалый, одного залога десять тысячъ было представлено имъ. Коячилъ работу, сдалъ какъ слѣдуетъ и поѣхалъ въ городъ заработанную плату да залого

получать. Дорогой узнаётъ, что на завтра торги на перевозку казенной соли въ Рыбинскъ назначены. Посчиталъ - посчиталъ, раскинулъ умомъ-разумомъ, видитъ — подставка будетъ съ руки: расшива безъ дѣла, бурлаки недороги, паводокъ девять четвертей. Пріѣхалъ въ городъ, прямо на торги. Соляные чиновники такъ и ахнули, увидавъ Патапа Максимыча, — знали его. «Вотъ чортъ принесъ незваного-непропѣнаго», — тихонько межъ собой поговариваютъ, — а дѣло-то у нихъ съ другими было полагено. Провѣдали однакожь соляные, что денегъ у Чапурина въ наличности нѣтъ, упростили пріятелей въ строительной комиссіи залоговъ ему не выдавать, пока на соль переторжка не кончится. Пошли въ строительной водить Патапа Максимыча за носъ, водять день, водить другой: ни отказа ни приказа: «завтра да завтра, то да сѣ, подожди да повремени; надо въ ту книгу вписать да изъ того стола справку забрать». Извѣстно дѣло!. Чапурину невтерпежь... Дотянули строительные до того, что часъ одинъ до переторжки остается, а денегъ не выдаютъ. Смекнулъ Чапуринъ каверзы; видитъ, хотять его въ дураки оплести. «Такъ врешь же, баринъ, — думаетъ себѣ: — ты у меня погоди». Да, отвѣсивъ поклонъ строительнымъ, вонъ изъ присутствія. Тѣ: «куда, да зачѣмъ, да постой»; а онъ ломитъ себѣ, да прямо въ гостиный дворъ. Тамъ короткой рѣчью сказалъ рядовичамъ, въ чемъ дѣло, да, рассказавши, снялъ шапку, посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны и молвилъ: «порадѣйте, господа купцы, выручите!» Получаса не прошло, семь тысячъ въ шапку ему накидали. — «Будеть, будетъ!.. — кричить Патапъ Максимычъ: — спаси васъ Христось». Духу не перевода, поскакалъ на переторжку. Тамъ ему первымъ словомъ:

— Залогн?

— Вотъ они! — молвилъ Патапъ Максимычъ.

Отдалъ деньги и пошелъ цѣну сносить. Снесъ чуть не половину, а четыре копейки нажилъ на рубль. Очень недвольны соляные остались.

Патапъ Максимычъ съ семьей старинки придерживался, раскольниковъ, но закоснѣлымъ изувѣромъ никогда не бывалъ. Не держался правила: «съ бритоусомъ, съ табачникомъ, щепотникомъ и со всякимъ скѣбленнымъ рыломъ не молись, не водись, не дружись, не бранись». И раскольниковъ-то Патапъ Максимычъ потому больше, что за Волгой издавна такой обычай велся, отъ людей отставать ему не приходилось. При томъ же у него расколомъ дружба и знакомство съ богатыми купцами держались, кредита отъ раскола больше было. Да кромѣ того, во время отлучекъ изъ дому, по чужимъ мѣстамъ

жить въ раскольничьихъ домахъ бывало ему привольнѣй и спокойнѣй. На Низъ ли поѣдетъ, въ верховы ли города, въ Москву ли, въ Питеръ ли, вездѣ и къ мало знакомому раскольнику идетъ онъ, какъ къ родному. Всячески его успокоятъ, все приберегутъ, все сохранятъ и всемъ угодятъ. И то льстило Патапу Максимычу, что послѣ родителя былъ онъ попечителемъ Городецкой часовни, да не такимъ, что только по книгамъ значится, для видимости полиціи, а «истовымъ», кореннымъ. Отъ часовеннаго общества за то ему почетъ былъ великій. А почетъ Чапурнѣ любилъ.

Семья была у него небольшая, самъ съ женой да двѣ дочери. Богоданная дочка была еще, Груня-сиротка, сызмальства Чапуринымъ прирѣнная — та ужъ замужъ выдана была въ деревню Вихорево за тысячника. Родныя дочери тоже на возрастѣ были: старшей, Настасьѣ, восемнадцать минуло, другая, Прасковья, годомъ была помоложе. Только-что воротились онѣ въ родительскій домъ отъ тетки родной, матери Манебы, игуменьи одной изъ Комаровскихъ обителей. Гостили дѣвушки у тетки безъ мала пять годовъ, обучались божественному писанію и скитскимъ рукодѣльямъ: бисерны лѣстовки вязать, шелковы кошельки да пояски ткать, по канвѣ шерстью да сипелью вышивать и всякому другому бѣлоручному мастерству. Отецъ «тысячникъ» выдастъ замужъ въ домъ богатые, не у квашии стоять, не у печки дѣвицамъ возиться, на то будутъ работницы; оттого на бѣлой работѣ да на книгахъ больше онѣ и сидѣли. Настя да Параша въ обители матушки Манебы и «Часовникъ» и всѣ двадцать каѳизмъ «Псалтыря» наизусть затвердили, отеческія книги читали бойко, безъ запинки, могли справлять уставную службу по «Миней Мѣсячной», пѣтъ по крюкамъ, даже «разводъ демественному и ключевому знамени» разумѣли. Выучились уставомъ писать и, живя въ скиту, немало «Цвѣтниковъ» да «Сборниковъ» переписали и передъ великими праздниками посылали ихъ родителямъ въ подаренье. А Натапъ Максимычъ любилъ надосугѣ душеспасительныхъ книгъ почитать, и куда какъ любо сердцу его родительскому перечитывать «Златоусту» и другія сказанья, съ золотомъ и киноварью переписанныя руками дочерей-мастерицъ. Какія «заставки» рисовала Настя въ зачалѣ «Цвѣтниковъ», какіе «финики» по бокамъ золотомъ выводила — любо-дорого посмотрѣты!

Настя съ Парашей, воротясь къ отцу, къ матери, расположились въ свѣтлицахъ своихъ, а разукрасить ихъ отецъ не поскупился. Вечеркомъ, какъ онѣ убрались, пришелъ къ дочерямъ Патапъ Максимычъ поглядѣть на ихъ новоселье и

взявъ рукописную тетрадку, лежавшую у Насти на столикѣ. Тутъ были «стихи объ Іоасафѣ царевичѣ», «объ Алексѣ Божьемъ человекѣ», «Древнянъ гробъ сосновый» и рядомъ съ этой псалмой «Похвала пустыни». Она начиналась словами:

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣсть.
Сколько горести напрасно
Я въ разлукѣ съ милымъ должна снести...

Перевернулъ Патапъ Максимычъ листокъ, тамъ другая псалма:

Сизенькій голубчикъ,
Армейскій поручикъ.

Поморщился Патапъ Максимычъ, сунулъ тетрадку въ карманъ и, ни слова не сказавъ дочерямъ, пошелъ въ свою горницу. Говорить женѣ:

— Ты, Аксинья, за дочерьми-то приглядывай.

— Чего за ними, Максимычъ, приглядывать? Дѣвки тихія, озорства никакого нѣтъ, — отвѣчала хозяйка, глядя удивленными глазами на мужа.

— Не про озорство говорю, — сказала Патапъ Максимычъ: — а про то, что дѣвки на возрастѣ, стало-быть, отъ грѣха на вершокъ.

— Чтò ты, Максимычъ! Бога не боишься, про родныхъ дочерей чтò говоришь! И въ головоньку имъ такого мотыжничества не приходило; птенчики еще, какъ есть слетышки!

— Гляди имъ въ зубы-то! Нашла слетышковъ! Настасья-то девятнадцатый годъ, глянь-ка ей въ глаза-то — такъ мужа и просятъ.

— Полно грѣшить-то, Максимычъ, — возвысила голосъ Аксинья Захаровна. — Чтòй-то ты? Родныхъ дочерей забивать!.. Кленлешь на дѣвку!.. Какой ей мужъ?.. Объ ничего-хонько прò эти дѣла не разумѣютъ.

— Держи карманъ!.. Не разумѣютъ!.. Въ Комаровѣ-то, поди, всякіе виды видали. Въ скитахъ завсегда грѣхъ со спасеньемъ по-сосѣдски живутъ.

— Да полно-жъ грѣшить-то тебѣ!.. — еще больше возвысила голосъ Аксинья Захаровна. — Какъ возможно про честныхъ старицъ такую рѣчь молвить? У матушки Манеѣ въ обители споконъ вѣку худого ничего не бывало!

— Много ты знаешь!.. А мы видали виды... Зачѣмъ исправникъ-отъ въ Комаровъ каждую недѣлю наѣзжаетъ... Даромъ, что ли?.. Въ Московкиной обители съ бѣлицами-то онъ отъ писанья, что ли, бесѣдуетъ?.. А Домиѣ головницѣ за что шел-

ковы платки дарить?.. А купчики московскіе зачѣмъ къ Глафиринымъ ѣздятъ?.. А?..

— Полно тебѣ, старый хрѣнъ, хульняя словеса нести, — съ озлобленемъ вскричала Акинья Захаровна. — Слушать-то грѣхъ!.. Совѣмъ обмірщился!.. Аль забылъ, что всяко праздно слово на послѣднемъ судѣ възыщется?.. Повелся съ табачниками-то!.. Вотъ и скружился. На святыхъ обители хулу нести!.. А?.. Бога-то, видно, въ тебѣ не стало... Знамо дѣло, зачѣмъ въ Комаровъ люди ѣздятъ: на могилку къ честному отцу Іонѣ отъ зубной скорби помолиться, на поклоненіе могилкѣ матушки Маргариты. Мало-ль въ Комаровѣ святыни!.. Ей христіане и пріѣзжаютъ поклоняться! А по лѣсу сколько святыхъ мѣстъ на старыхъ скитахъ, разоренныхъ?

— Ужъ исправникъ-отъ не тѣмъ ли святымъ мѣстамъ ѣздитъ поклоняться? — усмѣхаясь, спросилъ жену Патапъ Максимычъ. — Домашка головница, что ли, ему въ лѣсу-то каноны читаетъ?.. Аль за тѣ каноны Семень-отъ Петровичъ шелковы платки ей даритъ?

Не вытерпѣла Акинья Захаровна, плюнула и вонъ пошла. Сама за Чапурина изъ скитовъ «уходомъ» бѣжала, и къ келійникамъ сердце у ней лежало всегда.

Поспорь этакъ Акинья Захаровна съ сожителемъ о мірскомъ, былъ бы ей окрикъ, пожалуй, и волосникъ бы у пей Патапъ Максимычъ поправилъ. А насчетъ скитовъ да лѣсовъ и всего этакого духовнаго — статья иная, тутъ не мужъ, а жена голова. Тутъ Акиньиная воля; за хульняя словеса можетъ и лѣстовкой мужа отстегать.

Такъ изстари ведется. Расколъ бабами держится, и въ этомъ дѣлѣ баба голова, потому что въ какомъ-то писаніи сказано: «мужъ за жену не умолитъ, а жена за мужа умолитъ».

Сѣлъ за столъ Патапъ Максимычъ. Хотѣлъ счеты за годъ подводить, но счеты не шли на умъ. Про дочерей раздумывалъ.

«Хоть и жаль разставаться, а лучше къ мѣсту скорѣй, — думалъ онъ. — Дочь чужое сокровище: пон, корми, холь, разуму учи, потомъ въ чужи люди отдай. Лучше скорѣй тѣмъ дѣломъ повернуть. Для чего засиживаться?.. Миѣ же Данила Тихонычъ наемни насчетъ сына загадку загануль... Что-жъ?.. Домъ хорошій, люди богобоязные, достатокъ есть... Отчего не породниться?.. Настасья съ Прасковьей не безприданницы, съ радостью возьмутъ. Женихъ, кажись, малый складный: и рѣчисть и умень, дѣло изъ рукъ у него не валится... На Крещенскомъ базарѣ потолкуемъ и, Богъ дастъ, порѣшимъ... А долго дѣвокъ дома не держать... Долго-ль до грѣха?»

Глава вторая.

Вечеръ Крещенскаго сочельника ясный былъ и морозный. За околлицей Осиповки молодыя бабы и дѣвки собирали въ кринки чистый «крещенскій снѣжокъ» холсты бѣлиги да отъ сорока недуговъ лѣчить. Поглядывая на ярко блиставшія звѣзды, молодицы заключали, что новый годъ бѣлыхъ яркомъ породить, а дѣвушки межъ себя толковали: «звѣзды къ гороху горять да къ ягодамъ; вдоволь уродится, то-то загуляемъ въ лѣсахъ да въ горохахъ!»

Старыя старухи и пожилыя бабы домовничали; съ молитвой клали онѣ мѣломъ кресты надъ дверьми и надъ окнами ради отогнанія нечистаго и такую думу держали: «батюшка Никола милостивый, какъ бы къ утрею-то оттеплѣло, да туманъ бы палъ на святую Ердань, хлѣбушка бы тогда вдоволь намъ уродилось!» Мужики вкругъ лошадей возились: извѣстно, кто въ крещенскій сочельникъ у коня коныта почистить, у того конь весь годъ не будетъ хромать, и не случится съ нимъ иной болѣсти. Но, вѣря своей примѣтѣ, мужики не довѣряли бабьимъ обрядамъ и, ворча себѣ подъ носъ, копались середь дворовъ въ навозѣ, глядя, не осталось ли тамъ огня послѣ того, какъ съ вечера старухи пуки лучины тутъ жгли, чтобъ на томъ свѣтѣ родителямъ было теплѣ. Въ избахъ у краснаго угла толпились ребятишки. Притаивъ дыханье, глазъ не спускали они съ чашки, наполненной водою и поставленной у божницы; какъ наступитъ Христова Крещенье, сама собой вода колыхнѣтся, и небо растворится; глянь въ раскрытое на единъ мигъ небо и помолись Богу: чего у Него попросишь, все подастъ.

— Пусти насъ, мамынька, съ дѣвками снѣжокъ пополоть, — просилась меньшая дочь у Аксиньи Захаровны.

— Въ умѣ-ль ты, Паранька? — строго отвѣтила мать, набожно кладя надъ окнами мѣломъ кресты. — Приѣдетъ отецъ да узнаетъ, чтѣ тогда?

— Да вѣдь мы не однѣ! Всѣ дѣвицы за околлицей... И мы бы пошли, — замѣтила старшая, Настасья.

— Пушу я васъ ночью, съ дѣвками!.. Какъ же!.. Съ ума своротила, Настѣнка! Ваше-ль дѣло гулять за околлицей?

— Другія пошли же.

— Другія пошли, а вамъ не слѣдь. Худой славы, что ли, захотѣла?

— Какой же славы, мамынька? — приставала Параша.

— А вотъ какъ возьму лѣстовку да ради Христова праздника отстегаю тебя, — съ притворнымъ негодованьемъ

сказала Аксинья Захаровна: — такъ и будешь знать, какая слава!.. Ишь что вздумала!.. Пусти ихъ снѣгъ полоть за околицу!.. Да теперь, поди чай, парней-то туда что навалило: и своихъ, и изъ Шишинки, и изъ Назаровой!.. Долго-ль до грѣха?.. Дѣвки вы молодыя, дочери отецкія! слѣдъ ли вамъ по ночамъ хвосты мочить?

— Да пошли же другія, — настаивала Настя. Очень ей хотѣлось поиграть съ дѣвками за околицей.

— Коли пошли, такъ туда имъ и дорога, — отвѣтила мать. — А вамъ съ деревенскими дѣвками себя на ряду считать не доводится.

— Отчего-жь это, мамынька?.. Чѣмъ же мы лучше ихъ?.. — спросила Настасья.

— Тѣмъ и лучше, что хорошаго отца дочери, — сказала Аксинья Захаровна. — Связываться съ тѣми не слѣдъ. Сядьте-ка лучше да «Псалтирь» ради праздника Христова почитайте. Отецъ скоро съ базара пріѣдетъ, утреню будемъ стоять; помогли бы лучше Евпраксеюшкѣ моленну прибрать... Дѣло-то непримѣръ будетъ праведнѣе, чѣмъ за околицу бѣгать. Такъ-то.

— Да, мамынька... — заговорила-было Настя: — намъ бы съ дѣвушками посмѣяться, на морозцѣ поиграть.

— Сказано: не лущу, — крикнула Аксинья Захаровна. — Изъ головы выбрось снѣгъ полоть!.. Ступай, ступай въ моленну, прибирайте къ утренѣ!.. Эки безстыжія, эки вольныя стали — матери не слушаютъ!.. Итъ, дѣвки, приберу васъ къ рукамъ... Что выдумали! За околицу!.. Да отецъ-отъ съѣстъ меня, какъ узнаетъ, что я за околицу васъ ночью пустила... Пошли, пошли въ моленную!

Помялись дѣвушки и со слезами пошли въ моленную.

— Ишь что баловницы выдумали!.. — ворчала Аксинья Захаровна, оставшись одна и кладя мѣловые кресты надъ входами и выходами. — Ишь что выдумали — снѣгъ полоть!.. Статочно ли дѣло?.. Свѣдаютъ, что Патапа Максимыча дочери по ночамъ за околицу бѣгаютъ, что въ городѣ скажутъ по купечеству... Срамъ одинъ... Просто срамъ... Долго-ль дѣвкамъ навѣкъ ославиться?.. Много недобрыхъ-то людей... Какъ пить дадутъ — налетутъ, намочалаят невѣсть чего!.. И что имъ, глунымъ, захотѣлось за околицу?.. Чего не выдали?.. Снѣгъ полоть, холсты бѣлить!.. Да придется развѣ имъ холсты-то бѣлить?.. Слава Богу, всего припасено, не безприданницы... А теперь, поди, у дѣвокъ за околицей смѣху-то, балованья-то что!.. Была и я молода, хаживала и я подъ Крещенье снѣжокъ полоть... Точимъ балясы до вторыхъ пѣгуховъ; парни

придутъ съ балабайками... Прибаутками со смѣху такъ и морять... И чего-то, чего ни бывало!.. Охъ, согрѣшила я, грѣшница!.. А хочется дѣвонькамъ за околицу... Ну, да имъ нельзя, хорошаго отца дѣти; нельзя!.. Охъ, дѣвичья пора!.. Веселья все хочется, воли... Дѣвоньки, мои дѣвоньки!.. и пустила-бъ я васъ, да какъ самъ-отъ прѣдетъ, какъ самъ-отъ узнаеть... Тогда что?..

Въ то время гурьба молодежи валила мимо двора Патапа Максимыча съ кринками, полными набраннаго снѣга. Раздалась веселая пѣсня подъ окнами. Пѣли «авсень», величая хозяйскихъ дочерей:

Среди Москвы
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Вереи красны.
Ой Авсень, Таусень!

У Патапа на дворѣ,
У Максимыча въ дому
Два теремушка стоятъ,
Золотые терема.
Ой Авсень, Таусень!..

Какъ во тѣхъ во теремахъ
Красны дѣвицы сидятъ,
Свѣтъ душа Настасьюшка,
Свѣтъ душа Прасковьюшка.
Ой Авсень, Таусень!..

— О, чтобъ васъ тутъ, непутные!.. — вздрогнувъ отъ первыхъ звуковъ пѣсни, заворчала Аксинья Захаровна, хоть величанье дочерей и было ей по сердцу. По старому обычаю, это немалый почетъ. — О, чтобъ васъ тутъ!.. И святъ вечеръ не почитаютъ, грѣховодники... Вечоръ нечистаго изъ деревни гоняли, сегодня опять за пѣсни... Страху-то нѣтъ на васъ, окаянные!

Гурьба парней и дѣвокъ провалила. Какой-то отсталой хриплымъ, нестройнымъ голосомъ запѣлъ подъ окнами:

Я тетерьку гоню,
Полевую гоню;
Она подъ кустъ,
А я за хвостъ!
Авсень, Таусень!
Дома ли хозяйнѣ?

— Мать Пресвята Богородица! — всплеснувъ руками, воскликнула Аксинья Захаровна. — Микешка безпутный!.. Его голосъ!.. Господи! Да что-жъ это такое?..

Пьяный голосъ слышенъ былъ у воротъ. Кто-то стучался.

Сбѣжавъ въ подклѣтъ, Аксинья Захаровна наказывала работникамъ не пускать на дворъ Микешку.

— Хоть замерзни, въ домъ не пуцу. Не пуцу, не пуцу! — кричала она.

Заскрипѣлъ снѣгъ подъ полозьями. Стали сани у двора Патапа Максимыча.

— Пріѣхаль, — весело молвила Аксинья Захаровна и засуетилась. — Матренушка, Матренушка! собирай поскорѣй самоварчикъ!.. Патапъ Максимычъ пріѣхаль!

Въ горницу хозяйинъ вошелъ. Жена торопливо стала распоясывать кушакъ, повязанный по его лисьей шубѣ. Прибѣжала Настя, стала отряхать зандивѣлую отцовскую шапку, межъ тѣмъ Параша снимала вязанный изъ шерсти шарфъ съ шеи Патапа Максимыча. Ровно кошечки, ластились къ отцу дочери, спрашивали:

— Привезъ гостинцу съ базару, тятенька?

— Тебѣ, Параня, два привезъ, — шутиль Патапъ Максимычъ: — одну плетку ременную, другу шелковую... Котору прежде пробовать?

— Нѣтъ, тятенька, ты не шути, ты правду скажи.

— Правду и говорю, — отвѣчалъ, улыбаясь, отецъ. — А ты, Параня, пока плеткой я тебя не отхлысталъ, поди-ка вели работницѣ чайку собрать!

— Сказано, ужъ сказано, — перебила Аксинья Захаровна и пошла-было въ угловую горницу.

— Ты, Аксинья, погоди, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Руки у тебя чисты?

— Чисты. А что?

— То-то. На, прими, — сказалъ онъ, подавая женѣ закрытый буракъ, но, увидя входившую ключницу, отдалъ ей, примолвивъ: — Ей лучше принять, она святъ человекъ. Возьми-ка, Евпраксеюшка, воду богоявленскую.

Аксинья Захаровна съ дочерью и канонница Евпраксія съ утра не ѣли, дожидаясь святой воды. Положили началъ, прочитали тропарь и, наливъ въ чайную чашку воды, испили понемножку. Послѣ того Евпраксія, еще три раза перекрестясь, взяла буракъ и понесла въ моленну.

— Въ часовнѣ аль на дому у кого воду-то святили? — сядя на диванъ, спросила у мужа Аксинья Захаровна.

— У Михайлы Петровича у Галкина, въ деревнѣ Столбовой, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Кто святилъ? Отецъ Аѳанасій, что ли? — спросила Аксинья Захаровна.

— Изъ острога, что ли, придетъ? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Чай, не пустятъ!.. Новый попъ святилъ.

— Какой же новый попъ? — съ любонитетвомъ спросила Аксинья Захаровна.

— Матвѣя Корягу знаешь?

— Какъ не знать Матвѣя Корягу? Начитанный старикъ, силу въ писанинѣ знаетъ.

— Опъ самый и святиль.

— Какъ же святить ему, Максимычъ? — съ удивленьемъ спросила Аксинья Захаровна.

— Какъ святятъ, такъ и святиль. На Николинъ день Коряга въ попы поставленъ. Великимъ постомъ, пожалуй, и къ намъ прѣдетъ... «Исправляться» у Коряги станемъ, въ моленной обѣдню отслужить, — съ легкой усмѣшкой говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Ума не приложу, Максимычъ, что ты говоришь. Право, ужъ я и не знаю, — разводя руками и вставая съ дивана, сказала Аксинья Захаровна. — Кто-жъ это Корягу въ попыто поставилъ?

— Епископъ. Развѣ не слыхала, что у насъ свои архіереи заведлись? — сказала Патапъ Максимычъ.

— Австрійскіе-то, что ли? Сумнительны они, Максимычъ. Обливанцы, слышь, — молвила Аксинья Захаровна.

— Пустого не мели. Ты, что ли, ихъ обливала?.. — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— У насъ, въ Комаровѣ, ниня обители австрійскихъ готовы принять, — вмѣшалась въ разговоръ Настя: — Глафирины только сумнѣваются, да еще Игнатьевы, Аноисины, Трифинины, а другія обители всѣ готовы принять, и Оленевскія, и въ Улангерѣ, и въ Чернухѣ — вездѣ, вездѣ по скитамъ.

— Изъ Москвы, изъ Хвалыни, изъ Казани ишутъ про епископа, что онъ какъ есть совсѣмъ правильный, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Всѣ мои покупатели ему послѣдуютъ. Не ссориться съ ними изъ-за такихъ пустяковъ... Какъ они, такъ и мы. А что есть у иныхъ сумнѣніе, такъ это правда, точно есть. И въ Городцѣ не хотятъ Матвѣя въ часовню пускать, зазоренъ, дескать, за деньги что хочешь сдѣлаешь. Про епископа Софронія то же толкуютъ... Кто ихъ разбереть?.. Ну ихъ къ Богу — чайку бы поскорѣй...

Какъ утка переваливаясь, толстая работница Матрена втащила ведерный самоваръ и поставила его на прибранный Настей и Парашей столъ. Семья усѣлась чайничать. Позвали и канонницу Евпраксию. Пили чай съ изюмомъ, потому что сочельникъ, а сахаръ скороменъ: въ него-де кровь бычачью кладутъ.

Патапъ Максимычъ дѣла свои на базарѣ кончилъ ладно. Новый заказъ, и большой заказъ, на посуду онъ получилъ,

чтобъ къ веснѣ непременно выставить на пристань тысячу на пять рублей посуды, кромѣ прежде заказанной; долгъ ему отдали, про который и думать забылъ; письма изъ Балакова получилъ: приказчикъ тамъ сходно пшеницу купилъ, будутъ барыши хорошіе; вечерню выстоялъ, новаго попа въ служеніи видѣлъ; со Снѣжковымъ встрѣтился, насчетъ Настинной судьбы толковалъ; дѣло, почитай, совсѣмъ порѣшили. Такой ладный денекъ выпалъ, что рѣдко бываетъ.

Удачно проведя день, Чапуринъ былъ въ духѣ и за чаемъ шутики шутилъ съ домашними. По этому одному видно было, что съѣздивъ онъ по-добру по-здорову, на базарѣ сдѣлалъ оборотъ хорошій, и все у него клеилось, шло какъ по маслу.

— Ты, Аксинья, къ себѣ на именины жди дорогихъ гостей. Обѣщались пироги ѣсть у именинницы.

— Кого звалъ? — вскинувъ на мужа глазами, спросила Аксинья Захаровна.

— Скорняковъ Михайла Васильичъ съ хозяйкой обѣщались, кумъ Иванъ Григорыичъ съ Груней, Данила Тихонычъ съ сыномъ, Снѣжковъ прозывается.

— Не знаю такого. Чтò за Снѣжковъ? — сказала Аксинья Захаровна.

— Не знала, такъ узнаешь, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Приятель мой, дружище, одно дѣльце съ нимъ заведено: подай Господи хорошаго совершенья.

— Откуда самъ-отъ?

— Самарскій... Мужикъ богатый: свои гурты изъ стѣпи гоняетъ, салотопленный заводъ у него въ Самарѣ большущій, въ Питеръ сало поставляетъ. Капиталу ста четыре тысячь цѣлковыхъ, а не то и больше; купецъ, съ медалью; хорошій человекъ. Сегодня вмѣстѣ и вечерню стояли.

— Такъ онъ изъ нашихъ, изъ христіанъ? — спросила Аксинья Захаровна.

— Извѣстно. Чужого развѣ пустилъ бы Михаилъ Петровичъ на освященіе воды? Старинные старообрядцы: и дѣды и прадѣды жили по древнему благочестію... Съ сыномъ Данила Тихонычъ пріѣдетъ; сынъ парень умный, изъ себя видный, двадцать другой годъ только пошелъ, а отцу ужъ помощь большая. Вотъ и теперь посылаетъ его въ Питеръ по салу, недѣли черезъ двѣ воротится, какъ разъ къ твоимъ именинамъ. Хорошенько надо изготovitъся; не ударь лицомъ въ грязь на угощеніи. Ну-ка, дѣвки-грамотейницы, книжныя келейницы, смекните, въ какой день материны именины придутся? Въ скоромный, аль въ постный?

— Хоть въ среду, да на сплошной, — отвѣтила Настя.

— Ну, и ладно. Мяснымъ, стало-быть, потчевать станемъ. А рыбки все-таки надо подать. Безъ рыбы нельзя. Изъ скитовъ ждешь кого?

— Матушка Манеѳа обѣщалась, — отвѣтила Аксинья Захаровна.

— Значитъ, и мясное надо и рыбное. Стряпка одна не управится? Пошли въ Ключову за Никитичной, знатно стряпаетъ, чѣмъ твой Московскій трактиръ. Подруги, чай, тоже прѣдутъ изъ Комарова къ дѣвкамъ-то?

— Марья Гавриловна обѣщалась, — сказала Аксинья Захаровна: — да еще Фленушка.

— Эту бы, пожалуй, и не надо. Больно озорна.

— Ахъ, тятенька, чѣмъ это ты? Фленушка дѣвица во всемъ самая распрекрасная, — вступилась за пріятельницу Настя.

— Ладно, знаемъ и мы что-нибудь, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Слухомъ земля полнится.

— Полно, батька, постыдись, — вступилась Аксинья Захаровна. — Про Фленушку ничего худого не слышно. Да и стала бы развѣ матушка Манеѳа съ недоброй славой ее въ такой любви, въ такомъ приближеніи держать? Мало-ль чего ни мелютъ пустые языки! Всѣхъ рѣчей не переслушаешь; а тебѣ, старому человѣку, дѣвицу обижать грѣхъ: у самой дочери растутъ.

— Да я ничего, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Пусть ее прѣзжаетъ. Только ужъ, споръ ты, Аксинья, не споръ, — а келейницей Фленушка не глядитъ.

— А по-твоему дѣвицамъ бирюкомъ надо глядѣть, слова ни съ кѣмъ не смѣть вымолвить? Чай вѣдь и онѣ тоже живой человѣкъ, не деревянные, — вступилась Аксинья Захаровна.

— Ну, ты ужъ зачнешь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Дай только волю. Лучше-бъ еще по чашечкѣ налила.

— Кушай, батюшка, на здоровье, кушай, воды въ самоварѣ много. Свѣженькаго не засыпать ли? — молвила Аксинья Захаровна.

— Засыпь, пожалуй, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А къ именинамъ надо будетъ въ городѣ цвѣточнаго взять, рублей этакъ отъ шести. Важный чай!

— Отъ ярманки шестирублеваго-то осталось, — сказала Аксинья Захаровна.

— Свѣжаго купимъ. Гости хорошіе, надо, чтобъ все по гостямъ было. Таковы у насъ съ тобой, Аксинья, будутъ гости, что не токмо цвѣточнаго чаю, дѣтища родного для нихъ не пожалѣю. Любую дѣвку отдамъ! Вотъ оно какъ!

Дѣвушки переглянулись межъ собой и съ матерью. Канонница глаза потушила.

— Ужъ что ни скажешь ты, Максимычъ, — сказала Акси́нья Захаровна. — Про родныхъ дочерей неподобныя слова говоришь! Бога-то побоялся бы да людей постыдился бы.

— Что сказалъ, то и сдѣлаю, когда захочу, — рѣшительно молвилъ Патапъ Максимычъ. — Перечить мнѣ не смѣетъ никто.

Настя, ласкаясь къ отцу, съ притворнымъ страхомъ спросила:

— Что-жь ты съ нами подѣлаешь, тятенька?

— Тебя сжарить велю, — сказалъ, смѣясь, Патапъ Максимычъ: — а Параша тебя пожирнѣй, ее во щи. И стану вами гостей угощать!

— Пожалѣешь, тятенька, не изжаришь.

— А вотъ увидишь.

— Полно-ка вамъ вздоръ-отъ молоть, — принимаясь убирать чайную посуду, сказала Акси́нья Захаровна. — Не пора ли начинать утрению? Ты бы, Евпраксеюшка, зажигала покаместъ свѣчи въ моленной-то. А вы, дѣвицы, ступайте-ка, помогите ей.

Канонница съ хозяйскими дочерьми вышла. Акси́нья Захаровна мыла и прибирала чашки. Патапъ Максимычъ началъ ходить взадъ и впередъ по горницѣ, заложивъ руки за спину.

— Братецъ-отъ любезный, Никифоръ-отъ Захарычъ, опять въ нашихъ мѣстахъ объявился, — сказалъ онъ вполголоса.

— Объявился, батюшка, Патапъ Максимычъ, точно что объявился, — горькимъ голосомъ отвѣтила Акси́нья Захаровна. — Слышала я давеча подъ окнами голосъ его непутный... Охъ, грѣхи, грѣхи мои!.. — продолжала она, вскидывая на мужа полные слезами глаза.

— Пѣснями у воротъ меня встрѣтилъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Кому сочельникъ, а ему все еще Святки.

— И не говори, батюшка!.. Что мнѣ съ нимъ дѣлать-то?.. Ума не приложу... Не братъ, а врагъ онъ мнѣ... Вѣкъ бы его не видала. Околѣлъ бы гдѣ-нибудь, прости Господи, подъ оврагомъ.

— Пустого не мели, — отрѣзалъ Патапъ Максимычъ. — Мало пути въ Никифорѣ, а пожалуй, и вовсе нѣтъ, да все же тебѣ братъ. Своя кровь — изъ роду не выкинешь.

— Охъ, ужъ эта родня!.. Одна сухота, — плачущимъ голосомъ говорила Акси́нья Захаровна. — Навязался мнѣ на шею!.. Одна остуда въ домѣ. Хотъ бы ты его хорошенько поначалилъ, Максимычъ.

— Не училъ отецъ смѣлоду, зятю не научить, какъ въ коломенску версту онъ вытянулся, — сказалъ на то Патапъ Максимычъ. — Мало я возился съ нимъ? Ну, да что поминать про старое? Приглядывать только надо, опять бы чего въ кабакъ со двора не стащилъ.

— Батюшка ты мой!.. Сама буду глядѣть и работникамъ закажу, чтобъ глядѣли, — вопила Аксинья Захаровна. — А ужь лучше бы, кормилецъ, заказалъ ты ему путь къ нашему дому. Иди, молъ, откуда пришелъ.

— Не дѣло говоришь, Захаровна. Великъ передъ Богомъ грѣхъ родного человѣка изъ дому выгнать, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Отъ людей зазорно, роду-племени покорь! У добрыхъ людей такъ не водится. Слава Богу, насъ не объѣсть. Лишь бы не дурилъ да хмельнымъ дѣломъ поменьше зашибался. Парень онъ не дуракъ, руки золотыя, рыло-то на бѣду погано. По нашимъ мѣстамъ, думаю я, Никифору въ жизнь не справиться, славы много; одно то, что «волкомъ» былъ; всѣ знаютъ его вдоль и поперекъ, ни отъ кого вѣри нѣтъ ему на полушку. А вотъ послушай-ка, Аксинья, чтѣ я вздумалъ: сегодня у меня на базарѣ дѣльце выгорѣло — пшеницу на Низу въ годы беру, землю, то-есть, казенную на сроки хочу напимать. Старые пріятели Зубковы сняли на годы въ Узеняхъ казенны земли, пшеницу сѣять. Набрали дѣла черезъ силу; хочу я у нихъ хутора два годовъ на шесть взять. По веснѣ, пожалуй, самому силъ туда придется, осмотрѣть все, хозяйство завести. Кого приказчикомъ послать — придумано. У того приказчика на другомъ хуторѣ будетъ ему подначальный. И пало мнѣ на умъ: въ подначальнике-то Никифора. Отъ того хутора, гдѣ думаю посадить его, кабака кругомъ верстѣ на сорокъ нѣтъ. А Никифоръ, какъ не пьетъ, золото. Такъ я и рѣшилъ его въ Узени. Чтѣ скажешь на это?

— Чтѣ тебѣ, Максимычъ, слушать глушныя рѣчи мои? — молвила на то Аксинья Захаровна. — Ты голова. Знаю, что ради меня, не ради его, непутнаго, Микешку жалѣешь. Да сколь же еще изъ-за него, поскуднаго, мнѣ слезъ принимать, глядя на твои къ нему милости? Ничто ему, пьяницѣ, ни въ прокъ ни въ толкъ пойдетъ. Совсѣмъ, отябой, сбился съ пути. Охъ, Патапушка, голубчикъ ты мой, кормилецъ ты нашъ, не кори за Микешку меня горемычную. Возрадовалась бы я, во гробу его видючи, въ бѣломъ саванѣ...

— Нишкни. Пустыхъ рѣчей не умножай. Грѣхъ! Кто тебя, глупую, коритъ? — такъ заговорилъ Патапъ Максимычъ. — Эхъ, Аксинья, Аксиньюшка! Не знаешь развѣ, что за брата сестра не отвѣтчица?.. Хоть и пьяница Никифоръ, хоть и воромъ приличился, хоть «волкомъ» по деревнямъ водили его, все же онъ тебѣ братъ. Чтѣ ни дѣлай, изъ родни не выкинешь. Значитъ, не чужу остуду на себя беру, своего рода сухоту на плеча кладу. Лишняго толковать нечего, пошлемъ его въ Узени. Все хорошей рукой облажу; и толковать про то больше

не станемъ... А я тебѣ, Аксиньюшка, вотъ какое еще слово молвию: недаромъ дѣвкамъ-то загадку я заганулъ, что ради гостя дорогого любой изъ нихъ не пожалѣю. Съ Данилой Тихонычемъ Снѣжковымъ мы совсѣмъ, почитаѣй, рѣшили.

— Чтѣ рѣшили? — спросила Аксинья Захаровна, пристально глядя на мужа.

Онъ остановился передъ ней у стола и сказалъ:

— Насчетъ судьбы Настинной.

У Аксиньи руки опустились. Жаль ей было разставаться съ дочерями, и не разъ говорила она мужу, что Настя съ Парашей не перестарки, годика три-четыре могутъ еще въ дѣвкахъ посидѣть.

— Не раненько-ль задумалъ, Максимычъ? — сказала. — Надоѣла что-ль тебѣ Настасья, али обѣѣла настъ?

— Пустого не говори, а что не рано я дѣло задумалъ, такъ помни, что дѣвкѣ пошелъ девятнадцатый, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Пожалѣй ты ее голубушку, — молвила Аксинья Захаровна.

— Чего жалѣть-то! Худа, что ли, отецъ-отъ ей хочеть? — рѣзко и громко сказалъ Патапъ Максимычъ. — Слушай: у Данилы Тихоныча четыреста тысячъ на серебро капиталу, опричь домовъ, заводовъ и пароходовъ. Два сына у него да три ли, четыре ли дочери, двѣ-то замужемъ за казанскими купцами, за богатыми. Старшему сыну Михайлѣ Данилычу, жениху-то, отецъ капиталъ отдѣляетъ и домъ даетъ, хочешь — съ отцомъ живи, хочешь — свое хозяйство правь. Стало-быть, Настасья ни свекрови со свекромъ, ни золовокъ съ деверьями бояться нечего. Захочеть, сама себѣ хозяйкой заживеть. А Михайла Данилычъ — парень добрый, разсудливый, смысленный, хмелемъ не зашибается, художествъ никакихъ за нимъ нѣтъ. А изъ себя видный, шадровить маленько, оспа побила, да съ мужнина лица Настасья не воду пить: мужъ-отъ приглядится, Богъ дастъ, какъ поживеть съ нимъ годикъ-другой...

— Охъ, батюшка, Патапъ Максимычъ, повремени хоть маленько, — твердила свое Аксинья Захаровна. — Скорбно мнѣ разставаться съ Настенкой. Повремени, кормилецъ!

— И повременю, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Въ нынѣшнемъ мясоѣдѣ свадьбы сыграть не успѣть, а съ весны во все лѣто, до осенней Казанской, Снѣжковымъ некогда, да и мнѣ недосугъ. Раньше Михайлова дня свадьбы сыграть нельзя, а это чуть не черезъ годъ.

— Такъ зачѣмъ же сговоромъ-то торопиться! Время бы не ушло, — сказала Аксинья Захаровна.

— Кто тебѣ про сговоръ сказалъ? — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — И на разумъ мнѣ того не приходило. Приѣдутъ въ гости къ именинницѣ — вотъ и все. Ни смотришь ни сговора не будетъ; и про то, чтобъ невѣсту пропечь, не будетъ рѣчи. Поглядятъ другъ на дружку, повидаются, поговорятъ кой-о-чемъ и ознакомятся, оно все-таки лучше. Ты покамѣсть Настасьѣ ничего не говори.

Узнавъ, что не близка разлука съ дочерью, Аксинья Захаровна успокоилась и, прибравъ чайную посуду, пошла въ молельную утреню слушать.

Патапъ Максимычъ взялъ счеты и долго клалъ на нихъ.

«Работниковъ пятнадцать надо припаять, а то не упрямишься», — подумалъ онъ, кладя на полку счеты.

Потомъ взялъ свѣчу и пошелъ на заднюю половину Богу молиться. Едва вышелъ въ сѣни, повалился ему въ ноги какой-то человѣкъ.

— Не оставь ты меня, поскуднаго, отеческой своей милостью, батюшка ты мой Патапъ Максимычъ!.. Какъ Богъ, такъ и ты—дай теплый уголь, дай кусокъ хлѣба!..— Такъ говорилъ тотъ человѣкъ хриплымъ голосомъ.

Онъ былъ въ оборванной шубенкѣ, въ истоптанныхъ валенкахъ, голова вклочена.

— Встань, Никифоръ, встань! Полно валяться, — строго сказалъ ему Патапъ Максимычъ.

Никифоръ поднялся. Красное отъ пьянства лицо было все въ синякахъ.

— Гдѣ, непутный, шатался? — спросилъ Чапуринъ.

— Гдѣ ночь, гдѣ день, батюшка Патапъ Максимычъ, и самъ не помню, — отвѣчалъ Никифоръ.

— Ахъ, ты, непутный, непутный! — качая головой, укорялъ шуринъ Патапъ Максимычъ. — Гляди-ка, рожу-то тебѣ какъ отдѣлали!.. Ступай, проспись!.. Изъ дому не гоню съ уговоромъ: брось ты, пустой человѣкъ, это проклятое винище, будь ты хорошимъ человѣкомъ.

— Кину, батюшка Патапъ Максимычъ, кину, безпремѣнно кину, — сталъ увѣрять зятя Никифоръ. — Зарокъ дамъ!.. Не оставь только меня своей милостью. Чего вѣдь я ни натерпѣлся — и холодно... и голодно...

— Ладно, хорошо. Ступай покамѣсть въ подклѣтъ, проспись хорошенько, завтра приходи — потолкуемъ. Можетъ стать, пригодиться, — молвилъ Чапуринъ.

— Радъ тебѣ по гробъ жизни служить, кормилецъ ты мой!.. — заплакалъ Никифоръ. — Только вотъ сестра-лиходѣйка!.. Заѣсть меня...

— Ну, ступай, ступай — просппись... Да ступай же!.. — прикрикнулъ Патапъ Максимычъ, замѣтивъ, что Никифоръ и не думаетъ выходить изъ сѣней.

Мыча что-то подъ ность, слегка покачиваясь, пошелъ Никифоръ въ подклѣтъ, а Патапъ Максимычъ въ моленну къ богоявленской заутренѣ. За нимъ туда же пошли жившіе у него работники и работницы, потомъ старики со старухами, да изъ молодыхъ богомольные. Сошлись они изъ Осиповки и сосѣднихъ деревень. Чапуринъ на большіе праздники пускалъ къ себѣ въ моленну и постороннихъ. На то онъ попечитель Городецкой часовни, значить, ревнитель. Когда собрались богомольцы и канонница, замолитвовавъ, стала съ хозяйскими дочерьми править по «Миней» утреню, Аксиныя Захаровна торопливо вышла изъ моленной и въ сѣняхъ, подозвавъ дюжаго работника старика Пантелея, что смотрѣлъ за дворомъ и за всѣми живущими по найму, — тревожно спросила его:

— Заперъ ли, Пантелеюшка, ворѣта-то? Поставилъ ли на задахъ караульныхъ-то?

— Не безпокойся, матушка, Аксиныя Захаровна, — отвѣчалъ Пантелей. — Все сдѣлано, какъ слѣдуетъ — не впервые. Слава Тѣ, Господи, пятнадцать лѣтъ живу у вашей милости, порядки знаю. Да и бояться теерь, матушка, нечего. Кто посмѣетъ тревожить хозяина, коли самъ губернаторъ знаетъ его?

— Не говори, Пантелеюшка, — возразила Аксиныя Захаровна. — «Не надѣйтесь на князи и сыны челоѣческіе». Безпремѣнно надо стѣрожимъ быть... Долго-ль до грѣха?.. Ну какъ насъ на службѣ-то накроютъ... Суды пойдутъ, расходы. Сохрани, Господи, и помилуй!

— Ничего такого статься не можетъ, Аксиныя Захаровна, — успокаивалъ ее Пантелей. — Никакого вреда не будетъ. Сама посуди: кто накроетъ?.. Исправникъ адъ становой?.. Свои люди. Невыгодно имъ, матушка, трогать Патапа Максимыча.

— Нѣтъ, Пантелеюшка, не говори этого, родимый, — возразила хозяйка и, понизивъ голосъ, за тайну стала передавать ему: — Свибловскій попъ, приходскій-то здѣшній, Сушилу знаешь? — больно сталъ злобствовать на Патапа Максимыча. Безпремѣнно, говоритъ, накрою Чапурина въ моленной на службѣ, нонѣ-де старовѣрамъ воля отошла: поѣду, говоритъ, въ городъ и докажу, что у Чапуриныхъ въ деревнѣ Осиповкѣ моленна, посторонни люди въ нес на богомолье сходятся. Накроютъ-де, потачки не дадутъ. Пускай, дескать, Чапуринъ поминаетъ шелковый сарафанъ да парчевый холодникъ!

— Какой сарафанъ, какой холодникъ? — спросилъ Пантелей.

— А видишь ли, Пантелеюшка, — отвѣчала хозяйка. — Пршлымъ лѣтомъ Патапъ Максимычъ къ Макарью на ярманку ѣхалъ, и попался ему попъ Сушило на дорогѣ. Слово за слово, говоритъ попъ Максимычу:—«Ѣдешь ты, говоритъ, къ Макарью,— привези моей понадѣй шелковый, гарнитуровый сарафанъ да хорошій парчевый холодильникъ». А хозяинъ и отвѣтъ ему: — «Не жирно ли, батька, будетъ? Тебѣ и то съ меня немало идетъ уговорнаго; со всего прихода столько тебѣ не набрать». Осерчалъ Сушило, пригрозилъ хозяину: — «Помни, говоритъ, ты это слово, Патапъ Максимычъ, а я его не забуду, — такое дѣло состряпаю, что бархатный салопъ на собольемъ мѣху станешь дарить понадѣй, да ужъ поздно будетъ, не возьму». Съ той поры онъ и злобится. «Безпремѣнно, говоритъ, накрою на моленьи Чапуриныхъ. Въ острогъ засажу», говоритъ.

— Въ острогъ-отъ не засадить, — съ усмѣшкой молвилъ Пантелей: — а покрѣпче приглядывать не мѣшаетъ. Потому — можетъ напугать, помѣшать... Пойду-ка я двоихъ на задахъ-то поставлю.

— Ступай, Пантелеюшка, поставь двоихъ, а не то и тронхъ, голубчикъ, вѣрнѣе будетъ, — говорила Аксиныя Захаровна. — А нашъ-отъ хозяинъ больно ужъ безстрашенъ. Смѣется надъ Сушилой да надъ сарафаномъ съ холодильникомъ. А долго-ль до грѣха? Самъ посуди. Захочетъ Сушило, проймаешь не мытьемъ, такъ катаньемъ!

— Это такъ. Это отъ него можетъ статья, — замѣтилъ Пантелей и, направляясь къ лѣтницѣ, молвилъ: — тронхъ поставлю.

— Поставь, поставь, Пантелеюшка, — подтвердила Аксиныя Захаровна и медленною поступью пошла въ моленную.

Тревога была напрасна. Помолились за утреней какъ слѣдуетъ и часы, не расходясь, прочитали. Патапъ Максимычъ много доволенъ остался пѣніемъ дочерей и потомъ чуть не цѣлый день заставлялъ ихъ пѣть тропари Богоявленью.

Глава третья.

Верстахъ въ пяти отъ Осиповки, среди болотъ и перелѣсковъ, стоитъ маленькая, дворовъ въ десятокъ, деревушка Поромово. Проживалъ тамъ удѣльный крестьянинъ Трифонъ Михайловъ, прозвищемъ Лохматый. Исправный мужикъ былъ: промыселъ шель у него ладно, залежныя деньжонки водились. По другимъ мѣстамъ за богатея пошелъ бы, но за Волгой много такихъ.

Было у Трифона двое сыновей, одинъ работникъ матёрый, другой только-что вышелъ изъ подростковъ, дочерей двѣ дѣвки. Хоть разумомъ тѣ дѣвки отъ другихъ и отстали, хоть болтали про нихъ непригожія рѣчи, однакожь онѣ не послѣдними невѣстами считались. Въ любой домъ съ радостью-бѣ взяли такихъ спорныхъ, проворныхъ работниковъ. Дѣвки молодья, сильныя, здоровенныя: на жнитвѣ, на сѣнокосѣ, въ токарнѣ, на овинѣ, аль въ избѣ за гребнемъ, либо за тканьемъ, дѣло у нихъ такъ и горитъ; одна за двухъ работаетъ. Лохматый замужъ дѣвокъ отдавать не торопился, самому нужны были. «Не перестарки,—думалъ онъ:— пусть годъ-другой за родительскій хлѣбъ на свою семью работаютъ. Успѣютъ въ чужихъ семьяхъ нажитья».

Старшій сынъ Трифона, звали Алексѣемъ, парень былъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, слытъ за перваго искусника по токарной части. И красавецъ былъ изъ себя. Роста чуть не въ косую сажень, стоитъ, бывало, середь мужиковъ на базарѣ, всѣхъ выше головой; здоровый, бѣлолицый, румянецъ во всю щеку такъ и горитъ, а кудрявые темно-русые волосы такъ и вьются. Такимъ молодцомъ смотрѣлъ, что не только крестьянскія дѣвки, поповны на него заглядывались. Да что поповны! Была у становаго свояченица, и та по Алешѣ Лохматомъ востосковалась... Да такъ востосковалась, что любовную записочку къ нему написала. Ту записку становой перехватилъ, свояченицу до грѣха, въ другой уѣздъ, къ теткѣ отиравилъ, а Трифону грозилъ:

— Быть твоему Алешкѣ подъ красной шапкой, не миновать, подлецу, бритаго лба.

— Да за что-жь это, ваше благородіе? — спросилъ Трифонъ Лохматый. — Кажись, за сыномъ дурныхъ дѣлъ не видится.

— Хоть дурныхъ дѣлъ не видится, да не по себѣ онъ дерево клонить, — говорилъ становой.

Не разгадалъ Трифонъ загадки, а становой больше и говорить не сталъ. И злобился послѣ того на Лохматыхъ, и бытъ бы худу, да по скорости его подъ судъ уекли.

Бывало, по осени, какъ супрядки начнутя, деревенскія дѣвки ждутъ не дождутся Алеша Лохматаго; безъ него и пѣсенъ не играютъ, безъ него и веселья нѣтъ. И уменъ же Алеша былъ, разсудливъ не по годамъ, каждо дѣло по крестьянству не хуже стариковъ могъ разсудить, къ тому же грамотой Господь его умудрилъ. Хоть за Волгой грамотеи издавна не въ диковину, но такихъ, какъ Алексѣй Лохматый, и тамъ водится немного: oprичъ божественныхъ книгъ, читалъ гра-

жданскія и до нихъ большой былъ охотникъ. Деньгу любилъ, а любилъ ее потому, что хотѣлось въ довольствѣ, въ богатствѣ, во всемъ изобильѣ пожить, славы, почета хотѣлось... Не говаривалъ онъ про то ни отцу съ матерью ни другу-приятелю; одинъ съ собой думу такую держалъ.

Жилъ старый Трифонъ Лохматый да Бога благодарилъ. Тихо жилъ, смирно, съ сосѣдями въ любви да въ совѣтѣ; добрая слава шла про него далеко. Обиды отъ Лохматаго никто не видалъ, каждому человѣку онъ по силѣ своей радъ былъ сдѣлать добро. Пуще всего не любилъ мірскихъ пересудовъ. Терпѣть не могъ, какъ иной разъ дочери, набравшись вѣстей на супрядкахъ аль у колодца, зачнутъ языками косточки кому-нибудь перемывать.

— Расшумѣлись, какъ воробьи къ дождю! — крикнетъ, бывало, на нихъ. — Люди врутъ, а вы вранье разносить?.. Потораторьте-ка еще у меня, сороки, сниму илеть съ колка, научу уму-разуму.

Дѣвки ни гугу. И никогда, бывало, ни единой сплетни или пересудовъ изъ Трифоновой избы не выносилось.

Безъ горя, безъ напасти человѣку вѣка не прожить. И надъ Трифономъ Лохматымъ сбилось то слово, стряслась и надъ нимъ бѣда, налетѣла напасть неожиданно-негаданно. На самое Воздвиженье токарня у него сгорѣла съ готовой посудой ста на два рубля. Работали въ токарнѣ до сумерекъ, огня и въ заводахъ не было. Въ самую полночь вспыхнула. Стояла токарня на рѣчкѣ, въ полуверстѣ отъ деревни — покуда проснулись, покуда прибѣжали — вся въ огнѣ. Въ одно слово рѣшили мужики, что лихой человѣкъ Трифону красного пѣтуха пустил. Долго Лохматый умомъ-разумомъ по міру раскидывалъ, долго гадалъ, кто бы таковъ былъ лиходѣй, что его обездолилъ. Никого, кажись, Трифонъ не прогнѣвалъ, со всѣми жилъ въ ладу да въ добромъ совѣтѣ, а токарню подпалили. Гадалъ-гадалъ Трифонъ Михайлычъ, не надумалъ ни на кого и гадать пересталъ.

— Подавай становому объявленіе, — говорилъ ему удѣльнаго приказа писарь Карпъ Алексѣичъ Морковкинъ. — Произведутъ слѣдствие, сыщутъ злодѣя.

Ни слова Трифонъ не молвилъ на отвѣтъ писарю. На міру потомъ такую рѣчь говорилъ:

— Ни за что на свѣтѣ не подамъ объявленія, ни за что на свѣтѣ не наведу суда на деревню. Судъ найдетъ, не одну мою копейку потянетъ, а міру и безъ того туго приходится. Лучше-жъ я какъ-нибудь, съ Божьей помощью, перебьюсь. Сколочусь по времени съ деньжонками, нову токарню поставлю.

А злодѣя, что меня обездолилъ, — суди Богъ на страшномъ Христовомъ судищѣ.

Любовно принявъ мѣръ слово Трифоново. Урядили, положили старики, если объявится лиходѣй, что у Лохматого токарню спалилъ, потачки ему, вору, не давать: изъ лѣтъ не вышелъ — въ рекруты, вышелъ изъ лѣтъ — въ Сибирь на поселенье. Такъ старики порѣшили.

Съ одной бѣдой трудовому человѣку не больно хитро справиться. Одну бѣду заспать можно, можно и съ хлѣбомъ съѣсть. Но бѣда не живетъ одна. Такъ и съ Лохматымъ случилось. Съ самага пожара пошелъ ходить по бѣдамъ: на Покровъ пару лошадей угнали, на Казанскую воры въ клѣтъ залѣзли. Разбили злодѣи укладку у Трифона, хорошу одѣжу всю выкрали, все годами припасенное дочерямъ приданое да триста цѣлковыхъ наличными, на которые думалъ Трифонъ къ веснѣ токарню поставить. Обобрали бѣднягу, какъ малинку, согнуло горе старика, не глядѣлъ бы на вольный свѣтъ, бѣжалъ бы куда изъ дому: жена воетъ, не своимъ голосомъ убивается; дочери ревутъ, причитаютъ надъ поукраденными сарафанами, ровно по покойникамъ. Сыновья какъ ночь ходятъ. Что дѣлать, какъ бѣдѣ пособить? Но Трифонъ въ жизнь свою ни у кого не займовалъ, зналъ, что деньги занять — остуду принять.

— Прихвати, Михайлычъ, сколько ни на есть деньжонокъ, — говорила жена его, Ѳекла, баба тихая, смиренная, внезапнымъ горемъ совсѣмъ почти убитая. — И токарню вѣдь надо ставить, и безъ лошадокъ нельзя...

— Радъ бы прихватить, Абрамовна, да негдѣ прихватить-то; ни у котораго человѣка теперь денегъ для чужого кошелья не найдешь. Хоть проси, хоть нѣтъ — все едино.

— Да вотъ хоть бы у писаря, у него деньги завсегда водятся, — подхватила Ѳекла: — покучиться бы тебѣ у Карпа Алексѣича. Дастъ.

Молчитъ Трифонъ, лучину щепаетъ; Ѳекла свое.

— Что-жь, Михайлычъ? Заемъ дѣло вольное, любовное: безчестья тутъ никакого нѣтъ, а намъ, самъ ты знаешь, безъ токарни да безъ лошадокъ не прожить. Подѣ, поклоняйся писарю, — говорила Ѳекла мужу, утирая рукавомъ слезы.

— Не пойду, — отрывисто съ сердцемъ молвилъ Трифонъ и нахмурился. — И не говори ты мнѣ, старуха, про этого міроѣда, — прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ: — не вороти ты душу мою... Отъ него, отъ поскуднаго, весь мѣръ сохнетъ. Знаться съ писарями мнѣ не рука.

— Да что же не знаться-то?.. Что ты за «тысячникъ» такой?.. Иль гордыня какая налѣзла? — говорила Ѳекла. — Чѣмъ

Карпъ Алексѣичъ не человѣкъ? И денегъ вволю, и начальство его знаетъ. Глянь-ка на него, человѣкъ молодой, мірскимъ захребетникомъ былъ, а теперь передъ нимъ всякъ шапку ломить.

— Ну и пусть ихъ ломаютъ, а я, сказано, не пойду, такъ и не пойду, — молвилъ Трифонъ Лохматый.

— А я что говорила тебѣ, то и теперь скажу, — продолжала Ѳекла. — Какъ бы вотъ не горе-то наше великое, какъ бы не разоренье-то, онъ бы сватовъ къ Паранькѣ заслалъ. Давно про нее заговаривалъ. А теперь, знамо дѣло, безприданница, побрезгуешь...

Прасковья, старшая дочь Трифона, залилась слезами и начала причитать.

— Плети захотѣла? — крикнулъ отецъ.

Смокла Прасковья, оглядываясь и будто говоря: «да вѣдь я такъ, я, пожалуй, и не стану ревѣть». Вспомнила, что корову донтъ пора, и пошла изъ избы, а меньшая сестра слѣдомъ за ней. Ѳекла ни гугу, перебиваетъ у печи горшки да Иусову молитву творить.

Нащепавъ лучины, обратился Трифонъ къ старшему сыну, что во все время родительской перебранки молча въ углу сидѣлъ, отгачивая токарный снарядъ.

— Алѣха! Печа, парень, дѣлать, надо въ чужи люди идти, въ работники. Сказываютъ, Патапъ Максимычъ Чапуринъ большой подрядъ на посуду снялъ. Самому, слышь, управиться сила не беретъ, такъ онъ токарей приискиваетъ. Порядися съ нимъ на лѣто, аль до зимняго Николы. Десятковъ пять-шесть, Богъ дастъ, заработаешь. Къ тому-жъ и съ харчей долой. У Чапурина можно и впередъ денегъ взять, не откажетъ; на эти деньги токарню по веснѣ справили бы, на первое время хоть не больно мудрящую. А Саввушку, думаю я, Ѳекла, въ Хвостиково послать, онъ мастеръ ложкарить. Заработаетъ сколько-нибудь. А сами, Богъ милостивъ, какъ-нибудь перебьемся.

— Я, батюшка, всей душой радъ послужить, за твою родительскую хлѣб-соль заработать, сколько силы да умѣнья хватить, и дома радѣхонекъ и на сторонѣ — гдѣ прикажешь, — сказалъ красавецъ Алексѣй.

— Спасибо, парень. Руки у тебя золотыя, добывай отцу, — молвилъ Трифонъ. — Саввушка, а Саввушка! — крикнулъ онъ, отворивъ дверь въ сѣни, гдѣ младшій сынъ рѣзалъ изъ баклушъ ложки.

— Чего, титенька? — весело тряхнувъ кудрями, спросилъ красивый подростокъ, лѣтъ пятнадцати, входя въ избу.

— Избнымъ тепломъ, сиди возлѣ материна сарафана,

умень не будешь, Саввушка. Знаешь ты это? — спросил его отецъ.

— Знаю, — бойко отвѣтилъ Саввушка, вопросительно глядя на отца.

— Поживя въ чужихъ людяхъ, умѣе будешь. Такъ али нѣтъ?

— Ты, тяти, лучше меня знаешь, — отвѣчалъ Саввушка, ясно и любовно глядя на отца.

Бросила горшки свои Ѳекла; сѣла на лавку и, ухватясь руками за колѣни, вся вытянулась впередъ, зорко глядя на сыновей. И вдругъ стала такая блѣдная, что краше въ гробъ кладутъ. Чужимъ тепломъ Трифоновы дѣти не грѣлись, чужого куска не ѣдали, родительскаго дома отродясь не покидали. И никогда у отца съ матерью на мысли того не бывало, чтобъ когда-нибудь ихъ сыновьямъ довелось на чужой сторонѣ хлѣбъ добывать. Горько бѣдной Ѳеклѣ. Глядѣла-глядѣла старуха на своихъ сокольниковъ и заревѣла въ источный голосъ.

— Чего завывла? Не покойниковъ провожаешь! — сердито поирекнулъ ей Трифонъ, но въ суровыхъ словахъ его слышалось что-то плачевное, горестное. А не задать бабѣ окрику нельзя: не плакать же мужику, не бабиться. — Ѳекла, — сказала Трифонъ женѣ поласковѣй: — подь-ка, помолись!

И Ѳекла покорно пошла въ заднюю, гдѣ была у нихъ небольшая моленна. Взявши въ руку лѣстовку, стала за налой. Читая канонъ Богородицѣ, хотѣлось ей забыть новое, самое тяжкое изъ всѣхъ постигшихъ ее горе.

— Ужъ вы порадѣйте, ребятки, пособи́те отцу, — говорилъ Трифонъ. — Пустилъ ли я бы васъ въ чужіе люди, какъ бы не бѣда наша, не послѣднее дому разоренье? Ужъ вы порадѣйте. А живите въ людяхъ уменько, не балу́йте, работайте путемъ. Не знаю, какъ въ Хвостиковѣ у ложкарей, Саввушка, а у Чапурина въ Осиповкѣ такое заведенье, что если который работникъ, окромѣ положенной работы, лишковъ нарабатаетъ, за тѣ лишки особая плата ему сверхъ ряженой. Чапуринъ — человекъ добрый, обиды никому не сдѣлаетъ. Служи ему, Алексѣй, какъ родному отцу; онъ тебя и впередъ не покинетъ. Порадѣй же хорошенько, Алексѣюшка, постарайся побольше денегъ заработать. Справиться бы намъ поскорѣе! Тебѣ же подходитъ пора и законъ совершить, такъ надо тебѣ, Алексѣй, объ отцѣ съ матерью порадѣть.

Долго толковалъ Трифонъ съ сыновьями, какъ имъ работу искать. Порѣшили Алексѣю завтра-жъ идти въ Осиповку рядиться къ Шаталу Максимычу, а въ среду, какъ на сосѣдній базаръ хвостиковскіе ложкари пріѣдутъ, порядить и Саввушку.

Спать улеглись, а Фекла все еще клала въ моленной земные поклоны. Кончивъ молитву, вошла она въ избу и стала на колѣни у лавки, гдѣ, разметавшись, крѣпкимъ сномъ спала любимецъ ея Саввушка. Бережно взяла она въ руки сыновнюю голову, припала къ ней и долго, чуть слышно, рыдала.

Рано поутру, еще до свѣту, на другой день Алексѣй собрался въ Осиповку. Это было какъ разъ черезъ недѣлю послѣ Крещенья. Помолившись со всею семьей Богу, простившись съ отцомъ, съ матерью, съ братомъ и сестрами, пошелъ онъ рядиться. Къ вечеру надо было ему назадъ къ отцу въ Поромово придти, повѣстить, на чемъ въ рядѣ сошлись. Былъ слухъ, что Чапуринъ цѣны даетъ хорошия, что дѣло у него наспѣхъ, самъ-де не знаетъ, успеетъ ли къ сроку заподряженный товаръ поставить. Всѣ работники, чтѣ были по околотку, нанялись ужъ къ нему; кромѣ того, много работы роздано было по домамъ, и задатки розданы хорошия.

Свѣтало, когда Алексѣй, напутствуемый наставленьями отца и тихимъ плачемъ матерн, пошелъ изъ дому. Выйдя за ворота, перекрестился онъ на всѣ стороны и, поникнувъ головой, пошелъ по узенькой дорожкѣ, проложенной межъ сугробовъ. Не легко человѣку впервые оставлять теплое семейное гнѣздо, идти въ чужи люди, хлѣбъ зарабатывать. Много было передумано Алексѣемъ во время медленнаго пути. Думалъ онъ, что-то ждать его въ чужомъ дому, ласковы-ль будутъ хозяева, каковы-то будутъ до него товарищи, не было-бъ отъ кого обиды какой, не нажить бы ему чьей злобы своей простотой; чужбина вѣдь неподатлива, — ума прибавить да и горя набавить.

Патапъ Максимычъ выходилъ изъ токарнаго завода, чтѣ стоялъ черезъ улицу отъ дома, за амбарами, когда изъ-за околицы показался Алексѣй Лохматый. Не доходя шаговъ десяти, сваялъ онъ шапку и низко поклонился «тысячнику». Чапуринъ окликалъ его:

— Здорово, парень! Куда Богъ несетъ?

— До вашей милости, Патапъ Максимычъ, — не надѣвая шапки, отвѣчалъ Алексѣй.

— Чтѣ надо, парень? Да ты шапку-то надѣвай, студено. Да пойдемъ-ка лучше въ избу, тамъ потеплѣй будетъ намъ разговаривать. Скажи-ка, родной, какъ отецъ-отъ у васъ справляется? Слышалъ я про ваши бѣды; жалко мнѣ васъ... Шутка ли, какъ злодѣи-то васъ обидѣли!..

— Въ разоръ разорили, Патапъ Максимычъ, совсѣмъ доконали. Какъ есть совсѣмъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Богу надо молиться, дружокъ, да рукъ не покладывать,

и Господь все сызнова пошлетъ, — сказала Патапъ Максимычъ. — Ты вѣдь, слыхаль я, грамотей, книгочей.

— Читаемъ помаленьку, — молвилъ Алексѣй.

— А чель ли ты книгу про Лева многострадальнаго, про того, что на гноищи лежалъ? Побогаче твоего отца былъ, да всего лишился. И на Бога не возропталъ. Не возропталъ, — прибавилъ Патапъ Максимычъ, возвыся голосъ.

— Это я знаю, читалъ, — отвѣтилъ Алексѣй. — Зачѣмъ на Бога роптать, Патапъ Максимычъ? Это не годится; Богъ лучше знаетъ, чему надо быть: любя насъ наказуетъ...

— Это ты хорошо говоришь, дружокъ, по-Божьему, — ласково взявъ Алексѣя за плечо, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Господь пошлетъ; поминай чаще Лева на гноищи. Да... все имѣлъ, всего лишился, а на Бога не возропталъ; за то и подалъ ему Богъ больше прежняго. Такъ и ваше дѣло — на Бога не ропщите, рукъ не жалѣйте, да съ Богомъ работайте, Господь не оставитъ васъ — пошлетъ больше прежняго.

Разговаривая такимъ образомъ, Патапъ Максимычъ вошелъ съ Алексѣемъ въ подклѣтъ; тамъ сильно олифой нахло: крашенная посуда въ печи сидѣла для просухи.

— По какимъ дѣламъ ко мнѣ пришелъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ, скидая тулупъ и обтирая сапоги о брошенную у порога рогожку.

— Слышно, ваша милость работниковъ наймете, — робкимъ голосомъ молвилъ Алексѣй.

— Наймемъ. Работники мнѣ нужны, — сказала Патапъ Максимычъ.

— Такъ я бы...

Патапъ Максимычъ улыбнулся.

Самый первый токарь, которымъ весь околотокъ не нахвалится, пришелъ наниматься незванный, непрошенный!.. Не разъ подумывалъ Чапуринъ спосылать въ Поромово къ старику Лохматому — не отпустить ли онъ, при бѣдовомъ дѣлахъ, старшаго сына въ работу, да все отдумывалъ... «Ну, а какъ не пустить да еще послѣ насмѣется, вѣдь онъ, говорятъ, мужикъ крутой и заносливый»... Привыкнувъ жить въ славѣ и почетѣ, боялся Патапъ Максимычъ посмѣху отъ какого ни на есть мужика.

— Въ работники хочешь? — сказалъ онъ Алексѣю. — Что же? Милости просимъ. Про тебя слава идетъ добрая, да и самъ я знаю работу твою: знаю, что руки у тебя золото... Да что-жъ это, парень? Неужли у васъ до того дошло, что отецъ тебя въ чужи люди посылаетъ? Вѣдь ты говоришь, отецъ прислалъ. Не своей волей ты рядиться пришелъ?

— Какъ же можно безъ родительской воли, Патапъ Максимычъ? Этого никакъ нельзя, — сказала Алексѣй.

— Такъ сами-то вы развѣ ужъ и подняться не можете?

— Не можемъ, Патапъ Максимычъ; совсѣмъ злые люди насъ обездолили; надо будетъ съ годокъ въ людяхъ поработать, — отвѣчала Алексѣй. — Родители и меньшаго брата къ ложкарямъ посылаютъ; знатно рѣжетъ ложки: всякую, какую хопь, и касатую, и тонкую, и бдскую, и межеумокъ, и крестовую рѣжетъ. Къ пальмѣ даже приучень — вотъ какъ бы хозяинъ ему такой достался, чтобы пальму точить...

— Доброе дѣло, — перебилъ Алексѣя Патапъ Максимычъ. — Да ты про себя-то говори. Какъ же ты?

— Да какъ вашей милости будетъ угодно, — отвѣчалъ Алексѣй. — Я бы до Михайлова дня, а коли милость будетъ, такъ до Николы...

— До Николы такъ до Николы. До зимняго, значить? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно, до зимняго, — подтвердилъ Алексѣй.

— А насчетъ ряды какъ думаешь? — спросилъ Чапурникъ.

— Да ужъ это какъ вашей милости будетъ угодно, — сказала Алексѣй. — По вашей добродѣтели бѣднаго человѣка вы не обидите, а я радъ стараться, сколько силы хватить.

Такое слово любо было Патапу Максимычу. Онъ назначилъ Алексѣю хорошую плату и больше половины выдать впередъ, чтобъ можно было Лохматовымъ помаленьку справляться по хозяйству.

— Молви отцу, — говорилъ онъ, давая деньги: — коли нужно ему на обзаведенье, шель бы ко мнѣ — сотню другую третью съ радостью дамъ. Разживетесь, отдадите, аль по времени ты заработаешь. Ну, а когда же работать начнешь у меня?

— Да по мнѣ хоть завтра же, Патапъ Максимычъ, — отвѣчала Алексѣй. — Сегодня домой схожу, деньги снесу, въ банѣ выпарюсь, а завтра съ утра къ вашей милости.

— Ну, ладно, хорошо. Приходи...

Алексѣй хотѣлъ идти изъ подклята, какъ дверь широко распахнулась, и вошла Настя. Въ голубомъ ситцевомъ сарафанѣ съ бѣлыми рукавами и широкимъ бѣлымъ передникомъ, съ алымъ шелковымъ платочкомъ на головѣ, пышная, красивая, стала она у двери и, взглянувъ на красавца Алексѣя, потушилась.

— Тятенька, самоваръ принесли, — сказала отцу.

И голосъ у ней оборвался.

— Ладно, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Такъ завтра приходи. Какъ бишь звать-то тебя? Алексѣемъ никакъ?

— Такъ точно, Патапъ Максимычъ.

— Молви отцу-то, Алексѣюшка, — нужны деньги, приходилъ бы. Радъ помочь въ нуждѣ.

Помолился Алексѣй, поклонился хозяину, потомъ Настѣ, и пошелъ изъ подклѣта. Отдавая поклонъ, Настя зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ. Идя въ верхнія горницы, она, перебирая передникъ и потупивъ глаза, вполголоса спросила отца, что это за человекъ такой былъ у него?

— Въ работники напаялся, — равнодушно отвѣтилъ отецъ.

Возвращаясь въ Поромово, не о томъ думалъ Алексѣй, какъ обрадуетъ отца съ матерью, принеся неожиданныя деньги и сказавъ про общанье Чапурина дать займы рублевъ триста на разживу, не о томъ мыслилъ, что завтра придется ему прощаться съ домомъ родительскимъ: Настя мерещилась. Одно онъ думалъ, одно передумывалъ, шагая крупными шагами по узенькой снѣжной дорожкѣ: «Зародилась же на свѣтѣ такая красота!»

Глава четвертая.

Къ именинамъ Аксиньи Захаровны пріѣхала въ Осиповку золовка ея, комаровская игуменья, мать Манева. Привезла она съ собою двухъ послушницъ: Фленушку да Анафролю. Марья Гавриловна, купеческая вдова изъ богатаго московскаго дома, своимъ коштомъ жившая въ Манеиной обители и всѣми уважаемая за богатство и стрѣгую жизнь, не побѣхала въ гости къ Чапуринымъ. Это немного смутило Патапа Максимыча; пріязнью Марьи Гавриловны онъ дорожилъ, родственники ея люди были первостатейные, лестно было ему знакомство ихъ. И по торговлѣ имѣлъ съ ними дѣла.

Молодая, красивая, живая какъ огонь Фленушка, пріятельница дочерей Патапа Максимыча, была дѣвица-бѣлоручка, любимица игуменни, обительская баловнища. Она выросла въ обители, будучи отдана туда ребенкомъ. Выучилась въ скиту Фленушка грамотѣ, рукодѣльямъ, церковной службѣ, и хоть ничѣмъ не похожа была на монахиню, а приводилось ей, безродной сиротѣ, вѣкъ оставаться въ обители. Изъ скитовъ замужъ вѣявъ не выходятъ — позоромъ пало бы это на обитель; но свадьбы «уходомъ» и тамъ порой-временемъ случаются. Слюбится съ мѣлодцемъ бѣлица, выдастъ ему свою одежду и убѣжитъ вѣнчаться въ православную церковь: раскольничій попъ такую чету ни за что не повѣнчаетъ. Матери засуетятся, забѣгаютъ, погони разошлютъ, но дѣла поправить нельзя. Посердятся на бѣглянку съ полгода, иногда и цѣлый годъ, а послѣ смирятся. Вѣглянка послѣ мировой почасту го-

ститъ въ обители, жить тамъ, какъ въ родной семьѣ, получаетъ отъ матерей вспоможеніе, дочерей отдаетъ къ нимъ же на воспитаніе, а если овдовѣетъ, воротится на старое пепелище, въ старицы пострижется и станетъ вѣкъ свой доживать въ обители. Такихъ примѣровъ много бывало, и Фленушка, помяная эти примѣры, думала-было обвѣнчаться «уходомъ» съ молодымъ казанскимъ купчикомъ Петрушей Самоквасовымъ, но матушки Манеѣ было жалко ей — убило бы это ея воспитательницу...

Другая послушница, привезенная Манеѣю въ Осиповку, Анафролія, была проста деревенская дѣвка. Въ келарнѣ больше жила, помогая матушкѣ-келарю кушанье на обитель стряпать и исправляя черныя работы въ кельяхъ самой игуменьи Манеѣю. Это была изъ себя больно некрасивая, рябая, неуклюжая какъ ступа, зато здоровенная дѣвка, работала за четверыхъ и ни о чемъ другомъ не помышляла, только бы сытно пообѣдать да вечеромъ, поужинавъ вплотную, выспаться хорошенько. Въ обители душой считали ее, но любили за то, что сильная была работница и, куда ни пошли, что ей ни вѣли, все живой рукой обдѣлаетъ безо всякаго ворчанья. Безотвѣтна была, голоса ея мало кто слыхалъ.

Мать Манеѣу Аक्सинья Захаровна помѣстила въ задней горницѣ, возлѣ моленной, вмѣстѣ съ домашней канонницей Евпраксіей да съ Анафроліей. Манеѣа, налившись чайку съ изюмомъ, — была великая постница, сахаръ почитала скоромнымъ и съ роду не употребляла его, — отправилась въ свою комнату и тамъ стала разспрашивать Евпраксію о порядкахъ въ братниномъ домѣ: усердно ли Богу молятся, строго ли посты соблюдаютъ, по сколько каѣнзмъ въ день она прочитываетъ, каждый ли праздникъ службу правятъ, приходятъ ли на службу сторонніе, — а затѣмъ свела рѣчь на то, что у нихъ въ скиту большое разстройство идетъ изъ-за австрійскаго священства: однѣ обители желаютъ принять епископа Софронія, а другія считаютъ новыхъ архіереевъ обливанцами и слышать про нихъ не хотятъ.

— На прошлой недѣлѣ, Евпраксеюшка, грѣхъ-отъ какой случился. Не знаю, какъ и замолятъ его. Матушка Клеопатра, изъ Жениной обители, пришла къ Глафиринымъ и стала про австрійское священство толковать: оно-де правильно, надо-де всѣмъ принять его, чтобъ съ Москвой не разорваться, потому-де, что съ Рогожскаго пінуть, по Москвѣ-де всѣ епископа приняли. Измарагдушка заспорила: обливанцы, говорить, они — архіереи-то. Спорили матери, спорили, да обѣ горячія, слово за слово, ругаться зачали, другъ съ дружкой иночество

сорвали, въ косы. Такой грѣхъ — насилу розняли! И пошли съ той поры ссоры да свары промежь обитателей, другъ съ дружкой не кланяются, другъ дружку еретицами обзываютъ, изъ одного колодца воду брать перестали. Грѣхъ да и только!

— А вы какъ, матушка, насчетъ австрійскаго священства располагаете? — робко спросила Евпраксія.

— Мы бы, пожалуй, и приняли, — сказала Манеѳа. — Какъ не принять, Евпраксеюшка, когда Москва приняла? Чѣмъ станемъ кормиться, какъ съ Москвой разорвемся? Ко мнѣ же самъ батюшка Иванъ Матвѣичъ съ Рогожскаго писалъ: принимай, дескать, матушка Манеѳа, безо всякаго сумнѣнья. Какъ же духовнаго отца послушаться?.. Какъ наши-то располагаютъ, на чѣмъ рѣшаются?.. По-моему и имъ бы надо принять, потому что въ Москвѣ, и въ Казани, на Низу и во всѣхъ городахъ припяли. Разориться Патапушка можетъ, коль не приметъ новаго священства. Никто дѣлъ не захочетъ вести съ нимъ; кредиту не будетъ, разорвется съ покупателями. Такъ-то.

— Патапъ Максимычъ, кажется мнѣ, пріемлетъ, — отвѣчала Евпраксія.

— Думала я поговорить съ нимъ насчетъ этого, да не знаю, какъ приступить, — сказала Манеѳа. — Крутенекъ. Не знаешь, какъ и подойти. Прямой медвѣдь.

— Онъ всему послѣдуетъ, чему самарскіе, — замѣтила Евпраксія. — А въ Самарѣ епископа, сказываютъ, приняли. Аксиныя Захаровна сумнѣвалась спервоначала, а теперь, кажется, и она готова принять, потому что самъ велѣлъ. Я вотъ ужъ другу недѣлю поминаю на службѣ и епископа и отца Михаила; сама Аксиныя Захаровна сказала, чтобъ поминать.

— Какого это отца Михаила? — съ любопытствомъ взглянувъ на канонницу, спросила мать Манеѳа.

— Михайлу Корягу изъ Колоскова, — сказала канонница. — Вѣдь онъ въ попы ставленъ.

— Коряга! Михайла Коряга! — сказала Манеѳа, съ сомнѣніемъ покачивая головой. — И напимъ сказывали, что въ попы ставленъ, да вѣры нейметя. Больно до денегъ охочъ. Стяжатель! Какъ такого поставить?

— Поставили, матушка, истинно, что поставили, — говорила Евпраксія. — На Богоявленье въ Городицѣ воду святилъ, самъ Патапъ Максимычъ за вечерней стоялъ и воды богоявленской домой привезъ. Вонъ буракъ-отъ у святыхъ стоитъ. Великимъ постомъ Коряга, пожалуй, сюда найдетъ, исправлять станетъ, обѣдню служить. Ему, слышь, епископъ-отъ полотняную церковь пожаловалъ и одиконъ, рекше путевой престолъ Господа Бога и Спаса нашего...

— Коряга! Михайла Коряга! Попомъ! Да что-жь это такое! — въ раздумьѣ говорила мать Манеова, покачивая головой и не слушая рѣчей Евпраксіи. — А впрочемъ, и самъ-отъ Софроній такой же стяжатель — благодатью Духа Святаго торгуетъ... Если иного епископа, благочестиваго и Бога боящагося, не поставятъ — Софронія я не приму... Ни за что не приму!..

Межъ тѣмъ въ дѣвичьей свѣтлицѣ у Насти съ Фленушкой шелъ другой разговоръ. Настя разспрашивала про скитскихъ пріятельницъ и знакомыхъ, гостя чуть успѣвала отвѣты давать. Про всѣхъ переговорили, про все новости бойкая, говорливая Фленушка рассказала. Разпросамъ Насти не было конца — хотѣлось ей узнать, какая бѣлица сарафанъ къ праздникамъ сшила, дошла-ль Марья головница канвовую подушку, отослала-ль ту подушку матушка Манеова въ Казань, получили ли дѣвицы новые бисера изъ Москвы, выучилась ли Устинья Московка шелковы пояски съ молитвами изъ золота ткать. Освѣдомившись обо всемъ, стала Настя Фленушку разспрашивать, какъ поживала она послѣ отъѣзда ихъ изъ обители?

— Чтѣ моя жизнь! — желчно смѣясь, отвѣтила Фленушка. — Извѣстно кака! Тоска и больше ничего; встанешь, чайку попьешь — за часы пойдешь, пообѣдаешь — потомъ къ правильнымъ канонамъ, къ вечернѣ. Ну, вечеркомъ, извѣстно, на супрядки сбѣгаешь; придешь домой, матушка, какъ водится, началить начнетъ, зачѣмъ, дескать, на супрядки ходила; ну, до ужина дѣло-то такъ и проволочишь. Поужинаешь и на боковую. И слава Тѣ, Христе, что день прошелъ.

— А къ заутренѣ будятъ?

— Перестали. Отбилась. Лѣнива вѣдь я, Настасья Патаповна, Богу-то молиться. Какъ прежде, такъ и теперь, — смѣялась Фленушка.

— А супрядки нонѣшнюю зиму бывали? — спросила ее Настя.

— Какъ же! У Жжениныхъ въ обители каждую среду по-прежнему. Завела-было игуменья у Жжениныхъ такое новшество: на супрядкахъ «Прологъ» читать, «Житія» святыхъ того дня. Мало ихъ въ моленной-то читаютъ! Три среды читали, игуменья сама съ дѣвицами сидѣла, чтобы, знаешь, слушали, не баловались. А дѣвицы не промахъ. «Прологъ»-отъ скрали да въ подпольѣ и закопали. Смѣху-то чтѣ было!.. У Бояркиныхъ по пятницамъ сходились, у Московкиной по вторникамъ, только не каждую недѣлю; а въ нашей обители, какъ и при васъ бывало, — по четвергамъ. Только матушка Ма-

нею съ той поры, какъ вы уѣхали, все грозить разогнать наши бесѣды и келарню по вечерамъ запирасть, чтобы не смѣли, говорить, собираться дѣвицы изъ чужихъ обителѣй. А пѣсенку спѣть либо игру затѣять — безъ васъ и думать не смѣй; пой Алексѣя человѣка Божьяго. Какъ племянницы, говорятъ матушка, жили, да Дуня Смолокурова, такъ я баловала ихъ для того, что дѣвицы онѣ мірскія, черной ризы имъ не падѣтъ, а вы, говорить, должны о Богѣ думать, чтобы сподобиться честное иночество принять... Да вѣдь это она такъ только пугаетъ. Каждый разъ поворочить-поворочить, да и пошлетъ мать Софію, что въ ключахъ у ней ходитъ, въ кладовую за гостинцами дѣвицамъ на угощенье. Иной разъ и сама придетъ въ келарню. Ну, при ней, извѣстно дѣло, все чинно да стройно: стихиры запоемъ, и ни одна дѣвица не улыбнется, а только за дверь матушка, дымъ коромысломъ. Смотришь, анъ бѣлицы и «Гусара» заплѣли...

И, увлекшись воспоминаньями о скитскихъ сѹпрядкахъ, Фленушка вполголоса заплѣла: «Гусарь, на саблю опираясь», давно уже проникшій на дѣвичьи бесѣды въ раскольничьи скиты.

— А у Глафиринныхъ сѹпрядковъ развѣ не было? — спросила Настя.

— Какъ не бывать! — молвила Фленушка. — Самыя развѣсѣлы были бесѣды, парни съ деревень прихаживали... Съ гармоніями... Да нашимъ туда теперь ходу не стало.

— Какъ такъ? — удивилась Настя.

— Да все изъ-за этого австрійскаго священства! — сказала Фленушка. — Мы, видишь ты, задумали принимать, а Глафирины не пріемлютъ, Игнатевы тоже не пріемлютъ. Ну и разорвались во всемя: другъ съ дружкой не видятся, общенія не имѣютъ, проклянуть другъ друга. Намедни Клеопатра отъ Жженныхъ къ Глафириннымъ пришла, да какъ сѣбнитъ съ кривой Измарагдой; бранились-бранились, да въ поволочку! Такая теперь промежъ обителѣй злоба, что смѣхъ и горе. Да вѣдь это однѣ только матери сварятся, мы-то потихоньку выдаемся.

— Гдѣ-жъ веселѣй бывало на сѹпрядкахъ? — спрашивала Настя.

— У Бояркиныхъ, — отвѣтила Фленушка. — Насчетъ угощенія бѣдно, больно бѣдно, зато парни всегда почти. Ну, бывали и пріѣзжіе.

— Откуда? — спросила Настя.

— Изъ Москвы купчикъ наѣзжалъ, матушки Таисіи сродственникъ; деньги въ раздачу привозилъ, развеселый такой.

Больно его честили; келейница матушки Таисеи — помнишь Варварушку изъ Кинешмы? — совсѣмъ съ ума сошла по немъ; какъ уѣхалъ, такъ въ прорубь кинуться хотѣла, руки на себя наложить. Еще Александръ Михайлычъ бывалъ, становаго письмоводитель, — этотъ попрежнему больше все съ Серафимушкой; матушка Таисея грозитъ ужъ ее изъ обители погнать.

— А изъ Казани гости бывали? — съ улыбкой спросила Фленушка Настя.

— Были изъ Казани, да не тѣ, на кого думаешь, — сказала Фленушка.

— Петръ Степанычъ развѣ не бывалъ? — спросила Настя.

— Не былъ, — сухо отвѣтила Фленушка и промолвила: — бросить хочу его, Настенька.

— Что такъ?

— Тоска только одна!.. Ну его... Другого полюблю!

— Зачѣмъ же другого? Это нехорошо, — сказала Настя: — падо одного ужъ держаться.

— Вотъ еще! Одного! — вспыхнула Фленушка. — Онъ станетъ насмѣхаться, а ты его люби. Да ни за что на свѣтѣ! Ваську Шибаева полюблю — такъ вотъ онъ и знай, — съ лукавой усмѣшкой глядя на пріятельницу, бойко молвила Фленушка.

— Какой Шибаевъ? Откудова?

— Эге-ге! — вскрикнула Фленушка и захохотала. — Память-то какая у тебя короткая стала, Настасья Патаповна! Аль забыла того, кто изъ Москвы конфеты въ бумажныхъ коробкахъ съ золотомъ привозилъ?.. Ай да Настя, ай да Настасья Патаповна! Можно чести приписать! Видно, у тебя съ глазъ долой, такъ изъ думы вонъ. Такъ, что ли?.. А?..

— Ничего тутъ не было, — потупясь и глухимъ шопотомъ сказала Настя.

— Какъ ничего? — быстро спросила Фленушка.

— Глупости одиѣ, — съ недовольной улыбкой отвѣтила Настя. — Ты же все затѣвала.

— Ну, ладно, ладно, пушай я причинной всему, — сказала Фленушка. — А все-таки скажу, что память у тебя коротка стала. Съ чего бы это?.. Аль кого полюбила?..

Настя вся вспыхнула. Сама ни слова.

— Что? Зазнобушка завелась? — приставала къ ней Фленушка, крѣпко обнявъ подругу. — А?.. Да говори же скорѣй — сора изъ избы не вынесемъ!.. Аль не знаешь меня? Что сказано, то во мнѣ умерло.

Какъ кумачъ красная, Настя молчала. На глазахъ слезы выступили, и дрожь ее схватывала.

— Да говори, говори же! — приставала Фленушка. — Скажи!..
Право, легче будетъ... Увидишь!..

Настя тяжело дышала, но крѣпилась, молчала. Не могла однако слезъ сдержать, — такъ и полились онѣ по щекамъ ея. Утерла глаза Настя передникомъ и прижалась къ плечу Фленушки.

— Полюбила?.. Впрямь полюбила? — допрашивала та. — Да говори же, Настенька, говори скорѣй: облегчи свою душеньку... Ей-Богу, легче станетъ, какъ скажешь... Отъ сердца тягость такъ и отвалить. Полюбила?

— Да, — едва слышно прошептала Настя.

— Кого же?.. Кого?.. — допытывалась Фленушка. — Скажи, кого? Право, легче будетъ... Ну, хоть зовуть-то какъ?

Молчала Настя и плакала.

— Говорять тебѣ, скажи, какъ зовуть?.. Какъ только имя его вымолвишь, такъ и облегчишься... Разомъ другая стапель. Какъ же звать-то?

— Алексѣемъ! — шопотомъ промолвила Настя и, зарыдавъ, прижалась къ плечу Фленушки...

Глава пятая.

Ведется обычай у заволжскихъ тысячниковъ народу «столы строить». За такими столами угощаютъ они окольныхъ крестьянъ сытнымъ обѣдомъ, пивомъ похмельнымъ, виномъ зеленымъ, чтобъ «къ себѣ прикормить», чтобъ работники изъ ближнихъ деревень домашней работы другимъ скупщикамъ не сбывали, а коль понадобится тысячнику работники наспѣхъ, шли бы къ нему по первому зову. У Патапа Максимыча столы строили дважды въ году: передъ Троицей да по осени, когда изъ Низовья хозяинъ домой возвращался. Угощенье у него бывало на широкую руку, мужикъ былъ богатый и тароватый, любилъ народъ угостить и любилъ тѣмъ повеличаться. Ста по полтора за столами у него кормилось; да не одни работники, бабы съ дѣвками и подростками въ Осиповку къ нему пить-ѣсть приходили.

На радостяхъ, что на крещенскомъ базарѣ по торгамъ удача выпала, а больше потому, что сватовство съ богатымъ купцомъ наклевалось, Патапъ Максимычъ задумалъ построить столы не въ очередь. И то у него на умѣ было, что, забравъ черезчуръ подрядной работы, много тысячъ посуды надо ему по домамъ заказать. Для того и не мѣшало ему прикормить заранѣ работниковъ. Но главный замыселъ не тотъ былъ: хотѣлось ему будущимъ сватушкѣ да зятюку показать, каковъ

онъ человекъ за Волгой, какую силу въ народѣ имѣеть. «Пускай посмотритъ, — раздумывалъ онъ, заложивъ руки за спину и расхаживая взадъ и впередъ по горницѣ:—пускай поглядитъ Данила Тихонычъ, какво Патапъ Чануринъ въ своемъ околоткѣ живетъ, какъ «подначальныхъ крестьянъ» хлѣбомъ-солью чествуетъ, и въ какомъ почетѣ мѣръ-народъ его держитъ».

Въ той сторонѣ помѣщичьи крестьяне хоть изстарѣ бывали, но помѣщиковъ никогда въ глаза не видали. Заволжскія помѣстья принадлежатъ лицамъ знатымъ, что, живя въ столицѣ либо въ чужихъ краяхъ, никогда въ наслѣдственные лѣса и болота не заглядываютъ. И нѣмцевъ-управляющихъ не знавалъ тамъ народъ. Миловалъ Господь. Земля холодная, песчаная, неродимая, запашку заводить нѣтъ расчета. Оттого помѣщики и не сажали въ свои заволжскія вотчины нѣмцевъ-управляющихъ, оттого и спасъ Господь милостивый Заволжскій край отъ той саранчи, что русской сельщинѣ-деревенщинѣ во времена крѣпостного права приходилась не легче татарщины, ляхолѣтя и длиннаго ряда недородовъ, пожаровъ и моровыхъ повѣтрій. Всѣ крестьяне по Заволжью были оброчные, пользовались всей землей сполна и управлялись излюбленными мѣромъ старостами. При отсутствіи помѣщиковъ и управляющихъ, такъ-называемые тысячники пользовались большимъ значеніемъ. Вся промышленность въ ихъ рукахъ, всѣ рядовые крестьяне зависятъ отъ нихъ и никакъ изъ ихъ воли выйти не могутъ. Такой тысячникъ, какъ Патапъ Максимычъ, — а работало на него до двадцати околныхъ деревень, — жилъ настоящимъ бариномъ. Его воля — законъ, его ласка — милость, его гнѣвъ — бѣда великая... Силекъ человекъ: захочетъ, всякаго можетъ въ разоръ разорить.

«Ну-ка, Данила Тихонычъ, погляди на мое житье-бытье, — продолжалъ раздумывать самъ съ собою Патапъ Максимычъ. — Спознай мою силу надъ «моими» деревнями и не моги забирать себѣ въ голову, что честь мнѣ великую дѣлаешь, сватая за сына Настю. Нѣтъ, сватушка дорогой, сами не хуже кого другого, даромъ что не пишемся почетными гражданами и купцами первой гильдіи, а только государственными крестьянами».

Путру на другой день вся семья за ведернымъ самоваромъ сидѣла. Толковалъ Патапъ Максимычъ съ хозяйкой о томъ, какъ и чѣмъ гостей потчевать.

— Безпремѣнно за Никитичной надо подводу гнать, — говорилъ онъ. — Надо, чтобъ кума такой столь сострапала, какіе только у самыхъ наибольшихъ генераловъ бывають.

— Справится ли она, Максимычъ? — молвила Аксинья За-

харовна. — Мастерница-то мастерница, да прихварываетъ, силы у ней противъ прежняго въ половину нѣтъ. Какъ въ послѣдній разъ гостила у насъ, повозится-повозится у печи да и приляжетъ на лавочкѣ. Скажешь: «полно, кумушка, не утруждайся», — не слушается. Насчетъ стряпни съ ней сладить никакъ невозможно: только прѣехала, и за стряпню, и хоть самой не можется, стряпка къ печи не смѣй подходить.

— Помаленьку, какъ-нибудь справится, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Никитичи изъ праздниковъ праздникъ, какъ столъ урядить ее позовутъ. Вотъ что я сдѣлаю: поѣду за покупками въ городъ, заверну въ Ключову, позову куму и насчетъ того потолкую съ ней, что искупить, а ворота съ домой, подводу за ней пошлю. Да вотъ еще что, Аксинышка: не заламятуй послѣзавтра спосылать Палтелея въ Захлыстину, стягъ свѣжины на базарѣ купишь бы да двѣ либо три свиные туши, бараннины, солонины...

— На что такая прохашть, Максимычъ? — спросила Аксиныя Захаровна.

— Столы хочу строить, — отвѣтилъ онъ. — Пусть Данила Тихонычъ поглядитъ на наши порядки, пуцай посмотритъ, какъ у насъ, за Волгой, народъ угощаютъ. Вѣдь по ихнимъ мѣстамъ, на Низу, такого заведепья нѣтъ.

— Не напрасно ли задумалъ, Максимычъ? — сказала Аксиныя Захаровна. — На Михайловъ день столы строили. Развѣ не станешь на Троицу?

— Осень — осенью, Троица — Троицей, а теперь само по себѣ... Не въ счетъ, не въ урядъ... Сказано: хочу, и дѣло конецъ — толковать попусту нечего, — прибавилъ онъ, возвысивъ нѣсколько голосъ.

— Слышу, Максимычъ, слышу, — покорно сказала Аксиныя Захаровна. — Дѣлай, какъ знаешь, воля твоя.

— Безъ тебя знаю, что моя! — слегка нахмурясь, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Захочу, не одну тысячу народу сгоню кормиться... Захочу, всю улицу столами загорожу, и все это будетъ не твоего бабьяго ума дѣло. Ваше бабье дѣло молчать да слушать, что большакъ приказываетъ!.. Вотъ тебѣ... сказъ!

— Да чтой-то, родной, ты ни съ того ни съ сего расходился? — тихо и смиренно вмѣшалась въ разговоръ мужа съ женой мать Манеѳа. — И слова сказать нельзя тебѣ, такъ и закипишь.

— А тебѣ тоже бы молчать, спасеная душа, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ сестрѣ, взглянувъ на нее исподлобья. — Промежь мужа да жены совѣтницъ не надо. Не люблю, терпѣть не могу!.. Слушай же, Аксиныя Захаровна, — продол-

жалъ онъ, смягчая голосъ: — скажи стряпухѣ Аринѣ, взяла бы двухъ бабъ на подмогу. Коли нѣтъ изъ нашихъ работницъ ловкихъ на стряпню, на деревняхъ искала бы. Да вотъ Анафролью можно прихватить. Вѣдь она у тебя больше при келарнѣ? — обратился онъ къ Мансѣ.

— Келарничаетъ, — отвѣчала Манеа: — только вѣдь кушанья-то у насъ самыя простыя да постныя.

— Пускай поможетъ: не осквернитъ рукъ скоромятиной. Аль грѣхъ по-вашему?

— Какой же грѣхъ, — сказала мать Манеа: — лишь бы было заповѣданное. И у насъ порой на мірскихъ людей мясное стряпаютъ, бѣлицамъ тоже ину пору. Спроси дочерей, садились ли онѣ у меня за обѣдъ безъ курочки аль безъ говядины во дни положенныя.

— Не бойсь, спасѣна душа, — шутливо сказалъ Патапъ Максимычъ: — ни зайцевъ ни давленныхъ тетерекъ на столъ не поставлю; христіане будутъ обѣдать. Значитъ, твоя Анафроль не осквернится.

— Ужъ какъ ты пойдешь, такъ только слушай тебя, — промолвила мать Манеа. — Налей-ка, сестрица, еще чайку-то, — прибавила она, протягивая чашку къ сидѣвшей за самоваромъ Аксиньѣ Захаровнѣ,

— Слушай же, Аксинья, — продолжалъ Патапъ Максимычъ: — народу чтобъ вдоволь было всего: студень съ хрѣномъ, солонина, щи со свѣжиной, лапша со свининой, пироги съ говядиной, баранина съ кашей. Все чтобъ было сготовлено хорошо и всего было бы вдосталь. За виномъ спсылать, реискаго непьющимъ бабамъ купить. Пантелей обѣдляетъ... Заѣдокъ дѣвкамъ да подросткамъ купить: рожковъ, орѣховъ кедровыхъ, жемковъ, пряниковъ городецкихъ. Съ завтрашняго дня брагу варить да сыченые квасы ставить.

— Пряниковъ да рожковъ и дома найдется, спсылать не для чего. Отъ Михайлова дня много осталось, — сказала Аксинья Захаровна.

— Коли дома есть, такъ и ладно. Только смотри у меня, чтобы не было въ чемъ недостачи. Не осрами, — сказала Патапъ Максимычъ. — Не то, знаешь меня — гости со двора, я за расправу.

— Не впервые, батька, столы-то намъ строятъ, порядки знаемъ, — отвѣчала Аксинья Захаровна.

— То-то, держи ухо востро, — ласково улыбаясь, продолжалъ Патапъ Максимычъ. — На славу твои именины справимъ. Танцы заведемъ, ты плясать пойдешь. Такъ али нѣтъ? — прибавилъ онъ, весело хлопнувъ жену по плечу.

— Никакъ опалѣлъ ты, Максимычъ! — вскрикнула Аксинья Захаровна. — Съ ума, что ли, спятилъ?.. Не молоденькій, батька, заигрывать... Прошло наше время... Убирайся прочь, нелутный!

— Ничего, сударыня, Аксинья Захаровна, — говорилъ, смѣясь, Патапъ Максимычъ. — Это мы такъ, шутку, значить, шутимъ. Авось плечо-то у тебя не отломится.

— Нашелъ время шутки шутить, — продолжала ворчать Аксинья Захаровна. — Точно я молоденькая. Вонъ дочери выросли. Хоть бы при нихъ-то постыдился на старости лѣтъ безчинничать.

— Чего ихъ стыдиться-то? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Обожди маленько, и съ ними мужья стануть заигрывать еще не по-нашему. Подь-ка сюда, Настасья!

— Что, тятенька? — сказала Настя, подойдя къ отцу.

— Станешь сердчать, коли мужъ заигрывать станеть? А? — спросилъ у нея Патапъ Максимычъ.

— Не будетъ у меня мужа, — сдержанно и сухо отвѣтила Настя, перебирая конецъ передника.

— Анъ вотъ не угадала, — весело сказалъ ей Патапъ Максимычъ. — У меня женишокъ припасенъ. Любо-дорого по-смотришь!.. Вотъ на материныхъ именинахъ увидишь... первый сортъ. Просимъ, Настасья Патаповна, любить его да жаловать.

— Не пойду за него, — сквозь зубы проговорила Настя. Краска на щекахъ у ней выступила.

— Знаю, не сама пойдешь, — спокойно отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Отецъ съ матерью вживѣ, — выдадутъ. Не вѣкъ же тебѣ въ дѣвкахъ сидѣть... Вамъ съ Паранькой не хлѣбъ-соль родительскую отрабатывать, засиживаться нечего. Эка, подумаешь, дѣвчиче-то дѣло какое, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ и къ матери Манеѣ: — у самой только и на умѣ, какъ бы замужъ, а на рѣчахъ: «не хочу» да «не пойду».

— Не приставай къ Настасѣ, Максимычъ, — вступилась Аксинья Захаровна. — И безъ того дѣвкѣ плохо можется. Погляди-ка на нее хорошенько, ишь какая стала, совсѣмъ извелась въ эти дни. Безъ малаго недѣля, бродить какъ очумѣлая. Отъ ѣды откинуло, невеселая такая.

— Кровь въ дѣвкѣ ходитъ, и вся недолга, — замѣтилъ Патапъ Максимычъ: — увидитъ жениха, хворь какъ рукой сниметь.

— Да полно-жъ тебѣ, Максимычъ, мучить ее понапрасну, — сказала Аксинья Захаровна. — Ты вотъ послушай-ка, что я

скажу тебѣ, только не сердчай, коли молвится слово не по тебѣ. Ты всему голова, твоя воля, дѣлай, какъ разумѣешь, а по моему глупому разумѣнью, деньги-то, что на столы изойдутъ, нищей бы братіи раздать, ну, хоть ради Настина здоровья да счастья. Доходна до Бога молитва нищаго, Максимиць. Самъ ты лучше меня знаешь.

— Развѣ заказано тебѣ одѣлять нищую братію? Нищѣ нищими, столы столами, — сказалъ Патапъ Максимиць. — Слава Богу, у насъ съ тобой достатковъ на это хватитъ. Подавай за Настю, пожалуй, чтобъ Госнодь послалъ ей хорошаго мужа.

— Заладилъ себѣ, какъ сорока Якова: мужъ да мужъ, — молвила на то Аксиныя Захаровна. — Только и рѣчей у тебя. Хоть бы пожалѣлъ маленько дѣвку-то. Ты бы лучше вотъ послушалъ, что матушка Манеѳа про скитскихъ «сиротъ» говорить. Про тѣхъ, что межъ обителѣй особникомъ по своимъ кельямъ живутъ. Старухи старья, хворья; пить-ѣсть хотять, а взять неоткуда.

— Да, — вступилась мать Манеѳа: — въ нынѣшнее время куда какъ тяжко приходится жить сиротамъ. Дороговизна!.. Съ каждымъ днемъ все дороже да дороже становится, а подающія сиротамъ, почитай, нѣтъ никакого. Масленица на дворѣ — ни гречневой мучки на блины ни маслица достать имъ негдѣ. Такая бѣдность, такая скудность, что единъ только Госнодь знаетъ, какъ онѣ держатся.

— Сколько у васъ сиротскихъ дворовъ? — спросилъ Патапъ Максимиць.

— Тридцать пять, — отвѣчала Манеѳа.

— Вотъ тебѣ тридцать пять рублевъ, — молвилъ тысячникъ, вынимая десятирублевую и отдавая ее Манеѳѣ. Деньги счелъ по старинѣ, на ассигнаціи. — Раздай по рублю на дворъ, — промолвилъ сестрѣ.

— Спаси тя Христось, — сказала Манеѳа, перекрестясь и завязывая бумажку въ уголокъ носового платка.

— Ну, вотъ и слава Богу, — весело проговорила Аксиныя Захаровна. — Будутъ сироты съ бляхами на масленицѣ. А какъ же бѣдные-то обители, Максимиць? — продолжала она, обращаясь къ мужу. — И тамошнимъ старицамъ блинковъ тоже захочется.

— За нихъ, сударыня моя, не бойся, съ голоду не помрутъ, — сказала Патапъ Максимиць. — Блины-то у нихъ масляныи нашихъ будутъ. Пришпилились только эти матери, копни ихъ хорошенько, пошарь въ сундукахъ, сколь золота да серебра сыщешь. Нищатся только, лицомъ брять. Такое ужъ у нихъ заведеніе.

— Ахъ, нѣтъ. Празднаго слова, братецъ, не говори, — вступилась Манеѳа. — Въ достаточныхъ обителяхъ точно — деньжонки кой-какія водятся, говорить про то нечего, а по бѣднымъ не богаче сиротъ живутъ. Вотъ хоть у насъ въ Комаровѣ взять: налицо осталось двѣнадцать обителей, въ семи-то, дай Богъ здоровья благодѣтелямъ, нужды не терпимъ, грѣхъ на Бога роптать. А въ пяти остальныхъ такая, братецъ, скудность, такая нищета, что — вѣрь ты не вѣрь моему слову — ничѣмъ не лучше сиротскихъ дворовъ. Напольныхъ взять, Марѳинныхъ, Зарѣчныхъ, покойницы матушки Солоники, Разсохинныхъ... Чѣмъ питаются, единъ Господь вѣдаетъ. Совсѣмъ не стало имъ теперь подаванія. Оскудѣла рука христіанъ, стали больше о суетѣ думать, чѣмъ о душеспасеніи. Такъ-то, родной. Съ тѣхъ поръ, какъ на Керженцѣ у Тарасія да въ Осиновскомъ у Трифины старцы да старицы отъ старой вѣры отшатнулись. благодѣющая рука христіанъ стала неразогбенна. Зачали, слышь ты, на Москвѣ всѣ наши заволжскія обители въ подозрѣны держать, всѣ-де мы за Керженцомъ да за Осинками въ это единовѣріе послѣдуемъ. Заподозрѣли и присылать перестали. Вотъ оно чтò, а ты еще говоришь: лицемѣрять. Какое тутъ лицемѣріе, какъ ѣсть-то нечего. Хоть нашу обитель взять. Ты не оставляешь, въ Москвѣ и въ Питерѣ есть благодѣтели, десять канонницъ по разнымъ мѣстамъ негасиму читають, три сборщицы по городамъ ѣздять, ну, покуда Богъ грѣхамъ тернить, живемъ и молимся за благодѣтелей. Бояркины тоже, Жженнины, Глафирнины, Игнатъевы, Московкины, Тансеины, всѣ благодѣтелями не оставлены. А другія совсѣмъ до конца дошли. Говорю тебѣ: пить-ѣсть нечего. Разсохинныхъ взять; совсѣмъ захудала обитель, а какая въ стары годы была богатая. Матушка Доснеѳа, ихня игуменья, съ горя да съ заботъ въ разсудкѣ индо стала мѣшаться...

— Запдемъ, слышь, пьеть, — замѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Не грѣши напрасно, братецъ, — возразила Манеѳа. — Мало-ль чего люди ни наплетутъ! Какое питье, когда жевать нечего, одѣться не во что!

— Зачала Лазаря!—сказала, смѣясь, Патапъ Максимычъ. — Ужъ и Разсохиннымъ нечего ѣсть! Эко слово, спасѣнная душа, ты молвила!.. Да у нихъ, я тебѣ скажу, денегъ куча: лопатами, чай, гребутъ. Обитель-то ихняя первыми богачами строена. У васъ въ Комаровѣ они и хоронилсь, и постригались, и какихъ за то вкладовъ ни надавали! Пошарь-ка у Доснеѳенъ въ сундукахъ, много тысячъ найдешь.

— Оно точно, братецъ, въ прежнее время Разсохинныхъ

обитель была богатая, это правда и по всему христіанству извѣстно, — сказала Манеѳа. — Однѣхъ инокинь бывало у нихъ по пятидесяти, а бѣлицъ по сотнѣ и больше. До пожара часовня ихняя по всѣмъ скитамъ была первая; своихъ поповъ держали, на Иргизъ на каждаго попа сотъ по пяти платили. Да вѣдь такое пространное житіе было еще при старикахъ Разсохиныхъ. А теперь, самъ ты знаешь, каковы молодые-то стали. Стару вѣру покинули, возлюбили новую, брады побрили, вышли въ господа и забыли отчье да дѣдніе гробы. Какъ есть она копейка, и той отъ нихъ на родительскую обитель не бывало. Слава міра обуяла Разсохиныхъ; про обитель Комаровскую, про строенье своихъ родителей, и слышать не хотятъ, гнушаются... Ну, и захудала обитель: бѣднѣть да бѣднѣть зачала. Къ тому-жъ Господь дважды посѣтилъ ее — горѣли.

— Сундуки-то, чать, повытаскали? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не успѣли, — молвила Манеѳа. — Въ чемъ спали, въ томъ и выскочили. Съ той поры и началось Разсохинымъ житіе горе-горькое. Больше половины обители врозь разбрелось. Остались однѣ старыя старухи и до того дошли, сердечныя, что лампадки на большой праздникъ нечѣмъ затеплить, масла нѣтъ. Намедни, въ рождественскій сочельникъ, Спасову звѣзду безъ сочива встрѣчали. Вотъ до чего дошли!

Патапъ Максимычъ подумалъ немного. Молча досталъ бумажникъ, вынулъ четвертную *) и, отдавая Манеѳѣ, сказалъ:

— Получай. Дѣли поровну: на пять обителей по пяти цѣлковыхъ. Пускай ихъ ѣдятъ блины на масленицѣ. Подлей чайку-то, Захаровна. А ты, Фленушка, что не пьешь? Пей, сударыня, не хмельное, не вредить.

— Много благодарна, Патапъ Максимычъ, — съ ужимочкой отвѣтила Фленушка. — Я ужъ очень довольна, пойду теперь за работу.

— За какую это работу? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пелену шью, — отвѣтила Фленушка. — Матушка приказала синелью да шерстями пелену вышить, къ масленицѣ падо кончить ее безпремѣнно. Для того съ собой и пальцы захватила.

— Ступай-ка въ самомъ дѣлѣ, Фленушка, — сказала мать Манеѳа: — пошей. Времени-то немного остается: на сырной недѣлѣ оказія будетъ въ Москву, падо безпремѣнно отослать. На Рогожское хочу пелену-то послать, — продолжала она,

---

*) Двадцатипятирублевый кредитный билетъ.

обращаясь къ Патапу Максимычу. — Да еще хочу къ матушкѣ Пульхеріи отписать, благословить ли она епискону омофоръ вышивать да подушку, на чемъ ему въ службѣ сидѣть. Рылась я, братецъ, въ книгахъ, искала на то правила, подобаешь ли въ шитомъ шерстями да синелью омофоръ епискону дѣйствовать — не нашла. Хоть бы единое слово въ правилахъ про то было сказано. Остаюсь въ сумнѣннѣ, парчевые ли только омофоры слѣдуетъ дѣлать, али можно и шитые. Вотъ и отписываю, — матушка Пульхерія знаетъ объ этомъ доподлинно.

Фленушка пошла изъ горницы, слѣдомъ за ней Параша. Настя осталась. Какъ въ воду опущенная, молча сидѣла она у окна, не слушая разговоръ про сиротскіе дворы и бѣдныя обитатели. Отцовскія рѣчи про жениха глубоко запали ей на сердце. Теперь она знала, что Патапъ Максимычъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ выдать ее за кого-то незнакомаго. Каждое слово отцовское какъ ножомъ ее по сердцу рѣзало. Только о томъ теперь и думаетъ Настя какъ бы избыть грозящую бѣду.

— А тебѣ, Настасья, видно, и въ самомъ дѣлѣ неможется? — спросилъ ее отецъ. — Нодь-ка сюда.

Опусти голову и перебирая уголь передника, подошла Настя къ дивану, гдѣ сидѣлъ Патапъ Максимычъ.

— Совсѣмъ дѣвга зачала изводиться, — вступилась Матвеева. — Какъ жили онѣ въ обители, какъ маковъ цвѣтъ цвѣла, а въ родительскомъ дому и румянецъ съ лица сбѣжалъ. Чудное дѣло!

— Ужъ пытала я, пытала у ней, — замѣтила Аксинья Захаровна: — скажи, молъ, Настя, чтѣ болитъ у тебя? — «Ничего, говорить, не болитъ»... И ни единого слова не могла отъ нея добиться.

— Сядь-ка рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ, сажая Настю рядомъ съ собой и обнимая рукою станъ ея. — Чтѣ, дѣвга, раскручинилась? Молви отцу. Можетъ, чтѣ и присовѣтуешь.

Не отвѣчала Настя. То въ жаръ, то въ ознобъ кидало ее, на глазахъ слезы выступили.

— Чего молчишь? Изрони словечко. Скажи хоть на ушко, — продолжалъ Патапъ Максимычъ, наклоня къ себѣ Настину голову.

— Тошпехонько мнѣ, тяти, — вполголоса сказала Настя. — Пустя ты меня, въ свѣтлицу пойду.

— Эту тошноту мы вылѣчимъ, — говорилъ Патапъ Максимычъ, ласково приглаживая у дочери волосы. — Не плачь, радость скажу. Не хотѣлъ говорить до поры до времени, да

ужь, такъ и быть, скажу теперь. Жениха жди, Настасья Патаповна. Прикатить къ матери на именины... Слышишь?.. Славный такой, молодой да здоровенный, а богачъ какой!.. Изъ первыхъ... Будешь въ славѣ, въ почетѣ жить, во всякомъ удовольствіи... Чего молчишь?.. рада?..

У Насти въ три ручья слезы хлынули.

— Не пойду за него... — молвила, рыдая и припавъ къ отцовскому плечу. — Не губи меня, голубчикъ, тятенька... не пойду...

— Отецъ велить, пойдешь, — нахмурясь, строгимъ голосомъ сказалъ Патапъ Максимычъ, отстраняя Настю.

Она встала и, закрывъ лицо передникомъ, горько заплакала. Аксинья Захаровна бросила перемывать чашки и сказала, подойдя къ дочери:

— Полно, Настенька, не плачь, не томи себя. Отецъ вѣдь любить тебя, добра тебѣ желаетъ. Полно же, пригожая моя, перестань!

Настя отерла слезы передникомъ и отняла его отъ лица. Изумились отецъ съ матерью, взглянувъ на нее. Точно не Настя, другая какая-то дѣвушка стала передъ ними. Гордо поднявъ голову, величаво подошла она къ отцу и ровнымъ, твердымъ, сдержаннымъ голосомъ, какъ бы отчеканивая каждое слово, сказала:

— Слушай, тятя! За того жениха, что сыскалъ ты, я не пойду... Рѣжь меня, что хочешь дѣлай... Есть у меня другой женихъ... Сама его выбрала, за другого не пойду... Слышишь?

— Что-о-о? — закричалъ Патапъ Максимычъ, вскакивая съ дивана. — Женихъ?.. Такъ ты такъ-то!.. Да я разражу тебя! Говори сейчасъ, негодница, какой у тебя женихъ завелся?.. Я ему задамъ...

Аксинья Захаровна такъ и обомлѣла на мѣстѣ. Матушка Манеѳа, сидя, перебирала лѣстовку и творила молитву.

— Не достанешь, тятя, моего жениха, — съ улыбкой молвила Настя.

— Кто таковъ?.. Сказывай, покамѣстъ цѣла, — въ неистовствѣ кричалъ Патапъ Максимычъ, поднимая кулаки.

— Христось, Царь Небесный, — отступая назадъ, отвѣчала Настя. — Ему общалась... Я въ кельи, тятя, иду, иночество приму.

Патапъ Максимычъ на сестру накинудся.

— Твои дѣла, спасенница? Твои дѣла?.. Ты ей въ голову такія мысли набила?

— Никогда я Настасьѣ про иночество слова не говаривала, — спокойно и холодно отвѣчала Манеѳа: — бесѣды у

меня съ ней о томъ никогда не бывало. И нѣтъ ей моего совѣта, нѣтъ благословенія идти въ скиты... Молода еще, голубушка, не свесешь... Да у насъ такихъ молодыхъ и не постригаютъ.

— А коль я къ воротамъ твоимъ, тетенька, босая приду да, стоя у веревъ въ одной рубахѣ, громко, именемъ Христовымъ, зачю молить, чтобы допустили меня къ Жениху моему?.. Прогонишь?.. Запрешь ворота?.. А?..

— Нѣтъ, не могу воротъ запереть, — отвѣчала игуменья. — Нельзя... Господь сказалъ: «грядущаго ко Мнѣ не изжену»... Должна буду принять.

— Такъ слушай же ты, спасенная твоя душа, — закричалъ Патапъ Максимычъ сестрѣ. — Твоя обитель мной только и дышитъ... Такъ али нѣтъ?

— Такъ точно, — отвѣчала Манеѳа.

— Знаешь ты, какіе строгіе наказы изъ Питера насланы?.. Всѣ скиты въ конецъ хотять порѣшить, праху чтобы ихняго не осталось; всѣхъ стариць да бѣлицъ за карауломъ по своимъ мѣстамъ разослать... Слыхала про это?

— Какъ не слыхаты! — спокойно сказала Манеѳа.

— А кто отъ васъ эту бѣду до поры до времени, покуда сила да мочь есть, отводить? — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Кто за васъ у начальства хлопочеть?.. Знаешь?..

— Знаю, что ты нашъ заступникъ. Тобой держимся, — молвила Манеѳа.

— Такъ помни же мое слово и всѣмъ игуменьямъ повѣсти, — кипя гнѣвомъ, сказалъ Патапъ Максимычъ: — если Настасья уходомъ уйдетъ въ какой-нибудь скитъ, и твоей обители, и всѣмъ вашимъ скитамъ конецъ... Слово мое крѣпко... А ты, Настасья, — прибавилъ опъ, понизивъ голосъ: — дурь изъ головы выкинь... Слышишь?.. Ишь какая невѣста Христова проявилась!.. Чтобы я не слыхалъ такихъ рѣчей...

Сказавъ это, Патапъ Максимычъ вышелъ изъ горницы и крѣпко хлопнулъ за собой дверь...

На другой день послѣ того у Чапуриныхъ баню топили. Хоть дѣло было и не въ субботу, но какъ же пріѣхавшихъ изъ Комарова гостей въ банькѣ не попарить? Не по-русски будетъ, не по старому завѣту. Да и самъ Патапъ Максимычъ такой охотникъ былъ париться, что ему хотъ каждый день баню топи.

Баня стояла въ ряду прочихъ крестьянскихъ бань за деревней, на берегу Шипинки, для безопасности отъ пожара, и чтобы лѣтомъ, выпарившись въ банѣ, близко было оку-

нутья въ холодную воду рѣчки. Любить русскій человѣкъ, выпарившись, зимой на снѣгу поваляться, лѣтомъ въ студеной водѣ искупаться. Передъ сумерками пошла париться Аксинья Захаровна съ дочерьми и съ Фленушкой, Матрена работница шла съ ними для послуги. Изъ дому въ баню надо идти мимо токарень, отъ нихъ узенькая тропинка пролегалла среди сугробовъ къ чапуринской банѣ. Высокая, бѣлая *), свѣтлая, просторная, она и снаружи смотрѣла дворянскою, а внутри все было чисто и хорошо прибрано. Линовые полки, лавки и самый полъ по нѣскольку разъ въ году строгались скобелемъ, окна въ банѣ были большія, со стеклами, и чистый передбанникъ прирубленъ былъ.

Фленушка вышла изъ дому послѣдняя, и когда вошла въ передбанникъ, Аксинья Захаровна съ Парашей ужъ раздѣвались и ушли въ баню, гдѣ Матрена полки и лавки подмывала. Настя еще раздѣвалась.

— Сейчасъ узнала, въ которой токарнѣ чей-то милый дружокъ работаетъ, — виновголоса сказала ей вошедшая Фленушка: — вторая съ краю, отъ нея тропинка въ банѣ расположена.

— Зачѣмъ узнавала, Фленушка? — спросила Настя.

— Да такъ, на всякій случай. Можетъ-быть, пригодится, — отвѣчала Фленушка. — Ну, къ примѣру сказать, вѣсточку какую велишь передать, такъ я ужъ и знаю, куда нести.

— Какія вѣсточки? Съ ума ты, что ли, сошла?

— Да развѣ сохнуть тебѣ? — сказала Фленушка. — Надо же васъ свести, жива быть не хочу, колѣ не сведу. Надо же и его пожалѣть. Пожалуй, совсѣмъ ума рѣшится, тебя не выдаючи.

— Можетъ-быть, онъ и думать-то про меня не хочетъ, — сказала Настя.

— Дуракъ онъ что ли? — отвѣчала Фленушка. — Кто отъ такой красоты отворотится? Смотри-ка какая!.. — прибавила она, глядя на раздѣвавшуюся дѣвушку. — Жизнь бы свою Алешка отдать, глазкомъ бы только взглянуть теперь на свою сударушку. Ишь какая пышная, сдобная, бѣлая!.. Точно атласъ на пуху.

И принялась щекотать Настю.

— Да полно же тебѣ, безумная! — крикнула Настя и побѣжала въ баню.

Часа черезъ полтора настали сумерки. Въ токарняхъ за-

---

*) Бѣлою называется баня съ дымовою трубой, а не курная, которую зовутъ обыкновенно черною.

шабашили. Алексѣй остался въ своей; чтобы маленько поизладить станокъ, онъ подводилъ къ нему новый ремень. Провозился онъ съ этимъ дѣломъ долго; всѣ токари по своимъ мѣстамъ разошлись, и токарни были на занорѣ. Когда вышелъ онъ и сталъ запирать свою токарню, почти совѣтъ уже стемнѣло. Кругомъ ни души. Оглянувшись назадъ, увидѣлъ Алексѣй, что по тронникѣ изъ бани идетъ какая-то женщина въ шубѣ, укрытая съ головы большимъ шерстянымъ платкомъ, и съ вѣникомъ подъ мышкой. Когда она подошла поближе, онъ узналъ Фленушку. Аксинья Захаровна съ дочерью давно ужъ домой прошла.

— Здравенько-ль поживаешь, Алексѣй Трифоновичъ? — сказала Фленушка, поровнявшись съ нимъ.

— Слава Богу, живемъ помаленьку, — отвѣчалъ онъ, снимал шапку.

— Кланяться тебѣ велѣли, — сказала она.

— Кто велѣлъ кланяться? — спросилъ Алексѣй.

— Ишь какой недогадливый! — засмѣясь, отвѣчала Фленушка. — Самъ кашу заварилъ, нагналъ на дѣвку сухоту, да еще спрашиваетъ: кто?.. Ровно не его дѣло... Безстыжій ты этакій!.. На осину бы тебя!..

— Да про кого ты говоришь? Миѣ невдомекъ, — сказалъ Алексѣй, а у самого сердце такъ и забилося. Догадался.

— Некогда миѣ съ тобой базясы точить, — молвила Фленушка. — Пожалуй, еще Матрена изъ бани пойдетъ да увидитъ насъ-съ тобой, либо въ горницахъ меня хватятся... Настасья Патаповна кланяться велѣла. Вотъ кто... Она по тебѣ сокрушается... Полюбила съ перваго взгляда... Вишь глаза-то у тебя, долговязаго, какіе неуютные, только взглянуть на дѣвку, тотчасъ и приворожилъ... Велишь, что ли, кланяться?

— Поклонись, Флена Васильевна, — сказалъ Алексѣй, съ жаромъ схвативъ ее за руку. — Самъ я ночи не сплю, самъ отъ бѣды отбилъ, только и думы, что про ея красоту неописанную.

— Ну ладно, — молвила Фленушка. — Повидаемся на-дняхъ; улучу времечко. Молчи у меня, безпремѣнно сведу васъ.

— Сведи, Флена Васильевна, сведи, — радостно вскрикнулъ Алексѣй. — Вѣкъ стапу за тебя Богу молиться!

Фленушка ушла. У Алексѣя на душѣ стало такъ свѣтло, такъ радостно, что онъ даже не зналъ, куда дѣваться. На мѣстѣ не сидѣлось ему: то въ избѣ побудеть, то на улицу выбѣжить, то за околицу пойдетъ и залыется тамъ громкою пѣсней. Въ домѣ пѣть онъ не смѣлъ, не ровень часть: осерчаетъ Патапъ Максимычъ.

Послѣ этого Алексѣй нѣсколько разъ видался съ Фленушкой. И каждый разъ передавала она ему поклоны отъ Насти и каждый разъ увѣряла его, что Настя до вѣку его не разлюбитъ и кромѣ его ни за кого замужъ не пойдетъ.

— Не отдадутъ ее за меня, — грустно сказала Алексѣй Фленушкѣ, когда заговорила она о свадьбѣ. — У насъ съ Настасьей Патаповной ровна любовь, да не ровны обычаи. Паташъ Максимычъ и богатъ и спесивъ: не отдастъ дѣтище за бѣднаго работника, что у него же въ кабалѣ живетъ... Вѣдь я въ кабалѣ у него, Флена Васильевна, на цѣлый годъ закабаленъ... Деньги отцу моему онъ выдалъ напередъ, чтобы намъ домою поправиться: вѣдь сожгли насъ, обокрали, можетъ-быть, слышала?.. А ты сама знаешь, закабаленный тотъ же барскій!.. А какой баринъ за холоповъ дочерей своихъ выдаетъ? Такъ и тутъ: все одно... Да и захочетъ ли еще Настасья Патаповна себя потерять, выйди за меня?

— Ради милаго и безъ вѣнца нашей сестрѣ не жаль себя потерять! — сказала Фленушка. — Не тужи... Не удастся свадьба «честью», «уходомъ» ее справимъ... Будь спокоенъ, я за дѣло берусь, значитъ, будетъ вѣрно... Вотъ подожди, придетъ лѣто: объжмемъ и окрутимъ тебя съ Настасьей... У нея положено, коль не за тебя, ни за кого ийти... И женихъ прійдетъ во дворъ да поворотитъ оглобли, какъ несолоно хлебаль... Не вѣнай головы, молодецъ, наше отъ насъ не уйдетъ!

Глава шестая.

По приказу Патапа Максимыча зачали у него брагу варить и сыченые квасы изъ разныхъ солодовъ ставить. Вари большія: ведеръ по сороку. Слухъ, что Чапуринъ на Аксенью-полухлѣбницу работному пароду задумалъ столы рядить, тотчасъ разнесся по окольнымъ деревнямъ. Всѣ деревенскіе, особенно бабы, немало раздумывали, немало языкомъ работали, стараясь разгадать, какихъ ради причинъ Паташъ Максимычъ не въ урочное время хочетъ народъ кормить.

Въ самый тотъ день, какъ у Чапуриныхъ брагу заварили, въ деревнѣ Ежовѣ, что стоитъ на рѣчкѣ Шшинкѣ въ полутора верстахъ отъ Осиповки, собрались мужики у клѣтей на улицѣ и толковали межъ собой про столы чапуринскіе. Кто говорилъ, что, видно, Патапу Максимычу въ волостныхъ головахъ захотѣлось сидѣть, такъ онъ передъ выборами мръ задабриваетъ, кто полагалъ, не будетъ ли у него въ тотъ

день какой-нибудь «помочи» *). Но все это пескладно-неладно придуманное тут же ежовскимъ міромъ и осмѣивалось. И въ самомъ дѣлѣ: захотѣлось бы Наталу Максимычу въ головы, давнымъ бы давно безо всякихъ угощеньевъ его цѣлой волостью выбрали, да не того онъ хочеть; не разъ откупался, ставя на сходкѣ ведеръ по пяти зеленѣ вина для угощенья выборщиковъ. На «толоку» народъ собирать ему тоже не стать: мужикъ богатый, къ тому же тароватый, гордь, сисивъ, любить почета: захочеть ли міромъ одолжаться?.. На что ему «помочь», когда въ карманѣ чистоганъ не переводится. Съ добрый часъ протолковали ежовскіе мужики, стоя кучкой у клѣтей, но ничего на дѣло похожаго не придумали. Баба дѣло рѣшила, да такъ мѣтко, будто у Чапурина въ головѣ сидѣла и мысли его читала.

Шла нѣ воду тетка Акулина, десятника жена. Поровнявшись съ мужиками, поставила ведра на-земь. Какъ не послушать бабѣ, про что мужики говорятъ.

— Эхъ, вы, умныя головы, — крикнула она, вслушавшись въ мірскія рѣчи: — толкують, что воду толкутъ, а догадаться не могутъ. Кто что ни скажетъ, не подь тотъ уголь клинъ забиваетъ... Слушать даже тошно.

На бабу, какъ водится, накинулись, осмѣяли, кто-то выругалъ, а мужъ, тутъ же стоявшій, велѣлъ ей идти, куда шла и зря не соваться, куда не спрашиваютъ.

— Да что вы, лѣшіе, безъ иуги зубы-то скалите? — крикнула Акулина. — Стоять, изъ пустого въ порожнее переключиваются, а разгадать ума не хватаетъ. Знаю, къ чему Чапурины пиры затѣваютъ.

— Ну, сказывай, коли знаешь! — заговорили мужики.

— У Патапа Максимыча дочери-то заневѣстились, — сказала Акулина: — вотъ и сзываетъ онъ купцовъ товаръ показать. Смотрины будутъ.

— Ай да тетка Акулина! Разказала, какъ размазала! — заголосили мужики.

— А баба-то, пожалуй, и правдой обмолвилась, — сказалъ тотъ, что постарше былъ. — Намедни «хозяинъ» при мнѣ на

* «Помочью», иначе «толокой», называется угощенье за работу. Хозяинъ, желающій какое-нибудь дѣло справить разомъ въ одинъ день, сзываетъ къ себѣ сосѣдей на работу и ставитъ за нее сытный обѣдъ съ пивомъ и виномъ. «Помочане» работаютъ и утромъ и послѣ обѣда, и въ одинъ день управляютъ съ дѣломъ. На «помочи» сзываютъ большей частью крестьяне недостаточные, у которыхъ въ семьѣ мало рабочихъ. Люди богатые, тысячники, не дѣлають «помочей». У сельскихъ поповъ полевые работы все больше «толокой» справляются.

базарѣ самарскаго купца Сибѣжкова звать въ гости, а у того Сибѣжкова сынъ есть, парень молодой, холостой; въ Городцѣ частенько бываетъ. Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не свадьба-ль у нихъ затѣвается.

Акулина посмѣялась надъ мужиками и пошла своей дорогой къ колодцу. Тутъ по всѣмъ дворамъ бабамъ ровно повѣстку дали; всѣ къ колодцу съ ведрами сбѣжались и зачали съ Акулиной про чапуринскую свадьбу раздабаривать. Молодица изъ деревни Шишкина случилась тутъ. Выслушавъ, въ чемъ дѣло, не заходя къ теткѣ, къ которой-было изъ-за двухъ верстъ приходила поклоняться, чтобъ та ей разбитую кринку борестой обмотала, побѣжала домой безъ оглядки, точно съ краденымъ. Какъ прибѣжала, такъ всѣхъ шишкинскихъ бабъ повѣстила, что у Чапуриныхъ смотрины будутъ. Изъ Шишкина бабы, подымая хвосты, по другимъ деревнямъ побѣжали кумушкамъ новость рассказать. И пошелъ говоръ про смотрины по всѣмъ деревнямъ. Вездѣ про Настю рѣчь вели, потому что нестаточное, необычное вышло бы дѣло, если-бъ меньшая сестра впередъ старшей пошла подъ вѣнецъ.

Пущенныя Акулиной вѣсти дошли до Осиповки. Въ одномъ изъ мшенинковъ, что цѣлымъ рядомъ стояли противъ дома Чапурина, точили посуду три токаря, въ томъ числѣ Алексѣй. Четвертый колесо вертѣлъ.

— Слышалъ, Петруха, у хозяевъ-то брагу варягъ, — говорилъ коренастый рыжеватый парень, стоя за станкомъ и оттачивая ставешокъ.

— Какъ не слышать! — отвѣтилъ Петруха, весело верти колесо, двигавшее три станка. — Столы, слышно, хозяинъ строить задумалъ. Пантелея Прохорыча завтра въ Захлыстино на базаръ посылають свѣжину да вино искупать. Утощенье, слышь, будетъ богатое. Ста полтора либо два народу будутъ кормить.

— Гдѣ-жъ столы-то рядить? — спросилъ токарь Матвѣй. — Я, парень, что-то не слыхивалъ, чтобъ зимой столы ставили. На снѣгу да на морозѣ! что за столованье! Закрутить морозъ, такъ на волѣ-то варево смерзнетъ.

— Мало развѣ у хозяина избѣ да подклѣтовъ! — замѣтилъ Петруха.

— Все-жъ полуторастамъ не уесться, — молвилъ третій работникъ, Мокеемъ звали — прозвищемъ Чалый.

— Очередь стануть держать, по-скитски, какъ по обителямъ, въ келарняхъ странныхъ угощаютъ, — отвѣчала Матвѣй. — Одни покормятся и вонъ изъ-за столовъ, на ихъ мѣсто другіе.

— Развѣ что такъ, — молвилъ Петруха, соглашаясь съ

Матвѣемъ. — Городовые купцы, слышь, найдуть, — прибавилъ онъ.

— Пирь готовятъ зазвонистый, — сказалъ Мокей. — Рукобитье будетъ, хозяйинъ-отъ старшую дочь прошивать станеть.

Ровно ножомъ полоснуло Алексѣю по-сердцу. Хоть говорила ему Фленушка, что опричь его Настя ни за кого не пойдетъ, но неожиданная новость его ошеломила.

— Въ домъ, что ли, зятя-то берутъ? — спросилъ Петруха.

— Куда, чай, въ домъ! — отозвался Чалый. — Поидеть такой богачъ къ мужику въ зятяхъ жить! Нашъ хозяйинъ, хоть и тысячникъ, да все же крестьянинъ. А женихъ-отъ мало того, что изъ стараго купецкаго рода, почетный гражданинъ. У отца у его, слышь, медалей на шеѣ-то что навѣшено, въ городскихъ головахъ сидѣлъ, въ Питерь ѣздилъ; у царя во дворцѣ бывалъ. Нашъ-отъ хоть и спесивъ, да Сибѣжковымъ на версту не будетъ.

— Сибѣжковыхъ развѣ женихъ-отъ? — спросилъ Матвѣй. — Не самарскій ли?

— Самарскіе, по всей Волгѣ купцы извѣстные, — отвѣчалъ Чалый.

— Куда-жь ему въ зятя къ мужику идти, — сказала Матвѣй: — у него, братецъ ты мой, заводы какіе въ Самарѣ, дома, самъ я видѣлъ; былъ вѣдь я въ тѣхъ мѣстахъ въ позапрошломъ году. Пароходовъ своихъ четыре ли, пять ли. Не пойдетъ такой зять къ тестю въ домъ. Своимъ хозяйствомъ, поди, заживуть. Чтѣ за находка ему съ молодой женой, да еще съ такой красавицей, въ нашихъ лѣсахъ да въ болотахъ жить!

Сильнѣй и сильнѣй напиралъ Алексѣй острымъ рѣзцомъ на чашку, которую дотачивалъ. Въ глазахъ у него зелень ходениемъ заходила, ровно угорѣлъ, въ ушахъ шумъ стоитъ, сердце такъ и замираеть. Тогда только и опомнился, какъ рѣзцомъ сквозь чашку прошелъ.

— Чтѣ это ты, Алексѣй? — съ усмѣшкой спросилъ его вертельщикъ Петруха. — Сквозь прорѣзалъ.

— Сорвалось! — сквозь зубы молвилъ Алексѣй и бросилъ испорченную чашку въ сторону. Никогда съ нимъ такого грѣха не бывало, даже и тогда не бывало, какъ, подросткомъ будучи, токарному дѣлу учился. Стыдно стало ему передъ токарями. По всему околотку первымъ мастеромъ считается, а тутъ, гляди-ка, дѣло какое.

Занабашили къ обѣду. Алексѣю не до ѣды. Пошелъ-было въ подклѣтъ, гдѣ посуду красятъ, но повернулъ къ лѣстницѣ, чтѣ ведетъ въ верхнее жилье дома, и на нижнихъ ступеняхъ

остановился. Ждалъ онъ тутъ съ четверть часа, видѣль, какъ пробрела поверху черезъ сѣни матушка Манеѳа, слышалъ громкій топотъ сапоговъ Патапа Максимыча, слышалъ наконецъ голосъ Фленушки, вышедшей изъ Пастинной свѣтлицы. Уходя, она говорила:

— Сейчасъ приду, Настенька!

— Флена Васильевна, — отозвалась съ лѣстницы Алексѣй.

Она взглянула внизъ, опернилась грудью о перила и свѣсивъ голову.

— Что ты какой? — спросила она вполголоса. — Самъ на себя не похожъ!

— Сойди на минуточку, — сказала Алексѣй. — Здѣсь въ подклѣтѣ нѣтъ никого — всѣ объѣдаютъ.

Фленушка сбѣжала въ подклѣтѣ.

— Вогъ тебѣ судья, Флена Васильевна, — сказала Алексѣй. — За что же ты надо мной насмѣялась?.. Вѣдь этакъ человѣка недолго уморить!

— Съ ума, что ли, снятиль? — спросила Фленушка. — Чѣмъ я надъ тобой насмѣялась?

— Какія рѣчи ты отъ Настасьи Патаповны мнѣ переносила?.. Какія слова говорила?.. Зачѣмъ же было душу мою мутить? Теперь не знаю, что и дѣлать съ собой — хоть камень на шею да въ воду.

— Да ты бѣлены объѣлся, али спьяну мелешь, самъ не знаешь что? — сказала Фленушка. — Да какъ ты только подумать могъ, что я тебя обманываю?.. Ахъ, ты, безстыжая твоя рожа!.. За него хлопочуть, а отъ него вотъ благодарность какая!.. Такъ ты думаешь, что и Настя облыжняны рѣчи говорила... А?..

— Отъ Настасьи Патаповны доселева я никакихъ рѣчей не слыхиваль, — молвилъ Алексѣй. — Съ тобой у меня разговоры бывали!.. Вспомни-ка, что ты мнѣ говорила, а вотъ — готовить шпры, жениха изъ Самары ждуть.

— Только-то? — сказала Фленушка и залилась громкимъ хохотомъ. — Ну, этихъ шпроръ не бойся, молодець. Рубобитью на нихъ не бывать! Пусть ихъ праздничалютъ, — а лѣто придетъ, мы залпразднуемъ; тогда на нашей улицѣ праздникъ будетъ... Слушай: брагу для гостей не доварять, я тебя сведу съ Настасьей. Какъ отъ самой отъ ней услышишь тѣ же рѣчи, что я переносила, повѣришь тогда?.. А?..

— Повѣрю, — потупись, отвѣчалъ Алексѣй.

— Меня попрекать да обманщицей обзывать не станешь?

— Не буду, — проговорилъ онъ.

— То-то же. Ступай теперь. Выкинь печаль изъ головы, не

томи понапрасну себя, а дѣвицу красну въ пѣщу тоску не вгоняй.

Мало успокоили Фленушкины слова Алексѣя. Сильно его волновало, и не зналъ онъ, что дѣлать: то на улицу выйдетъ, у воротъ посидитъ, то въ избу придетъ, за работу возьмется, работа изъ рукъ валится, на полати полѣзетъ, опять долой. Такъ до сумерекъ пробился, въ токарню не пошелъ, сказалъ старику Пантелею, что поутру угорѣлъ въ красильнѣ.

— Долго ли въ красильнѣ угорѣть, — отвѣчалъ Пантелей. — Ты бы по морозу безъ шапки ходилъ — облегчитъ.

— И впрямь пойду на морозъ, — сказалъ Алексѣй и, надѣвъ полушубокъ, пошелъ за околицу. Выйдя на дорогу, крупными шагами зашагалъ онъ, понутивъ голову. Промель версту, промель другую, видитъ мостъ черезъ оврагъ. за мостомъ дорога на двѣ стороны расходится. Оглядѣлся Алексѣй, опозналъ мѣсто и, въ раздумьѣ постоявъ на мосту, своротилъ налѣво въ свою деревню Поромово.

Громко раздавалась по крытому снѣгомъ полю Алексѣева пѣсня:

Охъ, ты, горе мое, горе-гореваньице,
Ты печаль моя, тоска лютая,
Загубила ты добра-молодца,
Красна дѣвица, дочь отецкая.

Въ каждомъ звукѣ пѣсни слышались слезы и страшная боль тоскующей души.

Послѣ крупнаго разговора съ отцомъ, когда Настя объявила ему о желаньи надѣтъ черную рясу, она ушла въ свою свѣтелку и заперлась на крюкъ. Не одинъ разъ подходила къ двери Аксинья Захаровна; и стучалась и громко окликала дочь, похныкала даже маленько, авось, дескать, материни слезы не образумятъ ли дѣвку, но дверь не отмыкалась, и въ свѣтлицѣ было тихо, какъ въ гробу.

«Уснула, — подумала Аксинья Захаровна. — Пускай се отдохнетъ... Эка бѣда стряслась, и не чаяла я такой!.. Гляди-ка-сь, въ черницы захотѣла, и что ей это въ головоньку втемянилось?.. На то ли я ее родила да вырастила?.. А все Максимычъ!.. Лѣзетъ со своимъ женихомъ!..»

Пошла Аксинья Захаровна въ другую боковушку, къ Парангѣ. Тамъ Фленушка сидѣла за пяльцами, вышивая пелену, а Параша на моговилѣ шерсть разматывала. Фленушка пѣла скитскую пѣсню, Параша ей подтягивала:

Изъ пустыни старецъ
Въ царскій домъ приходитъ,

Онъ принесъ съ собою,
Онъ принесъ съ собою
Прекрасный камень,
Толь прекрасный, прелюбезный,
Предрагій.

Иосафъ царевичъ,
Сынъ царя индѣйскаго,
Просить купца-старца:
— „Покажи мнѣ каменекъ,
Покажи мнѣ дорогой,
Я увижу и спознаю
Ему цѣну“.

— „Когда ты возможешь
Небеса измѣрить,
Небеса измѣрить,
Всѣ моря и земли
Въ горсть свою схватить,
А все противъ камня
Ровно ничего“

— „А! купецъ премудрый,—
Говоритъ царевичъ:—
Скажи свою тайну,
Какъ на свѣтъ явился,
Какъ на свѣтъ явился,
Гдѣ теперь хранится
Камень тотъ драгой?“

Отвѣчаетъ старецъ,
Видъ купца пріившій,
Преподобный Варлаамъ:
— „Камень не хранится,
Камень не хранится,
Съ нами пребываетъ
Онъ навсегда.

Пречистая дѣва
Родила сей камень,
Въ ясли положила,
Грудью вскармила,
Грудью вскармила
Бога-человѣка,
Спасителя.

„Онъ нынѣ пребываетъ
Выше звѣздъ небесныхъ,
Солица со звѣздами,
А земля съ морями,
А земля съ морями
Непрестанно славятъ
Его навсегда“.

— Заперлась, — грустно сказала Аксинья Захаровна, обращаясь къ Фленушкѣ. — И окликала ее и стучалась къ ней, нишкнетъ голубушка... А ты что, Параня, какъ смотришь?.. Аль не жалко сестры-то?..—прибавила она, замѣтивъ, что та усмѣхается, поглядывая на Фленушку.

Но Фленушка была спокойна и даже тоскливо смотрѣла на

Аксинью Захаровну. Она ужъ и Парашу кое-чему научила: какъ говорить съ отцомъ съ матерью, по той и супротивничать-то лѣнь была. Спать бы только ей да валяться на мягкомъ пуховикѣ — другой отрады не знавала Параша.

— Не о чемъ ей убиваться-то, мамынька, — молвила Параша. — Чтѣ въ самомъ дѣлѣ дурь-то на себя набиваетъ?.. Какъ бы мнѣ тятя привезъ жениха, я бы, кажись, за околицу навстрѣчу къ нему...

— Ахъ, ты, срамница, безстыдница! — крикнула Аксинья Захаровна. — Гдѣ ты этому научилась, гдѣ такихъ словъ набралась, безпутная голова твоя?.. Навстрѣчу!.. За околицу!.. А вотъ я тебя дубцомъ *)!..

— Да что-жъ, мамынька? Коля Настѣ тятенькинъ женихъ не по мысли, отдай мнѣ его, съ радостью пойду.

— Ахъ, ты, безстыжая!.. Ахъ, ты, безумная! — продолжала начинать Парашу Аксинья Захаровна. — А я еще распиналась за васъ передъ отцомъ; говорила, что обѣ вы еще птешники!.. Ахъ, непутная, непутная!.. Ногоди ты у меня, вотъ отцу скажу... Опъ тѣ шкуру-то спуститъ.

— Не спуститъ. Не за что, — отвѣчала Параша.

Насилу уняла Парашу Аксинья Захаровна.

— Фленушка, — сказала она: — отомкнется Настя, перейди ты къ ней въ свѣтелку, родная. У ней свѣтелка большая, двоимъ вамъ не будетъ тѣсно. И пальцы перенеси и почувь съ ней. Одну ее теперь нельзя оставлять, мало ли чтѣ можетъ приключиться... Такъ ты ужъ, пожалуйста, пригляди за ней... А къ тебѣ, Прасковья, я Анафролью пришло, чтобъ и ты не одна была... Да у меня дурь-то изъ головы выкинь, не то смотри!.. Перейди же туда, Фленушка.

— Слушаю, Аксинья Захаровна, — молвила въ отвѣтъ Фленушка. — Какъ отомкнется, тотчасъ переберусь. Тамъ же мнѣ и вышивать свѣтлѣе, окна-то на полдень.

— Поразговори ты ее, — говорила Аксинья Захаровна: — развесели хоть крошечку. Вѣдь ты бойкая, Фленушка, шустрая, и мертвого размѣшишь, какъ захочешь... Больно боюсь я, родная... Чтѣ такое это съ ней подѣлалось — ума не могу приложить.

— Ничего, Аксинья Захаровна, — молвила въ отвѣтъ Фленушка. — Не безпокойтесь: все минетъ, все пройдетъ.

— Дай-ка Богъ, дай-ка Богъ, — вздохнула Аксинья Захаровна и пошла изъ Парашинной боковуши.

Фленушка, подойдя къ Настинѣ свѣтелкѣ, постучалась и,

*) Дубецъ — розга.

точно въ кельяхъ, громко прочитала молитву Ісусову. Услышавъ Фленушкинъ голосъ, Настя отомкнула.

— Я къ тебѣ ровно къ старицѣ въ келью, съ молитвой, — смѣясь, сказала Фленушка. — Творить ли метанія передъ честною инокиней, просить ли прощенья и благословенья?

— Тебѣ, Фленушка, смѣхъ да шутки, — упрекнула ее, обливаясь слезами, Настя. — А у меня сердце на части разрывается. Привезутъ жениха, разлучать меня...

— Ну, это еще посмотримъ, разлучать ли тебя, нѣтъ ли съ Алешкой, — молвила Фленушка. — Всѣхъ проведемъ, всѣхъ одурчимъ, свадьбу уходомъ сыграемъ. Надѣйся на меня да слушайся, все по хотѣнью нашему сбудется.

— Ахъ, Фленушка, Фленушка!.. и хотѣлось бы вѣрить, да не вѣрится, — отирая слезы, сказала Настя. — Вонъ тятенька-то какъ осерчалъ; какъ я по твоему наученью свысока поговорила съ нимъ. Не вышло ничего, осерчалъ только пуще...

— А зачѣмъ черной рясой пугала? — возразила Фленушка. — Нашла чѣмъ пригрозить!.. Скитомъ да Небеснымъ Женихомъ!.. Эка!.. Такъ вотъ онъ и испугался!.. Какъ же!.. Властенъ онъ надъ скитами, особенно надъ нашей обителью. Въ скиту отъ него не схоронисься. Изъ всякой обители выйметъ, ни одна игуменя прекословить не посмѣетъ. Всѣ ему покоряются, потому что — сила.

— И сама не знаю, какъ на умъ мнѣ вошло про черничество молвить, — сказала Настя.

— А ты вотъ что скажи ему, чтобы дѣло поправить, — говорила Фленушка. — Только слезъ у тебя и слѣдовъ чтобы не было... Коли самъ не начнетъ говорить, сама не зачинай, пригрози ему, да не черной рясой, не иночествомъ...

— Чѣмъ же? — спросила Настя.

— Сначала рѣчь про кельи поведи, не замѣтилъ бы, что мысли мѣняешь. Не то твоимъ словамъ вѣры не будетъ, — говорила Фленушка. — Скажи: если, молъ, ты меня въ обитель непустишь, я, молъ, себя не пожалѣю: либо руки на себя наложу, либо какого ни на есть парня возьму въ полюбовники да «уходомъ» за него и уйду... Увидишь, какой тихонькій послѣ такихъ рѣчей будетъ... Только ты скрѣпи себя, что-бъ онъ ни дѣлалъ. Неравно и ударить: не сробѣй, смѣло говори, да строго, свысока.

— Хорошо, — сказала Настя: — хоть и жалко мнѣ его, тятеньку-то. Вѣдь онъ добрый, Фленушка.

— А Алешку-то развѣ не жалко? — прищуривъ глаза, лукаво спросила Фленушка.

— Ахъ, Фленушка!.. И его мнѣ жалко... Рада жизнь отдать за него, — сказала Настя.

— То-то и есть, — молвила Фленушка. — Коль отца пуще его жалѣешь, выходи за припасеннаго жениха.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтъ!.. — съ жаромъ заговорила Настя. — Удавлюсь, либо камень на шею да въ воду, а за тѣмъ женихомъ, чтò тятя на базарѣ сыскалъ, я не буду...

— Такъ и отцу говори, — молвила Фленушка, ободрительно покачивая головою. — Этими самими словами и говори да опричь того «уходомъ» пугни его. Больно вѣдь не любятъ эти тысячники, какъ имъ дочери такія слова выговариваютъ... Слесивы, горды они... Только ты не кипятись, тихимъ словомъ говори. Но смѣло и строго... Какъ разъ проймешь, струсить... Увидишь.

— Сдѣлаю по-твоему, Фленушка, — сказала Настя. — Сегодня же сдѣлаю. А его видѣла? — прибавила она, понизивъ голосъ.

— Алексѣя-то?

— Да, — полушопотомъ промолвила Настя.

— Видѣла. И онъ тѣмъ же женихомъ беспокоится, — сказала Фленушка. — Какъ хочешь, Настенька, а вамъ надо безпремѣнно повидаться, обо всемъ промежь себя переговорить. Да я сведу васъ. Аксинья-то Захаровна велѣла мнѣ въ твою свѣтелку перебраться.

— Въ самомъ дѣлѣ? — радостно воскликнула Настя. — То-то наговоримся...

— Не въ томъ дѣло, — отвѣчала Фленушка. — То хорошо, что, живучи съ тобой, легче мнѣ будетъ свести васъ. Вотъ я маленько подумаю да все и спроворю.

И, прищелкивая пальцами, весело запѣла:

Я у батюшки дочка была, я у тысячника,
У тысячника.

Приневоливалъ меня родной батюшка,

Приговаривала матушка

Замужъ дѣвушкѣ идти,

Да идти да и замужъ

Дѣвушкѣ идти.

Во всѣ грѣхи тяжкіе,

Грѣхи тяжки поступить,

Тяжки поступить.

Да дождусь я, дѣвка, темной ночи,

Въ полночи уйду въ темный лѣсъ,

Да и въ лѣсъ.

За обѣдомъ Патапъ Максимычъ былъ въ добромъ расположеніи духа, шутки шутилъ даже съ матушкой Манеёвой. Передъ обѣдомъ долго говорилъ съ ней, и та успѣла убѣдить брата, что никогда не совѣтовала она племянницѣ принимать

иночество. Больше всего Патапъ Максимычъ надъ Фленушкой подшучивалъ, но та сама зубаста была и, при всей покорности, въ долгу не оставалась. Настя молчала.

Отобѣдали, но своимъ мѣстамъ разошлись. Патапъ Максимычъ прошелъ въ Настину свѣтелку и сказалъ Фленушкѣ, чтобъ она подождала, покуда онъ станетъ съ дочерью говорить, не входила-бъ въ свѣтелку.

— Я нарочно пришелъ къ тебѣ, Настя, добрымъ порядкомъ толковать, — началъ Патапъ Максимычъ, садясь на дочернину кровать. — Ты не кручись, не серчай. Давеча я пошумѣлъ, ты къ сердцу отцовскихъ рѣчей не примай. Хочешь, бусы хороши куплю?

— Не надо мнѣ, тятенька, подарковъ твоихъ, — сухо отвѣтила Настя. — И безъ того много довольна. Не дари меня, только не отнимай воли дѣвичьей.

— Какая это воля дѣвичья? — спросилъ, улыбаясь, Патапъ Максимычъ. — Шестой десятокъ на свѣтѣ доживаю, про такую волю не слыхивалъ. И при отцахъ нашихъ и при дѣдахъ про дѣвичью волю не было слышно. Что-жъ это за воля такая понѣ проявилась? Скажи-ка!

— А вотъ какая это воля, тятенька, — отвѣтила Настя. — Примѣромъ сказать, хотъ про жениха, чтъ ты мнѣ на базарѣ гдѣ-то сыскалъ. Сибѣжковъ, что ли, онъ тамъ прозывается. Не лежитъ у меня къ нему сердце, и я за него не пойду. Въ томъ и есть воля дѣвичья. Кого полюблю, за того и отдавай, а воли моей не ломай.

— Да вѣдь ты еще не видала Сибѣжкова, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Можетъ, приглянется. Парень молодой, разумный.

— Что молодъ, про то спорить не стану, не видала, — молвила Настя. — А разумень ли, не знаю.

— Я тебѣ сказываю, что разумень, — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Алъ не вѣришь отцу?

— Вѣрю, тятя, — молвила Настя. — Только вотъ чтъ скажи ты мнѣ: гдѣ-жъ у него былъ разумъ, какъ онъ сваталъ меня? Не выдавши ни разу, — вѣдь не знаетъ же онъ, какова я изъ себя, пригожа али нѣтъ, — не слыхавши рѣчей моихъ, — не знаетъ, разумна я, или дура какая-нибудь. Знаетъ одно, что у богатаго отца молодья дочери есть, ну и давай свататься. Самъ, тятя, посуди, можно ли мнѣ отъ такого мужа счастья ждаль?

— Да онъ не самъ сватался, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Мы съ его родителемъ ладили дѣло.

— А! старики рѣшили, значитъ! — улыбаясь, сказала

Настя. — Пускай, дескать, дѣтки живутъ, какъ себѣ знаютъ.. А скажи-ка мнѣ, тятя, какъ у васъ рѣчь про свадьбу зашла? Ты зачалъ, али Снѣжковъ?

Промолчалъ Патапъ Максимычъ.

— Вѣдь не ты же, тятя, первый зачалъ, — продолжала Настя. — Не станешь же ты у богатыхъ купцовъ своимъ дочерямъ жениховъ вымалывать. Не такой ты человекъ, дочерей не продашь.

Совѣстно стало Чалуруину. Всталъ онъ съ кровати и зачалъ крупными шагами снова вѣздъ и впередъ по свѣтлицѣ.

— Несодѣянное говоришь! — зачалъ онъ. — Чтѣ за рѣчи у тебя стали!.. Стану я дочерей продавать!.. Слушай, до самаго Рождества Христова единого словечка про свадьбу тебѣ не моваю.. Цѣлый годъ — одумаешься тѣмъ временемъ. А тамъ поглядимъ да посмотримъ... Не кручинься же, голубка, — продолжалъ Патапъ Максимычъ, лаская дочь. — Вѣдь ты у меня умница.

— Прости меня, тятя, голубчикъ, что давеча я тебя на гнѣвъ навела, — склонивъ головку на отцовскую грудь, молвила Настя.

— Ну, и меня прости, — сказалъ Патапъ Максимычъ, поглаживая волосы Насти и цѣлуя ее въ глаза.

— Только помни, тятя, мое слово, — рѣшительно и твердо проговорила Настя. — Коли вздумаешь меня силой замужъ отдать, я надъ собой что-нибудь сдѣлаю.

— Чтѣ сдѣлаешь? — вызывающимъ голосомъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ скитъ уйду, черну рясу надѣну, — сказала Настя. — А возьмешь изъ обители, — потеряю себя.

— Экъ чтѣ вздумала, — воскликнулъ тревожно Чалуруинъ.

— Руки наложу на себя: камень на шею да въ воду, — сверкая очами, молвила Настя. — А не то еще хуже надѣлаю! Замужъ уходомъ уйду!.. За перваго парня, чтѣ на глаза подвернется, будь онъ хоть барскій!.. Погоней отобьешь — гулять зачну.

— Чтѣ ты, Настасья? — смутясь отъ словъ дочери и понизивъ голосъ, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Въ умѣ ли?.. Да какъ у тебя языкъ повернулся такое слово сказать?

— Къ слову только сказала, — сдержанно отвѣтила Настя.

— Не забирай же въ голову пустяковъ, — строго, но тихо промолвилъ Чалуруинъ, уходя изъ свѣтелки. — Покуда прощай.

Патапъ Максимычъ ушелъ въ свою заднюю, прилегъ уснуть, но сонъ не бралъ его. Настины слова изъ ума не выходили. «Дѣвка съ норовомъ, — думалъ онъ. — Съ виду тихоней смотритъ, а гляди-ка какая!.. Уходомъ!.. Нѣтъ, ни окрикомъ ни плетью

такую не проймешь!.. Хуже начудить!.. Лаской-надо, дѣлать нечего!.. Уходомъ!.. Эко слово сказала!..»

Глава седьмая.

«Свадьба уходомъ» — въ большомъ обыкновеніи у заволжскихъ раскольниковъ. Это — похищеніе дѣвушки изъ родительскаго дома и тайное вѣнчанье съ нею у раскольникяго попа, а чаще въ православной церкви, чтобъ дѣло покрѣпче связано было. Вѣнчанье у раскольникяго попа поди еще доказывай, а въ церкви хотя не по-старому вѣнчаны, хоть не по-солонь вкругъ налоя вожены, да дѣло выходитъ невпримѣръ крѣпче: повѣнчаннаго въ великороссійской съ женой не развѣнчаешь, хоть что хочешь дѣлай. Оттого при «свадьбахъ уходомъ» раскольники больше и бѣгають къ церковному попу, особенно если бѣдняку удастся подхватить дочь тысячника.

Обычай «крутить свадьбы уходомъ» изстари за Волгой ведется, а держится больше оттого, что въ тамошнемъ крестьянскомъ быту каждая дѣвка, живучи у родителей, несетъ долю нерадостную. Дѣвкой въ семьѣ дорожать, какъ даровою работницей, и замужъ «честью» ее отдаютъ неохотно. Надо, говорить, дѣвкѣ родительскую хлѣбъ-соль отработать; заработаешь, — иди куда хочешь. А срокъ дочернихъ заработковъ длинень: до тридцати лѣтъ и больше она повинна у отца съ матерью въ работницахъ жить.

Дѣвки не бойкія, особенно тѣ, кого Богъ красотой обдѣлил, засиживаются и старѣются въ родительскомъ дому за деннонощной работой!.. Минеть тридцать лѣтъ — куда ей дѣваться? Рѣдко выпнетъ такой человекъ, чтобы взялъ за себя старую; развѣ иная за вдовца-старика на большую семью пойдетъ. Старой дѣвкѣ середь молодыхъ ужъ и мѣста нѣтъ — всѣ ея чуждаются!.. Ни на супрядки зимой ни въ хороводы лѣтомъ!.. Молодые парни въ глаза смѣются надъ перестаркой!.. Куда дѣваться, къ чему себя пристроить, а умереть отецъ съ матерью, куда приклонить голову?.. И принимается дѣвка за «душеспасенье»: въ скитъ пойдетъ, либо выпроситъ у отца кельенку поставить на задворицѣ, и въ ней, надѣвъ черный сарафанъ и покрывъ чернымъ платкомъ голову, въ знакъ отреченья отъ міра, станетъ за псалтырь, заказные сорокоусты читать да деревенскихъ мальчишекъ грамотѣ обучать, — тѣмъ и кормится. По времени въ келейку ея три-четыре такихъ же старыхъ дѣвокъ наберется, заведутъ онѣ «общезитіе», — смотришь, маленькій скитокъ въ деревнѣ завелся: и моленная въ немъ и служба вседневная, покуда полиція, провѣдавъ

про богомолокъ, не разгонитъ ихъ по своимъ мѣстамъ, откуда которая пришла.

Дѣвка побойчѣй да покрасивѣй не такъ дѣлаетъ. Спознается на супрядкахъ либо въ хороводѣ съ молодымъ парнемъ, непрѣмѣнно изъ другой деревни, полюбятъ они другъ дружку и станутъ раздумывать, отдадутъ родители дѣвицу «честью», аль придется свадьбу «уходомъ» играть. Нѣтъ надежды на согласье, дѣвушка тихонько сберетъ приданое и одежду, какая есть у ней, передать возлюбленному, а потомъ и сама на условное мѣсто придетъ. Женихъ кидаетъ невѣсту въ сани и съ товарищами мчится во весь опоръ къ попу. Родители, узнавъ про уходъ дочери, тотчасъ лошадей запрягаютъ, въ погоню скакатъ, родныхъ, сосѣдей на ноги поднимаютъ, разсыплются по всѣмъ сторонамъ бѣглецовъ искать. Случается, что настигаютъ. И тогда зачнутъ у поѣзжанъ «отбивать невѣсту»... Иной разъ тутъ дѣло до крови доходить. Но не всегда такъ бываетъ, обыкновенно женихъ съ невѣстой успѣваютъ доскакать до попа и обвѣнчаться. Затѣмъ мужъ везетъ молодую жену къ своимъ родителямъ, тѣ ужъ дожидаются — знаютъ, что сынъ поѣхалъ сноху имъ выкрасть, новую даровую работницу въ домъ привести, съ радостью встрѣчаютъ они новобрачныхъ. На другой либо на третій день новобрачный, съ женой, отправляется къ тестю прощенья просить. Тамъ принимаютъ его съ бранью, дочь съ проклятьями. Вся деревня сбѣжится смотрѣть, какъ молодые, поклонясь въ землю, лежать, не шелохнувшись, ницъ передъ отцомъ передъ матерью, выпрашивая прощенья, а отецъ съ матерью ругаютъ ихъ ругательски и клянутъ, и ногами въ головы пихаютъ, а послѣ того и колотить примутся: отецъ плетью, мать сковородникомъ. Наконецъ уходится сердце родительское. За побоями да за бранью мировая слѣдуетъ, но ужъ кромѣ того, что успѣла невѣста жениху передъ уходомъ передать, никакого приданого ей не дается. Не бываетъ при свадьбѣ уходомъ ни «горнаго стола» ни подарковъ, все оканчивается двумя обѣдами родителей однихъ у другихъ. Случается, и это бываетъ нерѣдко, что родители жениха и невѣсты, если не изъ богатыхъ, тайкомъ отъ людей, даже отъ близкой родни, сталкиются межъ себя про свадьбу дѣтей и рѣшатъ не играть свадьбы «честью», во избѣжанье расходовъ на пиры и дары, а велятъ дѣткамъ самимъ справлять свадьбу, какъ знаютъ. При этомъ однакожь весь обрядъ чинъ чиномъ соблюдается: и погоня во всѣ стороны, и брань съ проклятьями при встрѣчѣ, и топанье ногами, и битье плетью и ухватомъ на глазахъ сбѣжавшейся деревни: все какъ слѣдуетъ. Но когда родительское сердце

утолится и руки колотить новобрачных устанутъ, мирятся, и тѣмъ же ухватомъ, что мать дочку свою колотила, принимается она изъ печки горшки вынимать, чтобы нарочно состряпаннымъ кушаньемъ любезнаго зятюшку потчевать.

Крѣпко было слово, сказанное Настей. Патапъ Максимычъ не уснулъ отъ него послѣ обѣда. А этого съ нимъ лѣтъ съ пять не случалось, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, прослышавъ про сгорѣвшія на Волгѣ, подъ Свияжскомъ, барки, долго находился онъ въ неизвѣстности: не его ли горящина погорѣла.

Сказавъ женѣ, какое слово молвила ему Настя, Патапъ Максимычъ строго-настрого наказалъ ей глядѣть за дочерью въ оба, чтобъ дѣвка въ самомъ дѣлѣ, забравъ дурь въ голову, бѣдъ не патворила.

— Особенно по веснѣ, какъ дома меня не будетъ, — говорилъ онъ: — смотри ты, Аксиныя, за ней хорошенько. Лѣтомъ до грѣха недолго. По грибы аль по ягоды чтобъ обѣ онѣ и думать не смѣли ходить, за околицу одиныхъ не пускай, всяко можетъ случиться.

— Стану глядѣть, Максимычъ, — отвѣчала Аксиныя. — Какъ не смотрѣть за молодыми дѣвками! только, по моему глупому разуму, напрасно ты про Настю думаешь, чтобъ она такое дѣло сдѣлала... Скорь ты больно на рѣчи-то, Максимычъ!.. Давеча дѣвку на смерть напугалъ. А съ испугу мало-ль какое слово иной разъ сорвется. По глупости, спросту сказала.

— Спросту!.. Какъ же!.. — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Пѣтъ, у ней что-нибудь да есть на умѣ. Ты бы изъ нея попытала, можетъ, промолвится. Только не бранью, смотри, не попреками. Видишь, какая нравная дѣвка стала, тутъ грозой ничего не подѣлаешь... Ужь не затѣяно ли у ней съ кѣмъ въ скиту?

— Не грѣши попусту, Максимычъ, — сказала Аксиныя Захаровна. — Немало я сегодня пытала у матушки Манеены: не видала-ль Настасья кого изъ наѣзжихъ, не приглянудся ли кто. «Нѣтъ, говорить, не видывала никого ни Настя ни Параня». Въ строгости вѣдь она держала ихъ. И Фленушка то же говорить.

— Да что Фленушка! — замѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Фленушка хоть и знала бы что, такъ покроетъ, а Манеена на старости ничего не видитъ. Ты бы другихъ разспросила.

— Спрошу, Максимычъ. Вотъ хоть Анафролюшку.

— Да умненько спрашивай, стороной да обиняками, шутками больше, дѣвку бы не срамить.

Лишь только вышелъ Патапъ Максимычъ изъ Настинной свѣтлицы, вбѣжала туда Фленушка.

— Ну вотъ, умница, — сказала она, взявши руками раскраснѣвшіяся отъ подавляемаго волненья Настины щеки. — Молодецъ дѣвка! можно чести приписать!.. Важно отца отдѣлала!.. До послѣдняго словечка все слышала, у двери все время стояла... Говорила я тебѣ, что струсить... По-моему вышло...

— Жалко мнѣ тятеньку, Фленушка, совѣстно передъ нимъ, — отвѣчала Настя.

— Ужъ ты зачнешь хныкать! — сказала Фленушка. — Ну, ступай прощенья просить, «прости, молю, тятенька, Христа ради, ни впредь ни послѣ не буду и сейчасъ съ самарскимъ женихомъ подъ вѣнецъ пойду»... Не дури, Настасья Патаповна... Благо отсрочку далъ.

— Что-жъ изъ того, что отсрочка дана?.. Потомъ-то что?.. — сказала Настя.

— Алешкиной женой будешь, — молвила Фленушка.

— Какъ же такъ?

— Уходомъ. Ты, Настя, молчи, слезъ не рони, бѣла лица не томи: все живой рукой обдѣлаемъ. Смотри только, построже съ отцомъ разговаривай, а слезъ чтобъ въ заводѣ при немъ не бывало. Слышишь?

— Слышу, — сказала Настя.

— Бодрѣй да смѣлѣй держи себя. Сама не увидишь, какъ верхъ надъ отцомъ возьмешь. Про мать нечего говорить, ея дѣло хныкать. Слезами ее принимай.

— Добрая она у насъ, Фленушка, и смиренная, даромъ что покричитъ иной разъ, — сказала Настя. — Силь моихъ не станеть супротивъ мамыньки пдти... Такъ и подмываетъ меня, Фленушка, всю правду ей рассказать... что я... ну, да про него...

— Сохрани тебя Господи и помплуй!.. — возразила Фленушка. — Говорила тебѣ и теперь говорю, чтобъ про это дѣло, кромя меня, никто не зналъ. Не то быть бѣдѣ на твоей головѣ.

Вечеромъ, послѣ ужина, Настя съ Фленушкой заперлись въ свѣтелкѣ.

— Тошнехонько мнѣ, Фленушка, — говорила Настя, въ утомленьи ложась на кровать нераздѣтая. — Болить мое сердечушко, всю душеньку поворотило. Сама не знаю, что со мной дѣлается.

— А я знаю!.. — бойко подхватила Фленушка. — Да провалиться мнѣ на семь мѣствъ, коли завтра-жъ тебя я не выльчу, — прибавила.

— Нѣтъ, Фленушка, совсѣмъ истосковалась я, — сказала Настя. — Чтò ни день, то хуже да хуже мнѣ. Мысли даже въ головѣ мѣшаются. Хочу о томъ, о другомъ пораздумать; задумаю, умъ ровню туманомъ такъ и застелеть.

— Про долговязаго, поди, все думаешь? — сказала Фленушка.

— Да... — едва слышно молвила Настя, кинувшись лицомъ въ подушку.

— Повидаться надо, маленько покалякать, — сказала Фленушка. — Давеча опять я съ нимъ видѣлась, говорила... Поклонъ отъ тебя сказала.

— Что-жъ онъ? — съ живостью спросила Настя, вскочивъ на кровати. — Да говори же!

— Не стоить говорить, — молвила Фленушка.

— Да нѣтъ, скажи, пожалуйста. Милая, голубушка, скажи, — приставала Настя, горячо обвиняя и порывисто цѣлуя Фленушку.

— Да отстань же, Настя!. Полно!. Ну, будетъ, будетъ, — говорила Фленушка, отстраняясь отъ ея ласкъ и поцѣлуевъ. — Да отстань же, говорятъ тебѣ... Ишь привязалась, совсѣмъ задушила!

— Да что-жъ говорилъ онъ? — умоляла Фленушку Настя. — Не мучь!. И безъ того тошно... Скажи поскорѣй.

— Говорилъ, чтò въ такихъ дѣлахъ говорится, — отвѣчала Фленушка. — Что ему безъ тебя весь свѣтъ постылъ, что иззудила ты его, что съ горя да тоски дѣваться не знаетъ куда, и что очень боится онъ самарскаго жениха. Какъ я ни увѣряла, что опричь его ни за кого не пойдешь, — не вѣрить. Тебѣ бы самой сказать ему.

— Да какъ же это, Фленушка? — потупясь, спросила Настя.

— А вотъ какъ, — немножко подумавъ, молвила Фленушка. — Завтра я его сюда приведу.

— Обезумѣла ты!.. А тятенька-то?..

— А какъ самъ тятенька Алешку въ свѣтлицу къ тебѣ пошлетъ?.. — съ усмѣшкой молвила Фленушка.

— Чего только ты ни вздумаешь!.. Только послушать тебя, — сказала Настя. — Статочно ли дѣло, чтобъ тятенька его сюда прислалъ?

— Да помереть мнѣ, съ мѣста не вставши, коли такого дѣльца я не состряпаю, — весело воскликнула Фленушка. — А ты, Настенька, какъ Алешка придетъ къ тебѣ, — прибавила она, садясь на кровать возлѣ Насти: — говори съ нимъ умненько да хорошенько, парня не запугивай... Смотри, не обидь его... И безъ того чуть живъ ходитъ.

— Ты все шутки шутишь, Фленушка, а мнѣ не до нихъ, — тяжело вздыхая, сказала Настя. — Какъ подумаешь, что будетъ впереди, сердце такъ и замретъ... Научила ты меня, какъ съ тятенькой говорить... Ну, смиловался, годъ не хочеть про свадьбу поминать... А черезъ годъ-отъ что будетъ?

— До году долго ждать, — отвѣчала Фленушка. — Весной повѣнчаешься.

— Не мели пустяковъ, — молвила Настя. — И безъ того тошно!

— Какъ отцу сказано, такъ и сдѣлаемъ, — ухodomъ, — отвѣчала Фленушка. — Это ужъ моихъ рукъ дѣло, слушайся только меня да не мѣшай. Ты вотъ что дѣлай: приѣдетъ женихъ, не прячься, не бѣгай, говори съ нимъ, какъ водится, да словечко какъ-нибудь вверни, что я, молъ, въ скитахъ выросла, изъ дѣтства, молъ, желаніе возымѣла Богу послужить, черну рясу надѣтъ... А потомъ просись у отца на лѣто къ намъ въ обитель гостить, не то матушку Манею упроси, чтобъ она оставила у васъ меня. Это еще лучше будетъ.

— Что-жъ изъ этого будетъ? — спросила Настя.

— А то и выйдетъ, что лѣтомъ, какъ тятенька твой на Низъ уѣдетъ, мы свадьбу и скрутимъ. Алексѣй не робкаго десятка, не побойтся.

— Боязно, Фленушка, — молвила Настя. — Сердце такъ и замретъ, только про это я вздумаю. Нѣтъ, лучше выберу я времечко, какъ тятенька ласковъ до меня будетъ, повалюсь ему въ ноги, покаюсь во всемъ, стану просить, чтобъ выдалъ меня за Алешу... Тятя добрый, пожалѣетъ, не стерпитъ моихъ слезъ.

— Чтобъ отецъ твоихъ слезъ не видалъ, — повелительно сказала Фленушка. — Онъ крутъ, такъ и съ нимъ надо быть крутой. Дѣло на хорошей дорогѣ, не испортъ. А про Алексѣя отцу сказать и думать не моги.

— Отчего же? — спросила Настя.

— Развѣ не слыхала, что теперь по всѣмъ деревнямъ вой идетъ? — спросила Фленушка.

— Сказывалъ тятенька, что съ Великаго поста рекрутовъ брать зачнутъ, — отвѣчала Настя.

— То-то же. Алексѣй-отъ удѣльный вѣдь? — спросила Фленушка.

— Да.

— А головой удѣльнымъ кто?

— Михайла Васильичъ.

— Отцу-то пріятель?

— Пріятель

— Такъ Патапу Максимычу слово стдить сказать ему — «убери, молю, подальше Аленку Лохматаго», — какъ разъ забрестъ, — сказала Фленушка.

— И въ самомъ дѣлѣ, — молвила Настя. — Навела ты меня на разумъ... Ну, какъ бы я погубила его!

— То-то же. Говорю тебѣ, безъ моего совѣта слова не молви, шагу не ступи, — продолжала Фленушка. — Станешь слушаться — все хорошо будетъ, по-своему затѣешь — себя и его сгубишь... А ужъ жива быть не хочу, коли лѣтомъ ты не будешь женой Алексѣевой, — прибавила она, бойко при-топнувъ ногой.

— А какъ онъ не захочетъ? — понизивъ голосъ, спросила Настя.

— Кто не захочетъ?

— Да онъ...

— Алексѣй-отъ? — сказала Фленушка и захохотала. — Экъ что выдумала!.. Отъ этакой крали откажется!.. Не бойсь — губа-то у него не дура... Ишь какую красоту приворожилъ!.. А нмѣнья-то что!.. На голы-то зубы ему твои сундуки не лишними будутъ. Да и Патапу Максимычъ посерчаетъ-посерчаетъ да и смиляется. Не ты первая, не ты послѣдняя свадьбу уходомъ справишь. Извѣстно, сначала взбѣлится, а мѣсяць, другой пройдутъ, слесь-то и свалится, возьметъ зятя въ домъ, и заживете вы въ добромъ ладу и совѣтѣ. Что расхныкалась? — спросила Фленушка, увидя, что Настя, уткнувшись лицомъ въ подушку, опять принялась всхлипать.

— Не на счастье, не на радость уродилась я, — причитала Настя: — счастливыхъ дней на роду мнѣ не писано. Изпою я, горемычная, загинуть мнѣ въ горѣ - тоскѣ.

— Да полно же ты! — ободряла ее Фленушка. — Чего расплакалась!.. Не покойникъ на столѣ!.. Не хнычь, не объ чемъ...

И, ставъ передъ Настинной постелью, подперла развеселая Фленушка руки въ боки и, притопывая босой ногой, запѣла:

Охъ, ты, Настя, дѣвка красна,
Не рони слезы напрасно,
Слезы ронишь — глаза портишь,
Мила дружка отворишь,
Отворотится — забудеть,
Ину дѣвицу полюбить.

— Не робѣй, Настасья Патаповна, готовь платки да ручки. Да, бишь, я забыла, что свадьбу-то безъ даровъ придется играть. А ужъ сидѣть завтра здѣсь Алешкѣ Лохматому, цѣловать долговязому красну дѣвицу...

— Полно, Фленушка.

— И въ самомъ дѣлѣ, полно, — сказала Фленушка. — Спать пора, кочета *) полночь пѣли. Прощай, покойной ночи, пріятный сонъ. Чтò во снѣ тебѣ увидать?..

— Ничего не хочу, — отвѣтила Настя.

— Не обманешь, Настасья Патаповна, — сказала, ложась въ постель, Фленушка: — Алешку хочется. Ну, увидишь, увидишь... Прощай.

На другой день поутру сидѣлъ Патапъ Максимычъ въ подклѣтѣ, съ полу до потолка заставленномъ готовою на продажу посудой. Тутъ были разныхъ сортовъ чашки, отъ крошечныхъ, чтò рукой охватить, до большихъ въ полведра и даже чуть не въ цѣлое ведро; по лавкамъ стояли ставешки, блюда, расписные жбаны и всякая другая деревянная утварь. У входа въ подклѣтѣ старый Пантелей бережно укладывалъ разобранную посуду по щепянымъ коробамъ, въ какихъ обыкновенно возить ее по дорогамъ и на судахъ. Алексѣй также въ подклѣтѣ былъ. Онъ помогаль хозяину разбирать по сортамъ посуду и на завязанныхъ Пантелеемъ коробахъ писалъ помазкомъ счетъ посуды и какого она сорта. Сортировка деревянной посуды самое важное дѣло для торговца. Тутъ нужны и вниманье, и вѣрный, опытный глазъ, а главное — точность; безъ того торговецъ какъ разъ можетъ ославиться. Облѣжится какъ-нибудь — и пронесутъ худое слово по пристанямъ и базарамъ: у такого-то-де скупщика въ первый сортъ всяку дрянъ валять.

Прежде Патапу Максимычу въ этомъ дѣлѣ старикъ Савельичъ помогаль. Прожилъ онъ у него въ дому ни мало ни много двадцать годовъ и по токарной части во всемъ замѣняль хозяина. Вѣрный былъ человекъ, хозяйское добро берегъ пуще глаза, работники у него по стрункѣ ходили, на его рукахъ и токарни были и красильни, иной разъ замѣсто Патапа Максимыча и на торги ѣзжалъ. Души въ немъ не чаяль Чапуринъ, и въ семьѣ его Савельичъ былъ свой человекъ. Да вотъ передъ самымъ Рождествомъ надо же быть такому грѣху, бодрый еще и здоровый, захирѣлъ ни съ того ни съ сего да, побольвъ недѣли три, Богу душу и отдалъ. Много тужиль по немъ Патапъ Максимычъ, много думаль, кѣмъ замѣнить ему Савельича, но придумать не могъ. Народъ, чтò у него работаль, не сподрученъ къ такому дѣлу: иной и вѣренъ былъ и человекъ постоянный, да по посуденной части толку

*) Пѣтухъ.

це смыслить, а у другого и толкъ былъ въ головѣ, да положить на него было боязно. Замѣтивъ, что Алексѣй Лохматый мало что точить посуду, какъ никому другому не выточить, но и въ сортировкѣ толкъ знаетъ, Патапъ Максимычъ позвалъ его къ себѣ на подмогу и очень доволенъ остался работой его. Такъ у Алексѣя дѣло спорилось, что, пожалуй, не лучше ли, чѣмъ при покойникѣ Савельичѣ.

Разборка кончалась. Оставалось сотни три-четыре блюдъ перебрать, остальное было разобрано, Пантелеемъ уложено и работниками вытасчено въ сѣни, либо сложено на дровни, чтобъ завтра же, до заревыхъ кочетовъ, въ Городецъ посуду везти.

— Ну, Алексѣюшка, — молвилъ Патапъ Максимычъ: — молодецъ ты паря. И въ глаза и за глаза скажу: такого, какъ ты, днемъ съ огнемъ поискать. Глядь-ка, мы съ тобой цѣлу партію въ одно утро обладили. Мастеръ, братъ, неча сказать.

— Спасибо на добромъ словѣ, Патапъ Максимычъ. Чтò смогу да сумѣю сдѣлать — всѣмъ готовъ служить вашему здоровью, — отвѣчалъ Алексѣй.

— А я вотъ чтò, Алексѣюшка, думаю, — съ разстановкой началъ Патапъ Максимычъ. — Поговорить бы тебѣ съ отцомъ, не отпустить ли онъ тебя ко мнѣ въ годы. Парень ты золотой, до всякаго нашего дѣла доточный, про токарное дѣло нечего говорить, вотъ хоть насчетъ сортировки и всякаго другого распоряженья... Я бы тебя въ приказчики взялъ. Слыхалъ, чать, про Савельича покойника? На его бы мѣсто тебя.

— Благодаримъ покорно, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ обрадованный Алексѣй. — Готовъ служить вашей милости со всякимъ моимъ удовольствіемъ.

— Только самъ ты, Алексѣюшка, понимать долженъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — что къ такой должности на одно лѣто приставить тебя мнѣ не съ руки. Въ годы-то отецъ отпустить ли тебя?

— Не знаю, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ Алексѣй: — ноговорю съ нимъ въ воскресенье, какъ домой пойду.

— Плату положилъ бы я хорошую, ничѣмъ бы ты отъ меня обиженъ не остался, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Дома ли у отца сталъ бы ты токарничать, въ людяхъ ли, столько тебѣ не получить, сколько я положу. Я бы тебѣ все заведеніе сдалъ: и токарни, и красильни, и запасы всѣ, и товарь, а какъ на Низъ случится самому сплыть, аль куда въ другое мѣсто, я-бъ и домъ на тебя съ Пантелеемъ покидалъ. Какъ при покойникѣ Савельичѣ было, такъ бы и при тебѣ. Ты съ отцомъ-то толкомъ поговори.

Вошла Фленушка, смущенная, озабоченная, въ слезахъ. Ма-

стернца была она, какое хочешь лицо сооронить: веселое — такъ веселое, печальное — такъ печальное.

— Чтò ты, Фленушка? — спросилъ ее Патапъ Максимычъ.

— До васъ, Патапъ Максимычъ, — отвѣчала она плаксивымъ голосомъ. — Бѣда у меня случилась, не знаю, какъ и пособить. Матушка Манеѳа пелену велѣла мнѣ въ пяльцахъ вышивать. На срокъ, къ масленицѣ поспѣла бы безпремѣнно.

— Знаю, слышала, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Въ Москву хочеть посылать, — продолжала Фленушка.

— Да чтò же случилось-то? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пяльцы не порядкомъ положила, — отвѣтила Фленушка: — упали, рассыпались... Боюсь теперь матушки Манеѳы, серчать станеть.

— Такъ почини, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Рада бы починила, да не умѣю, — сказала Фленушка. — Падо столяра.

— А гдѣ я тебѣ найду его? У меня столяровъ нѣтъ, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Да не можетъ ли кто изъ токарей починить? — просила Фленушка. — Не оставьте, Патапъ Максимычъ, не введите въ отвѣтъ. Матушка Манеѳа и не знаю чтò со мною подѣлаеть.

— Не токарево это дѣло, голубушка, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Изъ нашихъ работниковъ врядъ ли такой выищется... Радъ бы пособить, да не знаю какъ. Не знаешь ли ты, Алексѣй? Не сумѣетъ ли кто изъ нашихъ пяльцы ей починить?

— Да я маленько столярничаю, — отвѣчалъ Алексѣй. — За чистоту не берусь, а крѣпко будетъ.

— Ну вотъ на твое счастье и столяръ выискался, — съ веселой улыбкой молвилъ Патапъ Максимычъ. — Тащи скорѣй сюда пяльцы-то.

— Никакъ ихъ нельзя сюда принести, Патапъ Максимычъ, — отвѣчала Фленушка: — здѣсь и олифой и красками напачкано, долго-ль испортить шитье, цвѣта же на пеленѣ все нѣжные.

— Да ты порожніе пяльцы тащи, шитье-то вынь, — сказала Патапъ Максимычъ. — Эка недогадливая!

— Не знаете вы нашего мастерства, Патапъ Максимычъ, оттого и говорите такъ, — отвѣчала Фленушка. — Никакъ нельзя изъ пялецъ вынуть шитья, всю работу испортишь, оцять-то вставить нельзя ужь будетъ.

— Ну, неча дѣлать, сходи наверхъ, Алексѣюшка, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Гдѣ пяльцы-то у тебя? — спросилъ онъ, обращаясь къ Фленушкѣ.

— Въ свѣтлицѣ у Настеньки, — отвѣтила она.

— Проведи его туда. Сходи, Алексѣюшка, уладь дѣло, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — а то и впрямь игуменья-то ее на поклоны поставитъ. Какъ закатитъ она тебѣ, Фленушка, сотни три лѣстовокъ земными поклонами пройти, спину-то, чай, послѣ не вдругъ разогнешь... Ступай, веди его... Ты тамъ чини себѣ, Алексѣюшка, остальное я одинъ разберу... А къ отцу-то сегодня сходи же. Чтѣ до воскресенья откладывать!

Ровно отуманило Алексѣя, какъ услышалъ онъ хозяйскій приказъ идти въ Настину свѣтлицу. Чего во снѣ не снилось, о чемъ если иной разъ и приходило на умъ, такъ развѣ какъ о дѣлѣ несбыточномъ, вдругъ какъ съ неба свалилось.

— Ты послушай, молодѣцъ, — сказала Фленушка, всходя съ нимъ по лѣстницѣ въ верхнее жильѣ дома. — Такъ у добрыхъ людей развѣ водится?

— Чтѣ такое? — съ смущеннымъ видомъ спросилъ Алексѣй.

— Совѣсть-то есть, аль на базарѣ потерялъ? — продолжала Фленушка. — Тамъ по немъ тоскуютъ, плачутъ, убиваются, цѣлы ночи глазъ не смыкаютъ, а онъ еще спрашиваетъ... Ну, парень, была бы моя воля, такъ бы я тебя отдѣлала, что до гроба жизни своей поминать бы сталъ, — прибавила она, изо всей силы колоти кулакомъ по Алексѣеву плечу.

— Да ты про что? Право, невдомекъ, Флена Васильевна, — говорилъ Алексѣй.

— Ишь ты! Еще притворяется, — сказала она. — Приворожитъ дѣвку безстыжными своими глазами умѣлъ, а понять не умѣешь... Совѣсть-то гдѣ?.. Да знаешь ли ты, непутный, что изъ-за тебя вечеръ у нея съ отцомъ до того дошло, что еще бы немножко, такъ и не знаю, чтѣ бы стало... Зачѣмъ къ отцу-то онъ тебя посылаетъ?

— Въ приказчики хочеть меня по токарнямъ да по красильнямъ рядить, — отвѣчалъ Алексѣй: — за работниками да за домомъ присматривать.

— Полно ты? — удивилась и обрадовалась Фленушка.

— Право, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Значитъ, наше дѣло выгораетъ, — сказала Фленушка. — Съ мѣста мнѣ не сойти, коль не будешь ты у Патапа Максимыча въ зятяхъ жить. Ступай, — сказала она, отворивъ дверь въ свѣтелку и втокнувъ туда Алексѣя: — я покараулю.

Въ аломъ тафтяномъ сарафанѣ, съ пышными, бѣлоснѣжными тонкими рукавами и въ широкомъ бѣломъ передникѣ, въ ярко-зеленомъ левантиновомъ платочкѣ, накинутаго на голову и подвязаннаго подъ подбородкомъ, сидѣла Настя у Фленушкиныхъ пялецъ, опершись головою на руку. Потускнѣлъ

свѣтлый взоръ дѣвушки, спалъ румянецъ съ лица ея, глаза наплаканы, губы пересохли, а все-таки чудно-хороша была она. Это была такая красавица, какихъ и за Волгой немного родится: кругла да бѣла какъ мытая рѣпка, алый цвѣтъ по лицу разстилается, толстыя, ровно шелковыя косы висятъ ниже пояса, звѣздистыя очи разсыпчатыя, брови тонкія, руки бѣлыя ровно выточены, а грудь какъ пухъ въ атласѣ. Не взвидѣвъ свѣта Алексѣй, остановился у притоки. Однако оправился и чинъ-чиномъ, какъ слѣдуетъ, святымъ иконамъ три поспѣшныхъ поклона положилъ, потомъ Настѣ низехонько поклонился.

Хотя Фленушка только о томъ Настѣ и твердила, что приведесть къ ней Алексѣя, но рѣчамъ ея Настя вѣры не давала, думала, что шутить она... И вдругъ передъ ней, какъ изъ земли выросъ, — стоитъ Алексѣй.

Блѣдное лицо Насти багрещомъ подернуло. Встала она съ мѣста и, опираясь о столъ рукою, робко глядѣла на вошедшаго. А онъ все стоитъ у притоки, глядитъ — не поглядится на красавицу.

У обоихъ языка не стало. Молчатъ. Наконецъ Настя маленько оправилась.

— Чтѣ тебѣ надо? — спросила, опустивъ глаза въ землю.

— Патапъ Максимычъ послалъ, — тихо отвѣчалъ Алексѣй.

— Тятенька? — поднимая голову, сказала Настя. — Тебя тятенька ко мнѣ прислалъ?.. Зачѣмъ?..

Сердце у ней такъ и замерло, сама себя не помнитъ, наяву она, а въ снѣ ей грезится.

— Зачѣмъ онъ тебя прислалъ? — повторила Настя, едва переводя духъ.

— Пяльцы чинить.

«Такъ вотъ зачѣмъ Фленушка пяльцы-то ломала», — подумала Настя.

— Чини, коли присланъ, — сказала она, отходя къ другому окошку.

Подошелъ Алексѣй къ пяльцамъ. Смотритъ на полость — и ничего не видитъ: глаза у него такъ и застилаютъ, а сердце бьется, ровно изъ тѣла вонъ хочетъ.

Настя, потупившись, перебирала руками конецъ передника, лице у ней такъ и горѣло, грудь трепетно поднималась. Едва переводила она дыханье, и хоть на душѣ стало свѣтлѣе и радостнѣе, а все что-то боязно было ей, слезы къ глазамъ подступали.

Быстро распахнулась дверь, вбѣжала Фленушка.

— Пути въ васъ нѣту, — защебетала она. — На молчанки, что ли, я васъ свела?.. Слушай ты, молодецъ, дѣвка тебя по-

любила, а сказать стыдится... И Алексѣй тебя полюбилъ, да боится вымолвить.

И, толкнувъ Настю къ Алексѣю, выбѣжала за дверь.

— Неужли правду сказала она? — чуть слышно спросилъ Алексѣй.

У Насти силы на отвѣтъ неостало. Зарыдала и закрыла лицо передникомъ.

Медленно и робко ступилъ Алексѣй шагъ, ступилъ другой, взялъ Настю за руку.

Быстро откинула она передникъ. Сквозь слезы улыбаясь, страстно взглянула въ очи милому и кинулась на грудь его...

Глава восьмая.

Всѣ распоряженья насчетъ угощенья домовыхъ работниковъ и иришлаго народа были сдѣланы. Старикъ Пантелей съ Захлыстинскаго базара навезъ и говядины, и свинины, и баранины, пять ведеръ вина, ренскаго шесть бутылокъ, молодичъ потчевать, и большіе кульки съ деревенскими гостинцами. Дома брагу варили, квасы ставили. Аксинья Захаровна въ кладовыхъ да въ стряпущей съ утра до ночи возилась: то припасы принимала, то наливки подваривала да по бутылкамъ разливала, то посуду стеклянную и фарфоровую изъ сундуковъ вынимала и отдавала до черямя перемыть хорошенько.

Патапъ Максимычъ въ губернской городъ собрался. Это было не очень далеко отъ Осиповки: версть шестьдесятъ. Съ дороги своротилъ онъ въ сторону, въ деревню Ключево. Тамъ жила сватья его и крестная мать Насти, Дарья Никитична, знаменитая по всему краю певариха. Бойкая, проворная, всегда веселая, никогда ничѣмъ невозмутимая, доживала она свой вѣкъ въ хорошенькомъ, чистенькомъ домикѣ, на самомъ краю деревушки.

Дѣтство и молодость Никитична провела въ горѣ, въ бѣдахъ и страшной нищетѣ. Казались тѣ бѣды пескончаемыми, а горе безвыходнымъ. Но не кто какъ Богъ, на Него одного полагалась сызмальства Никитична, и не постыдилъ Господь надежды ея, послалъ старость покойную: всѣми она любима, всѣмъ довольна, добро по силѣ ежечасно можетъ творить. Чего еще? Доживала старушка вѣкъ свой въ радости, благодарила Бога.

Няти годовъ ей не минуло, какъ родитель ся, не тѣмъ будь помянуть, въ какихъ-то воровскихъ дѣлахъ приличился и по мірскому приговору въ солдаты былъ сданъ, а мать, вскорѣ послѣ того, какъ забрили ея сожителя, мудрено какъ-то по-

мерла въ оврагѣ за овинами, возвращаясь въ истопленную избу къ голодному ребенку

Изъ царева кабака,

Изъ кружала государева.

Ругался міръ ругательски, посылалъ ко всѣмъ чертямъ Емельянику, гробъ безо дна, безъ покрывки сулилъ ей за то, что и жить путемъ не умѣла и померла не путемъ: судъ по мертвому тѣлу навела на деревню... Чтѣ гусей было перерѣзано, чтѣ куръ да барановъ пріѣдено, яичницъ-глазуній настряпано, чтѣ дѣвокъ да молодокъ къ лѣкарю да къ стряпчему было послано, чтѣ исправнику денегъ было переплачено! И изъ-за кого-жъ такая мірская сухота? Изъ-за поскуды Емельяники, чтѣ не умѣла съ мужемъ жить, не умѣла въ его дѣлахъ концы хоронить, не умѣла и умереть какъ слѣдуетъ.

Осталась послѣ Емельяники сиротка, пятилѣтняя Дарѣнка. Въ отцовскомъ ей дому давнымъ-давно хотъ шаромъ покати, еще заживо родитель растащилъ по кабакамъ все добро — и свое и краденое. Мать схоронили Христа ради, по приказу исправника, а сиротка осталась болтаться промежъ дворовъ: бывало, гдѣ день, гдѣ ночь проведеть, гдѣ обносочки какіе ей Христа ради подадутъ, гдѣ черствымъ хлѣбцемъ виноголодь накормятъ, гдѣ въ баньку пустятъ помыться. Такъ и росла дѣвочка.

Въ сиротствѣ жить — только слезы лить; житье сиротникѣвъ чтѣ гороху при дорогѣ: кто пройдетъ, тотъ и порветъ. Мало-ль щипковъ да рывковъ, мало ли бою да синяковъ, рванья кось до плѣщинъ приняла Дарѣнка, волочасъ подѣ оконьемъ въ Ключовѣ и по сосѣднимъ деревнямъ. Не царствомъ небеснымъ было ей жить и при матери; бивала ее, и шибко бивала покойница, особенно какъ подѣ пьяную руку дѣвочка ей подвернется, да все не какъ чужіе люди. Вѣдь мать хотъ и пьяная и безумная, а высоко руку подыметъ да не больно опустить, чужой же челоуѣкъ колотить дитя не разсудя, не велика, дескать, бѣда, хотъ и калѣжкой станеть вѣкъ доживать. Бивали Дарѣнку старыя, бивали ее малыя, отъ деревенскихъ ребятнишекъ проходу не было. Только, бывало, сиротку завидятъ, тотчасъ и обидятъ, а пожалуется, не стерпя побоевъ, Дарѣнка, ей же пуще достанеться... Правду люди говорятъ, что пчелки безъ матки — пропація дѣтки. Горько бывало безродной сироткѣ глядѣть, какъ другіе ребятнишки отцомъ, матерью пригрѣты, обуты, одѣты, накормлены, приголублены, а се кто приласкаеть, ей кто доброе словечко хотъ въ Свѣтло Христово Воскресенье вымолвить? Тогда только и праздникъ былъ.

ей, какъ иная баба, обозлясь на мужа либо на свекра, обносочекъ какой на сиротку надѣшетъ. Да и та радость бывала ненадолго: узнаеть мужъ либо свекоръ, что баба спроворила, Дарѣнку оголять середь улицы да отколотять еще на придачу.

Родись Никитична парнишкой, иная бы доля ей выпала. Слаще бы невпримѣрь сиротское житье ей досталось. «Пуцай его растеть, — рѣшили бы мужики: — въ годы выйдетъ, за мѣръ въ рекруты пойдетъ, — плакать по немъ будетъ некому». И крѣико-накрѣико заказали бы бабамъ беречь сироту, приглядывать, чтобъ конмъ грѣхомъ не окривѣлъ, аль зубовъ переднихъ ему не вышибли, не то бѣда: задаромъ пропадутъ и мѣрской хлѣбъ и посиротскія хлопоты. Дѣвочкѣ не та судьбина. Беречь ее не для чего, знай колоти, сколько хочется, одного берегись — мертваго тѣла не сдѣлай, чтобъ судъ не пахалъ да убытковъ и хлопотъ мѣру не принесъ.

Не забыли однако сиротку Дарѣнку. Росла она да росла, выросла, заневѣстилась. Куда дѣвкѣ дѣваться?.. Въ скиты?.. Чего бы лучше?.. Такъ и въ скиты не всякую принимаютъ, и тамъ безъ денегъ къ спасенью не допускаютъ, а у Дарѣнки желѣзнаго гроша сроду въ рукахъ не бывало. Но, войдя въ полную силу, стала она работницей всѣмъ на удивленье: цѣномъ ли, серпомъ ли, бывало, за двоихъ работаетъ. Тогда ключовскіе мужики другъ передъ дружкой стали Дарью Никитичну къ себѣ зазывать. «Ко мнѣ поди» да «у меня поживи — мы вѣдь тебѣ, Дарьюшка, люди свои, родня кровная». Такія только рѣчи и слышала. Прежде ночь переночевать мѣста не было, а теперъ, что называется, не грѣло, не горѣло, а вдругъ освѣтило: всѣ въ родню лѣзуть, на житье къ себѣ манятъ. Пожила у какого-то названнаго дяди года три либо четыре, за хлѣбъ за соль съ лихвой ему заработала. Житье было ей не плохое, всѣ до нея были ласковы, привѣтливы, но не забыла Дарья старыхъ щипковъ и колотушекъ, все ей думалось: «теперь хорошо, а выбьюсь изъ силъ, такъ подъ старость изъ избы середь улицы выкинуть». И рѣшила она хоть за нищаго замужъ пойти, только-бъ самой хозяйкой быть. И вышла Дарья замужъ. Бралъ ее парень хороший, изъ сосѣдней деревни Быдревки, но изъ бѣднаго дома, изъ большой семьи — шестериками въ рекрутскомъ спискѣ стояли. Полтора года Дарья Никитична пожила съ мужемъ, слова неласковаго отъ него не слыхала, взгляду косога не видала. Рекрутскій наборъ подошелъ, забрили его. Себя не помнила Дарья, какъ прощалась со своимъ «соколикомъ». Угнали «соколика», воротилась Дарья изъ города къ свекру въ домъ. Трехъ недѣль не минуло, грамотка издадека при-

шла: не дошелъ ея «соколикъ» до полка своего, заболѣлъ въ какомъ-то городѣ, легъ въ лазаретъ, а оттуда въ сосновый гробъ.

Осталась Дарья Никитична вольной вдовой, дѣтей у ней не было. Баба еще молодая, всего девятнадцать лѣтъ, да такая славная, изъ себя красивая. Немало людей на Дарью заглядывалось, но она хоть и солдатка, какъ есть мірской чело-вѣкъ, но берегла себя строго, умѣла поддипалъ отъ себя подалше спроваживать. Пришла бѣда, откуда она и не чаяла: толкнулъ бѣсъ свекра въ ребро, навелъ на него искушеніе; зачалъ старшій молодую сноху на любовь склонять, отходу ей не даетъ, ровню пришилъ его кто къ сарафану Никитичны. Всѣмъ хотѣлъ свекоръ взять, и лаской и тоской, да сноха крѣпка была: супротивъ грѣха выстояла. Невтерпежь однако стало ей, свекрови пожаловалась, а та ей: «Да мнѣ-то что? Я старуха старая, въ эти дѣла вступаться не могу, а ты свекра должна почитать, потому что онъ всему дому голова и тебя поить, кормить изъ милости». Пришло Никитичинѣ житье хуже собачьяго, свекоръ колотить, свекровь ругаетъ, деверья смѣются, невѣстки да золовки поѣдомъ ѣдятъ. Терпѣла Дарья такую долю съ полгода, извелась даже вся, на себя стала непохожа. Не хватило терпѣнья, ушла въ чужи люди работой кормиться.

Куда-нибудь подалше хотѣлось ей, чтобъ и вѣстей до нея не долетало ни про сквернаго свекра, ни про лютую свекровь, ни про злыхъ невѣстокъ и золовокъ. Пошла въ городъ Никитична. Тамъ къ богатому барину пристроилась, въ коровницы нанялась. Съ годъ за коровами ходила, потомъ въ судомойки на кухню ее опредѣлили, на подмогу привезенному изъ Москвы повару. Баринъ того повара у какого-то московскаго туза въ карты выигралъ. Пошелъ поваръ въ тысячѣ рубляхъ, но знающіе люди говорили, что тузу не грѣхъ бы было и подороже Петрушку поставить, потому что дѣло свое онъ зналъ на рѣдкость: въ Англійскомъ клубѣ учился, самъ Рахмановъ *) раза два его одобрялъ. Проживъ при томъ поварѣ годовъ шесть либо семь, Никитична къ дѣлу присмотрѣлась, всему научилась и стала большой помощью Петрушкѣ. Межь тѣмъ воспитанникъ Англійскаго клуба сталъ запивать, кушанье готовилъ хуже да хуже, кончилъ тѣмъ, что наканунѣ барыниныхъ именинъ сбѣжалъ со двора. Такъ и сгинулъ. Ходили потомъ слухи, будто онъ къ матерямъ въ скиты лыжи

*) Извѣстный московскій любитель покушать, проѣвшій нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ.

наострилъ, тамъ въ стару вѣру перешелъ, и что матери потомъ спровадили его въ надежное мѣсто: къ своимъ, за Дунай. На такія спроваживанья бѣглыхъ людей за Дунай-рѣку большія мастерицы бывали матери келейницы. Пошлютъ бѣлаго съ письмомъ къ знакомому человѣку, тотъ къ другому, этотъ къ третьему, да такъ за границу и выпроводятъ.

Остался баринъ безъ повара, гости на именины позваны, обѣда готовить некому. Что тутъ станешь дѣлать? Принимай срамъ отъ гостей. Но выручила барина Никитична, такой обѣдъ ему состряпала, что самъ Рахмановъ, отвѣдавъ того обѣда, облизалъ бы пальчики. Съ той поры стала Никитична за хорошее жалованье у того барина жить, потомъ въ другой домъ перешла еще побогаче, тамъ еще больше платы ей положили. И жила она въ поварихахъ безъ малаго тридцать годовъ. А деньгу копить мастерица была: какъ стала изъ силъ выходить, было у нея ломбардными билетами больше трехъ тысячъ на ассигнаціи. «Ну, — подумала тогда Никитична: — будетъ въ чужихъ людяхъ жить, надо свой домишко заводить». Хоть родину добромъ поминать ей было нечего, — кромѣ бѣды да горя Никитична тамъ ничего не вѣдала, — а все же тянуло ее на родную сторону: не осталась въ городѣ жить, пріѣхала въ свою деревню Ключову. Поставила Никитична домикъ о край деревни, обзавелась хозяйствомъ, отыскала гдѣ-то троюродную племянницу, взяла ее вмѣсто дочери, вспоила, вскормила, замужъ выдала, зятя въ домъ приняла и живетъ теперь себѣ, не налюбуется на маленькихъ внучатъ, привязанныхъ къ бабушкѣ больше, чѣмъ къ родной матери.

Хоть ни въ чемъ не нуждалась Никитична, но всегда не только съ охотой, но съ большою даже радостью ѣзжала къ городовымъ купцамъ и къ деревенскимъ тысячникамъ столы строить, какіе нужны бывали: именинные аль свадебные, похоронные аль поминальные, либо на случай пріѣзда важныхъ гостей. Ѣзжала Никитична и къ матерямъ обительскимъ обѣды готовить, когда, бывало, послѣ Макарья купцы богатые, скитскіе «благодѣтели», наѣдутъ къ матерямъ погостить, побаловать, да кстати и Богу помолиться. Привыкнувъ къ стряпнѣ да къ столовымъ хлопотамъ, скучно, бывало, становилось Никитичнѣ, коли долго се ставить столы никуда не зовутъ.

Изо всѣхъ знакомыхъ городскихъ купцовъ, изо всѣхъ заволжскихъ тысячниковъ, ни къ кому у ней сердце такъ не лежало, какъ къ Патапу Максимычу. Аксинья Захаровна какъ-то въ сродствѣ приходилась ей, и когда еще Никитична по чужимъ людямъ проживала, Патапомъ Максимычемъ оста-

влена не была. Каждый годъ, бывало, онъ ей послѣ Макарья чаю, сахару на цѣлый годъ подарить, да платье хорошее, а иной годъ и шубу справить, либо деньгами не оставить. Добро Никитична помнила твердо. Пошли за ней Патапъ Максимычъ хоть въ полночь, хоть за полночь, хоть во время вьюги-мятелицы, хоть въ трескучій морозъ, хоть въ распутицу, часа не усидить, мигомъ въ дорогу сберется и покатитъ къ куманьку любезному. Хоть старымъ костямъ иной разъ и неможется, отъ послуги Патапу Максимычу ни за что не откажется. И все семейство Чапуриныхъ души не чаяло въ доброй, всегда веселой, разговорчивой Никитичнѣ. Кромѣ нужныхъ случаевъ, когда Никитичнѣ въ Осиповкѣ приводилось столы строить, перѣдко по недѣлямъ и даже по мѣсяцамъ тамъ она гащивала. И, бывало, во время такихъ гостицъ ужъ никакъ невозможно было уговорить старушку, чтобъ она каждый день обѣда не стряпала. Только-что пріѣдетъ, первымъ долгомъ въ стряпущую. Тогда стряпка ужъ прочь ступай, къ печи никого, бывало, не подпустить Никитична.

Смерклось и вызвѣздило, когда по скрипучей, отъ завернушаго подъ вечеръ морозца, дорогѣ къ дому Никитичны пара добрыхъ коней подкатила сани съ кожанымъ лучкомъ, съ суконнымъ, подбитымъ мурашкинскою дубленкой, фартукомъ и съ широкими отводами. Въ синей суконной шубѣ на лисьемъ мѣху, подпоясанный гаруснымъ кушакомъ, въ мерлушчатой шапкѣ, выльзъ изъ саней Патапъ Максимычъ и, оставя при лошадахъ работника, зачалъ въ ворота стучать. На его стукъ, заливаясь визгливымъ лаемъ, отвѣчали со двора собаки, затѣмъ слышались чьи-то шаги по снѣгу, кто-то окликнулъ пріѣхавшаго, и когда Чапуринъ отозвался, ворота на оба полотна распахнулись.

— Ахъ, батюшка Патапъ Максимычъ, — воскликнуть Авдей, пріемный сынокъ Никитичны. — Милости просимъ. Пождите маленько, ваше степенство, за свѣчкой сбѣгаю, темненко на дворѣ-то, не зашибиться бы вамъ ненарокомъ.

— Не надо, Авдеюшка, дорога знакомая, — отвѣчала Патапъ Максимычъ: — а ты вотъ, голубчикъ, коней-то на дворъ пусти да сѣнца имъ брось. Здорова-ль Никитична?

— Неможесть, Патапъ Максимычъ, другой день.

— Ой-ли? Что-жъ такое съ ней приключилось? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да Богъ ее знаетъ: то походитъ, то повалается. Года ужъ, видно, такіе становятся. Великимъ постомъ на седьмой десятокъ перевалитъ, — говорилъ Авдей, провожая гостя.

Дверь изъ горницы отворилась. Авдеева жена молодая,

шустрая бабенка, съ широкимъ лицомъ, вздернутымъ носомъ и узенькими глазками, выбѣжала въ сѣни со свѣчкой.

— Патапъ Максимычъ! По-добру-ль по-здорову? Милости просимъ, — заговорила она.

— Здравствуй, Татьянушка. Чтò тетка?

— Хвораеть.

Войдя въ горницу, Патапъ Максимычъ увидалъ однако, что кума любезная, повязанная бѣлымъ платкомъ по головѣ, сама встрѣчаетъ его. Заслышавъ голосъ куманька, не утерпѣла Никитична, встала съ постели и пошла къ нему навстрѣчу.

— Какими судьбами до нашихъ дворовъ? — спрашивала она у Патапа Максимыча.

— Да вотъ, ѣхаль неподалече и завернулъ, — отвѣчалъ онъ. — Нельзя же куму не навѣдать. И то съ Рождества не видались. Чтò, Божья старушка, неможется, слышь, тебѣ?

— Помирать время подходитъ, куманекъ. Кости всѣ разболѣлись. Ломить, тягость такая! — говорила Никитична. — Тая, ставь-ка ты самоваръ да сberi чайку: куманекъ съ холодку-то погрѣется.

— Рано бы помирать-то тебѣ, кумушка, — сказалъ, садясь на лавку, Патапъ Максимычъ. — Пожить надо, внучекъ вырастить, замужь ихъ повыдать.

— Тебя только послушай, наскажешь, — помаленьку оживляясь, заговорила Никитична. — Аредовы вѣки, что ли, прикажешь мнѣ жить? Дѣло наше бабье: слабъ сосудъ.

— Поживемъ еще, кумушка, поживемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Выздоровливай. Ну, дѣтокъ твоихъ видѣлъ, внучки-то чтò? Здоровеньки ли?

— Слава Богу. Аннушку за букварь засадила, — молвила Никитична: — «азъ, ангель, ангельскій» твердитъ, а Марѳуша, какъ бы ты видѣлъ, какая забавная стала, что рассказать нельзя. Спать полегли, да вотъ завтра увидишь.

— Нѣтъ, кумушка, до утра у тебя я не останусь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Я къ тебѣ всего на часокъ и коней отпрягать не велѣлъ. Въ городъ ѣду. Завтра къ утру надо быть тамъ безпремѣнно.

— Что-й-то, батька, какой нонѣ спесивый сталъ, — возразила Никитична. — Заночеваль бы, завтра пообѣдалъ бы. Чуть брожу, а для гостя дорогого знатный бы обѣдецъ состряпала. Наши ключовски ребята лося выслѣдили, сегодня загоняли и привезли. Я бы взяла у нихъ лосинаго мясца да такое-бъ тебѣ кушанье состряпала, хоть царю самому на столъ. Рѣдко нонѣ лосей-то стали загонять. Переводятся что-то.

— Спасибо, кумушка, да вѣдь этого звѣря, кажись, по закону ѣсть не заповѣдано, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Чтѣ ты, окетись! — возразила Никитична. — Вѣдь у лося-то, чай, и копыто раздѣленное, и жвачку онъ отрыгаетъ. Макарія преподобнаго «Житіе» читалъ ли? Далъ бы развѣ Божій угодникъ лося народу ясти, когда бы святыми отцами не было того заповѣдано... Да чтѣ же про своихъ-то ничего не скажешь? а я, дура, не спрошу. Ну, какъ кумушка поживаетъ, Аксинья Захаровна?

— Ничего, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Клокчетъ себѣ. Дочерей взяли изъ обители, такъ съ ними больше возится.

— Крестница моя чтѣ, Настасьюшка? какъ поживаетъ?

— Живетъ себѣ. Задурила-было намедни.

— Какъ такъ?..

— Да въ кельи захотѣла, — смѣясь, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Иночество, говоритъ, желаю надѣть. Да ничего, теперь блажь изъ головы, кажись, вышла. Прежде такая невеселая ходила, а теперь совсѣмъ другая стала, — развеселая. Замужъ пора ее, кумушка, вотъ чтѣ.

— И то правда, куманекъ, — согласилась Никитична. — Вѣдь ей никакъ восемнадцать годковъ минуло?

— Да. Деятнадцатый пошелъ съ осени, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ... Такъ будетъ, — сказала Никитична. — Другой годъ я въ Ключовѣ-то жила, какъ Аксиньюшка ее родила. А прошлымъ лѣтомъ двадцать лѣтъ сполнилось, какъ я домомъ хозяйствую... Да... Сама я тоже подумывала, куманекъ, что пора бы ее къ мѣсту. Не хлѣбъ-соль родительскую ей отрабатывать, а въ дѣвкахъ засиживаться — ой-ой! — нескладное дѣло. Есть ли женишокъ-отъ на примѣтѣ, а то не искать ли?

— Маленько заведено дѣльцо, кумушка, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Изъ какихъ мѣстъ Господь посылаетъ? Здѣшній, али дальній какой? — спросила Никитична.

— Гдѣ по здѣшнимъ мѣстамъ жениха Настасьѣ сыскать! — спешиво замѣтилъ Чапуринъ. — По моимъ дочерямъ жениховъ здѣсь нѣтъ: токари да кузнецы имъ не пара. По купечеству хорошихъ людей надо искать... Вотъ и выискался одинъ молодчикъ — изъ Самары, купеческій сынъ, богатый: у отца заводы, пароходы, и торговля большая. Снѣжковы прозываются, не слыхала ли?

— Нѣтъ, Снѣжковыхъ не слыхала, — отвѣчала Никитична. — Да вѣдь я низовыхъ-то мало знаю... Видѣлъ онъ крестницу-то?

— Покажѣсть не видаль, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Да вотъ бѣда-то, кумунка, что ты расхворалась.

— А что?

— Да вѣдь я-было затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы звать тебя столь ради жениха урядить, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — На Аксиньины именины гостить къ намъ съ отцомъ собирается.

— Безпремѣнно буду, — живо подхватила Никитична. — Да какъ же это возможно, чтобы на Настиныхъ смотринахъ да не я стряпала? Умирать стану, а поѣду. Присылай подводу, куманекъ, часу не промѣшкаю... А вотъ что, возьми-ка ты у нашихъ ребятъ лося; знатно кушанье состряпаю, на рѣдкость.

— Пожалуй, — молвилъ Патапъ Максимычъ: — только ужъ ты сама сторгуйся и деньги отдай, послѣ сочтемся. Теперь въ городъ за покупками ѣду, послѣзавтра домой ворочусь и тотчасъ за тобой подводу приплю. Сама пріѣзжай и лося вези.

— Ладно, хорошо, — сказала Никитична. — А я все насчетъ крестницы-то. Какъ же это, куманекъ, что-то левдомекъ мнѣ: давеча сказалъ ты, что въ монастырь она собираться вздумала, а теперь говоришь про смотрины. Ужъ не силой ли ты ее выдаешь, не супротивъ ли воли?

— Заправскихъ смотринь не будетъ, и настоящего сватовства еще нѣтъ, — сказалъ, уклоняясь отъ прямого вопроса, Патапъ Максимычъ. — Пуцай парень съ дѣвкой повидаются, другъ на дружку посмотрятъ. А про сватовство и рѣчи не будетъ. Раньше той зимы свадьбы намъ не играть: и мнѣ времени нѣтъ, и Спѣжковымъ въ разъѣздахъ придется все быть. Настя съ молодцомъ теперь только повидится, а по веснѣ Михайла Данилычъ, женихъ-отъ, еще разъ-другой къ намъ заѣдетъ, — ну, помаленьку и ознакомятся... А что про скиты-то Настасья заговорила, такъ это она такъ... Нравная дѣвка твоя крестница... Да ужъ я тебѣ все расскажу, передъ тобой таитья нечего: своя вѣдь, опять же мать крестная... Сказалъ я наемни Настасьѣ, что женихъ у меня для нея припасенъ. Она въ слезы. Ну, подумалъ я, это еще не велика бѣда; какъ дѣвка безъ рѣву замужъ выходить?.. «Не пойду, говоритъ, за твоего жениха». Пошумѣлъ я. — «У тебя, говорю, воли своей нѣтъ, отецъ съ матерью живы; значить, моя воля надъ дѣтищемъ, за кого хочу, за того и выдамъ». Тутъ она и молвила про обѣщанье, дала, дескать, обѣтъ постригъ принять въ обители. А у меня теперь мать Манеѣа гостить. Думалъ, не она ли дурь въ голову дѣвкѣ набила. Любятъ вѣдь эти игуменьи богатенькихъ родственницъ прилучать... Да какъ разузналъ, вижу, Манеѣа тутъ непричинна. Я опять за На-

стасью, хотѣлось допытаться, съ чего она пдстригъ въ голову себѣ забрала. Опять про жениха рѣчь повель. А она, кумушка, какъ брякнетъ мнѣ! Такъ и сняла съ меня голову.

— Чтò такое? — спросила Никитична.

— Коли, говорить, неволить станешь, — «уходомъ», говорить, съ первымъ встрѣчнымъ уйду... Подумай ты это, кумушка?.. А?.. Уходомъ?..

— Такъ и сказала? — спросила Никитична, встревожась отъ такихъ вѣстей.

— Такъ и сказала. Уходомъ, говорить, уйду, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Да посмотрѣла бы ты на нее въ ту пору, кумушка. Диву дался, сначала не зналъ, какъ и говорить съ ней. Гордая передо мной такая стоитъ, голову кверху, слезъ и въ заводѣ нѣтъ, говорить какъ рѣжетъ, а глаза какъ уголья, такъ и горять.

— Отцова дочка, — усмѣхнувшись, замѣтила Никитична. — Въ тятеньку уродилась... Такъ у вась, значить, коса на камень нашла. Дальше-то чтò было?

— Ужъ я лаской съ ней: вижу, окрикомъ не возьмешь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Молвилъ, что про свадьбу годъ цѣлый помину не будетъ, жениха, молъ, покажу, а годъ сроку даю на раздумье. Смолкла моя дѣвка, только все еще невеселая ходила. А на другой день одумалась, съ утра бирюкомъ глядѣла, къ обѣду такъ и сияетъ, пышная такая стала да радостная.

— А ты дѣвку-то не больно ломай, — молвила Никитична. — Лаской больше бери да уговорами, на упрямое слово не сердчай, на противное не гнѣвайся.

— И то по ней все говорю, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Боюсь, въ самомъ дѣлѣ не надѣлала бы чего. Голову, кумушка, сниметъ!.. Проходу тогда мнѣ не будетъ.

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ — успокаивала его Никитична. — Много-ль гостей-то звалъ?

— Да, кроме Снѣжковыхъ, Ивана Григорыча съ Груней, удѣльнаго голову, еще кой-кого, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Мнѣ всего больше того хочется, кумушка, чтобъ Снѣжковымъ показать, какъ мы въ нашихъ захолустяхъ живемъ. Хоть, дескать, на болотѣ сидимъ, а мохомъ не обросли. Не загордились бы, коли Богъ велитъ въ родствѣ быть. Такъ ужъ ты поради, такой столь уряди, какой у самыхъ первыхъ генераловъ бываетъ. Снѣжковъ-отъ Данила Тихонычъ купецъ первостатейный, въ городскихъ головахъ сидѣлъ, у губернаторовъ обѣдывалъ, у самого царя во дворцѣ, сказываешь, въ Питерѣ бывалъ. Порядки, стало-быть, знаетъ. Такъ ужъ ты лицомъ въ грязь не ударь. Денегъ не жалѣй, управь

только все на самую хорошую руку. Чего въ городѣ покупать? Сказывай, записывать стану.

Сидя за чаемъ, а потомъ за ужиномъ, битый часъ протолковалъ Патапъ Максимычъ съ Пикитичной, какіе припасы и напитки искупить надо. И про Пастю кой-что еще потолковали. Наконецъ, когда все было переговорено и записано, Патапъ Максимычъ поѣхалъ изъ Ключова, чтобъ съ разсвѣтомъ быть въ городѣ.

Глава девятая.

Шуринъ Патапа Максимыча, Никифоръ, былъ дрянъ чело-вѣкъ. Чтò это былъ за собинка, того довольно сказать, что «волкомъ» его прозвали, — а хуже, позорнѣй такого прозвища въ лѣсахъ за Волгой нѣтъ. Волкъ — это въ конецъ проворовавшійся мужикъ, всенародно осрамленный, опозоренный, котораго по деревьямъ своего околотка водили въ шкурѣ украденной имъ скотины, сопровождая бранью, побоями, хохотомъ и стукомъ въ печные заслоны и сковороды. Много мірскихъ побоевъ за воровскія дѣла принялъ Микешка, да мало, видно, бока у него болѣли: полежитъ недѣлку-другую, поохаетъ, помастятъ, да, оправившись, опять за воровской промыселъ да за пьянство. Просто сказать — отятый чело-вѣкъ.

А вѣдь, кажется, былъ изъ семьи хорошей. Родители были честные люди, хоть не тысячники, а прожили вѣкъ свой въ хорошемъ достаткѣ. Жили они въ удѣльномъ селѣ Скоробогатовѣ. Отецъ Никифора, Захаръ Колотухинъ, пряжу скупалъ по Ячменской волости, гдѣ не только бабы да дѣвки, но и всѣ мужики по зимамъ за гребнемъ сидятъ. Продавая пряжу въ Пучежѣ да въ Городцѣ, хорошие барыши онъ получалъ и доволенъ былъ житьемъ-бытьемъ своимъ. Дѣтей у Колотухина всего только двое было, сынъ да дочь — красныя дѣти, какъ въ деревняхъ говорится. Растили родители Никифора, уму-разуму учили, на всякое добро наставляли, какъ слѣдуетъ, да, видно, ужъ на роду было ему писано быть не справнымъ хозяиномъ, а горькимъ пьяницей и воромъ отъявленнымъ. Урожается иной разъ у хорошаго отца такое чадушко, что отъ него только горе да безчестье: роду поношенье, всему племени вѣчный покоръ.

Аксинья Захаровна старше брата была. Еще дѣвочкой отдали ее въ Комаровскій скитъ къ одной родственницѣ, бывшей въ одной изъ тамошнихъ обителей головщицей праваго крылоса; жила она тамъ въ холѣ да въ нѣгѣ, думала и на вѣкъ келишницей быть, да подвернулся молодой, красивый парень,

Патапъ Максимычъ Чапуринъ... Сошлись, ознакомились, онъ на нее не наглядится, она на него не надышится, рѣшили, что жить розно имъ не приходится, и кончилось тѣмъ, что Патапъ Максимычъ сманилъ дѣвку, увезъ изъ скита и обвѣнчался съ нею уходомъ. Прошло года три, мать Аксиньи Захаровны померла, въ одночасье остались въ дому отецъ старый вдовецъ да сынъ холостой молодецъ. Какъ жить безъ бабы?.. Никомъ образомъ нельзя, безъ хозяйки весь домъ прахомъ разсыплется... И задумалъ Захаръ Колотухинъ самъ жениться и сына женить. Ужъ невѣсты былицы выбраны, и сваты приготовлены, обѣ свадьбы «честью» хотѣли справлять, да вдругъ Захаръ занедужилъ, недѣлку-другую помаялся и отдалъ Богу душу.

Остался Никифоръ надо всѣмъ отцовскимъ добромъ самъ себѣ голова. Не больно жалѣлъ онъ родителя, схоронилъ его, ровно съ поля убрался; живи, значить, теперь на своей волѣ, припѣваючи. Про невѣсту и думать забылъ, житье повелъ пространное, развеселое. Въ городъ поѣхалъ, всѣ трактиры спозналъ, обзавелся друзьями-пріятелями, помогли они ему въ скорости растратить родительски денежки. Прогулявъ деньги, лошадей да коровъ спустилъ, потомъ изъ дому помаленьку сталъ продавать, да года два только и дѣла дѣлалъ, что съ базара на базаръ ѣздилъ: по субботамъ въ Городецъ, по воскресеньямъ въ Катунки, по понедѣльникамъ въ Пучежъ, такъ цѣлу недѣлю, бывало, и разѣѣзжаетъ, а недѣля прошла, другая пришла, опять за тѣ же разѣѣзды. Сказывалъ людямъ Никифоръ Захарычъ, что по торговымъ дѣламъ разѣѣзжаетъ, а на самомъ дѣлѣ изъ кабака въ кабакъ метался, только на разумѣ и было, что гульба да бражничанье. Впрочемъ, кромѣ сидѣнья въ кабакахъ, у Никифора и другія дѣла водились: гдѣ орлянку мечутъ, онъ ужъ тутъ какъ тутъ; гдѣ гроши на жеребьевую выпивку кусаютъ да изъ шапки вынимаютъ, Никифоръ первый; драка случится, озорство ли какое, безобразье на базарѣ затѣется, первый заводчикъ непременно Никифоръ Захарычъ. До того скоро дошелъ, что и пить стало не на что, пришлось чѣмъ-нибудь на выпивку денегъ добывать. И пошелъ нашъ Никифоръ на сухомъ берегу рыбу ловить: день въ кабакѣ, а ночь по клѣткамъ, что плохо лежитъ, то добыча ему. Въ конецъ проворовался, но сколько разъ въ кражѣ его ни примѣчали, все увертывался. Иной разъ только боками отвѣтитъ, отпустятъ его мужики еле жива. Почешется-почешется, да опять за чужимъ добромъ. Нельзя же — цѣловальникъ въ долгъ не даетъ.

А душа была у него предобрая. Кто не обижалъ, тому радъ

былъ услужить всячески. Пожаръ ли случится, Никифоръ первый на помощь прибѣжить, бывало, въ огонь такъ и суется, пожитки спасаючи, и тутъ ужъ на него положиться было можно: хоть недѣлю капельки вина во рту не бывало, съ пожару желѣзной пуговицы не снесетъ. Душъ пять на своемъ вѣку изъ огня выхватилъ, да изъ Волги человѣкъ семь. Бывало, только слышитъ въ рѣкѣ крики: «Ватюшки, тону! Подайте помощь, православные!..» — мигомъ въ воду... А плавалъ Микешка, какъ окунь, подплыветъ, бывало, къ утопающему, перелобанитъ его кулакомъ, что есть мочи, оглушитъ до безпамятства, чтобы руками не хватался и спасителя вмѣстѣ съ собой не утопилъ, да, схвативъ за волосы — на берегъ. Разъ такъ спастъ бурлака, что съ барки упалъ, на глазахъ самого губернатора. Губернаторъ велѣлъ Никифора къ себѣ позвать, похвалилъ его, записалъ имя и сказалъ ему:

— За твой человѣколюбивый подвигъ, за спасенье погибающаго, къ серебряной медали тебя представляю.

— А велика-ль та медаль, ваше превосходительство? — спросилъ Микешка.

— Въ полтинникъ, — отвѣчалъ удивленный такимъ вопросомъ генералъ.

— Такъ не будетъ ли такой милости, ваше превосходительство, — сказалъ Никифоръ: — чтобы теперь же мнѣ выдали полтинникъ тотъ въ руки, я бы съ «крестникомъ» выпилъ за ваше здоровье, а то еще жди, пока выплутъ медаль. А вѣдь все едино — пробую же.

Разъ, подъ пьяную руку, женился Никифоръ. Проживала въ селѣ Скоробогатовѣ солдатка-вдова. Маврой звали ее. Разбитная была, на всѣ руки. Извѣстно дѣло, солдатка — мірской человѣкъ, кто къ ней въ келью зашелъ, тотъ и хозяинъ. Когда у Никифора еще деньги водились и домъ еще не пропить былъ, связалась она съ нимъ и задумала вокругъ него погорыстоваться. Чѣмъ въ тѣсной кельенкѣ жить на задворищѣ, непримѣръ лучше казалось ей похозяйничать въ хорошемъ, просторномъ дому. Загулялъ разъ съ ней Микешка, шли безъ просыпу три дня и три ночи, а тутъ въ Скоробогатово «проѣзжающій священникъ» наѣхалъ, то-есть, попросту сказать, бѣглый раскольничій попъ. Говоритъ Мавра Микешкѣ:

— Соколикъ мой ясный, голубчикъ, Микешенька, возьми меня за себя.

— И безъ того со мной живешь, — отвѣчалъ Никифоръ. — Будетъ съ тебя.

— Лучше будетъ, ненаглядный ты мой... Кусъ ты мой са-

харный, уста твои сладкія, золотая головунка, невимѣръ лучше намъ по закону жить, — приставала Мавра. — Теперь же вот и отецъ Онисимъ наѣхалъ, пойдемъ къ нему, повѣнчаемся. Зажили-бъ мы съ тобой, голубчикъ, приѣвваючи: у тебя домикъ и всякое заведеніе, да и я не безприданница, — тоже безъ ужина спать не ложусь, — кой-что и у меня въ избенкѣ найдется.

— Какое у тебя приданое? — смѣясь, сказала солдаткѣ Никифоръ. — Ну, такъ и быть, подавай росписи: липовы два котла, да и тѣ сгорѣли до тла, сережки двойчатки изъ ушей лѣсной матки, два полотенца изъ березова полѣнца, да одѣяло стѣгано алаго цвѣту; а ляжешь спать, такъ и его нѣту, сундукъ съ бѣльемъ да невѣста съ бѣльмомъ. Нѣтъ, такихъ мнѣ не надо — проваливай!

— Да полно, голубчикъ ты мой сизокрылый, не ломайся, Микешенька, — ублажала его Мавра. — Ужъ какъ же мы съ тобой бы зажили!..

— Да поди ты къ бѣсу на повѣть, окаянная! — крикнулъ Никифоръ, плюнувъ чуть не въ самую невѣсту. — Ишь, прости Господи, привязалась. Пошла вонъ изъ избы!

— Я бы тебѣ, Микешенька, во всемъ угрождала, слушалась бы каждаго твоего словечка; всѣмъ бы тебя успокоила, ты бы у меня какъ сыръ въ маслѣ катался, — продолжала уговоры свои Мавра, поднося Никифору Захарычу стаканчикъ за стаканчикомъ.

Не устоялъ Никифоръ Захарычъ супротивъ водки да солдаткиныхъ уговоровъ. Самъ не помнилъ, какъ въ избу сватовья-сосѣди нагрянули и сволокли жениха съ невѣстой къ бѣглому попу Онисиму.

Проснулся поутру Никифоръ, Мавра возлѣ него, волосы ему приглаживаетъ, сама приголубливаетъ:

— Сокровище ты мое бездѣнное, муженекъ мой золотой, ясный соколикъ ты мой!

— Чтѣ ты, свинья тупорыла! Съ похмелья, что-ль, угорѣла? Какой я тебѣ мужъ? — закричалъ Никифоръ, вскочивъ съ постели.

— Какъ, какой мужъ? — молвила Мавра. — Извѣстно, какой мужъ бываетъ: вѣнчанный! Богъ да пошь меня вчерась тебѣ отдали.

— Вонъ изъ избы! Чтѣбъ духу твоего не было... Ишь кака жена выпскалась... Уйди до грѣха, не то раскрою, — закричалъ еще не совсѣмъ проспавшійся Никифоръ, схвативъ съ шестка полѣно и замахнувшись на новобрачную.

— Матужки мои!.. Голубушки!.. Да что-жъ это со мной,

горькою, дѣлается?.. — зачала во всю ивановскую причитать Мавра. — Да и чѣмъ же я тебѣ, Микешепька, досадила?.. Да и чѣмъ же я тебя, желанный, прогнѣвала?

Хватилъ Никифоръ полѣномъ по спинѣ благовѣрную. Та повалилась и на всю деревню заверещала. Сбѣжались сосѣди — вчерашніе сваты. Стали завѣрять Никифора, что онъ вѣчоръ прямымъ дѣломъ съ Маврой повѣнчался. Не вѣрять Никифоръ, ругается, на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Да сходи къ попу, — говорятъ сватовья. — Спроси у него, попь не совретъ, да и мы свидѣтели.

Сбѣгалъ Никифоръ къ попу. И попь тѣ же рѣчи сказываетъ. Дѣлать нечего. Попъ свяжетъ, никто не развяжетъ, а жена не гусли, поигравши, ее не повѣсишь. Послалъ за виномъ, цѣло ведро новобрачные со сватами распили. Такъ и повалились, гдѣ кто сидѣлъ.

Проспались. Никифоръ опять воевать. Жену избилъ, и сватовьямъ на калачи досталось, къ попу пошелъ и попа оттрепаль: «Зачѣмъ, говорить, пьяный пьянаго вѣнчалъ?» Только и стихъ, какъ опять напился.

Желтенькое житье Маврѣ досталось. Не ждала она такой жизни, не думала, чтобы силой да обманомъ взятый мужъ такимъ лютымъ сдѣлался. Чтò день — то таска, чтò ночь — потасовка. Одной печи у Мавры на спинѣ не бывало. Только и отдохнетъ, какъ мужъ по дальнимъ кабакамъ уѣдетъ гулять. А изъ дому Никифоръ ся не гналъ. «Что-жъ дѣлать, говаривалъ, какая ни на есть жена, а все-таки Богомъ дана, нельзя-жъ ее изъ дому гнать». Тогда только ушла отъ него Мавра, какъ онъ и домъ и все, чтò въ домѣ, до тла прогулялъ, не стало у него ни кола ни двора. Сбѣжала Мавра къ цѣловальнику, прежнему приятелю, сбѣла въ кабакъ жареной печенкой торговать.

Скучно какъ-то стало Никифору, что давно жены не колотилъ. Пришелъ въ кабакъ да, не говоря худого слова, хватъ Мавру за косы. Та заголосила, ругаться зачала, сама драться лѣзетъ. Цѣловальникъ вступился.

— Какъ ты смѣешь, — говоритъ Никифору: — въ казенномъ мѣстѣ буянить? Какъ ты смѣешь вольну солдатку бить?.. Она тоже, говорить, человекъ казенный.

— Какъ такъ казенная? — закричалъ Никифоръ. — Она жена моя вѣнчанная. Мое добро, сколько хочу, столько и колочу.

— Да чортъ, что ли, меня съ тобой вокругъ пенька на болотѣ вѣнчалъ? — закричала Мавра, поправляя раскосмаченную голову.

— Не чортъ, а батюшка, отецъ Онисимъ, — отвѣчалъ озадаченный жениными словами Никифоръ.

— А въ какой это церкви онъ вѣнчалъ меня съ тобой? Въ какомъ приходѣ? — кричала Мавра на все село. — Гдѣ свадьба наша записана?.. Въ какихъ книгахъ?.. Ну-ка, докажи!

— Сама знаешь, что отецъ Онисимъ проѣзжающій былъ.

— А ну-ка, докажи! — кричала Мавра. — А ну-ка, докажи! Какіе-такіе проѣзжающіе попы?.. Чтò это за проѣзжающіе?.. Я церковница природная, никакихъ вашихъ бѣглыхъ раскольничьихъ поповъ знать не знаю, вѣдать не вѣдаю... Да знаешь ли ты, что за такія слова въ острогъ тебя упрятать могу?.. Вишь какой мужъ выискался!.. Много у меня такихъ мужевъ-то бывало!.. И знать тебя не хочу, и не кажи ты мнѣ никогда пьяной рожі своей!..

Нечего тутъ взять, коли баба и отъ попа отчурялась.

— Ну, — крикнулъ Микешка съ горькимъ чувствомъ цѣловальнику: — такъ, видно, дѣлу и быть. Владѣй, Ѳаддей, моей Маланей!.. А чапуруху, своякъ, поставь.. Расшибемъ полштофика!.. Выпьемъ!.. Плачу я... Гуляемъ. Мавра Исаевна!.. А ну-ка, отрѣжь печенки... Ишь чортъ какой, дома, небось, такой не стряпала!.. Эхъ, погинула въ конецъ моя головушка!.. Пой пѣсню, Маврушка, ставь вина побольше, своякъ!

Ужъ какъ, кажется, ни колотилъ Никифоръ жены своей, ужъ какъ, кажется, ни постыла она ему была за то, что сама навязалась на шею и обманомъ повѣнчалась съ нимъ, а жалко стало ему Мавры, полюбила тутъ она ему съ чего-то. Проклятаго разлучника, скоробогатовскаго цѣловальника, такъ бы и прошибъ до-смерти...

Маврѣ было все равно. Ей хоть сейчасъ съ татаринномъ ли, съ жидомъ ли повѣнчаться, а Микешка по старой вѣрѣ былъ крѣпокъ. Частенько потомъ случалось, что въ надеждѣ на богатаго зятя, Патапа Максимыча, къ нему въ кабакахъ приставали вольны дѣвицы да мірскія вдовицы: обвѣнчаемся, молъ. У Микешки одинъ отвѣтъ на такі рѣчи бывалъ:

— Запросто гулять давай, а вѣнчаться нельзя. Попъ вѣнчалъ, а изъ жены душа не вынута.

Съ ломомъ красть ходить да съ отмычками — дѣло опасное, разомъ въ острогъ угодишь. Да и то сказать: забравшись въ чужу клѣтъ, вору хозяйское добро не оцѣнивать стать. А безъ того умному вору нельзя, коли онъ знаетъ законъ. Хорошо, какъ на двадцать на девять цѣлковыхъ подъ руку подвернется, бѣда не велика. По старому закону за это спиной только, бывало, воръ отвѣчаетъ. А какъ, по неопытности, за-

разъ на тридцать загребеть, да поймають съ поличнымъ: по тому же закону — Сибирь, поселенье. И воровать-то надо споровку знать: занадобится сто рублей, умному вору, чтобъ дома остаться, надо въ четыре приема красть. Микешка это разумѣль и оттого вороваль по мелочи. Надобли однако мірскіе побои добру молодцу, принялся онъ за «волчій промыселъ». Тутъ нескоро попадешся.

За Волгой нѣтъ особыхъ пастбищъ и выгоновъ. Скотъ все лѣто по лѣсу пасется. Конямъ нарочно бѣталы да глухаря *) на шею надѣвають, чтобъ, когда понадобится лошадь хозяину, по звону ее скорѣй можно было сыскать. Коровы да овцы въ лѣсахъ ужъ такъ приучены, что цѣлый день по лѣсу бродятъ, а къ вечеру сами домой идутъ. Пастуховъ за Волгой въ заводѣ нѣтъ. Въ прежнее время слыхомъ не было слыхано, чтобы гдѣ-нибудь лошадь угнали, хоть она безпастушно паслась. Дальше на сѣверъ и досель эта добрая старина держится. По Заволжью лошадей тогда только начали красть, какъ учредили особую должность комиссаровъ по пресѣченію конокрадства **). Должно-быть, ворами стало совѣстно, что ради нихъ особыхъ чиновниковъ послали, и они даромъ казенно жалованье берутъ. Не пропадай же даромъ казна государева — давай и мы лошадокъ красть.

А коровъ да овецъ иной разъ изъ лѣсу воры прежде уведили. Такихъ воровъ «волками» народъ прозвалъ. Эти «волки» съ руками накроютъ, бывало, въ лѣсу коровенку либо овцу, тутъ же зарѣжутъ да на возъ и на базаръ. Шкуру снимутъ, особо ее продадутъ, а мясо задешево промышленникамъ сбудутъ, тѣмъ, что солонину на бурлаковъ готовятъ. Промыселъ этотъ невпримѣръ безопаснѣй, чѣмъ хождение по чужимъ клѣткамъ да амбарамъ. Рѣдко «волка» выслѣживали. Но если такого вора на дѣлѣ застанутъ, тутъ же ему мужики расправу чинять самосудомъ, по старинѣ. Выпорютъ сначала розгами, сколько лозановъ влѣзетъ, снимутъ съ зарѣзанной скотины шкуру, отъ крови не омытую, надѣвають на вора и въ такомъ нарядѣ водятъ его изъ деревни въ деревню со звономъ въ сковороды и заслоны, гиканьемъ, бранью и побоями. Дѣлается это въ праздничные дни, и за воромъ, которому со времени

*) Ботало въ родѣ деревяннаго колокола, а глухарь или бухарь — металлическій или полый шаръ, въ который до закаенки кладутъ камешекъ. Это въ родѣ большого бубенчика.

***) Этихъ чиновниковъ (теперь должность комиссаровъ упразднена) обывковенно звали «конокрадами». Что въ Заволжѣ конокрадство, дотогдѣ неслышанное, началось съ учрежденія этой должности, вовсе для того края ненужной (въ сороковыхъ годахъ), это положительный фактъ.

этой прогулки дается прозвание «волка», собирается толпа человекъ во сто. Послѣ того человекъ тотъ навѣкъ опозоренъ. Какую хочешь праведную жизнь веди, все его «волкомъ» зовутъ, и ни одинъ порядочный мужикъ на дворъ его не пуститъ.

Протившійся Никифоръ занялся волчьимъ промысломъ, но дѣла свои и тутъ неудачно повелъ. Разъ его на базарѣ накрыли, въ другорядъ на коровѣ. Послѣдній-то разъ случилось неподалеку отъ Осиповки. Каково же было Патапу Максимычу съ Аксиньей Захаровной, какъ мимо дому ихъ вели братца любезнаго со звономъ да съ гиканьемъ, а молодые парни «волчью пѣню» во все горло припѣвали:

Какъ у нашего волка
Исколочены бока,
Его били, колотили,
Еле жива отпустили.
А вотъ волка ведутъ,
Что Микешкой зовутъ,

У! у! у!

Микешкѣ волку
Будеть на холку!

У! у! у!

Не за то волка бьютъ,
Что сѣръ родился,
А за то волка бьютъ,
Что барана съѣлъ,
Онъ коровушку зарѣзаль,
Свиньѣ горло перегрызъ.

Ой, ты, волкъ!

Сѣрый волкъ!

Микешкина рожа
На волка похожа.
Тащи волка живьемъ,
Колоти его дубьемъ!

Сколь ни силенъ, сколь ни могучъ былъ въ своемъ околоткѣ Патапъ Максимычъ, не могъ ничего сдѣлать для выручки шурина. Ни грозой, ни просьбой, ни деньгами тутъ ничего не подѣлаешь. Обычай хранить, чинъ справляютъ — мѣшать да перечить тутъ нельзя никому.

Раза три либо четыре Патапъ Максимычъ на свои руки Микешку бралъ. Чего онъ ни дѣлалъ, чтобъ направить шурина на добрый путь, какъ его ни усовѣщевалъ, какъ ни бранилъ, ничѣмъ не могъ пронять. Аксинья Захаровна даже ненавидѣть стала брата, несмотря на сердечную доброту свою. Совѣстно было ей за него, и часто грѣшила она: просила на молитвѣ Бога, чтобъ послалъ онъ поскорѣй по душу непутнаго брата.

Съ Крещенскаго сочельника, когда Микешка вновь принять

былъ зятемъ въ домъ, онъ еще капли въ ротъ не биралъ и работалъ усердно. Только работа его не спорилась: руки съ переноя дрожали. Подъ конецъ взяла его тоска — и выпить хочется, и погулять охота, а выпить не на что, погулять не въ чемъ. Укралъ бы что, да по приказу Аксиньи Захаровны зорко смотреть за нимъ. Наверхъ Микешкѣ ходу нѣтъ. Племянницъ еще не видалъ: Аксинья Захаровна заказала братцу любезному и близко къ нимъ подходить.

На другой день послѣ отъѣзда Патапа Максимыча въ городъ за покупками, все утро до самого обѣда бродилъ Микешка изъ мѣста въ мѣсто. Такая на него тоска напала, что хоть руки на себя наложить. Сосеть его за сердце винный червякъ. За стаканъ водки руку на отсѣченье бы съ радостью отдалъ. И у того и у другого работника Христа ради просилъ онъ гривенничекъ опохмелиться, но отъ Патапа Максимыча было строго-настрого заказано: ни подъ какимъ видомъ грошъ ему не давать. Съ тоски да съ горя Микешка, самъ не зная зачѣмъ, забрелъ въ нижнее жильё дома и тамъ въ сѣняхъ, передъ красильнымъ подклѣтомъ, завалился въ уголокъ за коробъ съ посудой. Тамъ лежалъ онъ, въ сотый разъ передумывая, какъ бы раздобыться деньжонками, хоть двугривеннымъ какимъ-нибудь, чтобы сбѣгать въ Захлыстинскій кабакъ и, отведя тамъ душу, воротиться, пока не пріѣхалъ еще домой Патапъ Максимычъ.

Обѣдать работники пошли. Въ ту пору никто въ красильный подклѣтъ, кромѣ хозяина, не заглядывалъ, а его не было дома. Фленушка тотчасъ смекнула, что выпалъ удобный случай провести Настѣ съ полчаса вдвоемъ съ Алексѣемъ. Шепнула ему, чтобъ онъ, какъ только работники по избамъ обѣдать усядутся, шель бы въ красильный подклѣтъ.

Алексѣй долго ждать себя не заставилъ. Только зашабашили работники, онъ сказалъ, что ему, по хозяйскому приказу, надо пересмотрѣть остальные короба съ посудой и засвѣтло отослать ихъ на пристань, и отправился въ подклѣтъ.

— Настенька моя, красавица! — говорилъ Алексѣй, встрѣчая ее крѣпкими объятьями и страстными поцѣлуями. — Давно-ль мы, кажись, съ тобой видѣлись, а по мнѣ ровно годы съ той норы прошли. Яблочко ты мое наливчатое, ягодка ты моя красная!

— И я совѣмъ стосковалась по тебѣ, Алеша, — прижимаясь къ милому, молвила Настя. — Только и думы у меня, что про тебя, дружочекъ мой.

— Какъ бы вовсе намъ не разставаться, моя ясынька! — молвилъ Алексѣй, обнимая Настю.

Длиннѣе - длиннымъ поцѣлуемъ поцѣловала его Настя. Не до разговоровъ было... Глядя другъ на друга, все забыли они. Вздохи смѣнялись поцѣлуями, поцѣлуи вздохами.

Крѣпко сжималъ Алексѣй въ объятѣяхъ дѣвушку. Настя какъ-то странно смѣялась, а у самой слезы выступали на темныхъ глазахъ. Въ сладкой сердечной истомѣ она едва себя помнила. Алексѣй шепталъ свои мольбы, склоняясь къ ней...

Когда трепетная, поблѣднѣвшая Настя вышла въ сѣни, ее встрѣтила Фленушка.

— Ну что? — спросила она.

Настенька припала къ плечу подружки и заплакала...

— Ну, пойдемъ, пойдемъ, — молвила Фленушка. — Здѣсь еще навернется кто-нибудь.

И увлекла ее въ свѣтелку.

Алексѣй оставался нѣсколько времени въ подклѣтѣ. Его лицо сіяло, глаза горѣли. Нескоро могъ онъ успокоиться отъ волненія. Оправившись, пошелъ въ сѣни коробѣ считать.

Передвигая коробѣ за коробомъ, увидалъ притаившагося за ними Микешку.

— Что тутъ дѣлаешь? — крикнуть на него Алексѣй. — Развѣ тебѣ мѣсто тутъ?

Микешка всталъ и, глупо улыбаясь, сказалъ Алексѣю:

— Съ праздникомъ поздравить честь имѣемъ.

— Какой тутъ праздникъ за коробами нашель? — строго сказалъ ему Алексѣй. — Убирайся на свое мѣсто.

— Мое, братъ, мѣсто всегда при мнѣ, — отвѣчалъ Микешка. — Аль не знаешь, какой я здѣсь человекъ? Хозяйскій шуринъ, Аксинѣ Захаровнѣ братъ родной. Ты не смотри, что я въ отрѣпнѣхъ жожу... — свысока заговорилъ Микешка и вдругъ, понизивъ голосъ и кланяясь, сказалъ: — Дай, Алексѣй Трифонычъ, двугривенничекъ!

— Ступай, ступай, откуда пришелъ, не то Патапу Максиму скажу, — говорилъ Алексѣй, выгоняя изъ сѣней Микешку. — Да ступай же, говорятъ тебѣ.

— Дай двугривенный, такъ сейчасъ уйду! — настойчиво сказалъ Микешка.

— Убирайся. Честью тебѣ говорятъ, а то смотри, я вѣдь и въ зашей.

— Меня въ зашей! Помни же ты это слово!

— Ну, ладно, ладно, проваливай!

— Помни, а я не забуду, — ворчалъ Микешка, уходя на дворъ. — Вишь дѣвушникъ какой! А она-то, спасѣнница-то! Ну, дѣвка! Ай да Фленушка!..

Микешка видѣлъ изъ-за коробовъ, какъ въ подклѣтѣ вхо-

диль Алексѣй, видѣлъ и Фленушку. Больше ничего не видалъ. Думалъ онъ, что Алексѣй ходилъ съ келейной бѣлицей въ подклѣтъ на тайное свиданье.

Въ домѣ Патапа Максимыча наканунѣ именинъ Аксиньи Захаровны съ ранняго утра всё суетились. Самого хозяина не было дома: уѣхалъ на сосѣдній базаръ посмотреть, не будетъ ли вывезено подходящей ему посуды. У оставшихся дома семейныхъ возни, суетни у каждаго было по горло. Аксинья Захаровна съ дочерью и съ Фленушкой, подъ руководствомъ Никитичны, прибирала переднія горницы къ приему гостей: мебель вошили, зеркала виномъ обтирали, въ окнахъ чистыми занавѣски вѣшали. Наканунѣ изъ города привезли Чалуруну двѣ горки краснаго дерева за стеклами, ихъ помѣстили по угламъ. Аксинья Захаровна вынимала изъ сундуковъ серебряную и фарфоровую посуду, приготовленную дочерямъ въ приданое, Настя и Параша разставляли ее каждая въ своей горкѣ. Патапъ Максимычъ каждый разъ, какъ бывалъ въ Москвѣ или у Макарья, привозилъ дочерямъ цѣнные подарки, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ накопилось ихъ довольно. Ожидая въ гости жениха, онъ, бывши послѣдній разъ въ городѣ, купилъ въ мебельной лавкѣ горки, чтобы всё свои подарки выставить на показъ. Знали бы, дескать, Снѣжковы, что дочери у него не безприданницы.

Весело уставляла Настя «свою» горку серебромъ и фарфоромъ, даже пѣсенку запѣла. Слѣдовъ не видно было прежней тоски.

Аксинья Захаровна въ суетахъ изъ силъ выбилась.

— Охъ, родная ты моя, — говорила она Никитичнѣ, садясь на стулъ и опуская руки: — моченьки моей не стало, совсѣмъ измучилась...

— Да не суетись ты, Аксиньюшка, — отвѣчала ей Никитична. — Вѣдь только такъ, даромъ толчешься, сидѣла бы себѣ въ покоѣ. И безъ тебя все украсимъ, какъ слѣдуетъ.

— Какъ же это возможно — отвѣчала хозяйка. — Сама не приглядишь, все шиворотъ-на-выворотъ да вонъ на тараты пойдетъ... А послѣ за ихнюю дурость принимай отъ гостей срамъ да окрикъ отъ Патапа Максимыча... Сама знаешь, родная, какіе гости у насъ будутъ! Надо, чтобы все было прибрано показистѣе.

— Не твое это дѣло, Аксиньюшка. Предоставили мнѣ, одна и управлюсь, тебя не спрошу. Чать, не впервые, — сказала Никитична.

— Такъ-то такъ, ужъ я на тебя, какъ на каменну стѣну

надѣюсь, кумушка, — отвѣчала Акси́нья Захаровна. — Безъ тебя хоть въ гробъ ложись. Да нельзя же и мнѣ руки-то сложить. Вотъ умница-то, — продолжала она, указывая на работницу Матрену: — давеча у меня всѣ полы перепортила бы, коли-бъ не доглядѣла я во-время. Крашены-то полы дрсевой вздумала мыть.. А вотъ что, кумушка, хотѣла я у тебя спросить: на нонѣшній день къ ужину-то что думаешь гостямъ сготовить? Безъ хлѣба безъ соли нельзя же ихъ спать положить.

— Да что сготовить? — съ разстановкой стала говорить Никитична. — Буженины косякъ да стерлядокъ разваримъ, индѣйку жареную, и будетъ съ нихъ.

— А похлебку-то?

— Никакой похлебки не надо. Не водится, — отвѣчала Никитична.

— Какъ же это за ужинъ безъ варева сѣсть? Ладно ли будетъ? — съ недоумѣньемъ спросила Акси́нья Захаровна.

— Ты ужъ не безпокойся, не твое дѣло, — отвѣчала Никитична.

— Такъ-то такъ, родная, да больно боюсь я, чтобъ коритъ послѣ не стали, — говорила Акси́нья Захаровна. — Ну, а на завтра, на обѣдъ-отъ, что ты сострянаешь?

— Уху сварю, — отвѣчала Никитична. — Хорошихъ стерлядокъ добылъ Патапъ Максимычъ, живы еще и теперь, у меня въ лохани полощутся. Послѣ ухи кулебяку подамъ, потомъ дося, что изъ Ключова съ собой привезла, осетра разваримъ, рябковъ въ соусѣ сготовимъ, жареныхъ индюшекъ, а послѣ всего сладкій пирогъ съ вареньемъ.

— Не маловато ли будетъ? — сказала Акси́нья Захаровна. — Ты бы ужъ дюжинку кушаньевъ-то сострянала.

— Больше не надо, — отвѣчала Никитична. — Выдай-ка мнѣ напитки-то, я покажѣсть ихъ разберу.

— Пойдемъ, пойдемъ, родная, разбери; тутъ уже я толку совсѣмъ не разумѣю, — сказала Акси́нья Захаровна и повела куму въ горницу Патапа Максимыча. Тамъ на полу стоялъ привезенный изъ города большой коробъ съ винами.

— Ну, ты поди, управляйся съ полами, — сказала Никитична Акси́ньѣ Захаровнѣ: — а ко мнѣ крестницу пришли. Мы съ ней разберемъ.

Акси́нья Захаровна вышла. Весело вѣжкала въ горницу Настя.

— Развязывай коробъ-отъ, Настенька, — сказала Никитична. — Давай разбирать.

Настя развязала коробъ и стала подавать бутылку за бу-

тылкой. Внимательно рассматривая каждую, Никитична разставляла их по сортамъ.

— Чтой-то съ тобой творится, Настя? Ровно ты не въ себѣ? — сказала она.

— Ничего, крестненька, — весело отвѣчала Настя, но, замѣтивъ пристальный взглядъ, обращенный на нее крестной матерью, покраснѣла, смѣшалась.

— Меня, старуху, красавица, не обманешь, — говорила Никитична, смотря Настѣ прямо въ глаза. — Вижу я все. На людяхъ ты рѣзвая, такъ и юлишь, а какъ давеча одну я тебя подсмотрѣла, стоишь грустная да печальная. Отчего это?

— Никакой нѣтъ у меня грусти, крестненька, — отвѣчала смущенная Настя. — Тебѣ показалось.

— Не обманывай меня, Настя. Обмануть крестную мать — грѣхъ незамолвимый, — внушительно говорила Никитична. — Скажи-ка мнѣ правду истинную, какіе у васъ намедни съ отцомъ нерекоры были? То въ кельи захотѣлось, то, гляди-ка-сь, зловое какое махнуло: «уходомъ»!

У Насти отъ сердца отлегло. Сперва думала она, не узнала-ль чего крестненькая. Межъ дѣвками за Волгой, особенно въ скитахъ, ходить толки, что инья старушки, по какимъ-то примѣтамъ, узнають, сохранила себя дѣвушка аль потеряла. Когда Никитична, пристально глядя въ лицо крестницѣ, настойчиво спрашивала, что съ ней подѣлалось, пришло Настѣ на умъ, не умѣетъ ли и Никитична дѣвушекъ отгадывать. Оттого и смутилась. Но, услыхавъ, что крестная рѣчь завела о другомъ, тотчасъ оправилась.

— А! успѣли ужъ пожалобиться! — съ досадою сказала она. — А коли ужъ все тебѣ рассказано, мнѣ-то зачѣмъ еще пересказывать?.. Жениха на базарѣ мнѣ заготовилъ!.. Да я не таковская, замужъ неволей меня не отдашь!.. Не пойду за Сибѣжкова, хоть голову съ плечь. Сказала: уходомъ уйду!.. Такъ и сдѣлаю.

— А какъ нагонять? — молвила Никитична: — какъ поймають? Отъ твоего рѣдителя мудрено уходомъ уйти. Подначальнаго народу у него сколь?.. Коли такое дѣло и впрямь бы случилось, сколько деревень въ погоню онъ разошлетъ!.. Со дна моря вынуть!..

— Тогда руки на себя наложу, — твердо и рѣшительно сказала Настя. — Ножъ припасу, на тятинныхъ глазахъ и зарѣжусь!.. Ты еще не знаешь меня, крестненька: коль я что рѣшила, тому такъ и быть!.. Одинъ конецъ.

— Полно, а ты полно, Настенька, — уговаривала ее Ники-

тична. — Чтой-то какая ты въ самомъ дѣлѣ стала?.. А можетъ, этотъ Сибѣжковъ и хорошій человекъ?

— Онъ тятѣ по торговлѣ хорошъ, — съ усмѣшкой молвила Настя. — Дѣла вишь у него со старикомъ какія-то есть: ради этихъ дѣловъ и надо ему породниться... Выдавай Парашу: — такая же дочь!.. А ей все одно: хоть за попа, хоть за козла, хоть за дубовый пенъ. А я не изъ таковскихъ.

— Не гнѣви, Настенька, отца съ матерью. Грѣхъ, — сказала Никитична.

— Ничѣмъ я ихъ не прогнѣвила, — сказала Настя. — Во всемъ покорна, а насчетъ этого — ну ужъ нѣтъ. Силкомъ за немилаго замужь меня не выдадутъ.

— За немилаго! — усмѣхнулась Никитична. — А за милаго пойдешь?

— Еще бы нейти! — улыбнувшись, отвѣтила Настя. —

— Не завелся ли такой? — лукаво поглядывая на крестницу, спросила Никитична.

— Да ты, крестненька, отъ себя это спрашиваешь? — сложивъ накрестъ руки и нахмуривъ брови, спросила Настя: — аль, можетъ, тятенька велѣлъ тебѣ мысли мои вывѣдывать?

— Извѣстно, сама отъ себя, — отвѣчала Никитична. — Развѣ я чужая тебѣ? Не носила, не кормила, а все же мать. Жалбючи тебя спрашиваю.

Неправду сказала Никитична. Еще въ Ключовѣ Патапъ Максимычъ просилъ ее выпытать у Насти, не завелась ли у ней зазнобушка. «Въ скиту вѣдь жила, — говорилъ онъ: — а тамъ дѣвки вольныя, и пароду много туда набѣзжаетъ».

Настя немного подумала и съ твердостью сказала, какъ отрѣзала:

— Коли ты, крестненька, отъ себя спрашиваешь, такъ я одно тебѣ слово скажу: «нѣтъ». Больше у меня и не спрашивай. А коль велѣно тебѣ мои мысли спознать, такъ скажи мнѣ вотъ что: вздумаютъ силой замужь отдавать, свяжусь съ самымъ лядашимъ изъ тятинныхъ работниковъ... Сама навязусь, забуду стыдъ дѣвичій... Не онъ меня выкрадетъ, я его уходомъ къ полу сведу... Самого лядашаго, слышишь?.. Такъ и скажи... Кто всѣхъ пьянѣй, кто всѣхъ вороватѣй, того и возьму въ полюбовники... Жаль, что съ дядей вѣнчаться нельзя, а то бы вышла и за нашего пропойцу.

— Ахъ, Настенька, Настенька! — качая головой, сказала Никитична. — Въ умѣ ли ты?

— Покуда въ умѣ, — отвѣтила Настя. — А пойдутъ супротивъ воли моей, рѣшусь ума и такихъ дѣловъ настряпаю, что только ахнуть... Не то что уходомъ вѣнчаться сбѣгу, къ самому поскудиному работнику подевать уйду... Вотъ что!

Глава десятая.

Въ Осиповкѣ еще огней не вздували. По всей деревнѣ мужички, лежа на полатахъ, сумерничали; бабы, сидя по лавкамъ, возлѣ гребней дремали; ребятишки смолкли, гурьбой забившись на печи. На улицахъ ни души.

А у Патапа Максимыча въ домѣ всё на ногахъ. Въ горницахъ и въ сѣняхъ огни горятъ, въ передней, гдѣ гостямъ сидѣть, на каждомъ окошкѣ по двѣ семитки лежитъ, и на каждой курится монашенка *). Всѣ домашніе разодрты по-праздничному. Особенно нарядно и богато разодрта Настасья Патаповна. Въ шелковомъ пунцовомъ сарафанѣ съ серебряными золочеными пуговками, въ пышныхъ батистовыхъ рукавахъ, въ ожерельѣ изъ бурмицкихъ зеренъ и жемчугу, съ голубыми лентами въ косахъ, роскошно падавшихъ чуть не до колѣнъ, она была такъ хороша, что глядѣть на нее — не нагляднисься... Но что-то недоброе порой пробѣгало на хмуромъ лицѣ ея. Не суетилась Настя, какъ прочіе, но и на мѣстѣ не сидѣла. То къ окну подойдетъ, то въ свѣтлицу сходитъ, то на кресло сядетъ; и все такъ порывисто, какъ бы со зломъ какимъ. Говорятъ ей что-нибудь, не отвѣтитъ, либо скажетъ что невпопадъ. Глядя на дочь, Аксинья Захаровна только руками по поламъ хлопаетъ, а Патапъ Максимычъ исподобья сурово поглядываетъ; но, помня прошлое, себя сдерживаетъ, словечка не вымолвитъ, ходитъ себѣ взадъ да впередъ по горницѣ, поскрипывая новыми сапогами.

Первымъ изъ гостей прикатилъ Иванъ Григорычъ. Частой, дробной рысочкой парочка кругленькихъ, соловыхъ вятковъ подвезла къ раствореннымъ настежь воротамъ Чапурина уютныя легкія санки-катунки, казанской работы, промежъ расписныхъ вязковъ обитыя нѣмецкимъ желѣзомъ. Въ санкахъ, рядомъ съ сѣдоватымъ кумомъ, сидѣла красивая молодая женщина въ малиновой шелковой шубкѣ съ большимъ куннымъ воротникомъ, голова у ней укутана была голубымъ ковровымъ платкомъ. То была жена Ивана Григорыча — Аграфена Петровна, не родная, да и не чужая Патапу Максимычу — дочка его богоданная.

Иванъ Григорычъ Заплатинъ былъ тоже изъ заволжскихъ тысячникковъ. Верстахъ въ пятнадцати отъ Осиповки, на краю «чищи», что полосой тянется вдоль лѣваго волжскаго берега, подъ самой «раменью» **), проживалъ онъ въ небольшой де-

*) Курительная свѣчка.

**) По лѣвому берегу Воли стигается безлѣсная полоса версты въ

ревушкѣ домовъ въ двадцать, Вихорево прозывается. Какъ Чапуринъ верховодилъ въ Осиповкѣ, такъ Иванъ Григорьичъ въ своемъ Вихоревѣ. Эта деревня да еще съ дюжину околныхъ круглый годъ на него работали и звали Заплатаина своимъ «хозяиномъ». А занимаются по тѣмъ мѣстамъ дѣломъ валенымъ.

У Заплатаина при домѣ было свое заведенье: въ семи катальныхъ баняхъ десятка полтора наемныхъ батраковъ зиму и лѣто стояло за работой, катая изъ поярка шляпы и валеную обувь. Въ окрестныхъ деревняхъ на него же мягкій товаръ валяли. Кто ѣзжалъ зимней порой по той сторонѣ, тотъ видалъ, что тамъ въ каждомъ дому по скатамъ тесовыхъ кровель, лицомъ къ сѣверу, рядами разложены сотни, тысячи бѣлыхъ валенокъ, а передъ домами стоитъ множество «суковатокъ»*), у каждой десятка по два рогулей, и на каждой рогулинѣ по валенку висить. Это мягкій товаръ промораживаютъ, чтобъ бѣло да казисто на покупателя смотрѣть. Изъ катальныхъ бань то и дѣло выскакиваютъ босые, съ головы до пояса обнаженные, распотѣлые работники. Прокатится парень кубаремъ по снѣгу, прохладится и назадъ въ баню за работу. А изъ распахнутыхъ настежь дверей каталенъ парь, какъ дымъ пожарный, валить, осѣдая по застрѣхамъ хлопками густой, бѣлой куржевицы. За сотню деревень такимъ промысломъ кормятся.

Въ прежнее время Иванъ Григорьичъ больше по шляпной части занимался. Лѣтъ сорокъ тому назадъ заволжскіе катальщики чуть не на всю великорусскую сельщину шляпы работали. Валяли они и тотъ «шляпникъ», чгдъ изстари въ ходу по Тверской и Новгородской сторонамъ — съ низенькой прямой тульей, — и ярославскую «верховку», такую же низенькую, но съ тульей раструбомъ. Въ Суздальскую сторону, на Ветлугу, на Вятку, въ Пермь и на Волжское низовье работали шляпы гречушникомъ «съ подхватцемъ» либо «съ пе-

---

20—25 шириной. Здѣсь въ старину былъ лѣсъ; остатки иней мѣстами сохранились, но онъ давно или вырубленъ, или истребленъ пожарами и буреломами. Эта полоса зовется *чишею*. *Раменью* называется окраина лѣсовъ, прилегающихъ къ чишѣ. *Красная рамень* — окраина лѣса хвойнаго: сосны, ели, лиственницы; *черная рамень* — окраина лиственнаго лѣса. Есть за Волгой мѣстности, которымъ свойственны названія Красной Рамени и Черной Рамени, какъ собственные имена. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, есть большія населенныя пространства, носящія названія Красной и Черной Рамени.

*) Суковатка — семи-восьмигодовая елка, у которой облуплена кора и окорочены сучья, въ видѣ рогулекъ. Суковатку ставятъ въ сугробъ комлемъ къверху и на рогульки развѣшиваютъ валенки.

реломомъ»: для Московской стороны «шпилякъ московскій», на Рязань, на Тулу и дальше къ Украинѣ «шпилекъ ровный» да «кашники». Большимъ подспорьемъ шляпной торговлѣ бурлаки въ прежнее время бывали. Для нихъ шляпу на особую стать за Волгой валяли, ни дать ни взять, какъ тѣ низенькія, мягкія шляпы, что теперь у горожанъ въ моду вошли. И татарамъ за Волгой бѣляя шляпы валяли. Хоть иной катальщикъ и брезговалъ такой работой: грѣховное, дескать, дѣло христіанскія руки поганить, катая шляпу на бриту башку басурманина, но такихъ немного бывало, потому что «татарка» товаръ сходный, никогда, бывало, не залежится. Много денегъ за Волгой шляпой добывали, немало досужихъ работниковъ шляпа въ люди вывела, тысячами поставила. Теперь не то. Все это было, да давно и сплыло, а что не сплыло, то быльемъ поросло.

Совеѣмъ подошла теперь шляпа заволжская. Хоть брось совеѣмъ. Спросъ малый, сбыту вовсе почти не стало. Годовъ тридцать тому назадъ какой-то кантауровецъ *) ушелъ на житье въ Тверскую сторону и тамъ, гдѣ-то около Торжка, завелъ родимый свой заволжскій промыселъ. Сразу разбогатѣлъ. Новые сосѣди стали у того кантауровца перенимать валеное дѣло, до того и взятыя за него не умѣли; разбогатѣли ли они, нѣтъ ли, но за Волгой съ той поры «шляпка» да «верховки» больше не валяютъ, потому что спросу въ Тверскую сторону вовсе не стало, а по другимъ мѣстамъ шляпу тверского либо ярославскаго образца ни за что на свѣтѣ на голову не надѣнутъ — смѣшно, дескать, и зазорно. Съ легкой руки кантауровца и другіе заволжане по чужимъ сторонамъ пошли счастья искать и развели дѣдовскій промыселъ по дальнимъ мѣстамъ. Спросу на шляпу за Волгой отъ того стало еще меньше. А тутъ пароходы на Волгѣ завелись, убили бурлачество, тогда и бурлацкой шляпѣ пришелъ конецъ. А больше всего бѣдъ надѣлалъ картузь. Вышелъ онъ на Русь изъ Нѣмечины, да не изъ заморской, а изъ своей, изъ той, что лѣтъ сто тому назадъ мы, сами не зная зачѣмъ, развели на лучшихъ мѣстахъ саратовскаго Поволжья. Денежный картузь вытѣснилъ болѣе цѣнную стародавнюю шляпу, и осталась она лишь праздничнымъ уборомъ молодежи, да еще степенные, сѣдые мужики пока еще не промѣняли дѣдовскихъ шляпъ на нововводный картузь.

*) Кантаурово — село на рѣкѣ Лидѣ, за Волгой, верстахъ въ двадцати отъ Нижняго-Новгорода, одинъ изъ центровъ валеночнаго промысла. По имени этого села всѣхъ вообще заволжскихъ катальщиковъ, приготавливающихъ шляпы и валеную обувь, черѣдко зовутъ кантауровцами.

Хизнулъ за Волгой шляпный промыселъ, но заволжаннѣ рукъ отъ того не распустилъ, головы не повѣсилъ. Сапоги да валенки у него остались, сталъ калоши горожанамъ работать по нѣмецкому образцу, дамскія ботинки, полусапожки да котки, охотничьи сапоги до пояса, — хорошо въ нихъ на медвѣдя по сугробамъ ходить, — да мало-ль чего еще ни придумалъ досужій заволжаннѣ.

Иванъ Григорычъ вотъ какой промыселъ тогда произвелъ. Разъ, будучи у Макарья, зашелъ по какому-то дѣлу къ знакомому барину. Погода стояла дождливая. Выходя изъ дому вмѣстѣ съ Иваномъ Григорычемъ, баринъ велѣлъ подать себѣ непромокаемое пальто. Иванъ Григорычъ полюбопытствоваться, пощупалъ невиданное имъ дотогѣ пальто, видитъ, дѣло-то валеное, значитъ, сподручное, спросилъ у барина, гдѣ онъ добылъ такую вещь, и, по его указанью, купилъ у забѣзжаго на ярмарку чужеземца непромокаемое пальто, далъ чуть ли не четвертную. Воротясь въ Вихорево, принялся Иванъ Григорычъ по иноземному образцу пальто работать, вышло ничѣмъ не хуже, зато въшестеро дешевле. Медаль получилъ на выставкѣ. Вихоревскія пальто спервоначалу шибко пошли въ ходъ, только ненадолго: зазорно стало господамъ мужицкаго дѣла одѣжу носить — подавай хоть поплоше да подороже, да чтобъ было не свое, а нѣмецкое дѣло... Азямы тогда сталъ работать Иванъ Григорычъ непромокаемые — эти пошли.

Жилъ Иванъ Григорычъ, на Бога не жаловался. Всего у него было вдосталь. Скупая валеный товаръ по окрестностямъ и работай въ своемъ заведеніи, каждый годъ онъ его не на одну тысячу сбывалъ у Макарья и кромѣ того самъ на Низъ много валеной обуви сплавлялъ. Въ Нижнемъ у него лавка была, приказчикъ въ ней круглый годъ сидѣлъ, да на ярмаркѣ двѣ лавки нанималъ. Мельница-крупчатка на Линдѣ у него стояла, о десяти поставкахъ была. На послѣднихъ годахъ пароходъ кабестанный завелъ: пароходъ звался «Вихоремъ», забѣзка «Заплатой». Тысячъ въ семьдесятъ на серебро обошелся.

Съ Патапомъ Максимычемъ Заплатинъ съ малолѣтства дружилъ. Оба изъ одной деревни: старикъ-отъ Заплатинъ тоже былъ осиповскій и въ шабрахъ проживалъ съ Максимомъ Чапуринымъ. Патапушка да Ванюшка съ ребятишками вмѣстѣ на улицѣ въ козны да въ городки игравали, у келейницы Калитолины вмѣстѣ грамотѣ обучились, вмѣстѣ въ люди вышли. Схоронивъ отца съ матерью, Иванъ Григорычъ не желалъ оставаться въ Осиповкѣ, а, занявшись по валеному дѣлу, изъ рамени въ чину перебрался, гдѣ было ему невпри-

мѣръ вольготнѣе, потому что народъ тамъ больше этимъ промысломъ жилъ. Но, выселившись изъ Осиповки, въ прежней любви съ Чапуринимъ остался. Жили они послѣ того три десятка лѣтъ ладно и совѣтно; никогда промежъ нихъ сѣрая кошка не пробѣгала. Не разъ другъ друга изъ бѣды выручали, не разъ помощь въ-пору — во-время другъ другу подавали. Дай Господи роднымъ братьямъ въ такомъ согласѣ жить, въ какомъ жили осиповскій тысячникъ съ вихоревскимъ. И семейные ихъ межъ себя тоже какъ родные были.

Испоконъ вѣку народъ говорить: жена добрая, домовитая во сто кратъ цѣннѣй золота, непримѣръ дороже камня самоцвѣтнаго. Правдиво то русское извѣстное слово; правду сго Иванъ Григорьичъ на себѣ спозналъ. Хозяйка у него была молодая, всего двадцати двухъ лѣтъ, но такое сокровище, что дай Богъ всякому доброму человѣку. Свѣжая, здоровая, изъ себя пригожая, Аграфена Петровна вотъ ужъ пятый годъ живетъ за нимъ замужемъ и, хоть Иванъ Григорьичъ больше чѣмъ вдвое старше ея, любитъ сѣдого мужа всей душой, денно и ноцпо благодаря Создателя за счастливую долю, ей посланную. Ясное, веселое лицо Аграфены Петровны вѣриѣй всякихъ рѣчей говорило, что нѣтъ у нея ни горя на душѣ ни тревоги на сердцѣ. Тихо и мирно проходила жизнь этой любящей и всѣми любимой женщины. Всегда спокойная, никогда ничѣмъ невозмутимая, краснымъ солнцемъ сіяла она въ мужниномъ домѣ, и куда вчужѣ ни показывалась, вездѣ ей были рады, какъ свѣтлому гостю небесному. Куда ни войдетъ, всюду внесетъ съ собою миръ, ладъ, согласье и веселье. При ней и мрачные старики, угрюмо на постылый свѣтъ глядѣвшіе, юнѣли и, будто сбросивъ десятокъ годовъ съ плечъ долой, становились мягче, добрѣй и привѣтливѣй. Никогда не слышать было при ней пересудовъ, ни злыхъ попрековъ, ни лихихъ перекаровъ. Какъ достигла Аграфена Петровна такого вліянія на всѣхъ ею знаемыхъ, сама не знала, и другіе не вѣдали. Какъ-то само собой вышло, а когда началось и съ чего зачалось, никто бы не сумѣлъ и отвѣта дать. «Такая ужъ молодница: отъ Бога ей дано»,—говорили сосѣди, когда спрашивали у нихъ, отчего при женѣ Заплатина ни злословить ни браниться и ничего недобраго никто сдѣлать не можетъ. Самый вздорный человѣкъ, самый охочій до ссоръ и брани стихаль на глазахъ кроткой разумницы и потомъ самъ на сторонѣ говорилъ, что при Аграфенѣ Петровнѣ вздорить никакъ не приходится.

Росла она круглой сиротой, но святой Божій покровъ всегда былъ надъ нею. За молитвы, видно, родительскія не довелось

Грунѣ извѣдать горечи и тяги, неразлучныхъ съ сиротскою долей. Съ младенческой колыбели до брачнаго вѣнца никогда почти не знавала она ни бѣды ни печалей, а принявъ вѣнецъ, рай въ мужнишъ домъ внесла и царила въ немъ. Почти не знала бѣды и печалей, но не совсѣмъ же онѣ были ей невѣдомы. Безъ горя, безъ печали, что безъ грѣха, человѣку вѣка не изжить. И надъ Груней, еще дѣвочкой, внезапно грозой разразилась бѣда тяжкая, и пришлось бы она ребенку не подъ силу, если-бъ не нашлось добрыхъ людей, что любовью своей отвели грозу и наполнили мирнымъ счастьемъ душу дѣвочки.

Отецъ ея былъ хоть не изъ великихъ тысячникъ, но все же достатки имѣлъ хорошіе и жилъ душа въ душу съ молодой женой, утѣшаясь, не нарадуясь на подраставшую Груню. Дети у нихъ не жили, одну ее сохранилъ Господь, и крѣпко любили родители бѣлокудрую дочку свою. Девять годовъ Грунѣ на Купальницу исполнилось, чрезъ мѣсяць послѣ именинъ ея поѣхали отецъ съ матерью къ Макарью — тамъ у нихъ въ Щепаномъ ряду на Пескахъ, что у Стрѣлки, лавка была. Взяли они съ собою и маленькую дочку. Такъ они ее любили, что ни за какія блага не покинули-бъ въ деревнѣ съ домовицей, чтобъ потомъ, живучи въ ярмаркѣ, день и ночь думать да передумывать, не случилось ли чего недобраго съ ненаглядной ихъ дочуркой.

Годъ былъ тяжелый: смерть по людямъ ходила. Холера на ярмаркѣ валила народъ. У Грунина отца въ одинъ день двое молодцовъ заболѣло, свезли ихъ въ Мартыновскую, оттолъ къ Петру-Павлу *). Прошелъ день-другой, разомъ у Груни отецъ съ матерью заболѣли, ихъ тоже въ больницу свезли. Одна-единешенька, середь чужихъ людей, осталась въ лавкѣ девятилѣтняя Груня. Урвавшись какъ-то отъ сосѣднихъ торговцевъ, Христа ради приглядывавшихъ маленько за дѣвочкой, она, не пивши, не ѣвши, цѣлый день бродила по незнакомому городу, отыскивая больницу; наконецъ, выбившись изъ силъ, заночевала въ кустахъ волжскаго откоса. Поутру, чуть еще брезжило, голодная дѣвочка ужъ стояла и плакала у воротъ Мартыновской больницы. Сторожа не пускали ее на дворъ. Долго лежала она подъ солнечнымъ припекомъ, громко рыдая и умоляя пустить ее къ отцу съ матерью. Сторожа для порядка гнали Груню прочь отъ больничныхъ воротъ и сказали, что ни тятки ни мамки у ней больше нѣтъ, что до

*) Городская больница въ Нижнемъ называется «Мартыновскою»; кладбище городское называется «у Петра и Павла», по церкви, тамъ находящейся.

свѣту обоихъ на кладбище стащили. Несмотря на угрозы, бѣдная Груня все-таки прочь отъ больницы не шла...

Тогда взглянулъ Господь на сироту милосерднымъ окомъ и послалъ къ ней добраго человѣка.

Провѣдалъ одинъ ярмарочный торговецъ изъ-за Волги, что въ Щепяномъ ряду выморочная лавка явилась и въ ней одинъ-единешенекъ малый ребенокъ остался. Спросилъ у сосѣдей той выморочной лавки, куда дѣвалась сирота — никто не знаетъ. Бросилъ свое дѣло добрый человѣкъ и пустился на розыски. Отыскалъ онъ Груню у воротъ больницы и взялъ сиротинку въ домъ свой. Всюилъ, вскормилъ ее и воспитать наравнѣ съ родными дочерями, ни на волосъ ихъ отъ богоданной дочки не отличая. И благословеніе Божіе почилло на добромъ человѣкѣ и на всемъ домѣ его: — въ семь лѣтъ, что прожила Груня подъ кровомъ его, седмерицею достатокъ его увеличился, изъ зажиточнаго крестьянина сталъ онъ первымъ богачомъ по всему Заволжью. То былъ осиповскій тысячникъ, Патапъ Максимычъ Чапуринъ.

Двумя-тремя годами Груня была постарше дочерей Патапа Максимыча, какъ разъ въ подружки имъ стодилась. Вырастающая вмѣстѣ съ Настей и Парашей, она сдружилась съ ними. Добрымъ, кроткимъ нравомъ, любовью къ подругамъ и привязанностью къ богоданнымъ родителямъ такъ полюбилась она Патапу Максимычу и Аксиньѣ Захаровнѣ, что тѣ считали ее третьей своей дочерью.

— Слушай, Аксинья, — говорилъ хозяйкѣ своей Патапъ Максимычъ: — съ самой той поры, какъ взяли мы Груню въ дочери, Господь видимо благословляетъ насъ. Сиротка къ намъ въ домъ счастье принесла, и я такъ въ мысляхъ держу: что ни подалъ намъ Богъ, за нее, за голубку, все подалъ. Смотри-жь у меня — не ровень часъ, все подъ Богомъ ходимъ, коли вдругъ пошлетъ мнѣ Господь смертный часъ и не успѣю я насчетъ Груни распорихенья сдѣлать, ты безъ меня ее не обидь.

— Чего ты только ни скажешь, Максимычъ! — съ досадою отвѣтила Аксинья Захаровна. — Ну, подумай, умная ты голова, возможно развѣ обидѣтъ мнѣ Грунюшку? Въ утробѣ не носила, своей грудью не кормила, а все-жь я ей мать, и сердце у меня лежитъ къ ней все едино, какъ къ рожевымъ дочерямъ. Все мои три дѣвоньки заодно лежатъ на сердцѣ.

— Знаю про то, Захаровна, и вижу, — продолжалъ Патапъ Максимычъ: — я говорю для того, что ты баба. Стары люди не съ вѣтру сказали: «баба что мѣшокъ: что въ него положишь, то и несетъ». И потому, что ты есть баба, значить,

разумомъ не дошла, то, какъ меня не стаетъ, могутъ тебя люди разбить. Мало-ль есть въ міру завистниковъ? Виутаются не въ свое дѣло и все вверхъ дномъ подымуть.

— Да что ты въ самомъ дѣлѣ, Максимычъ, дура, что ли, я новитая? Послушаюсь я злыхъ людей, обижу я Грунюшку? Да никакъ ты съ ума спятилъ? — заговорила, возвышая голосъ, Аксинья Захаровна, утирая рукавомъ выступившія слезы. — Обидчикъ ты этакой, право, обидчикъ!.. Какое слово про меня молвилъ!.. По сердцу ровно ножомъ полоснулъ!.. Бога нѣтъ въ тебѣ!.. Право, Бога нѣтъ!..

— А ты горла-то зря не распускай, — въ свою очередь возвысивъ голосъ, сказалъ ей Патапъ Максимычъ. — Молчи да слушай... Ну же, не хныкать, покуда не бита, чтобъ я не видалъ бабьихъ слезы!.. Слушай, что приказывать стану... слова не смѣй проронить; все въ точности исполни!.. Богъ дастъ, женихи станутъ къ Грунѣ свататься и къ дочерямъ — приданое всѣмъ поровну. Что Настасьѣ, что Прасковѣ, то и Грунѣ... Слышишь?.. А помремъ мы съ тобой, весь домъ и все добро, что останется, тоже на три доли поровну... Помни же завѣтъ мой, изъ ума его не выкладывай. Не то моимъ костямъ въ гробу покоя не будетъ. Не будь Настасьѣ съ Прасковѣей родительскаго моего благословенія, коли поровну онѣ съ Груней не подѣлятся. Не мое и не ихне добро, что мы нажили: его Богъ ради Груни послалъ. Такъ я въ разумѣ держу, такъ и ты держи, и дочери такъ же пусть держатъ. Помни же слово мое. А коли послѣ меня, какъ я приказываю, не сдѣлаешь, такъ я тебя... — прибавилъ Патапъ Максимычъ, подымая кверху увѣсистый кулачище. — На томъ свѣтѣ-то... передъ Богомъ на страшномъ судищѣ поставлю... И засудитъ Онъ тебя, засудитъ. — въ адъ кромѣшный пошлетъ, коли Груню обидишь... Да, да... Ты это помни!.. А теперъ вотъ что, — продолжалъ онъ, значительно понизивъ голосъ послѣ окрику: — на той недѣлѣ, наканунѣ Иванова дня, Груня именинница. Возьми канаусъ, что изъ Астрахани привезенъ, сарафанъ именинницѣ справь, пуговицы были бы серебряныя. Есть тамъ у тебя... И дочерямъ такіе же сарафаны шей, канаусу на всѣхъ должно хватить...

Понималъ Патапъ Максимычъ, что за безцѣнное сокровище въ дому у него подрастаетъ. Разумомъ острая, сердцемъ добрая, къ всѣмъ жалостливая, нрава тихаго, кроткаго, росла и красой подлилась Груня. Не было человѣка, кто бы, разъ-другой увидавши дѣвочку, не полюбилъ ея. Дочери Патапа Максимыча души въ ней не чаяли; хоть и немногимъ была постарше ихъ Груня, однако онѣ во всемъ ея слуша-

лись. Ни у той ни у другой никакихъ тайнъ отъ Груни не бывало. Но не судьба имъ была вмѣстѣ съ Груней вырасти.

Только-что Груня заневѣстилась, сталъ Патапъ Максимычъ присматривать хорошаго степеннаго человѣка, на руки котораго, безъ страха за судьбу, безъ опасенья за долю счастливую, можно бы было отдать богоданную дочку.

На ту пору овдовѣлъ Иванъ Григорьичъ. Покинула ему жена троихъ дѣтокъ малъ-мала меньше. Бѣдовое ему настало время: извѣстно, вдовецъ дѣткамъ не отецъ, самъ круглый сирота. Нѣтъ за малыми дѣтьми ни уходу ни призору, не отъ кого имъ услышать того добраго, благодатнаго слова любви, что изъ устъ матери струей благотворной падаетъ въ самыя основы души ребенка и тамъ сѣменами добра и правды рассыпается. Лежатъ тѣ сѣмена глубоко въ тайникѣ души, дожидаясь поры-времени, когда ребенокъ, возмужавъ, выраститъ, выхолить ихъ доброй волей и свободнымъ хотѣньемъ... И благо тому, кто сумѣетъ взрастить сѣмена, посѣянные въ немъ любовью матери — добрый плодъ отъ нихъ выйдетъ. Бѣда, горе великое малымъ дѣткамъ остаться безъ матери, хуже бѣда, чѣмъ пчелкамъ безъ матки. Понималъ это горемычный Иванъ Григорьичъ, и тоской разрывалось сердце его, глядя на сиротокъ.

А тутъ и по хозяйству не попрежнему все пошло: въ дому все по-старому, и затворы и запоры крѣпки, а добро рѣкой вонѣ плыветъ, домовая утварь какъ на огнѣ горитъ. Извѣстно дѣло: безъ хозяйки домъ, какъ безъ крыши, безъ огорожи: чужая рука не на то, чтобы въ домъ внести, а чтобъ изъ дому вынести. Скорбно и тяжко Ивану Григорьичу. Какъ дѣлу помочь?.. Жениться?

Жениться! Легко слово молвить, а сдѣлать какъ? Жениться не мудрость, и дуракъ сумѣетъ, но какъ вдовцу найти жену добрую, хозяйку хорошую, мать чужимъ дѣтямъ? Гдѣ въ какомъ царствѣ, въ какомъ государствѣ? Мало что-то такихъ водится... Какъ ни разводилъ Иванъ Григорьичъ разумомъ, какъ ни вскидывалъ мыслями на знакомыхъ вдовъ и дѣвушекъ, ни одной мало-мальски подходящей не обыскалось. Одно гребтить на умѣ бѣднаго вдовца: хозяйку сыскать не хитрое дѣло, было-бъ у чего хозяйствовать; на счастье попадется, пожалуй, и жена добрая, совѣтная, а гдѣ, за какими морями найдешь родну мать чужу дѣтицу?.. Эхъ, житье вдовца горькое, безталанное!.. Отъ печалей къ немощамъ, отъ немощей къ печалямъ!.. Не подѣ стая Ивану Григорьичу слезы точить: голова ужъ заиндѣвѣла, а слезы стараго и людямъ

смѣшны и себѣ стыдны. Крѣпится Иванъ Григорьичъ, а иной разъ непрощенная слеза бѣжитъ да бѣжитъ по сѣдымъ усамъ.

До гробовой доски, до бѣлаго савана думать бы да передумывать бѣдному горюну, если бы другъ не выручилъ. Тотъ же старый другъ, то же неизмѣнное копье, чтѣ и въ прежни года изъ житейскихъ невзгодъ выручалъ, тотъ же Патапъ Максимычъ.

Справивъ сорочины по покойницѣ, сталъ Иванъ Григорьичъ изъ дому по дѣламъ увѣжать. Еще хуже пошло. Спиридоновна, родственница жены-покойницы, старуха хвораая, хозяйствомъ въ дому у него заправляла и за дѣтми приглядывала. Но не сможетъ она съ домою справиться — и хотѣла бы она, да не умѣетъ. Дѣтей любила, да по-своему: въ неряшествѣ Спиридоновна бѣды не видала, а тукманки, думала она, дѣтямъ нужны: умнѣе растутъ... Другой хозяйки Ивану Григорьичу негдѣ взять: родни только и есть, чтѣ Спиридоновна, а чужую въ домъ ко вдовцу заворно ввести. Не по чину, не по обряду; въ добрыхъ людяхъ такъ не водится.

Заѣхалъ разъ Иванъ Григорьичъ въ Осиповку размыкать тоску свою въ совѣтной бесѣдѣ съ другомъ извѣданнымъ. Пора была вечерняя. Въ передней горницѣ вся семья Патапа Максимыча за чаемъ сидѣла. Обѣ дочери и Груня были на ту пору въ Осиповкѣ; изъ обители, куда въ ученье были отданы, онѣ погостить прѣѣзжали... Патапъ Максимычъ и Аксинья Захаровна при нихъ завели съ гостемъ бесѣду, толковали про трудное, горемычное житье-бытье его. Настя — тогда ей только-что тринадцать лѣтъ минуло — о чемъ-то пересмѣивалась съ Парашей, а шестнадцатилѣтняя Груня прислушивалась къ рѣчамъ говорившихъ. Отпили чай. Съ громкимъ смѣхомъ Настя съ Парашей прыснули вонъ изъ горницы и побѣжали играть въ огородъ, клича съ собой и Груню, но Груня не пошла съ ними... Усѣлись кумовья за пуншикомъ, Аксинья Захаровна къ нимъ же подсѣла съ шитьемъ, рядомъ съ ней Груня съ вязаньемъ.

— Вотъ и живу я, кумушка, ровно божедомъ въ скудельницѣ, — говорилъ Иванъ Григорьичъ Аксиньѣ Захаровнѣ. — Одинъ какъ перстъ! Слова не съ кѣмъ перемолвить, умрешь — поплакать некому, помянуть некому.

— Чтѣ ты, батька, — возразила Аксинья Захаровна: — дѣтки по родительской душенькѣ помянники.

— Чтѣ дѣтки? Малы они, кумушка, еще неразумны, — отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Пропაცія они дѣти безъ матери... Нестройно, неукладно въ дому у меня. Не глядѣлъ бы... Все,

важись, стоять на своемъ мѣстѣ, попрежнему; всё, кажется, порядки идутъ, какъ шли при покойницѣ, а не то... Нустымъ пахнетъ, кумушка.

— Это такъ.—пригорюнясь, отвѣтила Аксиныя Захаровна:— правду говорить: безъ хозяйки домъ, что мертвецъ несхороненный.

— Да что домъ! Пропадай онъ совсѣмъ!.. — молвилъ Иванъ Григорьичъ. — Не домъ крушить меня, — сироты мои бѣдныя. Какъ расти имъ безъ матери!.. Ходить за ними Спиридоновна, какъ умѣеть, усердствуетъ, да развѣ мать?.. Ни приласкать ни приголубить... У отца въ дому, а дѣтямъ горькая доля!.. Призору нѣтъ: прїѣдешь изъ города али съ мельницы: дѣти не умыты, не чесаны, грязныя, оборванныя. При покойницѣ развѣ водилось такъ?.. Недавно провѣдалъ, безъ меня иной разъ голодными спать ложатся. Спиридоновна старуха старая, хвора; гдѣ ей за всѣмъ углядѣть?.. Рада-радешенька до подушки добратся, а работницы народъ вольный. Спиридоновна на боковую, онѣ на супрядки, дѣти-то одни и остались. Того и гляди, что грѣшнымъ дѣломъ искалъчутся... Горько житье мое, кумушка!

И, склонивъ голову на руку, тяжелымъ вздохомъ вздохнулъ Иванъ Григорьичъ. Слезы въ глазахъ засверкали.

Пристально глядѣла на плачущаго вдовца Груня. Жаль ей стало сиротокъ. Вспомнила, какъ сама, голодная, бродила она по чужому городу.

— Жениться надо, кумъ, вотъ что, — сказала Паташъ Максимычъ.

— Легко сказать, а сдѣлать-то какъ? — отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ.

— Надо искать. Извѣстно дѣло, невѣста сама въ домъ не придетъ, — сказалъ Паташъ Максимычъ.

— Гдѣ ее сыщешь? — печально молвилъ Иванъ Григорьичъ. — Не жену надо мнѣ, мать дѣтямъ нужна. Ни богатства ни красоты мнѣ не надо, дѣтокъ бы только любила, замѣсто бы родной матери была до нихъ. А такую и днемъ съ огнемъ не найдешь. Немало я думалъ, немало на вдовъ да на дѣвокъ умомъ своимъ вскидывалъ. Ни единая не подходитъ... Ахъ, сироты вы мои, сиротки горькія!.. Лучше ужъ вамъ за матерью слѣдомъ въ сыру землю пойти.

— Что ты?.. Христоръ съ тобой!.. Опомнись, куманекъ!.. — вступилась Аксиныя Захаровна. — Можно-ль такъ отцу про дѣтей говорить?.. Молись Богу да Пресвятой Богородицѣ, не оставять... Самъ знаешь: за сиротой самъ Богъ съ калитой.

Долго толковали про бѣдовую участь Ивана Григорьича.

Онь уѣхалъ; Аксинья Захаровна по хозяйству вышла за чѣмъ-то. Груня стояла у окна и задумчиво обрывала поблекшіе листья розанели. На глазахъ у ней слезы. Патапъ Максимычъ замѣтилъ ихъ, подошелъ къ Грунѣ и спросилъ ласково:

— Что ты, дочка моя милая?

Взглянула Груня на названнаго отца, и слезы хлынули изъ очей ея.

— Что ты, что съ тобой, Грунюшка? — спрашивалъ ее Патапъ Максимычъ. — О чемъ это ты?

— Сиротокъ жалко мнѣ, тятя, — трепетнымъ голосомъ отвѣтила дѣвушка, припавъ къ плечу названнаго родителя. — Сама сирота, разумѣю... Пошлетъ ли Господь имъ родную мать, какъ мнѣ послалъ? Голубчикъ тятенька, жалко мнѣ ихъ!..

— Господь возлюбитъ слезы твои, Груня, — отвѣчалъ тронутый Патапъ Максимычъ, обнимая ее: — святые ангелы несутъ ихъ на небеса. Сядемъ-ка, голубонька.

И сѣли рядомъ на диванъ.

— Помнишь, что у Златоуста про такія слезы сказано? — внушительно продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Слезы тѣ паче поста и молитвы, и самъ Спасъ пречистыми устами Своими рекъ: «никто же больше тоя любви имать, аще кто душу свою положить за други своя»... Добрая ты у меня, Груня!.. Госюдь тебя не оставитъ.

— Тятенька голубчикъ, какъ бы сиротъ-то устроить? — говорила Груня, ясно глядя въ лицо Патапу Максимычу. — Я бы, кажись, душу свою за нихъ отдала...

Молчалъ Патапъ Максимычъ, глядя съ любовью на Груню. Она продолжала:

— Сама сиротой я была. Недолго была по твоей любви да по милости, а все же я помню, каково мнѣ было тогда, какова есть сиротская доля. Богъ тебя мнѣ послалъ да мамыньку, оттого и не спознала я горя сиротскаго. А помню, каково было бродить по городу... Ничѣмъ не заплатить мнѣ за твою любовь, тятя; одно только вотъ передъ Богомъ тебѣ говорю: люблю тебя и мамыньку, какъ родныхъ отца съ матерью.

— Полно, полно, моя ясынька, полно, привѣтная, полно, — говорилъ растроганный Патапъ Максимычъ, лаская дѣвушку. — Чего-жъ намъ еще отъ тебя?.. Любовью своей сторицей намъ платишь... Ты намъ... счастье въ домъ принесла... Не мы тебѣ, ты добро намъ дѣлала...

— Тятя, тятя, не говори. Не воздать мнѣ за ваши милости... А если ужъ вамъ не воздать, Богу-то какъ воздать?

Припала Груня къ груди Патапа Максимыча и зарыдала.

— Добрыми дѣлами, Груня, воздашь, — сказала Патапъ Максимычъ, глядя по головкѣ дѣвушку. — Молись, трудись, всего паче бѣдныхъ не забывай. Никогда-никогда не забывай бѣдныхъ да несчастныхъ. Это Богу угоднѣй всего...

— Слушай, тятя, что я скажу, — быстро поднявъ голову, молвила Груня съ такой твердостью, что Патапъ Максимычъ, слегка отшатнувшись, зорко поглядѣлъ ей въ глаза и не узналъ богоданной дочки своей. Новый человекъ передъ нимъ говорилъ. — Давно я о томъ думала, — продолжала Груня: — еще махонькою была, и тогда ужъ думала: какъ ты меня прирѣлъ, такъ и мнѣ надо сиротъ прирывать. Этимъ только и могу я Богу воздать... Какъ думаешь ты, тятя?.. А?..

— Ты это хорошо сказала, Груня, — молвилъ Патапъ Максимычъ: — по-божески.

— Жаль мнѣ сиротокъ Ивана Григорыча, — сказала Груня: — я бы, кажись, была имъ матерью, какую онъ ищетъ.

— Какъ же такъ? — едва вѣря ушамъ своимъ, спросилъ Патапъ Максимычъ. — Нешто пойдешь за старика?

— Пойду, тятя, — твердо сказала Груня. — Онъ добрый... Да мнѣ не онъ... Мнѣ бы только сиротокъ прирѣть.

— Да вѣдь онъ старый! тебѣ не ровня, — молвилъ Чапуринъ.

— Старъ ли онъ, молодъ — по мнѣ все одно, — отвѣчала Груня. — Не за него, ради бѣдныхъ сиротъ...

— Ахъ, ты, Грунюшка моя, Грунюшка! — говорилъ глубоко растроганный Патапъ Максимычъ, обвиняя дѣвушку и нѣжно цѣлуя ее. — Ангельская твоя душенька!.. Отецъ твой съ матерью на небесахъ разыграли теперь!.. И аще согрѣшили въ чемъ передъ Господомъ, искупила ты грѣхи родительскіе. Старъ я человекъ, много всего на вѣку я видалъ, а такой любви къ ближнему, такой жалости къ малымъ сиротамъ не видывалъ, не слыхивалъ... Чистая святая твоя душенька!..

— Тятя, тятя, что ты? — вскрикнула Груня.

Богоданная дочка и названный отецъ крѣпко обнялись.

На другой день рано поутру Патапъ Максимычъ собрался наскоро и поѣхалъ въ Вихорево. Войдя въ домъ Ивана Григорыча, увидалъ онъ друга и кума въ такомъ гнѣвѣ, что не узналъ его. Возвратясь изъ Осиповки, вдовецъ узналъ, что одинъ его ребенокъ кипяткомъ обваренъ, другой избитъ до крови. Отъ недосмотра Спиридоновны и нянекъ, пятилѣтняя Мареуша, рѣзвясь, уронила самоваръ и обварила старшую сестру. Спиридоновна поучила Мареушу уму-разуму: въ кровь избилъ ее.

— Вотъ, кумъ, посмотри на мое житье! — говорилъ Иванъ Григорьичъ. — Полюбуйся: одну обварили, другую избили... Изъ дому уѣдешь, только у тебя и думы — цѣлы ли дѣти, про дѣла и на умъ нейдетъ... Просто бѣда, Патапъ Максимычъ, другъ мой любезный, бѣда неизбывная... Не придумаю, чтò и дѣлать...

— Молчи-ка ты, — весело отвѣчалъ на его жалобы Патапъ Максимычъ. — Я къ тебѣ съ радостью.

— Какія тутъ радости! — съ досадою отозвался Иванъ Григорьичъ. — Не до радостей мнѣ... Думаю не придумаю, какую бы старуху мнѣ въ домовницы взять. Спиридоновна совсѣмъ никуда не годится.

— Да ты слушай, чтò говорить стану, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Невѣста на примѣтѣ.

— Какая тутъ невѣста!.. — съ досадою отозвался Иванъ Григорьичъ. — Не до шутокъ мнѣ, Патапъ Максимычъ. Побойся Бога: человекъ въ горѣ, а онъ съ издѣвками...

— Хорошая невѣста, — продолжалъ свое Чапуринъ. — Настоящая мать будетъ твоимъ сиротамъ... Добрая, разумная. И жена будетъ хорошая и хозяйка добрая. Да къ тому-жъ не изъ бѣдныхъ — тысячь тридцать приданого теперь получишь. Дѣвка молодая, изъ себя красавица писаная. А ужъ добра какъ, какъ дѣтей твоихъ любить: не всякая, братецъ, мать любить такъ свое дѣтище.

— Полно сказки-то сказывать, — отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Про какую царевну-королевну рѣчь ведешь? За моремъ за океаномъ, что-ль, такую сыскалъ?

— Поближе найдется: здѣсь же у насъ, въ лѣсахъ кое-гдѣ... — улыбаясь, говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Не муги мою душу. Грѣхъ!.. — съ грустью и досадою отвѣтилъ Иванъ Григорьичъ. — Не на то съ тобой до сѣдыхъ волосъ въ дружбѣ прожили, чтобъ на старости издѣваться другъ надъ другомъ. Полно чепуху-то молоть, про домашнихъ лучше скажи. Чтò Аксинья Захаровна? Дѣтки?

— Чего имъ дѣлается? И сегодня живутъ по-вчерашнему, какъ вечеръ видѣлъ, такъ и есть, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Да слушай же, не съ баснями я пріѣхалъ къ тебѣ, съ настоящимъ дѣломъ.

— Съ какимъ это? — спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— Да все насчетъ того... Про невѣсту.

— Про какую? Гдѣ ты ее за ночь-то выкопалъ?

— Да хоть про нашу Груню, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Съ ума ты спятилъ, — отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. —

Хоть бы дѣломъ чтò сказалъ, а то нарка поди.

— Дѣломъ и говорю.

— Да подумай ты, голова, у насъ съ тобой бороды сѣдыя, а она ребенокъ. Сколько годовъ-то?

— Семнадцатый съ Петровокъ пошелъ. Какъ есть заправская невѣста.

— То-то и есть, — сказалъ Иванъ Григорычъ. — Ровня, что ли? Охота ей за старика на дѣтей идти.

— Безъ ея согласья, извѣстно, нельзя дѣла сладить, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Потому хоша она мнѣ и дочка, а все-жъ не родная. Будь Настасья постарше да не крестная тебѣ дочь, я бы разговаривать не сталъ, сейчасъ бы съ тобой по рукамъ, потому она дѣтище мое — куда хочу, туда и дѣну. А съ Груней надо поговорить. Поговорить, что ли?

— Да полно тебѣ чепуху-то нести! — сказалъ Иванъ Григорычъ. — Статочно ли дѣло, чтобы Груня за меня пошла? Полно. И безъ того тошно.

— А какъ согласна будетъ — женишься? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пустячное дѣло, кумъ, говоришь, — отвѣчалъ Иванъ Григорычъ. — Охотой не пойдетъ, силѣмъ взять не желаю.

— Ну такъ слушай же, что было у меня съ ней говорено вѣчѣръ, какъ ты изъ Осиловки поѣхалъ.

И рассказалъ Патапъ Максимычъ Ивану Григорычу разговоръ свой съ Груней. Во время рассказа Иванъ Григорычъ больше и больше склонялъ голову, и когда Патапъ Максимычъ кончилъ, онъ всталъ и, смотря плачущими глазами на иконы, перекрестился и сдѣлалъ земной поклонъ.

— Голубушка! — сказалъ онъ. — Святая душа!.. Ангель Господень!.. Гришутка, Маруша!.. Бѣгите скорѣй!

Вѣбжалъ шестилѣтній мальчикъ въ красной рубашонкѣ и Маруша съ синяками и запекшимся рубцомъ на щекѣ.

— Молись Богу, дѣти! — сказалъ имъ Иванъ Григорычъ. — Кладите земные поклоны, творите молитву за мной: «Сохрани, Господи, и помилуй рабу Твою, дѣвицу-Агриппину! Воздай ей за добро добромъ, Владыко многомилостивый!»

И самъ вмѣстѣ съ дѣтьми клалъ земной поклонъ за поклономъ.

Патапъ Максимычъ стоялъ сзади и тоже крестился.

— Вотъ вамъ отцовскій наказъ, — молвилъ дѣтямъ Иванъ Григорычъ: — по утрамъ и на сонъ грядущій каждый день молитесь за здравіе рабы Божіей Агриппины. Слышите? И Мама чтобы молилась. Ну, да я самъ ей скажу.

— Какая же это Агриппина, тятя? — спросилъ маленький Гриша.

— Святая душа, что любитъ васъ, добра вамъ хочеть. Вотъ кто она такая: мать ваша, — сказала дѣтямъ Иванъ Григоричъ.

На другой день были смотрины, но не такія, какъ бывають обыкновенно. Никого изъ постороннихъ тутъ не было, и свахи не было, а женихъ, увидавъ невѣсту, поступилъ не по старому чину, не по дѣдовскому обряду.

Какъ увидѣлъ онъ Груню, въ землю ей поклонился и, давъ волю слезамъ, говорилъ, рыдая:

— Матушка!.. Святая твоя душа!.. Аграфена Петровна!.. Будь матерью моимъ сиротамъ!..

— Буду, — тихо, съ улыбкой промолвила Груня.

Черезъ двѣ недѣли привезли бѣлаго попа изъ Городца, и въ моленной Патапа Максимыча онъ обвинчалъ Груню съ Иваномъ Григоричемъ.

Засялъ въ Вихоревѣ осиротѣлый домъ Заплата. Достатки его удвоились отъ приданого, принесеннаго молодой женой. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ Патапъ Максимычъ: далъ за Груней тридцать тысячъ цѣлковыхъ, опричь одѣжи и разныхъ вещей. Да опричь того выдалъ ей капиталъ, что послѣ родителей ея остался: тысячъ пять на серебро было.

Растить Груня чужихъ дѣтей, растить и своихъ: два ужъ у ней ребеночка. И никакой межъ дѣтьми розни не дѣлаетъ, пасынка съ падчерицами любить не меньше родныхъ дѣтей. А хозяйка какая вышла, просто на удивленіе.

И прошла слава по Заволжью про молодую жену вихоревского тысячника. Добрая слава, хорошая слава!.. Дай Богъ всякому такой славы, такой доброй по людямъ молвы!

Глава одиннадцатая.

Весело, радостно встрѣтили дорогихъ гостей въ Осиповкѣ. Сначала, какъ водится, уставные поклоны гости передъ иконами справили, потомъ здороваться начали съ хозяевами. Привѣтамъ, обниманьямъ, цѣлованьямъ, казалось, не будетъ конца. Особенно обрадовались Аграфенѣ Петровнѣ дочери Патапа Максимыча.

— Здравствуй, голубушка моя Настасьюшка, — говорила Аграфена Петровна, крѣпко обнимая подругу дѣтства. — Охъ, ты, моя привѣтная! Охъ, ты, моя любезная!.. Да какъ же ты выросла, да какая же стала пригожая!.. Здравствуй, сестрица, здравствуй, Парашенька, — продолжала она, обнимая младшую дочь Патапа Максимыча. — Да какъ же раздобрѣла ты,

моя ясынька, чтобъ только не сглазить! Ну, да у меня глазъ-отъ легкій, не бойся. Да и люблю я васъ, сестрицы, всей душой, такъ съ моего глаза никакого дурна вамъ не будетъ. А раздобрѣла Параня, раздобрѣла... Ахъ, вы, мои хорошія, ахъ, вы, мои милыя!.. Здравствуй, Фленушка! Каково живешь-можешь? Давно не видались. Тетенька здорова ли, матушка Манеѳа?

А матушка Манеѳа какъ разъ сама налицо. Вышла изъ боковуши, привѣтствуетъ пріѣзжую гостью.

— Здравствуй, Аграфенушка! Иванъ Григорьичъ, здравствуйте! Здорово ли поживаете?

Не отвѣчая словами на вопросъ игумены, Иванъ Григорьичъ съ Аграфеной Петровной прежде обрядъ исполнили. Сотворили передъ Манеѳой уставныя метанія *), набожно вполголоса приговаривая:

— Прости, матушка, благослови, матушка!

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — сказала, кланяясь въ поясъ, Манеѳа, потомъ поликовалась **) съ Аграфеной Петровной и низко поклонилась Ивану Григорьичу.

— Ну какъ васъ, дорогихъ моихъ, Господь милуетъ? Здоровы ли всѣ у васъ? — спрашивала Манеѳа, садясь на кресло и усаживая рядомъ съ собой Аграфену Петровну.

— Вашими святыми молитвами, — отвѣчали заразъ и мужъ и жена. — Какъ ваше спасеніе, матушка?

— Пока милосердый Господь грѣхамъ терпитъ, а впредь уповаю на милость Всевышняго, — проговорила уставныя слова игуменя, ласково поглядывая на Аграфену Петровну.

Аксинья Захаровна какъ поздоровалась съ гостями, такъ и за чай. Уткой переваливаясь съ боку на бокъ, толстая Магрена втащила въ горницу и поставила на столъ самоваръ; ради торжественнаго случая былъ онъ вычищенъ кислотой и чакъ жаръ горѣлъ. На другомъ столѣ были разставлены заѣдки, какими по старому обычаю прежде повсюду, во всѣхъ домахъ угощали гостей передъ сбитнемъ и взварцемъ, замѣненными геперь чаемъ. Этотъ обычай еще сохранился по городамъ въ

---

*) Метаніе—слово греческое, вошедшее въ русскій церковный обиходъ—особенно соблюдается старообрядцами. Это малый земной поклонъ. Для исполненія его становится на колѣни, кланяется, но не челомъ до земли, а только руками касаясь положеннаго впереди подручника, а за шейкою его полы своего платья, по полу постланной.

**) У старообрядцевъ монахи и монахини иногда, даже христосуясь на Пасхѣ, не дѣлуются ни между собой ни съ посторонними. Монахи съ мужчинами, монахини съ женщинами только «ликуются», то-есть щеками прикладываются къ щекамъ другого. Монахамъ также строго запрещено ликовать съ мальчиками и съ молодыми людьми, у которыхъ еще усъ не пробился.

купеческихъ домахъ, куда не совѣмъ еще проникли нововодные обычаи, по скитамъ, у тысячниковъ и вообще сколько-нибудь у зажиточныхъ простолюдиновъ. Заѣдки были разложены на тарелки и разставлены по столу. Тутъ были разные сласти: конфеты, пастила, разные пряники, орѣхи грецкіе американскіе, волошскіе и миндальные, фисташки, изюмъ, урюкъ, винныя ягоды, кievское варенье, финики, яблоки свѣжія и моченія съ брусникой, и вмѣстѣ съ тѣмъ икра салфеточная прямо изъ Астрахани, донской балыкъ, провѣсная шемая, бѣлорыбца, ветчина, грибы въ укусуѣ, и среди серебряныхъ, золоченыхъ чарочекъ разной величины и рюмокъ бемскаго хрустала, графины съ разноцвѣтными водками и непрѣмѣнная бутылка мадеры. Какъ Никитична ни спорила, сколько ни говорила, что не слѣдуетъ готовить къ чаю этого стола, что у хорошихъ людей такъ не водится, Патапъ Максимычъ настоялъ на своемъ, убѣждая куму-повариху тѣмъ, что «вѣдь не губернаторъ въ гости къ нему ѣдетъ, будутъ люди свои, старозавѣтные, такіе, что передъ чайкомъ отъ настоечки никогда не прочь».

— Ну-ка, куманекъ, передъ чайкомъ-то хватимъ по рюмочкѣ, — сказала Патапъ Максимычъ, подводя къ столу Ивана Григорьяча. — Какой хочешь? Вотъ звѣробойная, вотъ польнная, а вотъ трифоль, а то не хочешь ли сорокатравчатой, что отъ сорока недуговъ цѣлить?

— Ну, пожалуй, сорокатравчатой, коли она отъ сорока недуговъ цѣлить, — молвилъ Иванъ Григорьячъ и, наливъ рюмку, посмотрѣлъ на свѣтъ, поклонился хозяину, потомъ хозяйкѣ и выпилъ, приговаривая:

— Съ наступающей именинницей!

— Груня, а ты стукнешь по сорокатравчатой али нѣтъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ, обращаясь съ усмѣшкой къ Аграфенѣ Петровнѣ.

— Не выучилась, тятенька, — весело отвѣчала Аграфена Петровна.

— Ну такъ мадерцы испей; передъ чаемъ нельзя не выпить, безпрѣмѣнно надо животь закрѣпить, — приставалъ Патапъ Максимычъ, таща къ столу Груню.

— Не мнѣ же первой, постарше меня въ горницѣ есть, — говорила Аграфена Петровна.

Къ матушкѣ Манеѣ хозяева съ просьбами приступили. Та не соглашалась. Стали просить хоть пригубить, Манею и пригубить не соглашалась. Наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ приставаній и просьбъ, честная мать игуменя согласилась пригубить. Все это такъ слѣдовало — чинъ, обрядъ соблю-

дался. Послѣ матушки игуменьи выпила Никитична, все-таки увѣряя Патапа Максимыча и всѣхъ, кто тутъ былъ, что у господъ въ хорошихъ домахъ такъ не водится, никто передъ чаемъ ни настояйя ни мадеры не пьетъ. Потомъ выпила и Аграфена Петровна безъ всякаго жеманства, выпила и Фленушка послѣ долгихъ отказовъ. Пропустила рюмочку и сама хозяйюшка, а за ней и Настя съ Парашей пригубили.

Иванъ Григорычъ и Патапъ Максимычъ балыкомъ да икрой закусывали, а женщины сластями. Кумовья, «чтобъ не хромать», по другой выпили. Затѣмъ усѣлись чай пить. Аксинья Захаровна заварила свѣжаго, шестирублеваго.

Патапъ Максимычъ съ кумомъ усѣлся на диванѣ и зачалъ толковать про послѣдній Городецкій базаръ и про взятую имъ поставку. Аграфена Петровна съ Настей да Парашей разговаривала.

— Что это, сестрица, погляжу я на тебя, ровно ты не по себѣ? — спросила она Настю.

— Я?.. я ничего, — отрывисто отвѣчала Настя и вспыхнула.

— Меня не проведешь — вдоль и поперекъ тебя знаю, — возразила Аграфена Петровна. — Либо не можется, да скрыть хочешь, либо на умѣ что засѣло.

— Ничего у меня на умѣ не засѣло, — сухо отвѣтила Настя.

— Ну такъ хвораешь.

— И хвори нѣтъ никакой... Съ чего ты взяла это, сестрица? — молвила Настя и пересѣла поближе къ Фленушкѣ.

Подойдя къ Аксиньѣ Захаровнѣ, спросила ее потихоньку Аграфена Петровна:

— Сказали, видно, Настѣ про жениха-то?

— Молвилъ отецъ, — шопотомъ отвѣтила Аксинья Захаровна. — Эхъ, какъ бы знала ты, Грунюшка, что у насъ въ эти дни дѣялось! — продолжала она. — Погоди уже расскажу, ты вѣдь не чужая.

Никому не было говорено про сватовство Снѣжкова, но Заплатины были повѣщены. Еще стоя за богоявленской вечерней въ часовнѣ Скорнякова, Патапъ Максимычъ сказалъ Ивану Григорычу, что Настина судьба, кажется, выходитъ, и велѣлъ Грунѣ про то сказать, а больше ни единой душѣ. Такъ и сдѣлано.

— Что-жъ она? — тихонько спрашивала Аграфена Петровна у названной матери. — Не прочь?

— Какое не прочь, Грунюшка! — грустно отвѣтила Аксинья Захаровна. — Слышать не хочеть. Такія у насъ тутъ были дѣла, такія дѣла, что просто не приведи Господи. Ты вѣдь со мной спать-то ляжешь, у меня въ боковушкѣ постель тебѣ стоговлена. Какъ улягутся, все расскажу тебѣ.

Настя хмурая сидѣла. Какъ ни старалась притворяться веселой, никакъ не могла. Только и было у ней на умѣ: «Вотъ-вотъ зазвенять бубенчики, заскрипятъ у воротъ санные полозья, принесетъ нелегкая этихъ Снѣжковыхъ. И всѣ-то на меня глядѣть уставятся, всѣ — и свои и чужіе. Замѣчать станутъ, какъ на него взглянула я, не проронять ни единого моего словечка. А тутъ еще послѣ ужина Груня, пожалуй, зачнетъ приставать, зачнетъ выпытывать. Она и то ужъ, кажись, замѣтила... Разсказать развѣ ей всю правду-истину? Она вѣдь добрая, любить меня, что-нибудь хорошее посовѣтуетъ... А какъ крестному скажетъ, а крестный тягѣ?.. Тогда чтѣ?.. Загубить тятя соколика моего яснаго; Фленушка правду говорить... Нѣтъ, не надо Грунѣ ничего говорить... А ея не обманешь... Охъ, Ты, Господи, Господи! мученье какое!.. Хоть бы проходили ужъ скорѣй эти пиры да праздники!..» И вдругъ вспомнился Настѣ ея ясный свѣтлоокій соколикъ. «Вотъ, думаетъ, сижу я здѣсь разряженная, разукрашенная на показъ жениху постылому, сижу съ отцомъ, съ матерью, съ гостями почетными, за богатымъ угощеніемъ, вокругъ меня гости бесѣду ведутъ согласную, идутъ у нихъ разговоры веселые... А онъ-то, голубчикъ, онъ-то, радость моя!.. Сидитъ, бѣдняжка, въ своей боковушѣ, ровно въ темницѣ. Сидитъ одинъ-однишенекъ съ своей думой-кручиной. И взойти-то сюда онъ не смѣетъ, и взглянуть-то на наши гостины не можетъ. Ровно рабу неключимому, нѣтъ ему мѣста на веселомъ пиру. Бѣдный мой, бѣдный соколикъ!.. Скучно тебѣ, грустно сидѣть одинокому... да и мнѣ не легче тебя...»

— Да не хмурься же, Настенька! — шопотомъ молвила крестницѣ Никитична, наклонясь къ ней будто для того, чтобъ ожерелье на шеѣ поправить. — Чтой-то ты, matka, какая сидишь?.. Ровно къ смерти приговоренная... Гляди у меня веселѣ!.. Ну!..

— Ты знаешь, каково мнѣ, крестненька. Я тебѣ сказывала, — шопотомъ отвѣтила Настя. — Высижу вечеръ и завтра всѣ праздники высижу; а веселой быть не смогу... Не до веселья мнѣ, крестненька!.. Вотъ еще знай: тятенька общалъ цѣлый годъ не помянать мнѣ про этого. Если слово забудетъ да при мнѣ со Снѣжковыми на сватовство рѣчь сведетъ, такихъ чудесъ натворю, что и кромѣ сраму ничего не будетъ.

— Полно ты, — уговаривала крестницу Никитична. — Услышать, пожалуй... Ну ужъ дѣвка! — проворчала она, отходя отъ Насти и покачивая головой. — Кипятокъ!.. Бѣдовая!.. Вся въ родителя, какъ есть, вылита: праву моему перечить не смѣй.

Затѣмъ, сказавъ Аксинѣ Захаровнѣ что-то про ужинъ, отправилась Никитична къ своему мѣсту въ стряпушую.

Межъ тѣмъ у Патапа Максимыча съ Иваномъ Григорьичемъ шелъ свой разговоръ.

— Каково съ подрядомъ справляешься? — спросилъ у кума Иванъ Григорьичъ.

— Помаленьку справляюсь, Богъ милостивъ — къ сроку поспѣемъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Работниковъ принапаялъ; теперь сорокъ восемь человѣкъ, опричь того по деревнямъ роздалъ работу: по своимъ и по чужимъ. Авось управимся.

— Работники-то нонѣ подшиблись, — замѣтилъ Иванъ Григорьичъ. — Лежебоки стали. Имъ бы все какъ-нибудь деньги за даровщину получить, только у нихъ и на умѣ... Вотъ хоть у меня по валеному дѣлу — бьюсь съ ними, куманекъ, бьюсь — въ усъ себѣ не дуютъ. Вольный сталъ народъ, самый вольный! Облѣнился, прежняго радѣнья совсѣмъ не видать.

— Это такъ, это точно, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Слабость пошла по народу. Чтѣ прикажешь дѣлать? Кажись, и хмелемъ не очень зашибаются и никакимъ дурнымъ дѣломъ не заимствуются, а не то, какъ въ прежнее время бывало. Правду говоришь, что вольный народъ сталъ, — а главное, то возьми, что страху Божьяго ни въ комъ не стало. Вотъ чтѣ! Все бы имъ какъ-нибудь да какъ ни попало. Бѣда съ ними, горе одно. У меня еще есть, коли правду сказать, пять-шесть знатныхъ работниковъ — золото, не ребята! А другіе прочіе хоть рукой махни — ничего не стѣящіе люди, какъ есть никакого званія не стѣящіе!.. А вотъ недавно порядился ко мнѣ паренекъ изъ недалнихъ. Ну, этотъ одинъ за пятерыхъ отслужить.

— Ужъ за пятерыхъ! — недовѣрчиво сказалъ Иванъ Григорьичъ.

— Правду говорю, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Чтѣ мнѣ врать-то? Не продаю его тебѣ. Первый токарь по всему околотку. Обойди всѣ здѣшніе мѣста, по всему Заволжью другого такого не сыскать. Вотъ передъ истиннымъ Богомъ — право слово.

— Отколь же такого dospѣлъ? — спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— По сосѣдству, изъ деревни Поромовой, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Трифона Лохматаго слыхалъ?

— Лохматаго? Знаю, — отвѣтилъ Иванъ Григорьичъ: — добрый мужикъ, хорошій.

— Сытъ его большой, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Знатный парень, умница, книгочей и разсудливый. А изъ себя видный да здоровый такой, заглядѣнье. Одно слово: парень первый сортъ.

Настя въ то время говорила съ Аграфеной Петровной, отвѣчая ей невпопадъ. Словечко боялась проронить изъ отцовскихъ рѣчей.

— Какъ же ты залучилъ его? — спросилъ Иванъ Григорычъ. — Старики Лохматый не то чтобъ изъ бѣдныхъ. Своя токарня. Какъ же онъ отпустилъ его? Такой парень, какъ ты объ немъ сказываешь, и дома живучи копейку доспѣетъ.

— Сожгли ихъ по осени, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Недобрые люди токарню спалили. Водятся такіе по нашимъ мѣстамъ. Самп вѣкъ по гулянкамъ, а доброму человѣку зло. Мало, что сожгли старика Лохматаго, обокрали на придачу. Чтò ни было залежныхъ — все снесли, и копѣй со двора свели и коровенокъ. Оттого Алексѣй Лохматый и пошелъ ко мнѣ, по бѣдности значить, чтобъ отцу поскорѣе оправиться. А не то — шутъ бы ему велѣлъ въ чужи люди идти. Золото — вѣкъ другого не нажать: дѣло у него въ рукахъ такъ и горить... Разборку посуды по сортамъ тоже знаетъ... Лучше Савельича, дай Богъ ему царство небесное, даромъ, что молодъ... Намедни посуду съ нимъ разбирали, ему только взглянуть, тотчасъ видить, куда чтò слѣдуетъ, въ какой значить сортъ, и каждый изъянецъ сразу замѣтитъ. Чайлѣ дня въ два разобрать, съ нимъ въ одно утро управился. Золото парень, говорю, просто золото.

— А надолго нанялъ? — спросилъ Иванъ Григорычъ.

— Рядились до зимняго Николы. А теперь другой уговоръ. Порѣшили съ его старикомъ.

— Чтò порѣшили? — спросилъ Иванъ Григорычъ, прихлебывая пуншъ изъ большой золоченой чашки.

— Въ годы взялъ. Въ приказчики. Намѣсто Савельича къ заведеню и къ дому приставилъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Безъ такого человѣка мнѣ невозможно: перво дѣло за работой глазъ нуженъ, мнѣ одному не углядѣть; опять же по дѣламъ домъ покидаю на мѣсяцъ и на два и больше: надо на кого заведенъе оставить. Для того и взялъ молодого Лохматаго.

— Вотъ какъ! — молвилъ Иванъ Григорычъ. — Дай Богъ тебѣ, куманекъ.

— Я рѣшилъ, чтобы какъ покойникъ Савельичъ былъ у насъ, такимъ былъ бы и Алексѣй, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Будетъ въ семьѣ, какъ свой человѣкъ, и обѣдать съ нами и все... Безъ того по нашимъ дѣламъ невозможно... Слушаться не стануть работники, бояться не будутъ, коль приказчика къ себѣ не приблизишь. Это они чувствуютъ... Матренушка! — кликнулъ онъ, маленько подумавъ, работницу, чтò возилась около посуды въ большой горенкѣ.

Матрена вошла и стала у притолки.

— Клики Алексѣя Трифони́ча, — сказала ей Патапъ Максимычъ. — Хозяинъ, молъ, велѣлъ скорѣе наверхъ взойти.

Ни жива ни мертва сидѣла Настя. Аграфена Петровна заводила съ ней рѣчь о томъ, о другомъ, ничего та не слышала, ничего не понимала и на каждое слово отвѣчала исподпадъ.

— Да что съ тобой, Настенька? — сказала наконецъ Аграфена Петровна. — Ровно ты не въ себѣ.

Ни слова не отвѣтила Настя. Аграфена Петровна, пристально поглядѣвъ на нее, подумала: «Это не просто; что-нибудь да есть на умѣ. Это не отъ того, что ждетъ жениха, другое что-нибудь тутъ кроется. Что-жъ бы это такое?»

Вошелъ Алексѣй. Настя поалѣла. Груня взглянула на нее: «Теперь понимаю», — подумала.

Алексѣй былъ въ будничномъ кафтанѣ. Справивъ уставные поклоны передъ иконами и низко поклонясь хозяйевамъ и гостямъ, сталъ онъ передъ Патапомъ Максимычемъ.

— Кликнуть велѣли меня, — молвилъ.

Оглянуль его съ ногъ до головы Чалури́нъ, слегка подбоченился и, склонивъ немного голову на сторону, съ важною спросилъ Алексѣя:

— Въ хорошей компаніи быть умѣешь?

— Какъ въ хорошей компаніи? — спросилъ Алексѣй, смутясь неожиданнымъ вопросомъ и не понимая, къ чему хозяинъ рѣчь свою клонить.

— Ну, вотъ, примѣромъ сказать, хоть бы съ нами теперь, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Не приводилось съ такими людьми, — наклонивъ покорно голову, молвилъ Алексѣй.

Любо то слово показалось Патапу Максимычу, а вдвое больше по-сердцу прилились покорный видъ Алексѣя и рѣчь его почтительная.

— Гм! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Одежа хорошая есть?

— Есть.

— Вырядись, приходи.

Алексѣй вышелъ. Аксинья Захаровна съ удивленьемъ посмотрѣла на мужа. Не ждала она, чтобъ Патапъ Максимычъ на такую короткую ногу и такъ скоро приблизилъ Лохматаго. «Правда, поступилъ онъ на мѣсто Савельича: значить, его мѣсто, его и честь, — думала Аксинья Захаровна. — Но Савельичъ былъ человекъ старый, опять же сколько годовъ въ дому выжилъ, а этого парня всего полторы недѣли, какъ знать-то за-

чали. Хорошій паренекъ, услужливый, почтительный, бого-
мольный, а все бы не слѣдъ такъ приближать его. Вѣдь это,
значитъ, съ нынѣшняго дня онъ, какъ Савельичъ, и обѣдать
съ нами будетъ и чай пить, а куда отѣдетъ Патапъ Ма-
ксимычъ, онъ одинъ мужчина въ семьѣ останется. Да такой
молодой, да красавецъ такой и разумный. Злые люди не знаю
чего наплетутъ на дѣвонекъ... Ахъ, батюшки свѣты, не ладно!..
А что станешь дѣлать?.. Самъ рѣшилъ... не переломишь!..»

Видѣла Настя, какъ пришелъ Алексѣй, видѣла, какъ вы-
шелъ, и ни слова изъ отцовскихъ рѣчей не проронила... И
думалось ей, что во снѣ это ей видится, а межъ тѣмъ отъ
нечаянной радости сердце въ груди такъ и бьется.

Лукаво взглянула Фленушка на пріятельницу, дернула ее ти-
хонько за сарафанъ и, найдя какое-то дѣло, вышла изъ горницы.

— Молодецъ изъ себя! — замѣтилъ Иванъ Григорычъ по
уходъ Алексѣя.

— А ты не гляди снаружи, гляди внутри, — сказала Па-
тапъ Максимычъ. — Умница-то какой!.. Все можетъ сдѣлать,
а ужъ на работу — бѣда!.. Такъ я его, куманекъ, возлюбилъ,
что, кажись, точно родной онъ мнѣ сталъ. Вотъ и Захаровна
то же скажетъ.

— Добрый парень, неча сказать, — молвила Акинья За-
харовна, обращаясь къ Ивану Григорычу: — на всяку по-
слугу по дому ретивый, и скромный такой, ровно красная
дѣвка! Истинно, какъ Максимычъ молвилъ, какъ есть родной.
Да что, куманекъ, — съ глубокимъ вздохомъ прибавила она: —
въ конѣшнее время иной родной во сто разъ хуже чужого.
Вотъ меня наградила Господь какимъ чадушкомъ. Братецъ-
отъ родимый... Напасть только одна!

— А гдѣ онъ? — спросилъ Иванъ Григорычъ.

— У насъ обрѣтается, — сухо промолвилъ Патапъ Макси-
мычъ. — Намедни приволокъся какъ есть въ одной рубахѣ да
въ дырявомъ полшубкѣ, растерзанный весь... Хочу его на
Узени по веснѣ справить, авось уймется тамъ; на сорокъ
верстъ во всѣ стороны нѣтъ кабака.

— Эка человѣкъ-отъ пропадаетъ, — замѣтилъ Иванъ Гри-
горычъ. — А вѣдь добрый, и парень бы хоть куда... Ви-
нице это проклятое.

— Не пьеть теперъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Не
даютъ, а пропивать-то нечего... Знаешь что, Акинья, онъ тебѣ
все же братъ, не одѣть ли его какъ слѣдуетъ да не позвать
ли сюда? Пусть его съ нами попразднуетъ. Моя одѣжа ему
какъ разъ по плечу. Синяки-то на рождѣ прошли, человѣкомъ
смотреть. Какъ думаешь?

— Какъ знаешь, Максимычъ, — сдержанно отвѣтила Аксинья Захаровна. — Не начудилъ бы при чужихъ людяхъ чего, не осрамилъ бы насъ... Самъ знаешь, каковъ во хмелю.

— Не въ кабакъ, чай, будетъ, не передъ стойкой, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Напиться не дамъ. А то, право, не ладно, какъ Свѣжковы послѣ провѣдаютъ, что въ самое то время, какъ они у насъ пировали, родной дядя на заперѣ въ подклѣтѣ, ровно какой арестантъ, сидѣлъ. Такъ ли, кумъ, говорю? — прибавилъ Чапуринъ, обращаясь къ Ивану Григоричу.

— Точно что не совсѣмъ оно ладно, — замѣтилъ въ свою очередь Иванъ Григоричъ.

— И что-жь, въ самомъ дѣлѣ, это будетъ, мамынька! — молвила Аграфена Петровна. — Пойдетъ тутъ у насъ пированье, работникамъ да страннему народу столы завтра будутъ, а онъ, сердечный, одинъ, какъ оглашенный какой, ваперти. Коль ему мѣста здѣсь нѣтъ, такъ ужъ въ самомъ дѣлѣ его запереть надо. Нельзя же ему съ работнымъ народомъ за столами сидѣть, слава пойдетъ нехорошая. Сами-то, скажутъ, въ хоромахъ пируютъ, а брата родного со страннымъ народомъ сажаютъ. Неладно, мамынька, право, неладно.

— Пойду, обряжу его, — сказала Патапъ Максимычъ и ушелъ въ свою горницу, сказавъ мимоходомъ Матренѣ: — Позови Никифора.

«Родной дядя! Такъ онъ сказалъ, — думала Настя. — Дядя, не братъ, онъ сказалъ. Значить, у тяти и тутъ про меня дума была... Охъ, чтобъ бѣдъ не случиться!..»

Выйдя въ сѣни, Фленушка остановилась, оглянулась на всѣ стороны и кошкой бросилась внизъ по лѣстницѣ. Внизу пробѣжала въ подклѣтѣ и распахнула дверь въ Алексѣеву боковушу.

Алексѣй вынималъ изъ укладки праздничное платье: снью, хорошаго сукна сибирку, плюсовые штаны, рубашку изъ александрійки.

— Что, безпутный, каково дѣло-то выгорѣло?.. а? — спросила Фленушка.

— Не знаю, что и думать, Флена Васильевна, — отвѣчалъ отъ радости себя не помнившій Алексѣй. — Не разберу, во снѣ это аль наяву.

Какъ щипнетъ его Фленушка изо всей силы за руку. Алексѣй чуть не вскрикнулъ.

— Что?.. Не во снѣ?.. Ха-ха-ха!.. Обезумѣлъ?.. Постой, впереди не то еще будетъ, — хохотала изо всей мочи Фленушка.

— А что будетъ?

— А то, что съ этого вечера каждый Божій день станешь ты обѣдать и чай распивать со своей сударушкой, — сказала Фленушка. — Чтò, безстыжій, сладко, небось?.. Ну, да теперь не о томъ говорить. Вотъ чтò: виду не подавай, особенно Аграфенѣ Петровнѣ; съ Настей слова сказать не моги, сиди больше около хозяина, на нее и глядѣть не смѣй. Она и то ровно на калешныхъ угольяхъ сидитъ, а тутъ еще ты придешь да эти Снѣжковы... Боюсь, при чужихъ не научдила бы... А отужинають, минуты въ горницахъ не оставайся, сейчасъ сюда... Слышишь?.. Да вотъ еще чтò: коли когда услышишь, что надъ тобой три раза ногой топнули, въ окно гляди: птичка прилетитъ, ты и лови... Да чтобъ чужихъ глазъ при томъ не было...

— Какая птичка? Чтò ты городишь? — спросилъ Алексѣй, не понимая, про что говорить ему Фленушка.

— Нечего тутъ, — сказала она: — облокайся скорѣй, да рожу-то свою безстыжую помой, космы-то причеши... Охъ, бить-то тебя некому!..

Мигомъ Фленушка взбѣжала наверхъ и со скромной умильной улыбкой вошла въ горницу.

Вскорѣ пришелъ Алексѣй. Въ праздничномъ нарядѣ такимъ молодцомъ онъ смотрѣлъ, что хоть сейчасъ картину писать съ него. Усѣвшись на стулѣ у окна, близъ хозяина, глазъ не сводилъ онъ съ него и съ Ивана Григорьича. Помня приказъ Фленушки, только разокъ взглянулъ онъ на Настю, а послѣ того не смотрѣлъ и въ ту сторону, гдѣ сидѣла она.

Слѣдомъ за Алексѣемъ въ горницу Волкъ вошелъ, въ платьѣ Патапа Максимыча. Помолясь по уставу передъ иконами, поклонившись всѣмъ на обѣ стороны, пошелъ онъ къ Аксиньѣ Захаровнѣ.

— Здравствуй, разлюбезная сестрица! — желчно сказалъ. — Двѣ недѣли, по милости Патапа Максимыча, у васъ живу, а съ тобой еще не успѣлъ повидѣться за великими твоими недосугами...

— Отойди, — сурово отвѣтила брату Аксинья Захаровна. — Какъ бы воля моя, въ жизнь бы тебя не пустила сюда. Вотъ залетѣла ворона въ высоки хоромы. На, пей, что ли! — прибавила она, подавая ему чашку чаю.

— А вотъ мы прежде первоначаль заложимъ, а послѣ того можно тебѣ, сестрица моя любезная, и чайкомъ братца потчевать.

Никифоръ Захарычъ подошелъ къ столу съ графинами и закусками. Двѣ недѣли капельки у него во рту не бывало; и теперь, остановясь передъ разноцвѣтными графинами, онъ со-

зерцалъ ихъ какъ бы въ священномъ восторгѣ и, радостно потирая ладони, думалъ: съ котораго бы начать.

Вскочила съ мѣста Аксинья Захаровна и, подойдя къ брату, схватила его за рукавъ.

— И думать не моги! — крикнула она. — Его какъ путнаго обрядили, до хорошихъ людей допустили, а онъ натка поди!.. Не въ кабакъ, батька, затесался!.. Прочь, прочь!.. И подходить къ водкѣ не смѣй!..

Распустивъ руки, Никифоръ Захарычъ стоялъ въ недоумѣннн, что теперь ему дѣлать. Не будь тутъ Патапа Максимыча, сумѣлъ бы онъ по-свойски отвѣтить сестрицѣ, сиди тутъ хоть сотня гостей. Но Патапа Максимыча безшабашный Волкъ не на шутку боялся. Даже когда море бывало ему по колѣна, всегда онъ держалъ себя передъ зятемъ робко и приниженно. А тутъ еще эта Аграфена Петровна сидитъ да таково зорко глядитъ на него... Стыдно какъ-то передъ ней... А цуще всего стыдно, совѣстно передъ Настей — любилъ онъ ее беззавѣтно, хоть никогда почти съ ней не видался... А выпить такъ и тянетъ.

Съ минуту продолжалась пытка Никифора. Даже потъ его прошибъ, слеза въ глазу блеснула. Патапъ Максимычъ дѣло рѣшилъ.

— Выпей, Никифоръ, — сказалъ онъ ему.

— Охмелѣеть онъ, Максимычъ, осрамить при гостяхъ наши головы. Не знаешь, каковъ во хмелю живетъ? — возражала Аксинья Захаровна.

— Съ одной не охмелѣеть, другой не дамъ, — рѣшилъ Патапъ Максимычъ и, обратясь къ Ивану Григорычу, продолжалъ рассказывать ему про подряды.

Дрожащей рукой налилъ Никифоръ рюмку и выпилъ ее залпомъ. Затѣмъ, откромсавъ добрый кусокъ салфеточной икры, намазалъ на ломоть хлѣба и, подойдя къ сестрѣ, сказалъ:

— Ну, теперь, сестрица, чаемъ потчуй. Давно не пивалъ этой дряни.

— Непутный! — молвила Аксинья Захаровна, подавая брату чашку лянсина. — Тоже чаю!.. Не въ коня кормъ!.. Алексѣюшка, — продолжала она, обращаясь къ Лохматому: — пригляди хоть ты за нимъ, голубчикъ, какъ гости-то прїѣдутъ... Не подпускай ты его къ тому столу, не то вѣдь разомъ навсичется.

— И вправду, Алексѣй, присмотри за Никифоромъ, — подтвердилъ Патапъ Максимычъ. — Не отходи отъ него и шить безъ моего приказу не давай. Заужиной сядь съ нимъ рядкомъ.

Тутъ только замѣтилъ Никифоръ Алексѣя. Злобно сверк-

нули глаза у него. «А! двушникъ! — подумалъ онъ: — и ты тутъ! Да тебя еще смотрѣть за мной приставили! Пстой же ты у меня!.. Будеть и на моей улицѣ праздникъ!» И съ лукавой усмѣшкой посмотрѣлъ на Фленушку.

Послышался ямской колокольчикъ. Ближе и ближе. Кто-то къ дому подъѣхалъ.

— Не исправникъ ли, чтобъ ему пусто было, аль не становой ли? — съ досадой сказалъ Патапъ Максимычъ, вставая съ мѣста и направляясь къ двери. — Вотъ ужъ, поистинѣ, незванный гость хуже татарина.

И всѣмъ стало неловко при мысли объ исправникѣ. Исправникъ и становой въ самомъ дѣлѣ никогда не объѣзжали Осиповки, зная, что у Чапурина всегда готово хорошее угощенье. Матушка Манеѳа, хоть и въ пріязни жила съ полицейскими чинами, однако посиѣшно вышла изъ горницы. Была она во всемъ иночествѣ, даже въ наметкѣ *), а въ такомъ нарядѣ на глаза исправнику показываться нехорошо. Скитницы были обязаны подпиской иноческимъ именемъ не зваться, иноческой одежи не носить. Фленушка осталась въ горницѣ, на ней ничего запретнаго не было.

Минуты черезъ двѣ Патапъ Максимычъ ввелъ въ горницу новыхъ гостей. То былъ удѣльный голова Песоченскаго приказа Михайла Васильичъ Скорняковъ съ хозяйшкой, пріятель Патапа-Максимыча.

Послѣ обычныхъ входныхъ поклоновъ передъ иконами, послѣ установленныхъ дѣдовскими преданьями привѣтствій и взаимныхъ пожеланій, усѣлись.

— Напугалъ же ты насъ своимъ колокольцемъ, Михайла Васильичъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ, подводя удѣльнаго голову къ столу съ водками и закусками. — Мы думали, не исправника-ль принесла нелегкая.

— Ха-ха-ха! — громко захохоталъ Скорняковъ. — А развѣ нонѣ сталъ бояться властей предержавшихъ?

— Бояться, oprичъ Господа Бога, никого не боюсь, — спесиво отвѣчалъ Чапуринъ: — а не люблю, какъ чужой человекъ портить бесѣду. Съ чего-жъ это ты по-исправничьему съ колокольчикомъ ѣздишь?

— На стоешныхъ, изъ приказу пріѣхалъ, — съ важностью погладивъ бороду, отвѣчалъ Михайла Васильичъ.

Не усѣли Скорняковы по первой чашкѣ чаю выпить, какъ

*) Черный крепъ, что накидывается поверхъ шапочки (иночество), и спускается вроспускъ по плечамъ и сзади, закрывая лобъ черницы.

новые гости прїѣхали: купецъ изъ города, Сампсонъ Михайлычъ Дюковъ, да пожилой человѣкъ, въ черномъ кафтанѣ съ мелкими пуговками и узенькимъ стоячимъ воротникомъ, — кафтанъ, какой обыкновенно носятъ рогожскіе, отправляясь къ службѣ въ часовню.

— Узналъ стараго прїятеля? — поздоровавшись со всѣми бывшими въ горницѣ, спросилъ Дюковъ у Патапа Максимыча.

Чапуринъ не узнавалъ.

— И я не призналъ бы тебя, Патапъ Максимычъ, коли-бъ не въ дому у тебя встрѣтился, — сказалъ незнакомый гость. — Постарѣли мы, братъ, оба съ тобой, ишь и тебя сѣдиной, чтò инеемъ, подернуло... Здравствуйте, матушка Аксинья Захаровна!.. Не узнали?.. Да и я бы не узналъ... Какъ послѣдній разъ видѣлись, цвѣла ты, какъ маковъ цвѣтъ, а теперь, гляди-ка, какая стала!.. Да... Время идетъ да идетъ, а годы человѣка не красятъ... Не узнаете?..

— Никакъ не признать, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Голосъ будто знакомый, а вспомнить не могу.

— Стуколова Якимъ помнишь? — молвилъ гость.

— Якимъ Прохорычъ!.. Дружище!.. Да неужель это ты?.. — вскрикнулъ Патапъ Максимычъ, обнимаясь и цѣдуясь со Стуколовымъ. — А мы думали, что тебя и въ живыхъ-то давнымъ-давно нѣтъ... Откудова?.. Какими судьбами?..

— Якимъ Прохорычъ! — подходя къ нему, сказала Аксинья Захаровна. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ? И я не чаяла тебя на семь свѣтѣ. Ахъ, сватушка, сватушка! Чать не забылъ: сродни маленько бывали.

— Бывало такъ въ старыя годы, Аксинья Захаровна, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Считались въ сватовствѣ.

И Заплатинъ и Скорняковъ оказались тоже старыми прїятелями Стуколова; зналъ онъ и Никифора Захарыча, когда тотъ еще только въ годы входилъ. Дочерей Патапа Максимыча не зналъ Стуколовъ. Онѣ родились послѣ того, какъ покинулъ онъ родину. Съ тѣхъ поръ больше двадцати пяти годовъ прошло, и о немъ по Заволжью ни слуха ни духа не было.

Стуколову было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Былъ высокъ ростомъ, сухощавъ, и съ перваго взгляда было замѣтно, что, обладая большой тѣлесной силой, былъ одаренъ онъ неистомною силой воли и необычайною твердостью духа. Худощавое, смуглое лицо его было обрамлено густою черною бородой, съ сильной просѣдью. Раскаленными углями свѣтились черные глаза его, и не всякій могъ долго выдерживать пристально устремленный на него взглядъ Стуколова. По всему было

видно, что человекъ этотъ много видалъ на своемъ вѣку, а еще больше испыталъ тревоженій всякаго рода.

Началъ разспросы Стуколовъ, спрашивалъ про людей былаго времени, съ которыми, живучи за Волгой, бывалъ въ близкихъ сношеніяхъ. И про всѣхъ почти, про кого ни спрашивалъ, давали ему одинъ отвѣтъ: «померь... померь... померла».

Сидѣлъ Стуколовъ, склонивъ голову, и, глядя въ землю, глубоко вздыхалъ при такихъ отвѣтахъ. Сознавалъ, что, воротясь послѣ долгихъ странствій на родину, сталъ онъ въ ней чужаниномъ. Не то что людей, домовъ-то прежнихъ не было; городъ, откуда родомъ былъ, два раза до тла выгоралъ и два раза вновь обстраивался. Ни родныхъ ни друзей не нашелъ на старомъ пепелищѣ — всѣхъ прибралъ Господь. И тутъ-то спозналъ Якимъ Прохорычъ всю правду стараго русскаго присловья: «не временемъ годы долги, — долги годы отлучкой съ родной стороны».

— Гдѣ-жь пропадалъ ты все это время, Якимъ Прохорычъ? — спросилъ у странника Патапъ Максимычъ.

Маленько помолчавъ и окинувъ бѣглымъ взоромъ сидѣвшихъ въ горницѣ, Стуколовъ сталъ говорить тихо, истово, отекающая каждое слово:

— Немало государствъ мною исхожено, немало морей переѣхано, много всякихъ народовъ очами моими видано. Привель Господь во святой рѣкѣ Иорданѣ погружаться, Спасовъ живоносный гробъ цѣловать, всѣмъ святымъ мѣстамъ поклониться... Много было странствій моихъ...

— Неужели всѣ двадцать пять лѣтъ ты въ странствіи пребывалъ? — спросилъ его Иванъ Григорычъ. — Чай, поди, гдѣ и на мѣстѣ живалъ?

— Какъ не жить! Жилъ и на мѣстѣ, — сказалъ Стуколовъ. — За Дунаемъ немалое время у некрасовцевъ, въ Молдавіи у нашихъ христіанъ, въ Сибири у казаковъ на Уралѣ... Опять же довольно годовъ выжилъ я въ Бѣловодѣ, тамъ, далеко, въ Опоньскомъ государствѣ...

— Какое же это государство? Про такое я что-то не слыхивалъ, — спросилъ у паломника Патапъ Максимычъ.

— Не мудрено, что про Опоньское царство ты не слыхивалъ, — сдержанно отвѣтилъ Якимъ Прохорычъ. — То государство не простое, не у всѣхъ на виду. Государство сокровенное...

— Сокровенное? — въ недоумѣніи спросилъ Чапуринъ у Стуколова, а сидѣвшіе въ горницѣ съ изумленьемъ глядѣли на паломника.

Замолкъ Якимъ Прохорычъ. Не даль отвѣта. Черезъ малое время спросилъ его Патапъ Максимычъ:

— Помнится, ты въ Москву уѣхалъ тогда, потомъ пали къ намъ слухи, что въ монастырѣ какомъ-то проживаешь, а послѣ того и слуховъ про тебя не стало.

— Постой, погоди... всё странства по риду вамъ расскажу, — молвилъ Стуколовъ, выходя изъ раздумья и поднявъ голову. — Люди свои, земляки, старые други-пріятели. Вамъ можно сказать.

— Расскажи, расскажи, старый дружище, — молвилъ Патапъ Максимычъ, кладя руку на плечо паломника. — Да чайку-то еще. Съ ромкомъ не хочешь ли?

— Не стану, а чайкомъ побаловаться можно, — отвѣчала Стуколовъ, собираясь начать рассказъ про свои похождения.

— Постой, постой маленько, Якимъ Прохорычъ, — молвила Аксинья Захаровна, подавая Стуколову чашку чая. — Вижу, о чемъ твоя бесѣда будетъ... Про святыню станешь рассказывать... Фленушка! Подъ клички сюда матушку Манею. Изъ самаго, моль, Иерусалима пріѣхалъ гость, про святыя мѣста рассказывать хочеть... Пусть и Евпраксеюшка придетъ послушать.

— Какая это Манея? — спросилъ Стуколовъ, когда Фленушка вышла въ сѣни.

— Да Матрену-то Максимовну, сестру Патапа Максимыча, поминишь, чай? — сказала Аксинья Захаровна.

— Матрена Максимовна?.. — оживляясь, спросилъ сумрачный дотошъ странникъ. — Такъ она во иночествѣ?

— Давно. Больше двадцати годовъ, какъ она пострижена. Теперь игуменствуетъ въ Комаровѣ, — отвѣчала Аксинья Захаровна.

— Такъ... Такъ!.. — медленно проговорилъ Стуколовъ и задумался.

Вошла мать Манеи съ Фленушкой и Евпраксией. Послѣ обычныхъ «метаній» и поклоновъ, Якимъ Прохорычъ пристально поглядѣлъ на старушку и дрогнувшимъ нѣсколько голосомъ спросилъ у нея:

— Узнала-ль меня, матушка Манея?.. Аль забыла Якима Стуколова?

— Якимъ Прохорычъ!.. — быстро вскинувъ на паломника заблиставшими глазами, вскрикнула игуменья и вдругъ поправила «наметку», опустя крепъ на глаза... — Не чаяла съ тобой видѣться, — прибавила она болѣе спокойно.

Пристальнымъ, глубокимъ взоромъ глядѣла она на паломника. Въ потускнѣвшихъ глазахъ старицы загорѣлось что-то

молодое... Перебирая лѣстовку, игуменья чинно усѣлась, еще разъ поправила на головѣ наметку и поникла головою. Губы шептали молитву.

— Ну, рассказывай свои дохожденія. — молвилъ Паталъ Максимычъ Якиму Прохорычу.

Стуколовъ сталъ рассказывать, часто и зорко взглядывая на смущенную игуменью.

— Горько мнѣ стало на родной сторонѣ. Ни на что бы тогда не глядѣлъ я и не знай куда бы готовъ былъ дѣваться!.. Вотъ ужъ двадцать пять лѣтъ и побольше прошло съ той поры, а какъ вспомнишь, такъ и теперь сердце на ключья рваться зачнетъ... Молодость, молодость!.. Горячая кровь тогда ходила во мнѣ... Не стерпѣлъ обиды, а заплатить обидчику было нельзя... И рѣшилъ я покинуть родну сторону, чтобъ въ нее до гробовой доски не заглядывать...

Ниже и ниже склоняла Манеѳа голову. Блѣдныя губы спѣшно шептали молитву. Если-бъ кто изъ бывшихъ тутъ пристальнѣе поглядѣлъ на нее, тотъ замѣтилъ бы, что рука ея, перебирая лѣстовку, трепетно вздрагивала.

— Какая-жъ это обида, Якимъ Прохорычъ? — спросилъ Иванъ Григорычъ. — Что-то не припомню я, чтобы передъ уходомъ изъ-за Волги съ тобой горе какое приключилось.

— Про то знаютъ Богъ, я да еще одна душа... Больше никто не знаетъ и никогда не узнаетъ... Послушайте-ка, матушка Манеѳа, про мои странства по дальнимъ палестинамъ... Какъ рѣшилъ я родное Заволжье покинуть, самъ съ собою тогда разсуждалъ: «куда-жъ мнѣ теперь безродному приклонить бѣдную голову, гдѣ сыскать душевнаго мира и тишины, гдѣ найти успокоеніе помысловъ и забвеніе всего, что было со мной...» Рѣшилъ въ монастырь вѣдти, да подальше, какъ можно подальше отъ здѣшнихъ мѣстъ. Слыхалъ прежде про монастырь Лаврентьевъ, что стоитъ неподалеку отъ славной слободы Вѣтки. Житіе тамъ строгое. Не каменными стѣнами, не богатыми церквями красовалась обитель та, — красовалась она старческими слезами, денно-нощными трудами, постомъ да молитвой... Много тамъ было крѣпкихъ подвижниковъ, много пноковъ учительныхъ, въ дѣлѣ душевнаго спасенія искусныхъ. Было немало и молодого, какъ я, народу: тогда въ Лаврентьеву обитель юноши изъ разныхъ сторонъ приходили, да управлять души свои по словеси Господню. Всѣ молодые трудники чтенію божественныхъ книгъ прилежали и въ преданіяхъ церковныхъ были крѣпки и подвижны... Безъ малаго пять лѣтъ выжилъ я съ ними, подъ начальствомъ блаженнаго старца, и открылъ мнѣ Господь разумъ писанія, разверзъ умныя силы

и сподобилъ забыть все, все прошлое... сподобилъ... простить обидчику... Въ мучилнѣ божественнаго писанія и святоотеческихъ книгъ чрезъ немалое время потопилъ я былое горе и прежнія печали... И какъ скоро со мною такая перемѣна совершилась, возстала въ душѣ другая буря, по инымъ новымъ волнамъ душевный корабль мой сталъ влаятися... Не сидѣлось на мѣстѣ, стало тянуть меня куда-то далеко-далеко, а куда, самъ не знаю... Прискучили лѣса и пустыни, прискучили благочестивые старцы: не иноческой тишины мнѣ хотѣлось, хотѣлось повидать дальніи страны, посмотрѣть на чужія государства, поплавать по синему морю, походить по горамъ высококимъ. Какъ птица изъ клѣтки, рвался я на волю, чтобъ идти, куда глаза глядятъ, — идти, пока гдѣ-нибудь смерть меня не настигнетъ... Хотѣлъ бѣжать изъ обители, думалъ въ міръ назадъ воротиться, но Богъ не попустилъ... Приѣзжали въ то время къ нашему отцу игумену Аркадію зарубежные старцы изъ молдавскихъ монастырей, въ Питерѣ по сборамъ были и возвращались во-свояси. Два дня и двѣ ночи игумень Аркадій гайныя рѣчи велъ съ ними, на третій всѣхъ молодыхъ трудниковъ призвалъ въ келью къ себѣ. Пришло насъ пятнадцать человѣкъ. И сталъ намъ сказывать отецъ Аркадій про оскуднѣніе благочестиваго священства, про душевный гладъ, христіанъ постигшій. «А есть, говорить, въ дальнихъ странахъ мѣста сокровенныя, гдѣ старая вѣра соблюдена въ чѣлости и чистотѣ. Тамъ она, непорочная невѣста Христова, среди бурсурманъ, яко свѣтило, сіяетъ. Первое такое мѣсто на райской рѣкѣ на Евфратѣ, промежъ рубежей турскаго съ персидскимъ, другая страна за Египтомъ — зовется Емаканъ, въ землѣ Фивадской, третье мѣсто за Сибирью, въ сокровенномъ Опоньскомъ государствѣ. Вотъ бы, говорить отецъ игумень, порадыть вамъ, труднички молодые, положить ваши труды на спасеніе всего христіанства. Поискать бы вамъ благодать такую, тамъ вѣдь много древле-благодатныхъ епископовъ и митрополитовъ. Вывезти бы вамъ хоть одного въ наши россійскіе предѣлы, утвердили бы мы въ Россіи корень священства, утолили бы душевный гладъ многого народа. Свои бы тогда у насъ попы были, не нуждались бы мы въ бѣглецахъ никоньянскихъ... И еще исполните мое слово, въ семь мірѣ будетъ вамъ отъ людей похвала и слава, а въ будущемъ вѣцѣ отъ Господа неизглаголанное блаженство»... Какъ услышалъ я такіе глаголы, тотчасъ игумену земно поклонился, сталъ просить его благословенія на подвигъ дальняго странства. За мной другіе труднички поклонились: повелѣніе пославшаго всѣ готовы исполнить. Снабдили насъ игумень деньгами на до-

рогу, даль для памяти тетрадки, какъ и гдѣ искать благодѣтельныхъ архіереевъ... И пошли мы пятнадцать человѣкъ къ рѣкѣ Дунаю, пришли во градъ Измайлъ, а тамъ ужъ наши христіане насъ ожидаютъ, игумень Аркадій къ нимъ отписалъ до нашего приходу. Безъ паспортовъ пропускъ за Дунай былъ заказанъ, стояла по берегу великая стража, никого безъ паспорта за рѣку не пускала. Въ камыши спровадили насъ христіанцы, а оттолѣ ночью въ рыбацкихъ челнокахъ, крадучись, яко тати, на турецкую сторону мы перебрались. Тутъ пошли мы въ славное Кубанское войско: то наши христіане казаки, чтѣ живутъ за Дунаемъ, некрасовцами зовутся. Соблюди они старую вѣру и всѣ преданья церковныя сохранили. Хорошо было намъ жить у нихъ и привольно. Богатѣйшія у нихъ тамъ рыбныя ловли и земли вдоволь; хлѣбомъ, виноградомъ, кукурузой и всякимъ овощемъ тамъ преизобильно. А живутъ тѣ некрасовцы во слабѣ: старую вѣру соблюдаютъ, ни отъ кого въ томъ нѣтъ имъ запрету; дѣлами своими на «кругахъ» заправляютъ, турецкому султану дани не платятъ, только какъ война у турки зачнется, полки свои на службу выставляютъ... Прожили мы у некрасовцевъ безъ мала полгода въ ихнемъ монастырѣ, а зовется онъ Славой, и жили мы тамъ въ изобиліи и довольствѣ. Еще больше тутъ къ намъ изъ Россіи путниковъ на дальнее странство набралось — стало всего насъ человѣкъ съ сорокъ. И поплыли мы къ Царьграду по Черному морю, и, поживши малое время въ Царьградѣ, переплыли въ каюкахъ Мраморное море и тамо опять пришли къ нашимъ старообрядцамъ, тоже къ казакамъ славнаго Кубанскаго войска, а зовется ихъ станица Майносомъ. Оттолѣ пошли къ райской рѣкѣ Евфрату...

Смолкъ Якимъ Прохорычъ. Жадно всѣ его слушали, не исключая и Волка. Правда, раза два задумывалъ онъ подъ шумокъ къ графинамъ пробраться, но, замѣтивъ слѣдившаго за нимъ Алексѣя, какъ ни въ чемъ не бывало повертывалъ назадъ и возвращался на покинутое мѣсто.

— Что-жь? Дошли до Евфрата? — спросила Аксинья Захаровна.

— Изъ сорока человѣкъ дошло только двадцать, — продолжалъ паломникъ. — Только двадцать!.. Зарыли остальныхъ въ пескахъ да въ горныхъ ущельяхъ... Десять недѣль шли: на каждую недѣлю по два покойника!.. Голодъ, болѣзни, дикіе звѣри, разбойники да басурманскіе народы — вездѣ бѣды, вездѣ напасти... Но не смущалось сердце наше, и мы шли, шли, да товарищей хоронили... Безвѣстны могилки бѣдныхъ, никому ихъ не сыскать и некому надъ ними поплакать!.. Прошли мы

вдоль рѣки Евфрата, были межъ турецкой и персидской границей и не нашли старообрядцевъ... А смерть путниковъ косила да косила... Назадъ къ Царьграду поворотили. Шли, шли и помирали... И никому-то не хотѣлось лечь на чужой сторонѣ, всякій-то про свою родину думалъ и, умирая, слезно молилъ товарищей, какъ умереть, снять у него съ креста ладонку да, разрѣзавши, посыпать лицо его защитою тамъ русской землею... У меня одного ладонки съ родной земли не бывало... И востоквалось же тогда сердце мое по матушкѣ по Россіи... Въ Царьградъ я одинъ воротился, молодые трудники всё до единого пошли въ мать сыру землю... Добрель до Лаврентьева и про все рассказалъ отцу игумну подробно. Справилъ онъ по нихъ соборную панихиду, имена ихъ записалъ въ синодикъ, постѣнный и литейный, а дѣла не покинулъ. Нудить опять меня: «Ступай, говорить, въ Емакань, въ страну Фиваидскую, за Египетъ. Тамъ безпремѣнно найдешь епископовъ: недавно, говорить, нѣкіе христіяне тамо бывали, про тамошнее житіе намъ писали». Новые трудники на подвигъ странства сыскались, опять все люди молодые, всего двадцать пять человѣкъ... Какъ бывалаго человѣка, меня съ ними послали... Тѣмъ же путемъ въ Царьградъ мы пошли, тамъ на корабли сѣли и поѣхали по Бѣлому морю *), держа путь ко святому граду Иерусалиму. Были у Спасова гроба, зрѣли, какъ всё вѣры на единомъ мѣстѣ служатъ. Отслужать свою обѣдную армяне, пойдуть за ними латины, на мѣстѣ святѣ въ бездушные органи играютъ, а за ними пойдуть сирійцы да копты, молятся велѣло, козлогласуютъ, потомъ пойдуть по-свѣдому служить арабы, а сами всё въ шапкахъ и чуть не голы, пляшутъ, бѣснуются вокругъ Христова гроба. Тутъ и греческіе служатъ... Не обрѣли мы древяго благочестія ни въ Иерусалимѣ, ни въ Вилеємѣ, ни на святой рѣкѣ Иорданѣ — всюду пестро и развращено!.. Поплакали, видя сіе, и пошли во градъ Юшійю; сѣли на корабль, и привезли насъ корабельники во Египетъ. Пошли мы вверхъ по рѣкѣ Нилу, шли съ караванами пѣши, дошли до земли Фиваидской, только никто намъ не могъ указать земли Емаканьской, про такую, дескать, тамъ никогда не слыхали... И напала на насъ во Египтѣ чума: изъ двадцати пяти человѣкъ осталось насъ двое... Пошли назадъ въ Россію, добрели до отца игумна, обо всемъ ему доложили: «Нѣтъ, молю, за Египтомъ никакой Емакани, нѣтъ, молю, въ Фиваидѣ древлей вѣры...» И опять велѣлъ игуменъ служить соборную панихиду, совершить поминовенья

*) Архипелагъ.

но усопшимъ, ради Божіи дѣла въ чуждыхъ странахъ животъ свой скончавшимъ... А потомъ опять меня призываетъ, опять на новый подвигъ странствія посылаетъ. «Есть, говоритъ, въ крайнихъ восточныхъ предѣлахъ за Сибирью хриstopодражательная древняя церковь асирскаго языка. Тамъ въ Опоньскомъ царствѣ, на Бѣловодѣ, стоитъ сто восемьдесятъ церквей безъ одной церкви, да кромѣ того россійскихъ древляго благочестія церквей сорокъ. Имѣють тѣ россійскіе люди митрополита и епископовъ асирскаго поставленія. А удалились они въ Опоньское государство, когда въ Москвѣ измѣненіе благочестія стало. Тогда изъ честныя обители Соловецкой да изъ многихъ иныхъ мѣстъ много народу туда удалилось. И свѣтскаго суда въ томъ Опоньскомъ государствѣ они не имѣють, всѣми людьми управляютъ духовныя власти... Идти тебѣ за сибирскіе предѣлы, искать за ними того Бѣловодя, доставить къ намъ епископа древней вѣры благочестивой. А товарищи тебѣ готовы». Такъ повелѣлъ мнѣ игумень... Шестъ недѣль мы въ Лаврентьевой обители прожили, ровно погостили, и потомъ всемеромъ пошли къ Бѣловодю. Дошли въ Сибири до рѣки Катунн и нашли тамъ хриstopлюбивыхъ страннопріимцевъ, что русскихъ людей за Камень въ Китайское царство переводятъ. Тамъ множество пещеръ тайныхъ, въ нихъ странники привитають, а немного подалѣ стоятъ снѣговыя горы, верстъ за триста, коли не больше, ихъ видно... Перешли мы тѣ снѣговыя горы и нашли тамъ келью да часовню, въ ней двое старцевъ пребывало, только не нашего были согласу, священства они не приѣмають. Однакожь путь къ Бѣловодю намъ указали и проводника по маломъ времени сыскали... Шли мы черезъ великую степь Китайскимъ государствомъ сорокъ и четыре дня сряду. Чего мы тамъ ни натерпѣлись, какихъ бѣдъ-напастей ни испытали; сторона незнакомая, чужая и совсѣмъ какъ есть пустая — нигдѣ человѣчья лица не увидишь, одни звѣри бродятъ по той по пустынь. Двое нашихъ путниковъ тѣми звѣрями при нашемъ видѣннн заѣдены были. Воды въ той степи мало, иной разъ дня два идешь, хотя-бъ калужинку какою встрѣтитъ; а какъ увидишь издали свѣтлую водицу, бѣжишь къ ней бѣгомъ, забывая усталость. Такъ, однажды, увидавши издали рѣчку, побѣжали мы къ ней водичы напиться; бѣжимъ, а изъ камышей какъ прыгнетъ на насъ звѣрь дикій, самъ полосатый и ровно кошка, а величиной съ медвѣдя, двухъ странниковъ растерзалъ во едино мгновеніе ока... Много было бѣдъ, много напастей!.. Но дошли таки мы до Бѣловодя. Стоитъ тамъ глубокое озеро да большое, ровно какъ море какое, а зовуть то озеро Лопон-

скимъ *) и, течеть въ него отъ запада рѣка Бѣловодье **). На томъ озерѣ большіе острова есть, и на тѣхъ островахъ живутъ русскіе люди старой вѣры. Только и они священства не принимаютъ, нѣтъ у нихъ архіереевъ, и никогда ихъ тамъ не бывало... Прожилъ я въ томъ Бѣловодѣ безъ малаго четыре года. Выпуску отудова пришлымъ людямъ нѣту, боятся тѣ опонцы, чтобъ на Руси про нихъ не спознали и назадъ въ русское царство ихъ не воротили... И, живучи въ тѣхъ мѣстахъ, очень я по Россіи стосковался. Думаю себѣ: «пускай мнѣ хоть голову снимутъ, а уйду же я отъ тѣхъ опонцевъ въ Россійское царство». А тамъ въ первые три года свѣжаковъ ***) съ острововъ на берегъ великаго озера не пускаютъ, пока не увѣрятся, что не сбѣжитъ тотъ человекъ во матушку во Россію. На четвертомъ году хозяинъ, у котораго я проживалъ въ батракахъ, сталъ меня съ собой брать на рыбную ловлю. И ужъ скажу-жъ я вамъ, что только тамъ за рыбныя ловли! Много рѣкъ видалъ я на своемъ вѣку: живалъ при Дунаѣ и на тихомъ Дону, а матушку Волгу съ верху до низу знаю, на вольномъ Яикѣ на багреняхъ бывалъ, за бабушку Гугниху нивалъ ****), всѣ сибирскія рѣки мнѣ вдосталь извѣстны, а нигдѣ такого рыбнаго улова я не видалъ, какъ на томъ Бѣловодѣ!.. Кажется, какъ къ нашимъ мѣстамъ бы да такія воды, каждый бы нищій гысячникомъ въ одинъ годъ сдѣлался. Такое во всемъ приволье, что нигдѣ по другимъ мѣстамъ такого не видно. Всякіе земные плоды тамъ въ обильѣ рождаются: и виноградъ и пшено сорочинское; одно только плохо: матушки ржицы нѣтъ и въ заводѣ... Но, какъ ни привольно было жить въ томъ Бѣловодѣ, все-то меня въ Россію тянуло. Взялъ меня однажды Сидоръ — хозяинъ мой — на рыбную ловлю, переѣхали озеро, въ камышахъ пристали. Грѣшный человекъ, хотѣлъ его соннаго побывшнить *****), да зазрѣла совѣсть. Пьянъ онъ былъ на ту пору: чуть не полкувшинна кумышки изъ сорочинскаго пшена съ вечера выпилъ; перевязалъ его веревками, завернулъ въ сѣти, самъ бѣжать въ степи... Три мѣсяца бродилъ я, пытался кореньями да дикимъ лукомъ... Не зная дороги, все на сѣверъ держалъ по звѣздамъ да по солнцу. На рѣку, бывало, наткнешься, попробуешь

*) Лопъ-Норъ, на островахъ котораго и по берегамъ, говорятъ, живеть нѣсколько забѣглыхъ раскольниковъ.

**) Аксу — что значить по-русски *бѣлая вода*.

***) Новый, недавній пришлецъ.

****) Бабушка Гугниха уральскими (прежде яцкими) казаками считается ихъ родоначальницей. Послѣ багренья рыбы и на всякихъ иныхъ вирахъ первую чару тамъ пьютъ за бабушку Гугниху.

*****) Убить.

броду, нѣтъ его, и пойдешь обходить ту рѣку; иной разъ идень верстѣ полсотни и больше. На сибирскомъ рубежѣ стоять снѣжныя горы; безъ проводника, не зная тамошнихъ мѣстъ, ихъ ввѣкъ не перелѣзть, да послалъ Господь мнѣ добраго человѣка изъ варнаковъ — бѣглый каторжный, значить — вывелъ на Русскую землю!.. Спаси его Господи и помилуй!

Замолчалъ Якимъ Прохорычъ и грустно склонилъ голову. Все молчали подѣ впечатлѣннѣмъ разсказа.

— Что-жь, опять ты пошелъ въ монастырь къ своему игумну? — черезъ нѣсколько минутъ спросилъ у паломника Патапъ Максимычъ.

— Не дошелъ до него, — отвѣчалъ тотъ. — Дорогой узналъ, что монастырь занѣ закрыли, а игуменъ Аркадїй за Дунай къ некрасовцамъ перебрался... Еще свѣдалъ я, что тѣмъ временемъ, какъ проживалъ я въ Бѣловодѣ, наши сыскали митрополита и водворили его въ австрійскихъ предѣлахъ. Побрелъ я туда. Съ немалымъ трудомъ и съ большою опаской перевели меня христороубы за рубежъ австрійскїй, и сподобилъ меня Господь узрѣть недостойными очами святую митрополию Бѣлой Криницы во всей ея славі.

— Разскажи намъ про это мѣсто, — спрашивалъ Стуколова Патапъ Максимычъ. — Все разскажи, поподробнѣ.

— Поистинѣ, — съ торжественностью продолжалъ паломникъ: — явился благодать спасительная всѣмъ человѣкомъ, живущимъ по древлеблагочестивой вѣрѣ. Нашелъ я въ Бѣлой Криницѣ радость духовную, ликованіе неумолкаемое о господнѣ владыкѣ митрополитѣ и епископахъ и о всемъ чинѣ священномъ. Двѣсти лѣтъ не видано и не слыхано было у нашихъ христіанъ своей священной іерархіи, нынѣ она водѣю зрится. Притекъ я въ Бѣлую Криницу, встрѣтилъ тамъ кое-кого изъ лаврентьевскихъ мниховъ. Меня узнали, властямъ монастырскимъ обо мнѣ доложили. Разсказалъ я имъ по ряду про свое сибирское хожденіе и про житіе въ Бѣловодѣ. Они меня страннаго всѣмъ успокоили, келью мнѣ дали и одѣжу монастырскую справили. Былъ и у самаго владыки Амвросїя подѣ благословеннѣмъ, и онъ черезъ толмача много меня разспрашивать изволилъ обо всѣхъ моихъ по дальнимъ странамъ хожденьяхъ. Прожилъ я въ той Бѣлой Криницѣ два съ половиною года, ѣздилъ отгодъ и за Дунай въ некрасовскїй монастырь Славу, и тамо привелъ меня Богъ свидѣться съ лаврентьевскимъ игумномъ Аркадѣмъ. Немало вечеровъ въ тайныхъ бесѣдахъ у насъ протекло съ симъ учительнымъ старцемъ. Многое разсказывалъ я ему про три хожденія наши:

про евфратское, египетское и въ Бѣловодѣ. И скорбѣлъ я передъ нимъ, заливаясь слезами: «Не благословилъ Богъ нашъ подвигъ: больше семидесяти учениковъ твоихъ, отче, три раза въ дальнія страны ходили и ничего не сыскали, и всѣ-то семьдесятъ учениковъ полегли во чужихъ странахъ, единъ азъ грѣшный въ живыхъ остался». Отвѣчалъ на такія рѣчи старецъ, меня утѣшая, а самъ — отъ очію слезы испуская: «Не скорби, брате,—говорилъ онъ:—не скорби и душевнаго унынія бѣгай: аще троичастный твой путный подвигъ и тщетенъ остался, но паче возвеселиться долженъ ты нынѣ съ нашими радостными лики: обрѣли мы святителей, и теперь у насъ полный чинъ священства. За труды твои церковь тебя похваляетъ и всегда за тебя молить Бога будетъ, а трудникамъ, что нужною смертію въ пути животъ свой скончали — буди имъ вѣчная память въ роды и роды!..» Тутъ упалъ я къ честнымъ стопамъ старца, открылъ передъ нимъ свою душу, повѣдалъ ему мои сомнѣнія: «Прости, — сказалъ ему:—святый отче, разрѣши недоумѣнный мой помысль. Корень іерархіи нашей отъ грековъ изыде, а много я видалъ греческихъ властей въ Царьградѣ, въ Іерусалимѣ и во Египтѣ: пестра ихъ вѣра, благочестія обнажена совершенно. Какъ же новая іерархія отъ столь мутнаго источника изыде, како въ свѣтлую рѣку претворится?» И довольно поучилъ меня старецъ Аркадій, и бесѣдою душеполезной растопилъ окаменѣлое сердце мое, отогналъ отъ меня лукаваго духа. Потомъ и самъ я изслѣдовалъ все дѣло подробно, и со многими искусными въ божественномъ писаніи старцами много бесѣдовалъ—и въ конецъ удостовѣрился, что наша священная іерархія истинна и правильна!.. Ей! Передъ Господомъ Богомъ свидѣтельствую вамъ и всѣхъ васъ совершенно завѣряю, — прибавилъ, вставая съ мѣста и подходя къ иконамъ, паломникъ: — истинна древле-православная австрійская іерархія, нѣтъ въ ней ни едина порока!

Медленною поступью подошла Манеѳа къ паломнику и твердымъ голосомъ сказала:

— Не чаяла тебя видѣть, Якимъ Прохорычъ!.. Какъ изъ гроба сталъ предо мною... Благодарю Господа и поклоняюся Ему за всѣ чудодѣянія, какія оказалъ Онъ надъ тобою.

Поклонилась мать Манеѳа паломнику и скорой, едва слышной поступью пошла изъ горницы, а поровнявшись съ Фленушкой, сказала ей шопотомъ:

— Пойдемъ... Евпраксию позови... Укладываться... Чѣмъ свѣтъ, поѣдемъ.

— Зачѣмъ же ты, Якимъ Прохорычъ, ушелъ изъ митрополіи? — спросила Аксиныя Захаровна у Стуколова.

— Творя волю епископа, пресвященнаго господина Софронія, — ввусительно отвѣчалъ онъ и, немного помолчавъ, сказалъ: — Черезъ два съ половиною года послѣ того, какъ водворился въ Бѣлой Криницѣ, прибылъ нѣкій благочестивый мужъ Степанъ Трифонячъ Жировъ, начетчикъ великій, всей Москвѣ знаемый. До учрежденія митрополіи утолялъ онъ въ Россіи душевный гладъ христіанъ, привлекая къ древнему благочестію никоніанскихъ іереевъ. Письма привезъ онъ изъ Москвы, и скоро его митрополитъ по всеѣмъ духовнымъ степенямъ произвелъ: изъ простецовъ въ пять дней сталъ онъ епископъ Софроній и воротился въ Россію. Бѣлокриницкія власти повелѣли мнѣ находиться при немъ. Съ нимъ и прѣхалъ я до Москвы.

— И за Волгу онъ же прислалъ тебя? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Онъ же, только совсѣмъ по другому дѣлу. Не по церковному, — отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ.

— Чтѣ за дѣло? — продолжалъ разспросы Патапъ Максимычъ.

Стуколовъ замолчалъ.

— Коли клятвы не положено, чтобы тайны не повѣдать, чтѣ не говоришь?.. — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Клятвы не положено и приказу молчать не сказано, — вполголоса проговорилъ Стуколовъ.

— Зачѣмъ же настъ въ невѣдѣнны держишь? — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Здѣсь свои люди, стары твои друзья, кондовые пріятельи, а кого не знаешь — то чада и домочадцы ихъ.

Молчалъ Якимъ Прохорычъ.

— Видно, долга разлука холодить старую дружбу, — вполголоса промолвилъ Чапуринъ Ивану Григорычу.

— Скажу, — молвилъ Стуколовъ. — Только не при женахъ говорить бы...

— Ахъ! батька! Уйти можемъ, — воскликнула Аксинья Захаровна. — Настя, велика Матренѣ заѣдки — то въ задню нести. Пойдемте, Арина Васильевна, Грунюшка, Параша. Никифору — то не уйти ли съ нами, Максимычъ?

— Ступай-ка съ ними въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ ему Патапъ Максимычъ.

Никифоръ пошелъ, съ горестью глядя, что Матрена въ заднюю несетъ однѣ сладкія заѣдки. Разноцвѣтныя графинны и соленьенькое остались, по приказу хозяина, въ передней горницѣ.

Обведя собесѣдниковъ глазами, Стуколовъ началъ:

— Вотъ вы тысячники, богатеи: пересчитать только деньги

вани, такъ не одинъ разъ устанешь... А я что передъ вами?.. Убогій странникъ, нищій, калика переходжій... А стѣить мнѣ захотѣтъ, всѣхъ милліончиковъ богаче буду... Не хочу. Отрекся отъ міра и отъ богатства отказался...

— Научи насъ, какъ сдѣлаться милліонщиками. — слегка усмѣхнувшись, сказалъ удѣльный голова.

— Научу... И будете милліонщиками, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Безпремѣнно будете... Мнѣ не надо богатства... Передъ Богомъ говорю... Только маленько работы отъ васъ требуется.

— Какой же работы? — спросилъ голова.

— Не больно тяжелой; управиться сможете. Да не о томъ теперь рѣчь... Покамѣсть... — съ запинками говорилъ Стуколовъ. — Земляного масла хотите? — примолвилъ онъ шопотомъ.

Всѣ переглянулись.

— Что за масло такое? — спросилъ Чалуруинъ.

— Не слыхалъ?.. — съ лукавой усмѣшкой отвѣтилъ паломникъ. — А изъ чего это у тебя сдѣлано? — спросилъ онъ Патапа Максимыча, взявши его за руку, на которой для праздника надѣты были два дорогіе перстня.

— Изъ золота.

— По-нашему, по-сибирски — это земляное масло. Видалъ ли кто изъ васъ, какъ въ землѣ-то сидитъ оно?

— Кому видѣтъ? Никто не видалъ, — отозвался Чалуруинъ.

— А я видалъ, — сказалъ паломникъ. — Бывало, какъ жилъ въ сибирскихъ тайгахъ, самъ доставалъ это маслицо, все это дѣло знаю вдоль и поперекъ. Не въ проносъ будь слово сказано, знаю, какимъ способомъ и въ Россію можно его вывозить... Смегаете?

— Да вѣдь это далеко, — замѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Въ Сибири. Намъ не рука.

— Ближе найдемъ, — отвѣчалъ паломникъ. — По золоту ходите, по серебру бродите... Понимаете вы это?

— Развѣ есть за Волгой золото? Быть того не можетъ! Шутки ты шутишь надъ нами, — сказалъ удѣльный голова.

— Извѣстно, здѣсь въ Осиповкѣ опричь иду да песку нѣтъ ничего. А по близости найдется, — сказалъ Стуколовъ. — Слушайте! Дорогой, какъ мы изъ австрійскихъ предѣловъ съ епископомъ въ Москву ѣхали, рассказалъ я ему про свои хожденія, говорилъ и про то, какъ въ сибирскихъ тайгахъ землянымъ масломъ занимствовался. Епископъ тутъ и открылся мнѣ: допрежь въ Москвѣ постоянный дворъ онъ держалъ, и нѣкіе отъ христіанъ земляное масло изъ Сибири ему вазивали, въ осетрахъ да въ бѣлугахъ, еще въ меду. Епископа

братъ путь-дорогу привезенному маслу показывалъ, куда, значить, слѣдуетъ идти ему. Хоть дѣло запретное, да находились люди, что съ радостью масло то покупали. Однакожь начальство свѣдало. Тогда и пришло на мысль епископу, чѣмъ тайно сбытомъ земляного масла заимствоваться, лучше настоящимъ дѣломъ, какъ есть по закону, искать золота. Въ Сибирь не разъ Жировы бѣдили принскѣ открывать. Найти золотой принскѣ тамъ немудреное дѣло, только нашему брату не дадутъ имъ пользоваться. Ты сыщешь, а богатый золотопромышленникъ изъ-подъ носу его у тебя выхватитъ, къ своимъ рукамъ приберетъ, а тебя изъ тайги - то въ зашей, чтобъ и духа твоего тамъ не было. Это такъ, это я самъ видалъ, какъ въ Сибири проживалъ. И узналъ преосвященный нашъ владыка, что недалеко отъ родины его, въ Калужской, значить, губерніи, тоже есть золото. Поглядѣли, въ самомъ дѣлѣ нашли песокъ золотой. Не оглашая дѣла, купили они золотосное мѣсто у тамошняго барина, пятьдесятъ десятинъ. Въ Петербургъ пробы возили; тамъ пробу дѣлали и сказали, что точно тутъ золото есть *). Разказавши про такое дѣло, епископъ и говоритъ: «Этимъ дѣломъ мнѣ теперь заниматься нельзя, самъ не дозволяетъ, но есть, говоритъ, у меня братья родные и други - пріятели, они при томъ дѣлѣ будутъ... А передъ самымъ, говоритъ, отъѣздомъ моимъ въ Бѣлу-Криницу мнѣ отписывали, что за Волгой по тамошнимъ лѣсамъ водится золото. Я, говоритъ, тебя туда замѣсто послушанія пошлю сprovѣдать, правду-ль мнѣ отписывали, а если найдешь, предложи тамъ кому изъ христіанъ, не пожелаетъ ли кто со мной его добывать...» Вотъ я и пришелъ сюда, творить волю посланнаго.

— Что-жь, нашель? — съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Видимо-невидимо! — отвѣтилъ Стуколовъ. — Всю Сибирь вдоль и поперекъ изойди, такого богатства не сыщешь. Золото само изъ земли лѣзетъ... Глядите!

И, вынувъ изъ кармана замшевый мѣшокъ, въ какихъ крестьяне носятъ деньги, Стуколовъ развязалъ его, и густая струя золотого песку посыпалась на чайное блюдечко.

*) Истинное происшествіе. Кочуевъ, которому принадлежит первая мысль объ устройствѣ Бѣлосибирской іерархіи, вмѣстѣ съ братьями Жировыми, купцомъ Заказновымъ и племянникомъ своимъ Александромъ Кочуевымъ, искали золото въ Калужской губерніи. Для этого въ 1849 году купили у г. Поливанова 50 десятинъ земли и, чтобы не огласить дѣла покупки, говорили, что думаютъ устроить химическій заводъ. Заказновъ привезъ въ Петербургъ непромытый песокъ, говоря, что онъ взялъ на купленной у Поливанова землѣ. По свидѣтельству пробирера Гронмейера, въ пудѣ непромытаго песка съ глиной найдено было: $6\frac{1}{2}$ долей золота и 25 долей серебра.

Всѣ столпились вокругъ стола и жадно смотрѣли на золотую струю. Ни слова, ни звука... Даже дыханье у всѣхъ сперлось. Одинъ маятникъ стѣнныхъ часовъ мѣрно чикалъ за перегородкой.

Вдругъ скрипъ полозьевъ. Остановились у воротъ сани. Внизу забѣгали, въ сѣняхъ засуетились.

Патапъ Максимычъ очнулся и побѣждалъ гостей встрѣчать. Паломникъ не торопясь высыпалъ золотой песокъ съ блюдечка въ мѣшокъ и крѣпко завязалъ его.

— Гдѣ нашель?.. Въ какомъ мѣстѣ? — спрашивалъ его Алексѣй, едва переводя духъ и схвативъ паломника за руку.

— Неподалеку отсюда, въ лѣсу... — равнодушно молвилъ Стуколовъ, кладя мѣшокъ въ карманъ.

Загорѣлись у Алексѣя глаза. «Вотъ счастье - то Богъ посылаетъ, — подумалъ онъ. — Накопаю я этого масла, тогда..»

Патапъ Максимычъ вошелъ въ горницу, ведя подъ руку старика Снѣжкова. За нимъ шелъ молодой Снѣжковъ.

Глава двѣнадцатая.

Струя золотого песку, пущенная паломникомъ, ошеломила гостей Патапа Максимыча. При Снѣжковыхъ разговоръ не клеился. Дашилъ Тихоньчу показалось страннымъ, что ему отвѣчаютъ нѣхотя и невпопадъ, и что самъ хозяинъ былъ какъ бы не по себѣ.

«Что за притча такая? — думаютъ Снѣжковы. — Звали именнинный ииръ пировать, невѣсту хотѣли показывать, родниться затѣвали, а прѣхали — такъ хоть бы пустымъ словомъ встрѣтили насъ. Будто и не рады, будто мы лишніе, нежданые». Коробило отца Снѣжкова — самолюбивъ былъ старикъ.

Межъ тѣмъ Патапъ Максимычъ, улуча минуту, подошелъ къ Стуколову. Стоя у божницы, паломникъ внимательно разглядывалъ старинныя иконы. Патапъ Максимычъ вызвалъ его на пару словъ въ боковушу.

— Это Снѣжковы прѣхали, — сказалъ онъ: — богатые купцы самарскіе, старикъ - отъ мнѣ большой пріятель. Денегъ куча, никакихъ капиталовъ онъ не пожалѣетъ на развѣдки. Сказать ему, что ли?

— Оборони Господи! — отвѣчалъ Стуколовъ. — Строго - на - строго наказано, чтобъ, опрѣчь здѣшнихъ жителей, никому словечка не молвить... Тамъ послѣ что Богъ дастъ, а теперъ нельзя.

Не по праву пришли Чапуриду слова паломника. Однако сбѣлалъ по его: и куму Ивану Григорьичу, и удѣльному го-

ловѣ, и Алексѣю шепнулъ, чтобъ до поры до времени они про золотые прински никому не сказывали. Дюкова учить было нечего, тотъ былъ со Стуколовымъ заодно. Къ тому же парень былъ не говорливаго десятка, въ молчанку больше любилъ играть.

Кой-какъ завязалась бесѣда, но бесѣдовали невесело. Не стала веселѣй бесѣда и тогда, какъ вошла въ горницу Аксинья Захаровна съ дочерью и гостями. Манева не вышла взглянуть на суженаго племянницы.

Когда Настя входила въ горницу, молодой Снѣжковъ стоялъ возлѣ Алексѣя. Онъ былъ одѣтъ «по-модному»: въ шегольской короткополый сюртукъ и черный открытый жилетъ, на немъ блестяла золотая часовая цѣпочка со множествомъ разныхъ привѣсокъ. Бѣлье на Снѣжковѣ было чистоты бѣлоснѣжной, на лѣвой рукѣ была натянута бѣлая перчатка. Михайла Данилычъ принадлежалъ къ числу «образованныхъ старообрядцевъ», что давно появились въ столицахъ, а лѣтъ двадцать тому назадъ стали показываться и въ губерніяхъ. Строгіе рогожскіе уставы не смущали ихъ. Не вѣрили они, чтобъ въ иноземной одеждѣ, въ клубахъ, театрахъ, маскарадахъ много было грѣха, и Михайла Данилычъ не разъ, сидя въ особой комнатѣ Новотроицкаго, съ сигарой въ зубахъ, за стаканомъ шампанскаго, отъ души хохоталъ съ подобными себѣ надъ увѣщаньями и проклятыями рогожскаго попа Ивана Матвѣича, въ новыхъ обычаяхъ видѣвшаго конечную гибель старообрядства.

Михайла Данилычъ былъ изъ себя красивъ, легкія рябины не безобразили его лица; взглядъ былъ веселый, открытый, умный. Но какъ невзраченъ показался онъ Настѣ, когда она перевела взоръ свой на Алексѣя!

Патапъ Максимычъ познакомилъ съ женой и дочерью. Усѣлись: старикъ Снѣжковъ рядомъ съ хозяйкой, принявшей ее снова чай разливать, сынъ возлѣ Патапа Максимыча.

— Просимъ полюбить насъ, лаской своей не оставите, Аксинья Захаровна, — говорилъ хозяйкѣ Данила Тихонычъ. — И парнишку моего лаской не оставьте... Вы не смотрите, что на немъ такая одежа... Что станешь дѣлать съ молодежью? Въ городѣ живемъ, въ столицахъ бываемъ; нельзя... А по душѣ, сударыня, парень онъ у меня хорошій, какъ есть, нашего стараго завѣта.

— Что про то говорить, Данила Тихонычъ, — отвѣчала Аксинья Захаровна, съ любопытствомъ разглядывая Михайлу Данилыча и переводя украдкой глаза на Настю. — Извѣстно, люди молодые, незрѣлые. Не на вѣтеръ стары люди говорили: «незрѣлъ виноградъ невкусенъ, младъ человекъ неиску-

сень; а молоденькій умокъ, что весенній ледокъ»... Пройдутъ, батюшка Данила Тихонычъ, красные-то годы, пройдетъ молодость: возлюбить тогда и одѣжу степенную, святыми отцами благословенную и намъ, грѣшнымъ, заповѣданную, возлюбить и старинку нашу боголюбезную, свѣчаи да обычаи, что дѣдами-прадѣдами нерушимо уложены.

— Это вы правильно, Аксинья Захаровна, — отвѣчалъ старый Снѣжковъ. — Это, значить, вы какъ есть въ настоящую точку попали.

— Куда я попала, батюшка? — съ недоумѣньемъ спросила Аксинья Захаровна.

— Въ настоящую точку, значить, въ линію, какъ есть, — отвѣтилъ Данила Тихонычъ. — Потому, значить, въ вашихъ словахъ, окромя настоящей справедливости, нѣтъ ничего-съ.

— Невдомекъ мнѣ, глупой, ваши умныя рѣчи, — сказала Аксинья Захаровна. — Мы люди простые, темные, захолустные, простите насъ, Христа ради!

— А ты слушай да рѣчей не перебивай, — вступилъ Патапъ Максимычъ, и безмолвная Аксинья Захаровна покорно устремила взоръ свой къ Снѣжкову: «говорите, молъ, батюшка Данила Тихонычъ, слушать велить».

Прочіе, кто были въ горницѣ, молчали, глядя въ упоръ на Снѣжковыхъ... Пользуясь тѣмъ, Никифоръ Захарычъ тихонько вздумалъ пробраться за стульями къ завѣтному столу, но Патапъ Максимычъ это замѣтилъ. Не ворочая головы, а только скосивъ глаза, сказалъ онъ:

— Алексѣй!

Алексѣй проснулся изъ забытья. Все время сидѣлъ онъ, опустя глаза въ землю и не слыша, что вокругъ него говорится... Золото, только золото на умѣ у него... Услышавъ хозяйское слово и увидя Никифора, всталъ. Волкъ повернулъ назадъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ тяжелымъ вздохомъ усѣлся у печки, возлѣ выхода въ боковушку. И ужъ какъ же ругался онъ самъ про себя.

— По нынѣшнимъ временамъ, сударыня Аксинья Захаровна, — продолжалъ свои рѣчи Данила Тихонычъ: — нашему брату купцу, особенно изъ молодыхъ, никакъ невозможно старыхъ обычаевъ во всемъ соблюсти. Что станешь дѣлать? Такія времена пришли!.. Изойдите вы теперь всѣ хорошіе дома по московскому аль по петербургскому купечеству, изъ нашего то-есть сословія, вездѣ это найдете... Да и что за грѣхъ коли правду сказать, Аксинья Захаровна? Была бы душа чиста да свята. Такъ ли? Всѣ эти грѣхи не смертные, всѣ эти грѣхи замолимые. Покаемся, Богъ дастъ, успѣемъ умолить

Создателя... а некогда да недосугъ, праведниковъ да молитвенниковъ попросимъ. Они свое дѣло знаютъ — разомъ замолятъ грѣхъ.

— Велика молитва праведниковъ предъ Господомъ, — съ набожнымъ вздохомъ молвила Аксинья Захаровна.

Стуколовъ нахмурился. Какъ ночь смотритъ, глазъ не сводя со стараго краснобаю.

— Я вамъ, сударыня Аксинья Захаровна, про одного моего пріятеля расскажу, — продолжалъ старикъ Сибѣжковъ. — Стужинъ есть, Семень Елизарычъ, въ Москвѣ. Страшный богачъ: двадцать пять тысячъ народу у него на фабрикахъ кормится. Слыхали, поди, Патапъ Максимычъ, про Семена Елизарыча? А можетъ статься, и встрѣчались у Макарья — онъ туда каждый годъ ѣздитъ.

— Какъ про Стужина не слышать, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ: — люди извѣстные. Милліонахъ, слышь, въ десяти.

— Посчитать, и больше наберется, — отвѣчалъ Данила Тиховычъ. — Понстинѣ, не облыжно доложу вамъ, Аксинья Захаровна, такихъ людей промежъ нашихъ христіанъ, древляго то-есть благочестія, немного найдется... Столиѣ благочестія!.. Адамантъ!.. Да-съ. Такъ его рогожскій священникъ нашъ, батюшка Иванъ Матвѣичъ, и въ глаза и за глаза зоветъ, а матушка Пульхерія, рогожская то-есть игуменя, всѣмъ говорить, что вотъ безъ малаго сто годовъ она на свѣтѣ живетъ, а такого благочестія, какъ въ Семенѣ Елизарычѣ, ни въ комъ не видывала... Черезъ него, сударыня Аксинья Захаровна, можно сказать, все Рогожское держится, имъ только и дышитъ: потому, знаете, отъ начальства нонѣ строгости, а Семень Елизарычъ съ высокими людьми водитъ знакомство... И оберегаеть.

— Дай ему Богъ добраго здоровья и души спасенія, — набожно, вплолоса проговорила Аксинья Захаровна. — Слыхали мы про великія добродѣтели Семена Елизарыча. Сырымъ и вдовымъ заступникъ, нищей братіи щедрый податель, страннымъ покой, болящимъ прирѣвнѣ... Дай ему Господи тѣлеснаго здравія и душевнаго спасенія...

— Такъ-съ, — отвѣтилъ Данила Тиховычъ. — Истину изволите говорить, сударыня Аксинья Захаровна... Ну, а ужъ насчетъ хоша бы, примѣромъ будучи сказать, этого табачнаго зелья, и дѣткамъ не возбраняеть, и самъ въ чужихъ людяхъ не брезгуеть... На этомъ ужъ извините...

— Сквернится? — грустно, чуть не со слезами на глазахъ спросила Аксинья Захаровна.

— Одно слово — извините! — съ улыбкой отвѣчалъ Данила Тихоничъ.

Стуколовъ плюнулъ, всталъ со стула, быстро прошелся раза два въ сторонкѣ и, нахмуренный пуце прежняго, усѣлся на прежнее мѣсто.

— Чтò дѣлать, сударыня? — продолжалъ Свѣжковъ. — Слабость, соблазнъ; на всякій часть не устоишь. Немало Семена Елизарыча матушка Пульхерія началить. Журить она его, журить, вычитаетъ ему все, чтò слѣдуетъ, а напоследокъ смиляется и сотворить прощенье. «Дѣлать нечего, скажете, грѣхи твои на себя вземлемъ, только вѣру крѣпко храни... Будешь вѣру хранить, о грѣхахъ не тужи: замолимъ».

— Много можетъ молитва праведника, — съ набожнымъ вздохомъ промолвила Аксинья Захаровна. — Единъ праведникъ за тысячу грѣшниковъ умоляетъ... Не прогнѣвался еще до конца на насъ грѣшныхъ Царь Небесный, посылаетъ въ мѣръ праведныхъ. Вотъ и у насъ своя молитвенность есть... Сестра Патану-то Максимычу, матушка Манеѳа комаровская. Можетъ, слышали?

— Много наслышаны, — отвѣчалъ Свѣжковъ. — По нашимъ мѣстамъ сказываютъ, что у ней въ обители отменно хорошо и по чину содержится все... Да, сударыня, Аксинья Захаровна, это точно-съ, дана вамъ благодать Божія... Со своей молитвенницей непримѣръ спокойнѣе жить. Иной, чувствуя прегрѣшенія, и захотѣлъ бы самъ грѣхи свои замаливать, да сами посудите, есть ли время ему?.. Недосуги, хлопоты... Хоть нашего брата возьмите, какъ, при нашей то-есть коммерціи, станешь грѣхи замаливать? Суета все: кричимъ, бранимся, ссоримся, времени-то и не хватаетъ на Божіе дѣло... Да и то сказать: примешься самъ-отъ замаливать да, не зная сноровки, еще пуце, пожалуй, на дупу-то нагадишь. Вѣдь во всякомъ дѣлѣ надо сноровку знать... А праведнику это дѣло всегда подходящее, потому что онъ на томъ ужъ стоитъ. Онъ ужъ маху не дастъ, потому сноровку въ своемъ дѣлѣ знаетъ, за дѣло взятыя умѣетъ. А намъ куда! Не пори, коли шить не умѣешь... Ваше дѣло женское, еще туда-сюда, потому что домосѣдничаете и молитвамъ больше нашего навыкли, а какъ нашъ-отъ братъ примется, курамъ на смѣхъ — хотъ дѣло все брось... Ха-ха-ха!..

И раскатился старый Свѣжковъ громкимъ хохотомъ. Но, кромѣ сына, никто не улыбнулся ни на рѣчи ни на хохотъ его. Веѣ молча сидѣли, Аграфена Петровна особенно строго поглядѣла на рассказчика, но онъ не смотрѣлъ въ ея сторону. Стуколова такъ и подергивало; едва могъ себя сдерживать. Аксинья Захаровна про себя какую-то молитву читала.

Чтобы поворотить разговоръ на другое, Патапъ Максимычъ напомнилъ Снѣжкову:

— Такъ что-жь про Стѹжина-то зачали вы, Данила Тихонычъ?

— Насчетъ нонѣшной молодежи хотѣлъ сказать, — отвѣчалъ Данила Тихонычъ. — У Семена Елизарыча, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Аксиньѣ Захаровнѣ: — сынки-то во фракахъ, сударыня, щеголяютъ, — знаете, въ такой курткѣ съ хвостиками?.. Всему обучены... А ежели теперъ придти на балъ, али въ театрѣ на нихъ посмотрѣть, отъ графовъ да отъ князей ничѣмъ отличить невозможно, купецкаго званія и духу нѣтъ... А коммерція изъ рукъ не валится, большая помога отцу. Въ коммерческой академіи обучались, произошли всякую науку, медали за ученье получили, не на вывѣску только, а карманныя, безъ ушковъ, значить, и ленты нѣтъ, — прибавилъ онъ, поправляя висѣвшую у него на шеѣ, на Аннинской лентѣ, золотую медаль. Ну, да хотъ и безъ ушковъ, а все же медаль, почестъ, значить... На дочерей бы Семена Елизарыча посмотрѣли вы, Аксинья Захаровна, ахнули бы, просто ахнули... По-французскому такъ и рѣжутъ, какъ есть самыя настоящія барышни. И если гдѣ балъ, танцуютъ вплоть до утра, и въ театры ѣздятъ, въ грѣхъ того, по нонѣшнимъ временамъ, не поставляютъ. А ужъ одѣваются какъ, по триста да по четыреста цѣлковыхъ платьевъ... И всякую мелочь даже на нихъ, до послѣдней, съ позволенія сказать, исподницы, шьютъ французенки на Кузнецкомъ мосту... Поглядѣли бы вы, такъ на балъ онѣ разодѣнутся, — любо-дорого посмотрѣть... Въ позапрошломъ году, зимой, сижу я разъ вечеромъ у Семена Елизарыча, было еще изъ нашихъ человекъ два; сидимъ, про дѣла толкуемъ, а чай разливаетъ матушка Семена Елизарыча, старушка древняя, рѣдко когда и въ люди кажется, больше все на молитвѣ въ своемъ мезонинѣ пребываетъ. Хозяюшка-то Семена Елизарыча въ ту пору на балъ собиралась въ Купеческое собраніе. Въ первый разъ дочерей-то везла туда... Бабушкѣ, понятно дѣло, хочется тоже поглядѣть, какъ внучки-то вырядятся. Папопла насъ чаемъ, а сама сидитъ въ гостиной, нейдетъ въ свою горенку, дожидается... И вышли внучки, въ дорогія кружева разодѣты, всѣ въ цвѣтахъ, ну, а руки-то по локоть, какъ теперъ водится, голы, и шея до плечъ голая, и груди наполовину... Какъ взвидѣла ихъ Божія старушка, такъ и всплеснула руками. «Матушки, кричить, совсѣмъ нагія!» Да и ну насъ турить вонъ изъ гостиной. «Уйдите, говорить, отцы родные, Христа ради, уйдите: не глядите на дѣвокъ, не срамите ихъ». Такъ мы со смѣху и померли.

Съ изумленьемъ глядѣли всё на Снѣжкова. Акинья Захаровна руки опустила, ровно столбнякъ нашель на нее, только шепчетъ вполголоса:

— Мать Пресвята Богородица! И шея и груди!.. Господи помилуй, Господи помилуй!

Фленушка глаза опустила, Параша слегка покраснѣла, а Настя съ злорадной улыбкой взглянула на Данилу Тихоныча, потомъ на отца. Глаза ея заблестали.

Стуколовъ не выдержалъ. Раскаленными угольями блеснули черные глаза его, и легкія судороги заструились на испитомъ лицѣ паломника. Порывисто вскочилъ онъ со стула, поднялъ руку, хотѣлъ что-то сказать, но... схвативъ шапку и никому не поклонясь, быстро пошелъ вонъ изъ горницы. За нимъ Дюковъ.

— Куда вы?.. Куда ты, Якимъ Прохорычъ?.. — говорилъ Патапъ Максимычъ, выбѣжавъ слѣдомъ за ними въ сѣни...

Не старый другъ, не чудный паломникъ, золото, золото уходило.

— Душѣ претить! — отвѣчалъ Стуколовъ. — Не стерпѣть мнѣ хульныхъ рѣчей суеслова... Лучше уйти... Прощай, Патапъ Максимычъ!.. Прощай!..

— Да что ты... Полно!.. Господь съ тобой, Якимъ Прохорычъ, — твердилъ Патапъ Максимычъ, удерживая паломника за руку. — Вѣдь онъ богатый мельникъ, — шутиливо продолжалъ Чапуринъ: — двѣ мельницы у него есть на морѣ на окіанѣ. Помоль знатный: одна мелеть вздоръ, друга чепуху... Ну и пусть его мелютъ... Тебѣ-то что?

— Не могу. Душа не терпитъ хульныхъ словесъ! — отвѣтилъ Стуколовъ. — Прощай, пусти меня, Патапъ Максимычъ.

— Да куда-жъ ты, на ночь-то глядя? — уговаривалъ его Патапъ Максимычъ. — Того и гляди мятель еще поднимется, слышь, вѣтеръ какой!

— Мятели, вьюги, степные бураны давно мнѣ привычны. Слаше въ полѣ мерзнуть, чѣмъ уши сквернить мерзостью суесловія. Прощай!

Умаливалъ, упрашивалъ Патапъ Максимычъ стариннаго друга-пріятеля переночевать у него, насилу уговорилъ. Согласился Стуколовъ съ условіемъ, что не увидитъ больше Снѣжковыхъ, ни стараго ни молодого. Возненавидѣлъ онъ ихъ.

Патапъ Максимычъ кликнулъ въ сѣни Алексѣя.

— Якимъ Прохорычъ усталъ, отдохнуть ему хочется, — сказалъ онъ. — У тебя пускай заночуетъ. Успокой его. А къ ужинѣ въ горницу приходи, — промолвилъ Патапъ Максимычъ вполголоса.

Алексѣй съ паломникомъ внизъ пошли. Патапъ Максимычъ съ молчаливымъ купцомъ Дюковымъ къ гостямъ воротились. Тамъ старый Снѣжковъ продолжалъ рассказы про жительство Стужина: знайте, дескать, съ какими людьми мы водимся!

«Что-жъ это такое? — думалъ Патапъ Максимычъ, садясь возлѣ почетнаго гостя. — Коли шутки шутить, такъ эти шутки при дѣвкахъ шутить не годится... Неужели вправду онъ говорить? Чуднѣе дѣло!»

Разсказывалъ Данила Тихонычъ про балы да про музыкальные вечера въ московскомъ купеческомъ собраніи, помянулъ и про голыя шен.

— Да зачѣмъ же это у васъ дѣвокъ-то такъ срамить? — спросилъ наконецъ Патапъ Максимычъ. — Какой ради причины голыя дочерей людямъ-то кажутъ?

— Такъ водится, Патапъ Максимычъ, — съ важностью отвѣтилъ Снѣжковъ. — Въ Петербургѣ аль въ Москвѣ всегда такъ на балы ѣздить: и дѣвицы и замужнія. Такое ужъ заведеніе.

— И замужнія? — проговорилъ Патапъ Максимычъ, пристально поглядѣвъ на Снѣжкова.

— И замужнія, — спокойно отвѣтилъ Данила Тихонычъ. — Безъ этого нельзя. Вездѣ такъ.

Ни слова Патапъ Максимычъ. «Что-жъ это за срамъ такой? — разсуждаетъ онъ самъ съ собою. — Какъ же это жену-то свою голую напоказъ чужимъ людямъ возить?.. Неладно, неладно!..»

Какъ нарочно, и молодой Снѣжковъ въ такіе же рассказы пустился. У него, чтò у отца, то же на умѣ было: похвалиться передъ будущимъ тестемъ: «вотъ, дескать, съ какими людьми мы знаемся, а вы, дескать, сиволапые, живучи въ захоластьѣ, понятія не имѣете, какъ хорошіе люди въ столицахъ живутъ». И разсказывалъ молодой Снѣжковъ про балы и маскарады, про музыкальные вечера и театральныя представленія. Слушай, молъ, Настасья Патаповна, какое тебѣ житье будетъ развеселое; выйдешь замужъ за меня, какъ сыръ въ маслѣ станешь кататься. А она съ перваго взгляда понравилась Михайлѣ Данилычу, и ужъ думалъ онъ, какъ въ Москву съ ней переѣдетъ жить, танцевать ее и по-французски выучить, да, разодрѣвши въ шелки-бархаты, повезетъ на Большую Дмитровку въ Купеческое собраніе. Такъ и ахнуть всѣ: «откуда, молъ, взялась такая раскрасавица?»

— А лѣтомъ, — продолжалъ онъ: — Стужины и другіе богатые купцы изъ нашихъ въ Сокольникахъ да въ Паркѣ на

дачахъ живутъ. Собираются чуть не каждый Божій день вмѣстѣ всѣ, кавалеры, и дѣвицы, и молодья замужнія женщины. Музыка ѣздить слушать, верхомъ на лошадяхъ катаются.

— Какъ же это верхомъ, Михайла Данилычъ? — спросила Агсинья Захаровна. — Этого мнѣ старухѣ что-то ужъ и не понять! Неужели и дѣвицы и молодицы на коняхъ верхомъ?

— Верхомъ, Агсинья Захаровна, — отвѣчалъ Снѣжковъ.

— Ай, срамъ какой! — вскрикнула Агсинья Захаровна, всплеснувъ руками. — Въ штанахъ?

— Зачѣмъ въ штанахъ, Агсинья Захаровна? — отвѣчалъ Михайла Данилычъ, удивленный словами будущей тещи. — Платье для того особое шьютъ, длинное, съ хвостомъ аршина на два. А на коней бокомъ садится.

Дѣвушки зардѣлись. Аграфена Петровна строгимъ взглядомъ окинула рассказчика. Настя посмотрѣла на Патапа Максимыча, и на душѣ ея стало веселье; чуюла сердцемъ отцовскія думы.

Схвативъ украдкой Фленушку за руку, шеннула ей:

— Не бывать сватовству.

Фленушка головой кивнула.

Въ это время Настя взглянула на входившаго Алексѣя и улыбнулась ему свѣтлой, ясной улыбкой. Не замѣтилъ онъ того, вошелъ мрачный, сълъ задумчивый. Видно, крѣпкая дума сидитъ въ головѣ.

— Молодость! — молвилъ старый Снѣжковъ, улыбаясь и положивъ руку на плечо сыну. — Молодость, Патапъ Максимычъ, веселье одно на умѣ... Что-жь?.. Молодой квась и тотъ играетъ, а коли младъ человекъ не добѣдится, такъ на старости съ ума сойдетъ... Веселись, пока молоды. Состарятся, по крайности будетъ чѣмъ молодые годы свои помянуть. Такъ ли, Патапъ Максимычъ?

— Такъ-то оно такъ, Данила Тихонычъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Только я, признаться сказать, не пойму что-то вашихъ рѣчей... Не могу я вдомекъ себѣ взять, что такое вы похваляете... Неужли вездѣ наши христіане по городамъ стали такъ жить?.. Въ Казани, къ примѣру сказать, аль у васъ въ Самарѣ?

— Ну, не какъ въ Москвѣ, а тоже живутъ, — отвѣчалъ Данила Тихонычъ. — Вотъ по осени въ Казани гостилъ я у дочери, къ зятю на именины попалъ, важнецкій балъ задалъ, почитай, весь городъ былъ. До заутрени танцевали.

— И дочки? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же! Онѣ у меня на все горазды. Въ пансіонѣ учились. И по-французски говорятъ, и все.

— И одѣваются, какъ Стужины? — слегка прищуривъ глаза и усмѣхнувшись, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно дѣло, — отвѣчала Данила Тихонычъ. — Какъ люди, такъ и онѣ. Варвара у меня, меньшая, что за Буркова выдана, за Сергѣя Абрамыча, такая охотница до этихъ ба-ловъ, что чудо... И спать и видеть.

— Чудны дѣла Твоя, Господи, чудны дѣла Твоя! — проговорилъ Патапъ Максимычъ. Больно не по себѣ ему стало.

Ужинъ готовъ. Патапъ Максимычъ сталъ гостей за столъ усаживать. Явились и стерляди, и индѣйки, и другія кушанья, на славу Никитичной изготовленные. Отличилась старушка: такъ настряпала, что не жуй, не глотай, только съ диву брови подымай. Молодой Сибѣжковъ, набравшійся въ столицахъ толку по части изысканныхъ обѣдовъ и тонкихъ винъ, не могъ скрыть своего удивленія и сказалъ Аксиньѣ Захаровнѣ:

— Отмѣнно приготовлено! Изъ городу, видно, повара-то брали?

— Какой у насъ поварь! — скромно и даже приниженно отвѣчала столичному щеголю простая душа, Аксинья Захаровна. — Дома, сударь, стряпали — сродственница у насъ есть, Дарья Никитична — ея стряпня.

Надивиться не могли Сибѣжковы на убранство стола, на вина, на кушанья, на камчатное обѣлье, хрусталь и серебряные приборы. Хоть бы въ Самарѣ, хоть бы у Варвары Даниловны Бурковой, задававшей ужины на славу всей Казани... И гдѣ-жъ это?.. Въ лѣсахъ, въ заволжскомъ захолустьѣ!..

Смекнулъ Патапъ Максимычъ, чему гости дивуются. Повеселѣлъ. Ходить, потирая руки, вокругъ стола, потчуетъ гостей, самъ приговариваетъ:

— Не побрезгуйте, Данила Тихонычъ, деревенской хлѣбомъ-солью... Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Просимъ не прогнѣваться, не взыскать на убогомъ нашемъ угощеньи... Чѣмъ Богъ послалъ!.. Вѣдь мы мужики сѣрые, необтесанные, городскимъ порядкамъ не обykle... Наше дѣло лѣсное, живемъ съ волками да съ медвѣдями... Да потчуй, жена, чего молчишь, дорегихъ гостей не потчнешь?

— Покушайте, гости дорогіе, — заговорила, въ свою очередь, Аксинья Захаровна. — Что мало кушаете, Данила Тихонычъ? Аль вамъ хозяйской хлѣба-соли жаль?

— Много довольны, сударыня Аксинья Захаровна, — разглаживая бороду, сказалъ старый Сибѣжковъ: — довольны-предовольны. Власть ваша, больше никакъ не могу.

— Да вы нашу-то рѣчь послушайте — приневольтесь да покушайте! — отвѣчала Аксинья Захаровна. — Вѣдь по-нашему, по-деревенскому, что порушено да не скушано, то хозяйкѣ покорь. Пожалѣйте хоть маленько меня, не срамите моей головы, покушайте хоть маленечко.

— Винца-то, винца, гости дорогіе, — потчевалъ Патапъ Максимычъ, наливая рюмки. — Хвалиться не стапу: добро не свое, покушное, каково — не знаю, а люди пили, такъ хвалили. Не знаю, какъ вамъ по вкусу придется. Кушайте на здоровье, Данила Тихонычъ.

— Знатное вино, — сказалъ Данила Тихонычъ, прихлебывая лафитъ. — Какія у васъ кушанья, какія вина, Патапъ Максимычъ! Да я у Стужина не разъ на именинахъ обѣдывалъ, у нашего губернатора въ царскіе дни завсегда обѣдаю, — не облыжно доложу вамъ, что вашими кушаньями да вашими винами хоть царя потчевать... Право, отмѣнены-сь.

— Наше дѣло лѣсное, — самодовольно отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — У генераловъ обѣдать намъ не доводится, театровъ да баловъ сроду не видывали; а угостить хорошаго человека, чѣмъ Богъ послалъ, завсегда рады. Пожалуйте-сь, — прибавилъ онъ, наливая Снѣжкову шампанское.

— Не многонько ли будетъ, Патапъ Максимычъ? — сказала Снѣжковъ, слегка отстраняя стаканъ.

— Наше дѣло лѣсное, по-нашему это вовсе не много. Пожалуйте-сь.

Двѣ бутылки роспили за наступающую именинницу.

Не обнесъ Патапъ Максимычъ и шуррина, сидѣвшаго рядомъ съ приставленнымъ къ нему Алексѣемъ... Было время, когда и Микешка, спуская съ забубенными друзьями по трактирамъ родительскіе денежки, зналъ толкъ въ этомъ винѣ... Взялъ онъ рюмку дрожащей рукою, вспомнилъ прежніе годы, и что-то ясное проблеснуло въ тусклыхъ глазахъ его... Хлебнулъ и сплюнулъ.

— Свекольникъ! — молвилъ вполголоса. — Мнѣ бы водочки, Патапъ Максимычъ.

Молча отошелъ отъ него Патапъ Максимычъ.

Чуть не дѣ полпочи пировали гости за ужиномъ. Наконецъ разошлись. Не всѣ скоро заснули; у всякаго своя дума была. Ни сонъ ни дрема что-то не ходятъ по сѣнямъ Патапа Максимыча.

Патапъ Максимычъ помѣстилъ Снѣжковыхъ въ задней боковушкѣ. Тамъ отецъ съ сыномъ долго толковали про житье-

быть тысячника, удивлялись убранству дома его, изысканному угощенью и тому чинному, стройному во всемъ порядку, что, казалось, был издавна заведенъ у него. И про Настю толковали. Хоть не удалось съ ней слова перемолвить Михайлѣ Данилычу, хоть Настя цѣлый вечеръ глядѣла на него неласково, но различавая, гордая красота ея сильно ударила по сердцу щеголеватого купчика. Только и мечталъ онъ, какъ разодѣнуть ее въ шелки, въ бархаты на диво не Самарѣ, а самой Москвѣ, и какъ станутъ люди дивиться на его жену-раскрасавицу... Старику Снѣжкову Настя тоже по праву пришла.

Даль маху Снѣжковъ, рассказавъ про стужинскихъ дочерей. Еще больше остудилъ онъ сватовство, обмолвившись, что и его дочери одѣваются такъ же, какъ Стужины.

Не первый годъ знался Снѣжковъ съ Патапомъ Максимычемъ; давно подмѣтилъ онъ въ немъ охоту стать на купецкую ногу и во всемъ обиходѣ подражать тузамъ торговаго міра. И то зналъ Данила Тихонычъ, что не строго относится Чапуринъ къ нарупеньямъ старыхъ обичаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, Патапъ Максимычъ никогда не бывалъ изувѣромъ, самъ частенько трунилъ надъ тѣми ревнителями стараго обряда, что покрой кафтана и число на немъ пуговицъ возводить на степень догмата вѣры. Не гнушался и табачниками, и хоть сроду самъ не куривалъ, а всегда говаривалъ, что табакъ зелье не проклятое, а такая же Божья трава, какъ и другія; въ иноземной одеждѣ, даже въ бритвѣ бороды ереси не видалъ, говоря, что Богъ не на одѣжу смотритъ, а на душу. Потому Снѣжковъ и былъ увѣренъ, что рассказъ про житье богатыхъ московскихъ старообрядцевъ будущему свату по мысли придется, — но такая судьба ему выпала, — оборвался... Сильно возмутила Патапа Максимыча мысль, что Михайла Данилычъ оголитъ Настю и выставитъ съ обнаженными грудами чужимъ людямъ на показъ.

Всѣ улеглись. Никого не беретъ дрема, сонъ никому не смыкаетъ глазъ.

Долго въ своей боковушкѣ рассказывала Аксинья Захаровна Аграфенѣ Петровнѣ про все чудное, что творилось съ Настасьей съ того дня, какъ отецъ сказалъ ей про суженаго. Толковали потомъ про молодого Снѣжкова. И той и другой не пришелся онъ по праву. Смолкла Аксинья Захаровна, и вмѣсто плаксиваго ея голоса послышался легкій старушечій храпъ: започила сномъ ямениница. Смолкли въ свѣтлицѣ долго и весело щебетавшія Настя съ Фленушкой. Во всемъ дому стало тихо, лишь въ передней горницѣ мѣрно стучитъ часовой маятникъ.

Самъ хозяинъ не спитъ, думу думаетъ. Раздѣлся, легъ — ни сонъ нейдетъ, ни дрема не беретъ... Стужинскія дочери ему вспоминаются, да чудный рассказъ Стуколова, да это золото, что недалѣко гдѣ-то въ землѣ сокрыто лежитъ. Заведетъ глаза Патапъ Максимычъ — и видитъ золотую струю, текущую изъ кошеля паломника. И думаетъ онъ, передумываетъ, какъ примется земляное масло копать, какъ выйдетъ въ милліонщики. Полно тогда за Волгой жить... Хоть и жалъ разставаться съ родиной, да нечего дѣлать, придется... И вотъ ужъ строить онъ въ Питерѣ каменный домъ, да такой, что пѣшій ли, конный ли только-что съ нимъ поверстаются, такъ ахаютъ съ дива: «экъ, молъ, какія палаты сгромоздилъ себѣ Патапъ Максимычъ, Чапуринъ сынъ!..» «Нечего дѣлать, въ гильдію записаться надо, потому что тогда заграничный торгъ заведемъ, свои конторы будемъ имѣть... Въ славу войду, въ силу... Медали, кресты, мундиры, коммерціи совѣтникъ!.. Съ министрами въ компаніи, обѣды задаю, не то что Никитичнины. И самъ у министровъ въ почетныхъ гостяхъ!.. Кланяются мнѣ, ублажаютъ, угодить стараются: чуютъ тугой карманъ!.. Чего ни захотѣлъ, какъ по шучьему велѣнью, все передъ тобой... Больницъ на десять тысячъ кроватей настрою, богадѣленъ... всѣхъ бѣдныхъ, всѣхъ сирыхъ, безпомощныхъ призрю, успокою... Волгу надо расчистить: мели да перекаты больно народъ одолѣваютъ... Расчищу, пускай люди добромъ поминаютъ... Дорогъ желѣзныхъ вездѣ настрою, вездѣ... И свѣдаетъ про меня самъ батюшка, пожелаеть видѣть самолично... Министры скачутъ, генералы, полковники, всѣ: «Патапъ Максимычъ, во дворецъ пожалуйте!..» И выходитъ наше Красно Солнышко...»

Но тутъ вдругъ ему вспомнились рассказы Спѣжковыхъ про дочерей Стужина. И мерещится Патапу Максимычу, что Михайла Данилычъ оголилъ Настю чуть не до пояса, посадилъ бокомъ на лошадь и возитъ по московскимъ улицамъ... Народъ бѣжитъ, дивуется... Срамъ-отъ, срамъ-отъ какой... А Настасья плачетъ, убивается, не охота позоръ принимать... А дѣлать ей нечего: мужъ того хочетъ, а мужъ голова.

Вскочилъ съ постели Патапъ Максимычъ, и раздѣтый, бо-сой, заложивъ руки за спину, прошелъ въ большую горницу и зачалъ ходить по ней взадъ и впередъ.

«Руки по локоть!.. Шея, плечи голыя и груди половина!.. Тыфу ты, мерзость какая! — думаетъ онъ, расхаживая по горницѣ... — И дочери у него въ Казани такъ же щеголяютъ... До заутрени пляшутъ!.. Люди Богу молиться, а онѣ голыя пляшутъ!.. Иродіады, прости Господи!.. Срамота!.. И всякъ на

нихъ смотритъ, а онѣ хотъ бы платочкомъ прикрылись, безстыжія, — нѣтъ... Верхомъ, съ хвостомъ, бокомъ на лошади по Сокольниковамъ рыщутъ, ровно шуты какіе, скоморохи... Ни стыда въ глазахъ ни совѣсти!.. Нѣтъ, сударь, Михаила Данилычъ, ищи себѣ невѣсту въ иномъ мѣстѣ, а у насъ про тебя готовыхъ нѣтъ... Не рука намъ таковский зять... Отдамъ я дѣтнице свое на поруганье?.. Выведу на позоръ родную дочь?.. Да скорѣй въ землю живую ее закопаю, чѣмъ такое безчестье на родъ-племя приму... Ну, другъ любезный, Данила Тихонычъ, сходились мы съ тобой, не бранились, дай Богъ разойтись не бранясь, а сыну твоему Настасьи моей не видать... Просимъ не прогнѣваться, ищите лучше насъ... Чуюло сердеченко у голубки!.. А я-то на нее, мою ластовку, злобился, я-то, старѣй дуракъ, бранилъ ее, до слезъ доводилъ... Хорошъ отецъ!.. Нечего сказать!.. Ишь какого жениха дочери высваталъ!.. Еще слава Богу, что во-время себя выявили... Нѣтъ, дружище, Данила Тихонычъ, прїѣзду твоему радъ, ѣшь, пей у меня, веселися, а насчетъ свадьбы выкинь изъ головы... А я-то еще первый въ Городѣ ему намеки намекалъ... Съ того и разговоры пошли... О, Господи, Господи!.. Что надѣлалъ я, что натворилъ...»

Долго ходилъ взадъ и впередъ Патапъ Максимычъ. Мѣрный топотъ босыхъ ногъ его раздавался по горницѣ и въ сосѣдней боковушкѣ. Аксиныя Захаровна проснулась, осторожно отворила дверь и, при свѣтѣ горѣвшей у иконъ лампы, увидѣла ходившаго мужа. Въ красной рубахѣ, съ разстегнутымъ косымъ воротомъ, съ засученными рукавами, весь багровый, съ распаленными глазами и включенными волосами, страшень онъ ей показался. Хотѣла спрятаться, но Патапъ Максимычъ замѣтилъ жену.

— Тебѣ что? — спросилъ шопотомъ, но гроза и въ шопотѣ слышна была.

— Не спится что-то, Максимычъ... Про Настеньку все думается... — едва слышно отвѣчала Аксиныя Захаровна.

— Чего еще?.. Ну? — сказалъ Патапъ Максимычъ, оставаясь передъ женой.

— Да я ничего... Извѣстно, твоя воля... Какъ хочешь... — И залилась бѣдная слезами.

— О чемъ заревѣла?.. Гостей, что ли, перебудить?.. А?.. — грозно спросилъ имениннику Патапъ Максимычъ.

— Настасья съ ума пойдетъ, кормилецъ ты мой. Разрывается мое сердечушко, заснула-было, такъ и во спѣ-то вижу ее, голубушку... Оголили!.. Срамить ведутъ...

— Ну, ступай спать, — мягкимъ голосомъ сказалъ женѣ

Патапъ Максимычъ. — Утро вечера мудренѣе... Ступай же, спи... Свадьбѣ не бывать.

Бросилась въ передній уголъ именинница и начала класть земные поклоны. Помолвившись, кинулась мужу въ ноги.

— Богъ тебя спасетъ, Максимычъ, — сказала она, всхлипывая. — Отнялъ ты печаль отъ сердца моего.

— Полно же, полно, ступай... Спи, говорятъ тебѣ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Да ну же... Тебѣ говорить...

Ушла въ свою боковушку Аксинья Захаровна. А Патапъ Максимычъ все еще ходилъ взадъ и впередъ по горницѣ. Нейдетъ сонъ, не беретъ дрема.

Вдругъ слышитъ опъ возню въ сѣняхъ. Прислушивается — что-то тащатъ по полу... Не воры-ль забралъсь?.. Отворилъ дверь: мать Манеѣа въ дорожной шубѣ со свѣчой въ рукахъ на порогѣ моленной стоитъ, а дюжая Анафролія съ Евпраксіей-канонницей тащатъ внизъ по лѣстницѣ чемоданъ съ пожитками игуменья.

Какъ взвидѣла брата матушка Манеѣа, такъ и присѣла на порогѣ. Анафролія стала на лѣстницѣ и разиня ротъ глядѣла на Патапа Максимыча. Канонница, какъ пойманный въ шалостяхъ школьникъ, не знала, куда руки дѣвать.

— Это чтѣ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Я... братецъ... домой хочу... въ обитель собралась... — шептала Манеѣа.

— Домой?.. А коль тебѣ домой захотѣлось, зачѣмъ же ты, спасеная твоя душа, воровскимъ образомъ, не простаясь съ хозяевами, тихомолкомъ вздумала?.. А?..

Молчала игуменья.

— Что-жъ это ты на срамъ, что ли, хочешь поднять меня передъ гостями?.. А?.. На смѣхъ ты это дѣлаешь, что ли?.. Да говори же, спасенница... Цѣлый, почитай, вечеръ съ гостями сидѣла, всѣ ее видѣли, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, ночью, въ самыя невѣсткны именины, домой собратъся изволила!.. Сказывай, что на умѣ?.. Ну!.. да чтѣ ты, проглотила языкъ-отъ?

— Неможется... — едва смогла проговорить Манеѣа.

— Неможется, такъ лежи. Умри, коли хочется, а сраму дѣлать не смѣй... Вишь чтѣ вздумала! Да я тебя въ моленной на три замка запру, шагу изъ дому не дамъ шагнуть... Неможется!.. Я тебѣ такую немоготу задамъ, что въвѣкъ не забудешь... Шпшь на мѣсто!.. А вы, мокрехвостницы, чтѣ стали?.. Тащите назадъ, да если опять вздумаете, такъ у меня смотрите: таковскихъ засыплю, что до новыхъ вѣниковъ не забудете.

Нечего дѣлать. Осталась Манеѳа подѣ одной кровлей съ Якимомъ Прохорычемъ... Осталась среди искушеній... Не подѣ силу ей противъ брата идти: таковъ уродился — чего ни захочетъ, на своемъ поставитъ.

Запереть Манеѳу онъ не заперъ, но, разбудивъ стараго Пантелея, далъ ему наказъ строго-настрого глядѣть въ оба за скитскимъ работникомъ, что прїѣхалъ съ Манеѳой изъ Комарова.

— Чтобъ къ обительскимъ лошадямъ и подходить онъ не смѣлъ, — приказывалъ Паташъ Максимычъ: — а коль Манеѳа тайкомъ со двора поѣдетъ — за воротъ ее да въ избу... Такъ и тащи... А чужимъ не болтай, что у насъ тутъ было, — прибавилъ онъ, уходя, Пантелею.

Глава тринадцатая.

Смущенная внезапнымъ появленіемъ Якима Прохорыча, Манеѳа не могла выдержать его присутствія и ушла съ Фленушкой къ себѣ въ заднюю.

Игуменья всѣмъ тѣломъ дрожала, едва на ногахъ держалась. Еле-еле дошла до горенки, опираясь на Фленушку.

— Что съ тобой, матушка? — говорила ей оторопѣвшая дѣвушка. — Аль неможется? Шалфейцемъ не напоить ли?.. Аль бузиной съ липовымъ цвѣтомъ?

— Не надо... Ничего не надо... — отрывисто отвѣчала мать Манеѳа.

Когда вошли въ боковушку, тамъ никого не было. И здоровенная Анафродія и богомольная Евпраксеюшка суетились въ страпущей, помогали Никитичнѣ ужинъ нарядать.

Тяжело опустилась на стулъ Манеѳа. Фленушка взяла ее за руки: какъ ледъ холодныя.

— Что это, матушка? — сказала Фленушка. — Дай я раздѣну тебя, уложу, тепленькимъ напою, укутаю...

— Ахъ, Фленушка, моя Фленушка! — страстнымъ, почти незнакомымъ дотолѣ Фленушкѣ голосомъ воскликнула Манеѳа и крѣпко обвила руками шею дѣвушки... — Родная ты моя!.. Голубушка!.. Какъ бы знала ты да вѣдала!..

И горячо, страстно цѣловала Манеѳа глаза, щеки и уста Фленушки.

— Матушка, матушка! Что съ тобой? — встревоженная необычными ласками всегда строгой, хоть до безумія любившей ее игуменья, говорила Фленушка. — Матушка, успокойся, прилягъ...

— Пстой, пстой, мое дитятко, милая моя, сердечная ты моя дѣвочка... Какъ бы знала ты!.. О Господи, Господи, не

вмѣни во грѣхъ рабѣ Твоей!.. Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей, отжени отъ мене омраченіе помысловъ... Уйди, Фленушка, уйди... Крикни Евпраксеюшку съ Анафроліей... Ступай, ступай!..

Фленушка стала передъ Манеѳой на колѣна и горячо цѣловала ея руку.

— Не пойду я отъ тебя, матушка, — сказала она со слезами. — Какъ мнѣ оставить больную тебя? Не сказать ли Аксиль Захаровнѣ?

— Оборони Господи! — воскликнула Манеѳа, вставая со стула и выпрямляясь во весь ростъ. — Прощай, Фленушка... Христосъ съ тобой!.. — продолжала она уже тѣмъ строгимъ, начальственнымъ голосомъ, который такъ знакомъ былъ въ ея обители. — Ступай къ гостямъ... Ты здѣсь останешься... а я уѣду, сейчасъ же уѣду... Не смѣй про это никому говорить... Слышишь? Чтобъ Максимычъ какъ не узналъ... Передъ свѣтомъ уѣду... Дѣла есть, спѣшныя — письма получила... Ступай же, ступай... кликни Анафролію да Евпраксеюшку.

Вышла Фленушка, а Манеѳа закрыла лицо руками и тихо зарыдала.

Пришли Анафролія съ Евпраксіей. Воспрянула подвижница. Слезъ какъ не бывало. Коротко и внушительно отдавъ приказъ собрать ея тайкомъ въ дорогу, пошла она въ молельную. Тамъ упала ницъ передъ темными ликами угодниковъ, едва освѣщенными догоравшими лампадами, и громко зарыдала...

Встрѣча съ паломникомъ, котораго она въ живыхъ не чаяла, возмутила духовный миръ матери Манеѳы. Много недреманныхъ, молитвенныхъ ночей провела она въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ ради забвенія бурь и тревогъ, что мучили ея душу во дни давно отжитой молодости. Заключась въ тѣсной кельѣ, строгая подвижница успѣла умирить тревоженія души. Удаленіе отъ міра и его грѣховной суеты, строгій постъ, удрученіе плоти, чтеніе «Добротолюбія» и другихъ книгъ аскетическаго содержанія мало-по-малу покрывали благодатнымъ покровомъ забвенія все бывшее... Годы шли. Рѣже и рѣже возставали въ ея памяти образы когда-то дорогихъ ей людей, и въ сердцѣ много и горячо любившей женщины воцарился наконецъ тихій миръ и вождельный покой. Отжившую для міра черницу перестали тревожить воспоминанья о прежнихъ дняхъ, и если порой возникалъ предъ ея душевными очами милый когда-то образъ, строгая инокиня принимала его уже за навожденіе лукаваго, раскрывала «Добротолюбіе» и, читая наставленіе объ умной молитвѣ, погружалась въ созерцательное

богомыслие и, Господу помогающую, прогнала находившее на нее искушение.

И вдруг не сонное видѣніе, не образъ, зримый только духомъ, а какъ есть человѣкъ во плоти, полный жизни, явился предъ нею... Смутилась старица... Насмѣялся врагъ рода человѣческаго надъ ея подвигами и богомыслиемъ!.. Для чего-жь были долгіе годы душевной борьбы, къ чему послужили всякаго рода лишенія, суровый постъ, изможденіе плоти, слезная умная молитва?.. Неужели все напрасно?.. Минута одна, и какъ вихремъ свѣяны двадцатипятилѣтніе труды, молитвы, воздыханія, все, все...

Стоитъ мать Манеѳа въ моленной передъ иконами, плачетъ горькими, жгучими слезами. Хочетъ читать—ничего не видитъ, хочетъ молиться—молитва на умъ нейдетъ... Міръ суетный, грѣховный міръ опять заговорилъ свое въ душевныя уши Манеѳы...

За Волгой въ лѣсахъ, въ Черной Рамени, жилъ-былъ крестьянинъ, богатый мужикъ. У того крестьянина дочка росла. Дочка росла, красой полнилася. Сама бѣлая, что кипѣнь, волосы бѣлокурые, а брови черныи соболь, глаза — угольки въ огнѣ...

Матреной звали дочку Максима Чапурина.

Высокая, стройная, изъ себя красивая, дѣвушка цвѣтетъ молодостью. Много молодцовъ на ея красоту заригся, но, гордая, спесивая, ласково взглянуть ни на кого не хочетъ Матренушка. Немало сухоты навела на сердца молодецкія. Роемъ, бывало, вокругъ нея парни увиваются, но степенная, неприступная, глядѣтъ ни на кого не хочетъ она. И такая была у ней повадка важная, взглядъ да рѣчи такія величавыя, что ни одинъ парень къ ней подступиться не смѣлъ. Иной бахвалъ, набравшись смѣлости, подвернется порой къ спесивой красавицѣ съ рѣчами затѣйными, но Матренушка такъ его, бывало, отдѣляетъ, что тотъ со стыда да со сраму не знаетъ обратиться куда.

Хоть бы разъ какому ни на есть молодцу ласковое словечко промолвила, хоть бы разъ на кого взглянула привѣтливо.

Подружки ей говаривали:

— Чтой-то ты, Матренушка, гордая такая, спесивая? На всѣхъ парней сѣрымъ волкомъ глядишь. Аль тебѣ, подруженька, никого по мысли нѣтъ?

— Чтò мнѣ до нихъ, — отвѣтитъ, бывало, красавица. — Всѣ они нескладные да несуразные. И безъ нихъ проживу!

— Не проживешь Матрена Максимовна. Славилъсь только,

величаешься, — смѣясь, говорили ей дѣвушки. — Какъ безъ солнышка денечку пробыть нельзя, такъ безъ милаго вѣку прожить нельзя.

— Полноте, дѣвушки! — отвѣтитъ, бывало, бѣлокурая красавица. — Это только одно баловство. Не хочу баловаться, не стану любить никого.

— Полно, полно! отъ любви, что отъ смерти, не зачураться, — говорили ей подруженьки.

— Ну ее совсѣмъ, — молвитъ, бывало, Матренушка. — И знать ее не хочу! Спокойнѣй, дѣвушки, спится, какъ ни по комъ не гребтится.

Дѣвушки правду сказали: не отчуралась отъ любви Матрена Максимовна. До той поры она подругамъ не вѣрила, пока не спозналась съ Якимомъ Прохорычемъ.

Свидѣлись они впервые на супрядкахъ. Какъ взглянула Матренушка въ его очи рѣчистыя, какъ услышала слова его покорныя да любовныя, загорѣлось у ней на сердцѣ, отдалась въ полонь молодцу... Все-то цвѣтно да красно до той поры было въ очахъ ея, глядѣлъ на нее Божій міръ свѣтло-радостно, а теперь мутятся глазыньки, какъ не видятъ друга милаго. Безъ Якимушки и цвѣты не цвѣтно цвѣтутъ, безъ него и деревья не красно растутъ во дубравушкѣ, не свѣтло свѣтитъ солнце яркое, мглою-мѣрокомъ кроется небо ясное.

Не сказала Матрена Максимовна про любовь свою отцу съ матерью, не ронила словечка ни родной сестрѣ ни подруженькамъ: все затаила въ самой себѣ и попрежнему выступала гордой, спесивою.

А немало ночей, до послѣднихъ кочетовъ, съ милымъ другомъ бывало сижено, немало въ тѣ ноченьки тайныхъ любовныхъ рѣчей бывало съ нимъ перемолвлено, по полямъ, по лугамъ съ добрымъ молодцомъ было похожено, по рощамъ, по лѣсочкамъ было погулено... Раздавались, разступались кустики ракизовые, укрывали отъ людскихъ очей стыдъ дѣвичій, счастье молодецкое... Лѣсъ не видятъ, поле не слышатъ; людямъ не но что зпать...

Засылалъ стороной Якимъ Прохорычъ къ Чапурину, узнавалъ черезъ людей, какія мысли насчетъ дочери держитъ онъ, дастъ ли ей благословенье за него замужъ пойти.

— Не по себѣ Якимъ дерево клонитъ, — отвѣчалъ сватамъ Чапуринъ. — Богъ дастъ, сыщемъ зятя почище его. Нашъ товаръ вамъ не къ рукѣ, въ иномъ мѣстѣ поищите.

А какъ сваты уѣхали изъ Осиповки, кликнулъ къ себѣ Чапуринъ Матренушку. Спрашиваетъ, какъ узналъ ее Якимъ Стуколовъ, гдѣ видались они, про какія дѣла разговоры вели.

Зардѣлась Матренушка — кумачь-кумачомъ. Слова не можетъ вымолвить. Слезы такъ и брызнули изъ очей ея.

— Сказывай!.. Все по порядку сказывай!.. — говорилъ отецъ, сурово глядя на Матренушку. Дрожаль и обрывался отъ гнѣва голосъ его.

Стоить Матрена Максимовна, какъ къ землѣ приросла. Молчитъ, какъ неживая.

— Говори же, безстыкая! — закричалъ Чапуринъ, схвативъ дочку за руку. — Говори, не то разражу...

И поднялъ увѣсистый кулакъ надъ бѣлокурой головкой дочери...

— Батюшка! — крикнула Матренушка и безъ чувствъ упала къ отцовскимъ ногамъ...

Поглядѣвъ на помертвѣвшую дочь Максимъ Чапуринъ, плюнулъ и велѣлъ работнику лошадей запрягать.

Черезъ часъ времени онъ уже везъ ее въ Комаровскій скитъ.

Тамъ у него двоюродная сестра проживала, мать Платонида. Ей сдалъ Максимъ Чапуринъ дочь свою съ рукъ на руки.

— Береги ты ее, мать Платонида, — говорилъ онъ сестрѣ на прощаньи. — Глазъ не спускай съ нея. Чтобъ изъ кельи, опричь часовни, нигуда она ноги не накладывала, и чтобъ къ ней никто не ходилъ. Въ оба гляди, чтобы грамотокъ къ ней не переносили, чтобъ сама не писала. Ни пера ни бумаги чтобъ въ заводѣ у ней не бывало... Сбережень дѣвку, попомню добро твое, — останешься довольна... Сундукъ съ поклажей, перину съ подушками вели взять изъ саней, да вотъ тебѣ, покажѣсть, четвертная дѣвкѣ на харчи... А въ келарию не пускай ея, пусть въ кельѣ обѣдаетъ и ужинаетъ... А это тебѣ, матушка...

Разложилъ на столѣ подарки: сукно на шубу, черный платокъ драдедамовый, китайки на сарафанъ, икры буракъ, сахару голову, чаю фунтъ, своихъ пчель сотъ меду.

Мать Платонида не знаетъ, какъ благодарить тароватаго брата, а у самой на умѣ: «Полно теперь, мать Евсталія, платкомъ своимъ чваниться. Лучше моего нѣтъ теперь по всей обители. А какъ справлю суконную шубу на бѣличьемъ мѣху, лопнешь со злости, завидующіе глаза твои».

— Смотри же, мать Платонида, сбереги Матрену, — продолжалъ Максимъ Чапуринъ. — Конмъ грѣхомъ не улинула бы... Слышишь?

— Слушаю, братецъ, слушаю, кормилецъ ты мой, — отвѣчала Платонида. — Все будетъ по приказу исполнено. Птицъ къ окошку не дамъ подлетѣть, на единую пядь не отпущу

отъ себя Матренушку, келарничать пойду — на замѣтъ замкну.

— И хорошее дѣло, — отвѣтилъ Чапуринъ. — Въ самомъ дѣлѣ запирай-ка ее на замѣтъ. Надежнѣе.

— Да что-жь это, братецъ? — спросила наконецъ мать Платонида. — Аль провинилась у тебя чѣмъ Матренушка?

— Большой провинности не было, — хмурясь и нехотя отвѣчалъ Чапуринъ: — а покрѣпче держать ее не мѣшаетъ... Берегись бѣды, пока нѣтъ ея, придетъ, ни замками ни запорами тогда не поможешь... Видишь ли что? — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ. — Да смотри, чтобъ слова мои не въ проносъ были.

— Чтой-то ты, братецъ! — затараторила мать Платонида. — Возможно ли дѣло такія дѣла въ люди пускать?.. Матрена мнѣ не чужая, своя тоже кровь. Вотъ тебѣ Спасъ милостивый, Пресвятая Богородица Троиручица — ни одна душа словечка отъ меня не услышитъ.

— То-то, смотри, — молвилъ Чапуринъ. — Дѣвка молодая, изъ себя красовита, халалинка одинъ принахался къ ней... Такъ, дрянъ, голытьба рѣшетная... У самого за душой отродясь желѣзнаго гроша не бывало, и туда же свататься лѣзеть... Я его сватамъ оглобли-то поворотилъ... Вдругорядъ не заглянуть... Да это что, пустяки, а вотъ что гребитесь мнѣ, матушка: Мотря-то сама, кажись, не прочь бы за того халала замужь пдти: боюсь, чтобъ онъ не умчалъ ея, не повѣчался-бъ уходомъ... Кажись, легче живому въ гробъ лечь: больно ужъ онъ противенъ душѣ моей!.. встрѣтилъ бы его, кажется, такъ бы на мѣстѣ и положилъ... А въ деревнѣ, сама разсуди, можно развѣ дѣвку ухоронить?.. Воровать стада народъ: умчить ее, несть, какъ пить дать... Такъ я и разсудилъ, до поры до времени пусть ее погоститъ у тебя, дурь-то пока изъ головы у ней выйдетъ... Сможешь ли такое дѣло сдѣлать?

— Какъ такого дѣла не сдѣлать? — отозвалась Платонида. — Чужимъ дѣлывала, не то что своимъ. У насъ въ обители на этотъ счетъ крѣпко!.. Въ позапрошломъ году у меня тоже двухъ дѣвокъ отъ уходу хоронили: Авдонинскихъ Лукерью да Матюшину Татьяну Сергѣевну... Ублюла, слава Тѣ, Господи... Ужъ какихъ подвоховъ онѣ ни подводили, а слава Богу, ухоронила... Матюшина-то, бывало — бѣда!.. И давиться-то хотѣла, и подушками-то душила себя, и мышьякомъ травиться было-вздумала, а никакого дурна надъ ней не случилось... Ублюла, братецъ, ублюла... На этотъ счетъ будьте спокойны... А ты вели-ка ей, сударь, преподобному Моисею Мурину молиться; зѣло избавляетъ отъ блудныхъ страсти.

— Молитесь кому знаете, — отвѣчалъ Чапуринъ. — Мнѣ бы только Мотря цѣла была, до другого прочаго дѣла мнѣ нѣтъ... Пуще всего гляди, чтобъ съ тѣмъ дьяволомъ пересылокъ у ней не заводилось.

— Одно слово: будьте спокойны, братецъ, — сказала мать Платонида. — Сохрани Матренушку въ самомъ лучшемъ видѣ... А кто же такъвъ злодѣй-то?.. Мнѣ бы надо знать, чтобы крѣпче опаску держать... Кто такъвъ полюбовникъ-отъ у ней?

— Ужъ и полюбовникъ! — гнѣвно крикнулъ Чапуринъ, грозно вскинувъ глазами на старицу. — Говори да не заговаривайся... Никакого полюбовника нѣтъ. Такъ себѣ, шальная голова, и все... Стуколовыхъ слыхала?

— Какъ не знать Стуколовыхъ, — отвѣчала мать Платонида. — Семей Ермолаичъ благодѣтель нашей обители.

— Племянникъ ихній, Якимка, — молвилъ Чапуринъ. — Чтобъ близко къ снугу не подходилъ онъ... Слышишь?

— Слышу, батюшка братецъ, какъ не слыжать? — сказала Платонида. — Знаю я и Якимку. Экиль воръ какой!.. А еще все о божественномъ — книгочей... Поди-ка вотъ съ нимъ, какими дѣлами вздумалъ заниматься!

Не ласково разстался Чапуринъ съ дочерью. Судилъ плети ремешья, вожжи варовенныя... Какъ смертный саванъ блѣдная, съ опущенными въ землю глазами, стояла предъ нимъ Матренушка, ни единого слова она не промолвила.

Заперли рабу Божию въ тѣсную келью. Окромъ матери Платониды да кривой, старой ся послушницы Фотиньи, никого не видить, никого не слынить заточеница... Горе горемычное, сидѣнье темничное!.. Гдѣ-то вы, дубравушки зеленныя, гдѣ-то вы, ракитовы кустики, гдѣ ты, рожь матушка зрѣлая, высокая, овсы, ячмени усатые, что крыли добра молодца съ красной дѣвицей!.. Келья высокая, окна-то узкія съ желѣзными перекладами: ни выпрыгнуть ни вылѣзти... Нельзя подать вѣсточку другу милому...

Мать изъ деревни прѣехала къ Матренушкѣ да сестра замужня. Погоревали, поплакали, пособить горю не могли. Сѹпротивъ отцовской воли какъ идти?..

Хоть и завѣрялъ Платониду Чапуринъ, что за Матренушкой большой провинности нѣтъ, а на дѣлѣ вышло не то... Платонидѣ такія дѣла бывали за обычай: не одна купецкая дочка въ ся кельѣ дѣвичей грѣхъ укрывала.

Не спознали про Матренушкинъ грѣхъ ни отецъ, ни сестра съ братьями, и никто изъ обительскихъ, кромъ матушки игуменьи да послушницы Фотиньи. Мастерница была концы хоронить мать Платонида...

Во время родовъ мать Платонида не отходила отъ Матронушки. Зажгла передъ иконами свѣчу богоявленскую и громко, истоиво, безъ перерывовъ, принялась читать акаѳистъ Богородицѣ, стараясь покрывать своимъ голосомъ стоны и вопли страдальцы. Прочитавъ акаѳистъ, обратилась она къ племянницѣ, но не съ словомъ утѣшенія, не съ словомъ участія. Небесной карой принялась грозить Матронушкѣ за проступокъ ея.

— Чтò, тяжело? — явила ее Платонида, стоя у изголовья. — На томъ свѣтѣ не то еще будетъ!.. Весело теперь?.. Сладко?.. Погоди, не избѣжать тебѣ муки вѣчныя, тьмы кромѣшныя, скрежета зубнаго, червя безконечнаго, огня негасимаго!.. Огнь, жупель, смола кипучая, геенскія томленія... А это чтò за муки!

— Матушка!.. Родная ты моя!.. упавшимъ голосомъ, едва слышно говорила дѣвушка. — Помолись Богу за меня, за грѣшницу...

— Не доходна до Бога молитва за такую! — сурово отвѣтила ей Платонида. — Теперь въ аду бѣсы пляшутъ, радуются... Видала на иконѣ Страшнаго Суда, какое мученье за твой грѣхъ уготовано?.. Видала?.. Слушай: «не еже здѣ мучиться люто, по она вѣчна мука страшна есть и самимъ бѣсомъ тренетна»... Готовятъ тебѣ крюки каменные!..

— Матушка! матушка!.. прости ты меня, Христа ради!.. Миѣ бы исправиться *)... Смертний часъ приходитъ... Не переквиу я...

— Исправой грѣха твоего не загладить... Многіе годы слезъ покаянья, многія ночи безъ сна на молитвѣ, строгій постъ, умерщвленіе плоти, отреченье отъ міра, отъ всѣхъ его соблазновъ, безысходное житье во иноческой кельѣ, черная риза, тяжелы вериги... Вотъ чѣмъ цѣлить грѣхъ твой великій!..

— Матушка!.. Если Господь помилуетъ меня... я готова... отрекусь отъ міра... ото всего... манатю надѣну... черную ризу...

— Общаешься ли? — спросила Платонида.

— Общаюсь, — проговорила дѣвушка.

— Общаешься ли Христу?

— Общаюсь...

— Принять ангельскій образъ иночества?

— Общаюсь...

— Жить безысходно въ обители?

— Общ...

*) Исповѣдаться.

Громко, пронзительно, пчеловѣческимъ голосомъ вскрикнула Матренушка... Стихла... Иной, тихій, слабенькій человѣчій голосокъ въ Платонидиной кельѣ раздался...

— Боже сильный, милостию вся строяй, — молилась велухъ Платонида, обратясь къ иконамъ: — посети рабу Свою сію Матрену, исцѣля ю отъ всякаго недуга плотскаго и душевнаго, отпусти грѣхъ ея, и грѣховныя соблазны, и всяку папашть, и всяку нашествіе непріязненно...

Дочку Богъ далъ. Завернула ее Платонида въ шубейку, отдала кривой Фотиньѣ, а та мигомъ въ сосѣднюю деревню Елфимову сироворила.

Тамъ жилъ одинъ мужичокъ, Григорій Ильичъ. Пряниками торговалъ и по скитамъ ребячьимъ дѣломъ заправлялъ: промыселъ тотъ невіримѣрь былъ доходнѣй причинной торговли. У Ильича въ избѣ ребенка обмыли, въ пеленки уложили. Заложилъ Григорій лошадку и въ Городецъ. Дорожка давнымъ-давно проторенная. Въ Городецѣ рѣдку недѣлю двухъ-трехъ подкидышей не бывало. И изъ скитовъ въ Городецъ же, бывало, младенцевъ возилъ Григорій Ильичъ. Свезеть, сдать кому слѣдуетъ, а на деньги, что получилъ отъ честныхъ матерей, городецкихъ пряниковъ закупить, жемкомъ, орѣховъ и продать ихъ скитскимъ бѣлицамъ да молодымъ богомольцамъ. Выручку получалъ хорошую.

Елфимовскій пряничникъ дѣвочку сдать на часовенномъ дворѣ, старицѣ Салоникѣ. Большая была начетчица та черница — строгая постница, великая ревнительница по древнему благочестію: двѣнадцать поповъ на своемъ вѣку отъ церкви въ расколъ сманила. И тѣмъ также по Бозѣ ревновала, чтобъ городецкихъ подкидышей непременно посолонь въ старую вѣру крестить.

Дѣломъ не волоча, мать Салоникей снесла дѣвочку къ жившему при часовнѣ бѣглому попу. Тотъ окрестилъ и нарекъ ей имя Фаина. Мать Салоникей была воспріемницей, часовенный уставникъ Василій Барановъ былъ воспріемникомъ.

Таково было рожденіе Фленушки...

Въ тотъ же день Салоникей, идучи отъ вечерни, увидала на часовенномъ дворѣ знакомую молодицу. Зазвала ее къ себѣ, чайкомъ попотчевала, водочкой, пряничками, а потомъ и стала ей говорить:

— Вотъ, Авдотьюшка, пятый годъ ты, родная моя, замужемъ, а дѣтокъ Богъ тебѣ не даетъ... Не взять ли дочку приємную, богоданную? Господь не оставитъ тебя за добро и въ сей жизни и въ будущей... Знаю, что достатки ваши по широкіе, да вѣдь не объѣсть же васъ дѣвочка.. А можетъ-

статься, выкупить ее у тебя родители, — люди они хорошие, богатые, деньги большія дадутъ, тогда вы и справитесь... Право, Авдотьюшка, сотвори-ка доброе дѣло, возьми въ дочку младенца Фленушку.

Авдотьюшка поговорила съ мужемъ и согласилась принять богоданную дочку. И росла у ней Фленушка. Разлихая дѣвчонка росла.

Изъ семейныхъ о провинности Матрены Максимовны никто не узналъ, кромѣ матери. Отцу Платонида побоялась сказать — крутой человекъ, на смерть забилъ бы родную дочь, а самъ бы пошелъ шагать за бугры уральскіе, за великія рѣки сибирскія... Да и самой матери Платонидѣ досталось бы, пожалуй, на калачи.

Много и горько плакала мать надъ дочерью, не коря ее, не браня, не попрекая. Молча лила она тихія, но жгучія слезы, прижавъ къ груди своей побѣдную голову Матренушки... Чтѣ дѣлать?.. Дѣло непоправимое!..

Въ погахъ валялась она передъ Платонидой и даже передъ Фотиньей, Христомъ Богомъ молила ихъ сохранить тайну дочери. Злы были на спесивую Матренушку осиповскіе ребята, не забыли ея гордой повадки, насмѣшекъ ея надъ ихъ исканьями... Узнали-бъ про бѣду, чтѣ стряслась надъ ней, какъ разъ дегтемъ ворота Чапурина вымазали-бъ... И не снесъ бы старый позора: все бы выместилъ на Матренушкѣ плетью да кулаками.

И Платонида и Фотинья передъ иконой Казанской Богородицы поклялись свято сохранить тайну. Началь положили, икону съ божницы сняли и во свидѣтельство клятвы цѣловали ее предъ Матренушкой и передъ ея матерью.

Для черезъ три, по отъѣздѣ изъ скита старухи Чапуриной, къ матушкѣ Платонидѣ изъ Осиповки пѣлый возъ подарковъ привезли. Посланъ былъ возъ тайкомъ отъ хозяина... И не разъ въ году являлись такіе воза въ Комаровѣ возлѣ кельи Платонидиной. Тайна крѣпко хранилась.

Хорошо обительской матушкѣ-келейницѣ держать при себѣ богатенькую, молоденькую родственницу. Какъ сыръ въ маслѣ катается! Всего вдоволь отъ благодѣтели родительской, а въ обители почетъ большой. Матушки-келейницы пользуются всякимъ случаемъ, чтобъ уговорить молоденькую дѣвушку на безысходное житье въ скиту.

Стала мать Платонида не попрежнему за больнои ухаживать. Сколько ласки, сколько любви, сколько заботы обо всякой малости! Не надивится Матренушка перемены въ строгой, всегда суровой, всегда нахмуренной дотогѣ теткѣ...

Тетенька своего достигла — птичка въ сѣтяхъ. Хорошо, привольно, почетно было послѣ того жить Платонидѣ. Послѣ матери игуменьи первымъ человѣкомъ въ обители стала.

Оправясь отъ болѣзни, Матренушка твердо рѣшилась исполнить данный обѣтъ. Вѣрила, что этимъ только обѣтомъ избавилась она отъ страшныхъ мукъ, отъ грозившей смерти, отъ адскихъ мученій, которыя такъ щедро сулила ей мать Платонида. Чтеніе «Книги о старчества», «Патериковъ» и «Лимонаря» окончательно утвердили ее въ рѣшимости посвятить себя Богу и суровыми подвигами иночества умилосердить прогнѣваннаго ея грѣхопаденіемъ Господа... Адъ и муки его не выходили изъ ея памяти...

Немало прособъ, немало слезъ понадобилось, чтобы вымолить у отца согласіе на житье скитское. И слышать не хотѣла, чтобы дочь его надѣла иночество.

— Лучше за Якимку замужъ иди, — сказалъ онъ Матрешѣ послѣ долгихъ, напрасныхъ уговоровъ. — Хоть завтра пушай сватовъ засылаешь: хочешь, честью отдашь, хочешь, уходомъ ступай.

Зардѣлась Матренушка. Радостью блеснули глаза... Но вспомнилась обѣтъ, данный въ страшную минуту, вспомнились мученія ада...

— Что-жь, Мотря? — спрашивалъ отецъ. — Посылать, что ли, жениху тайную вѣсточку?

— Женихъ мой — Царь Небесный. Иного не знаю и не желаю, — твердо отвѣчала Матрена Максимовна.

Отецъ нахмурился и склонилъ голову. Немного подумавъ, сказалъ онъ:

— Ну, дѣлай, какъ знаешь... Прощай!

Цѣлую ночь простояла на молитвѣ дѣвушка... Стоитъ, погружаясь глубже и глубже въ богомысліе, но помысль мятежнаго міра все мутитъ душу ея... Встаютъ передъ душевными очами ея обольстительные образы тихой, сладкой любви. Видится ей, что держитъ она на одной рукѣ бѣлокурую кудрявую дѣвочку, другою обнимаетъ отца ея, и сколько счастья, сколько радости въ его ясныхъ очахъ... Она чувствуетъ жаркія объятія его, ея губы чувствуютъ горячій поцѣлуй мужа... [Мужа?.. «Грядетъ міра помышленіе грѣховно, борются мя окаянную страсти, — шепчетъ она, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Помилуй мя, Господи, помилуй мя! Очисти мя скверную, безумную, неистовую, злопытливую...»

И, взявъ бутылку изъ-подъ деревяннаго масла, стоявшую подъ божницей, разбила ее въ дребезги объ уголь печи, собрала осколки и, ставъ на нихъ голыми колѣнами, ради умерщвленія плоти, стала продолжать молитву.

Матрену Максимовну взяла подъ свое крылышко сама мать игуменья и, вмѣстѣ съ двумя-тремя старухами, въ недолгое время успѣла всю душу перевернуть въ поблекшей красавицѣ...

Вольный ходъ, куда хочешь, и полная свобода настала для недавней заточенницы. Но, кромѣ часовни и келій игуменьи, никуда не ходитъ она. Мерзокъ и скверенъ сталъ ей прекрасный Божій міръ. Только въ тѣсной кельѣ, пропитанной удупливымъ запахомъ воска, ладана и деревяннаго масла, стало привольно дышать ей... Гдѣ-то вы, кустики ракизовые, гдѣ ты рожь, высокая, зыбучал?.. Грѣховно, все грѣховно въ глазахъ молодой бѣлицы...

Однажды, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, вышла она за скитскую околицу. Безъ дѣла шла и сама не знала, какъ забрела къ перелѣску, что росъ недалеко отъ обителей... раздвинулись кустики, передъ ней — Якимъ Прохорычъ.

— Ясылька ты моя, ненаглядная!.. Радость ты моя!.. Голубушка!.. — рыдая и страстно дрожа всѣмъ тѣломъ, вскрикнулъ Стуколовъ. Стремительно бросился онъ къ подругѣ.

Она остановилась... Глаза вспыхнули... Еще одно мгновение, и она была бы въ объятіяхъ друга... Но обътъ!.. Страшный судъ, вѣчныя муки!..

— Бѣсы!.. Проклятый!.. — крикнула она, выскокъ поднявъ правую руку. — Прочь!.. Не скверни святого мѣста!.. Прочь!..

— Матренушка!.. Милая!.. Разлапушка!.. Вѣдь это я... я... Аль не узнала?.. Вглядись хорошенько!

— Прочь, говорятъ тебѣ, — отвѣчала она. — Не знаю тебя... Змѣй, искунитель!.. Остави!..

И спокойною поступью пошла къ своей кельѣ.

Съ того дня за Волгой не стало ни слуху ни духу про Стуколова.

Черезъ три дня послѣ этой встрѣчи, блѣдную, исхудалую дѣвушку вели въ часовню; тамъ дали ей въ руки зажженную свѣчу... Начался обрядъ... Изъ часовни вышла новопостриженная мать Манеѳа...

Съ перваго шага Манеѳа стала въ первомъ ряду келейницъ. Отецъ отдалъ ей все, что назначалъ въ приданое, сверхъ того щедро одѣлялъ дочку-старницу деньгами къ каждому празднику. Это доставило Манеѳѣ почетное положенье въ скиту. Сначала Платонида верховодила ея; прошелъ годъ, другой, Манеѳа старше тетки стала.

Сдѣлалась она начетчицей, изощрилась въ словопреніяхъ — и пошла про нее слава по всѣмъ скитамъ Керженскимъ, Чернораменскимъ. Заговорили о великой ревнительницѣ древляго благочестія, о рѣзкомъ алмазѣ старой вѣры. Узнали про

Манею въ Москвѣ, въ Казани, на Иргизѣ и по всему старо-
обрядчеству. Самъ попъ Иванъ Матвѣичъ съ Рогожскаго сталь
присылать ей грамотки, сама мать Пульхерія, московская
игуменья, поклоны да подарочки съ богомольцами ей посылала.

Умерла Платонида, келья ея Манеѣ досталась, стала она
въ ней полной хозяйкой, завися отъ одной только игуменьи,
матери Екатерины.

— Сиротку въ Городцѣ нашла я, матушка, — сказала она
однажды игуменѣ. — Думаю дѣвочку въ дочки взять, воспи-
тать желаю во славу Вожію. Благословите, матушка.

Екатерина сидѣла за «Кирилловой книгой». Медленно под-
няла она голову и, глядя черезъ очки на Манею, спросила:

— Велика-ль дѣвочка-то?

— Пять лѣтъ, шестой пошелъ, — отвѣчала мать Манеѣ.

— Пять лѣтъ... шестой... — медленно проговорила игуменья
и улыбнулась. — Это выходитъ — она въ тотъ годъ родилась,
какъ ты въ обитель вступила... Ну что-жь? Богъ благосло-
витъ на доброе дѣло.

Смуценная словами Екатерины, Манеѣ поблѣднѣла, какъ
полотно, и до земли поклонилась игуменѣ.

Григорій Ильичъ черезъ нѣсколько дней привезъ изъ Го-
родца хорошенькую бойкую дѣвочку Флену Васильевну.

Выросла Фленушка въ обители, подъ крылышкомъ родной
матушки. Росла баловницей всей обители, сама Манеѣ души
въ ней не слышала. Но никто, кромѣ игуменьи, не вѣдалъ,
что строгая, благочестивая инокиня родной матерью доводится
рѣзвой дѣвочкѣ. Не вѣдала о томъ и сама дѣвочка.

Прошло еще сколько-то лѣтъ, скончалась въ обители игу-
менья мать Екатерина. Послѣ трехдневнаго поста собирались
въ часовню старицы, клали жеребьи за икону Пречистой Бо-
городицы, пѣли молебный канонъ Спасу Милостивому, выни-
мали жребій, кому сидѣть въ игуменьяхъ.

Манеѣ жребій вынулся. Въ ноги ей вся обитель разомъ
поклонилась, настоятельскій жезлъ ей поднесли и съ пѣніемъ
духовныхъ глѣсенъ повели ее въ игуменскія кельи...

Разумно и правдиво правила Манеѣ своей обителью. Всѣ
уважали ее, любили, боялись. Недруговъ не было. «Давно
стоятъ скиты Керженскіе, Чернораменскіе, будутъ стоять скиты
и послѣ насъ, а не бывало въ нихъ такой игуменьи, какъ
матушка Манеѣ, да и впродъ врядъ ли будетъ». Такъ гово-
рили про Манею въ Комаровѣ, въ Улангерѣ, въ Оленевѣ и
въ Шарпанѣ и по всѣмъ кельямъ и сиротскимъ домамъ ски-
товъ маленькихъ.

Обительскія заботы, чтеніе душеполезныхъ книгъ, непре-

станнныя молитвы, тяжелые труды и богомыслие давно водворили въ душѣ Манеѡы тихій, мирный покой. Не тревожили ея воспоминанья молодости, все былое покрылось забвеньемъ. Сама Фленушка не будила болѣе въ умѣ ея памяти о прошломъ. Считаая Якима Прохорыча въ мертвыхъ, Манеѡа внесла его имя въ синодики постѣнный и литейный на вѣчное поминовеніе.

И вдругъ, нечаянно, негаданно явился онъ... Какъ огнемъ схватило Манеѡу, когда, взглянувъ на паломника, она признала въ немъ дорогого когда-то ей человѣка... Она, закаменная въ долгой борьбѣ со страстями, она, побѣдившая въ себѣ всякаго человѣка со всеѣми влеченьями къ міру, чувственности, суетѣ, она, умертвившая въ себѣ сердце и сладкіи его обольщенья, едва могла сдержать себя при видѣ Стуколова, едва не выдала людямъ давнюю, никому невѣдомую тайну.

Слушая длинный рассказъ паломника, Манеѡа духовно утѣшалась и радовалась. «Благодарю Тебя, Господи,—мысленно говорила она:—о Твоихъ благодѣяніяхъ, милостивно на насъ бывшихъ. Не погнушался еси нашею скверною и грѣшника сего суца воздвигнуть еси потрудиться и послужити во славу имени Твоего!»

Нелицемеренъ былъ поклонъ ея передъ бывшимъ полюбовникомъ. Покланялась она не любовнику, а подвижнику, благодарила она трудника, положившаго душу свою на исканье старообрядскаго святительства... Ни дубравушки зеленыя ни кусты ракитовые не медкнули въ ея памяти...

Но едва отошла отъ паломника, все ей вспомнилось... Бѣжать, бѣжать скорѣй!..

Бѣжать не удалось... Паташъ Максимычъ помѣшалъ... Надо жить подъ одной кровлею съ нимъ... И Фленушка тутъ же... Бѣдная, бѣдная!.. Чуетъ ли твое сердечушко, что возлѣ тебя отецъ родной?

Стоитъ Манеѡа передъ темными ликами угодниковъ—хочетъ читать—не видитъ, хочетъ молиться—молитва на умѣ нейдетъ...

— Просвѣти умъ мой, Господи, — шептала она: — очисти сердце мое!..

А въ ухахъ звучатъ то веселые звуки деревенскаго хорова, то затѣйный хохотъ на суйрядкахъ, то тихій, ласкающій шопотъ во ржахъ...

Затряслась всеѣмъ тѣломъ Манеѡа.

— О, Господи, Господи! — шептала она, взираая на икону Спаса.

И холодная, какъ ледъ, безъ памяти, безъ сознанія, тихо опустилась на помость моленной.

Глава четырнадцатая.

На другой день столы работникамъ и народу справлялись. Въ горницахъ весело шель именинный пиръ. Надивиться не могли Снѣжковы на житье-бытье Патапа Максимыча... Въ лѣсахъ живеть, въ захолустьѣ, а шны задаеть, хоть въ Москвѣ такіе.

Провожая Снѣжковыхъ, Патапъ Максимычъ не только не повелъ рѣчи про сватовство, но даже намека не сдѣлалъ, а когда на прощаньи Данила Тихонычъ завелъ-было рѣчь о томъ, Патапъ Максимычъ сказалъ ему:

— Не раненько-ль толковать объ этомъ, Данила Тихонычъ? Дѣло-то, кажись бы, не къ спѣху. Время впереди, подождемъ, что Богъ пошлетъ. Есть на то воля Божія, дѣло сдѣлается; лѣтъ, супротивъ Бога какъ пойдешь?

— Оно, конечно, воля Божія первѣй всего, — сказалъ старшій Снѣжковъ: — однакожь все-таки намъ теперь бы желательно ваше слово услышать, по тому самому, Патапъ Максимычъ, что ваша Настасья Патаповна очень миѣ по праву приплась — одно слово, распрекрасная дѣвица, какихъ на свѣтѣ мало живеть, и паренекъ мой тоже говорить, что ему пѣвѣсты лучше не надо.

— На добромъ словѣ покорно благодаримъ, Данила Тихонычъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ: — только я такъ думаю, что если Михайла Данилычъ станетъ по другимъ мѣстамъ искать, такъ много дѣвицъ пѣвпримѣръ лучше моей Настасьи найдетъ. Наше дѣло, сударь, деревенское, лѣсное. Настасья у меня, окромя деревни да скита, ничего не видывала, и миѣ сдается, что такому жениху, какъ Михайла Данилычъ, врядъ ли она подъ стать пойдетъ, потому что не обькла къ нашимъ городскимъ порядкамъ.

— Это не бѣда. Долго-ль приобькнуть! — возразилъ Снѣжковъ. — Нѣтъ ужъ, вы напрямикъ скажите, Патапъ Максимычъ, можно намъ надѣяться, аль не можно?

— Да чего же тутъ надѣяться - то? — говорилъ Патапъ Максимычъ. — Отъ меня ни отказу ни приказу нѣтъ. Вѣдь хона у насъ съ вами, Данила Тихонычъ, и были разговоры, такъ вѣдь это такъ... Мало-ль что за столикомъ съ рюмочками промежъ приятелей говорится?.. Вы не всяко лько въ строку пускайте!.. Опять же было у насъ съ вами говорено такъ: если дѣлу тому сдѣлаться, такъ развѣ на ту зиму. Стало, и будемъ ждаты той зимы. Тамъ что Господь укажетъ... А все-жь моя Настасья не порогомъ поперекъ вамъ стала, ищите гдѣ

лучше и на мнѣ не взыщите, коли до той поры Настасьѣ другой женихъ по мысли найдется. Я воли съ нея не снимаю, у дѣвки свой разумъ въ головѣ, — сама должна о судьбѣ своей разсудить.

— Какъ же это понимать надобно, Патапъ Максимычъ? — немного помолчавъ, спросилъ Снѣжковъ. — Вѣдь это значитъ отказъ, какъ длинный шестъ.

— Гдѣ же тутъ отказъ, Данила Тихонычъ? — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Никакого отказу вамъ нѣтъ отъ меня... Отказъ бываетъ, когда сватовство идетъ, а развѣ у насъ сватовство въ настоящемъ видѣ, какъ слѣдуетъ, было? Разговоры только были. По-приятельски ноболтали отъ-нечего-дѣлать... Да и тутъ было сказано — до зимы ожидать... Тамъ, опять-таки говорю я вамъ, увидимъ, что Богъ дастъ... И отказывать не отказываю и обѣщать не обѣщаю... Опять же надо прежде Настасью спросить, вѣдь не мнѣ жить съ Михайлой Данилычемъ, а ей: съ дочерей я воли не снимаю, хочеть — иди съ Богомъ, не хочеть — неволить не стану.

— Помнится мнѣ, въ Городицѣ не такія рѣчи я слышалъ отъ васъ, Патапъ Максимычъ? — съ усмѣшкой промолвилъ Снѣжковъ. — Тогда было, кажись, говорено: «какъ захочу, такъ и сдѣлаю».

Передернуло Патапа Максимыча. Попрекъ Снѣжкова задѣлъ его за живое. Сверкнули глаза, повернулось — было на языкѣ сказать: «не отдамъ на срамъ дѣтине, не потерплю, чтобы голили ее передъ чужими людьми»... Но сдержался и молвилъ съ досадою:

— Въ головѣ шумѣло, оттого и совралъ. Татаринъ, что-ль, я, дѣвку замужъ отдавать, ся не спросясь? Хоть и грѣшныя люди, а тоже христіане.

Распрощались, повидимому, дружелюбно, но Патапъ Максимычъ понималъ, что дружба его со Снѣжковымъ ухнула. Не простить ему Данила Тихонычъ во вѣки вѣковъ...

Проводивъ Снѣжковыхъ, пошелъ Патапъ Максимычъ въ подклѣтъ и тамъ въ боковушкѣ Алексѣя усѣлся съ паломникомъ и молчаливымъ купцомъ Дюковымъ. Былъ тутъ и Алексѣй. Шли разговоры про земляное масло.

— Такъ и въ самомъ дѣлѣ въ нашихъ мѣстахъ такая благодать водится? — спрашивалъ Патапъ Максимычъ паломника.

— Есть, — отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ. — Въ больномъ даже изобиліи. И чуднѣе дѣло, — прибавилъ онъ: — сколько странъ, сколько земель исходилъ я на своемъ вѣку, а такой слѣпоты въ людяхъ, какъ здѣсь, нигдѣ я не видывалъ! Люди

живуть — хотъ бы Ветлугу взять — бѣднота одна, лѣсъ рубятъ, лубъ деруть, мочало мочать, смолу гонятъ — бьются сердечные вѣкъ свой за тяжелой работой: днемъ не доѣдятъ, ночью не доспятъ... О, какъ бы не ихняя слѣпота!.. Стѣить только землю лопаткой копнуть, и такое тутъ богатство, что цѣлый свѣтъ можно бы обогатить. Идъ золоту ходятъ, а его не примѣчаютъ... Бабы у нихъ дресвой полы моютъ. Не дресвой онѣ моютъ, червоннымъ золотомъ... Вотъ вѣдь чтѣ значить, какъ человекъ — отъ въ понятіи не состоитъ!.. Извѣстно: живутъ въ лѣсахъ, людей, которы бы до всего доходили, не видавали... Гдѣ имъ знать?

— Гдѣ-жъ эти самыя мѣста? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Сказано — на Ветлугѣ, — отвѣчалъ Стуколовъ.

— Ветлуга-то велика. Ты скажи, которо мѣсто, — приставай къ паломнику Патапъ Максимычъ.

— Гдѣ именно тѣ мѣста, покажѣсть не скажу, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Возьмѣшься за дѣло какъ слѣдуетъ, вмѣстѣ поѣдемъ, либо вѣрнаго человека пошли со мной.

— Я хотъ сейчасъ готовъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Сейчасъ нельзя, — замѣтилъ Стуколовъ. — Чего теперь подъ снѣгомъ увидишь? Надо вѣдь землю копать, на днѣ малыхъ рѣчонокъ смотрѣть... Какъ можно теперь? Коли условіе со мной подпишешь, поѣдемъ по веснѣ и примемъ за работу, а еще лучше ѣхать около Петрова дня, земли къ тому времени прѣсохнетъ... Болотисто ужъ больно по тамошнимъ мѣстамъ.

— Тѣмъ нельзя мнѣ, — замѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Да кума могу попросить, Ивана Григорыча. А коль ему недосужно, вотъ его посылаю, — прибавилъ онъ, показывая на Алексѣя. — Теперь-то чтѣ же надо дѣлать?

— Капиталомъ войти, потому расходы, — сказалъ Якимъ Прохорычъ. — Условіе надо писать, потомъ въ сроки деньги вносить.

— На что же деньги-то? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Мало-ль на что, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Шурфы бить, то-есть пробы въ землѣ дѣлать, землю купить, коли помѣщичья, а если казенная, въ Питерѣ хлопотать, чтобы пріискъ за нами записали... Да и потомъ мало-ль на что денегъ требуется. Золото даромъ не дается... Зарой въ землю деньги, она и станетъ тебѣ оплачивать.

— Да ты разкажи по порядку, какъ этимъ дѣломъ надо орудовать, какъ его въ ходъ-отъ пустить? — допрашивалъ паломника Патапъ Максимычъ. — Хотъ наше дѣло не то, чтобы

любь драть, однакожь по этому дѣлу, что про лыкодеровъ ты молвилъ, то и къ нашему брату пристало: въ понятіи не стоимъ. взяться не умѣемъ.

— То-то и естъ!.. — сказалъ Стуколовъ. — Безъ умѣлыхъ людей какъ за такое дѣло приниматься? Сказано: «Божьей волей свѣтъ стоитъ, человѣкъ живетъ умѣньемъ». Досужество да умѣнье всего дороже... Вотъ ты и охочь золото добывать, да не гораздъ — ну и купи досужество умѣлыхъ людей.

— Да какъ его купить-то? — усмѣхнувшись, молвилъ Патапъ Максимычъ. — На базарѣ не продають.

— Вотъ что, — сказала Стуколовъ: — складчину надо сдѣлать, компанію такую. Слыхалъ про компаніи, что складочными деньгами дѣла ведутъ?

— Какъ не слыхать? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Только въ этомъ дѣлѣ, сказываютъ, много грѣха живетъ — обижаютъ.

— На то глаза во лбу да умъ въ мозгу, чтобъ не обидѣли, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Видишь ли: чтобъ начать дѣло, нуженъ капиталъ, примѣромъ тысячъ въ пятьдесятъ серебромъ.

— Въ пятьдесятъ? — воскликнулъ Патапъ Максимычъ. — Экъ тебя!.. Ровно про полтину сказала!.. Пятьдесятъ тысячъ деньги, братъ, немалыя, зря не валяются!.. Эко слово молвилъ!.. Пятьдесятъ тысячъ!.. Да у меня, братъ, и половины такихъ денегъ въ ларцѣ-то не найдется, да если и кума и Михайлу Васильича взять, такъ и всѣмъ намъ пятидесяти тысячъ наличными не собрать. У насъ вѣдь обороты, торговля... У торговаго человѣка наличными деньги не лежатъ. А заведенныхъ дѣлъ ради твоего золота я не нарушу... Что-то еще тамъ на Ветлугѣ будетъ, а заведенное дѣло извѣдано — съ нимъ идишь навѣрняка. Хоть и сулишь ты горы золота, однакоже я скажу тебѣ, Якимъ Прохорычъ, что домашній теленокъ непримѣръ дороже заморской коровы.

— Такъ какъ же, Патапъ Максимычъ, будетъ наше дѣло? — послѣ минутнаго молчанья спросилъ Стуколовъ.

— Да ужъ вѣрно такъ и будетъ, что твои блны отложить до другого дня. Неподходящая сумма, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Меньше нельзя, — равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ. — Пятидесяти тысячъ не пожалѣешь — милліонами будешь воровать... Слыхалъ, какъ въ Сибири золотомъ разживаются?

— Слыхать-то слыхалъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Да вѣдь то Сибирь, мѣсто по этой части насиженное, а здѣсь вновь, еще Богъ знаетъ, какъ пойдетъ.

— Ветлужскіе пріиски богаче сибирскихъ — вѣрь моему слову, — сказалъ Стуколовъ. — Гляди...

И вынулъ паломникъ изъ замшеваго мѣшка полгорсти золотого песку и сталъ пересыпать его. Глаза такъ и загорѣлись у Патапа Максимыча. Закусилъ онъ губу.

— Этой благодати на Ветлугѣ больше, чѣмъ въ Сибири, — говорилъ Стуколовъ: — а главное, здѣшняя сторона нетронутая, не то, что Сибирь... Мы первые, мы сметанку снимаемъ, а послѣ насъ другіе хлебай простоквашу...

— Да впрямь ли ты это на Ветлугѣ нашель? — спросилъ Патапъ Максимычъ, не спуская глазъ съ золотой струи, падавшей изъ рукъ паломника.

— Божиться, что-ль, тебѣ?.. Образъ со стѣны тащить? — всныхнулъ Стуколовъ. — И этимъ тебя не увѣришь... Коли хочешь увѣриться, ѣдемъ сейчасъ на Ветлугу. Тамъ я тебя къ одному мужичку свезу, у него такое же масло увидишь, и къ другому свезу и къ третьему.

— Что-жь, это можно, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Сколько-жь денегъ потребуется?

— Да покамѣсть гроша не потребуется, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Пятьдесятъ тысячъ надо не сразу, не вдругъ. Коли дѣло плохо пойдетъ, кто намъ велитъ деньги сорить по-пустому? Вотъ какъ тебѣ скажу — издержимъ мы двѣ аль три тысячи на ассигнаціи, да если увидимъ, что выгоды нѣтъ — вдаль не пойдемъ, чтобъ не зарваться...

— Двѣ либо три тысячи! — раздумывалъ Патапъ Максимычъ. — Ну, это еще туда-сюда... На этомъ можно помириться. А насчетъ пятидесяти серебра — нѣтъ, братъ, шалши, мамонши.

— Какъ впередъ загадывать? — отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ: — можетъ статья, и много меньше пятидесяти тысячъ положишь, а года въ два миллионъ наживешь.

— Ужь и миллионъ? Не широко-ль загинаешь? — перебилъ Патапъ Максимычъ.

— Не одинъ миллионъ, три, пять, десять наживешь, — съ жаромъ сталъ увѣрять Патапа Максимыча Стуколовъ. — Лиха бѣда начать: а тамъ загребай деньги... Золота на Ветлугѣ, говорю тебѣ, видимо-невидимо. Чего ужъ я — человѣкъ бывалый, много видалъ золотыхъ пріисковъ — и въ Сибири и на Уралѣ, а какъ посмотрѣлъ я на ветлужскія палестины, такъ и у меня съ дива руки опустились... Да что тутъ толковать, слушай. Мы такъ положимъ, что на все на это дѣло нужно сто тысячъ серебромъ.

— Значитъ, это дѣло надо оставить, — махнувъ рукой,

сказалъ Патапъ Максимычъ. — Сто тысячъ!.. Экъ у него тысячи - то — ровно парена рѣпа...

— А ты слушай, рѣчи не перебивай, — прервалъ его Стуколовъ. — Наличными на первый разъ — сказалъ я тебѣ — двѣ либо три тысячи ассигнаціями потребуется.

— Хоть убей — въ толкъ не возьму, — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Про какія же сто тысячъ поминаешь?

— Да ты не перебивай моей рѣчи, а то вѣкъ съ тобой не столкуешься, — съ досадою молвилъ Стуколовъ. — Сто тысячъ!.. Эти сто тысячъ надо дѣлить на сто паевъ, по тысячѣ рублей пай. Понимаешь?

— Дальше что? — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Пятьдесятъ паевъ ты себѣ возьми, вложивши за нихъ пятьдесятъ тысячъ, — продолжалъ Якимъ Прохорычъ. — Не тебѣ, а послѣ, по времени, ежели дѣло на ладъ поидетъ... Не сможешь одинъ, товарищей найди: хоть Ивана Григорыча, что ли, аль Михайлу Васильича... Это ужъ твое дѣло. Всѣ барыши тоже на сто паевъ — сколько кому достанется.

— Ладно, хорошо, а другіе-то пятьдесятъ паевъ кому? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Епископу Софронію, — отвѣчала паломникъ.

— Даромъ?

— Даромъ.

— И половина барышей ему? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Конечно.

— Жирно, братъ, съѣсть! — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Нѣтъ, Якимъ Прохорычъ, нечего намъ про это дѣло и толковать. Не подходящее, совсѣмъ пустое дѣло!.. Какъ же это?.. Будь онъ хоть патріархъ твой Софронъ, а деньги въ складчину давай, коли барышей хочешь... А то — самъ денегъ ни гроша, а въ половинѣ... На что это похоже?.. За что?

— А за то, что онъ первый спозналъ про такое богатство, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Вотъ, положимъ, у тебя теперь сто тысячъ въ рукахъ, да развѣ получишь ты на нихъ миліоны, коль я не укажу тебѣ мѣста, не научу, какъ надо поступать? Положимъ, другой тебя и научить всѣмъ порядкамъ: какъ заявлять пріиски, какъ закрѣпить ихъ за собой... А гдѣ копать - то станешь?.. Въ какомъ мѣстѣ пріискъ заявишь?.. За то, чтобы знать, гдѣ золото лежитъ, давай деньги епископу... Да и денегъ не надо — барыши только пополамъ.

Задумался Патапъ Максимычъ.

— Было бы съ него и десяти паевъ, — сказалъ онъ. — Право, больше не стѣитъ — самъ посуди, Якимушка.

— Меньше половины нельзя, — рѣшительно отвѣтил Стуколовъ. — У него въ Калужской губерніи такое же дѣло заводится, тоже на пятидесяти паяхъ. Землю съ золотомъ покупаютъ теперь у помѣщика тамошняго, у господина Поливанова, можетъ, слыхаль. Деньги дали тому господину немалыя, а епископъ своихъ копейки не истратилъ.

— Ну пускай бы ужъ его пятнадцать павѣвъ взялъ. Больше, право, обидно будетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ сказано, такъ и будетъ, а не хочешь, другихъ охотниковъ до золота найдемъ, — спокойно отвѣчалъ Стуколовъ.

И, вынувъ опять замшевый мѣшокъ, посыпалъ изъ него золотой песокъ собѣ на руку передъ Патапомъ Максимычемъ.

Не разъ и не два такіе разговоры велись у Патапа Максимыча съ паломникомъ, и все въ подклѣтѣ, все въ Алексѣевой боковушѣ. Были при тѣхъ переговорахъ и кумъ Иванъ Григорьичъ, и удѣльный голова Михайла Васильичъ. Четыре дня велись у нихъ эти переговоры, наконецъ рѣшился Патапъ Максимычъ взяться за дѣло.

Рѣшили до поры до времени про затѣваемое дѣло никому не сказывать. Стуколовъ говорилъ, что если пойдетъ оно въ огласку — пиши пропало. Въ сибирскихъ тайгахъ, по его словамъ, зачастую бываетъ, что одинъ отыщетъ пріискъ да ненарокомъ проболтается, другой тотчасъ подхватитъ его на свое имя. Послѣ масленицы Патапъ Максимычъ обѣщался съѣздить на Ветлугу вмѣстѣ съ паломникомъ повидать мужиковъ, про которыхъ тотъ говорилъ, и, ежели дѣло окажется вѣрнымъ, написать со Стуколовымъ условіе, отсчитать ему три тысячи ассигнаціями, а затѣмъ, если дѣло въ ходъ пойдетъ и окажутся барыши, давать ему постепенно до пятидесяти тысячъ серебромъ.

Патапъ Максимычъ только и думаетъ о будущихъ милліонахъ. День-денской бродитъ взадъ и впередъ по передней горницѣ и думаетъ о каменныхъ домахъ въ Петербургѣ, о больницахъ и богадѣльняхъ, что постронть онъ міру на удивленіе, думаетъ, какъ онъ мели да перекаты на Волгѣ расчистить, желѣзныя дороги какъ строить зачнетъ... А милліоны все прибавляются да прибавляются... «Что-жъ, — думаетъ Патапъ Максимычъ: — Демидовъ тоже кузнецомъ былъ, а теперь посмотри-ка, чѣмъ стали Демидовы!.. Отчего-жъ и мнѣ takimъ не быть!.. Не обѣвогъ же я въ полѣ какой!..»

На первой недѣлѣ Великаго поста Патапъ Максимычъ выѣхалъ изъ Осиповки со Стуколовымъ и съ Дюковымъ. Про-

паясь съ женой и дочерью, онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Красную Рамень на крупчатныя свои мельницы, а оттуда проѣдетъ въ Нижний да въ Лысково и воротится домой къ середокрестной недѣлѣ, а можетъ, и позже. Домъ покинулъ на Алексѣя, хотя притомъ и Плателею наказалъ глядѣть за всѣмъ строже и пристальнѣй.

Наканунѣ отъѣзда, вечеромъ, послѣ ужина, когда Стуколовъ, Дюковъ и Алексѣй разошлись по своимъ угламъ, Аксинья Захаровна, оставшись съ глазу на глазъ съ мужемъ, стала ему говорить:

— Максимычъ, не сердчай ты на меня, кормилецъ, коли я что не по тебѣ молвию, выслушай ты меня ради Христа.

— Чего еще надо? — взглянувъ на жену неподобья, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Завтра уѣдешь ты?..

— Ну?

— На кого же домъ-отъ покидаешь? Прежде Савельичъ, царство ему небесное, былъ, за всѣмъ бывало, приглядитъ, теперь-то кто?

— Кто на его мѣстѣ... Не могла догадаться? — сказала Патапъ Максимычъ.

— Алексѣй Трифонычъ, значить? — тихо проговорила Аксинья Захаровна.

— Что-жъ, по-твоему, на Никифора, что ли, домъ-отъ покинуть? — рявкнулъ Патапъ Максимычъ. — Такъ онъ въ недѣлю весь его пропѣетъ да и тебя самоѣ въ кабакъ заложитъ.

— Про этого врага у меня и помышленья нѣтъ, Максимычъ, — плаксиво отвѣчала Аксинья Захаровна. — Себя сгубилъ, непутный, да и съ меня головоньку снимаетъ, изъ-за него только попреки одни... Вѣкъ бы не видала его!.. Твоя же воля была оставить Микешку. Хоть онъ и братъ родный миѣ, да я бы рада была радешенька на соснѣ его видѣть... Не онъ навязался на шею миѣ, ты, батька, самъ его навязалъ... Пушай околѣлъ бы его гдѣ-нибудь подъ кабакомъ, охъ бы не молвила... А еще попрекаешь!

— Замолела!.. Пошла безъ передышки въ пересынку! — хмурая и зѣвая, перебилъ жену Патапъ Максимычъ. — Будетъ ли конецъ вранью-то? Аль и въ самомъ дѣлѣ бабьяго вранья на свинѣ не объѣдешь?.. Коли лутное что хотѣла сказать — говори скорѣй, — спать хочется.

— Да я все насчетъ Алексѣя Трифоныча! — робко молвила Аксинья Захаровна.

— Что еще такое?

— Да какъ прикажешь: сюда ли ему безъ тебя обѣдать

ходить, а въ подклѣтъ ему относить? — спрашивала Акинья Захаровна.

— И здѣсь мѣста не просидить, пуцай его съ вами обѣдаетъ, — сказала Патапъ Максимычъ.

— Ладно-ль это будетъ, кормилецъ? Самъ посуди, чтѣ люди зачнутъ говорить: хозяйинъ въ отлучкѣ, дочери невѣсты, молодой парень съ ними ѣсть да пьеть... И не знай чего на-скажутъ! — говорила Акинья Захаровна.

— Не смѣютъ!.. — рѣшительно сказалъ Патапъ Максимычъ. — Да и парень не такой, чтобы вздумалъ нехорошее дѣло... Не изъ такихъ, чтѣ гдѣ льютъ да ѣдятъ, тутъ и пакостятъ... Боятся нечего.

— Да такъ-то оно такъ, Максимычъ, — отвѣчала Акинья Захаровна. — А все бы лучше, кабы онъ въ подклѣтъ обѣдалъ и безъ тебя бы наверхъ не ходилъ... Чтѣ ему дѣлать?.. Не повѣришь ты, кормилецъ, все сердечушко изныло у меня...

— Да отвяжись ты совсѣмъ, — съ нетерпѣньемъ крикнулъ Патапъ Максимычъ: — ну, пуцай его въ подклѣтъ обѣдасть... Ты этого парня понять не можешь. Другого такого не сыщешь... Можешь ли ты знать, какія я насчетъ его мысли имѣю?..

— Какъ я могу знать, Максимычъ? — отвѣчала Акинья Захаровна. — Гдѣ же мнѣ?

— Такъ, значить, и молчи, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Да что-жъ такое?.. Какія у тебя мысли про Алексѣя Трифонъича? — занскивающимъ голосомъ спросила Акинья Захаровна.

— О чемъ не сказываютъ, про то не допытывайся, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Придетъ время, скажу... а теперь спать пора.

У Патапа Максимыча въ самомъ дѣлѣ новыя мысли въ головѣ забродили. Когда онъ ходилъ взадъ и впередъ по горницамъ, гадая про будущіе милліоны, приходило ему и то въ голову, какъ дочерей устроить. «Не Сибаковымъ чета женихи найдутся, — тогда думалъ онъ: — а все-жъ не выдамъ Настасью за такого шута, какъ Михайла Данилычъ... Надо мнѣ людей богобоязненныхъ, благочестивыхъ, не скомороховъ, чтѣ теперь по купечеству пошли. Тогда можно и небогатаго въ зятя приять, богатства на всѣхъ хватить».

И попалъ ему Алексѣй на умъ.

Если бы Настя знала да вѣдала, чтѣ промелькнуло въ головѣ родителя, не плакала бы по ночамъ, не тосковала бы, вспоминая про свою провинность, не приходила бы въ отчаянье, думая про то, чему быть впереди...

Собрались въ путь-дорогу. Пробывъ день-другой на мельницахъ въ Красной Рамени, Паталъ Максимычъ со спутниками поѣхалъ на Ветлугу прямою дорогою черезъ Лыковщину. Надобно было верстъ восемьдесятъ ѣхать лѣсами, гдѣ проѣзжихъ дорогъ не бывало, только однѣ узкія тропы межъ высокихъ сугробовъ проложены. По тѣмъ тропамъ лѣсники въ зимницы ѣздятъ и вывозятъ къ Кѣрженцу для сплава нарубленный лѣсъ. Сторона та совсѣмъ не жилимая, лѣтомъ нѣтъ по ней ни ѣзду коннаго ни ходу пѣшаго, только на зиму переселяются туда лѣсники и живутъ въ дремучихъ дебряхъ до лѣснаго сплава въ половодье.

Поѣхали путники въ двоихъ саняхъ, каждая тройкой гусемъ запряжены. Иначе и ѣздить нельзя по лѣснымъ тропамъ. Сначала путь шелъ торный, — по этому пути обозы изъ Красной Рамени въ Лысково ходятъ, — но когда переѣхали Кѣрженецъ и попали въ лѣсную глушь, что тянется до самой Ветлуги и дальше за нее, ѣзда стала затруднительна. Сѣдоки то и дѣло задѣвали головами за вѣтви деревьевъ, и ихъ засыпало снѣгомъ, которымъ точно въ саваны окутаны стояли сосны и ели, склоняясь надъ тропою. Чуть не черезъ каждую полторы-двѣ версты приходилось останавливаться и отгребать отъ снѣга. Тропа была неровная, сани то и дѣло наклонялись то на одну, то на другую сторону, и сѣдокамъ частенько приходилось вываливаться и потомъ, съ трудомъ выбравшись изъ сугроба, общими силами поднимать свалившіяся на бокъ сани. Тропа все одна, нѣтъ своротовъ ни направо ни налево, и нѣтъ никакихъ признаковъ близости человѣка: ни дѣрка *), ни просѣки, ни даже деревяннаго двухсаженнаго креста, какихъ много наставлено по заволжскимъ лѣсамъ, по обычаю благочестивой старины **). И никакого звука. Развѣ только затрепещтъ рябчикъ, перелетая съ дерева на дерево, либо забурчитъ вдали глухарь, да заскрипитъ надломленное дерево, качаемое вѣтромъ. Заячьи и волчьи слѣды частенько пересѣкаютъ тропу, иногда попадается слѣдъ раздвоенныхъ копытъ дикой коровы ***)) либо широкой лапы лѣснаго боярина Топтыгина, согнаннаго съ берлоги охотниками.

*) Изгородь или прелея, отдѣляющая лѣсъ отъ поля. Ее городятъ въ лѣсныхъ мѣстахъ, чтобы пасущійся скотъ не забрелъ на хлѣбъ.

**)) За Волгой, на дорогахъ, въ поляхъ и лѣсахъ, особенно на перекресткахъ, стоятъ высокіе, сажени въ полторы или двѣ, восьмиконечные кресты, иногда по нѣскольکو рядомъ. Есть обычай тайно отъ всѣхъ срубить крестъ и ночью поставить его на перекресткѣ. Кто передъ тѣмъ крестомъ помолится, того молитва пойдетъ за срубившаго крестъ.

***)) Такъ за Волгой называютъ лосей.

Перебравшись за Кёрженецъ, путникамъ надо было обратиться на Ялокшинскій зимнякъ, которымъ ѣздить изъ Лыскова въ Баки, выгадывая тѣмъ верстъ пятьдесятъ противъ объѣздной проѣзжей дороги на Дорогучу. Но вотъ ѣдутъ они два часа, три часа, давно бы надо быть на Ялокшинскомъ зимнякѣ, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Ѣдутъ-ѣдутъ, на счастье тепло стояло, а то бы плохо пришлось. Не дается зимнякъ, да и полно, а лошади притомились.

— Да туда ли мы ѣдемъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ сидѣвшаго на козлахъ работника. — Коимъ грѣхомъ не заблудились ли?

— Гдѣ заблудиться, Патапъ Максимычъ! — отвѣчалъ работникъ. — Дорога одна, своротовъ нѣтъ, сами видѣли.

— Да въ Бѣлкинѣ-то хорошо ли ты разспросилъ у мужиковъ про дорогу?

— Какъ же не разспросить, все разспросилъ, какъ слѣдуетъ. Сказали: какъ проѣдешь оскѣкъ, держи направо до крестовъ, а съ крестовъ бери направо, тутъ будетъ сосна, раскидистая такая, а верхушка у ней сухая, отъ сосны бери направо... Такъ мы и ѣхали.

— У крестовъ сворачивали? — спрашивалъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же не сворачивать, направо своротилъ, какъ было сказано.

— И у сосны сворачивалъ?

— И у сосны своротилъ, — отвѣчалъ работникъ. — На ней еще ясакъ нарубленъ, должно-быть, бортовое дерево было. Тутъ только вотъ одного не вышло противъ того, что сказывали ребята въ Бѣлкинѣ.

— А что говорили ребята? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да сказывали: будетъ маленькій долокъ, и какъ-де переѣдешь долокъ, сосна будетъ съ обѣихъ сторонъ отесанная, а тутъ и Кёрженецъ.

— Ну?

— Долокъ-отъ былъ, еще мы вывалились тутъ, а тесанной сосны не видать, я смотрѣлъ-смотрѣлъ ее, нѣтъ сосны, гляжу, анъ на Кёрженецъ выѣхали.

— Стало-быть, тутъ мы и спутались, — закричалъ, разгорячась, Патапъ Максимычъ. — Чтобъ тебѣ высохнуть, дуры твои глаза! Зачѣмъ тесану сосну проѣзжалъ?

— Да не было ея, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ оторопѣвшій работникъ. — Не родить же ее мнѣ, коли нѣтъ.

— Да вѣдь тебѣ бѣлкински ребята говорили: держи на сосну. Для че не держалъ? — кричалъ Патапъ Максимычъ.

— Да гдѣ-жъ мнѣ ее взять, сосну-то? Вѣдь не спрятали я ее. Что-жъ мнѣ дѣлать, коли нѣтъ ея, — жалобно голосили работникъ. — Развѣ я тому дѣлу причиненъ? Дорога одна была, ни единого сворота.

— Да сосна-то гдѣ? сосна-то? — закричалъ Патапъ Максимычъ, хвативъ увѣсистымъ кулакомъ работника по загорбку.

— Можетъ-статься, срубили, — проицалъ, нагнувшись на передокъ, работникъ.

— Срубили! Кому лѣшему порчену сосну рубить, коль здороваго лѣса видимо-невидимо! — оралъ Патапъ Максимычъ. — Стой, чортова образина!

Работникъ остановилъ лошадей. Понуривъ головы, онѣ тяжело дышали, нарѣ такъ и валяли съ нихъ. Патапъ Максимычъ вытѣзъ изъ своихъ саней и подошелъ къ заднимъ, гдѣ сидѣлъ Стуколовъ. Молчаливый Дюковъ, уткнувъ голову въ широкій лисій малахай, спалъ мертвымъ сномъ.

— Такъ и есть, заблудились, — сказала Патапъ Максимычъ паломнику. — Что тутъ станешь дѣлать?

— Да самъ-то ты ѣзжалъ ли прежде по этимъ дорогамъ? — спросилъ его Стуколовъ.

— Сроду впервые, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— И работники не ѣзжали? — спросилъ Стуколовъ.

— Како ѣзжать? — отозвался Патапъ Максимычъ. — Кого сюда лѣшій понесетъ? Вѣдь это, самъ ты видишь, что такое: выѣхали — еще не брезжилось, а гляди-ка ужъ смеркаться zaczynaеть... Гдѣ мы, куда заѣхали, самъ лѣшій не разберетъ... Вѣда, просто бѣда... Ахъ, чтобы всѣхъ васъ прорвало! — ругался Патапъ Максимычъ. — И понесло же меня съ тобой: тутъ прежде смерти животь положишь!

— Въ сибирскихъ тайгахъ то ли бываетъ, — отозвался паломникъ. — По недѣлямъ плутаютъ, случается, что и голодной смертью помирають...

— Голодомъ помереть не помереть, пироговъ да всякой всячины у насъ, пожалуй, на недѣлю хватить, — спокойно отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — И лошадямъ корму взято довольно. А заночевать въ лѣсу придется... Хоть бы зимница какая попалась... Ночью-то волки набѣгутъ: теперь имъ голодно. Пора же такая, что волки стаями рыщутъ. Завтра ихній день: звѣрный царь именинникъ *).

*) День 18 февраля (память святого Льва, папы римскаго) въ заволжскомъ простонародѣ зовется львинымъ днемъ. Это по тамошнему повѣрью праздникъ звѣрнаго царя, его именины. На свои именины левъ все разрѣшаетъ своимъ подданнымъ. Къ тому дню возки свадьбы свои приготавлиютъ.

— Богъ милостивъ, — промовилъ наломникъ. — И не изъ такихъ напастей Господь людей выноситъ... Не суетись, Патапъ Максимычъ, надо дѣло ладомъ дѣлать. Самъ я глядѣлъ на дорогу: тропа одна, поворотовъ, какъ мы отъ паленой съ верхушки сосны отъѣхали, въ самомъ дѣлѣ ни единого не было. Можетъ, пѣ эту зиму лѣсники нину тропу пробили, не прошлогоднюю. Это и въ сибирскихъ тайгахъ зачастую бываетъ... Не бойся—со мной matka есть, она на путь выведетъ. Не бойся, говорю я тебѣ.

— Какая тутъ matka? Бредишь ты, что ли? — съ досадою молвилъ Патапъ Максимычъ. — Тутъ дѣло надо дѣлать, а онъ про свою matку толкуеть.

— Вотъ она, — сказалъ Стуколовъ, вынимая изъ дорожнаго кошелья круглую деревянную коробку съ компасомъ. — Не видываль? То-то... Эта matka корабли водить, безъ нея, что въ морѣ, что въ пустынѣ, аль въ дремучемъ лѣсу никакъ невозможно, потому она всѣ стороны показываеть и сбиться съ пути не даеть. Въ Сибири въ тайгу безъ матки не ходять, безъ нея бѣда, пропадешь.

Стуколовъ показалъ Патапу Максимычу страны свѣта и объяснилъ употребленіе компаса.

— Ишь ты премудрость какая!.. До чего только люди ни доходить, — удивился Патапъ Максимычъ. — Ну, какъ же намъ дорогу твоя matka покажетъ?

— Да намъ какъ надо ѣхать-то, въ которую сторону? — спросилъ Стуколовъ.

— На полуночникъ ^{*)}, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— А мы на северъ чешемъ, маленько даже къ осеннику подаемя. Сбились, значигъ.

— Сбились!.. Я и безъ матки твоей знаю, что обились, — насмѣшливо и съ досадою отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Теперь ты настоящу дорогу укажи.

— Этого нельзя, надо всѣ дороги знать; тогда съ маткой иди куда хочешь...

— Такъ причъ ее въ кошель. Пустое дѣло, значигъ. Какъ же тутъ быть? — говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Да поѣдемъ, куда дорога ведеть, тропа видная, торная, куда-нибудь да выведеть, — говорилъ Стуколовъ.

— Вѣстимо выведеть, — отозвался Патапъ Максимычъ. — Да куда выведеть-то? Ночь на дворѣ, а лошади, гляди, какъ приустали. Придется въ лѣсу ночевать... А волки-то?

*) То-есть сѣверо-востокъ. Въ Заволжьи такъ зовутъ страны свѣта и вѣтры: северъ — N, полуночникъ — NO, востокъ O, обѣдникъ — SO, полдень — S, верховникъ или лѣсникъ — SW, закатъ — W, осенникъ — NW.

— Богъ милостивъ, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Топоръ есть съ нами?

— Какъ топору не быть? Есть, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Сучьевъ нарубимъ, костры зажжемъ, волки не подойдутъ: всякій звѣрь боится огня.

Такъ и рѣшились заночевать. Лошадей выпрягли, задали имъ овса. Утоптали вокругъ снѣгъ и сдѣлали приваль. Топоровъ оказалось два, работники зачали сучья да валежникъ рубить, костры складывать вокругъ привала и, когда стемнѣло, зажгли ихъ. Патапъ Максимычъ вытащилъ изъ саней большую кожаную кيسу, вынулъ изъ нея хлѣба, пироговъ, квашеной капусты и мѣдный кувшинъ съ квасомъ. Устроили постную трапезу: тюрн съ лукомъ накрошили, капусты съ квасомъ, грибовъ соленыхъ. Хоть невкусно, да здорово поужинали. И бутылочка нашлась у засаливаго Патапа Максимыча. Роснули...

Ночь надвигалась. Красное зарево костровъ, освѣщая низину лѣса, усиливало мракъ въ его вершинахъ и по сторонамъ. Съ трескомъ горѣвшихъ вѣтвей ельника и фырканьемъ лошадей смѣшались лѣсные голоса... Ровно плачущій ребенокъ, залицая гдѣ-то сытъ, потомъ вдали послышался тоскливый крикъ, будто человѣкъ въ отчаянномъ бореньи со смертью зоветъ къ себѣ на помощь: то были крики пугача *)... Поближе завозилась въ вершинѣ сосны векша, проснувшаяся отъ необычнаго свѣта, едва слышно перепрыгнула она на другое дерево, потомъ на третье и все дальше и дальше отъ людей и пылавшихъ костровъ... Чуть стихло, и вотъ ужъ доносится издали легкій хрустъ сухого валежника: то кровожадная куница осторожно пробирается изъ своего дула къ дереву, гдѣ задремалъ глухой красноглазый тетеревъ. Еще минута тишины, и въ вершинѣ раздался стрывистый, жалобный крикъ птицы, хлопанье крыльевъ, и затѣмъ все смолкло: куница поймала добычу и пьетъ горячую кровь изъ перекушеннаго горла тетерева... Опять тишь, опять глубокое безмолвіе, и вдругъ слышится точно кошачье прысканье: это рысь, привлеченная изъ чащи чутьемъ, заслышавшая присутствіе лакомаго мяса въ видѣ лошадей Патапа Максимыча. Но огонь не допускаетъ близко звѣря, и вотъ рысь сердится, мурлычить, прыскаетъ, съ досадою сверкая круглыми, зелеными глазами, и придаетъ кисточками на концахъ высокихъ, прямыхъ ушей... Опять тишь, и вдругъ либо заверещитъ бѣдный зайчишка,

*) Флантъ.

попавшій въ зубы хищной лисѣ, либо завозится что-то въ вѣтвяхъ: это сова поймала спавнаго рябчика.. Лѣсные обитатели живутъ не по-нашему — обѣдаютъ по ночамъ...

По вотъ вдали, за версту или больше, слышался вой, ему откликнулся другой, третій вой — все ближе и ближе. Смолкъ, и слышалось прядаше звѣрей по насту, ворчанье, стукъ зубовъ... Ни одинъ звукъ не пропадетъ въ лѣсной тиши.

— Волки! — боязно прошепталъ Патапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

Дюковъ и работники давно ужъ спали крѣпкимъ сномъ.

— А?.. что?.. — промычалъ, приходя въ себя, Стуколовъ. — Что ты говоришь?

— Слышишь? Воютъ, — говорилъ смутившійся Патапъ Максимычъ.

— Да, воютъ... — равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ. — Экъ ихъ что тутъ! Чуютъ мясо, стервенцы!

— Бѣда! — шепотомъ промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Какая-жъ бѣда? Никакой бѣды нѣтъ... А вотъ побольше огня падо... Эй, вы, ребята! — крикнулъ онъ работникамъ. — Просиньсь!.. Эка заспались!.. Вали на костры больше!

Работники встали неохотно и вмѣстѣ со Стуколовымъ и съ самимъ Патапомъ Максимычемъ навалили громадныя костры. Огонь сталъ-было слабѣе, но вотъ заиграли пламенные языки по хвоѣ, и зарево разлилось по лѣсу пуще прежняго.

— Видимо - невидимо!.. — говорилъ оторопѣвшій Патапъ Максимычъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.

Звѣрей ужъ можно было видѣть. Освѣщенные заревои, они сидѣли кругомъ, пощелкивая зубами. Видно, въ самомъ дѣлѣ они справляли именины звѣрнаго царя.

— Ничего, — успокаивалъ Стуколовъ: — огонь бы только не переводился. То ли еще бываетъ въ сибирскихъ тайгахъ!..

Въ самомъ дѣлѣ волки никакъ не смѣли близко подойти къ огню, хоть ихъ, голодныхъ, и сильно тянуло къ лошадямъ, а пожалуй, и къ людямъ.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ: пугнуть бы сѣрыхъ, — молвилъ Стуколовъ.

— Молчи-ка ты, какое тутъ еще ружье! Того и гляди сожрутъ... — тревожно говорилъ Патапъ Максимычъ. — Глянь-ка, глянь-ка, со всѣхъ сторонъ навалило!.. Ахъ, Ты, Господи, Господи!.. Знать бы да вѣдать, ни за что бы не поѣхалъ... Пропадай ты и съ Ветлугой своей!..

А волки все близятся, было ихъ до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой: не дальше какъ въ трехъ саженьяхъ сидѣли они вокругъ костровъ, щел-

кали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и, прядая ушами, тревожно озирались. У Патапа Максимыча зубъ на зубъ не попадалъ; вездѣ и всегда безстрашный, онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Растолкали Дюкова, тотъ потянулся въ своей лисей шубѣ, звънулъ во всю сласть и, оглянувшись, промолвилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Волки никакъ!

Безъ малаго часъ времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя: тогда, пожалуй, и костры не помогутъ, да не хватитъ и заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но паломникъ челоуѣкъ бывалый, недаромъ много ходилъ по бѣлу свѣту. Когда волки были ужъ настолько близко, что до любого изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ спутниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу, разомъ бросать въ волковъ изо всей силы горящія лапы *).

— Разъ... два... три!.. — крикнулъ Стуколовъ, и горящія лапы полетѣли къ звѣрямъ.

Тѣ отскочили и сѣли подальше, щелкая зубами и огрызаясь.

— Разъ... два... три!.. — крикнулъ паломникъ, и, выступивъ за костры, путники еще пустили въ стаю по горячей лапѣ.

Завыли звѣри, но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженную шляющую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порскнули вдаль, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ, — молвилъ паломникъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани.

— Дошлый же ты челоуѣкъ, Якимъ Прохорычъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ, когда опасность миновалась. — Не будь тебя, сожрали бы они насъ.

Паломникъ не отвѣчалъ. Завернувшись съ головой въ шубу, онъ заснулъ богатырскимъ спомъ.

Глава пятнадцатая.

Въ лѣсахъ работаютъ только по зимамъ. Лѣтней порой въ дикую глушь рѣдко кто заглядываетъ. Не то что дорогъ, даже мало-мальски торныхъ тропинокъ тамъ вовсе почти нѣтъ; зато много мѣстъ непроходимыхъ... Гниющаго валежника пропасть,

*) Горящія лапы хвойнаго лѣса, во время лѣсныхъ пожаровъ онѣ переносятся вѣтромъ на огромныя разстоянія.

да кромѣ того то и дѣло попадаются обширныя глубокія болота, а мѣстами трясины съ окнами, вадьями и чарусами... Это страшныя, погибельныя мѣста для небывалаго человѣка. Кто отъ роду впервой попалъ въ невѣдомыя лѣсныя дебри — берегись — гляди въ оба!..

Вотъ на нѣсколько вереть протянулся мохоть поросшій кочкарникъ. Сажеными пластами покрываетъ онъ глубокую, чуть не бездонную топь. Это «мицава», иначе моховое болото. Поросло оно мелкимъ, чахлымъ лѣсомъ, нога грузнетъ въ мягкомъ зыбунѣ, усѣянномъ багуномъ, звѣздоплавкой, мозгушей, лютикомъ и бѣлоусомъ *). Отъ тяжести идущаго человѣка зыбунъ ходенемъ ходить, и вдругъ иногда въ двухъ-трехъ шагахъ фонтаномъ брызнетъ вода черезъ едва замѣтную для глаза продушину. Тутъ ходить опасно, разомъ попадешь въ болотную пучину и пропадешь ни за денежку... Бѣжать отъ страшнаго мѣста, бѣжать скорѣй, безъ оглядки, если не хочется вѣршой погибели... Чуть только путникъ не поберегся, чуть только по незнанью аль изъ удалства шагнулъ впередъ пять-десять шаговъ, ноги его начнеть затягивать въ жидкую трясины, и если не удастся ему поспѣшно и осторожно выбраться назадъ, онъ погибъ... Бѣжать по трясинѣ — тоже бѣда...

Вотъ свѣтитя маленькая поляныя на грязно-зеленой трясинѣ. Что-то въ родѣ колодца. Вода съ берегами вровень. Это «окно». Вѣда остунуться въ это окно — тамъ бездонная пропасть. Невиримѣръ опаснѣй оконъ «вадя» — тоже открытая круглая поляныя, но не въ одинъ десятокъ сажень ширины... Ея берега изъ топкаго торфянаго слоя, едва прикрывающаго воду. Кто ступитъ на эту обманную почву, нѣтъ тому спасенья. Вадья какъ разъ засосетъ его въ бездну.

Но страннѣе всего «чаруса». Окно, вадью издали можно замѣтить и обойти, — чаруса непримѣтна. Выбравшись изъ глухого лѣса, гдѣ сухой валежникъ и гниющій буреломникъ высокими кострами навалены на сырой болотистой почвѣ, путникъ вдругъ, какъ бы по волшебному маловеньку, встрѣчаетъ передъ собой цвѣтушую поляну. Она такъ весело глядитъ на него, широко, раздольно разстилаясь среди красноствольныхъ сосенъ и темнохвойныхъ елей. Ровная, гладкая, она густо заросла сочною, свѣжей зеленою и усѣяна крупными бирюзовыми незабудками, благоуханными бѣлыми кувшинчи-

*) Болотныя растенія: багунъ — *andromeda*; звѣздоплавка — *callitriche*, мозгуша — *geranium sylvaticum*; лютикъ — *aconitum*; бѣлоусъ — *nardus stricta*.

ками, полевыми одалёнами и ярко-желтыми купавками *). Луговина таёв и манитъ къ себѣ путника: сладко на ней отдохнуть усталому, притомленному, понѣжиться на душистой, ослѣпительно сверкающей изумрудной зелени!.. Но пропасть ему безъ покаяній, схоронить себя безъ гроба, безъ савана, если ступить онъ на эту заколдованную поляну. Изумрудная чаруса, съ ея красивыми благоухающими цвѣтами, съ ея сочной, свѣжей зеленью — тонкій травяной коверъ, раскинутый по поверхности бездоннаго озера. По этому коврику даже легконогий заяцъ не сигааетъ, тоненькій, быстрый на бѣгу горностаи не пробѣжитъ. Изъ живой твари только и прыгаютъ по ней длинноносые голенастые кулики, лова мошекъ и другихъ толкуновъ, что о всякую пору и днемъ и ночью роями выются надъ лѣсными болотами... Несмѣтное множество этихъ куликовъ, отъ горбоносаго крошшепа до желтоброваго песчаника, — бродитъ, бѣгаетъ и шмыгаетъ по чарусѣ, но никакому охотнику никогда не удавалось достать ихъ.

У лѣсниковъ чаруса слыветъ мѣстомъ нечистымъ, заколдованнымъ. Они рассказываютъ, что на тѣхъ чарусахъ по почамъ бѣсовы огни горятъ, ровно свѣчи теплятся **). А ину пору выдають среди чарусы болотницу, коль не родную сестру, такъ близкую сродницу всей этой окаянной нечисти: русалкамъ, водяницамъ и берегинямъ... Въ свѣтлую, лѣтнюю ночь сидитъ болотница одна-одиношенька и нѣжится на свѣтѣ яснаго мѣсяца... и чуть завидитъ человѣка, зачнетъ прельщать его, манитъ въ свои бѣсовскія объятя... Ея черные волосы небрежно раскинуты по спинѣ и по плечамъ, убраны осокой и незабудками, а тѣло все голое, но блѣдное, прозрачное, полувоздушное. И блеститъ оно и сквозитъ передъ лучами мѣсяца... Изъ себя болотница такая красавица, какой не найдешь въ крещеномъ міру, ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать. Глаза ровно тѣ незабудки, что расцвѣны по чарусѣ, длинные, пушистыя рѣсницы, тонкія, какъ уголь черныя брови... только губы блѣдноваты, и ни въ лицѣ, ни въ полной наливной груди, ни во всемъ стройномъ станѣ ея нѣтъ ни кровинки. А сидитъ она въ бѣлоснѣжномъ цвѣткѣ кувшинчика съ котель величиною... Хитритъ, окаянная, обмануть, обвести хочется ей человѣка — съла въ тотъ чудный цвѣтокъ спрятать гуснныя свои ноги съ черными перепонками. Только завидитъ болотница человѣка — стараго или малаго — это все равно, — тотчасъ зачнетъ сладкимъ тихимъ голосомъ, да таково жалобно, ровно

*) Болотныя растенія пзъ породы пепюфаровъ (*пупрѣаса*).

***) Болотные огни.

сквозь слезы молить-просить вынуть ее из болота, вывести на бѣлый свѣтъ, показать ей красно солнышко, котораго сроду она не видывала. А сама разводитъ руками, закидываетъ назадъ голову, мапнть къ себѣ на пышныя перси того человѣка, общааетъ ему и тысячи неслыханныхъ наслажденій, и груды золота, и горы жемчуга перекатнаго... Но горе тому, кто соблазнится на нечистую красоту, кто повѣритъ льстивымъ словамъ болотницы: одинъ шагъ ступить по чарусѣ, и она ужъ возлѣ него: обвивъ бѣднягу бѣлоснѣжными прозрачными руками, тихо опустится съ нимъ въ бездонную пропасть болотной пучины... Ни крика, ни стопа, ни вздоха, ни всплеска воды. Въ безмолвной тиши не станетъ того человѣка, и его могила на вѣки вѣковъ останется никому неизвѣстною.

А тѣхъ, кто постарѣй, инымъ способомъ залучаетъ въ чарусу нечистая сила... Старецъ-пустынникъ подойдетъ къ пожилому человѣку, сгорбленный, изможденный, постыный, желѣзные вериги у него на плечахъ, только креста не видно. И зачнетъ онъ вести умильную бесѣду о пустынномъ житіи, о постѣ и молитвѣ, но Спасова имени не поминаетъ — тѣмъ только и можно опознать окаяннаго... И зачаруетъ онъ человѣка и станетъ звать его отдохнуть на малое время въ пустынной кельѣ... Глядь, анъ среди чарусы и въ самомъ дѣлѣ келейка стоитъ, да такая хорошенькая, новенькая, уютная, такъ вотъ и манитъ путника зайти въ нее хоть на часочекъ... Пойдетъ человѣкъ съ пустынникомъ по чарусѣ, глядь, а ужъ это не пустынникъ, а сѣдой старикъ съ широкимъ блѣдно-желтымъ лицомъ, и ужъ не тихо, не чинно ведетъ добрую рѣчь, а хохочетъ во всю глотку сильнымъ хохотомъ... То владыка чарусы — самъ болотняникъ. Это онъ хохочетъ, скачетъ, пляшетъ, веселится, что успѣлъ заманить не умѣвшего отчураться отъ его обаяній человѣка; это онъ радуется, что завлекъ крещеную душу въ холодную пучину своего синяго подводнаго царства... Много, много чудесъ рассказываютъ лѣсники про эти чарусы... Чего тамъ ни бываетъ! Недаромъ изстари люди толкуютъ, что въ тихомъ омутѣ черти водятся, а въ лѣсномъ болотѣ плодятся...

Не одинъ вадѣй и чарусы, не одна окаянная сила пугаетъ лѣсниковъ въ лѣтнюю пору. Не дадутъ имъ работать въ лѣсахъ другіе враги... Мириады разнообразныхъ комаровъ, отъ крошечной мошки, что цѣлыми кучами забивается въ глаза, въ носъ и уши, до тощей длинноногой караморы, день и ночь несмѣтными роями толкуются въ воздухѣ, столбами носятся надъ болотами и преслѣдуютъ человѣка нестерпимыми мученьями... Нѣтъ ему покоя отъ комариной силы ни въ зной-

ный полдень, ни прохладнымъ вечеромъ, ни темной ночью, только и отрада въ дождливую погоду. Даже на дымныхъ смоляныхъ казанахъ и на скипидарныхъ заводахъ иначе не спать, какъ на подкурахъ, не то комары заѣдятъ до полу-смерти. Врываютъ для того въ землю толстыя жерди вышиной сажени по три и мостятъ на нихъ для спанья полати; подъ тѣми полатами раскладываютъ на землѣ огонь — курево отгоняетъ комариную силу. Такъ и спать въ дыму прокопченные насквозь бѣдняги, да и тутъ не всегда удается имъ отдѣлаться отъ мелкихъ несносныхъ мучителей... А кромѣ того оводъ, слѣпни, пауты и страшный бичъ домашнихъ животныхъ — строка *). Одной строкѣ достаточно залетѣть въ рои слѣпней, вьющихся надъ конями, чтобъ цѣлая тройка, хоть и вовсе притомленная, закусивъ удила, лягаясь задними ногами и отчаянно размахивая по воздуху хвостами, помчалась зря, какъ бѣшеная, сломя голову... Залетитъ строка въ стадо — весь скотъ взбѣсится, подниметъ пенстовый ревъ и, задрать хвосты, начнетъ метаться во всѣ стороны... Вѣдные лоси и олени нуще всѣхъ терпятъ мученье отъ этой строки. Она садится на ноги, на спину или на бока животного и прокусываетъ кожу. Раны загнойтятся, и строка кладетъ въ нихъ свои яйца. На слѣдующую весну изъ яицъ выходятъ личинки и насквозь пробѣдаютъ кожу бѣднаго животного. Въ то время лось переноситъ нестерпимыя мѣки, а строка снова рѣжетъ свѣжія мѣста его кожи и снова кладетъ туда яйца. Шкура, снятая со звѣря, убитаго лѣтомъ или осенью, никуда не годится, она усѣяна круглыми дырами въ пятналтыпный и больше. Единственное спасенье бѣдныхъ звѣрей отъ строки, если они, понуривъ головы и дрожа всѣмъ тѣломъ, добредутъ до озера либо рѣчки... Свѣжаго воздуха, идущаго отъ студенной воды, строка боится... Да чтѣ толковать про беззащитныхъ оленей и лосей, самъ косолапый бояринъ лѣсовъ нуще огня боится строки. За недостаткомъ ли лосей, по другой ли причинѣ, строка иногда накидывается на медвѣдя. Забившись къ Мишкѣ въ загрювокъ, въ ту пору, какъ онъ линяетъ, начинаетъ она прокусывать толстую его шкуру. Благимъ матомъ зареветъ лѣсной бояринъ. Напрасно отмахивается онъ передними лапами — не отстанетъ отъ него строка, пока, огрызаясь и рыча на весь лѣсъ, кувыркаясь промежъ деревьевъ, не добѣжитъ

*) Строка — oestris. Иные смѣшиваютъ строку со слѣпнями и паутами (tabanus), съ которыми имѣть она наружное сходство. Но строка совсемъ другое насѣкомое, она водится въ лѣсахъ и залетаетъ въ сосѣднія поля только въ такомъ случаѣ, если тамъ пасется скотъ. Одиѣ строки не летаютъ, но всегда въ роѣ слѣпней.

Мишенька до воды и не погрузнетъ въ ней съ головою. Тѣмъ только косматый царь сѣверныхъ звѣрей и спасается отъ крохотнаго палача... Человѣка, слава Богу, строка никогда не трогаетъ.

Нелюдно бываетъ въ лѣсахъ лѣтней порою. Промежъ Керженца и Ветлуги еще лѣсуетъ *) по нѣскольку топоровъ съ деревни, но дальше за Ветлугу къ Вятской сторонѣ и на сѣвѣръ за Лапчангу лѣсники ни ногой, кромѣ тѣхъ только мѣстъ, гдѣ липа растетъ. Липу драть, мочало мочить можно только въ соковую пору **).

Зато зимой въ лѣсахъ и по раменямъ работа кипитъ да взвариваетъ. Ронять деревья, волочатъ ихъ къ сплаву, вяжутъ плоты, тешутъ сосновые брусья, словие чегені и копани ***), рубятъ осину да березу на баклуши °), колютъ лѣсъ на кадки, на бочки, на пересѣвки и на всякое другое щепное подѣлье. Стукъ топоровъ, трескъ падающихъ лѣсницъ, крики лѣсниковъ, ржанье лошадей далеко разносятся тогда по лѣснымъ пустынямъ.

Зимой крещеному человѣку въ лѣсу и окаяннаго нечего бояться. Съ Никитина дня вся лѣсная нечисть мертвымъ сномъ засыпаетъ: и водяникъ, и болотняникъ, и бѣсовскія красавицы чарусь и омутовъ — всѣ до единого стипнутъ, и становится тогда въ лѣсахъ мѣсто чисто и свято... На покой христіанскимъ душамъ спитъ окаянная сила до самаго вѣшняго Никиты °°), а съ ней заодно засыпаютъ и гады земные: змѣи, жабы и слѣпая мѣдьяница °°°), та, что, какъ прыгнетъ, такъ насквозь человѣка проскочитъ... Лѣшій бурлитъ до Ероѣева дня °°°), тутъ ему на глаза не попадается: бѣсится косматый, не охота ему спать ложиться, рыщетъ по лѣсу, ломитъ деревья, гоняетъ звѣрей, но какъ только Ероѣей-

*) Ходитъ въ лѣсъ на работу деревья ронить.

***) Когда деревья въ соку, то-есть весна и лѣто.

***) Чегень — слово бревно отъ шести до двѣнадцати саженъ **длины**, идетъ на забойку въ учугахъ (на каспійскихъ и нижневолжскихъ рыбныхъ промыслахъ); копань или кокора — лѣшина съ частью корня, образующая угольникъ, идетъ на стройку судовъ, на застрѣхи кровель крестьянскихъ домовъ и на санины подозья. На санины подозья идутъ и не корневия копани, а гнутыя лежнии.

°) Чурка, приготовленная для токарной выдѣлки деревянной посуды и ложекъ.

°°) Осенній Никита — 5-го сентября, весенній — 3-го апрѣля.

°°°) Слѣпая мѣдьяница изъ породы ящерицъ (*anguis fragilis*) мѣдьянистаго цвѣта, почти безъ ногъ и совершенно безвредна. Но есть змѣя мѣдьянка, та ядовита. Лѣсной народъ смѣшиваетъ эти двѣ породы.

°°°) Октября 4-го, св. Ероѣея, епископа аонискаго, известнаго въ народѣ подъ именемъ Ероѣея-офени.

офеня но банкѣ лѣсиной его хватить, поидеть окаинный сквозь землю и спить до Василя Парійскаго, какъ весна землю парить начнетъ *).

Послѣ Ерофеева дня, когда въ лѣсахъ отъ нечисти и бѣсовской погани станетъ свободно, ждетъ не дождется лѣсникъ, чтобъ морозъ поскорѣй выкалъ сокъ изъ деревьевъ и сковаль бы вадъи и чарусы, а матупика-зима бѣлымъ пологомъ покрыла лѣсную пустыню. Знаетъ онъ, что мѣсяца четыре придется ему безъ устали работать, принять за топоромъ труды немалые: лѣсокъ сѣчь не жалѣть своихъ плечъ... Да объ этомъ не тужить лѣсникъ, каждый дещь молится Богу, поскорѣй бы Господь бѣлую зиму на черную землю сослать... Но вотъ, ровно бѣлыя мухи, запорхали въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, тихо ложатся онѣ на сухую, промерзлую землю: гуще и гуще становятся потоки льющагося съ неба снѣжнаго пуха; все бѣлѣтъ, и улица, и кровли домовъ, и поля, и вѣтви деревьевъ. Цѣлую ночь благодать Господня на землю валить. Къ утру красно-огненнымъ шаромъ выкатилось на прояснѣвшее небо солнышно и ярко освѣтило бѣлую снѣжную пелену. У лѣсниковъ въ глазахъ рябитъ отъ ослѣпительнаго блеска, но рады они радешеньки и весело хлопчутъ, собираясь въ лѣса «лѣсовать». Суетятся и павзрыдъ голосятъ бабы, справляя проводы, ревутъ, глядя на нихъ, малы ребята, а лѣсники ровно на праздникъ снѣшатъ. Ладятъ сани, грузятъ ихъ запасами печенаго хлѣба и сухарей, крупной да горохомъ, гуленой **), да сушеными грибами съ рѣпчатымъ лукомъ. И вотъ, на скорую руку простившись съ домашними, грянули они разудалую пѣсню и съ гиканьемъ поскакали къ своимъ зимницамъ на трудовую жизнь вплоть до Плющихи ***).

Артелями въ лѣсахъ больше работаютъ: человекъ по десяти, по двѣнадцати и больше. На славъ рубить рядятъ лѣсниковъ лысковскіе промышленники, раздають имъ на Покровъ задатки, а расчетъ дають передъ Пасхой либо по славѣ плотовъ. Тутъ не безъ обману бываетъ: во всякомъ дѣлѣ толстосумъ сумѣетъ прижать бѣднаго мужика, но промежъ себя въ артели у лѣсниковъ всякое дѣло ведется на чистоту... Зато ужъ чужой человекъ къ артели въ лапы не попадайся: не помилуетъ, оберетъ какъ липочку и въ грѣхъ того не поставитъ.

За недѣлю либо за двѣ до лѣсованья, артель выбираетъ старшого: смотрѣтъ за работой, ровняетъ въ дѣлѣ работниковъ

*) Апрелья 12-го.

***) Каргофсль.

****) Марта 1-го — Евдокин-плющихи.

и заправлять немудрымъ хозяйствомъ въ зимницѣ. Старшой, иначе «хозяинъ», распоряжается всѣми работами, и воля его непрекословна. Онъ ведетъ счетъ срубленнымъ деревьямъ, натесаннымъ брусьямъ, онъ же наблюдаетъ, чтобы кто не отсталъ отъ другихъ въ работѣ, не вздумалъ бы жить чужимъ топоромъ, тянуть даровщину... У хозяина въ прямомъ подзачальѣ «подсыпка», паренекъ-подростокъ лѣтъ пятнадцати либо шестнадцати. Ему не подъ силу еще столь работать, какъ взрослому лѣснику, и за то подсыпка свой пай страпней на всю артель наверстываетъ, а также заготовкой дровъ, смолья и лучины въ зимницу для свѣтла и сугрѣва... Онъ же носить воду и долженъ все прибрать и убрать въ зимницѣ, а когда запасы подойдутъ къ концу, ѣхать за новыми въ деревню.

Зимница, гдѣ послѣ цѣлодневной работы проводятъ ночи лѣсники, — большая четырехугольная яма, аршина въ полтора либо въ два глубины. Въ нее залуцены бревенчатый срубъ, а надъ ней, поверхъ земли, выведено вѣнцовъ шесть-семь срубовъ. Пола нѣтъ, одна убитая земля, а потолокъ накатной, немножко сводомъ. Окно въ зимницѣ не бываетъ, да ихъ и не зачѣмъ: люди тамъ бываютъ только ночью, дневного свѣта имъ не надо, а чуть утро забрезжить, они ужъ въ лѣсъ лѣсовать и лѣсуютъ, пока не наступятъ глубокия сумерки. И окно, и дверь, и дымволокъ *) замѣняются однимъ отверстіемъ въ зимницѣ, оно прорублено вровень съ землей, въ аршинъ вышины, со створками, надъ которыми остается оконце для дымовой тяги. Къ этому отверстию приставлена лѣстница, по ней спускаются внутрь. Среди зимницы обыкновенно стоитъ сбитый изъ глины кожуръ **), либо вырыта тепленка, такая же, какъ въ овинахъ. Она служитъ и для сугрѣва и для просушки одежды. Дымъ изъ тепленки, поднимаясь кверху струями, стелется по потолку и выходитъ въ единственное отверстіе зимницы. Противъ этого отверстія внизу придѣланы къ стѣнѣ широкия нары. Въ переднемъ углу, возлѣ наръ, столъ для обѣда, возлѣ него переметная скамья ***)) и нѣсколько стульевъ, то-есть деревянныхъ обрубокъ. Въ другомъ углу очагъ съ подвѣшенными надъ нимъ котелками для варева. Вотъ и вся обстановка

*) Дымволокъ, или дымникъ, отверстіе въ потолкѣ или въ стѣнѣ черной избѣ для выхода дыма.

**) Кожуръ — печь безъ трубы, какая обыкновенно бываетъ въ черной, курной избѣ.

***)) Переметная скамья — не прикрѣпленная къ стѣнѣ, та, что сбоку приставляется къ столу во время обѣда.

зимницы, черной, законтьлой, но теплой, всегда сухой и никогда не знающей, что за угарь такой на свѣтъ бываетъ... Непривычный человекъ недолго пробудеть въ зимницѣ, а лѣсники ею не нахвалятся: привычка — великое дѣло. И живутъ они въ своей мурѣ мѣсяца по три, по четыре, работая на волѣ отъ зарн до зарн, обѣдая, когда утро еще не забрезжило, а ужиная поздно вечеромъ, когда, воротясь съ работы, уберуть лошадей въ загонѣ, построенномъ изъ жердей и словыхъ лапъ возлѣ зимницы. У людей по деревнямъ и красная Никольщина, и веселыя Святки, и широкая масленица, — въ лѣсахъ нѣтъ праздниковъ, нѣтъ разбора днямъ... Одинаково работаютъ лѣсники и въ будни и въ праздники, и кромѣ «подсыпки» никому изъ нихъ во всю зиму домой хода нѣтъ. И къ нимъ изъ деревень никто не навѣзжаетъ.

Въ одной изъ такихъ зимницъ, рано поутру, человекъ десять лѣсниковъ, развалиясь на нарахъ и завернувшись въ полушубки, спали богатырскимъ сномъ. Подъ утро намаевавшегося за работой человека сонъ крѣпко разнимаетъ — тутъ его хоть въ гробъ клади да хорони. Такъ и теперь было въ зимницѣ лыковскихъ *) лѣсниковъ; артели дяди Онуфрія.

Огонь въ тепленкѣ почти совсѣмъ потухъ. Угольки, перегорая, то свѣтились алымъ жаромъ, то мугились сѣрой пленкой. Въ зимницѣ было темно и тихо — только и звуковъ, что иной лѣсникъ всхрапываетъ, какъ добрая лошадь, а у другого вдругъ ни съ того ни съ сего душа носомъ засвиститъ.

Одинъ дядя Онуфрій, хозяинъ артели, сѣдой, коренастый, краснощекій старикъ, спитъ бѣднымъ соловьинымъ сномъ... Его дѣло рано встать, артель на ноги поднять, на работу ее урядить, пока утро еще не настало... Это ему давно ужъ за привычку, оттого онъ и проснулся пораньше другихъ. Потянулся дядя Онуфрій, протеръ глаза и, увидѣвъ, что въ тепленкѣ огонь почти совсѣмъ догорѣлъ, торопливо вскочилъ, на скорую руку перекрестился раза три-четыре и, подбросивъ въ тепленку полѣньевъ и смолья, сталъ наматывать на ноги просохшія за ночь онучи и обувать лапти. Обувшись и вздѣвъ на руку полушубокъ, взлѣзъ онъ по лѣсенкѣ, растворилъ створцы и поглядѣлъ на небо... Стожары **) сильно наклонились къ краю небосклона, значить, ночь въ исходѣ, утро близится.

— Эй, вы, крещеные!.. Будетъ вамъ дрыхнуть-то!.. Долго спать — долгу наспать... Вставать пора! — кричалъ дядя Онуфрій на всю зимницу артельнымъ товарищамъ.

*) Волость на рѣкѣ Керженѣ.

**) Созвѣдіе Большой Медвѣдицы.

Никто не шевельнулся. Дядя Онуфрій пошелъ вдоль наръ и зачалъ толкать кулакомъ подъ бока лѣсниковъ, крича во все горло:

— Эхъ! грому на васъ нѣтъ!.. Спать ровно убитые!.. Вставай, вставай, ребятушки!.. Много спать, добра не видать!.. Топоры по васъ давно стосковались... Ну же, ну, поднимайся, молодцы!

Кто потянулся, кто поежился, кто, глянувъ заспанными глазами на «старшого», опять зажмурился и повернулся на другой бокъ. Дядя Онуфрій межъ тѣмъ одѣлся, какъ слѣдуетъ, умылся, то-есть размазалъ водой по лицу копотъ, торопливо помолился передъ мѣднымъ образкомъ, поставленнымъ въ переднемъ углу, и подбросилъ въ тепленку еще немного сухого корневища *). Ало-багровымъ пламенемъ вспыхнуло смолистое дерево, черный дымъ клубами поднялся къ потолку и заходилъ тамъ струями. Въ зимницѣ посвѣтлѣло.

— Вставайте же, вставайте, а вы!.. Чего разоспались, ровно маковой воды опились?.. День на дворѣ! — покрикивалъ дядя Онуфрій, ходя вдоль наръ, расталкивая лѣсниковъ и сдергивая съ нихъ армяки и полушубки.

— Петряйка, а Петряйка! поднимайся проворнѣй, пострѣль!.. Чего заспался?.. Ужъ волкъ умылся, а кочетокъ у насъ на деревнѣ давно пропѣлъ. Пора за дѣло приниматься, стряпай живо обѣдать!.. — кричалъ онъ въ самое ухо артельному подсыпкѣ, подростку лѣтъ шестнадцати, своему племяннику.

Но Петряикѣ не охота вставать. Жметса парнишка подъ шубенкой, думая про себя: «дай хоть чуточку еще посплю, авось дядя не рѣзнетъ хворостиной».

— Да вставай же, пострѣленокъ... Не то возьму слегу, огрѣю, — крикнулъ дядя на племянника, сдернувъ съ него шубенку. — Дождаться, что-ль, тебя артели-то?.. Вставай, примайся за дѣло.

Петряйка вскочилъ, обулся и, подойдя къ глиняному рукомоиннику, сплеснулъ лицо. Нельзя сказать, чтобъ онъ умылся, онъ размазалъ только копотъ, обильно насѣвшую на лицахъ, шеяхъ и рукахъ обитателей зимницы... Лѣсники люди не привередливые: изъ грязи да изъ копоты зиму-зименскую не выходятъ...

— Проворъ, а ты проворъ обѣдать-то, — торопилъ племянника дядя Онуфрій. — Чтобъ у меня все живой рукой было состряпано... А я покамѣсть къ кднямъ схожу.

*) Часть дерева между корнемъ и стволомъ, или комлемъ. Она отрубается или отпиливается отъ бревна.

И, зажегши лучину, дядя Онуфрій полѣзъ на лѣсенку вонъ изъ зимницы.

Лѣсники одинъ за другимъ вставали, обувались въ просохшую за ночь у тепленки обувь, поочереды подходили къ ручнойнику и, подобно дядѣ Онуфрію и Петряю, размазывали по лицу грязь и копоть... Потомъ кто пошелъ въ загонъ къ лошадямъ, кто топоры сталъ на точилѣ вострить, кто ладить разодранную накануне одежду.

Хоть заработки у лѣсниковъ не Богъ знаетъ какіе, далеко не тѣ, что у недалекихъ ихъ сосѣдей, въ Черной Рамени да на Узолѣ, которы деревянну посуду и другую горящину работаютъ, однакожъ и они не прочь сладко поѣсть послѣ трудовъ праведныхъ. На Ветлугѣ и отчасти на Кѣрженцѣ въ рѣдкомъ домѣ брага и сыченое сусло переводятся, даромъ что хлѣбъ чуть не съ Рождества покупной ѣдятъ. И убойна *) у тамошняго мужика не за диво, и солонины на зиму запасъ бываетъ, немалое подспорье по лѣснымъ деревушкамъ отъ лосей приходится... У иного крестьянина не одинъ пересѣкъ соленой лососины въ погребу стоитъ... И до пшеничниковъ, и до лапшенничковъ, и до дынничковъ **) охочъ лѣсникъ, но въ зимницѣ этого лакомства стряпать некогда да и негдѣ. Развѣ бабы когда изъ деревни на поклонъ мужьямъ съ подсыпкой пришлютъ. Охочъ лѣсникъ и до «продажной дурь» — такъ зоветъ онъ зелено вино, — но во время «лѣсованья» продажная дурь не дозволяется. Заведись у кого хоть косушка вина, сейчасъ его артель разложить, вспореть, и затѣмъ вонъ безъ расчета. Только трижды въ зиму и пьютъ: на Николу, на Рождество да на масленицу, и то по самой малости. Брагу да сусло пьютъ и въ зимницахъ, но понемногу и то на праздникахъ да послѣ нихъ...

Но теперь Великій постъ, къ тому-жъ и лѣсованье къ концу: меньше двухъ недѣль остается до Плющихи, оттого и запасовъ въ зимницѣ немного. Петряйкина стряпня на этотъ разъ была не очень завидна. Развелъ онъ въ очагѣ огонь, въ одинъ котелокъ засыпалъ гороху, а въ другомъ сталъ готовить похлебку: покрошилъ гулены, сухихъ грибовъ, луку, засыпалъ гречневой крупой да гороховой мукой, сдобрилъ масломъ и поставилъ на огонь. Обѣдъ разомъ поѣлъ. Приставили къ нарамъ столъ, къ столу переметную скамью, и усѣлись. Петряйка нарѣзалъ черстваго хлѣба, разложилъ ломти да ложки и поставилъ передъ усѣвшеюся артелью чашки съ

*) Говядина.

**) Дынничекъ — каша изъ тебеки (тыквы), съ просомъ сваренная, на молоко и маслѣ поджаренная на сковородѣ.

похлебкой. Молча работала артель зубами, чашки скоро опростались. Петряйка выложилъ остальную похлебку, а когда лѣсники и это очистили, поставилъ имъ чашки съ горохомъ, накрошилъ туда рѣпчатого луку и полилъ вдоволь льянымъ масломъ. Это кушанье показалось особенно лакомо лѣсникамъ, бѣли да похваливали.

— Ай да Петряй! Клевашный *) парень! — говорилъ молодой лѣсникъ, Захаромъ звали, потряхивая кудрями. — Вотъ, братъ, уважилъ такъ уважилъ... За этотъ горохъ я у тебя, Петряйка, на свадьбѣ такъ нарѣжусь, что цѣлый день пѣсни играть да плясать не устану.

— Мнѣ еще рано, самъ-отъ прежде женись, — отпугился Петряйка.

— Невѣсты, парень, еще не выросли... Покажѣсть и такъ побродимъ, — отвѣчалъ Захаръ.

— А въ самомъ дѣлѣ, Захарушка, пора бы тебѣ законъ свершить, — вступился въ разговоръ дядя Онуфрій. — Что такъ безъ пути-то болтаешься?.. Дяче не женишься?.. За тебя, за такого молодца, всяку бы дѣвку съ радостью выдали.

— Ну ихъ, бабья-то! — отвѣчалъ Захаръ. — Терпѣть не могу. Дѣвки невпримѣръ лучше. Съ ними забавнѣй—смѣхи да пѣсни, а бабы что! Только клохчутъ да хнычутъ... Самое послѣднее дѣло!

— Экій дѣвушникъ! — молвилъ на то, лукаво усмѣхнувшись, лѣсникъ Артемій. — А не знаешь развѣ, что за дѣвокъ-то вашему брату ноги коломъ ломаютъ?

— А ты прежде излови да потомъ и ломай. Экъ чѣмъ стращать вздумалъ, — нахально отвѣтилъ Захаръ.

— То-то, то-то, Захаръ Игнатьичъ, гляди въ оба... Знаемъ мы кой-что... Слыхали! — сказалъ Артемій.

— Чего слыхаль-то?.. Чего мнѣ глядѣть-то? — разгорячившись, крикнулъ Захаръ.

— Да хоть бы насчетъ лещовской Параньки...

— Чего насчетъ Параньки? — приставалъ Захаръ. — Чего?.. Говори, что знаешь!.. Ну, ну, говори...

— То и говорю, что высоко камешки кидаешь, — отвѣтилъ Артемій. — Тутъ вашему брату не то что руки-ноги переломаютъ, а, пожалуй, въ городъ на ставку свезутъ. Забылъ аль нѣтъ, что Паранькинъ дядя въ головахъ сидитъ? — сказалъ Артемій.

Закричалъ Захаръ пуще прежняго, даже съ мѣста вскочилъ, ругаясь и сжимая кулаки, но дядя Онуфрій однимъ сло-

*) Проворный, смѣтливый, разумный.

вомъ угонили расхотившихся ребятъ. Брань и ссоры во все лѣсованье не дозволяются. Иной парень хоть на руготню и голова, — огня не вздуетъ, замка не отпретъ, не выругавшись, — а въ лѣсу не смѣетъ много раздabarивать, а руку камъ волю давать и не подумаетъ... Велитъ старшій замолчать, пали сердце, сколько хочешь, а вздориться не смѣй. Послѣ, когда изъ лѣсу уѣдутъ, такъ хоть ребра другъ дружкѣ переломай, но во время лѣсованья — ни-ни. Такой обычай ведется у лѣсниковъ изстари. — «Съ чего завелся такой обычай?» — разъ спросили у стараго лѣсника, лѣтъ тридцать сряду ходившаго лѣсовать хозяиномъ. — «По нашимъ промысламъ безъ уйму нельзя, — отвѣчалъ онъ: — также вотъ и продажной дури въ лѣсу держать никакъ невозможно, потому неровень часъ, топоръ изъ рукъ у нашего брата не выходитъ... Долго-ль окаянному человѣку во хмелю аль въ руготнѣ подъ руку толкнуть... Бывали дѣла, оттого стѣрожко и держимся».

Смогли ребята, враждебно поглядывая другъ на друга, но послушаться старшаго и подумать не смѣли... Стоитъ ему слово сказать, артель встанетъ какъ одинъ человѣкъ и такую спорку задастъ ослушнику, что въ другой разъ не захочетъ дурить...

Петряйка ставилъ межъ тѣмъ третье кушанье: накласть онъ въ чашки сухарей, развелъ квасомъ, положилъ въ эту тюрю соленыхъ груздей, рыжиковъ да вареной свеклы, лучку туда покрошилъ и маслица подлилъ.

— Важно кушанье! — похваливалъ дядя Онуфрій, уписывая крошево за обѣ щеки. — Ну, проворнѣй, проворнѣй, ребята, — въ лѣсъ пора! Заря занимается, а на зарѣ не работать — значитъ, рубль изъ кошны потерять.

Лѣсники зачали ѣсть торопливѣе, Петряйка вытащилъ изъ закути курганъ *) браги и поставилъ его на столъ.

— Экій у насъ проворъ подсыпка-то! — похваливалъ дядя Онуфрій, поглаживая жилистой рукой по бѣлымъ, но сильно законченнымъ волосамъ Петряя, когда тотъ разливалъ брагу по корчикамъ **). — Всякій день у него послѣдышки да послѣдышки. Двѣ недѣли масленица минула, а у него бражка еще ведется. Сторожъ, сторожъ, Петрунюшка, сторожъ всяко добро, принасай на черный день, вырастешь, большой богатеи будешь. Прокъ выйдетъ изъ тебя, парнюга!.. Чтой-то? — вдругъ

*) Курганъ, кунганъ (правильнѣе кумганъ), заимствованный у татаръ, мѣдный или жестяной кувшинъ съ носкомъ, ручкой и крышкой.

***) Корчикъ, или корецъ, особаго вида ковшъ для черпанья воды, кваса, для питья сусла и браги. Корды бываютъ металлическіе (желѣзные), деревянные, а больше корецъ дѣлается изъ древеснаго луба, въ видѣ стакана.

спросилъ, прерывая свои ласки и вставая съ нарѣ, дядя Онуфрій. — Никакъ прїѣхаль кто-то? Выглянь-ка, Петряй, на волю, глянь, кто такой?

Въ самомъ дѣлѣ слышались скрипъ полозьевъ, фырганье лошадей и людской говоръ.

Однимъ махомъ Петряйка вскочилъ наверхъ лѣсенки и, растворивъ створцы, высунулъ на волю бѣлокурую свою голову. Потомъ, прыгнувъ на полъ и разведя врозь руками, удивленнымъ голосомъ сказалъ:

— Невѣдомо какі люди прїѣхали... На двухъ тройкахъ... гусемъ.

— Чтѣ за диковина! — повязывая кушакъ, молвилъ дядя Онуфрій. — Чтѣ за люди?.. Кого это на тройкахъ принесло?

— Нешто лѣсной, аль исправникъ, — отозвался Артемій.

— Коего шута на концѣ лѣсованья они не видали здѣсь? — сказалъ дядя Онуфрій. — Опять же колокольцовъ не слышать, а начальство развѣ безъ колокольца поѣдетъ? Гляди, лысковцы *) не нагринули-ль... Пусто-бъ имъ было!.. Большие некому. Пойти посмотрѣть самому, — прибавилъ онъ, направляясь къ лѣсенкѣ.

— Есть ли крещеные? — раздался въ то время вверху громкій голосъ Патапа Максимыча.

— Лѣзь-полѣзай, милости просимъ, — громко отозвался дядя Онуфрій.

Показалась изъ створокъ нога Патапа Максимыча, за ней другая, потомъ широкая спина его, обтянутая въ мурашкинскую дубленку. Слѣзъ наконецъ Чапуринъ.

За нимъ такимъ же способомъ слѣзъ паломникъ Стуколовъ, потомъ молчаливый купецъ Дюковъ, за ними два работника. Не вдругъ прокашлялись наѣзжіе гости, глотнувши дыма. Присѣвъ на полу, едва переводили они духъ и протирали поневолѣ плакавшіе глаза.

— Кого Господь даровалъ? — спросилъ дядя Онуфрій. — Зиму-зименскую отъ чужихъ людей духу не было, на конецъ лѣсованья гости пожаловали.

— Заблудились мы, почтенный, въ вашихъ лѣсахъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ, снимая промерзшую дубленку и подсаживаясь къ огню.

— Откуда Богъ занесъ въ наши палестины? — спросилъ дядя Онуфрій.

— Изъ Красной Рамени, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

---

*) Оптовые лѣсопромышленники изъ Лыскова. Ихъ не любятъ лѣсники за обманъ и обиды.

— А путь куда держите? — продолжалъ спрашивать старшій артели.

— На Ветлугу пробираемся, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Думали на Ялокшинскій зимнякъ свернуть, да оплошали. Телерь не знаемъ, куда и заѣхали.

— Ялокшинскій зимнякъ отсель рукой подать, — молвилъ дядя Онуфрій: — какихъ-нибудь верстъ десятокъ, и того не будетъ, пожалуй. Только дорога не приведи Господи. Вы поди на саняхъ?

— Въ пошевняхъ, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— А пошеви-то, небось, большія да широкія... Еще поди съ волочками *)? — продолжалъ свои разспросы дядя Онуфрій.

— Да, съ волочками, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А чтò?..

— А то, что съ волочками отсель на Ялокшу вамъ не проѣхать. Лѣса густые, ланы на просѣки рублены невысоко, волочки-то, пожалуй, не пролѣзутъ, — говорилъ дядя Онуфрій.

— Какъ же быть? — въ раздумьѣ спрашивалъ Патапъ Максимычъ.

— Да въ какое мѣсто вамъ на Ветлугу-то? — молвилъ дядя Онуфрій, оглядывая лѣзу топора.

— Ъзда намъ не близкая, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — За Усту надо къ Уреню, коли слыхалъ.

— Какъ не слыхать, — молвилъ дядя Онуфрій. — Сами въ Уренѣ не разъ бывали... За хлѣбомъ ѣздимъ... Такъ вѣдь вамъ напередъ надо въ Нижне Воскресенье, а тамъ ужъ вилоть до Уреня пойдетъ большая дорога...

— Ровная, гладкая, хоть кубаремъ катись, — въ одинъ голосъ заговорили лѣсники...

— За Воскресеньемъ слѣпой съ пути не собьется...

— По Ветлугѣ до самаго Варнавина степь пойдетъ, а за Варнавиномъ, какъ рѣку переѣдете, опять лѣса, — тамъ ужъ и скончанья лѣсамъ не будетъ...

— Это мы, почтенный, и безъ тебя знаемъ, а вотъ вы научите насъ, какъ до Воскресенья-то намъ добраться? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Развѣ къ нашимъ дворамъ, на Лыковщину, отсель свернете, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Отъ насъ до Воскресенья путь торный, просѣка широкая, только крюку дадите: верстъ сорокъ, коли не всѣ пятьдесятъ.

— Эко горе какое! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Вечоръ цѣлый день плутали, цѣлу ночь, не знай куда ѣхали, а

*) Водочокъ, или волчокъ — верхъ повозки или кибитки, обитый циновою. Иначе: дучокъ.

туть еще пятьдесятъ верстѣ крюку!.. Вѣдь это лишнихъ полтора сутокъ наберется.

— А вамъ нешто къ спѣху? — спросилъ дядя Онуфрій.

— Къ спѣху не къ спѣху, а неохота по вашимъ лѣсамъ безъ пути блудить, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Да вы коли изъ Красной-то Рамени поѣхали? — спросилъ дядя Онуфрій.

— На разсвѣтѣ. Теперь вотъ цѣлы сутки маемся, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Гляди-ка, дѣло какое! — говорилъ, качая головой, дядя Онуфрій. — Видно, впервой въ лѣсахъ-то?

— То-то и есть, что допрежь николи не бывали. Ну, ужъ и лѣса ваши — нечего сказать! Провалиться-бъ имъ, проклятымъ, совсѣмъ! — съ досадой промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Лѣса наши хорошіе, — перебилъ его дядя Онуфрій.

Обидно стало ему, что невѣдомо какой человѣкъ такъ объ лѣсахъ отзывается. Какъ морякъ любить море, такъ коренной лѣсникъ любить родные лѣса, непримѣръ горячѣй, чѣмъ пахарь пашню свою.

— Лѣса наши хорошіе, — хмурясь и понуривъ голову, продолжалъ дядя Онуфрій. — Наши поильцы-кормильцы... Самъ Господь вырастилъ лѣса на пользу человѣку, самъ Владыка Свой садъ разсадилъ... Здѣсь каждое дерево Божье, зачѣмъ же лѣсамъ проваливаться?.. И кѣмъ они кляты?.. Это ты нехорошее, черное слово молвилъ, господинъ купецъ... Не погнивайся, имени-отчества твоего не знаю, а лѣса бранить не годится — потому они Божьи.

— Дерево-то пускай его Божье, а волки-то чьи? — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Какъ мы заночевали въ лѣсу, набѣжало проклятаго звѣрья видимо-невидимо — чуть не сожрали, каленый ножъ имъ въ бокъ. Только огнемъ и оборонились.

— Да, волки теперь гуляютъ — ихня пора, — молвилъ дядя Онуфрій: — Господь имъ эту пору указалъ... Не однимъ людемъ, а всякой твари сказалъ Онъ: «раститесь и множитесь». Да... ихня пора... — И потомъ, немного помолчавъ, прибавилъ: — Значить, вы не въ коренномъ лѣсу заночевали, а гдѣ-нибудь на рамени. Сѣрый въ теперешнюю пору въ лѣсахъ не держится, больше въ поле поровитъ, теперь ему въ лѣсу голодно. Безпремѣнно на рамени ночевали, недалеко отъ селенья. Къ намъ-то съ какой стороны подѣхали?

— Да мы все на сиверъ держали, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Кажись бы, такъ не надо, — молвилъ дядя Онуфрій. —

Какъ же такъ на сиверь? Ъ зимницѣ-то, говорю, съ коей стороны подѣхали?

— Съ правой.

— Такъ какой же тутъ сиверь? Ъхали вы, ста̀ло-быть, на осенникъ, — сказалъ дядя Онуфрій.

— Какъ же ты вечеръ говорилъ, что мы ѣдемъ на сиверь? — обратился Патапъ Максимычъ къ Стуколову.

— Такъ по маткѣ выходило, — насупивъ брови и глядя исподобья, отозвался паломникъ.

— Вотъ тебѣ и matka! — крикнулъ Патапъ Максимычъ. — Пятьдесятъ верстъ кряку, да на придачу волки чуть не распластали!.. Эхъ, ты, голова, Якимъ Прохорычъ, право, голова!..

— Чѣмъ же matka-то тутъ виновата? — оправдывался Стуколовъ. — Развѣ по ней ѣхали; вѣдь я глядѣлъ въ нее, когда ужъ съ пути сбились.

— Не сговоришь съ тобой, — горячился Патапъ Максимычъ. — Хоть колъ ему теши на лысинѣ: упрямя, какъ чортъ карамышевскій, прости Господи!..

— Ой, ваше степенство, больно ты охочъ *ею* поминаать! — вступился дядя Онуфрій. — Здѣсь вѣдь лѣсъ, зимница... У насъ *ею* не поминають! Нехорошо... чернаго слова не говори... Неровень часъ — пожалуй, недоброе случится... А про каку это матку вы поминаете? — прибавилъ онъ.

— Да вонъ у товарища моего matka какая-то есть... Шутъ ее знаетъ!.. — досадливо отозвался Патапъ Максимычъ, указывая на Стуколова. — Всякія дороги, слышь, знаетъ. Коробочка, а въ ней какъ въ часахъ стрѣлка ходить, — поясняя онъ дядѣ Онуфрію. — Такъ пустое дѣло одно.

— Знаемъ и мы эту матку, — отвѣтилъ дядя Онуфрій, снимая съ полки крашеный ставешокъ и вынимая оттуда компасъ. — Какъ намъ, лѣсникамъ, матки не знать? Безъ нея ину пору можно пропасть... Такая, что ли? — спросилъ онъ, показывая свой компасъ Патапу Максимычу.

Диву дался Патапъ Максимычъ. Столько лѣтъ на свѣтѣ живеть, книги тоже читаетъ, съ хорошими людьми водится, а досель не слыхалъ, не вѣдалъ про такую штуку... Думалось ему, что паломникъ изъ-за моря вывезъ свою матку, а тутъ закоптѣлый лѣсникъ, послѣдній, можетъ-быть, человекъ, у себя въ зимницѣ такую же вещь держить.

— Въ лѣсахъ matka вещь самая пользительная, — продолжалъ дядя Онуфрій. — Безъ нея какъ разъ заблудишься, коли пойдешь по незнакомымъ мѣстамъ. Дорогая по нашимъ промысламъ эта штука... Зайдешь ину пору далѣко, лѣсъ-отъ

густой, частый да рослый — въ небо дыра. Ни солнышка ни звѣздъ не видать, опознаться на мѣстѣ нечѣмъ. А съ маткой не пропадешь: отколь хошь на волю выведетъ.

— Значить, твоя матка попортилась, Якимъ Прохорычъ? — сказалъ Патапъ Максимычъ Стуколову.

— Отчего ей попортиться? Коли стрѣлка ходитъ, значить, не попортилась, — отвѣчалъ тотъ.

— Да слышишь ты аль нѣтъ, что вечеръ ей надо было на осенникъ казать, а она на сиверьъ тянула, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Покажь-ка, ваше степенство, твою матку, — молвилъ дядя Онуфрій, обращаясь къ Стуколову.

Паломникъ вынулъ компасъ. Дядя Онуфрій положилъ его на столъ рядомъ со своимъ.

— Ничѣмъ не попорчена, — сказалъ онъ, разсматривая ихъ. — Да и портиться тутъ нечему, потому что въ стрѣлкѣ не пружина какая, а одна только Божія сила... Видишь, въ одну сторону обѣ стрѣлки тянуть... Вотъ сиверь, тутъ будетъ полдень, тутъ закатъ, а тутъ востокъ, — говорилъ дядя Онуфрій, показывая рукой страны свѣта по направленію магнитной стрѣлки.

— Отчего-жъ она давеча не на осенникъ, а на сиверьъ тянула? — спросилъ у паломника Патапъ Максимычъ, разглядывая компасы.

— Не знаю, — отвѣчалъ Стуколовъ.

— А-я такъ знаю, — молвилъ дядя Онуфрій, обращаясь къ паломнику. — Знаю, отчего вечеръ твоя матка на сторону воротила... Коли хочешь, скажу, чтобы могъ ты понимать тайную силу Божію... Когда смотрѣлъ въ матку-то, въ которомъ часу?

— Съ вечера, — отвѣчалъ Стуколовъ.

— Такъ и есть, — молвилъ дядя Онуфрій. — А на небо въ ту пору глядѣлъ?

— На небо? Какъ на небо?.. — спросилъ удивленный паломникъ. — Не помню... Кажись, не глядѣлъ.

— И никто изъ васъ не видалъ, что на небѣ въ ту пору дѣялось? — спросилъ дядя Онуфрій.

— Чему на небѣ дѣяться? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Ничего не дѣялось — небо какъ небо.

— То-то и есть, что дѣялось, — сказалъ дядя Онуфрій. — Мы видѣли, что на небѣ передъ полночью было. Тутъ-то вотъ и премудрая, тайная сила Творца Небеснаго... И про ту силу великую не то что мы, люди старые, подростки у насъ знаютъ... Петрайка! Что вечеръ на небѣ дѣялось? — спросилъ онъ племянника.

— Пазори играли, — бойко трякнувъ бѣлокурными кудрями, отвѣтилъ Петрай. — Вечоръ, какъ намъ съ лѣсованья ѣхать, отбѣль по небу пошла, а тамъ и зори заиграли. лучи засвѣтили, столбы задышали, багрецами налились и заходили по небу. Сполѹхи даже били, какъ мы ужинать съли, ровно громъ по лѣсу-то, такъ и загудѣли... Оттого матка и дурила, что пазори *) въ небѣ играли.

— Значить, не въ ту сторону показывала, — пояснилъ дядя Онуфрій. — Это завсегда такъ бываетъ: еще отбѣлей не видать, а ужъ стрѣлка вздрагивать зачнетъ, а потомъ и пойдетъ то туда, то сюда воротить.. Видишь ли, какая тайная Божія сила тутъ совершается? Слыхалъ, поди, какъ за всеишной-то поють: «вся премудростію сотворилъ еси!..» Вотъ она премудрость-то!.. Это завсегда надо крещеному человѣку въ понятіи содержать... Да, ваше степенство, «вся премудростію сотворилъ еси!..» Кажись, вотъ хоть бы эта самая матка — чтѣ такое?.. Ребячья игрушка, слѣпой человѣкъ подумаетъ! Анъ нѣтъ, тутъ премудрость Господня, тайная Божія сила... Да.

«Экіи дошлый народецъ въ эти лѣса забился, — самъ про себя думалъ Патапъ Максимычъ. — Мальчишка, материно

*) *Пазори* — сѣверное сіяніе. Слова «сѣверное сіяніе» народъ не знаетъ. Это слово дѣланное, искусственное, придуманное въ кабинетѣ, едва ли не Ломоносовымъ, а ему, какъ холмогорцу, не могло быть чуждымъ настоящее русское слово «пазори». Сѣверное сіяніе — буквальный переводъ нѣмецкаго Nordlicht. У насъ каждый переходъ столь обычного на Русь небеснаго явленія означается особымъ мѣткимъ словомъ. Такъ, начало пазорей, когда на сѣверной сторонѣ неба начинается какъ бы разливаться блѣдный бѣлый свѣтъ, подобный Млечному пути, зовется *отбѣлю* или *бѣлю*. Слѣдующій затѣмъ переходъ, когда отбѣль, сначала принимая розовый оттѣнокъ, потомъ постепенно багровѣетъ, называется зорями (*зори*, *зорники*). Послѣ зорей начинаютъ обыкновенно раскидываться по небу млечныя полосы. Это называютъ *лучами*. Если явленіе продолжается, *лучи* багровѣютъ и постепенно превращаются въ яркія, красныя и другія цвѣтовъ радуги, *столбы*. Эти столбы краснѣютъ болѣе и болѣе, чтѣ называется: *багрецы наливаются*. Столбы сходятся и расходятся — объ этомъ говорится: *столбы играютъ*. Когда сильно играющіе столбы сопровождаются перекатнымъ трескомъ и какъ бы громомъ — это называется *сполохами*. Если во время сѣвернаго сіянія зори или столбы мерцаютъ, то-есть дѣлаются то свѣтлѣй, то *блѣднѣй*, тогда говорится: «зори и столбы *дышатъ*». Наши лѣсники, равно какъ и поморы, обращающіеся съ компасомъ, давнымъ-давно знаютъ, что, «на пазоряхъ матка дуриетъ», то-есть магнитная стрѣлка дѣлаетъ отклоненія. Случается, что небо заволочено тучами, стоитъ непогода, либо мятель мететь, и вдругъ «матка задурить». Лѣсники тогда знаютъ, что на небѣ пазори заиграли, но за тучами ихъ не видать. Замѣчательно, что, какъ у поморовъ, такъ и у лѣсниковъ нѣтъ повѣрья, будто сѣверное сіяніе предвѣщаетъ войну либо морь. Свойство магнитной стрѣлки и вліяніе на нее сѣвернаго сіянія они называютъ «тайной Божьей силой».

молоко на губахъ не обсохло, и тотъ премудрость понимаетъ, а старый отъ писанья такой гораздый, что, пожалуй, Манеѣ такъ въ пору».

— Отъ кого это ты, малецъ, научился? — спросилъ онъ Петряя.

— Дядя училъ, дядя Онуфрій, — бойко отвѣтилъ подсынка, указывая на дядю.

— А тебя кто научилъ? — обратился Патапъ Максимычъ къ Онуфрію.

— Отъ отцовъ, отъ дѣдовъ научены; они тоже вѣкъ свой лѣсовали, — отвѣтилъ дядя Онуфрій.

— Мудрости Господни! — молвилъ въ раздумьѣ Патапъ Максимычъ.

Проговоривъ это, вдругъ увидѣлъ онъ, что лѣсникъ Артемій, присѣвъ на корточкы передъ тепленкой и вынувъ уголекъ, положилъ его въ носогрѣйку *) и закурилъ свой тютюнь. За нимъ Захаръ, потомъ другіе, и вотъ всѣ лѣсники, кромѣ Онуфрія да Петряя, усѣвшись вокругъ огонька, задымили трубки.

Стуколова индо передернуло. За Волгой-то, въ семь искони древле-благочестивомъ краѣ, въ семь Аѳѳъ старообрядства, да еще въ самой-то глуши, въ лѣсахъ, курильщики треклятаго зелья объявились... Отсторонился паломникъ отъ телленки и, сѣвъ въ углу зимницы, повернулъ лицо въ сторону.

— Поганитесь? — съ легкой усмѣшкой спросилъ Патапъ Максимычъ, кивая дядѣ Онуфрію на курильщиковъ.

— А какое-жъ тутъ поганство? — отвѣчала дядя Онуфрій. — Никакого поганства нѣтъ. Сказано: «всякъ злакъ на службу человѣкомъ»... Чего-жъ тебѣ еще?.. И табакъ Божья трава, и ее Господь создалъ въ пользу, какъ и всѣ иные древа, цвѣты и травы..

— Такъ нешто про табачное зелье это слово сказано въ писаніи? — досадливо вмѣшался насупившійся Стуколовъ. — Аль не слыхалъ, что такое есть «корень горести въ выспрь прозябай»? Не слыхивалъ, откуда табакъ-отъ выростъ?

— Это что келейницы-то толкуютъ? — со смѣхомъ отозвался Захаръ. — Врутъ онѣ, смѣтницы **), пустое плетутъ... Мы вѣдь не старовѣры, въ бабѣ не вѣруемъ.

— Нешто церковники? — спросилъ Патапъ Максимычъ дядю Онуфрія.

*) Трубка, большею частью корневая, выложенная внутри жестью, на коротенькомъ деревянномъ чубучкѣ.

***) Сметникъ, сметница — то же, что сиплетникъ, а также человѣкъ, всякій вздоръ говорящій.

— Всѣ во церкви, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — У насъ по всей Лыковщинѣ старовѣровъ споконъ вѣку не важивалось. И дѣды и прадѣды, всѣ при церкви были. Потому люди мы бѣдные, работные, достатковъ у насъ нѣтъ такихъ, чтобъ старовѣрничать. Вонъ по рамянямъ, и въ Черной Рамени, и въ Красной, и по Волгѣ, тамъ, почитай, всѣ старой вѣры держатся... Потому — богатство... А мы что?.. Люди маленькіе, худые, бѣдные... Мы по церкви!

— А молитесь какъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Кто въ два перста, кто шепотью, кто какъ сызмала обыкъ, такъ и молится... У насъ этого въ важность не ставятъ, — сказалъ дядя Онуфрій.

— И табачничаєте всѣ? — продолжалъ спрашивать Патапъ Максимычъ

— Всѣ почитай веселой травки держимся, — отвѣчалъ, улыбаясь, дядя Онуфрій и самъ сталъ набивать трубку. — Намъ, ваше степенство, безъ табаку нельзя. Потому лѣтомъ пойдешь въ лѣсъ — столько тамъ этого гаду: оводу, слѣпней, мошекъ и всякой комариной силы — только табачнымъ дымомъ себя и полегчишь, не то съѣдятъ, пусто-бъ имъ было. По нашимъ промысламъ безъ курева обойтись никакъ невозможно — всю кровь высосутъ, окаянные. Оно, конечно, я лѣсники не сплошь табачничаютъ, есть тоже по инымъ лѣснымъ деревьямъ, зато ужъ и маются же, сердечные. Посмотрѣлъ бы ты на нихъ, какъ они послѣ соку *) домой приволокуются. Узнать человѣка нельзя, ровно стѣны ходитъ. Ворѣются и они отъ комариной силы: смолой, дегтемъ мажутся, да не больно это мазанье помогаетъ. Нѣтъ, по нашимъ промысламъ безъ табачнаго курева никакъ нельзя. А побывали бы вы, господа купцы, въ ветлужскихъ верхотинахъ у Верхняго Воскресенья **). Тамъ и въ городу, и вкругъ города по деревьямъ такіе ли еще табачниги, какъ у насъ: спать даже съ трубкой. Маленькій парнишка, отъ земли его не видать, а ужъ дымить изъ тятенькиной трубчонки... Въ гостяхъ, на свадьбѣ, аль на крестинахъ, въ праздники тоже храмовые, у людей первымъ дѣломъ брага да сусло... а тамъ горшки съ табакомъ гостямъ на столъ — горшокъ молотаго да горшокъ крошенаго... Наддымать въ избѣ, индо у самихъ глаза выѣсть... Вотъ это

*) Послѣ дранья мочала, дуба и бересты.

**) Въ Ветлужскомъ краѣ городъ Ветлугу до сихъ поръ зовутъ Верхнимъ Воскресеньемъ, какъ назывался онъ до 1778 года, когда былъ обращенъ въ уѣздный городъ... Нижнее Воскресенье — большое село на Ветлугѣ въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Иначе — Воскресенское. Это два главные торговые пункта по Ветлугѣ.

настоящіе табачники, заправскіе, а мы что — помаленьку балуемся.

— Оттого Ветлугу-то и зовутъ «поганой стороной», — скри-вивъ лицо язвительной усмѣшкой, молвилъ Стуколовъ.

— Да вѣдь келейницы же дурнымъ словомъ обзываютъ ветлужскую сторону, а глядя на нихъ и старовѣры, — отвѣ-чалъ дядя Онуфрій. — Только вѣдь это однѣ пустыя рѣчи... Какую онѣ тамъ погань нашли? Таки же крешены, какъ и вездѣ...

— Въ церковь-то часто ли ходите? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же въ церковь не ходить?.. Чать мы крешенные. Безъ церкви прожить нельзя, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Кое время дома живемъ, храмъ Божій не забываемъ, оно, по-жалуй, хоть не каждо воскресенье ходимъ, потому приходъ далеко, а все-жъ церкви не чуждаемся. Вотъ здѣсь, въ лѣ-сахъ, праздниковъ ужъ нѣтъ. Съ топоромъ не до моленья, особливо въ такой годъ, какъ нынѣшній... Зима-то нынѣ стала поздняя, только за два дня до Николы лѣсовать выѣхали... Много-ль тутъ времени на работу-то останется, много-ль на-работаешь?.. Тутъ и праздники забудешь, какіе оии у Бога есть, и день и ночь только и думы, какъ бы побольше деревь сронить. Да вѣдь и то надо сказать, ваше степенство, — про-молвилъ, лукаво улыбаясь, дядя Онуфрій: — часто въ цер-ковь-то ходитъ нашему брату накладно. Это вошь келейни-цамъ хорошо на всемъ на готовомъ Богу молиться, а по на-шимъ достаткамъ того не приходится. Вѣдь повадишься къ вечернѣ, все едино что въ харчевню: нынѣ свѣча, завтра свѣча — глядишь, анъ шуба съ илеча. Съ нашего брата Го-сподь не взыщетъ — потому недостатки... Мы вѣдь люди про-стые, а простыхъ и Богъ проститъ... Одначе закалякался я съ вами, господа купцы... Ребятунки, ладь дровни, проворь лошадей... Лѣсовать пора!.. — громко крикнулъ дядя Онуфрій.

Лѣсники одинъ за другимъ полѣзли вонъ.

Дядя Онуфрій, оставшись съ гостями въ зимницѣ, помогаль Петрю прибирать посуду, заливать очагъ и приводить ночной притонъ въ нѣкоторый порядокъ.

— Сами-то отколь будете? — спросилъ онъ Патапа Ма-ксимыча.

Патапъ Максимычъ назвалъ себя и немало подивился, что старый лѣсникъ доселѣ не слыхалъ его имени, столь громкаго за Волгой, а, кажись, чуть не шабры.

— Нешто про насъ не слыхалъ? — спросилъ онъ дядю Онуфрія.

— Не доводилось, ваше степенство, — отвѣчалъ лѣсникъ. — Вѣдь мы «раменскихъ-то» *) мало знаемъ — больше все съ лыковскими да съ ветлужскими купцами хороводимся, съ низовыми тоже.

— Экая однако глушь по вашимъ мѣстамъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Глухая сторона, ваше степенство, это твоя правда, какъ есть глушь, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Мы и въ своемъ-то городу только раза по два на году бываемъ: подушны казначею свезти да билетъ у лѣсного выправить. Особнякомъ живемъ, ровно отрѣзанные, а все-жъ не промѣняемъ своей глуши на чужу сторону. Хоть и бѣдны наши деревни, не то, что на Волгѣ, али, можетъ, и по вашимъ раменямъ, однакожъ свою сторону ни на каку не смѣняемъ... У васъ хоть и веселье, хоть жилье и привольное, да чужое, а у насъ по лѣсамъ хоть и горе, да свое... Пускай у насъ глушь, да не пошто намъ далеко, и здѣсь хорошо.

— Да, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ: — всякому своя сторона мила... Только какъ же у насъ будетъ, почтенный?.. Ужъ вы какъ-нибудь выведите насъ на свѣтъ Божій, покажите дорогу, какъ на Ялокшу выѣхать.

— Пошто не указать — укажемъ, — сказалъ дядя Онуфрій: — только не знаю, какъ съ волочками-то вы сладите. Не пролѣзть съ ними сквозь лѣсину... Опять же поди дорогу-то теперь перемело, на масленицѣ все вѣтра дули, деревья-то чай обтрясло, снѣгу навалило... Да постоитъ, господа честные, вотъ я молодца одного кликну — онъ ту дорогу лучше всѣхъ насъ знаетъ... Артемушка! — крикнулъ дядя Онуфрій изъ зимницы: — Артемъ!.. погляди-ка на сани-то: проѣдутъ на Ялокшу аль нѣтъ, да слѣзь, родной, ко мнѣ не на долгое время...

Артемій слѣзь и объявилъ, что санямъ надо бы пройти, потому отводы невеликіе, а волочки непременно надо долой.

— Ну долой, такъ долой, — рѣшилъ Патапъ Максимычъ: — положимъ ихъ въ сани, а не то и здѣсь покинемъ. У Воскресенья новы можно кушить.

— У Воскресенья этого добра вволю, — сказалъ дядя Онуфрій: — завтра же вы туда какъ разъ къ базару попадете. Вы не по хлѣбной ли части ѣдете?

— Нѣтъ, ѣдемъ по своему дѣлу, къ пріятелямъ въ гости, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ, — проговорилъ дядя Онуфрій. — Инъ велите своимъ

---

*) Раменскими лѣсники зовутъ жителей Черной и Красной Рамени.

парнямъ волочки сниматьъ — вмѣстѣ и поѣдемъ, намъ въ ту же сторону версты двѣ либо три ѣхать.

— Ну вотъ и ладно. Оттоль, значить, версть съ восемь до зимняка-то останется. — молвилъ Патапъ Максимычъ и послалъ работниковъ отвязывать волочки.

— Версть восемь, можетъ, и десять, а пожалуй, и больше наберется. — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Какія здѣсь версты! дороги не мѣрены: гдѣ мужикъ по первопуткѣ проѣхалъ — тутъ на всю зиму и дорога...

— А какъ намъ разставанье придетъ, вы ужь, братцы, кто-нибудь проводите насъ до зимняка-то, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— На этомъ не погнѣвись, господинъ купецъ. По нашимъ порядкамъ этого нельзя — потому артель, — сказалъ дядя Онуфрій.

— Что-жъ артель?.. Отчего нельзя?.. — съ недоумѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да какъ же? Поѣдетъ который съ тобой, кто за него работатъ станетъ?.. Тѣмъ артель и крѣпка, что у всѣхъ работа вровень держится, одинъ передъ другимъ ни на макову росинку не долженъ передѣлать аль не додѣлать... А какъ ты говоришь, чтобъ изъ артели кого въ вожатые дать, того никоимъ образомъ нельзя... Тотъ же прогулъ выйдетъ, а у насъ прогуловъ нѣтъ, такъ и сговариваемся на суймъ*), чтобъ прогуловъ во всю зиму не было.

— Да мы заплатимъ, чтѣ слѣдуетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— А кому заплатишь-то?.. Платить-то некому!.. — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Развѣ возможно артельному лѣснику съ чужанина хошь малость какую принять?.. Развѣ артель спуститъ ему хоть одну копейку взять со стороны?.. Да вотъ я старшій у нихъ, «хозяинъ» называюсь, а возьми-ка я съ вашего степенства хоть мѣдну полушку, ребята не поглядятъ, что я у нихъ голова, что борода у меня сѣда, разложить да таку вспарку зададутъ, что и-и... У насъ на это строго.

— Мы всей артели заплатимъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Это ужь не мое дѣло, съ артелью толкуй. Какъ она захочетъ, такъ и прикажетъ, я тутъ не при чемъ, — отвѣтилъ дядя Онуфрій.

— Коли такъ, собирай артель, потолкуемъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

*) Суймъ или суетъ (однородно со словами сонмъ и сеймъ) — мірской сходъ, совѣщанье о дѣлахъ.

— Скликнуть артель не мудрое дѣло, только не знаю, какъ это сдѣлать, потому что такого дѣла у насъ школы не бывало. Болѣ тридцати годовъ съ топоромъ хожу, а никогда того не бывало, чтобъ изъ артели кого на сторону брали, — разсуждалъ дядя Онуфрій.

— Да ты только позови, можетъ, сойдемся какъ-нибудь, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Позвать отчего не позвать! Позову — это можно, — говорилъ дядя Онуфрій: — только у насъ николи такъ не водилось... — И, обратясь къ Петрюю, все еще перемывавшему въ грязной водѣ чашки и ложки, сказалъ: — Кликни ребятъ, Петряюшка, всѣ, молъ, идите до одинаго.

Артель собралась, спросила дядю Онуфрія, зачѣмъ звалъ; тотъ не отвѣчалъ, а молча показалъ на Патапа Максимыча.

— Чтò требуется, господинъ купецъ?.. — спросили лѣсники, оглядывая его съ недоумѣніемъ.

— Да видите ли, братцы, хочу я просить вашу артель дать намъ проводника до Ялокинскаго зимняка, — началъ Патапъ Максимычъ.

— Въ умѣ-ль ты, ваше степенство?.. Какъ же возможно изъ артели работника брать?.. Гдѣ это слыхано?.. Да кто пойдетъ провожать тебя?.. Никто не пойдетъ... Экъ чтò вздумалъ!.. Чудака же ты, право, господинъ купецъ!.. — кричали лѣсники, перебивая другъ дружку.

Насилу втолковалъ имъ Патапъ Максимычъ, что артели ущербъ не будетъ, что онъ заплатитъ цѣну работы за весь день.

— Да какъ ты учтешь, чего стòитъ работа въ день?.. Этого учесть нельзя, — говорили лѣсники.

— Какъ не учесть, учтемъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Сколько васъ въ артели-то?

— Одиннадцать человѣкъ, Петряя двѣнадцатый.

— А много-ль день въ зиму работать?

— Смекай: выѣхали за два дня до Николаы, уйдемъ на Плющиху, — сказалъ Захаръ.

Посчиталъ Патапъ Максимычъ — восемьдесятъ семь дней выходило.

— Ты, ваше степенство, недѣлями считай; мы вѣдь люди неграмотные — считать по днямъ не горазды, — говорила артель.

— Двѣнадцать недѣль съ половиной, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ну, это такъ, — загалдѣли лѣсники. — Намедни мы считали, то же выходило.

— Ну, ладно, хорошо... Теперь сказывайте, много-ль за

зиму на каждаго человѣка заработка причтется? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А кто его знает! — отвѣчали лѣсники. — Вотъ къ Святой сочтемся, такъ будемъ знать.

Безпорядицы и безтолочи въ переговорахъ было вдоволь. Считали барышни прошлой зимы, выходило безъ гривны полтора рубля на ассигнаціи въ день человѣку. Но этотъ счетъ въ толкъ не пошелъ, потому, говорилъ Захарь, что зимущія зима была сиротская, хвилеватая *), а ноябрьская морозная да вѣтрена. Сумилъ артели Патапъ Максимычъ цѣлковый за проводника, — и слушать не хотѣли. Какъ, дескать, наобумъ можно ладиться. Надо, говорятъ, всякое дѣло по чести дѣлать, потому — артель. А дядя Онуфрій туритъ да туритъ кончать скорѣй переговоры, на всю зимницу кричитъ, что заря совѣмъ занялась — нечего пустяки городить — лѣсовать пора...

Потерялъ терпѣнье Патапъ Максимычъ. Такъ и подмываетъ его обойтись съ лѣсниками по-свойски, какъ въ Осиповкѣ середь своихъ токарей навывкъ... Да въ-время вспомнилъ, что въ лѣсахъ этимъ ничега не возьмешь, пожалуй, еще хуже выйдетъ. Не такой народъ, окрикомъ его не проймешь... Однакожь не вытерпѣлъ — крикнулъ:

— Да берите, дьяволы, сколько хотите... Сказывай, сколько надо?.. За деньгами не стоимъ... Хотите три цѣлковыхъ получить?..

— Сказано тебѣ, въ зимницѣ *его* не поминать, — строго, притопнувъ даже ногой, крикнулъ на Патапа Максимыча дядя Онуфрій. — Такъ въ лѣсахъ не водится!.. А ты еще *его* чернымъ именемъ крещеный народъ обзываешь... Есть на тебѣ крестъ-отъ аль нѣтъ?.. Хочешь ругаться да вражьи имя поминать, убирайся, покамѣстъ цѣль, по добру по здорову.

— Народецъ! — съ досадою молвилъ Патапъ Максимычъ, обращаясь къ Стуколову. — Чтѣ тутъ станешь дѣлать?

Не отвѣчалъ паломникъ.

— Говорите же, сколько надо вамъ за проводника? Три цѣлковыхъ хотите? — сказалъ Патапъ Максимычъ, обращаясь къ лѣсникамъ.

Зачала артель галанить пуще прежняго. Спорамъ, крикамъ, безтолочи ни конца ни середки... Видя, что толку не добиться, Патапъ Максимычъ хотѣлъ уже бросить дѣло и ѣхать на авось, но Захарь, что-то считавшій все время по пальцамъ, — спросилъ его:

— Безъ двугривеннаго пять цѣлковыхъ дашь?

*) Хвилеватая — мокрая, дождливая и вьюжная.

— За что жь это пять цѣлковыхъ? — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Сами говорите, что въ прошлу зиму безъ гривны полтора рубля на монету каждому топору пришлось.

— Такъ и считано, — молвилъ Захаръ. — Въ артели двѣнадцатъ человѣкъ, по рублю — двѣнадцать рублей, по четыре гривны — четыре рубля восемь гривенъ — всего, значить, шестнадцать рублей восемь гривенъ по старому счету. Оно и выходитъ безъ двугривеннаго пять цѣлковыхъ.

— Да вѣдь ты на всю артель считаешь, а поѣдетъ съ нами одинъ, — возразилъ Патапъ Максимычъ.

— Одинъ ли, вся ли артель, это для насъ все единственно, — отвѣтилъ Захаръ. — Ты вѣдь съ артелью рядишься, потому артельную плату и давай... а не хочешь, вотъ тѣ Богъ, а вотъ и порогъ. Толковать намъ недосужно — лѣсовать пора.

— Да вѣдь не вся-жь артель провожать поѣдетъ? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Это ужъ твое дѣло... Хочешь, всю артель бери — слова не молвимъ — всѣ до одинаго поѣдемъ, — заголосили лѣсники. — Да зачѣмъ тебѣ сѣсть только народу?.. И одинъ дорогу знаетъ... Не мудрость какая!

— А вы скорѣй, скорѣй, ребятушки, — день на дворъ, лѣсовать пора, — торопилъ дядя Онуфрій.

— Кто дорогу укажетъ, тому и заплатимъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, — заголосили лѣсники. — Деньги при всѣхъ подавай, вотъ дядѣ Онуфрію на руки.

Дѣлать было нечего, пришлось согласиться. Патапъ Максимычъ отсчиталъ деньги и подалъ ихъ дядѣ Онуфрію.

— Стой, погоди, еще не совсѣмъ въ расчетъ, — сказалъ дядя Онуфрій, не принимая денегъ. — Волочки-то здѣсь покинете, аль съ собой захватите?

— Куда съ собой брать!.. Покинуть надо, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ ихъ надо долой скостить... Лишняго намъ не надо, — молвилъ дядя Онуфрій. — Ребята, видѣли волочки-то?

— Глядѣли, — заговорили лѣсники. — Волочки — ничего, голице, цинвкой крыты, кошмой подбиты — рубля три на монету каждый стбитъ... пожалуй, и больше... Клади по три рубля съ тремя пятаками.

— Чтò вы, ребята? Да я за нихъ по пяти цѣлковыхъ платилъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— На базарѣ? — спросилъ Захаръ.

— Извѣстно, на базарѣ.

— На базарѣ дешевле не купишь, а въ лѣсу какая имъ

цѣна? — подхватили лѣсники. — Здѣсь этого добра у насъ вдоволь... Хочешь, господннъ купецъ, скинемъ за волочки для твоей милости шесть рублей три гривны... Какъ разъ три цѣлковыхъ выйдетъ.

Патапъ Максимычъ согласился и отдалъ зеленую бумажку дядѣ Онуфрiю. Тотъ поглядѣлъ бумажку на свѣтъ, показалъ ее каждому лѣснику, даже Петряйкѣ. Каждый пощупалъ ее, потеръ руками и посмотрѣлъ на свѣтъ.

— Чего разглядываешь? Небойсь, сиравская, — сказали Патапъ Максимычъ.

— Видимъ, что сиравская, настоящая государева, — отвѣчалъ дядя Онуфрiй. — А оглядѣть все-таки надо — безъ того нельзя, потому — артель, надо, чтобъ всѣ видѣли... Нонѣ же этихъ проклятыхъ краснойрокъ *) больно много развелось... Не поскорби, ваше степенство, не погнѣвайся... Безъ того, чтобъ бумажку не оглядѣть, въ артели нельзя.

— О чемъ же спорили вы да сутѣрили **) столько времени? — сказали Патапъ Максимычъ, обращаясь къ артели. — Сулилъ я вамъ три цѣлковыхъ, объ волочкахъ и помина не было, у васъ же бы остались. Теперь тѣ же самыя деньги берете. Изъ-за чего-жъ мы время-то съ вами попусту теряли?

— А чтобъ никому обиды не было, — рѣшилъ дядя Онуфрiй. — Теперича, какъ до истиннаго конца дотолковались, оно и свято дѣло, и думы нѣтъ ни тебѣ ни намъ, и сомнѣнья промежъ насъ никакого не будетъ. А не разберись мы до послѣдней нитки, свара, пожалуй, въ артели пошла бы, а это ужъ послѣднее дѣло... У насъ все на согласѣ, все на порядкахъ... потому артель.

Патапу Максимычу ничего больше не доводилось, какъ замолчать передъ доводами дяди Онуфрiя.

— Тайную силу въ маткѣ да въ пазоряхъ знаютъ, а безтолочи середь ихъ не оберешься, — сказалъ онъ полушопотомъ, наклонясь къ Стуколову.

— Табачники... еретики!..—сквозь зубы процѣдилъ паломникъ.

Патапъ Максимычъ, выйдя на середку зимницы, спросилъ, обращаясь къ артели:

— Кто-жъ изъ васъ лучше другихъ дорогу на Ялокшу знаетъ?

— Всѣ хорошо дорогу знаютъ, — отвѣчалъ дядя Онуфрiй. — А вотъ Артемiй, я тебѣ, ваше степенство, и давѣ сказывалъ, лучше другихъ знаетъ, потому что недавно тутъ проѣзжалъ.

*) Въ позволкомъ краѣ такъ зовутъ фальшивыя ассигнацiи.

**) Сутырить, сутырничать — спорить, вздорить, придирается, а также клеузничать. Сутырь — безтолковый споръ.

Такъ пушай Артемій съ нами и поѣдетъ, — рѣшилъ Патапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, ваше степенство, — отвѣчалъ, тряхнувъ головой, дядя Онуфрій.

— Отчего же нельзя? — спросилъ удивленный Патапъ Максимычъ.

— Потому нельзя, что артель, — молвилъ дядя Онуфрій.

— Какъ такъ? — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Да сами же вы сказали, что, заплативши деньги на всѣхъ, могу я хоть всю артель тащить...

— Можешь всю артель тащить... Слово скажи — всѣ до единого поѣдемъ, — отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Такъ вѣдь и Артемій тутъ же будетъ: — съ досадою спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно, тутъ же будетъ, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Изъ артели парня не выкинешь.

— Артемья одного и беру, а другихъ мнѣ и не надо, — горячился Патапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, — спокойно отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Почему же нельзя?.. Чтò за безтолочь у васъ такая!.. Господи Царь Небесный!.. Вотъ народецъ-отъ!.. — восклицали, хлопая о полы руками, Патапъ Максимычъ.

— А оттого и нельзя, что артель, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Кому жребій выпадеть, тотъ и поѣдетъ. Кусаи гроши, ребята.

Вынулъ каждый лѣсникъ изъ зени *) по грошу. На одномъ Захаръ накусилъ мѣтку. Дядя Онуфрій взялъ шапку, и каждый парень кинулъ туда свои гроши. Потряса старшій шапкой, и лѣсники одинъ за другимъ стали вынимать по грошу.

Кусанный грошъ достался Артемью.

— Экіи ты удатной какой, господинъ кулець, — молвилъ дядя Онуфрій. — Кого облюбовалъ, тотъ тебѣ и достался... Ну, ваше степенство, съ твоимъ бы счастьемъ да по грибы ходить... Чтò-жъ, одного Артемья берешь, аль еще конаться **) велишь? — прибавилъ онъ, обращаясь къ Патапу Максимычу.

— Лишний человекъ не мѣшается, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Въ пути всяко случится можетъ: сани въ снѣгу загрузнуть аль чтò другое.

— Дѣло говоришь, — замѣтилъ дядя Онуфрій: — лишний

*) Зень—кожаная, иногда холщевая мошна привѣсная, а если носится за пазухой, то прикрѣпленная къ зипуну тесемкой или ремешкомъ. Въ аспы держатъ деньги и паспортъ.

**) Конаться — жребій метать.

человѣкъ въ пути не помѣха. Кидай, ребята! — промолвилъ онъ, обращаясь къ лѣсникамъ, снова принимаясь за шапку.

Жребій выпалъ Петряю.

— Ишь ты дѣло-то какое! — съ досадою молвилъ дядя Онуфрій, почесывая затылокъ. — Петряикъ досталось! Эко дѣло-то какое!.. Смотри же, парень, поспѣвай къ вечеру безпремѣнно, чтобы намъ безъ тебя не лечь спать голоднымъ.

Патапъ Максимычъ, посмотрѣвъ на Петряя, подумалъ, что отъ подростка въ пути большого проку не будетъ. Забѣтивъ, что не только дядя Онуфрій, но вся артель недовольна, что подсыпкѣ ѣхать досталось, сказалъ, обращаясь къ лѣсникамъ:

— Коли Петряй вамъ нуженъ, пожалуй, иного выбирайте, мнѣ все едино...

— Нельзя, ваше степенство, — возразилъ дядя Онуфрій. — Никакъ невозможно, потому артель. Вынулса кусаный грошъ Петряикъ, значить, ему и ѣхать.

— Да не все-ль равно, что одинъ, что другой? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Оно, конечно, все едино, да ужъ такіе у насъ порядки, — говорилъ дядя Онуфрій. — Сѹпротивъ нашихъ порядковъ идти нельзя, потому что артель ими держится. Я бы самъ съ великой радостью замѣсто мальчика поѣхалъ, да и всякій бы за него поѣхалъ, таково онъ нуженъ намъ; только этому быть не можно, потому что жеребій ему достался.

— Коли на то пошло, конайте третьяго, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Отъ мальчугана пособи немного будетъ, коли въ дорогѣ что приключится.

— Третьяго бери, четвертаго бери, хочешь— всю артель за собой волочи — твое дѣло, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — А чтобъ Петряикъ не ѣхать — нельзя.

— Чудаки вы, право, чудаки, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Эки порядки усталили!.. Ну, конайте живѣй.

Третьимъ ѣхать вышло самому дядѣ Онуфрію.

Но тѣмъ дѣло не кончилось: надо было теперь старшого выбирать намѣсто уѣзжавшаго Онуфрія. Тутъ ужъ такой шумъ да гамъ поднялись, что хоть вонъ бѣги, хоть святыхъ выноси.

— Да ты замѣсто себя кого бы нибудь самъ выбралъ, тутъ бы и дѣлу конецъ, а то галдятъ-галдятъ, а толку нѣтъ какъ нѣтъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ дядѣ Онуфрію, не принимавшему участія въ разговорѣ лѣсниковъ. Артемья и Петряя тоже тутъ не было, они ушли ладить дровешки себѣ и дядѣ Онуфрію.

— Нельзя мнѣ вступаться теперь, — отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Отчего-жь?

— Оттого что на седнешній день я не въ артели. Какъ знаютъ, такъ и рѣшатъ, а мое дѣло сторона, — отвѣчалъ дядя Онуфрій, одѣваясь въ путь.

Нескоро сговорились лѣсники. Снова пришлось гроши въ шапку кидать. Достался жеребій красношекому коренастому парню, Архимомъ звали. Только ему кусаный грошъ достался, онъ, дотолъ стоявшій, какъ нѣмой, живо зачалъ командовать.

— Проворъ, ребята, проворъ лошадей! — закричалъ онъ на всю зимницу. — И то гляди-ка, сколько времени проваландались. Чтoby у меня все живой рукой!.. Ну!..

Лѣсники засуетились. Пяти минутъ не прошло, какъ всѣ ужъ ѣхали другъ за дружкой по узкой лѣсной тропѣ.

— Ну ужъ артель, будь они прокляты, — съ досадой молвилъ Стуколову Патапъ Максимычъ, садясь въ сани. — Такой суетолочи, такой безтолочи сродясь не видывалъ.

— Извѣстно, табачники, церковники! Чего путнаго ждать?.. Бѣсъ мутить, достушны они дьяволу, — отозвался паломникъ.

— Ване степенство! — крикнулъ со своихъ дровешекъ дядя Онуфрій. — Ужъ ты сдѣлай милость, языкъ-отъ укороти да и другимъ закажи... Въ лѣсахъ не слѣдъ его поминать.

— Слышишь: не велятъ поминать, — тихонько сказалъ Патапъ Максимычъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ паломнику.

— Это такъ по ихней жидовской вѣрѣ, — шепталъ Стуколовъ. — Когда я по турецкимъ землямъ странствовалъ, а тамъ жидовъ, чтѣ твоя Польша, видимо-невидимо, такъ отъ достойныхъ людей тамъ я слыхалъ, что жида своего Бога по имени никогда не зовутъ, а все *онъ* да *онъ*... Вотъ и табачники по ихнему подобію... Едина вѣра!.. Нехристь!.. Вынеси только Господи поскорѣй отселѣ!.. Невпримѣръ лучше по-вчерашнему съ волками ночевать, чѣмъ быть на совѣтѣ нечестивыхъ... Паче змія губительнаго, паче льва стрегущаго и гласомъ велимъ рыкающа, странны сдѣланица злочестивыхъ, — сказалъ въ заключеніе паломникъ и съ головой завернулся въ шубу.

«Такъ вотъ она какова артель-то у нихъ, — разсуждалъ Патапъ Максимычъ, лежа въ саняхъ рядомъ съ паломникомъ. — Межь себя дѣло честно ведутъ, а попадись посторонній, обдерутъ, какъ липку... Ай да лѣсники!.. А безтолочи-то чтѣ, галдѣнья-то!.. Съ часъ мѣста подлугу проваландали, а кончили тѣмъ же, чѣмъ я зачалъ... Правда, что артели думой не вла-

дати... На работѣ артель золото, на сходѣ хуже казацкой сумятицы!..»

Дорога шла узенькая, легкія дровешки лѣсниковъ бойко катились впереди, не запряженные гусемъ пошевні то и дѣло завязали межъ раскидистыхъ еловыхъ лапъ, какъ бѣлымъ рупомъ покрытыхъ пушистымъ снѣгомъ. Въ иныхъ мѣстахъ приходилось ихъ прорубать, чтобъ сдѣлать просѣку для проѣзда. Не покинь Патапъ Максимычъ высокіе волочки, пошевнямъ не проѣхать бы по густо разросшемуся краснолѣсью. Сначала дорога шла одна; не уснѣли полверсты проѣхать, какъ пошли отъ нея и вправо и влѣво частые повороты и узенькія тропы. По нимъ лѣсники бревна изъ чащи вывозятъ. Безъ жоака небывалый какъ разъ заплутался бы межъ ними и лыжными мѣликами *), которыхъ сразу отъ саннаго слѣда и не различивъ. А попробуй-ка пустить по мѣлику, такъ и наткнешься либо на медвѣжью берлогу, либо на путикъ, ставленный для лосиного лова **).

Добравъ до своей поворотки, передніе лѣсники стали. За ними остановился и весь поѣздъ. Собралась артель въ кучу, опять галдовня зачалась... Судили-рядили, не лучше-ль жоакамъ одну только подводу съ собой брать, а двѣ отдать артели на перевозку бревенъ. Поспорили, покричали, наконецъ рѣшили — быть дѣлу такъ.

Своротили лѣсники. Долго они аукались и перекликались съ Артемьемъ и Петряемъ. Впереди Патапа Максимыча ѣхалъ на дровешкахъ дядя Онуфрій, Петряй присоединился къ храпѣвшему во всю ивановскую Дюкову, Артемію примостился на облучкѣ пошевней, въ которыхъ лежалъ Патапъ Максимычъ и спалъ, повидимому, богатырскимъ сномъ паломникъ Стуколовъ.

— Эка, парень, безтолочь-то какая у васъ. — заговорилъ Патапъ Максимычъ съ Артемьемъ. — Неужель у васъ завсегда такое галдѣнье бываетъ?

— Артель! — молвилъ Артемію, — Безъ того нельзя, чтобъ не погалдѣть... Сколько головъ, столько умовъ... Да еще каждый норовить по-своему. Какъ же не галдѣть-то?

— Да вы бы одному дали волю всяко дѣло рѣшать, хоть бы старшему.

*) Слѣдъ на снѣгу отъ лыжъ.

***) Путикъ — прямая длинная городьба изъ прясель. По обоимъ концамъ путика вырываютъ ямы и прикрываютъ ихъ хворостомъ либо еловыми лапами. Лось или олень, подойдя къ путику, никогда не перескочитъ черезъ него, но непременно пойдетъ вдоль, ища прохода. Такимъ образомъ звѣрь и попадаетъ въ яму.

— Нельзя того, господинъ купецъ, — отвѣчалъ Артемій. — Другимъ станетъ обидно. Вѣдь это, пожалуй, на ту же стать пойдеть, какъ по другимъ мѣстамъ, гдѣ на хозяевъ изъ-за раженной платы работаютъ...

— Ну да, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Толку тутъ больше бы было.

— Обидно этакъ-то, господинъ купецъ, — отвѣчалъ Артемій. — Пожалуй, вогъ хоть нашего дядю Онуфрїя взять... Такого артельного хозяина днемъ съ огнемъ не сыскать... Обо всемъ старанье держить, обо всякой малости печется, душа-человѣкъ: прямой, правдивый и по всему надежный. А дай-ка ты ему волю, тотчасъ величаться зачнетъ, потому — человѣкъ не ангель. Да хоша и по правдѣ станеть поступать, все ужъ ему такой вѣры не будетъ, и слушаться его, какъ тешеръ, не стануть. Нельзя, потому что артель суймомъ держится.

— А въ деревнѣ какъ у васъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ деревнѣ свои порядки, артель только въ лѣсахъ, — отвѣтилъ Артемій.

— Какъ же она у васъ собирается? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно какъ. Придетъ осень, зачнемъ стовариваться, какъ лѣсовать зимой, какъ артель сбирать. Соберется десять либо двадцать топоровъ, — больше не бываетъ. Наберутся скоро, потому что всякому лѣсовать надо, безъ этого деньгу не добудешь... Ну, соберутся, зачнутъ другъ у друга спрашивать, кому въ хозяевахъ сидѣть. Одинъ на того мекаетъ, другой на другого... Такъ и толкуемъ день два, ну пору и въ недѣлю не стоворимся... Тутъ-то вотъ галдѣнья-то послушаль бы ты... Тогда вѣдь вино да хмельное пиво пьютъ! народъ-отъ въ задорѣ, рѣдко безъ драки обходится... Положатъ наконецъ идти кланяться такому-то — вотъ хоть бы дядѣ Онуфрїю. Ну, и поидемъ, придемъ въ избу, а онъ сидитъ, ровно ничего не знаетъ: «Чтѣ, говорить, скажете, ребяташки? Какая вамъ до меня треба?» А ему въ отвѣтъ: «такъ, молъ, и такъ, столько-то насъ человѣкъ въ артель собралось, будь у насъ за хозяина». Тотъ, извѣстно дѣло, зачнетъ ломаться, безъ этого ужъ нельзя: «и ума-то, говорить, у меня на такое дѣло не хватить, и старь-отъ я сталь, и топорь-отъ у меня изъ рукъ валится», ну и все такое. А мы стоимъ да кланяемся, покамѣстъ не уломаемъ его. Какъ согласился, тотчасъ складчину по рублю аль по два — значитъ, у лѣсничаго билеты править да попенныя платить. А котормъ на купцовъ работаютъ, тѣ старшндо въ Лысково посылають

рядиться. Это ужъ его дѣло. Оттого и выбираютъ человѣка ловкаго, бывалаго, чтобъ въ городѣ не запропалъ и чтобъ въ Лысковѣ купцы его не больно обошли, потому что эти лысковцы народъ дошлый, всячески норовятъ нашего брата огрѣть... Ну, выправить старшій билеты, отводное мѣсто намъ укажутъ. Тутъ, собравшись, и ждемъ первоутки. Только снѣгъ выпадетъ, мы въ лѣсъ... Тутъ и зачинается артель... Какъ выѣхали изъ деревни за околицу, старшій и сталъ всему дѣлу голова, чтѣ велитъ, то и дѣлай. А коли какое стороннее дѣло подойдетъ, вотъ хоть бы ваше, тутъ онъ не при чемъ, тутъ ужъ артель, чтѣ хочетъ, то и дѣлаетъ.

— А расчеты когда? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Послѣ Евдокин-плющихи, какъ домой воротимся, — отвѣчалъ Артемій. — У хозяина каждая малость на счету... Оттого и выбираемъ грамотнаго, чтобъ умѣлъ счетъ записать... Да вотъ бѣда—грамотныхъ-то маловато у насъ: зачастую такого выбираемъ, чтобъ хоть бирки-то умѣлъ хорошо рѣзать. По этимъ биркамъ, аль по записямъ, и живетъ у насъ расчетъ. Сколько кто харчей изъ дома за зиму привезъ, сколько кто овса на лошадей, другого грочаго — все ставимъ въ цѣну. Получимъ заработки, поровну дѣлимъ. На Страшной и деньги по рукамъ.

— А безъ артелей въ лѣсахъ работаютъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Мало, — отвѣчалъ Артемій. — Тамъ ужъ не такая работа. Почитай, и выгоды нѣтъ никакой... Какъ можно съ артелью сровнять! Въ артели всѣмъ лучше, и сытнѣй, и теплѣй, и прибыльнѣй. Опять же завсегда на-людяхъ... Артелью лѣсовать невпримѣръ веселѣй, чѣмъ бродить одиночкой аль въ двойникахъ.

— А лѣтней порой ходите въ лѣсъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ не ходить? И лѣтомъ ходимъ, — отвѣчалъ Артемій. — Вдаль однако не пускаемся, все больше по раменямъ... Бересту деремъ, лубъ. Да ужъ это иная работа: тутъ жизнь бѣдовая, комары больно одолаваютъ.

— Самъ-отъ ты ходишь ли по лѣтамъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Я-то?.. Какъ же!.. Иной годъ въ лѣса хожу, а иной на плотахъ до Астрахани и на самое Каспійское море сплываю. Чегень туда да дрючки гоняемъ... А въ лѣса больше на рябка да на тетерю хожу... Ружьишко есть у меня немудрящее, грѣшнымъ дѣломъ похлопываю. Только по нынѣшнимъ годамъ эту охоту бросать приходится; порохъ вздорожалъ, а дичины

стало меньше. Вотъ въ осилѣ да въ пленку *) птицу ловить еще туда-сюда... Такъ и тутъ отъ звѣрья большая обида бываетъ, придешь, силки спущены, а отъ рябковъ только перышки остались; подлая лиса либо куница прежде тебя успѣла убрать... Нѣтъ, кака нонѣ охота!.. Само послѣднее дѣло!.. А то ходять еще лѣтней порой въ лѣса золото копать, — прибавилъ Артемій.

— Какъ золото?.. — быстро привскочивъ въ саняхъ, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ же... Золота да серебра по нашимъ лѣсамъ много лежитъ, — отвѣчалъ Артемій. — Записи такія есть, гдѣ надо искать... Хаживаль и я.

— Чтò же?—съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не дается, — отвѣчалъ Артемій.

— Какъ не дается?

— Такъ же и не дается. Слова такого не знаю... Вѣщбы **) не знаю, — отвѣчалъ Артемій.

— Да ты про что сказываешь? Говори толковѣй, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Про клады говорю, — отвѣчалъ Артемій. — По нашимъ лѣсамъ кладовъ много зарыто. Издалека люди приходятъ клады копать...

— Клады!.. — проговорилъ Патапъ Максимычъ и спокойно развалился на перниѣ, разосланной въ саняхъ.

— Ну, рассказывай, какіе у васъ тутъ клады, — черезъ нѣсколько времени сказалъ онъ, обращаясь къ Артемию.

— Всякіе клады тутъ лежать, — отвѣчалъ Артемій.

— Какъ же такъ?—спросилъ Патапъ Максимычъ. — Развѣ клады розныя бываютъ?

— А какъ же, — отвѣчалъ Артемій. — Есть клады, самими Господомъ положонные—тѣ даются человѣку, кого Богъ благословить... А гдѣ, въ которомъ мѣстѣ тѣ Божьи клады положены, никому невѣдомо. Кому Господь захочетъ богатство даровать, тому тайну Свою и откроетъ. А иные клады людьми положены, и къ нимъ приставлена темная сила. Объ этихъ кладахъ записи есть: тамъ прописано, гдѣ кладъ зарытъ, какимъ видомъ является и съ какимъ зароконъ положенъ... Эти клады страшные...

*) *Осилѣ*, затяжной узелъ, куда птица попадаетъ погой. *Пленка*—то же, но узелъ дѣлается изъ свитаго вдвое или втрое конскаго волоса. Осилѣя или пленки ставятся по одной на колышкахъ либо на лубочкѣ, на который посыпается приманка.

**) *Вѣщба*—таинное слово и тайный обрядъ, употребляемые при заговорахъ, рытѣхъ кладовъ, ворожбѣ и т. п.

— Отчего? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Кровь на нихъ, — отвѣчалъ Артемій. — Съ бою богатство было брато, кровью омыто, много душъ христіанскихъ за ту казну въ стары годы загублено.

— Когда-жь это было? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Давно... — сказалъ Артемій. — Еще втѣпоры, какъ купцами да боярами посконна рубаха владала.

— Когда-жь это было? При царѣ Горохѣ, какъ грузди съ оепенками воевали?.. — смѣялся Патапъ Максимычъ.

— Въ казачьи времена, — степенно отвѣтилъ Артемій.

— Чтò за казачьи времена такія? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Развѣ не слыхиваль? — сказалъ Артемій. — Вѣдь въ стары-то годы по всей Волгѣ пародъ казачиль... Было время, господинъ купецъ, золотое было времечко, да по грѣхамъ нашимъ миновало оно... Сѣрые люди жили на всей вольной волюшкѣ, ѣли сладко, пили пьяно, цвѣтно платье носили — житье было разудалое, развеселое... Вонъ теперъ по Волгѣ пароходы взадъ и впередъ сплываютъ, ладьи да барки ходять, плоты плывутъ... Чьи пароходы, чьи плоты да барки? Купецкіе все. Завладала ваша братья купцы Волгой-матушкой... А въ стары годы не купецкіе люди волжскимъ раздольемъ владали, а наша братья, голытьба.

— Чтò ты за чуху несешь? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Никогда не бывало, чтобъ Волга у голытьбы въ рукахъ была.

— Была, господинъ купецъ. Не спорь — правду сказываю, — отвѣчалъ Артемій.

— Стара баба съ похмелья на печкѣ валялась да во снѣ твою правду видѣла, а ты зря тѣ бабьи сказки и мелешь, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Бранью да небылицамъ короткій вѣкъ, а эта правда отъ старинныхъ людей до насъ дошла. Отпы, дѣды про нее намъ сказывали, и пѣсни такія про нее поются у насъ... Значить, правда истинная.

— Мало ли чтò въ пѣсняхъ поють? Развѣ можно деревенской пѣсни вѣру дать? — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Можно, господинъ купецъ, потому что «сказка складка, а пѣсня — быль», — отвѣтилъ Артемій. — А ты слушай, чтò я про здѣшню старину тебѣ рассказывать стану: занятное дѣло, коли не знаешь.

— Ну, говори, рассказывай, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Смолоду охотникъ я до сказокъ бываю... Отчего на досугѣ да на старости лѣтъ и не послушать вашихъ розказней.

— Голытба въ стары годы по лѣсамъ жила, жила голытба и промежь полей, — началъ Артемій. — Кормиться стало нечѣмъ: хлѣба недороды, подати большія, отъ бояръ, отъ приказныхъ людей утѣсненье... Хоть въ землю зарывайся, хоть заживо въ гробъ ложись... И побѣжала голытба врозь, и стала она вольными казаками... Тутъ и зачинались казачьи времена... Котора голытба на Украину пошла — та ляховъ да басурмановъ побивала, свою казацкую кровь за Христову вѣру проливала... Котора голытба въ Сибирь махнула — та сибирскія мѣста колонила и великому государю Сибирскимъ царствомъ поклонилась... А на Волгу на матушку посынала что ни на есть сама послѣдняя голытба. На своей-то сторонѣ у ней не было ни кола ни двора, ни угла ни притула *); одно только и оставалось за душой богатство: наготы да босоты изувѣшаны шесты, холоду да голоду анбары полны... Вотъ ладно, хорошо — высынала та голытба на Волгу, казаками назвалась... Атаманы да есаулы снаряжали легки лодочки косныя и на тѣхъ на лодочкахъ пошли по матушкѣ по Волгѣ разгуливать... Не попадай навстрѣчу суда купецкя, не попадайся бояре да приказные: людей въ воду, казну на себя!.. Весломъ махнуть — корабли возьмутъ, кистенемъ махнуть — караванъ разобьютъ... Вотъ каковы бывали удалцы казаки поволжскіе...

— Это ты про разбойниковъ? — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— По-вашему разбойники, по-нашему есаулы-молодцы да вольные казаки, — бойко отвѣтилъ Артемій, съ удалствомъ тряхнувъ головой и сверкнувъ черными глазами. — Спѣть, что ли, господинъ купецъ? — спросилъ Артемій. — Словами не расскажешь.

— Пой, пожалуй, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

Запѣлъ Артемій одну изъ разинскихъ пѣсень, ихъ такъ много сохраняется въ Поволжьѣ:

Какъ повыше было села Лыскова,
 Какъ пониже было села Юркина,
 Супротивъ села Богомолова:
 Въ луговой было во сторонушкѣ,
 Протекала тутъ рѣчка быстрая,
 Рѣчка быстрая, омутистая,
 Омутистая Лѣва Керженка **).

*) Притулъ или притулье — пріютъ, убѣжище, кровь, происходитъ отъ глагола «притулять», имѣющаго три значенія; прислонить или приставить, прикрыть и пріютить.

**) Юркино, Богомолово, Лысково — села на правомъ, возвышенномъ берегу Волги. Противъ нихъ впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны Керженецъ. Этв рѣку мѣстные жители зовутъ иногда «Лѣвой Керженкой», то-

— Наша рѣченька голубушка! — съ любовью молвилъ Артемій, перервавъ пѣсню. — Въ стары годы и наша Лѣва Керженка славной рѣкой слыла, суда ходили по ней, косныя плавали... Въ казачьи времена атаманы да есаулы въ нашу родну рѣченьку зимовать заходили, тутъ они и дувать дуванили, нажитое на Волгѣ добро, значить, дѣлили... А теперь и званья нашей рѣки не стало: завалило ее, голубушку, каршиями, занесло замоннами*), пошли по ней мели да перекаты... Такъ и пропала прежняя слава Керженца.

Громче прежняго свистнулъ Артемій п, тряхиувъ головою, зашѣлъ:

Выплывала легка лодочка,
Легка лодочка атаманская,
Атамана Стеньки Разина.
Еще вѣтъ лодка изукрашена,
Казаками изусажена.
На ней парусы шелкѣвые,
А веселки позолочены.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ.
На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
Посередь лодки парчевой шатерь.
Какъ во томъ парчевѣмъ шатрѣ
Лежать бочки золотой казны.
На казнѣ сидитъ красна дѣвица —
Атаманова полюбовница,
Есаулова сестра рѣдная,
Казакамъ-гребцамъ — тетушка.
Сидитъ дѣвка, призадумалась,
Посидѣвши, стала сказывать:
„Вы послушайте, добры молодцы.
Вы послушайте, милы племяннички,
Ужъ какъ мнѣ молодой мало спалося,
Мало спалося, много видѣлось,
Не корыстенъ же мнѣ сонъ привидѣлся:
Атаману-то быть разстрѣлену,
Есауду-то быть повѣшену,
Казакамъ-гребцамъ по тюрьмамъ сидѣть,
А мнѣ, вашей родной тетушкѣ,
Потонуть въ Волгѣ-матушкѣ“.

— Вишь, и дѣвки вѣщпоры пророчили! — сказалъ Артемій, оборотясь къ Наташу Максимычу. — Атаманова полюбовница вѣщій сонъ провидѣла... Вѣщяя дѣвка была... Сказываютъ, Соломондой звали ее, а родомъ была отъ Старого

есть впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны. Въ пѣсняхъ тоже придаетел ей названіе лѣвой. Замѣчательно, что по-мордовски *керже*, *керженъ* значить лѣвый. Въ глубокую старину по всему Поволжью отъ Оки до Суры жила мордва. Отъ нея и пошло названіе Керженца.

*) Замонна — лежащее въ руслѣ подъ пескомъ затопувшее дерево; карша, или карча — то же самое, но поверхъ песка.

Макарья, кунецкая дочь... И все сбылось по слову ея, какъ видѣла во снѣ, такъ все и сталося... Съ ней самой атаманъ тутъ же порѣшилъ — матушкѣ-Волгѣ ее пожертвовать. «Тридцать лѣтъ, говорить, съ годикомъ гуляя я по Волгѣ-матушкѣ, тридцать лѣтъ съ годикомъ тѣшилъ душу свою молодецкую, и ничѣмъ еще полицу нашу кормилицу я не жаловалъ. Не пожалую, говорить, Волгу-матушку ни казной золотой ни дорогимъ перекатнымъ жемчугомъ, пожалую тѣмъ, чего на свѣтѣ краше нѣтъ, чтѣ намъ, есаулы-молодцы, дороже всего». Да съ этимъ словомъ хватъ Соломониду поперекъ живота, да со всего размаху какъ метнетъ ее въ Волгу-матушку... Вотъ каковъ былъ удалой атаманъ Стенька Разинъ, по прозванью Тимошеевичъ!..

— Разбойникъ, такъ разбойникъ и есть,—сухо промолвилъ Патапъ Максимычъ.—Задаромъ погубилъ христіанскую душу... Изъ озорства да изъ непутной похвальбы... Какъ есть разбойникъ — недаромъ его на семи соборахъ проклинали...

Тутъ пошевни заѣхали въ такую чащу, что ни вбокъ ни впередъ. Мигомъ выскочили лѣсники и работники и въ пять топоровъ стали тяпать еловые сучья и лапы. Съ полчаса провозились, покаместъ не прорубили свободной просѣки. Артемій опять присѣлъ на облучкѣ саней Патапа Максимыча.

— А что-жъ ты про клады-то хотѣлъ разсказать?—молвилъ ему Патапъ Максимычъ. — Заговорилъ про Стеньку Разина да и забылъ.

— Про клады-то! — отозвался Артемій. — А вотъ слушай... Когда гольтѣба за Волгой владала, атаманъ съ есаулами каждо лѣто на косныхъ разѣзжали, боярски да купечески суда очищали. И не только суда они грабили, доставалось городамъ и большимъ селамъ, деревень только да приселковъ не трогали, потому что тамъ гольтѣба свой вѣкъ коротала. Церквямъ Божьимъ да монастырямъ тоже спуску не было: не любили есаулы монаховъ, особенно «посельскихъ старцевъ», чтѣ монастырскими крестьянами правили... Вотъ нашъ Макарьевъ монастырь, сказываютъ, отъ нихъ отборонился; брали его огненнымъ боемъ, да крѣпокъ — устоялъ... Ну, вотъ есаулы-молодцы лѣто по Волгѣ гуляютъ, а осенью на Керженецъ въ лѣса зимовать. И теперь по здѣшнимъ мѣстамъ ихнія землянки знать... Такія же были, какъ наши. Въ тѣхъ самыхъ зимницахъ, а не то въ лѣсу на примѣтномъ мѣстѣ нажитое добро въ землю они и закапывали. Оттого и клады.

— Гдѣ-жъ эти землянки? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— По разнымъ мѣстамъ, — отвѣчалъ Артемій. — Много ихъ

туть по лѣсамъ-то. Вонъ хоть между Дорогучей да Першей *) два дикихъ камня изъ земли торчатъ, одинъ поболь, другой помень, оба съ виду на коней похожи. Такъ и зовутъ ихъ Конь да Жеребенокъ. Промежь тѣхъ камней казацки зимницы бывали, туть и клады зарыты... А то еще озѣра туть по лѣсу сеть, Нестіарь, да Култай, да Пекшеяръ прозываются, вкругъ нихъ казацки зимницы, и тоже клады въ нихъ зарыты... И по Ялокниѣ тоже и по нашей лысковской рѣчонкѣ, Вишней прозывается... Между Конемъ и Жеребенкомъ большая зимница была, срубы до сей поры знать... Грѣшнымъ дѣломъ, и я туть копаль.

— Что-жь, дорылся до чего? — спросилъ Паташъ Максимычъ.

— Гдѣ дорыться!.. Есаулы-то вѣдь съ зароконъ казну хоронили, — отвѣчала Артемій. — Надо слово знать, вѣщбу такую... Кто вѣщбу знаетъ, молви только ее, кладъ-отъ самъ выйдетъ паружу... А въ томъ мѣстѣ важный кладъ положонъ. Если-бъ достался, внукамъ бы, правнукамъ не прожить... Двѣ-падцать бочекъ золотой казны на серебряныхъ цѣняхъ да пушка золотая.

— Какъ пушка золотая? — съ удивленіемъ спросилъ Паташъ Максимычъ.

— Такъ же золотая, изъ чистаго золота литая... И ядра при ней золотыя лежатъ, и жеребви золотыя, которыми Стенька Разинъ по басурманамъ стрѣлялъ... Вѣдь онъ Персіянское царство заполонилъ. Ты это слыхалъ ли?

— Нестаточное дѣло вору царство полонить, хоща бы и басурманское, — молвилъ Паташъ Максимычъ.

— Вѣрно тебѣ говорю, — рѣшительно сказалъ Артемій. — Кого хочешь спрошай, всякъ тебѣ скажетъ. Видишь ли, какъ дѣло-то было. Волга матушка въ Каспійское море пала, самъ я на то море не разъ съ чегенвикомъ да съ дрючкамъ хаживалъ. По сю сторону того моря сторона русская, крещеная, по ту басурманская, персіянская. Услыхалъ Стенька Разинъ, что за моремъ у басурмановъ много тысячей крещенаго народа въ полонѣ живеть. Собираетъ онъ казачій кругъ, говоритъ казакамъ такую рѣчь: — «Такъ и такъ, атаманы-молодцы, такъ и такъ, братцы-товарищи: нали до меня слухи, что за моремъ у персіяновъ много тысячей крещенаго народу живеть въ полонѣ, въ тяжкой работѣ, въ великой нуждѣ и горькой неволѣ; надо бы намъ, братцы, не полѣниться, за море съѣздить потрудиться, ихъ сердечныхъ изъ той неволи выру-

*) Лѣсныя рѣки, впадающія въ Волгу.

чить!» Есаулы-молодцы и все казаки в один голос гаркнули: — «Веди насъ, батька, в басурманское царство, русскій полонъ выручать!..» Стенька Разинъ радъ тому радешенекъ, а самъ первымъ дѣломъ къ колдуну. Спрашиваетъ, какъ ему русскій полонъ изъ басурманской неволи выручить. Колдунъ говоритъ ему: — «За великое ты дѣло, Стенька, принимаешься; басурманское царство осилить — не мутовку облизать. Одной силой-храбростью тутъ не возьмешь, надо вѣщбу знать...» — «А какая же на то вѣщба есть?» — спросилъ у колдуна Стенька Разинъ. Тотъ ему тайное слово сказалъ да примолвилъ: — «И съ вѣщбой далеко не уйдешь, а вылей ты золоту пушку, къ ней золоты ядра да золотые жеребья, да чтобъ золото было все церковное, а и лучше того монастырское... И какъ станешь палить, вѣщбу говори, тутъ и заберешь въ свои руки царство басурманское». Стенька Разинъ такъ все и сдѣлалъ, какъ ему колдуномъ было наказано.

— Что-жъ потомъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно что, — отвѣчалъ Артемій. — Зачалъ изъ золотой пушки палить да вѣщбу говорить — басурманское царство ему и покорилось. Молодцы-есаулы крещеный полонъ на Русь вывезли, а всякаго добра басурманскаго столько набрали, что въ лодкахъ и положить было некуда: много въ воду его пометали. Самого царя басурманскаго на колъ посадилъ, а дочь его царевну въ любовницы взялъ. Дошлый казакъ былъ, до дѣвокъ охочъ...

— Эту самую пушку ты и копалъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Эту самую, — сказалъ Артемій. — Когда атаманъ воротился на Русскую землю, привезъ онъ ту пушку съ жеребьями да съ ядрами въ наши лѣса и зарылъ ее въ большой зимницѣ межъ Копя и Жеребенка. Записи такія есть.

— Какъ же это до сихъ поръ никто той пушки не вынулъ? Вѣдь все знаютъ, въ какомъ мѣстѣ она закопана, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Экій ты, господинъ купецъ! — отвѣчалъ Артемій. — Мало знать, гдѣ кладъ положонъ, надо знать, какъ взять его... Да какъ и владать-то имъ — тоже надо знать...

— А какъ же кладомъ владать? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Это дѣло мудренѣе, чѣмъ кладъ достать, — отвѣчалъ Артемій. — Сколько ни было счастливыхъ, которымъ кладъ доставался, всемъ нечитай богатство не въ пользу пошло: тотъ сгорѣлъ, другой всехъ дѣтей схоронилъ, третій самъ прогорѣлъ да съ кругу сился, а иной до палачовыхъ рукъ до-

шель... Прахомъ больше такія деньгі идутъ... Счастливаго человѣка, что вынулъ кладъ, врагъ день и ночь караулитъ и на всякое худое дѣло наталкиваетъ... Знамо, хочется окаянному душой его завладать, чтобъ душой своей расплатился онъ за богатство. Потому, какъ только ты вырылъ кладъ, поповъ позови, молебень отпой, на церкву Божию вклады не пожалѣй, бѣднымъ половину денегъ раздай, и какого человѣка въ нуждѣ ни встрѣтишь, всякому поступишь — недобрая сила тебя не кѣснется, и богатство твое какъ вешняя вода на поѣмахъ каждый день, каждую ночь зачнетъ у тебя прибывать. Сколько денегъ нищимъ ты ни раздашь, а ихъ опять, какъ снѣгу въ степи, къ тебѣ въ домъ нанесетъ. Такъ и въ старинныхъ записяхъ писано: «А выпутый кладъ въ прокъ бы пошелъ, ино церковь Божью не забыть, ницей братьѣ расточить, вдову-сироту призрѣть, страннаго удовлетворить, алчнаго напитать, хладнаго обогрѣть». Какъ и про золоту пунку писано *). Хона бы тотъ кладъ и лихимъ человѣкомъ былъ положенъ на чью голову — заклятье его не подѣйствуетъ, а выпутый кладъ вмѣнится тебѣ за кладъ, самимъ Богомъ на счастье твое положенный.

— Развѣ Богъ-отъ кладеть клады? — съ усмѣшкой молвилъ Патакъ Максимычъ. — Эка что городишь!

— Какъ же не кладеть? — возразилъ Артемій. — Зарывають.. Господь въ землю и золото, и серебро, и всяки дорогіе камни тайной силой Своей зарываетъ. То и есть Божій кладъ... Золото вѣдь изъ земли же роютъ — а кто его туда положилъ?.. Вѣстимо, Богъ.

Патакъ Максимычъ насторожилъ уши, не перебивая Артемьева разсказа, привсталъ съ перицы и, склонивъ къ Артемью голову, ухватился руками за облучокъ.

— Когда Господь повѣлитъ мать сыру землю наградить, — продолжалъ Артемій: — пошлетъ Онъ ангела небеснаго на солнце и велитъ ему иверень **) отъ солнца отцербить ***) и вложить его въ громовую тучу... И Господнею силой тотъ солнечный иверень разольется въ тучѣ чистымъ золотомъ. И по Божьему велѣнью пойдетъ та туча надъ землею и въ молоньяхъ золото на землю посыплетъ. Какъ только та молонья ударитъ, такъ золото и польется на землю и въ ней пескомъ разсыплется... Это и есть Божій кладъ... А серебро ангелъ

*) Взято буквально изъ записи кладовъ.

**) Иверень — осколокъ, черепокъ, небольшая отбитая часть отъ какой-нибудь вещи.

***) Отцербить — отбить, отломить, говоря о посудѣ и вообще о хрупкой вещи.

Господень съ яснаго мѣсяца берегъ, а камни самоцвѣтные со звѣздъ небесныхъ... Вотъ какова чудна сила Божія...

— Да вѣдь грозы-то вездѣ бывають, — отчего-жъ не вездѣ роють золото? — спросилъ Патагъ Максимычъ.

— Не во всяку тучу Богомъ золото кладется, — отвѣтилъ Артемій: — а только въ ту, котору Его святой волъ угодно. Въ обиходной молоньѣ не золото, не серебро, а стрѣлка громовая кладется... Видалъ, что ли? Еще въ песокъ находятъ, воду съ той стрѣлки пьють отъ рѣзи въ живогѣ... А въ солнечной тучѣ стрѣлки нѣтъ, одно золото рассычатое. Молонья молонья рознь. Солнечная молонья рассыпается по небу ровно огненными волосами, бьетъ по землѣ не шибко, а ровно манна небесная сходить, и громъ отъ нея совѣтъ другой... Тутъ не громъ гремитъ, а Господни ангелы восхваляютъ славу Божію...

— А можно-ль узнать такое мѣсто, гдѣ золотая молонья нала? — сказалъ Патагъ Максимычъ.

При этомъ вопросѣ славшій Стуколовъ потянулся и, раскрывъ воротникъ шубы, захрапѣлъ пуще прежняго.

— Господь да небесные ангелы знаютъ, гдѣ она выпала. И люди, которымъ Богъ благословить, находятъ такія мѣста. По тѣмъ мѣстамъ и роють золото, — отвѣчалъ Артемій. — Въ Сибири, сказывають, много такихъ мѣстовъ...

— А ты бывалъ нешто въ Сибири-то? — спросилъ Патагъ Максимычъ.

— Самому быть не доводилось, — отвѣчалъ Артемій: — а слышать слыхалъ: у одного изъ нашихъ деревенскихъ сродники на Горахъ живутъ *), наши шабры **) дѣвку отголь брали. Каждый годъ ходять въ Сибирь на золоты прински, такъ они сказывали, что золото только въ лѣсахъ тамъ находятъ... На всемъ бѣломъ свѣтѣ золото только въ лѣсахъ.

— Въ лѣсахъ? — переспросилъ Патагъ Максимычъ.

— Въ лѣсахъ, — подтвердилъ Артемій. — Никогда Господь солнечную молонью близко отъ жила не пустить... Людей ему жалко, чтобъ ихъ не загубить.

— Чѣмъ же загубить? — спросилъ Патагъ Максимычъ.

— А какъ же? — молвилъ Артемій. — Вѣдь солнечна-то молонья не простой чета. Хлыщеть не шибко, а на которо мѣсто падеть, отъ того мѣста версть на десятокъ кругомъ живой души не останется...

— Отчего-жъ такъ? — спросилъ Патагъ Максимычъ.

*) То-есть на правой сторонѣ Волги.

**) Сосѣди

— У Бога спроси!.. Его тайна, — намъ грѣшнымъ разумѣть ее не дано!.. — отвѣчалъ Артемій. — Грозна вѣдь тайна-то сила Божія.

— А по здѣшнимъ лѣсамъ такая молонья выпадала? — послѣ нѣкотораго молчанья спросилъ Патапъ Максимычъ.

Паломникъ опять шевельнулся во слѣ.

— По нашимъ мѣстамъ не слыхать, — отозвался Артемій. — А тамъ на северъ, въ ветлужскихъ верхотинахъ, сказываютъ, бывало Божіе проявленье. Хвастать не стану, самъ не видалъ, а слыхать слыхалъ, что по тамошнимъ лѣсамъ Божьихъ кладовъ довольно.

— И золотой песокъ? — торопливо спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Есть и нески золотые, — отвѣчалъ Артемій.

— Которо мѣсто? — съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

Славный Стуколовъ вздрогнулъ и пересталъ всхланивать.

— Доподлинно сказать тебѣ не могу, потому что тамошнихъ лѣсовъ хорошо не знаю, — сказалъ Артемій. — Всего раза два въ ту сторону ѣздилъ и то дальше Уреия не бывалъ. Доѣдешь, Богъ дастъ, поспрошай тамъ у мужиковъ — скажутъ.

— Донеси Богъ!.. Вотъ и зимникъ!.. Ялокна!.. — крикнулъ дядя Онуфрій, сворачивая въ сторону, чтобы дать дорогу пошевиамъ.

На разставаньи Патапъ Максимычъ за сказки, за пѣсни, а больше за добрыя вѣсти, хотѣлъ подарить Артемию цѣлковый. Тотъ не взялъ.

— Спасибо на ласкѣ, господинъ купецъ, — молвилъ онъ: — а денегъ твоихъ не возьму.

— Экій, парень, чудной ты какой, — говорилъ ему Патапъ Максимычъ. — Бери, коли даютъ. На дорогѣ не поднимешь, пригодится.

— Какъ не пригодится? — сказалъ Артемій. — Только братъ твои деньги мнѣ не приходится, потому артель...

— Целзя Артемию съ тебя малу росинку взять, — подтвердилъ дядя Онуфрій. — Онъ въ артели.

— Ну, на артель примите, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Артель лишку не беретъ, — сказалъ дядя Онуфрій, отстраняя руку Патапа Максимыча. — Что слѣдовало — взято, лишняго не надо... Счастливо оставаться, ваше степенство!.. Путь вамъ чистый, дорога скатертью!.. Да вотъ еще что я скажу тебѣ, господинъ купецъ; послушай ты меня, старика: пока лѣсами ѣдешь, не говори ты чернаго слова. Въ степи какъ хочешь, а въ лѣсу не помилай его. До бѣды недалече...

Даромъ, что зима теперь, даромъ, что темная сила спать теперь подь землей... На это не надѣйся! Хитерь вѣдь онъ!..

Распроцались. Пошевни взяли вправо по ялоксинскому зимняку, и путники засвѣтло добрались до Нижняго Воскресенья.

Глава шестнадцатая.

На постояломъ дворѣ, на одной изъ широкихъ улицъ большого торговаго села Воскресенскаго, въ задней, чисто прибранной горенкѣ, за огромнымъ самоваромъ сидѣлъ Патапъ Максимычъ съ паломникомъ и молчаливымъ кушомъ Дюковымъ. Рѣшили они заночевать у Воскресенья, чтобы дать роздыхъ лошадямъ, вдосталь измученнымъ отъ непривычной ѣзды по зимнякамъ и лѣснымъ тропамъ.

— Горазды-жъ вы оба спать-то, — молвилъ Патапъ Максимычъ, допивая пятый либо шестой стаканъ чаю. — Вѣдь ты отъ зимницы до Ялокси глазъ не раскрылъ, Якимъ Прохорычъ, да и послѣ того спалъ вплоть до Воскресенья.

— Сонъ что богатство, — отвѣтилъ паломникъ: — больше спишь, больше хочется.

— А со мной все время лѣсникъ калякалъ, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — И пѣсни пѣлъ и сказки сказывалъ: затѣйный парень, молодецъ на все руки.

— Слава Тѣ, Господи, что сонъ меня одолѣлъ, — отозвался Стуколовъ. — Не осквернились по крайней мѣрѣ уши мои, не слышали бѣсовскихъ пѣсенъ и нечестивыхъ рѣчей треклятаго табачника.

— Пошелъ расписывать! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Вездѣ-то у него грѣхи да ереси, шагу ты не ступишь, не осудивши кого... Что за бѣда, что они церковники? И между церковниками зачастую попадаютъ хорошіе люди, зато и межъ старовѣрами такіе есть, что снаружи-то «блаженъ мужъ», а внутри «всуге паташася».

— Правая вѣра все покрываетъ, — сказалъ паломникъ: — а общеніе съ еретикомъ въ погибель вѣчную ведетъ... Не смотрѣли бы глаза мои на лица враговъ Божіихъ.

— Нашему брату этого нельзя, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Живемъ въ міру, со всякимъ народомъ дѣла бывають у насъ; не токма съ церковниками, съ татарами иной разъ хороводимся... И то мнѣ думается, что хоропіей чловѣкъ завсегда хорошѣ, въ какую бы вѣру онъ ни вѣровалъ... Вѣдь Господь повелѣлъ каждаго чловѣка возлюбить.

— Да не еретика, — подхватилъ Стуколовъ. — Не слыхалъ

развѣ, что въ писаніи про нихъ сказано: «и тати, и разбойницы, и волхвы, и челоуѣкоубійцы, и всякіе другіе грѣшники внидутъ въ царство небесное, только еретикамъ, врагамъ Божиимъ, нѣтъ мѣста въ горняхъ обителаяхъ»...

— Надобѣ ты мнѣ, Якимъ Прохорычъ, пуще горькой рѣдки такими разговорами, — съ недовольствомъ промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Обмірщился ты весь, обмірщился съ головы до ногъ, обошли тебя еретики, совсѣмъ обошли, — горько отвѣчалъ на то Стуколовъ. — Подумай о души спасеніи. Годы твои не молодые, пора о Богѣ помышлять.

— Береги ты свои рѣчи про другихъ, мнѣ опѣ не пригожи, — съ сердцемъ отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Хочешь, на обратномъ пути въ Комаровъ завернемъ? Толкуй тамъ съ матерью Манею... Ты съ ней какъ разъ сойдешься: что ты, что она — одного сукна епанча, одного лѣсу кочерга.

Стуколовъ нѣсколько смутился.

— А знаешь ли, что пѣсенникъ-отъ сказываль? — спросилъ послѣ недолгаго молчанія Патапъ Максимычъ.

— Почему я знаю? У соннаго нѣтъ ушей, — отвѣчалъ Стуколовъ.

— Про Стеньку Разина сказки рассказываль, про клады, по лѣсамъ зарытыя, а потомъ на земляное масло свель, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

Сонный Дюковъ вспрянулъ, уставивъ удивленные глаза на Патапа Максимыча. А Стуколовъ преспокойно студилъ вылитый на блюдечко чай.

— Слынишь? — обратился къ нему Патапъ Максимычъ. — Про золотой песокъ парень-отъ сказываль. На Ветлугѣ, дескать, подлинно есть такія мѣста.

— И безъ него знаемъ. — безучастно промолвилъ Стуколовъ.

— Въ лѣсахъ, говорить, золото лежитъ, ото всякаго жила далече, а которо мѣсто оно въ землѣ лежитъ, того не знаетъ, — продолжалъ Патапъ Максимычъ.

— Хошь и зналъ бы, такъ не сказалъ, — замѣтилъ Стуколовъ. — Про такія дѣла со всякимъ встрѣчнымъ не болтають.

— Сказаль же про клады, гдѣ зарыты, и въ какомъ мѣстѣ золотая пушка лежитъ. Богъ бы вырыть-то, Якимъ Прохорычъ, пожалуй, бы лучше приисковъ дѣло-то выгорѣло.

— Нустое городишь, Патапъ Максимычъ, — сказалъ па-ломникъ. — Мало-ль чего народъ ни вретъ? За вѣтромъ въ полѣ не угоняешься, такъ и людскихъ рѣчей не переслушаешь. Да хоть бы то и правда была, развѣ намъ слѣдъ за клады приниматься. Тутъ врагъ рода челоуѣческаго дѣй-

свуеть, самъ треклятый сатана... Душу свою, что ли, губить!.. Клады — приманка дьявольская; золотая росынь — Вожій даръ.

— Въ одно слово съ лѣвникомъ! — воскликнулъ Патапъ Максимычъ. — То же самое и онъ говорилъ.

— Правдой, значить, обмолвился злочестивый языкъ еретика, врага Божія, — сказалъ Стуколовъ. — Ину пору и это бываетъ. Самъ бѣсъ, когда захочетъ челоѵѵка въ еѵти уловить, праведное слово иной разъ молвить. И корчитъ самъ, и въ три погибели отъ правды-то его гнетъ, а все-таки ес вымолвить. И трепещетъ, а сказывается. Таковъ ужъ проклятый ихъ родъ!..

— Да полно-ль тебѣ, Якимъ Прохорычъ! — вставая съ лавки, съ досадою промолвилъ Патапъ Максимычъ. — О чемъ съ тобой ни заговори, все-то ты на дьявола своротишь... Ишь какъ бѣсу-то полюбилось на твоемъ языкѣ сидѣть, сойти долой окаянному не хочется.

Паломникъ плюнулъ и, сердито взглянувъ на Патапа Максимыча, пробормоталъ какую-то молитву, глядя на иконы.

— Есть Господь пути праведныхъ, путь же нечестивыхъ погибнетъ!.. — сказалъ онъ потомъ громкимъ голосомъ.

— Итъ, Якимъ Прохорычъ, съ тобой толковать надо поѵвши, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Да кстати и объ ужнѣ не мѣшаетъ подумать... Здѣсь, у Воскресенья, стерляди первый сортъ, не хуже васильсурекныхъ. Слосылать, что ли, къ ловцамъ на Лѣвиху *)?

— Въ Великій-отъ постъ? — испуганно воскликнулъ Стуколовъ.

— Въ пути сундимъ постъ разрѣшается, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Погаешься, коли Бога забыть, а мы и хлѣбца пожуюмъ, — молвилъ паломникъ сдержаннымъ голосомъ, не глядя на Патапа Максимыча.

— Эхъ, вы, постники безгрѣшныи!.. Зналъ я на своемъ вѣку такихъ, — шутилъ Патапъ Максимычъ. — Есть такія спасенныя души, что не только въ среду, въ понедѣльникъ даже молока не хлѣбнетъ, а молочницѣ и въ велику пятницу спуску не дастъ.

Плюнулъ съ досады Стуколовъ.

— Какъ же будетъ у насъ? — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Благословляй, что ли, святъ мужъ, къ ловцамъ посылать?.. Рыбенка здѣсь рѣдкостная, янтарь янтаремъ... Ну,

*) Деревня въ верстѣ отъ Воскресенья на Ветлугѣ, гдѣ ловятъ лучшихъ стерлядей.

Якимъ Прохорычъ, такъ ужъ и быть, опоганится да вплоть до Святой и закасется... Право же говорю, дорожнымъ людямъ постъ разрѣшается... Хоть Манею спроси... На что мастера поста разбираться, и та въ пути разрѣшается.

— Отстань отъ меня ради Господа, — молвилъ Стуколовъ. — Дѣлай, какъ знаешь, а другихъ во грѣхъ не вводи.

Патапъ Максимычъ махнулъ рукой и вышелъ къ хозяевамъ въ переднюю горницу, чтобъ спосылать ихъ къ ловцамъ за рыбой.

Только - что вышелъ онъ, Дюковъ торонливо сказалъ паломнику:

— Про мѣста разспрашивай!

— Не спозналъ и не спознаешь, — рѣшительно отвѣтилъ Стуколовъ. — Я все слышалъ, что лѣсникъ рассказывалъ...

— То-то, чтобъ намъ въ дуракахъ не остаться, — сказалъ Дюковъ.

— Будь покоенъ: попалъ карась въ нерето ⁴⁾, не выскочить.

Патапъ Максимычъ запоздалъ на Ветлугѣ. Проѣхали путники въ Урень, подъ видомъ закуски дешеваго яранскаго хлѣба. И въ самомъ дѣлѣ Патапъ Максимычъ сдѣлалъ тамъ небольшую закуску. Потомъ отправились въ лѣсную деревушку, къ знакомому Якиму Прохорыча, оттуда въ другую, Лукерьиной называется, къ зажиточному баклушнику ^{**)} Силантѣю. Оба знакомца Стуколова завѣряли Патапа Максимыча, что по ихнимъ лѣсамъ вправду золотой песокъ водится. Силантѣй показалъ даже стеклянный пузырекъ съ такимъ добромъ. На видъ песокъ, ни дать ни взять, такой же, какъ стуколовскій.

— Пробовали плавить его, — сказывалъ Силантѣй: — топили въ горну на кузницѣ, однако толку не вышло, гарь одна остается.

Къ великой досадѣ паломника, разболтавшійся Силантѣй показалъ Патапу Максимычу и гарь, вовсе не похожую на золото.

Какъ ни старался Стуколовъ замаять Силантѣевы рѣчи, на Патапа Максимыча напало сомнѣнье въ добротности ветлужскаго песка... Онъ купилъ у Силантѣи пузырькъ, а на придачу и гарь взять.

Когда совершалась эта покупка, Стуколовъ съ досадою

⁴⁾ Нерето, рыболовный снарядъ, сплетенный изъ сѣти на обручахъ въ видѣ воронки.

^{**)} Тотъ, что баклуши дѣлаетъ. Баклуши — чурки для токарной выдѣлки ложекъ и деревянной посуды.

всталъ съ мѣста и, походивъ по избѣ стѣпными шагами, вышелъ въ сѣни. Дюковъ осовѣлъ, сидя на мѣстѣ.

На другой день, рано поутру, Патапъ Максимычъ случайно подслушалъ, какъ паломникъ съ Дюковымъ ругательски ругалъ Силантя за «лишнія слова»... Это навело на него еще больше сомнѣнья, и, сидя со спутниками и хозяиномъ дома за утреннимъ самоваромъ, онъ сказалъ, что ветлужскій песокъ ему что-то сумнителенъ.

— У меня въ городѣ дружокъ есть, баринъ, по всякой наукѣ человекъ дошлый, — сказалъ онъ. — Семъ-ка я съѣзжу къ нему съ этимъ пескомъ да покучусь ему испробовать, можно-ль изъ него золото сдѣлать... Если выйдетъ изъ него заправское золото — ничего не пожалѣю, что есть добра, все къ оборотъ пуцую... А до той поры, гнѣвись не гнѣвись, Якимъ Прохорычъ, къ вашему дѣлу не приступлю, потому что оно покажется для меня потемки... Да!

— Съѣзди, пожалуй, къ своему барину... — молвилъ паломникъ. — Только не проболтайся ради Бога, гдѣ эта благодать родится. А то разнесутся вѣсти, узнаетъ начальство, тогда намъ за наши хлопоты шишъ и покажутъ... Самъ знаешь, земля вѣдь не наша.

— Купимъ ее, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Земли здѣсь не дороги.

— Легко сказать — купимъ, — перервалъ Стуколовъ. — Ежели бы земля-то здѣшняя была барскія, нечего бы и толковать, купилъ и шабашъ, а тутъ вѣдь казна. Годы пройдутъ, пока разрѣшатъ продажу. По здѣшнимъ мѣстамъ казенныхъ земель споконъ вѣку никто не покупывалъ, такъ...

— Не казенна здѣсь земля, удѣльная, — перебилъ Силантій.

Стуколовъ искоса взглянулъ на него: «Не суйся, дескать, куда не спрашиваютъ», и продолжалъ, обращаясь къ Патапу Максимычу:

— Съ удѣльной и того хуже. Удѣль земель не продаетъ. Да что объ этомъ толковать прежде времени? Коли дѣло пойдетъ, какъ уговорились, въ Питеръ отхлопочемъ за себя прииски, а коли ты, Патапъ Максимычъ, на попятный, такъ послѣ пеняй на себя...

— Кто на попятный? — вскрикнулъ Патапъ Максимычъ. — Никогда я на попятный ни въ какомъ дѣлѣ не поворачивалъ, не таковъ я человекъ, чтобы на попятный идти. Мнѣ бы только увѣриться... Обожди маленько, окажется дѣло вѣрное, тотчасъ подпишу условіе, и деньги тебѣ въ руки. А до тѣхъ поръ я несогласенъ.

— Да ты не всякому пузырькъ-отъ показывай, — сказалъ

паломникъ. — А то могутъ заподозрѣть, что это золото изъ Сибири, краденое. Насчетъ этого теперь строго, — какъ разъ въ острогъ.

— Малаго ребенка, что ли, вздумалъ учить? — вспыхнулъ Патапъ Максимычъ. — Развѣ мы этого не понимаемъ?.. Баринъ вѣрный: дружокъ мнѣ — не выдастъ. Отсюда прямо въ городъ къ нему.

— А вотъ что, Патапъ Максимычъ, — сказалъ паломникъ. — Городъ городомъ, и ученый твой баринъ нуцай его посмотреть, а вотъ я что еще придумалъ. Торонитесь тебѣ вѣдь некуда. Съѣздили бы мы съ тобой въ Красноярскій скитъ къ отцу Михаилу. Отсель рукой подать, двадцати верстъ не будетъ. Не хотѣлъ я прежде про него говорить, — а вѣдь онъ у насъ въ долѣ, — съѣздимъ къ нему на денекъ, ради увѣренья...

— По мнѣ пожалуй — для че не съѣздить, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Да что это за отецъ Михаилъ?

— Игуменъ Красноярскаго скита, — отвѣтилъ Стуколовъ. — Увидишь, что за человекъ, — поискать такихъ старцевъ!..

По совѣту Стуколова, уговорились ѣхать въ скитъ пообѣдавши. Передъ самымъ обѣдомъ паломникъ ушелъ въ заднюю, написалъ тамъ письмо и отдалъ его Силантію. Черезъ полчаса какіе-нибудь хозяйскій сыпъ верхомъ на лошади съѣхалъ со двора задними воротами и скорой рысью погналъ къ Красноярскому скиту.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда путники добрались до скита Красноярскаго. Стоялъ онъ въ лѣсной глуши, на берегу Усты, а кругомъ обнесенъ былъ высокимъ деревяннымъ частоколомъ. По срединѣ часовня стояла, вокругъ нея кельи, совсѣмъ непохожія на кельи Каменнаго вражка и другихъ чернораменскихъ женскихъ скитовъ. Все здѣсь было построено шире, выше, суразнѣе и просторнѣе; кельи другъ отъ дружки стояли подальше; не было на нихъ ни теремковъ, ни свѣтелокъ, ни вышекъ, ни смотрилень. Не будь середь обители высокой часовни да вокругъ нея намотильныхъ голубцовъ, Красноярскій скитъ больше бы походилъ на острогъ, чѣмъ на монастырь. Такой же высокій частоколъ вокругъ, такія же большія ворота, мѣстами обитыя желѣзомъ, такія же длинныя, высокія, однообразныя кельи съ маленькими окнами и вставленными въ нихъ желѣзными рѣшетками. Въ ограды хоть бы какой хлѣвусекъ.

Подѣхавъ къ скиту, путники остановились у воротъ и дернули висѣвшую у калитки веревку. Вдали послышался звонъ колокола; залаяли собаки, и черезъ нѣсколько времени чей-то голосъ сталъ изнутри спрашивать:

— Кого Господь даруеть?

— Люди знакомя, отецъ вратарь, — отозвался паломникъ. — Стуколовъ Якимъ съ дорогими гостями! Доложишь игумну, Якимъ, молю, Прохорычъ гостей привезъ.

— Отецъ игумень повечеріе править. Обождите малехонько, схожу благословлюсь... — отвѣтилъ за воротами привратникъ.

— Да ты поскорѣй, отецъ вратарь, мы вѣдь издалека. Кони приустанли, да и самимъ отдохнуть охота, — сказала Патапъ Максимычъ.

— Ладно, посиѣшу, — отвѣчалъ голосъ за воротами. — А много-ль васъ народу-то?

— Пятеро, — сказала Стуколовъ: — ты молви только отцу игумну: Якимъ, дескать, Прохорычъ Стуколовъ съ гостями пріѣхалъ.

— Ладно, ладно, скажу.

Привратникъ ушелъ и долго не возвращался. Набѣжавшіе къ воротамъ псы такъ и заливались свирѣпымъ лаемъ внутри монастыря. Тутъ были слышны и сильный, глухой лай какого-то стариннаго стража Красноярской обители, и тивканье задорной шавки, и завыванье озливагося волкопеса, и звонкій лай выклятника... Все сливалось въ одинъ оглушительный содомъ, а вдаль слышались ржанье стоялыхъ коней, мычанье коровъ и какія-то невразумительныя людскія рчи.

— Ну, братъ, въ этотъ скитъ, какъ въ царство небесное, сразу не попадешь, — сказала Патапъ Максимычъ паломнику.

— Нельзя въ лѣсахъ иначе жить, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Съ большой опаской здѣсь надо жить... потому глушь; вереть на десять кругомъ никакого жилья нѣтъ. А недобрыхъ людей немало, — какъ разъ пограбить... Старцы же здѣшніе — народъ пуганный.

— А что? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Мучили ихъ. Забрался одинова разбойники — грабили.

— Какъ такъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ же, — отвѣчалъ паломникъ. — Пошла слава про монастырь, что богатъ большо, а богатъ-отъ онъ точно богатъ, отъ того самаго дѣла — смекаешь... Въ погоду, самъ своими глазами увидишь... Годовъ десять тому и полетѣлись на Красноярскую обитель невѣдомо какіе злодѣи, задумали старцевъ пограбить... Сговорились съ бѣльцомъ ихняго же монастыря, тотъ у привратника ключи украсть и впустилъ ночью разбойниковъ. Человѣкъ пятнадцать ихъ было, народъ молодой, здоровенный... Которыхъ старцевъ въ кельяхъ за-

перли, которыхъ по рукамъ и ногамъ перевязали, да этакъ распорядившись, зачали по-своему хозяйничать... Часовню разбили, образа ободрали, къ игумну пришли. Всѣ мышинныя норки у него перерыли, а денегъ два съ полтиной только нашли. Принялись за отца Михаила, говорятъ, подавай деньги... Тотъ уперся... Никакихъ, говоритъ, денегъ у меня нѣтъ опричь тѣхъ, что вы отобрали. Разбойники его пытать: ужъ чего они надъ нимъ ни творили, и били-то его всячески, и арапникомъ-то стегали, и подошвы-то на берестѣ палили, и гвозди-то подъ ногти забивали... Вытерпѣлъ старецъ — слова не проронилъ, только молитву читалъ, какъ они его мучили. Замертво бросили въ чуланъ, думали, не живъ. Но помиловалъ Богъ — отдышался. За келейника игуменскаго принялись. Тотъ, не стерпя мукъ, можетъ-статься, и сказалъ бы, да, Богу благодаренье, самъ не зналъ, куда игумень деньги запрятали. Такъ и не покорыстовались... Разыскали послѣ разбойниковъ, сослали...

— Этакъ, пожалуй, старцы насъ и не пустятъ, подумаютъ — опять разбойники нагрянули, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Пустятъ, какъ не пустить. Меня знаютъ, — отвѣчалъ Стуколовъ.

Прошло немало времени, какъ въ монастырѣ снова послышались людскіе голоса.

— Отецъ вратарь, скоро ли ты? Отпирай! — крикнулъ Стуколовъ.

— Да вотъ отецъ казначей пришелъ поспрошать, что за люди? — слышалось изъ-за ограды.

— Ты, что-ль, будешь отецъ Михей? — крикнулъ Стуколовъ.

— Я грѣшнѣйшій инокъ Михей, — отвѣчалъ казначей. — А вы кто такіе?

— Да вѣдь сказаво было вратарю, что Стуколовъ Якимъ гостей привезъ... Сказывали отцу игумну али нѣтъ еще?

— Отецъ Михайлъ повечеріе править — нельзя съ нимъ теперь разговаривать, — отвѣчалъ привратникъ. — Потому я отцу казначею и доложилъ.

— Аль меня по голосу-то не признаешь, отецъ Михей? — спросилъ паломникъ.

— Какъ черезъ ворота человѣка признать по голосу? Я же и на ухо крѣпонецъ.

— Ахъ, вы, старцы Божьи! — крикнулъ Стуколовъ. — Не воры къ вамъ прѣехали, свои люди, знакомые. Благослови, отецъ Михей, ворота отворить.

— Да гости-то кто такіе съ тобой? — спросилъ казначей.

— Дюкови. Самсонъ Михайлычъ, дружокъ отцу-то Ми-

хану, — сказалъ Стуколовъ: — да еще Патапъ Максимычъ Чануринъ изъ Осиповки.

— Не братецъ ли матушки Манеѣ Комаровской? — спросилъ отецъ Михай.

— Онъ самый, — отвѣчалъ Стуколовъ.

— Инъ обождите маленько, пойду благословлюсь у отца игумна, — сказалъ казначей, и вскорѣ послышались шаги удалявшихся внутрь монастыря. Притихшій собачій лай поднялся пуце прежняго.

Изъ себя вышелъ Патапъ Максимычъ, браниться зачалъ. Бранилъ игумна, бранилъ казначея, бранилъ врагара, бранилъ собакъ и всю красноярскую братію. Пуце всего доставалось Стуколову.

— Къ какому ты лѣшему завезъ меня! — кричалъ онъ на весь лѣсъ. — Попесла же меня нелегкая въ это гнѣздо проклятое... Чтобъ ихъ всѣхъ тамъ свело да скорчило!.. Ночевать, что ли, тутъ въ лѣсу-то?.. Шайтанъ бы побралъ ихъ, этихъ чернецовъ окаянныхъ!.. Чтѣ они морозить насъ вздумали?.. Аль деревенскихъ дѣвокъ прячуть по подпольямъ?..

— Не грѣши празднымъ словомъ на Божьихъ старцевъ, — уговаривалъ его паломникъ. — Потерпи маленько. Иначе нельзя — на то уставъ... Опять же народъ пуганый — недобрыхъ людей опасаются. Самъ знаешь: кого медвѣдь дралъ, тотъ и шейка въ лѣсу боится.

Не внималъ уговорамъ Патапъ Максимычъ, ругани его конца не видѣлось. До того дошло, что онъ, харикувъ на ворота и обозвавъ весь монастырь нехорошими словами, хотѣлъ садиться въ сани, чтобъ ѣхать назадъ, но въ это время забрякали ключами, и иродрогшихъ путниковъ впустили въ монастырскую ограду. Тамъ встрѣтили ихъ четверо монаховъ съ фонарями.

До десятка собакъ съ разнообразнымъ лаемъ, ворчаньемъ и хрипѣньемъ бросилось на вонедшихъ. Псы были здоровенные, жирные и презлые. Кромѣ маленькой шавки, съ визгивымъ лаемъ задорно бросавшейся гостямъ подъ ноги, каждая собака въ одиночку на волка ходила.

— Лыска!.. Орелка!.. Жучка!.. По мѣстамъ, проклятыя!.. Цыма, Шарикъ!.. Чтѣ подъ ноги-то кидаешься?.. По мѣстамъ!.. — кричали на собакъ монахи и насилу-насилу успѣли ихъ разогнать.

— Чего съ такой исарней разбою бояться, — ворчалъ не уходившійся еще Патапъ Максимычъ. — Эти псы цѣлый стантъ разбойниковъ перегрызуть.

— Повечеріе на отходѣ, — чуть не до земли кланяясь Па-

тану Максимычу, сказалъ отецъ Спиридонъ, монастырскій гостинникъ, здоровенный старецъ, съ лукавыми, хитрыми и быстро, какъ мыши, бѣгающими по сторонамъ глазками. — Какъ угодно вамъ будетъ, гости дорогіе — въ часовню прежде, аль на гостиный дворъ, али къ батюшкѣ отцу Михаилу въ келью? Получаса не пройдетъ, какъ онъ со службой управится.

— По мнѣ все едино, — сухо отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Въ часовню такъ въ часовню, въ келью такъ въ келью.

— Такъ ужъ лучше въ часовню пожалуйте, — сказалъ отецъ Михей. — Посмотрите, какъ мы, убогіе, Божію службу по силѣ-возможности справляемъ... А пожитки ваши мы въ гостиницу внесемъ, коней уберемъ... Пожалуйте, милости просимъ.

И казначей отецъ Михей повелъ гостей по расчищенной между сугробами, гладкой, широкой, усыпанной краснымъ пескомъ дорожкѣ, межъ тѣмъ какъ отецъ гостинникъ съ повозками и работниками отправился на стоявшій отдѣльно въ углу монастыря большой, ставленный на высокихъ подклѣткахъ, гостиный домъ, для богомольцевъ и прѣзжавшихъ въ скитъ по разнымъ дѣламъ.

Войдя въ часовню, Патапъ Максимычъ пораженъ былъ благолѣшиемъ убранства и стройнымъ чиномъ службы. Старинный, ярко раззолоченный иконостасъ возвышался подъ самый потолокъ. Передъ мѣстными въ золоченыхъ ризахъ иконами горѣли ослонныя свѣчи, всѣ паникадила были зажжены, и синеватый клубъ ладана носился между ними. Старцы стояли рядами, всѣ въ соборныхъ мантияхъ съ длинными хвостами, всѣ въ опущенныхъ низко, на самые глаза камилавахъ и кафтыряхъ. За ними ряды ислушниковъ и трудниковъ изъ мірянъ; всѣ въ черныхъ суконныхъ подрясникахъ съ широкими черными усменными *) поясами. На обонхъ клиросахъ стояли пѣвцы: славилсь они не только по окрестнымъ мѣстамъ, но даже въ Москвѣ и на Иргизѣ. Среди часовни, предъ аналогіемъ, въ соборной мантии, стоялъ высокій, широкій въ плечахъ, съ длинными сѣдыми волосами и большою окладистой, какъ серебро, бѣлой бородой, старецъ и густымъ голосомъ дѣлалъ возгласы. Это былъ самъ игумень — отецъ Михаилъ.

Служба шла такъ чинно, такъ благоговѣнно, что сердце Патапа Максимыча, до страсти любившаго церковное благолѣпіе,

*) Усма — выдѣланная кожа, усменный — кожаный.

разомъ смягчилось. Забылъ, что его чуть не битыхъ полчаса заставили простоять на морозѣ. Съ сѣвнинымъ на лицѣ до-вольствомъ разсматривалъ онъ красноярскую часовню.

«Вотъ это служба такъ служба, — думалъ, оглядываясь на всѣ стороны, Патапъ Максимычъ. — Мастера Богу молиться, нечего сказать... Эко благозвѣніе-то какое!.. Рогожскому мало чѣмъ уступить... А нашей городецкой часовнѣ — куда! тѣхъ же щей да пожиге влей... Вожье-то милосердіе какое, иконы-то святыя!.. Просто заглядѣнье, а служба-то, служба-то — первый сортъ!.. Въ Иргизѣ такой службы не видывалъ!..»

Наружность игумна тоже понравилась Патапу Максимычу. Еще не сказавъ съ нимъ ни слова, полюбилъ ужъ онъ старца за порядки. Препней досады какъ не бывало.

«Эка здоровенный игумень-отъ какой, ровню изъ маѣраго дуба вытесанъ... — думалъ, глядя на него, Патапъ Макси-мычъ. — Ему бы не лѣстовку въ руку, а пудовый молотъ... Чудное дѣло, какъ это онъ съ разбойниками-то не справился... Да этакому старцу хоть на пару медвѣдей въ одиночку идти... Лапица-то какая!.. А молодецъ Богу молиться!.. Какъ это все у него стройно да чинно выходитъ...»

Кончилось повечеріе. Проговорилъ отнустъ отецъ Михаилъ и обратился къ старцамъ.

— Отцы и братіе и служебницы сея честныя обители!.. Возвѣщаю вамъ радость велию: убогое жителство наше по-сѣтили благочестивые христіолюбцы, крѣпкіе ревнители свято-отеческой вѣры нашае древляго благочестія. Чѣмъ воздадимъ за таковую милость къ намъ бывшую? Помолимся убо о здравіи ихъ и спасеніи и воспоемъ Господу Богу молебное пѣніе за милости творящихъ и заповѣдавшихъ намъ недо-стойнымъ молиться о нихъ.

Братія, обернувшись зѣразъ, чуть не до земли поклонились гостямъ, а отецъ Михаилъ замолитвовалъ канонъ о здравіи и спасеніи. Головщикъ праваго клироса звоннымъ голосомъ поаминилъ и дробно началъ чтеніе канона.

Тутъ ужъ совсѣмъ растаялъ Патапъ Максимычъ. Любилъ почетъ, особенно почетъ церковный. Пуще всего дорожилъ онъ тѣмъ, что съ самой кончины родителя, многіе годы бывшаго попечителемъ городецкой часовни, самъ постоянно былъ выбираемъ въ эту должность. Лѣстило его самолюбію, когда, бывая въ той часовнѣ за службой, становился онъ впереди всѣхъ, первый подходилъ къ цѣлованію евангелія или креста, получалъ отъ бѣлаго пона въ крещенскій сочельникъ первый кувшинъ богоявленской воды, въ вербну заутреню первую вербу, въ Свѣтло Воскресенье перву свѣчу.. Но такого по-

чета, какой быть оказанъ ему въ Красноярскомъ скиту, никогда ему и во снѣ не грезилось. Какъ было не растопиться сердцу, какъ не забыть досады, что взяла-было его у воротъ монастырскихъ? Слеза даже пролибла Патапа Максимыча.

«Сторублевой мало! — подумалъ онъ. — Игумень человекъ понимающій. По крайности сторублевую съ двумя четвертными надо вкладу положить».

Слушаетъ, а отецъ Михаилъ поминаетъ о здравіи и спасеніи рабовъ Божіихъ Патапія, Кееніи, дѣвицы Анастасіи, дѣвицы Параскевы, инокини Манебы, рабы Божіей Агриппины.

«Глядь-ка, глядь-ка, — удивлялся Патапъ Максимычъ: — всёхъ по именамъ такъ и валяется... И Груню не забылъ... Отъ кого это провѣдалъ онъ про моихъ сродниковъ?.. Двѣ сотенныхъ надо да къ Христову празднику муки съ масломъ на братію послать».

Когда же наконецъ сталъ отецъ Михаилъ поминать усопшихъ родителей Чапурина и перебралъ ихъ чуть не до седьмого колѣна, Патапъ Максимычъ какъ баба расплакался и рѣшилъ на обитель три сотни серебромъ дать и каждый годъ мукѣй съ краснораменскихъ мельницъ снабжать ее.

Такимъ раемъ, такимъ богоблагодатнымъ житьевствомъ показался ему Красноярскій скитъ, что не будь жены да дочерей, такъ хоть вѣкъ бы свѣковать у отца Михаила. «Нѣтъ, — думалъ Патапъ Максимычъ: — не чета здѣсь Городну, не чета и бабьимъ скитамъ!.. Съ Рогожскимъ потягается!.. Вотъ благочестіе-то!.. Вотъ они, земные ангелы, небесные же человекѣки... А я-то окаянный еще выругалъ ихъ непригожими словами!.. Прости, Господи, мое согрѣшеніе!»

Послѣ службы игумень, подойдя къ Патапу Максимычу, познакомился съ нимъ.

— Любезненькій ты мой! Касатикъ ты мой! — привѣтствовалъ онъ, ликуясь съ гостемъ. — Давно была охота повидаться съ тобой. Давно слышантъ, много про тебя слышантъ, вотъ и привелъ Господь свидѣться.

— Случая до сей поры не выдавалось, отецъ Михаилъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Рѣдко бываю въ здѣшнихъ мѣстахъ, а на Устьѣ совсѣмъ впервой.

— Ну, спаси тебя Господи, что надумалъ насъ убогихъ посѣтить, — говорилъ игумень. — Матушка-то Манеба комаровская по плоти сестрица тебѣ будетъ?

— Сестра рѣдная, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Дивная старца! — сказалъ отецъ Михаилъ. — Духовной

жизни; опять же отъ писанія какая начетчица, а ужъ домо-строительница кака!.. Поискать другой такой старицы, во всемъ христіанствѣ не найдешь!.. Ну, гости дорогіе, въ трапезу не угодно ли?.. Сегодня день недѣльный, а ради праздника Сорока Мучениковъ поліелей — по уставу вечерняя трапеза полагается: разрѣшеніе елей. А въ прочіе дни святаго четьредесятницы ядимъ единожды въ день.

Пошли въ келарню игумень, братія, служебницы, работные трудники и гости. Войдя въ трапезу, всѣ разомъ положили уставные поклоны передъ иконами и сѣли по мѣстамъ. Патапа Максимыча игумень посадилъ на почетное мѣсто, рядомъ съ собой. Между соборными старцами усѣлись Стуколовъ и Дюковъ. За особымъ столомъ съ бѣльцами и трудниками сѣли работники Патапа Максимыча.

Трапеза совершалась по чину. Чередовой чтець заунывнымъ голосомъ протяжно нараспѣвъ читалъ «Синаксарь». Келарь, подойдя къ игумну, благословился первую яству ставить брати, отецъ чашникъ благословился квасъ разливать, отецъ будильникъ на разносномъ блюдѣ принялъ пять деревянныхъ ставцевъ съ гороховой лапшой, келарь взялъ съ блюда ставецъ и съ поклономъ поставилъ его передъ игумномъ. Отець Михайль и тутъ воздалъ почетъ Патапу Максимычу: ставецъ передъ нимъ поставилъ, себѣ взялъ другой. Также и чашу съ квасомъ и кану соковую, поданную келаремъ, все отъ себя переставлялъ гостю.

Когда Патапъ Максимычъ, проголодавшись дорѣдой, принялся-было ушсывать гороховую лапшу, игумень наклонился къ нему и сказалъ потихоньку:

— Ты, любезенькій мой, на лапшицу-то не больно налегай. Въ гостиницѣ наказалъ я самоварчикъ изготовить да закусочку ради гостей дорогихъ.

— Зачѣмъ это, отче? — отозвался Патапъ Максимычъ. — Были бы сыты и за трапезой, ишь какая лапша-то у васъ вкусная. Напрасно беспокоился.

— Нѣтъ, касатикъ, ужъ прости меня Христа ради, а у насъ ужъ такой уставъ: мірскимъ гостямъ учреждать особную трапезу во утѣшеніе... Вы же путники, а въ пути и постъ разрѣшается... Рыбки не припасти ли?

— Нѣтъ, отецъ Михайль, не надо — постъ, — сказала Патапъ Максимычъ.

— Въ пути и въ морскомъ плаваніи святае отцы постъ разрѣшали, — молвилъ игумень. — Благослови рыбку приготовить. — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ. — А рыбка по милости Господней хорошая: осетринки найдется и бѣлужинки.

— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ Михайль, — продолжалъ отпѣкиваться Патапъ Максимычъ: — и въ грѣхъ не вводи.

— Говорю тебѣ, что святые отцы въ пути сущимъ и въ морѣ плавающимъ постъ разрѣшали, — настаивалъ игумень. — Хочешь, въ книгахъ покажу?.. Да что тутъ толковать, касатикъ ты мой, со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходять... Твори, брате, послушаніе.

— Охъ, ты, отецъ Михайль!.. Какой ты, право... — сказала Патапъ Максимычъ, сдаваясь на слова игумна и рѣшаясь по его велѣнію сотворить послушаніе. — Нечего дѣлать, — прибавилъ онъ, улыбаясь: — послушаніе наче поста и молитвы. Такъ, что ли, писано, отче?

— Ахъ, ты, касатикъ мой! охъ, ты, мой любезненькій!.. — молвилъ игумень и, подозвавъ отца Спиридонія, велѣлъ ему шеннуть Стуколову и Дюкову, чтобъ и они не очень налегали на кашу да на кашу.

Трапеза кончилась, отецъ будильникъ съ отцомъ чанникомъ собрали посуду, оставшіеся куски хлѣба и соль. Игумень ударилъ въ кандію, всѣ встали и, стоя на мѣстахъ, гдѣ кто сидѣлъ, въ безмолвіи прослушали благодарныя молитвы, прочитанныя канонархомъ. Отецъ Михайль благословилъ братію, и всѣ попарно тихими стопами пошли вонъ изъ келарни.

— Ну, гости дорогіе, любезненькіе вы мои, — сказалъ отецъ Михайль, оставшись съ ними въ опустѣвшей келарнѣ: — теперь я васъ до гостинаго двора провожу, тамъ и упокоитесь... А ты, отецъ будильникъ, гостямъ-то баньку истопи, съ дороги-то пускай завтра попарятся... Да пожарче, смотри, топи, чтобъ и воды горячей и целоку было довольно, а вѣники въ квасу распарь съ мяткой, а въ воду и въ квасъ, что на каменку поддавать, тоже мятки положи да калуферцу... Чтобъ все у меня было хорошо... Не осрами, отче, передъ дорогими гостями, пораждѣй, чтобъ возлюбилі убогую нашу обитель.

— Въ исправности будетъ, отче святой, — смиренно отвѣчалъ будильникъ, низко кланаясь. — Постараюсь гостямъ угодить.

— Кѣнямъ-то засыпалъ ли овсеца-то, отецъ казначей? — спрашивалъ игумень, переходя изъ келарни въ гостиницу. — Засыпалъ бы безъ мѣры, сколько съѣдятъ... Да молви, не забудь, отцу Спиридонію, пріѣзжихъ-то работниковъ хорошенько бы упокоилъ... Ахъ, вы, мои любезненькіе! ахъ, вы, касатикки мои!.. Какихъ гостей-то мнѣ Богъ даровалъ!.. Бѣги-каты, Трофимушка, — молвилъ игумень проходившему мимо бѣльцу: — бѣги въ гостиницу, поставь фонарь на лѣстницѣ, да молви, самоваръ бы на столъ ставили, да отецъ келарь

медку бы сотоваго прислалъ, да клюковки, да яблочковъ, что ли, моченыхъ... Ненарокомъ пріѣхали-то вы ко мнѣ, гости любезные, — не взыщите... Не изготовился принять васъ какъ надобно.

Въ гостиницѣ, въ углу большой, небогато, но опрятно убранной горницы, поставленъ былъ столъ, и на немъ кипѣлъ ярко вычищенный самоваръ. На другомъ столѣ отецъ гостинникъ Спиридоній разставлялъ тарелки съ груздями, мелкими рыжиками, волнухами и вареными въ уксусѣ бѣлыми грибами, тутъ же явились и сотовый медъ, и моченая брусника, и клюква съ медомъ, моченыя яблоки, пряники, финики, изюмъ и разные орѣхи. Среди этихъ закусокъ и заѣдокъ стояло нѣсколько графиновъ съ настойками и наливками, бутылка рому, другая съ мадерой ярославской работы.

— Садитесь, гости дорогіе, садитесь къ столику-то, любезненькіе мои, — хлопоталъ отецъ Михаилъ, усаживая Патапа Максимыча въ широкое мягкое кресло, обитое черною юфтью, изукрашенное гвоздиками съ круглыми мѣдными шляпками. — Разливай, отецъ Спиридоній... Да что это лампадки-то не зажгли передъ иконами?.. Малецъ, — крикнулъ игумень молоденькому бѣльцу, съ подобострастнымъ видомъ стоявшему въ передней: — затепли лампадки-то, да и въ боковушахъ у гостей тоже затепли... Передъ чайкомъ-то настоечки, Патапъ Максимычъ, — прибавилъ онъ, наливая рюмку. — Ахъ, ты, мой любезненькій!

— Да не хлопочи, отецъ Михаилъ, — говорилъ Патапъ Максимычъ. — Напрасно.

— Какъ же это возможно не угощать мнѣ такихъ гостей? — отвѣчалъ игумень. — Только ужъ не погнѣвайтесь ради Христа, дорогіе мои, не взыщите у старца въ кельѣ — не больно-то мы запасливы... Время не такое — пріѣхали на хрѣтъ да на рѣдку... Отецъ Спиридоній, слетай-ка, родименькій, къ отцу Михею, молви ему тихонько — гости, молъ, утрудились, они же, дескать, люди въ пути сущіе, а отцы святые такимъ постъ разрѣшаютъ, прислалъ бы сюда икорки, да балычка, да селедочекъ копченыхъ, да провѣсной бѣлорыбицы. Да взялъ бы звено осетринки, что къ масленой изъ Сибири привезли, да бѣлужинки малосольной, да севрѣжки, что ли, разварилъ бы еще.

Отецъ Спиридоній низко поклонился и пошелъ исполнить игуменское повелѣніе.

— Что же настоечки-то?.. Передъ чайкомъ-то?.. Вотъ звѣробойная, а вотъ зорная, а эта на трефолы настоена... А не то сладенькой не изволишь ли?.. Якимъ Прохорычъ, ты, любез-

пенькій мой, человекъ знакомый, и ты тоже, Сампсонъ Михайловичъ, вась потчевать много не стану. Кушайте, касатки, сдѣлайте божескую милость.

Выпили по рюмочкѣ, закусили сочными яранскими груздями и мелкими вятскими рыжиками, что зовутся «бисерными»...

— Отецъ Михайль, да самъ-то ты что же? — спросилъ Патапъ Максимычъ, замѣтивъ, что игумень не выпилъ водки.

— Наше дѣло иноческое, любезенькій, ты, мой Патапъ Максимычъ, а сегодня разрѣшенія на вино по уставу нѣтъ, — отвѣчалъ онъ. — Вамъ, мірянамъ, да еще въ пути суцимъ, разрѣшеніе на вся, а намъ, грѣшнымъ, не подобаетъ.

— Говорится же, что гостей ради постъ разрѣшается? — сказала Патапъ Максимычъ.

— Ахъ, ты, любезенькій мой, ахъ, ты, касатикъ мой, — подхватилъ отецъ Михайль. — Оно точно что говорится. И въ уставахъ въ иныхъ написано... Много вѣдь уставовъ-то иноческаго житія: соловецкій, студійскій, Афонскія горы, синайскій — да мало ли ихъ, — мы больше все по соловецкому.

— Ну, и выкушалъ бы съ нами чару соловецкую, — шутя сказала Патапъ Максимычъ.

— Ахъ, ты, любезенькій мой!.. Какой ты, право!.. Грѣха только не будетъ ли?.. Какъ думаешь, Якимъ Прохорычъ? — говорилъ игумень.

— Маленькую можно, — сухо проговорилъ паломникъ.

— Охъ, ты, касатикъ мой! — воскликнулъ игумень, обнявъ паломника, потомъ налилъ рюмку настойки, перекрестился широкимъ, размашистымъ крестомъ и молодецки выпилъ.

«Должно-быть, и выпить не дуракъ, — подумалъ Патапъ Максимычъ, глядя на отца игумна. — Какъ есть молодецъ на всѣ руки».

Воротился отецъ Спиридоній, доложилъ, что передалъ игуменскій приказъ казначею.

— Отецъ Михей говоритъ, что есть у него малая толика живенькихъ окуньковъ да изей, да линь съ двумя щучками, такъ онъ хотѣлъ еще уху гостямъ сготовить, — сказалъ отецъ Спиридоній.

— Ну, Богъ его спасетъ, что догадался, а мнѣ старому и невдомекъ, — сказала отецъ Михайль. — Это хорошо съ дороги-то ушки горяченькой похлевать... Ну, Богъ тебя благословитъ, отецъ Спиридоній!.. Выкушай рюмочку.

— Не подобаетъ, отче, — смиренно проговорилъ гостиникъ, а глаза такъ и прыгаютъ по графинамъ.

— Э-эхъ! всѣ мы грѣшники передъ Господомъ! — наклоняя голову, сказала игумень. — Охъ, охъ, охъ! грѣхи наши тяж-

ніе!.. Согрѣшилъ и я, окаянный — разрѣшилъ!.. Что станешь дѣлать?.. Благослови и ты, отецъ Спиридоній, на рюмочку — ради дорогихъ гостей Господь простить!..

Отецъ гостиникъ не заставилъ себя уговаривать. Безирекословно исполнилъ онъ желаніе отца игумна.

Выпили по чашкѣ чаю, налили по другой. Передъ второй выпили и закусили принесенными отцомъ Михеемъ рыбными снѣдями. И что это были за снѣди! Только въ скитахъ и можно такими полакомиться. Мѣшечная осетровая икра точно изъ черныхъ перловъ была сдѣлана, такъ и блеститъ жиромъ, а зернистая троячная*) какъ сливки — сама во рту таетъ, балыкъ величины непомѣрной, жирный, сочный, такой, что самому донскому архіерею не часто на столѣ подаютъ, а бѣлорыбница, присланная изъ Елабуги, бѣла и глянцевица, какъ атласъ. Хорошо ѣдятъ скитскіе старцы, а лучше того угощаютъ нужнаго человѣка, коли Богъ въ обитель его принесетъ. Мѣдной копейки не тратитъ обитель на эти «утѣшенія» — все усердное даваніе христіолюбцевъ.

Живетъ христіолюбецъ, вѣкъ свой рабочихъ на пятаки, покупателей на рубли обесчѣиваетъ. Случится къ казнѣ подъѣхать — и казну не помилуетъ, сумѣетъ и съ нея золотую пестинку сорвать. Плачутся на христіолюбца обиженные, а ему и дѣла мало, сколачиваетъ денежку на черный день, подъ конецъ жизни сотнями тысячъ начнетъ ворочать, да разика два обалкрутится, по гривнѣ за рубль заплатитъ и наживетъ миллионъ... Приблизится смертный часъ, толстосумъ сробѣетъ, проситъ, молитъ наслѣдниковъ: «устройте душу мою грѣшную, не быть бы ей во тьмѣ кромѣшной, не кипѣть бы мнѣ въ смолѣ горючей, не мучиться бы въ жупелѣ огненномъ». И начнутъ поминать христіолюбца наслѣдники: сгромоздятъ колокольню въ семь ярусовъ, выльютъ въ тысячу пудовъ колоколь, чтобы до третіяго небеси слышно было, какъ тотъ колоколь будетъ вызванивать изъ ада душу христіолюбца-мошенника. Ризъ нашьютъ парчевыхъ съ жемчугами да съ дорогими камнями, такихъ, что попу не въ моготу и носить ихъ, да и страшно — поручь одна какая-нибудь виатеро дороже всего поповскаго достоянья. Сотни рублей платятъ наслѣдники христіолюбца голосистому протодьякону, чтобы такую «вѣчную память» соралъ онъ по тятенькѣ, отъ какой бы и во адѣ всѣмъ чертямъ стало тошнехонько. И вызвонятъ и вырвутъ такимъ способомъ грѣшную душу изъ вѣчныхъ мукъ...

*) Въздужью зернистую икру лучшаго сорта до желѣзныхъ дорогъ отвозили въ Москву и другія мѣста на почтовыхъ тройкахъ тотчасъ послѣ поѣзда. Оттого и звали ее «троичной».

Раскольникамъ такъ спасать родителей не доводится — колокола, ризы и громогласные протодьяконы у нихъ возбраняются. Какъ же, чѣмъ же имъ сердечнымъ спасать душу тятенькину?.. Ну и спасаютъ ее отъ муки вѣчныя икрой да балычками, жертвуютъ всѣмъ, что есть на потребу бездоннаго ипоческаго стомаха... Посылай неоскудно скитскимъ отцамъ-матерямъ осетрину да севрюжину — несомнѣнно получить тятенька во всѣхъ путешествіяхъ милосердное прощеніе. Въдь старцы да старицы мастера Бога молить: только деньги подавай да кормы посылай, любого грѣшника изъ ада вымолять... Оттого и не скудѣетъ въ скитахъ милостыня. Бѣль бы жирнѣй да пиль бы пнянѣй освященный чипъ — спасенье всякаго мошенника несомнѣнно.

Откушалъ Патапъ Максимычъ икорки да балычка, селедокъ переславскихъ, елабужской бѣлорыбицы. Вкусно — нахвалиться не можетъ, а игумень радъ-радехонекъ, что удалось почествовать гостя дорогого. Дюковъ долго глядѣлъ на толстое звено балычка, крѣпился, взглядывая на паломника, — прорвало-таки, забывъ Великій постъ, согрѣшилъ — оскоромился. Врагу дѣйствующу согрѣшили и старцы честные. Первымъ согрѣшилъ самъ игумень, глядя на него Михей со Спиридоніемъ. Паломникъ укрѣпился, не осквернилъ усть своихъ рыбнымъ яденіемъ.

Покончивъ съ рыбными снѣдями, принялись за чай съ постнымъ молокомъ, то-есть съ ромомъ. Тутъ старцы отъ мірянъ не отстали, воздержнѣй другихъ оказался тотъ же паломникъ.

Поразвеселились, языки развязались, пошла бесѣда откровенная, даже Дюковъ помаленьку зачалъ разговаривать.

— Что, отецъ Михаилъ, скучно чай въ лѣсу-то жить? — спросилъ Патапъ Максимычъ у игумна.

— Распрелюбезное дѣло, касатикъ ты мой, — отвѣчала онъ. — Какъ бы отъ недобрыхъ людей не было опаски, лучше бы лѣснаго житья во всемъ свѣтѣ, кажись, не сыскать... Злодѣи-то вотъ только шатаются иной разъ по здѣшнимъ мѣстамъ... Десять годовъ тому, какъ они гостить пріѣзжали къ намъ... Памятки отъ тѣхъ гостинъ до сей поры у меня знать... Погляди-ка, вотъ ухо-то какъ было разсѣчено, — прибавилъ онъ, снимая камилавку и приподнимая сѣдые волосы. — А вотъ еще ихняя памятка, — продолжалъ игумень, распахивая грудь и указывая на оставшіеся послѣ ожога бѣлые рубцы: — да вотъ еще перстами не двигаю съ тѣхъ поръ, какъ они гвоздочки подъ ногти забивали мѣ.

И показалъ Патапу Максимычу два сведенные въ суставахъ пальца лѣвой руки.

— Какъ бы не страхъ отъ этихъ людей, какой бы еще жизни! — продолжалъ отецъ Михайль. — Придетъ лѣто, птичекъ Божьихъ налетитъ видимо-невидимо; отъ зари до зари расиѣвають онѣ на разные гласы, прославляютъ Царя Небеснаго... Въ воздухѣ таково легко да приятно, благоуханіе несказанное, цвѣточки цвѣтутъ, травки растутъ, звѣрки бѣгаютъ... А выйдешь на Усту, бредень закинешь, окуньковъ паловишь, ливей, шучекъ, налимъ иной разъ въ вершу попадетъ... Какого еще житья?.. Зимней порой поскучиѣе, а все же нашего лѣсного житья не промѣнить на ваше городское... Вѣдь я, любезненькій мой, пятьдесятъ годовъ въ здѣшнихъ-то лѣсахъ живу. Четыринадцать лѣтъ въ пустыню пришелъ; неразумный еще былъ, голоусый, грамотѣ не зналъ... Такъ промежъ людей въ міру-то болтался: бѣдность, нужда, нищета, выросъ сиротой, самый послѣдній былъ человѣкъ, а привелъ же вотъ Богъ обителью править: безъ году двадцать лѣтъ игуменствую, а допрежъ того въ келаряхъ десять лѣтъ высидѣлъ... Какъ же не любить мнѣ лѣсовъ, болѣзненный ты мой, какъ мнѣ не любить ихъ?.. Вѣдь они родные мои.

— Конечно, привычка, — замѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Да, касатикъ мой, истинное слово ты молвилъ, — отвѣчалъ отецъ Михайль. — Это, какъ у васъ въ міру говорится: «привычка не рукавичка, на спичку ее не повѣсишь». Всякому свое, до чего ни доведись... Въ книгѣ животнѣй, яже на небеси, овому писано грады обладати, овому рать строити, овому въ корабляхъ моря преплывати, овому же куплю дѣяти, а наше дѣло о имени Христовѣ подаваніемъ христороубцевъ питаться и о вѣсѣхъ истинныхъ христіанахъ древяго благочестія молитвы приносить. Свѣтъ истинный вездѣ, и въ морѣ далече, и во градахъ, и въ весяхъ, а гдѣ мѣста ближе ко Христу-Свѣту, какъ въ лѣсахъ да въ пустыняхъ, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Такъ-то, касатикъ, такъ-то, родненькій!..

— Такъ у васъ въ обители, говоришь, соловецкій чинъ содержится? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Чинъ соловецкій, любезненькій ты мой, а также и по духовной грамотѣ прелодобнаго Іосифа Волоцкаго. Прежде всего о томъ тѣчаніе имѣемъ, како бы во обители все было благообразно и по чину... А ты, миленькій отецъ Спиридоній, палей-ка гостямъ еще по чашечкѣ да ромку-то не жалѣй, старче!.. Ну, опять же, касатикъ ты мой, Патапъ Максимычъ, блюдемъ мы опасно, дабы въ трапезѣ вѣ сидѣли со благоговѣніемъ и въ молчаніи... Вѣдь святыи-то отцы что написали о монастырской трапезѣ? «Яко, глаголютъ, святыи жертвен-

пикъ, тако и братская трапѣза во время обѣда — равны суть»... Да ты что осовѣлъ, отецъ Спиридоній, подливай гостямъ-то, не жалѣй обительскаго добра... Ахъ, ты, любезненькій мой, Патапъ Максимычъ!.. Вотъ припесь Христось гости нежданнаго да желаннаго!.. А ужъ сколько заботъ да хлопотъ о потребахъ монастырскихъ, и рассказать всего невозможно. И о пищѣ-то пошекись и о питіи, объ одеждѣ и обуви *) , и о монастырскомъ строеніи, и о кѣняхъ, и о скотномъ дворѣ, обо всемъ... А братіей-то править, думаешь, легкое дѣло?.. О-охъ, любезненькій ты мой, какъ бы зналъ ты нашу монастырскую жизнь... Грѣхи, грѣхи наши!.. Потчуй а ты, отецъ Спиридоній!.. Да что же ушницю-то, ушницю?.. Отецъ Михей, давай скорѣе, торопи на поварнѣ-то, гости, моля, ужинать хотятъ.

Минуть черезъ пять казначей воротился, и за нимъ принесли уху изъ свѣжей рыбы, паровую севрюгу, осетрину съ хрѣномъ и кислую капусту съ квасомъ и свѣжепросольной бѣлужной. Ужинъ, пожалуй, хоть не у старца въ кельѣ Великимъ постомъ.

И старцы и гости, кромѣ паломника, всѣ согрѣшили — оскромились. И вина разрѣшили во утѣшеніе довольно. Кончивъ трапѣзу, отецъ Михей да отецъ Спиридоній начали носомъ окуней ловить. Сильно разбирала ихъ дремота.

— Ты бы, отче, благословить отцамъ-то уснокоиться, смотри, глаза-то у нихъ совсѣмъ слипаются, — молвилъ Стуколовъ, быстро взглянувъ на игумна.

— Инъ подите въ самомъ дѣлѣ, отцы, уснокойтесь, Богъ благословить, — молвилъ игумень.

Положивъ уставныя поклѣны и простившись съ игуменомъ и гостями, пошли отцы вопъ изъ кельи. Только-что удалились они, Стуколовъ на лѣса свель рѣчь. Словоохотливый игумень рассказывалъ, какое въ нихъ всему изобиліе: и грибовъ-то какъ много, и ягодъ-то всякихъ; помянулъ и про дрова, и про лыки, потомъ тихонько, вкрадчивымъ голосомъ молвилъ:

— А посмотрилъ бы ты, касатикъ мой, Патапъ Максимычъ, что въ нѣдрахъ-то земныхъ сокрыто, отдалъ бы похвалу нашимъ налестинамъ.

— А что такое? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Отъ другихъ потаю, отъ тебя не скрою, любезненькій ты мой, — отвѣчалъ игумень. — Опять же у васъ съ Якимомъ Прохорычемъ, какъ вижу, дѣла-то одни... Золото водится по нашимъ лѣсамъ — брать только надо умѣючи.

*) Обувь.

— Слыхалъ я про ваше ветлужское золото, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — только вѣры что-то неймае, отче святой. Пробовали, слышь, топить его, одна гарь выходитъ.

— Это ему вечеръ Силантій насудачилъ, — вступился Стуголовъ.

— Какой Силантій? — спросилъ игумень.

— Да въ деревнѣ Лукерьянѣ Силантѣя Петрова развѣ не знаешь? — молвилъ паломникъ.

— А, лукерьянскій!.. Коротенька-Ножка?.. Какъ не знать! — отозвался игумень. — Да чего-жъ онъ въ этомъ дѣлѣ смыслить! Навалилъ, поди, песку въ горшокъ, да и ну калить!.. Извѣстно, этакъ окромѣ гары не выйдетъ ничего... Тутъ, любезненькій мой, Патапъ Максимычъ, науку надо знать. Кого Богъ наукой умудрилъ, тотъ и можетъ за это дѣло браться, а темному человѣку, невѣгласу оно никогда не дается... Читалъ ли «Шестодневъ» Василья Великаго? Тамъ о премудрыхъ-то хитрецахъ что сказано? «Тайны Господни имъ вѣдомы, еже въ пучинахъ морскихъ, еже въ нѣдрахъ земныхъ».

— Это такъ, отче, это ты вѣрно говоришь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Ну, такъ какъ же изъ того песку золото дѣлать?

— Не умудрилъ меня Господь наукой, касатикъ ты мой... Куда мнѣ темному человѣку! Говорилъ вѣдь я тебѣ, что и грамотѣ-то здѣсь въ лѣсу научился. Кой-какъ бреду. Писаніе читать могу, а насчетъ грамматическаго да философскаго ученія тутъ ужъ, разлюбезный ты мой, я не при чемъ... Да, признаться, и не разумѣю, что такое за грамматическое ученье, что за философія такая. Читалъ про нихъ и въ книгѣ «Вѣрѣ», и въ «Максимѣ Грекѣ», а что такое оно обозначаетъ, прости Христа ради, не знаю.

— Почему-жъ ты знаешь, отче, что изъ того песку можно золото дѣлать? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Ахъ, ты, любезненькій мой!.. Ахъ, ты, касатикъ!.. — восклицалъ отецъ Михайлъ. — А вотъ я тебѣ все по-ряду скажу. Ты вотъ у насъ въ часовнѣ-то за службой былъ, святые иконы видѣлъ?

— Видѣлъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Хороши? — спросилъ игумень.

— Нечего и толковать, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Такого благолѣпія сроду не видалъ. У насъ, въ Городецкой часовнѣ, супротивъ вашей — плевое дѣло.

— То-то же, — сказалъ игумень. — А чѣмъ наши иконы позолочены? Все своимъ ветлужскимъ золотомъ. Погоди, вотъ завтра покажу тебѣ ризницу, увидишь и кресты золотые, и

чани, и оклады на евангеліяхъ, все нашего ветлужскаго золота. Знамо дѣло, такую вещь надо втайнѣ держать; сказываемъ, что все это приношеніе благодѣтелей!.. А какіе тутъ благодѣтели?.. Свое золото, доморощенное.

— Такъ неужель у тебя въ скиту про это дѣло вся братія знаетъ? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ возможно, любезненькій ты мой!.. Какъ возможно, чтобы весь монастырь про такую вещь знали?.. — отвѣчалъ отецъ Михайль. — Въ огласку такихъ дѣловъ пускать не годится... Слухъ-отъ по скиту ходитъ, много болтаютъ, да пустыя рѣчи пустыми завсегда и остаются. Видятъ песокъ, а силы его не знаютъ, не умѣютъ, какъ за него взяться... Пробовали, какъ Силантій же, въ горшкѣ топить; ну, извѣстно, ничего не вышло; послѣ того сами же на смѣхъ стали поднимать, кто по лѣсу золотой песокъ собираетъ.

— Какъ же, честный отче, сами-то вы съ нимъ справляетесь? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Охъ, ты, любезненькій мой! охъ, ты, касатикъ мой!.. Что мнѣ сказать-то ужъ, я, право, и не знаю, — замѣчалъ, отвѣчалъ отецъ Михайль, поглядывая то на паломника, то на Дюкова.

— Сказывай, какъ есть, — молвилъ Стуколовъ. — Таитья нечего: Патапъ Максимычъ въ долѣ по этому дѣлу.

— По золотому? — спросилъ игумень, кидая смутный взглядъ на паломника.

— А по какому же еще? — быстро подхватилъ Стуколовъ и, слегка нахмурясь, строго взглянулъ на отца Михаила. — Какія еще дѣла могутъ у тебя съ Патапомъ Максимычемъ быть? Не службу у тебя въ часовнѣ будетъ онъ править... Другихъ дѣловъ съ нимъ пѣтъ и быть не должно.

— А я думалъ, что ты, любезненькій мой, съ Патапомъ Максимычемъ по всѣмъ дѣламъ заодно, — иѣсколько смутившись, молвилъ игумень.

Быстро Стуколовъ съ мѣста всталъ и торопливыми шагами прошелся по кельѣ. Незамѣтно для Патапа Максимыча, легонько толкнулъ онъ игумна.

— Расскажи ему, отче, какъ вы съ нескомъ тѣмъ справляетесь, — сказалъ онъ нотомъ мягкимъ голосомъ.

— Да, ужъ, пожалуйста, повѣдай мнѣ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Вогъ дастъ, заодно станемъ работать... Пріиски откроемъ.

— Ахъ, ты, любезненькій мой! Ахъ, ты, касатикъ!.. — воскликнулъ отецъ Михайль, обнимая Патапа Максимыча. — А ты вотъ облѣпихи-то рюмочку выкушай... Изъ Сибири прислали благодѣтели, хорошая наливочка, попробуй... Расчудесная!

Патапъ Максимычъ вышилъ облѣпихи. Називка оказалась въ самомъ дѣлѣ расчудесною.

— Ну, такъ какъ же, отче?.. — сказали онъ. — Какъ у васъ песокъ-отъ въ золото передѣлаваютъ?

— Теперь у насъ такого знатока нѣтъ, — отвѣчалъ игумень. — Былъ, да годовъ съ десятокъ померъ. — А нонѣ, любезенькій ты мой, Патапъ Максимычъ, вотъ какъ мы дѣлаемъ. Я, грѣшный, да еще двое изъ братіи только и знаемъ про это дѣло. Лѣтней порой, тайкомъ отъ другихъ, мы и собираемъ сколько Богъ приведетъ песочку да по зимѣ въ Москву его и справляемъ... А па Москвѣ есть у насъ други-пріятели, въ этомъ дѣлѣ силу они разумѣютъ. Господь ихъ вѣдаетъ, какою хитростью дѣлаютъ они изъ нашего песку золото, а на нашу долю сколько его причтется, деньгами высылаютъ... По наукѣ, касатикъ ты мой, по наукѣ до этого доходятъ, а мы чтѣ? Люди слѣные, темные, куда намъ разумѣть такую силу!..

Задумался Чапуринъ... Обращаясь къ отцу Михаилу, сказалъ онъ:

— Вотъ и я то же говорю Якиму Прохорычу: прежде испытать надо, а потомъ за дѣло браться.

— Справедлива рѣчь твоя, любезенькій ты мой, — отвѣчалъ игумень: — справедливая рѣчь!.. «Искуси и познай», въ писаніи сказано. Безъ испытанія нельзя.

— Вотъ и думаю я съѣздить въ городъ, — сказали Патапъ Максимычъ: — тамъ дружокъ у меня есть, по этой самой наукѣ доточный. На царскихъ золотыхъ промыслахъ служилъ... Дамъ ему песочку, чтобъ испробовалъ, можно-ль изъ него золото дѣлать.

— Что-жъ, съѣзди, съѣзди, любезенькій ты мой!.. Увѣрься!.. Не соваться же и въ самомъ дѣлѣ въ воду, не спросясь броду? — говорили игумень.

Паломникъ съ досады опять вскочилъ; пройдясь раза два по кельѣ, сердито онъ взглянулъ на отца Михаила и вышелъ.

— А много-ль примѣрно каждый годъ наберете вы этого песку? — спросилъ Патапъ Максимычъ игумна.

— Да чтѣ наше дѣло! Совсѣмъ пустое, — отвѣчалъ отецъ Михаилъ. — Ино лѣто чуть не полпуда наберешь, а пользы всего пѣлговыхъ на сто, либо на полтораста получишь...

— Чтѣ такъ мало? — спросилъ Патапъ Максимычъ. — Вѣдь золота пудъ на плохой конецъ двѣнадцать тысячъ пѣлговыхъ.

— Ахъ, ты, любезенькій мой!.. Чтѣ же намъ дѣлать-то? — отвѣчалъ игумень. — Дѣло наше заглазное. Кто знаетъ, много-ль у нихъ золота изъ пуда выходитъ?.. Какъ повѣрить?.. Чтѣ

дадутъ, и за то спаси ихъ Христосъ, Царь Небесный... А вотъ какъ бы намъ съ тобой да настоящіе промысла завести, да дѣло-то бы дѣлать не тайкомъ, а съ вѣдома начальства, куда бы много пользы получили... Можетъ-статься, не одну бы сотню пудовъ чистаго золота каждый годъ получали...

Смокъ Патапъ Максимычъ. Погрузился онъ въ расчеты. Между тѣмъ вошелъ Стуколовъ и еще суровѣй взглянулъ на отца Михаила. Тотъ вздохнулъ тяжело, опустил на лобъ камлавку и потушилъ глаза.

— Чтò же? Какое теперь будетъ твое рѣшеніе? — спросилъ у Патапа Максимыча Стуколовъ.

— Да я не прочь, только напередъ съѣзжу увѣриться, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Когда поѣдешь? — спросилъ паломникъ.

— Отсюда прямо, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

Пѣтухи заплѣли, отецъ Михаилъ съ мѣста поднялся.

— Ахти, закалякался я съ тобой, разлюбезный ты мой Патапъ Максимычъ, — сказала онъ. — Слышь, вторы кочета поютъ, а мнѣ къ утрени надо вставать... Простите, гости дорогие, усните, успокойтесь... Отецъ Спиридоній все изготовилъ про васъ: тебѣ, любезненькій мой Патапъ Максимычъ, вотъ въ этой келийкѣ послано, а здѣсь налѣво Якиму Прохорычу съ Сампсономъ Михайлычемъ. Усни во здравіе, касатикъ мой, а завтра съ утра въ баньку пожалуй... А чтò, па сонъ-отъ грядущій мадерцы рюмочку не искушаешь ли?

Патапъ Максимычъ съ Дюковымъ выпили по рюмкѣ, выпилъ и гостепріимный хозяинъ. Паломникъ мрачно простился съ отцомъ Михаиломъ.

Крѣпко полюбился игумень Патапу Максимычу. Больно по праву пришлись и его простодушное добросердечіе, его на каждомъ шагѣ замѣтная домовитость и умѣнье вести хозяйство, а пуще всего то, что умѣеть людей отличать и почетъ воздавать кому слѣдуетъ. «На все гораздъ, — думалъ онъ, укладываясь спать на высоко взбитой перинѣ: — молебень ли справить, за чарочкой ли побесѣдовать... Постоянный старецъ!.. Надо наградить его хорошенько!»

Увѣренія игумна насчетъ золота пошатнули нѣсколько въ Патапѣ Максимычѣ сомнѣнье, возбужденное разговорами Спалантя. «Не станеть же врагъ старецъ Божій, не станеть же душу свою ломать — не таковъ онъ человекъ», — думалъ про себя Чапурникъ и рѣшилъ непременно приняться за золотое дѣло, только испробуетъ купленный песокъ. «Самъ игумень

совѣтуеть, а онъ человѣкъ обстоятельный, не то что Якимъ торопыга. Ему бы все тотчасъ вынь да положи».

Въ думахъ о ветлужскихъ сокровищахъ сладко заснулъ Патапъ Максимычъ, богатырскій хралъ его скоро раздался по гостиницѣ. Паломникъ и Дюковъ еще не спали и, слышавъ хралъ сосѣда, тихонько межъ собой заговорили.

— Экъ его, старого хрѣна, дернуло! — шепталъ паломникъ. — Чѣмъ бы завѣрить да уговаривать, а онъ въ городъ совѣтуеть: «Поѣзжай, увѣрься!». Кажется, все толкомъ писалъ къ нему съ Силантьевымъ сыномъ — такъ вотъ поди же ты съ нимъ... Совсѣмъ съ ума выступилъ.

— Что-жъ, пуцай его съѣздить, — молвилъ Дюковъ.

— Пуцай съѣздить! — передразнилъ паломникъ пріятеля. — А что Силантій-отъ продалъ ему? Какой у него песокъ-отъ?

— Мяконькій? — улыбнувшись, спросилъ Дюковъ.

— То-то и есть, — отвѣтилъ Якимъ Прохорычъ. — Надо дѣло поправлять.

— Надо, — согласился Дюковъ.

— Ты вотъ что сдѣлай, — говорилъ паломникъ. — Въ баню съ нимъ вмѣстѣ ступай, подольше его задерживай, я управлюсь тѣмъ временемъ. Смекаешь?

— Ладно, — сказалъ Дюковъ.

— Сибирскимъ подмѣно, настоящимъ.

— Понимаю.

— Цѣлковыхъ на триста отсылать придется, — ворчалъ Стуколовъ. — Ишь оно пустое-то мелево чего стоитъ!.. Триста цѣлковыхъ не щепки... Поди-ка выручай потомъ.

— Выручишь! — сказалъ Дюковъ.

— Выручимъ ли съ Патапа, нѣтъ ли, а завтра же я триста цѣлковыхъ со старого болтуна справлю... Эка языкъ-отъ не держится... Слышалъ?.. Вѣдь онъ чуть-чуть про картинку не брякнулъ...

— Да... Я, признаться, струхнулъ, — молвилъ Дюковъ.

— Писано было ему, старому псу, подробно все писано; и какъ у воротъ подольше держать, и какую службу справить, и какъ принять, и что говорить, и про рыбную нищу писано, и про баню, про все. Прямехонько писано, чтобъ окромѣ золотого песку никакихъ рѣчей не заводилъ. — А онъ гляди-ка ты!

— Да, — согласился Дюковъ.

— Хоть бы тысчонокъ десять съ Патапа слушать, — молвилъ паломникъ. — И за то бы можно было благодарить Создателя... Ну, да утро вечера мудренѣе — прощай, Сампсонъ Михайлычъ.

— Спокойной ночи, — отвѣчалъ, зѣвая, полусонный Дюковъ и, повернувшись на бокъ, заснулъ.

Но паломникъ еще долго ворочался на тюфякъ — жаль было ему разставаться съ сибирскимъ пескомъ.

Поднялись ранехонько, на зарѣ, часу въ шестомъ. Только узнавъ игуменъ, что гости поднимаются, самъ поспѣшилъ въ гостиницу, а тамъ отецъ Спиридоній ужъ возится вокругъ самовара.

— Что, гости дорогіе, какво спали-ночевали, весело ли вставали? — радушно улыбаясь, привѣтствовалъ Патапа Максимыча съ товарищами отецъ Михаилъ.

— Важно спали, честный отче! — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Ужъ такъ ты насъ упокоилъ, такъ уважилъ, что вѣвѣки не забуду.

— Ахъ, ты, любезненькій мой!.. — говорилъ игуменъ, обнимая Патапа Максимыча. — Касѣтикъ ты мой!.. Клопы-то не укуса ли?.. Давно гостей-то не бывало, поди голодны, собаки!.. Да не мало-ль у васъ сугрѣву въ кельѣ-то было!.. Никакъ студено?.. Отецъ Спиридоній, велика малыцу печи поскорѣе вытонить, да чтобы скуталь ихъ вѣ-время, угару не налуетиль бы.

Молча поклонился гостинникъ и поспѣшилъ исполнить велѣніе настоятеля.

— А въ баньку-то? — спросилъ игуменъ Патапа Максимыча. — Ужъ опарили!.. Коли жарко любишь, теперь бы шель. Мы, грѣшные, за часы пойдемъ, а ты тѣмъ временемъ попарься.

По строгому монастырскому уставу, что содержится въ скитахъ, бани не дозволяется. Мыться въ банѣ, купаться въ рѣкѣ, обнажать свое тѣло — великій грѣхъ, а ходить вѣкъ свой въ грязи и всякой нечистотѣ — богоугодный подвигъ, подъятый ради умерщвленія плоти. Возненавидь тѣло свое, смирай его постомъ, бдѣніемъ, безсчетными земными поклонами, наложи на себя тяжелыя вериги, веселись о каждой ранѣ, о каждой болѣзни, держи себя въ грязи и съ радостью отдавай тѣло на кормленіе насѣкомымъ — вотъ завѣтъ византийскихъ монаховъ, перенесенный свитошами и въ нашу страну. Но не весь этотъ завѣтъ исполняется. Старые народные обычаи крѣпко держатся, и баня съ вѣниками, которыми, говорятъ, еще апостоль Андрей дивовался на Ильмени, удержалась и въ пустыняхъ и въ монастыряхъ, несмотря на греческія проклятыя. Не ходятъ въ баню лишь тѣ скитскіе жители, что самое подвижное житіе провождаютъ, да и тѣ ину пору не могутъ устоять противъ «демонскаго стрѣлянія» — парятся.

Въ Красноярскомъ скиту отъ бани никто не отрекался, а самъ игуменъ ждетъ, бывало, не дождется субботы, чтобъ хорошенько пропарить грѣшную плоть свою. Оттого банька и

была у него построена на славу: большая, свѣтлая, просторная, съ липовыми полками и лавками, мѣнявшимися чуть не каждый годъ.

Узнавъ изъ письма, присланнаго паломникомъ изъ Лукерьяна, что Патапа Максимыча хоть обѣдомъ не корми, только выпарь хорошенько, отецъ Михаилъ тотчасъ послалъ въ баню троихъ трудниковъ съ скобелями и рубанками, и велѣлъ имъ какъ можно чище и глаже выстрогать всю баню — и полки, и лавки, и полъ, и стѣны, чтобы вся была какъ новая. Чуть не съ полночи жарили баню, варили щелоки, кипятили квасъ съ мятой для распариванья вѣшниковъ и поддаванья на каменку.

Диву дался Патапъ Максимычъ, войдя въ баню; уваженіе его къ отцу Михаилу удвоилось. Такой баней средо никто не угощалъ его. Въ передбанникѣ на лавкахъ высокъ, въ нѣсколько рядовъ, наложены были кошмы, покрытыя бѣлыми простынями; весь полъ устланъ войлоками, а на нихъ раскидано пахучее сѣно, крытое тоже простынями. Въ банѣ на полкахъ и на лавкахъ насланы были обданные кошмякомъ калуферъ, мята, чаберъ, донникъ *) и другія пахучія травы. На лавкахъ лежали вѣшники, стояли мѣдныя луженые тазы со щелокомъ и взбитымъ мыломъ, а рядомъ съ ними большіе тѹсы**), налитые подогрѣтымъ на мятѣ квасомъ для окачиванія передъ тѣмъ, какъ лѣзть на полокъ. На особомъ, крытомъ скатертью столикѣ разложены были суконки, мелко расчесанныя вехотки ***) и куски казанскаго яичнаго мыла.

— Сумѣлъ банькой употчевать отецъ игумень, — молвилъ Патапъ Максимычъ дюжимъ бѣльцамъ, посланнымъ его парить. — Вотъ баня такъ баня, хоть царю въ такой париться. Ай да отецъ Михаилъ!

Днѣ пары вѣшниковъ отхлыстали бѣльцы о Патапа Максимыча, а онъ таялъ въ восторгѣ да покрикивалъ:

— Поддавай, поддавай еще!.. Прибавь парку, миленькіе!.. У, жарко!.. Поддавай а ты, поддавай!..

И дюжіе бѣльцы, не жалѣя мятнаго кваса, плескали на спорникъ ****) тѹсы за тѹсомъ и, не жалѣя Патапа Максимыча, изо всей силы хлыстали его какъ огонь жаркими вѣшниками.

Вдругъ Патапъ Максимычъ прыгнулъ съ полка и стрем-

*) Калуферъ, или кануферъ — *balsamita vulgaris*; чаберъ — *satureja hortensis*; донникъ — *melilolus officinalis*.

**) Буракъ, сдѣланный изъ бересты, съ тугою деревянною крышкою.

***) Вехотка — пучокъ расчесаннаго мочала. Суконка — лоскутъ сукна или байки, которымъ мылятся.

****) Крупный булыжникъ въ банной каменкѣ; мелкій зовется «копоялпшникомъ».

главъ кинулся къ дверямъ, распахнувъ ихъ, вылетѣлъ вошь изъ бани и бросился въ сугробъ. Снѣгъ обжегъ раскаленное тѣло, и съ громкимъ гоготаньемъ началъ Чапуринъ валяться по сугробу. Минуты черезъ двѣ вбѣжалъ назадъ и прямо на полдкѣ.

— Хлыщи жарче, ребяташки!. Поддавай, поддавай, миленькіе!. — кричалъ онъ во всю мочь, и бѣльцы принялись хлытать еще пуще прежняго.

Три раза валялся въ сугробѣ Патапъ Максимычъ, дюжину вѣшниковъ отхлытали объ него здоровенные бѣльцы, цѣлый жбанъ холоднаго квасу выпилъ онъ, заливая банный паръ, насилу-то насилу отпарился.

И, когда легъ въ передбанникѣ на разостланныя кошмы, совсѣмъ умилился душой, вспоминая гостепримнаго игумена.

— На все гораздъ отецъ Михаилъ, — говорилъ онъ Дюкову: — а ужъ насчетъ бани, просто сказать, первый человекъ на свѣтѣ.

— Старецъ хорошій, — чуть слышно промычалъ Дюковъ и задремалъ на кошмѣ. Онъ тоже упарился.

Между тѣмъ какъ Патапъ Максимычъ наслаждался въ банѣ, паломникъ, разчитавъ время, тихими стопами вышелъ изъ часовни и отправился въ гостиницу. Тамъ заперся изнутри и вошелъ въ келью, гдѣ ночевалъ Патапъ Максимычъ. Порывшись въ его пожиткахъ, скоро нашелъ лузырекъ, взятый у Силантя. Стуколовъ послѣдно его опорожнилъ и насыпалъ своимъ пескомъ. Положивъ лузырекъ на прежнее мѣсто, паломникъ преспокойно отправился въ часовню и тамъ усердно сталъ поребировать лѣстовку, искоса взглядывая на игумена. Взоры ихъ наконецъ встрѣтились. Смутившійся игумень возвелъ очи горѣ.

Въ келарнѣ потрапезовали, когда Патапъ Максимычъ съ Дюковымъ воротились изъ бани. Игумень успѣшилъ въ гостиницу.

— Ну, банька же у тебя, отче!.. — сказалъ Патапъ Максимычъ, низко кланяясь отцу Михаилу. — Спасибо... Вотъ уважилъ, такъ уважилъ!..

— Ахъ, ты, любезенькій мой! Ахъ, ты, касатикъ мой! — восклицалъ игумень, обнимая Патапа Максимыча. — Ужъ не взыщи Христа ради на убогихъ нашихъ недостаткахъ... Мы ото всей души, родненькій... Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Не ложно скажу тебѣ, отче, сроду такъ не паривался. Ужъ такая у тебя банька, такая банька, что рассказать невозможно... — говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Послѣ баньки-то выкупать надо, — молвилъ игумень,

наливая рюмку сорокотравчатой: — да и за столь милости просимъ. Не взыщи только, любезненькій ты мой Патапъ Максимычъ.

Обѣдъ былъ поданъ обильный, кушаньямъ счету не было. На первую переѣмну поставили разные пироги постные и рыбные. Была кулебяка съ пшеномъ и грибами, была другая съ вязигой, жирами, молоками и сибирской осетриной. Кругомъ ихъ, ровно малыя дѣтки вокругъ родителей, стояли блюда съ разными пирогами и пряженцами. Какихъ тутъ ни было!.. И кислые подовые на орѣховомъ маслѣ, и пряженцы съ семгой, и ватрушки съ грибами, и оладьи съ зернистой икрой, и пироги съ тѣльнымъ изъ щуки. Управились гости съ первой переѣмною, за вторую принялись: для постника Стуколова поставлены были лапша соковая да щи съ грибами, а разрѣпившимъ постъ уха изъ жирныхъ ветлужскихъ стерлядей.

— Покушай ушицы-то, любезненькій ты мой, — угощалъ отецъ Михайлъ Патапа Максимыча: — стерлядки, кажись, ничего себѣ, подходящія, — говорилъ онъ, кладя въ тарелку дорогому гостю два огромныя звена янтарной стерляди и палимы печенки. — За ночь нарочно гонялъ на Ветлугу къ ловцамъ. Отъ насъ вѣдь рукой подать, версть двадцать. Заходятъ и въ нашу Усту стерлядки, да не часто... Растегайчиковъ въ ушицѣ-то!.. Кушайте, гости дорогие.

Отработалъ Патапъ Максимычъ и ветлужскую уху и растегайчики. Потрудились и сотрапезники, не успѣли оглянуться, какъ блюдо растегаевъ исчезло, а въ мискѣ на донышкѣ лежали одиѣ стерляжьи головки.

— Винца-то, любезненькій ты мой, винца-то благослови, — потчевалъ игумень, наливая рюмки портвейна. — Толку-то я мало въ заморскихъ винахъ понимаю, а люди пили да похваливали.

Портвейнъ оказался въ самомъ дѣлѣ хорошимъ, Патапъ Максимычъ не заставилъ гостеприимнаго хозяина много просить себя.

Новая переѣмна явилась на столь — блюда разсолныя.. Тутъ опять явились стерляди разварныя съ селеными огурцами да морковью, кромѣ того поставлены были осетрина холодная съ хрѣномъ, да бѣлужья тѣшка съ квасомъ и капустой, тавраичукъ осетрій, щука подъ чеснокомъ и хрѣномъ, нельма съ солеными подновскими огурцами, а постнику грибы разварные съ хрѣномъ, да тертый горохъ съ орѣховымъ масломъ, да каша соковая съ маковымъ масломъ.

За разсолной переѣмною были поданы жареная осетрина, лещи, начиненныя грибами, и непомѣрной величины караси.

Затѣмъ сладкій пирогъ съ вареньемъ, левашники, оладьи съ сотовымъ медомъ, сладкіе кисели, кievское варенье, ржевская пастила и отваренныя въ патоку дыни, арбузы, груши и яблоки.

Такой обѣдъ закатилъ отецъ Михайлъ... А приготовлено все было хоть бы Никитичи въ пору. А наливки одна другой лучше: и вишневка, и ананасная, и поляниковка, и морошка, и царица всѣхъ паливокъ, благовонная сибирская обльпиха *). А какое пиво монастырское, какіе меда ставленныя — чудо. Таково было «учрежденіе» гостямъ въ Красноурекскомъ скиту.

Насилу перетаскились отъ стола до постелей. Патапъ Максимычъ, какъ завелъ глаза, такъ и пустилъ храпъ и свистъ на всю гостиницу. Отецъ Михей да отецъ Спиридоній едва въ силу убрались по кельямъ, возсылая хвалу Создателю за дарованіе гостя, ради котораго разрѣшили они надокучившее суходѣніе, смѣнили гороховую лапшу на диковинныя стерляди и другія лакомыя яства. Отецъ Михайлъ, угощая другихъ, и себя не забывалъ. Не пошелъ онъ къ себѣ въ келью, а, кой-какъ дотащившись до постели паломника, заснулъ богатырскимъ сномъ, поохавъ передъ тѣмъ маленько и сотворивъ не одинъ разъ молитву: «согрѣшихъ предъ Тобою, Господи, чревоугодіемъ, піанственнаго питія вкушеніемъ, объденіемъ, невоздержаніемъ»...

Дюковъ тоже завалился на боковую. Одинъ только Стуковъ остался свѣжимъ и бодрымъ... Когда сотрапезники потащились къ постелямъ, презрительно поглядѣлъ онъ на объѣвшихся, сѣлъ за столъ и принялся писать.

Часа черезъ полтора игумень и гости проснулись. Отецъ Спиридоній притащилъ огромный мѣдный кунгаль съ холоднымъ игристымъ малиновымъ медомъ, его не замедлили опорожнить. Послѣ того отецъ Михайлъ сталъ показывать Патапу Максимычу скитъ свой...

И братскія кельи и хозяйственныя постройки срублены были изъ толстаго кондоваго лѣса, а часовня, келарня и настоятельская «стая» изъ такой лиственницы, что ее облюбовалъ бы каждый строитель корабля. Все было пригнано вплотную, ничего не покосилось, ничего не выдалось ни впередъ ни назадъ. Не было на кельяхъ ни вышекъ, ни теремковъ, никакихъ другихъ украшеній, зато глядѣли онѣ богатырскими покоями. Внутри келій не было такъ приглядно и нарядно, какъ въ женскихъ

*) Поляника, или княженика — *rubus arcticus*; обльпиха — *hippophae rhamnoides*, растетъ только за Уральскими горами.

скитахъ: большіе, тяжелые столы, широкія лавки на толстыхъ, въ цѣлое бревно ножкахъ, изразцовыя печи и деревянныя, столярной работы, божницы въ углахъ—вотъ и все внутреннее убранство. Ни зеркальца, ни картинки на стѣнѣ, ни занавѣски, ни горшковъ съ бальзаминомъ и розанелью на окнахъ, столъ обычныхъ въ Комаровѣ и другихъ чернораменскихъ обитателяхъ, въ заводѣ не было у красноярской братіи. Только и было сходства съ женскими скитами въ опрятности и удушливомъ запахѣ ладана и восковыхъ свѣчъ. Въ сѣняхъ между кельями понастроено было несчетное число чулановъ, отдѣлявшихся не жиденькими перегородками, а толстыми мшеничными срубамн. И вездѣ такъ широко и просторно. Не то что въ кельѣ, въ каждомъ чуланѣ съ привольемъ могла бы помѣститься любая крестьянская семья изъ стѣнныхъ, безлѣсныхъ нашихъ губерній.

У отца Михаила заведенъ былъ особый порядокъ: общежитіе шло на ряду съ собственнымъ хозяйствомъ старцевъ. И монахи и бѣльцы получали отъ обители пищу и одежду, но каждый имѣлъ и свои деньги. На эти деньги и ѣли послаще въ своихъ кельяхъ и платье носили получше того, какое каждый годъ раздавалъ имъ казначей. Большею частью старцы Божьи изводили свои денежки на «утѣшеніе», то-есть на чай да на хмельное и разныя къ нему закуски. Рѣдкій день, бывало, пройдетъ, чтобъ честные отцы не собирались у кого-нибудь вкупе: чайку попить, пображничать да отъ писанія побесѣдовать; а праздникъ придетъ, у игумна утѣшаются, либо у казначея. Такъ и коротали дни свои земные ангелы, небесныя же человѣки, проводя время то на молитвѣ, то на работѣ, то за утѣшеніемъ. Монастырь былъ богатый, и братія весело поживала во всякомъ довольствѣ и даже избыткѣ.

На конный дворъ пошли, тамъ стояли лошади рослыя, жирныя, откормленныя, шерсть на нихъ такъ и лоснится. Сыплютъ имъ овса, задаютъ сѣна безъ счета, безъ мѣры, зато и кони были не чета деревенскимъ, мужичьимъ клячамъ, слоны слонами. На что хороши разгонныя лошади у Патапа Максимыча, да нѣтъ, далеко имъ до игуменскихъ. Заглянули въ сарай, тамъ телѣги здоровенныя, кибитки съ кожаными верхами и юфтовыми залонами, казанскіе тарантасы, и все это на желѣзныхъ осяхъ съ шинами въ два пальца толщиной, все таково крѣпко да плотно сработано и все такое новое, ровно сегодня изъ мастерской... Отправились на скотный дворъ, тамъ десятка четыре рослыхъ, жирныхъ холмогорскихъ коровъ, любо-дорого посмотреть, каждая корова тамбовской

барыней смотреть. А на птичномъ дворѣ куры всѣхъ возможныхъ породъ, отъ великановъ голландокъ, до крошекъ шпанокъ. Въ особомъ помѣщеніи содержались гуси, утки, индѣйки, цесарки, это ужъ такъ, для охоты и ради «утѣшенія» мірскихъ гостей, посѣщавшихъ честную обитель во время мясоѣдовъ.

Въ работныя кельи зашли, тамъ на монастырскіи обиходъ всякое дѣло дѣлають: въ одной кельѣ столярничаютъ и точатъ, въ другой бондарь работаетъ, въ третьей слесарня устроена, въ четвертой иконописцы пишутъ, а тамъ пекарня, за ней квасная. Въ сторонѣ кузница поставлена. И вездѣ кипитъ безустанная работа на обительскую потребу, а иное чтò и на продажу... Еще была мастерская у отца Михаила, только онъ ея не показалъ.

— Домовитый же ты хозяинъ, отецъ Михаилъ, — сказали Патапъ Максимычъ, возвращаясь въ гостиницу. — Къ тебѣ учиться ѣздить нашему брату.

— Охъ, ты, любезенькій мой! — восклицалъ игумень. — Какой ты, право! Ужъ куда тебѣ у нашего брата, убогаго чернца, учиться. Это ты такъ, только ради любви говоришь... Конечно, живемъ подъ святымъ покровомъ Владычицы, нужды по милости христоробцевъ, нашихъ благодѣтелей, не терпимъ, а чтобы учиться тебѣ у насъ хозяйствовать, это ты напрасное слово молвилъ.

— Не обыкъ я зря, съ вѣтру говорить, отецъ Михаилъ, — рѣзко подхватилъ Патапъ Максимычъ. — Коли говорю, значить, дѣло говорю.

— Ну, ну, касатикъ ты мой! — ублажалъ его игумень, замѣтивъ подавленную вспышку недовольства. — Ну, Христось съ тобой... На утѣнительномъ словѣ благодаримъ.

И низко-пренизко поклонился Патапу Максимычу.

— Живеть у меня молодой парень, на всѣ дѣла руки у него золотыя, — спокойнымъ голосомъ продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Приказчикомъ его сдѣлалъ по токарнямъ, отчасти по хозяйству. Больно приглянулся онъ мнѣ — башка разумная. А я старъ становлюсь, сыновьями Господь не благословилъ, помощниковъ нѣтъ, вотъ и хочу я этому самому приказчику не вдругъ, а такъ, знаешь, исподволь, помаленьку домовое хозяйство на руки сдать. . А тамъ чтò Богъ дастъ...

— Что-жъ, дѣло доброе, коли человекъ надежный. Облегченіе отъ трудовъ получишь, болѣзненный ты мой, — говорилъ отецъ Михаилъ.

— Надежный человекъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — А говорю это тебѣ, отче, къ тому, что если, Богъ дастъ, увѣ-

рюсь я въ нашемъ дѣлѣ, такъ я этого самаго Алексѣя къ тебѣ съ извѣстьемъ пришлю. Онъ про это дѣло знаетъ, передъ нимъ не таись. А какъ будетъ онъ у тебя въ монастырѣ, покажи ты ему все свое хозяйство, поучи парня-то... И ему пригодится, и мнѣ на пользу будетъ.

— Ладно, хорошо, любезненькій ты мой, все покажу, обо всякомъ дѣлѣ расскажу, — отвѣчалъ игумень. — Что-жъ, какъ ты располагаешься?.. Въ городъ отсюда?

— Сегодня же въ городъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Погости у насъ убогихъ, гость нежданый да желанный, побудь съ нами денекъ-другой, дай наглядѣться на себя, любезненькій ты мой, — уговаривалъ отецъ Михаилъ.

По Патапъ Максимычъ не внималъ уговорамъ и велѣлъ запрягать лошадей.

На разставаны написалъ онъ записочку и подалъ ее отцу Михаилу.

— Пошли ты, отче, съ этой запиской работника ко мнѣ въ Красную Рамень на мельницу, — сказалъ онъ: — тамъ ему отпустить десять мѣшковъ крупчатки... Это честной братиіи ко Христову дню на куличи, а вотъ это на сыръ да на красны яйца.

И вручилъ отцу Михаилу четыре сотенныхъ.

— Ахъ, ты, любезненькій мой!.. Ахъ, ты, кормилецъ нашъ! — восклицалъ отецъ Михаилъ, обнимая Патапа Максимыча и цѣлуя его въ плечи. — Пошли тебѣ Господи добраго здоровья и успѣха во всѣхъ дѣлахъ твоихъ за то, что памятуешь сира и убога... Ахъ, ты, касатикъ мой!.. Да что это, право, мало ты погостилъ у насъ? Проглянулъ какъ молодой мѣсяцъ, глядь, анъ ужъ и нѣтъ его.

— Нельзя, отче, нельзя, пора мнѣ, и то замѣшкался... Дома есть нужная дѣла, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Не забудь же насъ, убогихъ, не покинь святую обитель... Охъ, ты, любезненькій мой!.. Постой-ка, я на дорогу бутылочку тебѣ въ сани-то положу... Эй! отецъ Спиридоній!.. Положи-ка въ кулечекъ облавшихи бутылочки двѣ либо три, полюбилась давеча она благодѣтелю-то, да поляниковки положь, да морошки.

— Напрасно, отче, право, напрасно, — отговаривался Патапъ Максимычъ, но долженъ былъ принять напутственные дары отца игумена.

Паломникъ съ угра еще жаловался, что ему нездоровится. За обѣдомъ почти ничего не ѣлъ и вовсе не пилъ. Когда отецъ Михаилъ водилъ Патапа Максимыча по скиту, онъ прилежъ, а теперь слабымъ, едва слышнымъ голосомъ увѣрялъ

Патапа Максимыча, что совсѣмъ разнеогся: головы не можетъ поднять.

— Поѣзжай ты въ городъ съ Сампсонъ Михайлычемъ, — говорилъ онъ: — а я здѣсь, Богъ дастъ, пообмогусь какъ-нибудь... Авось эта хворь не къ великой болѣзни.

— Да какъ же мы безъ тебя, Якимъ Прохорычъ?.. — заговорилъ-было Патапъ Максимычъ. — Съ тобой-то бы лучше, ты бы и самъ увѣрился... Дѣло-то было бы тогда безъ всякаго сумнѣнія.

— И теперь знаю, что оно безо всякаго сумнѣнія, ты вѣдь только Ома невѣрный, — сказалъ Стуколовъ. — Нѣтъ, не поѣду... не смогу ѣхать, головушки не поднять... Охъ!.. Такъ и горитъ на сердцѣ, а въ голову ровно молотомъ бьетъ.

— Когда-жъ свидимся? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да ужъ, видно, надо будетъ въ Осиповку прѣхать къ тебѣ, — со стонами отвѣчалъ Стуколовъ. — Коли Господь подниметь, праздникъ-отъ я у отца Михаила возьму... Охъ!.. Господи помилуй!.. Стрѣльба-то кака!.. Хворому человѣку какъ теперь по распутицѣ ѣхать?.. Охъ... Заступнице усердная!.. А тамъ на Оминой къ тебѣ буду... Охъ!.. Уксусу бы мнѣ, что ли, къ головѣ-то, либо капустки кочанной?..

Отецъ Спиридоній и уксусу и кочанной капусты принесъ. Стуколову обложили голову, но онъ начиналъ бредить, заговорилъ объ Опоньскомъ царствѣ, объ Египтѣ, о Бѣлой-Криницѣ.

— Эка бѣдняга! Какъ его размочалило! Гляди-ка-сь, — тужилъ, стоя, Патапъ Максимычъ.

Дѣлать нечего, поѣхалъ съ однимъ Дюковымъ.

Отецъ игумень со всею братіей соборнѣ провожалъ новаго монастырскаго благодѣтеля. Сначала въ часовню пошли, тамъ канонъ въ путь шествующихъ справили, а тутъ до воротъ шли пѣли. За воротами еще разъ перепрощался Патапъ Максимычъ съ отцомъ Михаиломъ и со старшими иноками. Напутствуемый громкими благословеньями старцевъ и громкимъ лаемъ бросавшихся за повозками монастырскихъ неовъ, рѣзво покатилъ онъ по знакомой уже дорожкѣ.

Проводивъ гости, отецъ Михаилъ пошелъ въ гостиницу къ разболѣвшемуся паломнику.

— Ахъ, ты, старый дуракъ! — вскричалъ больной, вскочивъ съ мѣста и швырнувъ съ головы капусту. — И рѣчью говорено тебѣ, и на письмѣ тебѣ писано, а ты, кисельная твоя голова, что надѣлалъ?.. А?..

— Что-жъ я такого надѣлалъ, Якимущка?.. Кажись, дѣло-то клентся, — трусливо говорилъ отецъ Михаилъ.

— Клеится! — передразнил игумна Стуколовъ. — Клеится! Шайтанъ, что ли, тебѣ въ уши-то дунулъ уговаривать его въ городъ ѣхать? Для того развѣ я привозилъ его? Ахъ, ты, безумный, безумный, шпата твоя рожа, визанный носъ!

— Да что-жъ ты ругаешься, Якимушка?.. Вѣдь онъ и безъ того хотѣлъ въ городъ ѣхать, — оправдывался игумень. — Какъ же бы я перечить-то сталъ ему, самъ разсуди.

— Твое дѣло было увѣрять его, тебѣ надо было говорить, что въ городъ нѣ по что ѣздить... А ты что понесъ?.. Эхъ, ты, фофанъ, въ землю вкопанъ!.. Ну, если-бъ онъ сунулся въ городъ съ силантьевскимъ-то пескомъ?.. Самъ знаешь, какъ-въ онъ... Пропали-бъ тогда всѣ мои труды и хлопоты.

— Прости Христа ради, — отвѣчалъ отецъ Михаилъ. — Признаться, этого мнѣ и на умъ не впадало.

— То-то и есть. На умъ ему не впадало!.. Эхъ, ты, сосновая голова, а еще игумень!.. Поглядѣть на тебя съ бороды, какъ есть Авраамъ, а на дѣлѣ сосновый чурбанъ, — продолжалъ браниться паломникъ. — Знаешь ли ты, старый хрычъ, что твоя болтовня худо-худо мнѣ въ триста серебромъ обошлась?.. Да эти деньги у меня, братъ, не пропащя, ты мнѣ ихъ вмѣ да положишь... Много ли даль Цатагъ на яйца?.. Подай сюда...

— Да ты постой, погоди, не сбивай меня съ толку, — молилъ отецъ Михаилъ, отмахиваясь рукою. — Скажи путемъ, про какія ты деньги поминаешь?..

— Какъ бы ты ему не совѣтовать въ городъ ѣхать, онъ бы не вздумалъ этого, — сказалъ Стуколовъ. — Чапуринъ совсѣмъ въ тебѣ увѣрился, стоило тебѣ слово сказать, ни за что бы онъ не поѣхалъ... А ты околесную понесъ... Да чуть-было и про то дѣло не проболтался... Не толкни я тебя, ты бы такъ все ему и выложилъ... Эхъ, ты, ворона!..

Творя шопотомъ молитву и перебирая лѣстовку, смиренно слушать отецъ Михаилъ брань и попреки паломника. По всему видно было, что онъ ужъ не хозяинъ, а безответный рабъ Стуколова.

— Про какія же деньги ты спрашиваешь, Якимушка? — робко спросилъ онъ. — Кажись, мы съ тобою въ расчетѣ...

— Силантьевъ песокъ подмѣнить надо было... Понялъ?.. Покаместъ Чапуринъ парился, я ему сибирскаго на триста цѣлковыхъ засыпалъ.

— Довко же спроворилъ ты, Якимушка, — съ довольной улыбкой отвѣтилъ игумень. — Подай тебѣ Господи добраго здоровья...

— Деньги подай, — протягивая руку, сказалъ Стуколовъ. —

Для того и хворымъ прикинулся я, для того и остался здѣсь, чтобы кровныя денежки мои не пропали... Триста цѣлковыхъ!..

— Да какъ же это. Якимушка?.. За что-жъ мнѣ платить, касатикъ?.. Полно, любезненькій мой, — лебезилъ передъ паломникомъ отецъ Михаилъ.

— Жалкихъ рѣчей на меня не трать, — сухо отвѣтилъ ему Стуколовъ. — Слава Богу, не вечеръ другъ дружку спознали. Деньги давай!.. Ты наболталъ, ты и въ отвѣтъ.

— Ну такъ и быть, грѣхъ пополамъ — бери полтораста, Якимушка, — сказалъ отецъ Михаилъ.

— А ты узоровъ-то не разводи!.. Самъ знаешь цѣну сибирскому песку. Сказано, триста, и дѣло съ концомъ, — рѣшительно отвѣчалъ Стуколовъ. — Спорить со мной не годится.

— Да уступи сколько-нибудь, возьми хоть двѣ сотенныхъ, — торговался игумень.

— Деньги, — крикнулъ паломникъ, схвативъ его за руку.

— Ну, двѣсти пятьдесятъ, — молилъ игумень, жалобно глядя на Стуколова.

— Говорять тебѣ, деньги! — на всю гостиницу крикнулъ паломникъ.

Дрогнувъ отецъ Михаилъ, отсчиталъ изъ денегъ, данныхъ Патапомъ Максимычемъ, триста цѣлковыхъ и подалъ ихъ Стуколову. Тотъ, не торопясь, вынулъ изъ кармана истасканный кожаный бумажникъ и спряталъ ихъ туда.

— Теперь о дѣлѣ поголкуемъ, — сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ, садясь на кресло. — Садись, отче!

Игумень сѣлъ и опустилъ голову.

— Съ моимъ пескомъ Чапуринъ увѣрится, — началъ паломникъ. — Этотъ песокъ хоть на монетный дворъ — настоящій. Увѣрившись, Чапуринъ бумагу подпишетъ, три тысячи на ассигнаціи выдастъ мнѣ. Недѣли черезъ три послѣ того надо ему тысячъ на шесть ассигнаціями настоящаго песку показать, — вотъ, молъ, на твою долю сколько выручено. Тогда онъ пятидесяти тысячъ цѣлковыхъ не пожалѣетъ... Понялъ?

— Дальше-то что же? — спросилъ игумень.

— Чать, не впервой, — отвѣтилъ паломникъ.

— Опасно, Якимушка, боязно. Чапуринъ не кто другой. Со всякимъ начальствомъ знакомъ, къ губернатору вхожъ... Не погубить бы намъ себя, — говорилъ игумень.

— Обрабатываемъ, Богъ милостивъ, — сказалъ на то Стуколовъ.

— Развѣ насчетъ картинокъ *)? Тутъ бы смирно сидѣлъ? — прищурясь, молвилъ игумень.

*) Фальшивыя ассигнаціи.

— На картинки не пойдетъ. Объ этомъ и поминать нечего, — отвѣчалъ рѣшительно Стуколовъ. — Много-ль у тебя земляного-то масла?

— Немного наберется, — отвѣчалъ игумень. — Къ масленицѣ осетровъ привезли — полуфунта не нашлось.

— Ожидаешь еще?

— Къ празднику общались.

— Сколько?

— Вѣрно сказать не могу, — отвѣчалъ игумень. — Съ сибиряками-то въ послѣдній разъ я еще у Макарья видѣлся; общали за зиму фунтовъ пятокъ переслать, да вотъ что-то не шлютъ.

— По крайности шесть фунтовъ надо Чапурину предоста-вить, — раздумывалъ Стуколовъ.

— У Дюкова, можетъ, есть?.. — сказалъ отецъ Михайль.

— Ни зернышка, — отвѣчалъ паломникъ.

— Здѣшнимъ досыпать?

— Что пустяки-то городить!.. Хлопochи, на Ѳоминой бы шесть фунтовъ сибирскаго было... А теперь ступай. Къ ве-черу подводу наряди!..

— Куда-жь ты? — спросилъ игумень.

— А тебѣ что за дѣло? — сказалъ паломникъ. — Ступай съ Богомъ, не мѣшай... Миѣ надо еще письмо дописать.

Отецъ Михайль помолился на иконы, низко поклонился си-дѣвшему паломнику и пошелъ-было изъ гостинной кельи. Сту-коловъ воротилъ его съ полудороги.

— Картинокъ много? — спросилъ онъ.

— Есть, — шопотомъ отвѣтилъ отецъ Михайль.

— Много-ль?

— Синихъ на двѣ тысячи, красныхъ на три съ половиной!..

— Что лѣниво сталъ работать? — слегка усмѣхнувшись, молвилъ паломникъ.

— Боязно, Якимушка, — прошепталъ игумень, наклонясь къ самому уху Стуколова. — Наѣзды пошли частые: намедни исправникъ двое сутокъ выжилъ, становой пріѣзжалъ... Долго-ль до бѣды?..

— Чать не каждый день наѣзжаютъ, а запоры у тебя крѣпкіе, собаки злыя — больно-то трусить, кажись бы, нечего... Давай красныхъ, за каждую сотню по двадцати рублей «ро-мановскими» *).

— По тридцати намедни платили, — молвилъ игумень.

---

*) Такъ фальшивые монетчики зовутъ настоящія ассигнаціи, по родовой фамліи Государя.

— Была цѣна, стала другая. Неси скорѣй, получай семьсотъ рублей государевыхъ, — сказалъ Стуколовъ.

— Обидно будетъ, Якимъ Прохорычъ, право, обидно. Никогда такой цѣны не бывало.

— Мало-ль чего прежде не бывало, — подхватилъ Стуколовъ. — Прежде въ монастыряхъ и картинокъ не писали, а нонѣ вотъ пишутъ. Всякому дневи довлѣетъ злоба его.

— Прикинь хошь пять рубликовъ, — жалобно просилъ отецъ Михаилъ.

— Сказано, двадцать, копейки не прикину.

— Ну, три рублевика!

— Ахъ, отче, отче, — покачивая головой, сказалъ отцу Михаилу паломникъ. — Люди говорятъ — человекъ ты умный, на свѣтѣ живешь довольно, а того не разумѣешь, что на твоёмъ товарѣ торговаться тебѣ не приходится. Ну, не возьму я твоихъ картинокъ, кому сбудешь?.. Не на базаръ везти!.. Бери да не хнычь... По рублику пристегну беззубому на орѣхи... Неси скорѣе.

— По два бы прибавилъ, касатикъ, — кланчилъ игумень. — Любезненькій ты мой!.. Право, обидно!

— Не ври, отче, надоѣлъ — неси скорѣе.

— А синихъ не надо? — спросилъ отецъ Михаилъ.

— Синихъ не надо.

— Что такъ? Взялъ бы ужъ заодно.

— Синихъ не надо? — стоялъ на своемъ паломникъ.

— Не все-ль одно? Взялъ бы ужъ и синія. Я бы по двадцати отдалъ.

— Копейки не дамъ, — рѣшительно сказалъ Стуколовъ.

— Да чѣмъ же онѣ тебѣ стали противны? Кажись, картинки хорошія, — уговаривалъ игумень.

— То-то и есть, что не хорошія, — подхватилъ Стуколовъ. — Слепой увидить, какого завода. Тебѣ бы лучше ихъ вовсе не тпать. Не ровень часъ, влопаешься.

— Сбывали же прежде, Якимушка, — молвилъ игумень. — Авось, Богъ милостивъ, и теперь сбудемъ... Дай хоть по восьмидцати.

— И въ руки такую дрянъ не возьму, — отвѣчала паломникъ. — Погляди-ка на орла-то — хорошъ вышелъ, нечего сказать!.. Курица, не орелъ, да еще одно крыло меньше другого... Мой совѣтъ: спусти-ка ты до грѣха весь пятирублевый струментъ въ Устѣ, кое мѣсто поглубже. Право...

— Пожалуй, что и такъ, — согласился игумень. — А послѣдшки-то взялъ бы, родной, право... Не обидь старика, Якимушка... Такъ ужъ и быть, бери по пятнадцати романовскихъ.

— Не надо... Неси красныя...

Замаяся игумень на мѣстѣ, но Стуколовъ такъ на него крикнулъ, что тотъ почти бѣгомъ побѣжалъ изъ гостиницы.

Минуть черезъ пять отецъ Михаилъ принесъ красныя картинки и получилъ отъ паломника семьсотъ рублей. Долго опытный глазъ игумена разсматривалъ на свѣтъ каждую бумажку, мялъ между пальцами и оглядывалъ со всѣхъ сторонъ.

Якимъ Прохорычъ усѣлся дописывать письмо.

Переглядѣвъ бумажки, игумень заговорилъ-было съ паломникомъ, называлъ его и любезненькимъ и касатикомъ; но касатикъ, не поднимая головы, махнулъ рукой, и среброкудрый Михаилъ побрелъ изъ кельи на цыпочкахъ, а въ сѣняхъ строго-настрого наказалъ отцу Спиридонію самому не входить и никого не пускать въ гостиную келью, не помѣшать бы Якиму Прохорычу.

Глава семнадцатая.

Пріятель, къ которому изъ Красноярскаго скита проѣхалъ Патапъ Максимычъ, былъ отставной горный чиновникъ Колышкинъ. Громко и честно держалось на Волгѣ имя его. Два парохода у него бѣгало, съ Низу пшеницу до Рыбинска возили. Славно бѣгали, а лучше того зарабатывали. Не то что какіе-нибудь одиночные пароходчики, — общества, компаніи завидовали дѣламъ Сергѣя Андреича. Тѣ сердечные, бывало, бьются на пристаняхъ чуть не до водополи, закликають кладчиковъ, задають пшеничникамъ дорогіе обѣды, дюжинами ставятъ передъ ними отборныя вина, проигрываютъ имъ въ трыяку да въ горку, а Сергѣй Андреичъ лежитъ себѣ на диванѣ да сигаркой пошыхиваетъ. Еше съ середки зимы у него ни заботъ ни хлопотъ, на всѣ путины клади готовы и условія подписаны. Какъ же пароходчикамъ не завидовать Колышкину, какъ не стараться ему ножку подставить?.. Дѣло извѣстное: счастливымъ быть — всѣмъ досадить... А Сергѣй Андреичъ будто не замѣчаетъ, что глядятъ на него не дружески, смѣшками да шутками ото всякаго норовить отойти... А чтобъ кто Сергѣю Андреичу повредилъ хоть какою малостью, того не случилось. Охота вредить была, да спорышни не было...

Душевный человекъ былъ этотъ Сергѣй Андреичъ. Гдѣ онъ — тамъ и смѣхъ и веселье, вонъ изъ бесѣды — хмара на всѣхъ... Любилъ шутку смутить, людей посмѣшить, себя позабавить. А кто людей веселитъ, за того свѣтъ стоитъ... И любили его, особливо простой народъ.

Съ рабочими былъ строгъ: всяко лыко у него въ строку. Зорко на дѣло глядѣлъ: малости не спускалъ. Ни прогула ни беспорядка, бывало, не простить, зато ко всѣмъ справедливъ былъ. И рвались же къ нему на службу, а кто попалъ, тотъ за хозяина и за его добро радъ бывалъ и въ огонь и въ воду. Тѣмъ любъ былъ простонародью Сергѣй Андреичъ, что не было въ немъ ни снеси, ни чванства, ни гордости... Другой, наживя богатство, вздуется какъ тѣсо на опарѣ... близко не подходитъ: шагаетъ журавлемъ, глядитъ козыремъ и кромѣ своего же брата богатея знать никого не хочетъ. Сергѣй Андреичъ былъ не таковъ... Приди къ нему въ обѣденный часъ хоть самый послѣдній кочегаръ — честь ему и мѣсто, хоть тутъ губернаторъ сиди. Говорили Колышкину приятели: зачѣмъ же такъ дѣлаетъ, хорошихъ людей обижаетъ, сажая за одинъ столъ со всякою чернотой да мелкотой. «Дѣ Бога намъ далеко, — отвѣтитъ, бывало, Сергѣй Андреичъ. — Верстаться съ Господомъ персти земной не приходится, а у Него Свѣта за небесной трапезой иной нищій выше царей сидитъ... А я-то что?.. Знатвѣй Бога-го, что ли?.. Аль родомъ-породой выше Его?.. Нѣтъ, братцы, самъ я не княжой, не дворянской крови, самъ изъ мужиковъ... Родитель мой на заводѣ въ засыпкахъ *) жилъ, такъ мнѣ гордиться чѣмъ стать?» Дивовались Сергѣю Андреичу, за угломъ подсмѣивались, за глаза никогда... Да и совѣстно было смѣяться, глядя на его голубые, лучистые глаза, что искрились умомъ, горѣли добромъ и сіяли Божьею правдой...

Родомъ съ Урала былъ. На одномъ изъ тамошнихъ горныхъ заводовъ родитель его крѣпостнымъ мастеромъ значился. (Сызмала дѣ смерти кержачилъ онъ **). Человѣкъ былъ домовитый, залежна копейка у него водилась, хоть и не гораздо большая. Была у Андрея Колышкина жена добрая, смиренная, по хозяйству заботная, — Анной звали, былъ сынъ Сергѣй да дочка Маринушка... Жили себѣ Колышкины тихо да ладно, Бога хваля, ближняго любя. И промаячили бы вѣкъ свой на заводѣ, если-бъ юркость да затѣйность Сережи не повернули вверхъ дномъ всю ихнюю жизнь.

Шустрый мальчинокъ росъ, смѣтливый, догадливый, развѣселый такой. Десяти лѣтъ ему не минуло, и онъ ужъ всѣ заводскія пѣсни зналъ наизусть, такъ и заливается, бывало,

*) Засыпкой на горныхъ заводахъ зовется рабочій, что въ доменную печь «товаръ» (уголь, флюсъ, руду и толченый доменный сокъ) засыпаетъ.

***) Кержачить — въ Пермской губерніи значитъ расколыничать, кержакъ — раскольникъ. Это слово произошло отъ того, что первые раскольники, поселившіеся на Уралѣ (въ дачахъ Демидовскихъ заводовъ) въ первыхъ годахъ XVIII вѣка, пришли съ Керженца.

звонкимъ голоскомъ на запольныхъ *) хороводахъ. Серожъ семь лѣтъ минуло, и отецъ, помолясь пророку Науму, чтобъ отрока Сергѣя на умъ наставилъ, далъ ему въ руки букварь да указку и принялся учить его грамотѣ. По вечерамъ, какъ родитель, бывало, съ домы аль съ вагранки **) домой воротится, долбитъ передъ нимъ Сережа: «Азь, ангель, ангельскій, архангель, архангельскій», а утромъ тихонько отъ матери бѣжитъ въ заводское училище, куда родители его не пускали, потому что кержачили... и думали, что училище то басурманское. Тамъ-де учать бритоусы, да еще по гражданской грамотѣ, а гражданская грамота святыми отцами не благословенная, пошла въ мѣръ отъ антихриста. Опять же въ заводскомъ училищѣ цифирной мудрости учать, а цифирь—наука богоотводная... Такъ судили-рядили Серожины отецъ съ матерью, а онъ бѣгаетъ себѣ да бѣгаетъ въ училище, а чему тамъ учится, отъ родителей держитъ въ тайнѣ.

Не дошелъ старикъ Колышкинъ съ сыномъ до «святъ, святитель», а чотъ ужъ по толкамъ и по титламъ читаетъ. Засадилъ за Часословъ, а онъ перву каѳизму такъ и рѣжетъ... Диву засыпка дался, чѣмъ за сынъ такой у него уродился!.. Десяти годовъ нѣтъ, а онъ псалтырь такъ и деретъ, хоть по мертвымъ читать посылай. «Маль малышкъ—а мудрые пути въ себѣ кажетъ...» — думаетъ отецъ. Далъ ему mineю мѣсячную, далъ mineю цвѣтную — Серожъ все ни почемъ... Чему еще учить?.. Одиннадцати годовъ нѣтъ, а мальчуганъ всю кержачкую мудрость произошелъ... И учиться больше нечему... «И откуда мнѣ сіе?—раздумываетъ старикъ.—Ужъ не въ семь ли отрочати чаяніе нашей благочестной вѣры лежитъ? Не отъ моего-ль рожденія гласъ вѣщанія произыдетъ, не отъ него-ль послѣдуетъ утвержденіе старой вѣры отцовъ нашихъ?»

А между тѣмъ Сережа, играючи съ ребятами, то меленку-вѣтрянку изъ лутошекъ сооронить, то круподерку либо толчею сладить, и все какъ надо быть: и меленка у него мелеть, круподерка зерно дереть, толчея сѣмя на сбойну бьетъ. Сводилъ его отецъ въ шахту ***) , онъ и шахту сталь на заваинкѣ рыть.

Въ то время изъ чужихъ краевъ пріѣзжалъ на заводъ его

*) Запольными хороводами зовутся тѣ, чѣмъ бывають внѣ завода (селенія при заводахъ зовутся заводами же). Запольемъ зовется на Уралѣ недалѣе поле.

**) Домна — большая чугуноплавильная печь. Вагранкой называется малая чугунолитейная печь.

***) Колодець для добыванія рудъ.

владѣлецъ. Лѣтнимъ вечеромъ, проходя мимо дома Колышкиныхъ, замѣтилъ онъ мальчугана, копавшагося подъ окнами. Это Сережа шахту закладывалъ. Полюбилось это барину, по-мравилась и юркость мальчика, его свѣтлый, умный взоръ. Разговорился онъ съ Сережей, и вспало на мысль ему, что изъ засышкина сына можетъ онъ сдѣлать знаменитаго человѣка, другого Ломоносова — стѣитъ только наукамъ его обучить. Наутро старика Колышкина въ контору позвали, вольную для сына выдали и приказъ объявили: снаряжать его для отправки въ Питеръ съ золотухой *).

День — деспкой безъ шапки, мрачно понуривъ голову, простоялъ засышка подъ барскими окнами, съ утра до вечера возлѣ него выла и голосила Анна, Сережина мать... Баринъ остался непреклоннымъ. Завидѣвъ его, Анна ринулась ницѣ и, судорожно хвативъ за ноги барина, зачала причитать отчаяннымъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Баринъ очень удивился, но не могъ понять материнскаго вопля; по-русски не больно гораздъ былъ... А мать молила его, заклинала всѣми святыми не басурманить ея рожденія, не поганить безгрѣшную душу непорочнаго отрока нечестивымъ ученьемъ, чтѣ отъ Бога отводить, къ бѣсомъ же на пагубу приводить... Насилу оттащили... Не обошлось безъ пинковъ и потасовки, а когда старикъ хотѣлъ отнять жену у десятскихъ, и ему велѣно было десятка два засыпать... Столь горячо радѣлъ заводскій баринъ о насажденіи наукъ въ Россіи... Взглядывая на озлобленные глаза засышки, на раскосмаченную Анну и плакавшаго навзрыдъ Сережу, утѣшалъ онъ мальчика сладкими рѣчами, подарилъ ему парижскихъ конфетъ и мнилъ о себѣ, что самому Петру Великому будетъ онъ въ вѣрсту, что онъ прямой продолжатель славныхъ его дѣяній — ввожу, дескать, разума свѣтъ въ темный дикій народъ.

Раннимъ утромъ другого дня тронулась съ завода золотуха. Сережу увезли. Къ вечеру старикъ Колышкинъ съ женой и четырнадцатилѣтнею Маринушкой безъ вѣсти пропали...

Межъ тѣмъ заводскій баринъ, убоясь русской стужи, убрался въ чужіе края, на теплыя воды, забывъ про петровскую свою работу и про маленькаго Колышкина. Забылъ бы и Русь, да не могъ: изъ нѣдръ ея зябкій баринъ получалъ свои доходы.

Понавъ на дорогу, Сережа съ пути не свернулъ. Вышелъ изъ него человѣкъ умный, сильный духомъ, работающій. Кончивъ

*) Обозъ (транспортъ) съ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, отправляемый раза по два въ годъ.

ученье, поступилъ онъ на службу на сибирскіе казенные заводы, а потомъ работалъ на золотыхъ промыслахъ одной богатой компаніи.

Проѣзжая въ Сибирь, дѣлный мѣсяцъ Сергѣй Андрейчъ прожилъ на родномъ Уралѣ. Про отца съ матерью все развѣдывалъ: куда дѣлись, чтѣ съ ними случилось... Но ровно вихремъ снесло съ людей память про Колышкиннихъ.

Потужилъ Сергѣй Андрейчъ, что не привелъ его Богъ поклониться сѣдинамъ родительскимъ, поплакать на изсохшей груди матери, привѣтвить любовью сестру родимую, и поѣхалъ на старое пепелище, на родной заводъ — хотъ взглянуть на мѣста, гдѣ протекло дѣтство его...

И на заводѣ про его стариковъ ни слуху ни духу. Не нашелъ Сергѣй Андрейчъ и дома, гдѣ родился онъ, гдѣ позналъ первыя ласки матери, гдѣ явилось въ душѣ его первое сознание бытія... На мѣстѣ стараго домика стоялъ высокій каменный домъ. Изъ раскрытыхъ оконъ его неслись пѣсни, звуки торбана, дикіе клики пьяной гульбы... Вверхъ дномъ поворотило душу Сергѣя Андрейча, бѣжалъ онъ отъ трактира и тотчасъ же уѣхалъ изъ завода.

Въ Сибири Колышкинъ работалъ умно, неустанно и откладывалъ изъ трудовыхъ денегъ копейку на черный день. Но не мимо пословица молвится: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ»... Свѣковать бы въ денно-нощныхъ трудахъ Сергѣю Андрейчу, если-бъ неожиданно-негаданно не повернула его судьба на иной путь. Вспомнили про сынка родители, за гробомъ его вспомнили.

Какъ-то разъ зимнимъ вечеромъ сидѣлъ Колышкинъ одинъ въ своей рабочей комнатѣ, тишина была мертвая, только изъ сосѣдней горницы раздавались мѣрные удары маятника... Вдругъ кто-то канлянулъ сзади его. Обернулся Сергѣй Андрейчъ — видитъ старика въ длиннополой, осыпанной сѣнгомъ сибиркѣ съ заиндивѣлой отъ мороза густой бородой. У него въ рукахъ сундучокъ тагильскаго дѣла *), окованный расписною жестью.

— Чтѣ тебѣ? — вековчивъ съ мѣста, спросилъ старика Колышкинъ.

— До твоей милости, Сергѣй Андрейчъ, — хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ отвѣчалъ старикъ.

— Кто ты, откуда?

*) Въ Тагилѣ (Верхотурскаго уѣзда) дѣлаютъ желѣзные подносы и сундуки изъ кедроваго дерева, обиваютъ желѣзомъ или жестью, раскрашиваютъ яркими красками и кроютъ прочнымъ лакомъ. Эти произведенія зовутся «тагильскимъ дѣломъ».

— Странникъ о Христѣ Иисусѣ, — отозвался невѣдомый гость. — Посылочку принесть, — прибавилъ онъ, ставя передъ Колышкинымъ сундучокъ и возлѣ него ключъ.

— Отъ кого? — спросилъ Сергѣй Андреичъ.

— Изъ лѣсовъ, — отвѣчалъ странникъ.

— Изъ какихъ лѣсовъ?.. Отъ кого?.. — спрашивалъ Колышкинъ, а самъ, наклонясь, сталъ разсматривать сундучокъ.

Отвѣта не было. Оглянулся Сергѣй Андреичъ, странника слѣдъ простылъ. Ни на дворѣ ни на улицѣ не нашли его. Прислуга Колышкина не видала даже, ни какъ онъ въ домъ вошелъ, ни какъ вышелъ.

Отперъ сундучокъ Сергѣй Андреичъ. Въ немъ свертокъ и письмо, писанное уставомъ.

Сталъ читать:

«Его благородію господину Сергѣю Андренчу Колышкину грѣшнаго инока Серапіона землекасательное поклоненіе съ пожеланіемъ добраго здравія и всякаго земнаго благополучія. За извѣстіе даемъ вашему благородію, что мимошедшаго септемврія въ седьмый день, проживавшій въ нашемъ убогомъ братствѣ болѣе тридцати годовъ инокъ схимникъ Агапитъ отъ сея временныя жизни въ вѣчныя преселися... А отходя сего свѣта, заповѣдалъ мнѣ, недостойному, молитися о немъ, къ вашему благородію, яко сыну по плоти, справить сію посылку. Засимъ прекратя письмо сіе, остаемся доброжелатели вашего благородія, грѣшный инокъ Серапіонъ съ братією».

Ни числа, ни мѣсяца, ни мѣста, откуда письмо.

Въ сверткѣ лежало пятнадцать тысячъ рублей. Шестъ тысячъ были завернуты въ особую бумажку, съ надписью: «лѣта 7343, іулія въ 21 день преставися инокія Агнія... Лѣта 7345, януарія 15 дня преставися дѣвица Марина».

Только!.. Вотъ и всѣ вѣсти, полученныя Сергѣемъ Андреичемъ отъ отца съ матерью, отъ любимой сестры Маринушки. Много воды утекло съ той поры, какъ оторвали его отъ родной семьи, лѣтъ пятнадцать и больше не видался онъ со сродниками, давно привыкъ къ одиночеству, но, когда прочиталъ письмо Серапіона и записочку на сверткѣ, въ сердцѣ у него захолонуло, и Божій міръ пустымъ показался... Кровь не вода.

Гдѣ, въ какихъ лѣсахъ, въ какихъ пустыняхъ дожили свой вѣкъ старики?.. Въ какихъ обителяхъ вѣчный сонъ смежилъ ихъ очи? На склонѣ ли Уральскихъ горъ, въ пустыняхъ ли Невьянскихъ и Тагильскихъ, иль между Осинскими сход-

цами *), или на славномъ по всему старообрядству Иргизѣ, или въ лѣсахъ Керженскихъ-Чернораменскихъ?.. Никому не узнать!.. Далеко и вширь и вдаль раскинулась земля Святорусская... Кто изочтетъ въ ней дебри, лѣса и пустыни? Кто извѣдалъ въ ней всё «сокровенныя мѣста», гдѣ живутъ и долго еще будутъ жить «люди подъ скритіемъ», кинушіе постылую родину «сходцы», доживающіе вѣкъ свой въ незнаемыхъ міру дебряхъ, вдали отъ людей, отъ большихъ городовъ и селеній?.. Развѣ вольный вѣтеръ, что летаетъ отъ моря до моря, да солище ясное знаютъ про всё мѣста сокровенныя!.. Да, они только вѣдали, гдѣ кончили жизнь старики Колышкины...

Но отчего-жъ они, посылая единородному сыну наслѣдство, не послали ему ни привѣтнаго слова, ни родительской ласки, ни даже благословенья?.. Понималъ это Сергій Андренчъ... Схимнику Агапиту, инокинь Агнии горный чиновникъ былъ чужъ человѣкъ. Не рознь сословія — рознь вѣры различила стариковъ съ любимымъ сыномъ... Суровъ, жестокъ завѣтъ старообрядскій: «не подобаетъ родительское благословеніе преподати сыну никоніанину». Коротенькой запиской отецъ съ матерью какъ будто говорили Сергѣю Андренчу: «прими отъ родившихъ тебя тлѣнное земное наслѣдіе, но за гробомъ нѣтъ тебѣ части съ нами... И блудникъ, и тать, и убійца наслѣдуютъ жизнь вѣчную, еретика же самая кровь мученическая очистить не можетъ. Нѣтъ тебѣ части съ нами... Кто убо общеніе Христу съ Велиаромъ?» Такія жестокія понятія казались бы несомвѣстными съ добродушіемъ мягкосердаго, любвеобильнаго нашего народа. Русскому человѣку нѣтъ ничего на свѣтѣ дороже любви родительской, нѣтъ ничего краше семейнаго лада... Откуда-жъ взялась такая жестокость, столь обычная между старообрядцами?.. Изъ чужихъ краевъ она принесена, чуждыми учителями на Русь навѣяна... Безсердечные византійцы, суровые слагатели отшельническихъ уставовъ, дышашіе злобой обличители еретичества древнихъ лѣтъ, мертвящими буквами своихъ писаній навѣяли на нашу добрую страну тлетворный духъ ненависти... Лукавый духъ злобы, подъ видомъ свѣтлаго благочестія, успѣлъ проникнуть даже въ такую крѣпкую, въ такую твердую и любительную семейную среду, какова русская... Сильна была Византія ковар-

*) Такъ на востокѣ Европейской Россіи и въ Сибири зовутъ выходцевъ изъ разныхъ губерній, поселившихся въ обширныхъ, неизвѣданныхъ еще лѣсахъ. Они живутъ не только въ разбросанныхъ по лѣсу зимницахъ и кельяхъ, но иногда цѣлыми деревеньками, не зналъ ни ревизій, ни податей и никакихъ повинностей.

ствомъ, лестью да хитростью... «Суть же греци льстиви даже до сего дни» — давно сказано и вѣрно сказано первымъ русскимъ писателемъ. Только за то и спасибо Византіи, что по ея милости Русская земля съ римскимъ папой не зналась...

Прошелъ годъ-другой послѣ полученія наслѣдства. Сергѣй Андреичъ живетъ не попржнему, онъ былъ ужъ человекъ съ достаткомъ и вошелъ въ пан по золотымъ прискамъ... Счастье повезло ему... Въ тайгахъ нашлись богатые росыпи, и онъ, какъ участникъ въ дѣлѣ, въ короткое время сталъ богачомъ... Его товарищи по золотому дѣлу были все кабацкіе богатыри, набившіе карманы спиваньемъ народа смѣсью водки съ водою и дурманомъ... Не лежало къ этимъ людямъ сердце Сергѣя Андреича, сталъ онъ смотрѣть, какъ бы подобрупоздорову да прочь отъ нихъ... Раскольничья кровь заговорила... Извѣстно, что во все время винныхъ откуповъ ни одинъ раскольникъ (а между ними много богачей) не осквернилъ рукъ прибыткомъ отъ народной порчи. Былъ одинъ... но того старообрядцы почитали за прокаженнаго.

Женился Сергѣй Андреичъ на дочери кяхтинскаго «компанейщика» и, взявъ за женой цѣнное приданое, отошелъ отъ кабацкихъ витязей. Наскучила ему угрюмая Сибирь, выѣхалъ въ Россію, поселился на привольныхъ берегахъ широкой Волги и занялся торговыми дѣлами больше по казеннымъ подрядамъ.

Къ торговому дѣлу былъ онъ охочъ, да не больно гораздъ. Приѣхалъ на Волгу добра наживать, пришлось залежные деньги проживать. Не пошли ему Господь добраго человека, ухнули-бъ у Сергѣя Андреича и родительское наслѣдство, и трудомъ да удачей нажитые деньги, и приданое, женой принесенное. Все бы въ одну яму.

Тотъ добрый человекъ былъ Патапъ Максимычъ Чапуринъ. Спозналъ онъ Сергѣя Андреича, видитъ — человекъ хороший, добрый, да хоть ретивъ и уменъ — а взялся не за свое дѣло, оттого оно у него не клеится, а вонъ изъ рукъ валится. Жалко стало ему безсчастнаго Колышкина, и вывелъ онъ его изъ темной трущобы на широкую дорогу.

— Наплюй ты, Сергѣй Андреичъ, на эти анаемскіе подряды, послушай меня, стараго торговца, — говорилъ Патапъ Максимычъ. — Не ради себя, ради махонькихъ дѣтокъ своихъ послушайся, не пусти ты ихъ съ сумой подъ оконья... Вѣрь моему слову — года не минѣтъ, какъ вззоетъ у тебя мошна — и вонъ изъ кармана пойдеть... Тебѣ ли, другъ, съ

казенными подрядами возжаться?.. Тутъ, милый человекъ, надо плутомъ быть, а коль не быть плутомъ, такъ всякое плутовство знать до ниточки, чтобы самого не оплели, не пустили бы по-миру. Кивъ, ради Христа, подряды... Хоть убытки понесешь — наплевать, развяжись только съ этимъ проклятымъ дѣломъ скорѣй... Знаю я его вдоль и поперекъ... Испробоваль... А вотъ построй-ка ты лучше пароходиншко, это будетъ тебѣ съ руки, на этомъ дѣлѣ не сорвешься. Право, такъ.

Послушался Колышкинъ, бросилъ подряды, купилъ пароходъ. Патапъ Максимычъ на первыхъ порахъ училъ его распорядкамъ, крискалъ ему хорошаго капитана, приказчиковъ, водоливовъ, лоцмановъ, свелъ съ кладчиками; самъ даже давалъ кладн на его пароходъ, хоть и было ему на чемъ возить добро свое... Съ легкой руки Чалурина разжился Колышкинъ лучше прежняго. Года черезъ два покрылъ неустойку за неисполненный подрядъ и воротилъ убытки... Прошло еще три года, у Колышкина по Волгѣ два парохода стало бѣгать.

Толстый, дородный, цвѣтушій здоровьемъ и житейскимъ довольствомъ, Сергѣй Андренчъ сидѣлъ, развалившись въ широкихъ, покойныхъ креслахъ, читая письма пароходныхъ приказчиковъ, когда сказали ему о приходѣ Чалурина. Бросивъ недочитанныя письма, рѣзвымъ ребенкомъ толстякъ кинулся навстрѣчу дорогому гостю. Звонко, радостно цѣлуя Патапа Максимыча, кричалъ онъ на весь домъ:

— Крѣстный!.. Ты-ль, родной?.. Здорово!.. Здорово!.. Чтò запропалъ?.. Видѣмъ не видать, слыхѣмъ не слыхать!.. Все ли въ добромъ здоровѣ?

— Ничего—живемъ да хлѣбъ жуемъ,—отвѣчалъ, улыбаясь, Чалуринъ. — Тебя какъ Господь милуетъ?.. Хозяюшка здорова-ль?.. Дѣточки?

Послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ, послѣ длиннаго разговора о кладяхъ на низовыхъ пристаняхъ, о томъ, гдѣ больше оказалось пшеницы на свалѣ: въ Баронскѣ аль въ Балаковѣ, о томъ, каково будетъ лѣтомъ па Харчевинскомъ перекатѣ да на Телячьемъ бродѣ, о краснораменскихъ мельницахъ и горянщинѣ, послѣ чая и плотной закуски, Патапъ Максимычъ молвилъ Колышкину:

— А вѣдь я къ тебѣ съ докукой, Сергѣй Андренчъ. Нарочно для того и въ городъ меня примчалю.

— Приказывай, крѣстный, чтò ни велишь, мигомъ исполнимъ, только бы мочи да умѣнья хватило, — отвѣчалъ Колышкинъ.

— Мое дѣло во всей твоей мочи, Сергѣй Андреичъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ. — Окромя тебя по этому дѣлу на всей Волгѣ другого человѣка, пожалуй, и нѣтъ. Только ужъ Христа ради не яви въ проносъ тайное мое слово.

— Эка что лишуул!—воскликнулъ Колышкинъ. — Не ухороню я тайнаго слова своего крѣстнаго!.. Да не грѣхъ ли тебѣ, толстобрюхому, такое дѣло помыслить?.. Аль забылъ, что живу и дышу тобой?.. Теперь мои ребятки бродили бы подъ оконьемъ, какъ бы Господь не послалъ тебя ко мнѣ съ добрымъ словомъ... Обидно даже, крѣстный, такія рѣчи слушать — право.

— Ну, ну, не сердчай, — говорилъ Патапъ Максимычъ. — Не въ ту силу говорено, что не вѣрю тебѣ... На всякій случай, опаски ради слово молвилось, потому дѣло такое — проносу не любить, надо по тайности.

— Ну, сказывай, какое дѣло?—молвилъ Колышкинъ.

— Дѣло такое, Сергѣй Андреичъ, что тебѣ, по твоей наукѣ, оно солнца яснѣй, а нашему брату, человѣку слѣпому, неученому — потемки, какъ есть потемки... Научи уму-разуму...

— Что-жъ такое?

— Видишь ли: у насъ въ лѣсахъ, за Волгой, рѣка есть, Ветлугой зовется... Слыхалъ?

— Знаю,—отвѣчалъ Колышкинъ. — Какъ Ветлугу не знать?.. Не разъ бывалъ и у Макарья на Притыкѣ и въ Бакахъ *). И сюда, какъ изъ Сибири ѣхали — къ женшней роднѣ на Вятку заѣзжали, а оттоль дорога на Ветлугу...

— Ладно, хорошо, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Такъ въ эту самую рѣку Ветлугу пала рѣка Уста.

— И Устѣ знаю и изъ Усты воду пивалъ, — отозвался Колышкинъ.

— Такъ вотъ что: межъ Ветлуги и Усты золото объявилось, золотой песокъ, — полушопотомъ молвилъ Патапъ Максимычъ.

Хоть и вѣрилъ онъ Сергѣю Андреичу, хоть не боялся передать ему тайны, а все-таки слово про золото не по маслу съ языка сошло. И когда онъ съ тайной своей распростался, ровно куль у него съ плечъ скатился... Вздохнулъ даже — до того вдругъ такъ облегчило...

А Колышкинъ такъ и помираетъ со смѣху. Полныя розовыя щеки дороднаго пароходчика задрожали, какъ студень, грудь надрывалась отъ хохота, высокій круглый животъ такъ и подирыгивалъ. Сергѣй Андреичъ закашлялся даже.

*) Селеніи на Ветлугѣ, въ Варявинскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи.

— Ветлужское золото!.. Ха-ха-ха!.. Розсыпи за Волгой!.. Ха-ха-ха!.. Не растутъ ли тамъ яблоки на березѣ, груши на соснѣ?.. Рѣки молочныя въ кисельныхъ берегахъ не текутъ ли?.. Ахъ, ты, крѣстный, крѣстный — уморилъ совсѣмъ!.. Ха-ха-ха!..

— Зачѣмъ гоготать? — молвилъ, нахмуясь, Чапуринъ. — Не выспросивъ дѣла путемъ, гогочешь, ровнио гусь на проталинѣ!.. Не слѣдъ такъ, Сергѣй Андреичъ, не ладно... Ты напередъ выспроси, узнай по порядку, вдосталь, да потомъ и гогочи... А то на-ка поди!.. Не пустыя рѣчи говорю — самъ видѣлъ!..

Видя досаду Чапурина, Колышкинъ сдержалъ свой смѣхъ.

— Нестаточное дѣло, Патапъ Максимычъ, — молвилъ онъ. — Покажи мнѣ пѣгаго коня, чтобъ одной масти былъ, тогда развѣ повѣрю, что на Ветлугѣ нашлось золото.

— А это чтѣ? — рѣзко сказалъ Патапъ Максимычъ, ставя передъ Сергѣемъ Андреичемъ пузырекъ.

Колышкинъ взялъ и только-что успѣлъ приподнять, какъ смѣющаеся лицо его думой подернулось. Необычный вѣсъ изумилъ его. Попробовавъ песокъ на оселкѣ, цуцѣ задумался.

— Чтѣ? — спросилъ Патапъ Максимычъ, вставая съ дивана.

Колышкинъ ни слова въ отвѣтъ.

Глазъ не спускаеть съ него Патапъ Максимычъ. Вынулъ Колышкинъ изъ стола вѣски какіе-то, свѣсилъ песокъ, потомъ на тѣхъ же вѣскахъ свѣсилъ его въ водѣ.

— Чтѣ? — спросилъ Патапъ Максимычъ, вставая съ дивана.

Колышкинъ опять ни слова.

Видитъ Патапъ Максимычъ — «крестникъ» взялъ какую-то кастрюльку, налилъ въ нее чего-то, песку подсыпалъ, еще что-то подбѣлалъ и, отдавая пузырекъ, сказалъ:

— Золото.

Просіялъ Патапъ Максимычъ.

— Видишь! — сказалъ онъ. — А гогочешь!.. Теперь, баринъ, кому надъ кѣмъ смѣяться-то?.. Ась?..

— Гдѣ-жъ его промывали? — спросилъ Колышкинъ. — Промыто хорошо.

— Какъ промывали? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Никто не мылъ... Изъ земли такое берутъ.

— Не можетъ этого быть, — рѣшительно сказалъ Сергѣй Андреичъ.

— Какъ не можетъ быть? — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Я тебѣ говорю, что песокъ изъ земли накопанъ...

— Самъ видѣлъ? — спросилъ, прищурившись, Колышкинъ.

— Хвастать не хочу — самъ не видалъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Значить, люди сказывали, что они такой песокъ прямо изъ земли берутъ? — перервалъ его Колышкинъ.

— Такъ говорили, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ-таки и сказывали, что въ этомъ самомъ видѣ песокъ изъ земли копанъ? — продолжалъ свои спросы Колышкинъ. — Ни про какую промывку не было рѣчи?

— Да, — подтвердилъ Патапъ Максимычъ.

— Мошенники это тебѣ говорили — вотъ что!.. — съ сердцемъ крикнулъ Сергѣй Андреичъ.

— Какъ мошенники? — вскочивъ съ мѣста, еще громче вскрикнулъ Патапъ Максимычъ. — Развѣ стану я водиться съ мошенниками?

— Не туда, крестный, гнешь... — молвилъ Колышкинъ. — Не кипятись, слушай, что скажу. Сдается мнѣ, на плуты ты попалъ... Денегъ просили?

— Мое дѣло, — нехотя отозвался Патапъ Максимычъ.

— Не таи, тебя-жъ отъ обмана хочу оберечь, — говорилъ Колышкинъ. — Много ли далъ?

— За пузырекъ-отъ? — послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Ну да.

— Сорокъ цѣлковыхъ дадено, — сквозь зубы процѣдилъ Чапуринъ.

— Съ барышомъ поздравляю! — весело усмѣхнувшись, молвилъ Колышкинъ. — Пять сѣреныхъ въ карманъ понало!.. Э-эхъ, Патапъ Максимычъ!.. Кто таковы знакомцы твои, не вѣдаю, а что плуты они, то знаю вѣрно... И плуты они не простые, а большіе, козырные... Маленькій плутъ двухсотъ пятидесяти цѣлковыхъ зря не кинетъ.

— Какіе двѣсти пятьдесятъ цѣлковыхъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да вѣдь въ этой склянкѣ безъ малаго фунтъ чистаго золота, — сказалъ Колышкинъ: — его фунтъ казенна цѣна триста цѣлковыхъ... Какъ же тебѣ за сорокъ-то продали?.. Смекаешь, каковы подкопы ведутъ подъ тебя?

— Невдомекъ! — почесывая затылокъ, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Эка въ самомъ дѣлѣ!.. Да нѣтъ, постой, погоди, зря съ толку меня не сшибай... — спохватился онъ. — На Ветлугѣ говорили, что этотъ песокъ не справское золото; изъ него, дескать, надо еще черезъ огонь топить настоящее-то золото... Такіе люди въ Москвѣ, слышь, есть. А неумѣлыми руками зачнешь тотъ песокъ перекаливать, одна гарь оста-

нется... Я и гари той добылъ, — прибавил Патапъ Максимычъ, подавая Колышкину взятую у Силантя ѳгарь.

Икнулось ли на этотъ разъ Стуколову, нѣтъ ли, зачесалась ли у него лѣвая бровь, загорѣлось ли лѣвое ухо — про то не вѣдаемъ. А подошла такая минута, что силантьевская гарь повернула затѣи паломника внизъ покрышкой. Недаромъ шарилъ онъ ее въ чемоданѣ, когда Патапъ Максимычъ въ банѣ нѣжился, недаромъ пытался подмѣнить ее кускомъ ѳгари съ обительской кузницы... Но нельзя было всѣхъ концовъ въ воду упрятать — силантьевская гарь у Патапа Максимыча о ту пору въ кармапѣ была...

Колышкинъ испробовалъ гарь и сказалъ:

— Не отъ того песку... Это отъ сѣрнаго колчедана... Теперь ихнюю плутню насквозь вижу... Знаешь сѣрный колчеданъ?

— Не знаю, что за колчеданъ такой, не слыхивалъ... — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Дресву знаешь?

— Какъ дресвы не знать! — молвилъ Чапуринъ. — По нашимъ мѣстамъ бабы дресвой помы моютъ.

— А какъ ее дѣлають? — спрашивалъ Колышкинъ.

— Спорникъ съ каменки *), берутъ... потолкутъ въ ступѣ, вотъ тебѣ и дресва, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ладно, а замѣчалъ ты когда, что въ древиѣ-то ровно золотыя искорки свѣтятся? — продолжалъ спрашивать Колышкинъ.

— Какъ не замѣчать!.. «Мышинымъ золотомъ» тѣ блески зовутъ.

— Ну вотъ это «мышиное золото» и есть колчеданъ, — сказалъ Колышкинъ. — Ветлужское золото тоже «мышиное»... Понялъ?..

— Чудно что-то заговорилъ ты, Сергѣй Андричъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Мышино золото искорками живетъ, блесками такими, а это гляди-ка что... — прибавилъ онъ, указывая на пузырькѣ.

— Не про это тебѣ говорю, это золото настоящее и брато не на Ветлугѣ, — сказалъ Колышкинъ. — Говорю тебѣ про сѣрный колчеданъ, про тотъ, что у васъ «мышинымъ золотомъ» зовется. Мѣстами онъ гнѣздами въ землѣ лежитъ и съ виду какъ есть золотой песокъ. Только золота изъ него не добудешь, а коли хочешь купоросно масло дѣлать — иная статья — можно выгоду получить... Эта гарь отъ колчедана, а

*) Въ банѣ.

по-вашему отъ мышиного золота; а песокъ въ склянкѣ не здѣшній. То съ прінсковъ краденое настоящее промытое золото... Берегись, крѣстный, подъ твои кошело подкопы всудуть...

Задумался Патапъ Максимычъ. Не клентся у него въ головѣ, чтобъ отецъ Михайлъ сталъ обманомъ да плутнями жить, а онъ вѣдь тоже увѣрялъ... «Ну пушай Дюковъ, пушай Стуколовъ — кто ихъ знаетъ, можетъ, и впрямь нечистыми дѣлами занимаются, — раздумывалъ Патапъ Максимычъ: — а отецъ-отъ Михайлъ?.. Нѣтъ, не можно тому быть... старецъ благочестивый, игумень домовитый... Какъ ему на мошенствѣ стоять?..»

— А богатъ человекъ, что песокъ тебѣ продавалъ? — спросилъ Колышкинъ.

— Мужикъ справный, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ однако?

— Денежный человекъ, — изба хорошая, кони, коровы, все въ порядкѣ... Баклушами кормится — баклушникъ.

— Не тысячникъ? — спросилъ Колышкинъ.

— Какое тысячникъ! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Баклушами въ тысячникъ не влѣзешь... Сотъ семь либо восемь залежныхъ, можетъ-быть, есть, больше наврядъ...

— Двѣсти пятьдесятъ цѣлковыхъ ему деньги?

— Еще бы не деньги!.. Да Силаenty цѣлый годъ такихъ денегъ не выручить. За сорокъ-то цѣлковыхъ онъ мнѣ кланялся-кланялся.

— А давно-ль ты его знаешь? — спросилъ Колышкинъ.

— Впервой видѣлъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Ночь у него почевалъ, пообѣдалъ, вотъ и знакомства всего...

— А въ дѣло тебя звали?.. На золото денегъ просили?.. — приставалъ Колышкинъ.

— Было, — нехотя молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Теперь мнѣ все какъ на ладонкѣ, — сказалъ Колышкинъ. — Подумай, Патапъ Максимычъ, статочно ли дѣло баклушнику бобра замѣсто свиньи продать?.. Фунтъ золота за сорокъ цѣлковыхъ!.. Самъ посуди!.. Заманить тебя хотятъ — вотъ что!.. Много-ль просили?.. Сказывай, не тай...

— Да на первый разъ не больно много: три тысячи на монету.

— А потомъ?

— А потомъ, коли дѣло на ладъ пойдетъ, пятьдесятъ тысячъ цѣлковыхъ обѣщался имъ дать, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Э!.. Народъ тѣртый!.. На свои руки топора не уронить... — молвилъ Колышкинъ. — Сибиряки, надо-быть?

— Народъ здѣшній, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Одинъ, правда, жилъ въ Сибири и на прискахъ золотыхъ, сказываетъ, живаль...

— Такъ и есть, — подхватилъ Колышкинъ. — Жилъ въ Сибири да выѣхалъ въ Россію «землянымъ масломъ» торговать... Знаю этихъ проходимцевъ!.. Немало народу по міру они пустили, немало и въ острогъ да въ ссылку упрятали... Нѣтъ, крестный, воля твоя — это дѣло надо бросить.

Задумался Патапъ Максимычъ. Отецъ Михаилъ съ ума нейдетъ... Какъ же это игумну въ плутовскихъ дѣлахъ бывать?

— А ты бы, крестный, рассказалъ ужъ мнѣ все по порядку, какъ начиналось дѣло и какъ шло до сихъ поръ, — сказалъ Колышкинъ. — Подумали бы вмѣстѣ — гнилого совѣта отъ меня не услышишь.

Молчитъ Чапуринъ. Хмурится, кусаетъ нижнюю губу и слегка почесываетъ затылокъ. Начинаетъ понимать, что проходимцы его обошли, что онъ, стыдно сказать, ровно малый ребенокъ, повѣрилъ розказнямъ паломника... Но какъ сознаться?.. Другъ-пріятель — Колышкинъ, и тому какъ сказать, что плуты стараго воробья на кривыхъ объѣхали? Не три тысячи, тридцать бы въ печку кинулъ, только-бы не сознаться, какъ его ровно Филю въ лапты обули.

— Отчего не сказать всего по ряду? — приставалъ Колышкинъ. — Вдвоемъ посоветуемъ, какъ бы тѣхъ плутовъ изловить?

— А чего ради въ ихнее дѣло обѣщаль я идти? — вдругъ вскрикнулъ Патапъ Максимычъ. — Какъ мнѣ сразу не увидать было ихняго мошенства?.. Затѣмъ я на Ветлугу ѣздилъ, затѣмъ и маягу принималъ... чтобъ развѣдать про нихъ, чтобъ на чистую воду плутовъ вывести... А къ тебѣ въ городъ затѣмъ бы пріѣзжать?.. По золоту ты человекъ знающій, съ кѣмъ же, какъ не съ тобой, размотать ихнюю плутню... Думаешь, вѣрилъ имъ?.. Держи карманъ!.. Нѣтъ, другъ, еще тотъ человекъ на свѣтъ не рожденъ, что проведетъ Патапа Чапурина.

— А я-то про что тебѣ говорю? — сказалъ Колышкинъ, вдоль и поперекъ знавшій своего крестнаго. — Про что толкую?.. Съ перваго слова я смекнулъ, что у тебя на умѣ... Вижу, хочеть маленько поглумиться, затѣйное дѣло правскимъ показать... Ну что-жъ, думаю, пуцай его потѣшится... Другому не спущу, а крестному какъ не спустить?..

— А! Понялъ же, значитъ, что шутку хотѣлъ надъ тобой смутить! — самодовольно улыбаясь, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Ишь ты!.. На саврасой, братъ, тебя не объѣдешь!

— Не сразу, Патапъ Максимычъ, не вдругъ, — шутливо отвѣтилъ Колышкинъ. — Сами съ усами, на своемъ вѣку тоже кое-какіе виды видали.

— Да ты у меня умный!.. Золотая головушка!.. — сказала Патапъ Максимычъ, глядя Сергѣя Андреича по головѣ. — Съ тобой говорить не наскучить.

— Ну ладно, ладно. Будетъ шутку шутить... Разсказывай, какъ въ самомъ-то дѣлѣ ихня затѣя варилась, — прервалъ Колышкинъ. — Глазкомъ бы посмотрѣть, какъ плуты моего крѣстнаго оплетать задумали, — съ усмѣшкой прибавилъ онъ. — Сидятъ, небось, важно, глядятъ задумчиво, не улыбнутся, толкуютъ чинно, степенно... А крѣстный себѣ на умѣ, попираетъ смѣхъ на сердцѣ, а самъ бровью не моргнетъ: «толкуйте, моль, голубчики, распоясывайтесь, выкладывайте, что у васъ на умѣ сидитъ, а мнѣ какъ васъ насквозь не видѣть?..» Ха-ха-ха!..

И звонкій хохотъ Колышкина раскатился по высокимъ комнатамъ.

— Экій догадливый! — тоже смѣясь, молвилъ повеселѣвшій Чапуринъ. — Ровно ты, Сергѣй Андреичъ, ту пору промежъ насъ сидѣлъ... Такъ ужъ вѣрно ты разсказываешь.

— Такъ какъ же, какъ дѣло-то было? — спрашивалъ Колышкинъ.

И разсказалъ Патапъ Максимычъ Колышкину, какъ прѣхали къ нему Стуколовъ съ Дюковымъ, какъ паломникъ привсѣхъ гостяхъ, что случилось, расписывалъ про дальнія свои странствія, а когда не стало въ горницѣ женскаго духа, вынулъ изъ кармана мѣшокъ и посыпалъ изъ него золотой песокъ...

— И такіе пошелъ онъ моты разматывать, только слушай, — говорилъ Патапъ Максимычъ. — И стелеть и мететь, и вретъ и плететь, а самъ глазомъ не смигнѣтъ, ровно нѣтъ и людей передъ нимъ... Занятно мнѣ стало... Думаю: «Постой ты, баламутъ, точи лясы, морочь людей, вываливай изъ себя все до тла, а затѣкъ твоихъ какъ намъ не видать?..» Средственникъ на ту пору былъ у меня да пріятель старинный — удѣльнаго голову Захлыстина Михайлу Васильевича не слыхалъ ли?.. Мы тому проходимцу будто и повѣрили, а онъ и говорить: — «Золотой, дескать, песокъ неподалеку отъ вашихъ мѣстъ объявился — на Ветлугѣ». И давай насъ умаливать: золоты прінски заявляйте, компанію заводите, милліоны, говорите, наживете. А мы: — «Отчего-жъ, моль, не завести компаніи, Якимъ Прохорычъ, — для че отъ счастья отказываться? Денегъ-то, скажи, много-ль потребуется?» — «На первый разъ,

говорить, тысячи три бумажками, а станеть дѣло на своихъ ногахъ, тысячь пятьдесятъ серебромъ будетъ надобно». Для видимости согласился мы, по рукамъ ударили. А мнѣ о ту пору требовалось на Ветлугъ побывать. Ёдемъ, говорю Стуколову, кажи, гдѣ такой песокъ водится. Поѣхали... Мѣста не показывалъ, а на Силантя, баклушника, навель.

— Ну? — спросилъ Колюшкинъ смолкшаго-было Патапа Максимыча.

— Силантій и продалъ песокъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Въ лѣсу нарылъ, говорить... И другіе завѣряли, что въ лѣсу роютъ.

Кто эти другіе, не сказала Патапъ Максимычъ. Вертѣлся на губахъ отецъ Михаилъ, но какъ вспомнится красноярскій стерляди, почетъ, возданный въ обители, молебный канонъ, баня липовая съ калуферомъ — языкъ у Патапа Максимыча такъ и заморозить... «Возможно-ль такого старца къ пролазу Якимкѣ приравнивать, къ бездѣльнику Дюкову? — думалъ Патапъ Максимычъ. — Обошли, плуты, честнаго игумна... Да нѣтъ, постой, погоди — выведу я васъ на свѣжую воду!..»

— Всѣ, кто тебя ни завѣрялъ, — одна плутовская ватага, — сказалъ наконецъ Колюшкинъ: — всѣ одной шайки. Знаю этихъ воровъ — наглядѣлся на нихъ въ Сибири. Ловки добрыхъ людей облапошивать: кого по міру пустять, а кого въ поганое свое дѣло до той мѣры затянуть, что пойдетъ послѣ въ казенныхъ рудникахъ копать настоящее золото.

— Изловить бы ихъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Ловить плутовъ — дѣло доброе, — замѣтилъ Колюшкинъ. — Не одного, чай, облупили, на твоёмъ только кошелѣ пришлося напоротся... Цѣлы теперь не уйдуть...

— Не уйдуть!.. Нѣтъ, съ моей уды карасямъ не сорваться!.. Шалишь, кума, — не съ той ноги плясать пошла, — говорилъ Патапъ Максимычъ, ходя по комнатамъ и потирая руки. — Съ меня не разживутся!.. Да нѣтъ, ты то посуди, Сергій Андреичъ, живу я, слава Тебѣ, Господи, и дѣла веду не первый годъ... А они со мной ровно съ малымъ ребенкомъ вздумали шутки шутить!.. Я-жъ имъ отшучу!..

— А ты, крѣстный, виду не подавай, что разумѣешь ихнюю плутню, — сказала Колюшкинъ. — Улещай ихъ да умасливай, а самъ мани какъ пташку на силокъ. Да смотри — ловки вѣдь мошенники-то, какъ разъ въюномъ изъ рукъ выскользнуть... Вильнетъ хвостомъ, поминай какъ звали.

— Не сорвутся! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Нѣтъ, не сорвутся! А какъ подумаешь про народъ-отъ!.. — приба-

вилъ онъ, глубоко вздохнувъ и разваливаясь на диванѣ. — Слабость-то какая по людямъ пошла!..

— На скорые прибытки стали падки, — отвѣтилъ Колышкинъ. — А слышалъ ты, какъ ветлужскіе же плуты Максима Алексѣича Зубкова обработали?.. Знаешь Зубкова-то?

— Какъ не знать Максима Алексѣича! — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Ума палата...

— Да денежка щербата, — перебилъ Колышкинъ. — Мягкую бумажку возлюбилъ — переводить... И огрѣли-жъ его ветлужскіе мастера — въ острогѣ теперь сидитъ.

— Полно! Какъ такъ? — съ удивленьемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Приходить къ нему какой-то проходимецъ изъ вашего скита — Красноярскій никакъ прозывается?..

— Красноярскій! — воскликнулъ Патапъ Максимычъ. — Есть такой... Знаю тотъ скитъ... Что-жъ тако? — спрашивалъ онъ съ нетерпѣньемъ.

— Приходить къ Зубкову изъ того скита молодой парень, — продолжалъ Колышкинъ. — О томъ, о семъ они покалякали, знаю — темныя дѣла разомъ не дѣлаются. Подъ конецъ парень двѣ сѣренкиихъ Максиму Алексѣичу показываетъ: «купите, дескать, ваше степенство, дешево уступлю, по пятнадцати цѣлковыхъ казенными». Разгорѣлись глаза у Максима Алексѣича — взялъ. Сбылъ безъ сумнѣнія. Да только сбылъ, парень опять лѣзетъ съ сѣренкиими, только дешевле двадцати пяти за каждую не беретъ. Максимъ Алексѣичъ и эти взялъ — видитъ — товаръ хорошій. Да для пуцаго увѣренья понесъ одну въ казначейство... Приняли... Онъ другую, и ту приняли... Максимъ Алексѣичъ и остальные понесъ — всѣ взяли. «Эка работа-то важнецкая, — думаетъ: — да съ такой работой можно по скорости миллионъ запибить». Самъ сталъ красноярскаго парня разыскивать, а тотъ какъ листъ передъ травой. «Такія дѣла, говоритъ, выпали, что надо безпремѣнно на Низъ съѣхать на долгое время, а у меня, говоритъ, на двадцать тысячъ сѣренкиихъ водится — не возьмете ли?» Максимъ Алексѣичъ радехонекъ да десять тысячъ настоящими взабѣнъ и отсчиталъ... Да на первой же бумажкѣ и попался — всѣ фальшивыя... Дѣло завязалось — обыскъ... Красноярскія денежки сыскались у Зубкова въ сундукѣ, а парня и слѣдъ простылъ — нищи его, какъ вѣтра въ полѣ... И сидитъ теперь Максимъ Алексѣичъ въ каменныхъ палатахъ за желѣзными дверями...

— Поди же вотъ тутъ! — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Первы-то бумажки парень давалъ ему настоящія, —

продолжалъ Колышкинъ:—а какъ увѣрился Зубковъ, онъ и под-
сунулъ ему самодѣльщины... Вотъ каковы они, ветлужскіе-то!..

Патапъ Максимычъ задумался. «Какъ же такъ?—было у
него на умѣ.—Отецъ-отъ Михаилъ чего смотритъ?.. Моро-
чатъ его, старца Божія!..»

— Да, избаловался народъ, избаловался,—сказалъ онъ,
покачивая головой.—Слабость да шаткость по людямъ пошла —
отца обмануть во грѣхъ не поставятъ.

— Навострились, крѣстный, навострились,—отозвался съ
усмѣшкой Колышкинъ.—Всякъ норовитъ на грошъ пятаковъ
намѣнять.

— Ослѣпила корысть, — думчиво молвилъ Чапуринъ. —
Ослѣпила она всѣхъ отъ большого до малаго, отъ нерваго до
последняго. Зависть на чужое добро свѣтъ кольцомъ обвила...
Последни времена!

— Ну! Заговори съ тобой, тотчасъ доберешься до анти-
христа, — сказалъ Колышкинъ.—Какіе послѣдни времена?..
До насъ люди жили не ангелы, и послѣ насъ не черти бу-
дутъ. Правда съ кривдой споконъ вѣка однимъ колесомъ по
міру катится.

Замолчалъ Патапъ Максимычъ, а самъ все про отца Михаила
размышляетъ. «Неужель и впрямь у него такія дѣла въ скиту
дѣлаются!» Но Колышкину даже имени игумна не помянулъ.

Воротясь на квартиру, Патапъ Максимычъ нашель Дюкова
на боковой. Измаявшись въ дорогѣ, молчаливый купецъ спалъ
непробуднымъ сномъ и такіе храпы запускалъ по горниці,
что сосѣди хотѣли ужъ посылать въ полицію... Нескоро до-
толкался его Патапъ Максимычъ. Когда наконецъ Дюковъ про-
снулся, Чапуринъ объявилъ ему, что песокъ оказался добротнымъ.

— Какъ же теперь дѣло будетъ? — спросилъ, зѣвая во весь
ротъ, Дюковъ.

— Какъ лажено, такъ и будетъ, — рѣшилъ Патапъ Ма-
ксимычъ.—Получай три тысячи. «Куда не шли три тысячи
ассигнаціями, — думалъ онъ: — а ужъ изловлю же я васъ,
мошенники!»

— Ладно,—отозвался Дюковъ, взялъ деньги, супулъ въ кар-
манъ и, повернувшись на другой бокъ, захрапѣлъ пуще прежняго.
Вечеромъ выѣхали изъ города. Отѣхавъ верстъ двадцать,
Патапъ Максимычъ разстался съ Дюковымъ. Молчаливый ку-
пецъ поѣхалъ во-своясн, а Патапъ Максимычъ посиѣшилъ
въ Городецъ на субботній базаръ. Да надо еще было ему
хозяйскимъ глазомъ взглянуть, какъ готовятъ на пристани
къ погрузкѣ «горящину».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая.

Лѣса, чтѣ кроютъ песчаное Заволжье, прежде сплошнымъ кряжемъ между рѣками Унжей и Вяткой тянулись далеко на сѣверъ. Тамъ соединялись они съ Устюжскими и Вычегодскими дебрями. Въ старые годы тѣ лѣсные пространства были заселены только по южнымъ окраинамъ — по «раменямъ» — вдоль лѣваго берега Волги, да отчасти по берегамъ ея притоковъ: Линды, Керженца, Ветлуги, Кокшаги. Но этимъ рѣкамъ изрѣдка стояли дереvушки, верстахъ на двадцати и больше одна отъ другой. Тамошній людъ жилъ какъ отрѣзанный отъ остальнаго крещенаго міра. Церквей тамъ вовсе почти не было, и русскіе люди своими дикими обычаями сходились съ сосѣдними звѣродами, черемисой и вотяками; только языкомъ и отличались отъ нихъ. Дѣтей крестили у нихъ бабушки-повитухи, свадьбы-самокрутки вѣнчали въ лѣсу вокругъ ракитова кустика, хоронились заволжане зря, гдѣ попало. «Жили въ лѣсу, молились пенью, вѣнчались вокругъ ели, а черти имъ пѣли», — такъ говаривали московскіе люди про лѣсныхъ обитателей Заволжскаго края...

Иной разъ наѣзжали къ нимъ хлыновскіе попы съ Вятки, но тѣ попы были самоставленники, сплошь да рядомъ вѣнчали они не то что четвертые, шестые да седьмые браки, отъ живой жены или въ близкомъ родствѣ. «Молодецъ попъ-хлыновецъ за пару лаптей на родной матери обвѣнчаетъ» — доселѣ гласить пословица про такихъ поповъ. Духовныя власти не признавали ихъ правильными и законными пастырями... Упрекая вятскихъ поповъ въ самочиніи, московскій митрополитъ говорилъ: «Не вѣмы како и нарицати васъ и отъ кого имѣте поставленіе и рукоположеніе» *). Но попы-хлыновцы знать не

*) Митрополитъ Героптій въ восьмидесятихъ годахъ XV столѣтія.

хотѣли Москвы: пользуясь отдаленностью своего края, они вели дѣла по-своему, не слушая митрополита и не справляясь ни съ какими уставами и чиноположеніями. Такимъ образомъ почва для церковнаго раскола въ заволжскихъ лѣсахъ издавна приготовлена была. И нынѣшніе старообрядцы того края такіе точно, что ихъ предки — духовныя чада наѣзжихъ поповъ-хлыновцевъ. Очень усердны они къ православію, свято почитаютъ старыя книги и обряды, но держатся самоставленныхъ или бѣглыхъ поповъ, знать не хотятъ нашихъ архіереевъ. Архіереевъ и поповъ австрійской іерархіи тоже знать не хотятъ.

Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Попы-хлыновцы знать не хотѣли Москвы съ ея митрополитомъ, ихъ духовныя чада — знать не хотѣли царскихъ воеводъ, уклонялись отъ платежа податей, управлялись выборными, судили самосудомъ, московскимъ законамъ не подчинялись. Чуть являлся на краю лѣса посланецъ отъ воеводы или патріаршіи десятильникъ, они покидали дома и уходили въ лѣсныя труппы, гдѣ не сыскали-бъ ихъ ни самъ воевода ни самъ патріархъ.

Съ XVII столѣтія въ непроходимыя заволжскія дебри стали являться новыя насельники. Остатки вольницы, что во времена самозванцевъ и ляхолѣтія разбоемъ да грабежомъ исходили вдоль и поперекъ чуть не всю Русскую землю, находили здѣсь мѣста безопасныя, укрывавшія удалцовъ отъ припасенныхъ для нихъ кнута и висѣлицъ. Бѣглые холопы, пашенные крестьяне, не смогшіе примириться съ только-что возникшимъ крѣпостнымъ правомъ, отягощенные оброками и податями, слобожане, лишеныя промысловъ, посадскіе люди, бѣглые рейтары, драгуны, солдаты и иные ратные люди ненавистнаго имъ иноземнаго строя: все это валомъ валило за Волгу и ставило свои починки и займки по такимъ мѣстамъ, гдѣ до того времени человѣкъ ноги не накладывалъ. Смуты и войны XVII вѣка въ корень распатали народное хозяйство; неизбѣжнымъ послѣдствіемъ явилось множество людей, задолжавшихъ въ казну и частнымъ людямъ. Имъ грозили правожъ или вѣковѣчное холопство; избѣгая того и другого, они тоже стремились въ заволжскіе лѣса. Тогда-то и сложилась пословица: «нечѣмъ платить долгу, дай пойду за Волгу».

Такова была закваска населенія заволжскихъ лѣсовъ, когда во второй половинѣ XVII вѣка явились туда новыя насельники, бѣжавшіе изъ селъ и городовъ раскольники.

По скитскимъ преданіямъ, начало старообрядскихъ поселеній въ заволжскихъ лѣсахъ началось чудеснымъ образомъ. Во время «Соловецкаго сидѣнья», когда царскій воевода Ме-

шериновъ обложилъ возмутившихся старообрядцевъ въ монастырѣ Зосимы и Савватія и не выпускалъ оттуда никого, древній старецъ инокъ-схимникъ Арсеній дни и ночи проводилъ на молитвѣ передъ иконою Казанской Богородицы. А та икона была прежде комнатною царя Алексѣя и пожалована имъ въ Соловки еще до патріаршества Никона. Наканунѣ взятія монастыря царскою ратью истомился Арсеній, стоя на молитвѣ, задремалъ. И, будучи въ тонкомъ снѣ, слышалъ онъ гласъ отъ иконы: «Гряди за Мною ничто же сумняся, и гдѣ Я остановлюся, тамо поставь обитель, и пока икона Моя будетъ въ той обители, древнее благочестіе будетъ въ ней процвѣтать». И видѣлъ Арсеній, что икона Богородицы въ выспрѣ поднялась и въ небесной высотѣ исчезла... Проснулся инокъ-схимникъ, иконы на мѣстѣ не было... На другой день взятъ былъ монастырь. «Соловецкихъ сидѣльцевъ» въ кандалахъ перевезли на матерую землю, и здѣсь Арсенію удалось бѣжать изъ-подъ царскаго караула въ лѣса. Только-что ступилъ онъ въ лѣсную чащу, видитъ икону, передъ которой молился, грядетъ та икона поверхъ лѣса на воздухъ... Идетъ за нею изумленный и трепетный Арсеній. Передъ нимъ деревья разступаются, передъ нимъ сохнутъ непроходныя болота, передъ нимъ невидимая сила валежникъ врознь раскидываетъ. «Чудяся бывшему о немъ», Арсеній идетъ да идетъ за иконою. И стала та икона въ лѣсахъ Чернораменскихъ, неподалеку отъ починка Ларіонова, на урочищѣ Шарпанъ. И поставилъ тутъ Арсеній первый скитъ *).

Съ легкой руки соловецкаго выходца старообрядскіе скиты одинъ за другимъ возникали въ лѣсахъ Заволжья. Вскорѣ ихъ появилось больше сотни въ Черной Рамени, въ лѣсахъ Керженскихъ, въ лѣсахъ Римскихъ и за рѣкой Ветлугой.

Въ скитахъ селились старообрядцы разнаго званія. Въ первыя десятилѣтія существованія раскола, отъ «Никоновыхъ новшествъ» бѣгали не одни крестьяне и посадскіе люди, не одни простые монахи и сельскіе попы. Уходили и люди знатныхъ родовъ, изъ духовенства даже одинъ архіерей сбѣжалъ въ лѣса **). И въ Черной Рамени являлись и знатные люди:

*) Шарпанскій скитъ существовалъ сто семьдесятъ лѣтъ и окончательно уничтоженъ въ 1853 году. Въ 1718 году въ немъ было 7 монаховъ и 44 монахини. Въ послѣднее время мужской обители въ немъ уже не было, но женщинъ жило больше сотни. Это былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ строгихъ скитовъ. Икона Казанской Богородицы, почитаемая старообрядцами чудотворною, находится съ 1849 года въ мужскомъ Керженскомъ Благовѣщенскомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

***) Александръ, первый епископъ вятскій, бѣжалъ въ 1674 году въ Вычегодскіе лѣса.

изъ предѣловъ Смоленскихъ бѣжали туда Салтыковы, Потемкины и другіе. Основали они свой скитъ неподалеку отъ первоначальнаго скита Шарпанскаго. Давно лѣсомъ поросло старинное жилие богатыхъ и вліятельныхъ старообрядцевъ; но остатки грядъ, погребныхъ ямъ, заросшихъ бурьяномъ могилъ и двѣнадцать надгробныхъ камней до сихъ поръ видны на урочищѣ, прозванномъ «Смоляны»... Въ XVIII столѣтіи въ Комаровскомъ скиту была основана обитель Вояркина, названа такъ отъ того, что была основана княжной Болховской и первоначально вся состояла изъ боярышень. Въ ея часовнѣ на вѣнцѣ иконы Спаса Нерукотвореннаго до послѣдняго времени висѣла Александровская лента съ орденскимъ крестомъ, ее носилъ Лопухинъ, дядя основательницы обители... Въ Оленевскомъ скитѣ одна обитель была основана Анѳисой Колычевой, родственницей святого Филиппа митрополита... Когда старый Улангерскій скитъ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія сгорѣлъ отъ молніи, ударившей въ пору необычайную, въ самый крещенскій сочельникъ, галицкая помѣщица Акулина Степановна Свѣчина, со своею племянницей Ѳедосьей Ѳедоровной Сухониной, собрала разбѣжавшихся отъ ужаса матушекъ, привела ихъ на рѣчку Козленецъ и поставила тутъ донинѣ существующій Улангерскій скитъ. Всѣ скитскіе жители съ умиленьемъ вспоминали, какое при «боярыньѣ Степановнѣ» въ Улангерѣ житіе было тихое да стройное, да такое пространное, небоязное, что заразъ у нея по двѣнадцати поповъ съ Иргиза живало, и полиція пальцемъ не смѣла ихъ тронуть *).

Пребываніе въ нѣкоторыхъ обителяхъ лицъ изъ высшихъ сословій, не прекращавшееся со временъ смоленскихъ выходцевъ, а больше того тѣсныя связи «матерей» съ богатыми купцами столицъ и большихъ городовъ возвышали тѣ обители передъ другими, куда поступали только бѣдныя, хотя и грамотныя крестьянки изъ окрестныхъ селеній. Такія обители считались какъ бы аристократическими, имѣли свои преданія. Этихъ преданій крѣпко держались и за ихъ сохраненіемъ

---

*) Въ Улангерскомъ скиту, Семеновскаго уѣзда, лѣтъ тридцать тому назадъ жилъ раскольникій инокъ, отецъ Ювъ, у котораго въ томъ же Семеновскомъ уѣздѣ, а также въ Чухломскомъ, были имѣнія съ крѣпостными крестьянами. Этотъ старикъ (Іона Михайловичъ Сухонинъ) былъ родственникъ Свѣчиной, едва ли не племянникъ ея. Въ Улангерѣ, до самой высылки изъ скитовъ постороннихъ лицъ (то-есть не приписанныхъ къ скиту по ревизіи), жили двѣ дворянки, одна еще молоденькая, дочь прапорщика, другая старуха, которую мѣстные старообрядцы таинственно величали «дамою двора его императорскаго величества». Дама эта дѣйствительно по мужу принадлежала къ разряду придворныхъ, но была вдова гофъ-фурьера.

зорко смотрѣли настоятельница и старшія матери. Входъ въ такія обители, даже въ число работницъ, «трудницъ», не всѣмъ былъ доступенъ. Нужны были для того связи, чьенибудь покровительство. Большею частью, игуменьи и старшія матери наполняли такія обители близкими и дальними своими родственниками. Бѣдныя обители и небольшіе скиты не очень дружелюбно смотрѣли на эти «прегордыя» общины, завидовали ихъ богатству, связямъ и почету, которымъ ото всѣхъ онѣ пользовались.

Спервоначалу скиты Керженскіе, Чернораменскіе были учрежденіями чисто-религіозными, какъ и наши монастыри. Они служили убѣжищемъ, «не хотѣвшимъ новины Никоновы пріяти», но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ религіозный фанатизмъ ослабѣвалъ въ средѣ раскольниковъ, скиты теряли первоначальный характеръ, превращаясь въ рабочія общины съ артельнымъ хозяйствомъ. На дѣлѣ оказалось, что женскіе скиты были способнѣе усвоить такое хозяйство, чѣмъ мужскіе. Въ женскихъ твердо сохранялись и повиновеніе старшимъ и подчиненіе разъ заведеннымъ порядкамъ, тогда какъ въ мужскихъ своеволие, непокорность старшинамъ и неподчиненіе артельнымъ уставамъ въ корень разрушали общинное устройство. По мѣрѣ того, какъ женскія общежитія умножались и годъ отъ году пополюлись, ряды скитниковъ рѣдѣли, обители ихъ пустѣли и, если не переходили въ руки женщинъ, разрушались сами собою, безо всякаго вмѣшательства гражданской или духовной власти. Ко времени окончательнаго уничтоженія Керженскихъ и Чернораменскихъ скитовъ *) не оставалось ни одного мужского скита; были монахи, но они жили по деревнямъ у родственниковъ и знакомыхъ или шатались изъ мѣста въ мѣсто, не имѣя постоянного пребыванія. Искатели иноческихъ трудовъ и созерцательной жизни удалялись въ лѣсныя трупцы и тамъ жили совершенными отшельниками въ вырытыхъ землянкахъ, иные въ срубленныхъ коекакъ старческими руками кельяхъ. Но такихъ пустынниковъ было очень немного.

Во всѣхъ общежительныхъ женскихъ скитахъ хозяйство шло впередъ духовныхъ подвиговъ. Правда, служба въ часовняхъ и моленныхъ отправлялась скитницами усердно и неопустительно, но она была только способомъ добыванія денежныхъ средствъ для хозяйства. Каждая скитская артель жила подаянiami богатыхъ старообрядцевъ, щедро даваемыми за то, чтобы «матери хорошенько молились». И матери доб-

*) Въ 1833 году.

росовѣстно исполняли свои обязанности: нелѣбно отправляли часовенную службу, молясь о здравіи «благодѣтелей», поминая ихъ сродниковъ за упокой, читая по покойникамъ псалтырь, исправляя сорочины, полусорочины, години и другія обычныя поминовенія. Подъ именемъ «канонницъ», или «читалокъ», скитскія артели отправляли въ Москву и другіе города молодыхъ бѣлицъ къ богатымъ одновѣрцамъ «стоять негасимую свѣчу», то-есть день и ночь читать псалтырь по покойникамъ «на мѣстѣ ихъ преставленія» и учить грамотѣ малолѣтнихъ дѣтей въ домахъ «христолюбивыхъ благодѣтелей». Отправляли по разнымъ мѣстамъ и сборщицы съ книжками. Ежегодно къ празднику Пасхи такія сборщицы съѣзжались въ скитъ и привозили значительныя суммы денегъ и цѣлыя воза съ припасами разнаго рода и съ другими вещами, нужными въ хозяйствѣ.

Въ стѣнахъ общины каждый день, кромѣ праздниковъ, работа кипѣла съ утра до ночи. Пряли ленъ и шерсть, ткали новины, пестряди, сѣна; занимались и бѣлоручными работами: ткали шелковые пояски, лѣстовки, вышивали по канвѣ шерстями, синестью и шелкомъ, шили золотомъ, искусно переписывали разныя тетради духовнаго содержанія, писали даже иконы. Но никто на себя работать не смѣлъ, все поступало въ общину и, по назначенію настоятельницы, развозилось въ подарки и на благословеніе «благодѣтелямъ», а они сторицею за то отдавали.

Главную распорядительницей работъ и всего обительскаго хозяйства была игуменья. Ей помогали: уставщица, по часовенной службѣ и по всему, что касалось по религіозной части; казначея, у ней на рукахъ было обительское имущество, деньги и всякаго рода запасы, кромѣ съѣстныхъ, — тѣми завѣдывала мать-келарь, въ распоряженіи которой была келарня, то-есть поварня, столовая. Уставщица, казначея, келарь и еще три-четыре, иногда и больше старшихъ матерей, называемая «соборными», составляли нѣчто въ родѣ совѣта настоятельницы, рѣшавшаго обительскія дѣла. При настоятельницѣ обыкновенно «ходила въ ключахъ» особая инокня, завѣдывавшая частнымъ ея хозяйствомъ — ибо игуменѣ дозволялось имѣть частную собственность. Мать «ключница» обыкновенно вела обительскую переписку и имѣла не послѣднее мѣсто въ обительскомъ совѣтѣ — «соборѣ», какъ называли его. Иногда въ ключницахъ бывали и бѣлицы. Выборъ ключницы зависѣлъ отъ одной игумены.

Таково было внутреннее устройство скитскихъ обителей. Таково было устройство и въ обители Манеѣнной, богатѣй-

шей и многолюднѣйшей изъ всѣхъ обитателей Комаровскаго сита, стоявшаго на Каменномъ Вражкѣ.

Въ лѣсахъ Черной Рамени, въ верхотинахъ Линды, что пада въ Волгу немного повыше Нижняго, среди лѣсовъ, промежъ топкихъ болотъ выдался сухой островъ. «Каменнымъ Вражкомъ» зовутъ его.

Въ самомъ дѣлѣ, мѣсто тутъ каменистое. Бѣлоснѣжнымъ кварцевымъ пескомъ и разноцвѣтными гальками усыпаны отлогіе берега рѣчекъ, а на поляхъ и по болотамъ тамъ и сямъ торчатъ изъ земли огромные валуны гранита. То осколки Скандинавскихъ горъ, на плававшихъ льдинахъ занесенные сюда въ давнія времена образованія земной коры. За Волгой иное толкуютъ про эти каменные громады: послѣдніе-де русскіе богатыри, побивъ силу татарскую, похвалялись здѣсь бой держать съ силою небесною и за гордыню оборочены въ камни.

Еще недавно на Каменномъ Вражкѣ стояло обширное селеніе; остатки его дѣлы. Съ виду селеніе то непохоже было на окрестныя деревеньки. Вокругъ его хоть бы крохотная полоска пашни. Не сѣяли, не жали на Каменномъ Вражкѣ, а въ каждомъ амбарѣ закромы круглый годъ ломились отъ насыпного хлѣба. И золотистая пшеница-кубанка, и чистая рожь яранская, и отборное сызранское пшено, и крупная греча, и тяжеловѣсный вятскій овесъ доверха наполняли ситскіе сусѣки. Въ клѣткахъ и чуланахъ тѣсно бывало отъ мѣшковъ съ пушистою казанскою крупчаткой, съ разными солодами и крупами, тогда какъ споконъ вѣка ни въ единомъ домѣ на Каменномъ Вражкѣ ни сохи ни бороны не бывало. Въ тамошнихъ рѣчонкахъ кромѣ рыбки-молявки ничего не водилось, а въ погребахъ засѣченные въ ледъ пересѣбки стаивали полнымъ-полнехоньки съ осетриной, съ бѣлужиной, съ сибирскими рыбами: нельмой, муксунами и другими, а въ кладовыхъ бывали навѣшены жирныя донскіе балыки, толстые пуки вязиги, вяленые судаки, лещи, сазаны. Никакого промысла на Каменномъ Вражкѣ не бывало, ни завода ни фабрики, а всякаго добра водилось вдоволь. Люди тамъ какъ въ раю жили — никому не гребѣлось, какъ концы съ концами по хозяйству свести, откуда добыть деньгу — Вогу на свѣчу, себѣ на рукавицы, на соль, на деготь, на ковъ, на приваръ да на штофъ зелена вина, какъ гребтится мужику рядовому. Выдайся годъ дородный, выдайся годъ голодный, стой въ межевъ на Волгѣ десять четвертей, бреди черезъ нее курица, на Каменномъ Вражкѣ ни думушки нѣтъ ни заботы: будетъ день, будетъ и пища.

Внутри околицы обширнаго селенья не было ни улицы, ни односторонки, ни курмыша. Обнесенная околицей жилия строенья и разныя службы были расположены кругомъ обширнаго двора, среди котораго возвышалась часовня. Строенья стояли задомъ наружу, лицомъ на внутренній дворъ. Такое расположеніе домовъ очень давнее: въ старые годы русская община всегда такъ строилась; теперь рѣдко гдѣ сохранился круговой порядокъ стройки, всѣ почти наши селенья какъ по стрункѣ вытянулись въ длинныя улицы или односторонки. За Волгой и въ сѣверныхъ лѣсныхъ пространствахъ кое-гдѣ сохранились еще круговыя поселенья, напоминающія древнюю общинную жизнь предковъ. Таковы были и скиты.

На Каменномъ Вражкѣ въ послѣднее время было до двѣнадцати общинъ «обителей», стоявшихъ отдѣльно. Между ними стояли избенки, гдѣ жили не принадлежавшія къ общинамъ — «сиротами» звались онѣ. Каждое сиротское строенье на свою сторону смотрѣло: избы, обычной деревенской постройки, то жались въ кучу, то отдѣлялись другъ отъ друга и отъ обителей просторными пустырями, огородами, кладбищами. Пустыри покрыты были луговиною, на ней паслись гуси, куры и другія домашнія птицы обительскія, тутъ же слали новины для бѣленья. Въ огородахъ, окружавшихъ со всѣхъ почти сторонъ каждую обитель, много было грядъ съ овощами, подсолнечниками и макомъ, но ни одинаго деревца: великорусь — прирожденный врагъ лѣса, его дѣло рубить, губить, жечь, но не садить деревья. Чуть ли не въ одной Манеиной обители на кладбищѣ и возлѣ него росли березы, рябины и черемуха. Плодовыхъ деревьевъ въ скитахъ не бывало — за Волгой земля холодна, не родима, ни яблочковъ, ни вишенъ, ни грушъ не родится. Кладбища среди строеній были и старыя, запущенныя, заросшія бурьяномъ, и новыя, съ покрытыми свѣжимъ дерномъ холмиками и съ деревянными, почернѣвшими отъ дождей и снѣжныхъ сугробовъ столбиками, къ которымъ прибиты мѣдные кресты. Изрѣдка попадались на тѣхъ кладбищахъ деревянные гдлубцы, еще рѣже надгробные камни.

Строенье въ обителяхъ на Каменномъ Вражкѣ не покое было ни на городское ни на деревенское. Обыкновенно пять-шесть большихъ бревенчатыхъ избъ на высокихъ подклѣтахъ ставились одна вплотъ къ другой, либо отдѣленные однѣ отъ другихъ тесовыми холодными сѣнями. Стросны подъ одну кровлю, соединялись межъ собою сѣнями и крытыми переходами. Такое строенье называлось «стаей» и напоминало допетровскія городскія хоромы зажиточныхъ людей. Въ каждой стаѣ было по пяти, по шести, иногда до десяти теплыхъ гор-

ницъ, каждая съ перегородками чистой столярной работы, иногда ольховыми, иногда ясеневыми. Вокругъ, по стѣнамъ каждой горницы стояли вдѣланныя въ стѣны широкія деревянные лавки, но въ иныхъ покояхъ были и диваны, и кресла, и стулья краснаго дерева, обитые шерстяной или шелковой матеріей. Въ переднемъ углу каждой горницы поставлена была деревянная божница съ иконами и лампадами, подъ нею висѣла шелковая пелена съ крестами изъ позумента. Свѣтло, сухо было въ тѣхъ горницахъ, а чистота и опрятность такая, что развѣ только домамъ Голландіи можно было поспорить со скитскими кельями.

Кромѣ теплыхъ покоевъ, въ каждой стаѣ много бывало холодныхъ сѣней съ темными чуланами и каморками, переходовъ, тайниковъ. Внизу подъ жилыми покоями устроены были теплыя повалушки, а подъ сѣнями глухіе подклѣты; наверху чердаки, теплыя свѣтелки и холодные лѣтники, вышки и смотрильни, въ которыхъ подъ самую кровлей порублены были на всѣ четыре стороны едва видныя окошечки. Крыши дѣлались обыкновенно въ два теса со «скалой» *), утверждалсь на застрѣхахъ и по большей части бывали съ «полицами», то-есть съ небольшими переломами въ видѣ полокъ для предупрежденія сильнаго тока дождевой воды. Нѣсколько высокихъ крылецъ и едва видныхъ выходовъ окружали каждую стаю.

Двѣ, три, иногда до десяти стай съ разбросанными между ними избами обычной деревенской постройки, амбарами, погребями, житницами, съ стоявшими ѳдалъ сараями, конюшнями, коннымъ и скотнымъ дворами, съ примыкавшими къ строенью огородами, съ однимъ или двумя кладбищами обносились особою изгородью или пряслами изъ дрючковаго лѣса. Это составляло особую общину и называлось «обителю».

Нѣсколько такихъ обителей составляли *скитъ*.

Часовни, сажень по пятнадцать въ длину, по шести, по семи въ вышину, строились на одинъ ладъ: каждая составляла огромный четырехугольный, бревенчатый, не обшитый тесомъ домъ, съ окнами иногда въ два, иногда въ три ряда, подъ огромною крутою на два ската тесовою кровлей съ крестомъ вмѣсто конька и съ обширною папертью, на которой возвышались небольшія колокольни, давно, впрочемъ, стоявшія безъ колоколовъ. Для призыва къ часовой службѣ запрещенные колокола замѣнялись «билами» и «клепалами», то-есть повѣ-

*) Береста, рядъ которой кладутъ между двумя рядами теса, для прочности крыши, чтобъ не скоро гнила. Въ городахъ запрещено употреблять скаду на крыши въ предупрежденіе пожаровъ, но по деревнямъ она до сихъ поръ въ большомъ употребленіи.

шенными на столбахъ досками, въ которыя колотили деревянными молотками. Въ обителяхъ, не имѣвшихъ часовень, внутри главной стаи устраивались обширныя моленные. Это были тѣ же часовни, но, такъ сказать, домашнія, стоявшія въ одной связи съ кельями.

Вотъ что извѣстно изъ скитскихъ преданій про начало скита Комаровскаго и про обитель матери Манеиы.

Вскорѣ послѣ «Соловецкаго сидѣнья» на Каменномъ Вражкѣ поселился пришлый изъ города Торжка богатый старообрядецъ, по прозвищу Комарь. По имени его и скитъ прозвали Комаровымъ. Сначала тутъ было четыре обители, къ концу прошлаго столѣтія было ихъ до сорока, а жителей считалось до двухъ тысячъ.

Долгое время, около ста лѣтъ, Комаровскій скитъ на Каменномъ Вражкѣ былъ незнаменитымъ скитомъ. Въ годъ московской чумы и зачала старообрядскихъ кладбищъ въ Москвѣ — Рогожскаго и Преображенскаго *) — зачалась слава скита Комаровскаго. Въ томъ году пришли на Каменный Вражекъ Игнатій Потемкинъ, Иона Курносый и Манеиа Старая.

Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ смоленскіе старообрядцы знатныхъ родовъ, Сергій Салтыковъ, Спиридонъ и Ефремъ Потемкины и многіе другіе переселились въ Черную Рамень, неподалеку отъ первоначальнаго скита Шарпанскаго. Впослѣдствіи родственница Сергія, Анна Ивановна, сдѣлалась императрицей, а при Екатеринѣ родственникъ Ефрема и Спиридона сдѣлался великомощнымъ княземъ Тавриды... Во времена силы Салтыковыхъ, въ лѣсахъ заволжскихъ не оставалось родичей Сергія, но Потемкины живали въ Черной Рамени до дней князя Таврическаго. Тамъ, сказываютъ скитскія преданія, жилъ старецъ Игнатій изъ рода Потемкиныхъ, внукъ Спиридонова племянника. Былъ онъ смолоду на службѣ, воевалъ подъ начальствомъ Миниха съ турками и татарами, весь израненный удалился въ Черную Рамень «спасаться» и, будучи старообрядцемъ, постригся въ иноки съ именемъ Игнатія. Когда родичъ его, князь Потемкинъ, возвысился, Игнатій поѣхалъ къ нему въ Петербургъ, показалъ какія-то бумаги, и «великолѣпный князь Тавриды» призналъ раскольничьяго инока своимъ родственникомъ. Съ богатыми дарами щедраго фаворита воротился смиренный инокъ въ лѣса заволжскіе и на Каменномъ Вражкѣ, въ Комаровскомъ скиту, построилъ обитель, прозванную по имени его Игнатьевою. Впослѣдствіи мужская обитель не устояла; подобно другимъ и она сдѣлалась

*) 1771 годъ.

женскою... До послѣдняго времени существованія скитовъ Керженскихъ и Чернораменскихъ хранилась память о томъ, будто старецъ Игнатій Потемкинъ, представленный своимъ родичемъ императрицѣ Екатеринѣ, получилъ какія-то письма императрицыной руки, на основаніи которыхъ нельзя будто бы было никогда уничтожить заведенной имъ обители. По поводу этихъ мнимыхъ писемъ была немалая молва во время уничтоженія скитовъ въ 1853 году... У настоятельницы Игнатьевой обители матери Александры требовали ихъ, но она не могла ничего представить.

До того лѣтъ за двадцать, въ первые годы Елизаветинскаго царствованія, поселилась въ Комаровѣ старая дѣва, княжна Болховская. Она основала обитель Бояркиныхъ, составленную первоначально изъ бѣдныхъ дворянокъ и изъ ихъ крѣпостныхъ женщинъ. На родовой, древняго письма, иконѣ Спаса Нерукотвореннаго повѣсила княжна орденъ Александра Невскаго, принадлежавшій дядѣ ея, сосланному въ Сибирь, Лопухину.

Потемкинъ!.. Княжна!.. Обитель Бояркина!.. Александровскій орденъ!.. Эти слова имѣли сильное обаяніе на раскольниковъ... Со всѣхъ сторонъ текли новые насельники и еще болѣе новыя насельницы на Каменный Вражекъ. И съ тѣхъ поръ Комаровъ скитъ сталъ расти, прочимъ же скитамъ оставалось малитися.

Въ числѣ знаменитыхъ пришельцевъ былъ многоначитанный старецъ Иона, по прозванью Курносый, пришедшій изъ Зауралья, съ заводовъ Демидовскихъ, ублажаемый и доселѣ старообрядцами за ревность по вѣрѣ, за писанія въ пользу старообрядства и за строгую жизнь. Имя его не осталось безслѣднымъ въ исторіи русскаго раскола. Этотъ Иона былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей московскаго старообрядскаго собора 1779 года, утвердившаго «перемазыванье» приходящихъ отъ великороссійской церкви. Его считаютъ праведнымъ. Въ давно запустѣлой и развалившейся обители Иониной, стоявшей рядомъ съ Игнатьевою, цѣла еще могила его, осѣненная огромною елью... «Ионина ель» — предметъ почитанія старообрядцевъ: стволъ ея чуть не весь изгрызена. Страдающіе зубною болью приходятъ сюда, молятся за умершаго или умершему и грызутъ растущее надъ могилой его дерево въ чаяніи исцѣленія. И вѣрующіе, какъ сказываютъ, исцѣлываютъ.

Тогда же пришла на Каменный Вражекъ Манеѳа Старая. Была она изъ купеческаго рода Осокиныхъ, города Валахны, богатыхъ кушцовъ, имѣвшихъ суконную фабрику въ Казани

и мѣдноплавильные заводы на отрогахъ Урала. Управляющіе Демидовскими заводами на Уралѣ были ей также свойственники. Когда Осокины стали дворянами, откинулись они отъ скита раскольничьяго, обитель обѣдняла, и обитель Осокиныхъ прозвалась обителью Разсохиныхъ. Вѣдна и скудна была, милостями матери Манеѣы только и держалась...

Эти насельники возвысили Комаровскій скитъ передъ другими. Разнеслась о немъ слава по всѣмъ мѣстамъ, отъ Петербурга до Сибири и Кубани, и въ обители его отовсюду полились щедрыя даянія «благодѣтелей». Но самую богатую, самую знатную обителью стала обитель Манеѣы, отъ того, что въ ней прочно основано было общежительство, строги были уставы общины и не видано, не слыхано было про какое-нибудь отъ нихъ отступленіе. По имени первой настоятельницы называлась она «Манеѣиной» и своимъ благосостояніемъ обязана была цѣлому ряду домовитымъ, бережливымъ, распорядительныхъ игуменій, слѣдовавшихъ одна за другой въ продолженіе цѣлаго почти столѣтія.

Но не одна домовитость, не одна бережливость были источниками богатствъ, скопленныхъ въ Манеѣиной обители въ первые годы ея существованія. Манеѣа Старая и ея преемница Назарета обогащали обитель свою иными способами.

Шарташъ, Укусъ, пустыни Висимскихъ лѣсовъ *) были въ постоянныхъ сношеніяхъ со Старой Манеѣой. Во время оно нерѣдко приходили оттуда на Каменный Вражекъ въ ея обитель возы съ сибирскими осетрами и съ коровымъ масломъ. Потрошила тѣхъ осетровъ и перетапливала масло всегда сама Манеѣа Старая, и никого тогда при ней не бывало, а когда померла она, преемница ея игуменья Назарета принялась за то же дѣло... Хоть ни та ни другая объ алхиміи не слыхивали, но изъ осетровыхъ потроховъ и подонковъ растопленнаго масла умѣли добывать чистое золото. Дѣломъ тѣмъ занимались онѣ въ подземельѣ, куда уходили черезъ тайникъ, устроенный въ игуменской стаѣ... Назарета была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда насталь французскій годъ. Рассказывали, что въ ту страшную пору купцы, бѣжавшіе изъ Москвы отъ непріятели, привезли Назаретѣ много всякихъ сокровищъ и всякой святыни, привезли будто они это добро на пятистахъ возахъ, и Назарета самое цѣнное спрятала въ таинственное подземелье, куда только передъ большими праздниками одна опускалась и пробывала тамъ по двое, по трое

*) Шарташъ и Укусъ — большіе скиты по близости Екатеринбургa. Висимскіе лѣса, гдѣ много было скитовъ, — недалеко отъ Нижне-Тагильскаго завода.

сутокъ. Всѣмъ это было на удивленіе. Какъ ни пытались обительскія матери развѣдать тайну игуменьи, никто развѣдать не могъ. Какъ ни спрашивали ее, какъ у ней ни допытывались, молчить, бывало, строгая старица, отмалчивается богомольница, никому своей тайны не повѣдая. Много было зависти отъ того по другимъ обителямъ и по малымъ скитамъ. Пошла недобрая молва про матушку Назарету Комаровскую... Въ своей-то обители толковали, что она черезчуръ скупа, что у ней въ подземельѣ деньги зарыты, и ходить она туда передъ праздниками казну считать, а за стѣнами обители говорили, что мать Назарета просто-напросто запоемъ пьетъ и, какъ на нее придетъ время, съ боченкомъ отправляется въ подземелье и сидитъ тамъ, покамѣстъ не усидитъ его. Много и другихъ нехорошихъ сплетенъ плели про мать Назарету... Межъ тѣмъ французы ушли изъ Москвы, купцы уѣхали изъ скита, но пожитки оставили у Назареты до лѣта, чтобъ взять ихъ, когда отстроятъ погорѣлые дома въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ Пасхи Назарета умерла и благословила быть въ обители настоятельницей своей племянницѣ Вѣрѣ Іевлевнѣ, съ тѣмъ, чтобъ она постриглась. Хоть молода была Вѣра Іевлевна, тридцати лѣтъ тогда ей не минуло, но всѣ у одра умиравшей Назареты согласились быть подъ ея началомъ. Хотѣли тѣмъ угодить Назаретѣ, очень ее уважая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то у матерей на умѣ было: уйдетъ Вѣра изъ обители, теткѣны богатства съ собой унесетъ, а останется, такъ все съ ней въ обители останется... Въ самый смертный часъ подозвала мать Назарета Вѣру Іевлевну, велѣла ей вынуть изъ подголовка ключъ отъ подземелья и взяла съ нея зарокъ со страшнымъ заклятьемъ самой туда ходить, но другихъ никого не пускать. «Тамъ найдешь бумагу, въ ней все написано»,—сказала умиравшая, и это были послѣднія слова ея... Когда Вѣра, схоронивъ тетку, въ первый разъ спустилась въ подземелье, воротилась отъ страха полумертвая, но потомъ однакоже чаще да чаще стала туда похаживать... Зачали говорить ей матери: «Вѣра Іевлевна, не пора-ль тебѣ, матушка, ангельскій чинъ воспріять, черную рясу надѣть, чтобы быть настоящей игуменьей по благословенію покойницы матушки». Но Вѣра Іевлевна недѣлю за недѣлей откладывала, и такъ прошло мѣсяца съ три... И случился тутъ соблазнъ, какого не бывало въ скитахъ Керженскихъ, Чернораменскихъ, съ тѣхъ поръ, какъ зачинались они... Молодая настоятельница ушла въ подземелье и нѣсколько дней не возвращалась... Ждутъ-пождутъ ее, съ недѣлю времени прошло, слышать, что Вѣра повѣнчана въ Пучежѣ съ купецкимъ сыномъ Гудковымъ, и

повѣнчана-то въ православной церкви... Прямо изъ-подъ вѣнца она уѣхала съ мужемъ въ Москву... Выбрали матери новую настоятельницу, мать Екатерину, ту самую, при которой Манеѳа Чанурина въ обитель вступила. Когда Екатерина, нѣсколько дней погодя, вмѣстѣ со старшими матерями чрезъ тайникъ спустилась въ подземелье, кромѣ пустыхъ сундуковъ тамъ ничего не нашли... Въ углу подземелья была отыслана дверь, отворили ее, а тамъ ходъ. Пошли тѣмъ ходомъ, шли-шли, и вышли въ лѣсъ, на самое дно Каменнаго Вражка... Матери перепугались, исправникъ, молъ, узнаеть, бѣда; зарыли и ходъ и подземелье. И только-что кончили это дѣло, на другой же день, Богъ знаетъ отчего, загорѣлась келья матери Назареты, и стая сгорѣла до тла... Приѣхали купцы изъ Москвы за своимъ добромъ. Чтѣ въ обительскихъ кладовыхъ было спрятано, получили обратно, но золото, серебро, жемчуги и другія драгоценныя вещи такъ и пропали. Зато мужъ Вѣры Іевлевны переѣхалъ въ Петербургъ, богачомъ сдѣлался... коммерціи совѣтникъ, въ орденахъ, знатные люди у него обѣдывали... Но чужое добро въ прокъ нейдетъ: саломъ на биржѣ большія дѣла дѣлалъ, но прогорѣлъ, самъ умеръ въ недостаткахъ, дѣти чуть не по міру ходили.

Темная исторія Вѣры Іевлевны не повредила Манеѳиной обители. Мать Екатерина, умная и строгая женщина, сумѣла поддержать былую славу ея. Ни съ Москвою, ни съ Казанью, ни съ уральскими заводами связи не были ею порваны. Правда, къ матери Екатерины не привозили осетровъ и масла съ золотомъ, а изъ Москвы именитые купцы перестали навѣзжать за добытымъ въ скитскомъ подземельѣ песочкомъ, но подаенія не оскудѣвали, новая игуменья съ нужными людьми ладить умѣла.

Мать Манеѳа была вся въ свою предшественницу Екатерину. Обитель при ней процвѣла.

Она считалась лучшей обителью не только во всемъ Комаровѣ, но и по всемъ скитамъ Керженскимъ, Чернораменскимъ. Среди ея, на широкой полянѣ, возвышалась почернѣвшая отъ долгихъ годовъ часовня, съ темной, поросшей бѣлесоватымъ мхомъ кровлей. До трехъ тысячъ иконъ мѣстныхъ, среднихъ и штилистовыхъ стояли въ большомъ и въ двухъ малыхъ придѣльныхъ иконостасахъ, а также на полкахъ по всемъ стѣнамъ часовни. Въ серединѣ большого пятияруснаго иконостаса, поставленнаго у задней стѣны на возвышенной солеѣ, находились древнія царскія двери замѣчательной рѣзбы, по сторонамъ ихъ стояли мѣстныя иконы въ серебряныхъ ризахъ съ подвѣшенными пеленами, парчевыми или бархатными,

расшитыми золотомъ, украшенными жемчугомъ и серебряными дробницами. Передъ ними ставлены были огромные серебряные подсвѣчники съ пудовыми свѣчами. Древній Деисусъ съ ликами апостоловъ, пророковъ и праотцевъ возвышался на вызолоченномъ тѣлѣ старинной искусной рѣзбы. Съ потолка спускалось нѣсколько паникадилъ съ прорѣзными золочеными яблоками, съ серебряными перьями, съ рѣпьями и витыми усами. Малые образа древней иконописи, разставленные по полкамъ, были украшены ризами оброннаго, сканнаго и басменнаго дѣла съ жемчужными цатами и рясами *). Тутъ были иконы новгородскаго пошиба, иконы строгановскихъ писемъ перваго и втораго, иконы фряжской работы царскихъ кормовыхъ зографовъ Симона Ушакова, Николы Павловца и другихъ. Все это когда-то хранилось въ старыхъ церквахъ и монастыряхъ или составляло завѣтную родовую святыню знатныхъ людей до-петровскаго времени. Доброхотные датели и невѣжественные настоятели, ревнуя не по разуму о благолѣпїи дома Божїя, замѣняли въ своихъ церквахъ драгоценную старину живописными иконами и утварью въ такъ-называемомъ новомъ вкусѣ. Напудренные внуки бородатыхъ бояръ сбывали лежавшее въ ихъ кладовыхъ дѣдовское благословеніе, какъ ненужный хламъ, и на вырученныя деньги покупали севрскаго фарфора, парижскихъ гобеленовъ, рѣдкостныхъ табакерокъ и породистыхъ рысаковъ, или растраниживали ихъ съ заморскими любовницами. Старобрядцы, не жалѣя денегъ, спасали отъ истребленїя неоцѣненныя сокровища родной старины, собирая ихъ въ свои дома и часовни. Немало такихъ сокровищъ хранилось въ обители матери Манеѣы. Были тутъ и комнатныя иконы старыхъ царей, и наслѣдственныя святыни знатныхъ до-петровскихъ родовъ, и драгоценныя

*) *Дробница* — металлическая бляха съ священными изображенїями, служила въ старину украшенїемъ богослужебныхъ облачений, пеленъ, образныхъ окладовъ, архїерейскихъ шапокъ и пр. *Оброннымъ дѣломъ* называлось въ старину такое металлическое производство какой-либо утвари, когда посредствомъ глубокой рѣзбы получались выпуклыя рельефныя изображенїя. *Сканное* или филигранное дѣло объясняется самымъ названїемъ отъ слова «скать», то-есть сучить: «сканье» — сученье, «сканный» — сученый. Въ сканномъ дѣлѣ обыкновенно свивали, или скручивали вмѣстѣ дѣя металлическія проволоки, изъ чего потомъ составили разные узоры въ сѣтку. Сканнымъ дѣломъ называлась вообще всякая сквозная сѣтчатая работа. *Сканное дѣло* — самая изящная работа изъ всѣхъ старинныхъ русскихъ металлическихъ работъ. *Басменнымъ дѣломъ* называлась выбивка фигуръ и узоровъ на тонкихъ плющенныхъ металлическихъ листахъ. *Цата* — полукруглая или сердцевидная металлическая подвѣска у иконъ подъ ликомъ, прикрѣпленная къ краямъ вѣнца. *Рясно* — ожерелье или подвѣски, подвязки.

рукописи, и всякаго рода древняя церковная и домашняя утварь.

Вкруг часовни были расположены обительскія стаи. Та, что стояла прямо противъ часовой паперти, была и выше и обширнѣй другихъ. Здѣсь жила сама игуменья со своими паперницами. Изъ этой стаи выдавалась впередъ большая пятистѣнная *) ея келья, съ пятью окнами по лицу, по два на каждой боковой стѣнѣ. Съ одной стороны въ келью вело высокое, широкое крыльцо подъ навѣсомъ, съ другой былъ маленькій выходъ изъ подклѣта. Надъ самой игуменьиной кельей возвышалась свѣтлица въ видѣ теремка, съ двумя окнами, убранными вкругъ рѣзнымъ узорочьемъ. Здѣсь въ лѣтнее время жилали племянницы матушки Манеѣы и Дуны, дочь богатаго купца, рыбнаго торговца Смолокурова, когда онѣ воспитывались въ ея обители.

Поближе къ часовнѣ стоялъ небольшой новенькій деревянный домикъ, вовсе непохожій на скитскіе. Онъ былъ строенъ по-городскому. Пять большихъ лицевыхъ оконъ этого домика съ бемскими стеклами и блестящимъ мѣднымъ приборомъ весело глядѣли на сумрачную обитель. Сквозь стекла виднѣлись шелковыя занавѣски съ аграмантомъ, клѣтки съ канарейками, горшки съ цвѣтами. Домикъ обшить былъ тесомъ, выкрашеннымъ въ дикую краску, крыша желѣзная ярко-зеленаго цвѣта. Передъ окнами невысокимъ рѣшетчатымъ заборомъ огороженъ былъ палисадникъ, занесенный теперь сугробомъ, изъ котораго поднималось десятка полтора обверченныхъ въ кошмы и рогожи молодыхъ деревьевъ. Въ томъ уютномъ домикѣ жила двадцатисемилѣтняя бездѣтная вдова изъ богатаго купеческаго дома, Марья Гавриловна Масляникова. Овдовѣвъ, поселилась она у Манеѣы въ обители, не вступая въ общежительство. Домъ построила на свой счетъ и жила въ немъ своимъ хозяйствомъ. Ее всѣ любили, уважали за строгую жизнь и доброту, а еще больше за ея богатство.

Неподалеку отъ игуменьиной стаи стояла обширная, почернѣвшая отъ времени изба на высокомъ подклѣтѣ, но безъ свѣтлицъ и повалушь. Это «келарня». Тутъ была общая обительская трапѣза, стряпущая и кладовая съ разными запасами. Рядомъ съ келарней стояли погреба. Въ трапѣзѣ на темныхъ бревенчатыхъ стѣнахъ повѣшены были иконы съ горѣвшими передъ ними лампадами, отъ входа до самыхъ почти переднихъ оконъ въ три ряда поставлены были длинные столы, вкругъ нихъ переметныя скамьи. Здѣсь не только

*) Пятистѣнною избой, пятистѣннымъ домомъ зовутъ строеніе, состоящее изъ двухъ срубовъ.

могли обѣдать всѣ жительницы Манеиной обители, — а было ихъ до сотни, — доставало мѣста и постороннимъ, приходившимъ изъ деревень на богомолье, или погостить у гостепримныхъ матерей и послаще поѣсть за иноческою трапезой. Въ переднемъ концѣ средняго стола стояли старинныя кресла, обитыя побурѣвшею отъ времени, бывшею когда-то черной кожей съ мѣдными гвоздиками. Передъ креслами на столѣ стояла кандія съ крестомъ на верхушкѣ. Въ переднемъ углу келарни, подъ кіотомъ съ иконами, лежало нѣсколько книгъ въ старыхъ черныхъ переплетахъ, стояли кацѣя и ладанница *). Передъ образами стоялъ складной кожаный напой, за нимъ во время трапезы читали положенное Уставомъ на тотъ день поученіе или житіе святого, память котораго въ тотъ день праздновалась.

Келарня служила и сборнымъ мѣстомъ жительницъ обители. Сюда сходились старшія матери на соборы для совѣщаній о хозяйственныхъ дѣлахъ, для раздачи по рукамъ денежной милостыни, присылаемой благодѣтелями, здѣсь на общемъ сходѣ игуменя съ казначеей учитывала сборщицъ и канонницъ, возвращавшихся изъ поѣздокъ, сюда сбѣгались урвавшіяся отъ «трудовъ» бѣлицы промежъ себя поболтать, здѣсь же бывали по зимнимъ вечерамъ «сѹпрядки». Съ гребнями, съ прялками, съ пяльцами, съ разнымъ шитьемъ и всякимъ рукодѣльемъ послѣ вечеренъ бѣлицы и инокини, которыя помоложе, работали вмѣстѣ вплоть до ужина подъ надзоромъ матушки-келаря. На сѹпрядки прихаживали дѣвицы и изъ другихъ обителей. Поэтому обители чередовались сѹпрядками: въ одну сбирались по понедѣльникамъ, въ другую по вторникамъ, кромѣ субботы и кануновъ праздничныхъ дней. Въ Манеиной келарнѣ сѹпрядки по четвергамъ бывали.

Глава вторая.

Въ одинъ изъ такихъ четверговъ, незадолго передъ масляницей, собралось бѣлицъ до двадцати. Тутъ были и свои и гости отъ Бояркиныхъ, отъ Жжениныхъ и другихъ обителей. Рядами сидѣли онѣ по скамьямъ. Кто за пяльцами, кто

*) *Кандія* — мѣдная чашка, служащая въ монастырскихъ трапезахъ колокольчикомъ. Звонкомъ ея назначаютъ начало и конецъ трапезы, переѣмну блюдо и пр. Въ нее ударяетъ старшее лицо, присутствующее за трапезой. *Кацѣя* или ручная кадильница — родъ жаровки съ крестомъ на кровлѣ и длинною рукояткою. Она дѣлается изъ двухъ чашъ, соединяющихся у рукоятки посредствомъ вертлюга. *Ладанница* — металлическая коробка на ножкахъ съ шатровою крышечкой. Въ ней хранится ладанъ.

за кружевной подушкой, а кто и за гребнемъ, другія, отложивъ работу къ сторонкѣ, весело пересмѣивались съ подружками. Маленькая, юркая старушка, съ выразительными черными глазками, со слѣдами былой красоты, взадъ и впередъ бродила по келарнѣ и напрасно старалась унять разболтавшихся бѣлицъ отъ веселыхъ криковъ и хохота. Это была мать Виринея, келарь обители. Какъ ни хотѣлось старушкѣ положить конецъ «мірской», «грѣховной» бесѣдѣ, какъ ни хлопотала она, ходя вокругъ молодыхъ дѣвушекъ, — все было напрасно. Слушать ея никто не хотѣлъ. Не скупилась мать Виринея ни на брань ни на угрозы, но это дѣвицамъ было какъ къ стѣнѣ горохъ. Знали онѣ, что добродушная, любящая всѣхъ и каждаго, мать Виринея поворчитъ-поворчитъ, да тѣмъ дѣло и кончить.

— Искушеніе съ вами, дѣвицы, бѣда да и только, — бранилась она. — Эти ваши бесѣды, эти ваши супрядки — просто Господне наказаніе. Чѣмъ бы изъ Пролога что почитать, али пѣсню духовную спѣть, у васъ на умѣ только смѣшки да баловство. Этакія вы непутныя, этакія безстыжія!.. Погоди, погоди, вотъ пріѣдетъ матушка, все ей доложу, все доложу, безстыдницы вы этакія!.. Слышь, говорю, замолчите!.. Оглохли, что-ль? — крикнула она наконецъ, топнувъ ногой.

Смолкли дѣвицы, но шушуканье вполголоса не прекращалось.

— Завтра что? Какого святого? — спрашивала мать Виринея, дергая за рукавъ бѣлицу Евдокеюшку, свою племянницу, жившую при ней въ келарнѣ.

— Преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина, — глухо отвѣчала молчаливая и всегда, на общемъ даже весельѣ, сумрачная Евдокеюшка.

— Такъ, Ефрема Сирина, — продолжала мать Виринея. — А знаете ли вы, срамницы, что это за святой, знаете ли, что на святую память его дѣлать надобно?

— Домового закармливать, — бойко отвѣчала красивая, пышущая здоровьемъ и силой Марьюшка, головщица праваго клироса, послѣ Фленушки первая баловница всей обители. На рукахъ ее носили и старья матери и молодья бѣлицы за чудный голосъ. Подобнаго ему не было по всѣмъ скитамъ Керженскимъ, Чернораменскимъ.

На слова Марьюшки дѣвицы покатались со смѣху.

— Что-о-о?.. Что ты сказала?.. — быстро подойдя къ ней, закричала мать Виринея.

— На Ефрема Сирина по деревьямъ домового закармливаютъ, каши ему на загнетокъ кладутъ, чтобы добрый былъ во весь годъ, — отвѣчала Марья, смѣясь въ глаза Виринеѣ.

Пуше прежняго захохотали дѣвицы.

— А вотъ я тебя за такія слова на поклоны поставлю, — вскричала мать Вириная: — да недѣли двѣ опричь черствой корки ты у меня въ келарнѣ ничего не увидишь!.. Во святой обители про подольскія басни говоритъ!.. А!.. Вотъ постой ты у меня, непутная, погоди, дай только матушкѣ Манееѣ пріѣхать... Посидишь у нея въ темномъ чуланѣ, посидишь!.. Все скажу, все.

— Ну и посижу, — бойко отвѣчала Марья. — Эка бѣда!.. А кто на клиросѣ-то будетъ запѣвы запѣвать? Ты, что ли, козымъ своимъ голосомъ?..

— А вотъ я гребень-то изъ донца выну да бока-то тебѣ наломаю, такъ ты у меня не то что козой, коровой заревешь... Съ глазъ моихъ долой, безстыжая!.. Чтобы духомъ твоимъ въ келарнѣ не пахло!.. Чтобы глаза мои на тебя, безстыжую дѣвчонку, не глядѣли!..

— Ну, и пойду, — смѣясь, отвѣчала Марья, накидывая на голову большой ковровый платокъ. — Ну, и пойду... Благодаримъ покорно за угощенье, матушка Вириная, — низко поклонившись, прибавила она и, припрыгивая, побѣжала къ двери.

— Постой, постой, Марьюшка, погоди, не уходи, — ласково заговорила вслѣдъ уходившей добродушная Вириная. — Ну, полно, дѣвка, дурить, — образумься... Ахъ, ты, озорная!.. Гляди-ка!.. Ну, клади поклоны — давай прощаться.

— Аль ужъ въ самомъ дѣлѣ попроситься съ матушкой-то? — смѣясь, молвила, обращаясь къ подругамъ, головщица и, принявъ степенный видъ, стала передъ образами класть земные поклоны, творя вполголоса обычную молитву прощенія. Кончивъ ее, Марьюшка обратилась къ матушкѣ Виринаѣ, чинно сотворила передъ нею два уставныя метанія, проговоривши вполголоса: — Матушка, прости меня грѣшную, въ чемъ передъ тобой согрѣшила... Матушка, благослови.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — чинно отвѣтила мать Вириная.

Напущеннаго гнѣва на лицѣ мягкосердой старушки какъ не бывало. Добродушно положивъ руку на плечо озорной головщицѣ, а другою поглаживая ее по головѣ, кротко, ласкающимъ, даже занскивающимъ голосомъ спросила ее:

— Скажи же, Марьюшка, скажи, голубушка, потѣши меня, скажи про святаго отца нашего Ефрема Сирина. Чѣмъ онъ Господу угодилъ?.. А?.. Скажи, моя дѣвонька, скажи, умница.

— Святыя книги писалъ, матушка, о пустынномъ житіи, объ антихристѣ, о послѣднихъ временахъ, — скромно опутивъ глава, отвѣчала шаловливая головщица.

— То-то, дѣвка, — вздохнувъ, сказала мать Вириная и,

сѣвъ на скамью, склонила щеку на руку. — То-то, родная моя, о пустынномъ житіи писалъ преподобный Ефремъ, какъ въ послѣдніе дни отъ антихриста стануть люди бѣгать въ дебри и пустыни, хорониться въ вертепы и пропасти земныя. Про наше время, дѣвонька, про насъ писалъ преподобный. Хотя мы и на каждый часъ грѣшимъ передъ Господомъ, хотъ и иѣтъ на свѣтѣ грѣшниковъ паче насъ, но по вѣрѣ мы чисты и непорочны, а по благочестію иѣтъ на свѣтѣ первѣе насъ... За вѣру и благочестіе чаемъ и грѣховъ отпущенія и вѣчныя жизни въ селеніяхъ праведныхъ... Вѣдь и мы, бѣгая сѣтей антихристовыхъ, зашли въ сіи лѣса и пустыни, все какъ есть по слову преподобнаго Ефрема. Потому и надо намъ почитать святую его память... Такъ-то, дѣвоньки, такъ-то, разумницы!.. Вотъ бы и вы почитали отъ книгъ преподобнаго Ефрема Сирина, а я бы, старуха, послушала... Поддай-ка мочку, Евдокеюшка, — промолвила мать Вириная, обращаясь къ племянницѣ и садясь за гребень.

— Такъ-то, мои ластовицы, — продолжала она, быстро вертя веретеномъ: — такъ-то, разумницы. Чѣмъ смѣхотворничать да празднословить, вы бы о душахъ-то своихъ подумали... О грѣхахъ надо помышлять, дѣвушки, сердцемъ къ молитвѣ горѣть, вражескихъ сѣтей беречься. А вамъ все смѣшки да шутки. Нехорошо это, голубушки вы мои, больно нехорошо. Не живутъ такъ во святыхъ обителяхъ. Того развѣ не знаете, что смѣхъ наводитъ на грѣхъ? Отъ малаго небреженія въ великія грѣхопаденія не токмо мы грѣшницы, но и великіе подвижники, строгіе постники, святые праведные частехонько впадали... О-о-охъ-охъ-охъ!.. Грѣхи-то наши, грѣхи тяжкіе!.. А вы, дѣвушки, не забывъ Бога, живите, не буянно поступайте... Да ты, Устинья, что это выдумала!.. Опять хохотать!.. Въ Москвѣ, что ли, научилась? Смотри у меня!

— Да я ничего, матушка, — молвила, едва сдерживая смѣхъ, молоденькая канонница, только-что воротившаяся изъ Москвы, вѣдъ у богатыхъ купцовъ читала «негасимую» по покойникамъ да учила по Часослову хозяйскихъ ребятшекъ.

— То-то ничего! Сама грѣшишь и другихъ на грѣхъ наводишь... Охъ, дѣвоньки, дѣвоньки, что-то глазыньки у меня слипаются, — прибавила мать Вириная, кладя веретено и зѣвая: — хотъ бы спѣли что-нибудь, а то скучно что-то.

— Мы тѣчасъ, матушка, — лукаво подхватила Марья голубица и, переглянувшись съ подругами, начала съ ними:

Не свивайся, не свивайся трава съ повиликой,
Не свикайся, не свикайся молодець съ дѣвицей,
Хорошо было свикаться, тошно разставаться.

— Охъ, искушеніе!.. Ахъ, вы, безпутныя!.. Очумѣли вы, дѣвицы, аль съ ума спятили? — въ источникъ голосъ кричала мать Виринея, изо всей силы стуча по столу кленовымъ гребнемъ. — Да перестаньте же, безстыжія, перестаньте, непутныя!.. Сейчасъ у меня перестаньте, не то возьму кочергу да всѣхъ изъ келарни вонъ.

Насилу-насилу добилаь старушка, чтобъ смолкла пѣсня грѣховная. Зато шутивая болтовня и веселый хохотъ поднялись пуще прежняго. Повскакали дѣвицы изъ-за работы, и пошла у нихъ такая возня, что хоть святыхъ вонъ неси.

Устала мать Виринея. Задыхалась, сѣла на лавку, опустила руки на колѣна.

— Ахъ, вы, безстыжія! — изнемогая, ворчала она. — Ахъ, вы, разбойницы! Уморили меня, старуху... Услышите Марья Гавриловна, что тогда будетъ?.. Что про васъ подумаетъ!.. А?.. Погодите у меня, дайте срокъ: все матушкѣ Манеѣ скажу, все, все... Задасть она вамъ, непутныя!.. Заморить на поклонахъ да въ темныхъ чуланахъ.

Нашалившись дѣсыта, усталыя дѣвицы, черезъ сплу перевода духъ, разсѣлись по лавкамъ, гдѣ кто попало. Пристаютъ къ Вириней:

— Матушка, не сердись! Преложи гнѣвъ на милость!.. Мы вѣдь только маленько... Прости Христа ради... Да пожалуйста, матушка... Мы тебѣ хорошую пѣсню споемъ, духовную.

Такъ говорили дѣвицы, перебивая другъ дружку и ласкаясь къ матерѣ Вириней.

— Ахъ, вы, злодѣйки, злодѣйки!.. Совѣмъ вы меня измучили... Бога вы не боитесь. Совѣсти нѣтъ у васъ въ глазахъ... Что вы, деревенскія, что ли, мірскія?.. Ахъ, вы, грѣховодницы, грѣховодницы...

И голосъ Вириней все мягче и мягче становился; не прошло трехъ-четырехъ минутъ, обычнымъ добродушнымъ голосомъ говорила она пристававшимъ къ ней дѣвицамъ:

— Полно же, полно... Ну, Богъ простить... Спойте же хорошее что-нибудь... Живете въ обители, грѣхъ бѣса тѣшить грѣховными безстыдными пѣснями.

Марья головщица сильнымъ груднымъ голосомъ завела унылую скитскую пѣсню. Другія бѣлицы дружно покрыли ее хоромъ:

Возримте мы, люди, на сосновы гробы,
На наши превѣчныя домы.

О житіе наше маловременное!

О слава, богатство суетное!

И слезы убожества и гордость завистная,

На семъ вольномъ свѣтѣ все минеть.

Богъ намъ даетъ много, а намъ то все мало,
Не можемъ мы, людіе, ничѣмъ ся наполнить!
И ляжемъ мы въ гробы, прижмемъ руки къ сердцу,
      Души наши пойдутъ по дѣламъ своимъ,
      Кости наши пойдутъ землѣ на преданіе,
      Тѣлеса наши пойдутъ червямъ на съѣденіе,
А богатство, гордость, слава куда пойдутъ?

Покинемъ же гордость,
Возлюбимъ мы кротость,
За всёхъ потрудимся,
И тѣмъ себѣ купимъ
Небесное царство.

Стихли уныло-величавые звуки пѣсни о смертномъ часѣ, и дума хмарой подернула веселія лица. Никто ни слова. Мать Виринея, облокотясь руками и закрывъ лицо, сидѣла у края стола. Только и слышна была неустанная, однообразная пѣсня сверчка, пріютившагося за огромною келарскою печкой.

— Спаси васъ Господи, рѣдненькія! — подымая голову, дрожащимъ сквозь слезы голосомъ говорила мать Виринея. — Ну вотъ такъ и хорошо, вотъ такъ и прекрасно... Теперь и ангелы Божіи прилетѣли на нашу бесѣду да, глядя на васъ, радуются... А то все у васъ скоки да гѣлки... Нехорошо, дѣвушки... Какъ дымъ отгоняетъ пчелы, такъ безчинныя бесѣды и безстыдныя пѣсни ангеловъ Божіихъ отгоняютъ. Отходящимъ же имъ приходится бѣсъ тѣмень, сѣя свой злосмраднѣйшій дымъ посреде бесѣдующихъ. Слышанія же чтенія и пѣсенъ духовныхъ врагъ стерпѣти не можетъ, далече бѣжитъ отъ бѣсѣдъ благочестивыхъ. Такъ-то, дѣвочки!.. Нуте-ка, спойте еще, красавицы, утѣшите старуху... Зачинай-ка, Марьюшка!

Началась новая пѣсня:

Ахъ, увы, бѣда.
Приходить чреда.
Не вѣмъ когда
Отсель возьмутъ куда...
Боюся страшнаго суда,
И гдѣ явлюся я тогда?..
Плоть-то моя немощна,
А душа вельми грѣшна,
Ты же, смерти, безобразна и страшна!..
Образомъ своимъ страшишь,
Скоро ты ко мнѣ спѣшишь,
Скрыты твои трубы и коса,
Ходишь всюду нага и боса.
О, смерти! Нѣтъ отъ тя обороны —
И у царей отъемлешь ты короны,
Со архіереи и вельможи не медлишь,
Даровъ и посуловъ не приѣмлешь;

Скоро и мою ты хочешь душу взять
И на страшный судъ Богу отдать.
О лютѣ въ тотъ часъ и гордѣ возопію,
Когда воззрю на грознаго Судію.

Въ глубокое умиленіе пришла мать Виринея. Лицо ея, выражавшее душевную простоту и прямоту, сіяло теперь внутреннимъ ощущеніемъ сладостной жалости, радостнаго смиренія, умильнаго, сердечнаго сокрушенія.

— Касатунки вы мои!.. Милыя вы мои дѣвчурочки!.. — тихонько говорила она любовно и довѣрчиво окружавшимъ ее дѣвицамъ: — живите-ка, голубки, по-божески, пуще всего — никого не обидьте, ссоръ да свары ни съ кѣмъ не заводите, всякому человѣку добро творите — не страшень тогда будетъ смѣртный часъ, оттого, что любовь всѣ грѣхи покрываетъ.

Въ порывѣ добраго, хорошаго чувства ласкались дѣвицы къ доброй Вириней. Озорная Марьюшка прильнула губами къ морщинистой рукѣ ея и крошила ее слезами.

Рѣзкій скрипъ полозьевъ у окна послышался.

Всѣ подняли головы, стали оглядываться.

— Взглянь-ка, Евдокеюшка, — молвила племянницѣ мать Виринея. — Кого Богъ принесъ? Кой грѣхъ, не изъ судейскихъ ли?

Накинувъ на голову шубейку, вышла Евдокеюшка изъ келарни и тотчасъ воротилась.

— Матушка пріѣхала! — воскликнула она.

— Ну, слава Богу! Насилу-то, — сказала, вставая со скамьи, мать Виринея. — Идти-было къ ней. Здорова ли то пріѣхала?

Поспѣшно стали разбирать свои рукодѣлія дѣвицы и скоро одна за другой разошлись. Въ келарнѣ осталась одна Евдокеюшка и стала разставлять по столамъ чашки и блюда для подослѣвшей ужины...

Въ игуменской кельѣ за перегородкой сидѣла мать Манеа на теплой изразцовой лежанкѣ, медленно развязывая и снимая съ себя платки и платочки, навѣрченные па ея шею. Рядомъ, заложивъ руки за спину и грѣя ладони о жарко натопленную печь, стояла ея наперсница, Фленушка, и потопывала о полъ озябшими ногами. Передъ игуменьей съ радостными лицами стояли: мать Софія, ходившая у нея въ ключахъ, да мать Виринея. Прежде другихъ матерей пріѣзжала она въ заячьей шубейкѣ въ накидку встрѣтить пріѣхавшую мать-настоятельница. Дверь въ келью то и дѣло отворялась, и морозный воздухъ клубами бѣлаго пара каждый разъ врывался въ жарко натопленную келью. Здоровейная Анафролія, воро-

тившаяся съ игуменьей изъ Осиповки, да еще двѣ келейныя работницы, Минодора да Наталья, втаскивали пожитки пріѣхавшихъ, вмѣстѣ съ ними узлы, мѣшки, кадочки, ставешки съ гостинцами Патапа Максимыча и его домочадцевъ. Одна за другой приходили старшія обительскія матери здороваться съ игуменьей: пришла казначея, степенная, умная мать Таифа, пришла уставщица, строгая, сумрачная мать Аркадія, пришли большаго образа соборныя старицы: мать Никанора, мать Филарета, мать Евсталія. Каждая при входѣ молилась иконамъ, каждая прощалась и благословлялась у игуменьи, спрашивая объ ея спасеніи — все по чину, по уставу... Вскорѣ боковуша за перегородкой наполнилась старицами.

— Да скоро-ль вы перенѣсите? — хлопотала Вириная около Анафролин и келейныхъ работницъ. — Совсѣмъ келью-то выстудили. Матушка и безъ того съ дороги иззябла, а вы тутъ еще валандаетесь... Иное бы что и въ сѣняхъ покинули.

— Истоплено хорошо, — вступилась мать Софія. — Передъ вечерней печи-то только скутаны, боюсь, развѣ не угарно ли?

— Угару нѣтъ, кажись, — замѣтила мать Вириная: — а ты бы, матушка Софія, чайку поскорѣй собрала. Самоварчикъ-отъ у тебя поставленъ ли?

— Какъ не поставленъ, — отвѣчала мать Софія: — поди, чай кишитъ.

И, выйдя въ сѣни, сама притащила въ келью шипящій «самоварчикъ» ведра въ полтора.

— Ну, какъ вы, матушка, время проводили? Все-ль по добру, по здорову? — сладенькимъ заискивающимъ голосомъ спрашивала казначея, мать Таифа, едва отогрѣвшуюся на горячей лежанкѣ игуменью.

— Не больно крѣпко здоровилось, — разбитымъ голосомъ отвѣчала Манеѳа.

— Что-жъ такъ, матушка? — спросила Таифа. — Чѣмъ же домогали? Поясница, что ли, опять?

— Головушку разломило. Извѣстно: дѣло мірское — суета, содомъ съ утра до ночи, — говорила Манеѳа.

— Много, чай, гостей-то понаѣхало на именины? — спросила уставщица мать Аркадія.

— Было довольно всякихъ гостей, — сухо отвѣтила ей мать Манеѳа.

— Изъ городу, поди, наѣхали? Купцы были? — спросила мать Никанора.

— И изъ городу были, и изъ деревень были, и купцы были: всякіе были. Да ну ихъ — Господь съ ними. Вы-то какъ безъ меня поживали? — спросила Манеѳа.

— Благодареніе Господу. За вашими святыми молитвами все было хорошо и спокойно, — сказала уставщица Аркадія. — Службу каждодневно справляли какъ слѣдуетъ. На преподобную Ксенію, по твоему приказу, утреннее бдѣніе съ поліелеемъ стояли. Пѣли канонъ преподобнымъ общій на два лика съ катавасіями.

— Съ котораго часу зачали службу? — спросила игуменья.

— Въ два часа за полночь велѣла я въ било ударить, — отвѣчала мать Аркадія. — Когда собрались, когда чтѣ — въ половинѣ третьяго пѣніе зачали. А пѣли, матушка, утреню по Миней. У мѣстныхъ образовъ новы налѣпы горѣли, чтѣ къ Рождеству были ставлены, паникадла черезъ свѣчу зажигали.

— А на трапезѣ, — подхватила мать Виринея: — ставлено было четыре яствы: капуста съ осетриной да съ бѣлужиной, да щи съ головизной, да къ нимъ пироги съ вязигой да съ семгой, чтѣ отъ Филатовыхъ прислана была еще до вашего, матушка, отѣзда, да леци были жареные, да пшеники съ молокомъ. Браги и квасу сыченого на трапезу тоже ставили. А на вечери три яствы горячихъ подавали.

— А трудники въ тотъ день дѣла не дѣлали, — прибавила казначея Таифа.

— А на утріе, на Григорія Богослова, тоже съ поліелеемъ служба была, икону святителя, строгановскаго письма, на поклонъ становили, — докладывала уставщица.

— Богъ васъ спасетъ, матери, — поклонясь, молвила игуменья. — Добро, что порядокъ блюли и Божию службу справляли какъ слѣдуетъ. А чтѣ Марья Гавриловна, здорова ли? — освѣдомилась мать Манеѳа.

— Здорова, матушка, слава Богу, — отвѣчала Таифа. — Въ часовнѣ у служебъ бывала, у часовъ и къ повечерію. Къ утренѣ-то лѣнивенька вставать, развѣ только что въ праздники.

— Ея дѣло, — строго замѣтила Манеѳа. — А ты бывала-ль у ней въ дому-то?

— Какъ же, матушка, раза три ходила, — отвѣчала казначея: — да вотъ и мать Аркадія къ ней захаживала, а Марьюшку такъ почти каждый день Марья Гавриловна къ себѣ призывала.

— Не слыхали-ль чего, не гнѣвается ли она на Патапа Максимыча? — обращаясь ко всѣмъ, спросила мать Манеѳа. — За хлопотами совсѣмъ позабылъ къ ней письмо отписать, въ гости позвать ее... Ужъ такъ ояъ кручинится, такъ кручинится...

— Нѣтъ, матушка, кажись, ничего не замѣтно, чтобы гнѣвалась на кого Марья Гавриловна, — молвила мать Таифа.

Аркадія подтвердила слова казначей.

— Какой гнѣвъ, матушка! — подхватила Марья головщица. — Сколько разъ она со мной и Настеньку съ Парашей и Патапа Максимыча номинала, и все таково любовно да пріятно.

— Завтра послѣ часовъ надо сходить къ ней, повидаться, гостинцы снести, — озабоченно говорила Манеѳа. — А вамъ, матери и дѣвицы, Акинья Захаровна тоже гостинцевъ прислала, за то, что хорошо ея ангелу праздновали, по рублю на сестру пожаловала, опричь иного. Завтра, мать Таифа, — прибавила она, обращаясь къ казначей: — возы придуть. Прими по росниси... Фленушка, у тебя никакъ роспись-то?

Фленушка порылась въ дорожномъ мѣшкѣ и, вынувъ сложенный начетверо листъ бумаги, подала его Манеѳе.

— Читай-ка, мать Таифа, — сказала игуменья, подавая казначей роспись. — Благо, всѣ почти матери въ сборѣ, читай, чтобы всѣмъ было вѣдомо, какое нашей святой обители сдѣлано приношеніе.

Мать Таифа, съ трудомъ разбирая скоропись, медленно стала читать:

«Рыбы осетрины свѣжей шесть пудовъ, да бѣлужины столько-жъ, да севрюги соленой четыре пуда. Тешки бѣлужьей да потроховъ осетровыхъ по пуду. Икры садковой полпуда, осетровой салфеточной пудъ. Жировъ да молокъ два пуда съ половиной, балыковъ донскихъ три. Муки крупчатой четыре мѣшка, гороху четыре четверти, ветчины окорокъ...»

Мать казначея руками развела, дочитавшись до такого приношенія.

— Какъ ветчины? — строго спросила игуменья.

— Ветчина писана, матушка, — отвѣчала Таифа, показывая роспись Манеѳе.

— Охъ, искушеніе!.. — слышалось между инокинями.

Бѣлицы улыбались, отворачиваясь въ сторону, чтобы матушка не замѣтила и не вздумала-бъ началить ихъ за нескромность.

— Ты писала? — нахмурившись, обратилась Манеѳа къ Фленушкѣ.

— Настенька это приписала, — отвѣчала Фленушка. — На смѣхъ. А какъ стали укладываться, она и въ самомъ дѣлѣ сунула въ возъ не то окорокъ, не то два.

— Верченая дѣвка! Егоза!.. — заворчала Манеѳа и, обращаясь къ матерямъ, прибавила: — давно ли, кажись, изъ обители, а поглядѣли бы вы, какова стала моя племяненка.

— Что-жъ, матушка, дѣло молодое — шутки да смѣхи еще

на умѣ... Судьбы Господь не посылаетъ ли? — умильно спросила мать Евсталія. — Женишка не пріискали-ль родители-то?

— Нѣтъ, — сухо отвѣтила Манеѳа.

— А намедни мужичокъ проѣзжалъ изъ Осиповки въ Баки за хлѣбомъ, — продолжала Евсталія: — у Бояркиныхъ приста-валъ, говорилъ, что женихъ пріѣзжалъ къ Патапу Максимычу. Изъ Самары, слышь, купческой сынъ.

— Пріѣзжать пріѣзжалъ, — нехотя отвѣчала Манеѳа: — только про сватовство не то что рѣчи, и думы не бывало. Навралъ тебѣ, Евсталія, твой мужичонка съ три короба, а ты и плетешь. Похожаго ничего не бывало. Да.

Мать Евсталія замолчала и ушла въ уголь, замѣтивъ, что игуменья маленько на нее осерчала.

— Извѣстно дѣло, матушка, деревенскій народъ всегда пустого много городить, — отозвалась уставщица Аркадія. — Пусти уши въ люди — чего ни наслушаешься.

— То-то и есть, — внушительно молвила Манеѳа: — коль мірскихъ пустыхъ рѣчей не переслушаешь, такъ нечего и разговоры съ проѣзжими заводить... Не погнѣвайся, мать Евсталія.

Евсталія вышла изъ угла и, подойдя къ игуменѣ, смиренно поклонилась. Та молча отвѣтила малымъ поклономъ.

— Какъ благоволите, матушка, утреню править? — спросила Аркадія. — Завтра память преподобнаго Ефрема Сирина... съ поліелеемъ, аль рядовую?

— Какъ прежде бывало? — спросила Манеѳа.

— Всяко бывало, матушка, — отвѣчала уставщица. — Служили съ поліелеемъ, служили и рядовую. Въ уставѣ сказано: «аще волить настоятель».

— Такъ служи, мать Аркадія, рядовую, — рѣшила игуменья. — Послѣзавтра надо еще поліелей справлять и службу съ величаньемъ Трехъ Святителямъ. А у насъ и безъ того свѣчей-то, кажись, не ахти много?

— За Пасху, матушка, хватить, а къ лѣту надо будетъ новыхъ доспѣть, — отвѣчала казначая.

— То-то же, — примолвила игуменья: — поберегать свѣчи-то надо. Великій постъ на дворъ, службы большія, длинныя, опять же стоянья со свѣчами.

— А насчетъ ветчины-то какъ же, матушка, прикажете? — спросила казначая: — собакамъ выкинуть, аль назадъ отослать? Сиротамъ бы мірскимъ подать — да молва про обитель пойдетъ.

— Спрячь подальше, соблазну бы не было, — сказала игуменья. — Не погань — пригодится: исправникъ пріѣдетъ, али кто изъ чиновниковъ — сопрутъ... Устинья Московка пріѣхала?

— Приѣхала, матушка, въ ту пятницу прибыла, — отвѣтила казначея. — Расчетъ во всемъ подала, какъ слѣдуетъ — сто восемьдесятъ привезла, за негасимую оставались. Да гостинцу вамъ, матушка, Силантьевы съ нею прислали: шубку бѣличью, камлоту на ряску, ладану роснаго пять фунтовъ съ походомъ, да масла бугыль, фунтовъ, должно-быть, пятнадцать вытянетъ. Завтра обо всемъ подробно доложу, а теперь не пора ли вамъ и покою дать? Устали, чай, съ дороги-то?

— И то устала, матери, — отвѣчала Манеѳа: — костоньки всѣ разломило.

— Матушка-то и въ Осиповкѣ совсѣмъ больнѣшенька была, — молвила Фленушка, прибирая чайную посуду. — Последніе дни больше лежала, изъ боковуши не выходила.

— Вамъ, матушка, завтра въ баньку не сходить ли? Да рѣдечкой велѣли бы растереть себя, — сказала, обращаясь къ игуменѣ, ключница, мать Софія.

— Поглядимъ, что завтра будетъ, — отвѣчала мать Манеѳа: — а къ утрени, матушка Аркадія, меня не ждите. Въ самомъ дѣлѣ что-то неможется. Рада-рада, что домой добралась... Прощайте, матери.

И стали матери одна за другой по старшинству подходить къ игуменѣ прощаться и благословляться. Пошли за ними и бывшія въ кельѣ бѣлицы. Остались въ кельѣ съ игуменѣй мать Софія да Фленушка съ головщицей Марьей.

— Топлено-ль у Фленушки-то? — спросила Манеѳа у ключницы.

— Топлено, матушка, топлено, — отвѣчала она. — Заразъ обѣ кельи топили, заразъ и кутали.

— Спаси тебя Христось, Софьюшка, — отвѣчала игуменья: — постели-ка ты мнѣ на лежаночкѣ да потри-ка мнѣ ноги-то березовымъ масломъ. Ноютъ что-то. Ну что, Марьюшка, — ласково обратилась Манеѳа къ головщицѣ: — я тебя и не спросила: какъ ты поживала? Здорова-ль была, голубка?

— Слава Богу, матушка, вашими святыми молитвами, — отвѣчала, цѣлуя Манеѳину руку, головщица.

— Больно вотъ налегкѣ ходить, — ворчала ключница, постилая на лежанку толстый киргизскій войлокъ. — Ты бы, Марьюшка, когда выходишь на волю, платокъ бы, что ли, на шею-то повязывала. Долго-ль простудить себя? А какъ съ голосу спадешь — что мы тогда безъ тебя будемъ дѣлать?

— Э, матушка Софія, что мнѣ дѣлается? Я не изъ вѣже-нокъ. Авось Богъ милостивъ, — отвѣтила головщица.

— Не говори такъ, Марьюшка, — остановила ее Манеѳа. — На Бога надѣйся, сама не плошай... Безъ меня гдѣ почевала — у Таифы, что ли?

— Къ Танфѣ не пускала я ее, матушка, — отвѣтила за головщицу Софія: — у ней келья угарная, и тѣсновато. Мы съ Марьюшкой въ твоей кельѣ домовничали. Минодорушка съ Натальей почевать къ намъ прихаживали.

— Ну, ступайте-ка, дѣвицы, спать-почевать,—сказала Манеѳа, обращаясь къ Фленушкѣ и Марьюшкѣ.—Въ келарню-то ужинать не ходите, снѣжно, студено... Тѣхали мы, мать Софія, такъ лѣсомъ-то ничего, а на поляну какъ выѣхали, такая мятель поднялась, что свѣту Божьяго не стало видно. Теперь такъ и мететь... Молви-ка, Фленушка, хоть Наталья, принесла бы вамъ изъ келарни поужинать да яичекъ бы, что ли, сварили, аль яиченку сдѣлали, молочка бы принесла. Ну, подите со Христомъ.

Фленушка и Марьюшка простились и благословились на сонъ грядущій у матушки и пошли черезъ сѣни въ другую келью.

— Ну, Софьюшка, рассказывай, какъ безъ меня поживала,—спросила игуменья свою ключницу, оставшись съ нею вдвоемъ.

— Да ничего такого не случилось, матушка, — отвѣчала Софія. — Все слава Богу. Только наемдни мать Филарета съ матерью Ларисой пошумѣли, да на другой день ничего, попрощались, смирились...

— Чего дѣлили? — строго спросила Манеѳа.

— Видишь ли, съ чего дѣло-то зачалось, — продолжала Софія, растирая игуменьѣ ноги березовымъ масломъ. — Прѣзжали это изъ Городца съ базара колосковскіе мужики, матери Ларисы знакомые, она вѣдь сама родомъ тоже изъ Колоскова. Часы у насъ мужички отстояли, потрапезовали, чѣмъ Богъ послалъ, да межъ разговоровъ и молвили, будто ихней деревни Михайла Коряга въ попы ставлень.

— Слышала и я, слышала, Софьюшка, — вздыхая, промолвила Манеѳа.—Экій грѣхъ-то!.. Стяжателью такому, корыстолюбцу дали священство!.. Какой онъ попь?.. Отца родного за гривну продасть.

— Ну вотъ, матушка, ты въ одно слово съ Филаретой сказала,—а мать Лариса за Корягу горой. Ну и пошли. Да вѣдь обѣ онѣ горячія, неговорливыя, другъ передъ другомъ смириться не хотятъ, и зачалась межъ ними свара, шумное дѣло. Столько было грѣха, столько грѣха, что упаси Царь Небесный. Мать Лариса доказывать стала, что не намъ, дескать, о такомъ великомъ дѣлѣ разсуждать, каковъ бы, дескать, Коряга ни былъ, все же законно поставлень въ попы; а Филарета: «коли, говорить, такого сребролюбца владыка Софроній поста-

вилъ, значить-де, и самъ онъ того же поля ягода, недаромъ-де молва пошла, что онъ святыней ровно калачами на базарѣ торгуетъ». А Лариса такая вѣдь огненная, развернись да матушку Филарету въ ухо. Та едва отскочить успѣла.

— Гдѣ-жъ это было?.. Въ келарнѣ?.. При мужикахъ?.. — вставъ съ лежанки и выпрямляясь во весь ростъ, строгимъ, твердымъ голосомъ спросила Манеѳа.

— Случилось это, матушка, у Аркадіи въ кельѣ,—отвѣтила мать Софія.— Такъ матери въ два вѣника и метутъ— шумъ, гамъ, содомъ такой, что вся обитель сбѣжалась. Просто, матушка, какъ есть вавилонское языковъ смѣшеніе!.. И ужъ столько было промежъ нихъ сраму, столько было искушенія, что и сказать тебѣ не могу. Какъ пошли онѣ другъ дружкѣ вычитывать, такъ и Михайлу Корягу съ епископомъ забыли, и такіе у нихъ пошли перекоры, такія дѣла стали поминать, что и слушать-то стало грѣшно... Чтѣ и смолоду водилось, а чего, можетъ статься, и не бывало— все подняли. Ужъ судачили онѣ, судачили, срамилъ себя, срамилъ — съ добрый часъ времени прошло. Мать Таифа ихъ было-уговаривать — и слышать не хотятъ. Насилу-то насилу мать Аркадія ихъ развела, а то бы, пожалуй, въ драку полѣзли, искровянились бы.

— Марья Гавриловна слышала?—спросила игуменя.

— Какъ не слышать, матушка. Приходить не приходила, а Таня, дѣвица ея, прибѣгала,—отвѣчала Софія.

— Злочинницы! — рѣзко сказала Манеѳа, ходя взадъ и впередъ по кельѣ.— Бога не боятся, людей не стыдятся!.. На короткое время обители нельзя покинуть!.. Чѣмъ бы молодыхъ учить, а онѣ гляди-ка?.. Какъ смирились?

— Извѣстно, миротворица наша, мать Виринея, въ дѣло вступилась... ну и помирила. На другой день цѣлое утро она сердечная то къ той, то къ другой бѣгала, стряпать даже забыла. Часа три уговаривала: ну, смирились, у нея въ келарнѣ и попрощались.

— То-то Филарета давеча стояла, глазъ не поднимаючи, а Лариса даже и не пришла встрѣтить меня,—молвила Манеѳа.

— Хвораетъ, матушка, другой день съ мѣста не встаетъ,—подхватила Софія:— горло перехватило, и сама вся ровно въ огнѣ горить. Мать Виринея и бузиной ее, и малиной, и шалфеемъ, и кочанной капусты къ головѣ ей прикладывала, мало облегчило.

— Не погляжу я на хворь ея,—молвила гнѣвно Манеѳа.— Не посмѣю, что соборныя онѣ старицы: обѣихъ на поклоны въ часовнѣ поставлю и за тралезой!.. Въ чуланъ запру!.. Изъ чужихъ обителей не было-ль при томъ кого?

— Нѣтъ, матушка, никого не было.

— А толки пошли?

— Какъ толкамъ не пойти, — отвѣчала мать Софія. — Извѣстно, обитель немалая: къ намъ люди и наши къ чужимъ. Случился грѣхъ, въ кулькѣ его не спрячешь.

— Обитель срамить!.. — продолжала Манеѳа. — Вотъ я завтра съ ними поговорю... А дѣвицы въ порядкѣ держали себя?

— Все слава Богу, матушка, никакого дурна не было.

— Сунрядки бывали?

— Бывали, матушка, и сегодня вплоть до твоего приѣзда у Виринеи въ кларнѣ дѣвки сидѣли.

— Чужія приходили?

— Бывали, матушка, и чужія: отъ Жжениныхъ прихаживали, отъ Бояркиныхъ.

— А отъ Игнатьевыхъ?—быстро спросила Манеѳа.

— Какъ можно, матушка! Статочно ли дѣло супротивъ твоего приказа идти?—отвѣчала мать Софія.

— Деревенскихъ парней не пускали-ль?

— Ай, что ты, матушка! Да сохрани Господи и помилуй! Развѣ мать Виринея не знаетъ, что на это нѣтъ твоего благословенья, — сказала Софія.

— Хорошая она старица, да ужъ добра черезъ мѣру, — молвила Манеѳа, нѣсколько успокоившись и ложась на войлокъ, посланный на лежанкѣ. — Уластить ее не много надо. У меня пуще всего, чтобъ негодныхъ толковъ не пошло про обитель, молвы бы не было.. А таракановъ въ скотной морозили?

— Выморозили, матушка, выморозили. Вчера только перешли, —отвѣчала мать Софія.

— А Пестравка отелилась?

— Телочку принесла, матушка, а Черногубка бычка.

— И Черногубка? Гм! Теперь что же у насъ шестнадцать стельныхъ-то? — спросила Манеѳа.

— Да должно-быть, что шестнадцать, матушка, — отвѣчала Софія.

— Масла много-ль напахтали? — продолжала разспросы Манеѳа.

— Не могу вѣрно тебѣ доложить, — отвѣчала Софія: — а вѣчоръ мать Виринея говорила, что на Сырную недѣлю масла будетъ достаточно, съ завтрашняго дня хотѣла творогъ да сметану копить.

— Сапоги работницамъ купили?

— Купили, матушка, еще на той недѣлѣ съ базару привезли.

— Зажилъ глазъ у Трифины?

— Все болитъ у сердечной, — отвѣчала Софія: — совсѣмъ врозь глазокъ-отъ у нея разнесло... Выльется онъ у нея, матушка, безпремѣнно выльется.

— Лѣкарство-то прикладываетъ ли? — спросила Манеѳа. — Недаромъ за него деньги плачены.

— Прикладываетъ, матушка, только пользы не видится. Ужъ одинъ бы конецъ, — отвѣчала мать Софія.

— Изъ господъ не наѣзжалъ ли кто? — спросила Манеѳа.

— Третьяго-дня окружный на короткое время прѣвзжалъ, — отвѣчала Софія. — На вѣзжей не бывалъ, напился чаю у Глафириныхъ, да и поѣхалъ въ городъ. А то еще невѣсть какіе-то землемѣры наѣзжали, двѣ ночи ночевали на вѣзжей... Да вотъ что, матушка, доложу я тебѣ: наемни встрѣтилась я съ матерью Меропеѳей отъ Игнатьевыхъ, такъ она говоритъ, что на Евдокеинъ день выйдетъ имъ срокъ вѣзжу держать, а какъ, дескать, будетъ собранье, такъ, говоритъ, безпремѣнно на вашу обитель очередь наложимъ: вы, говоритъ, ужъ сколько годовъ вѣзжу не держите.

— Этому не бывать, — сказала Манеѳа. — Покамѣсть жива, не будетъ у меня въ обители вѣзжей. Съ ней только грѣхъ одинъ.

— Извѣстно дѣло, матушка, какъ ужъ тутъ безъ грѣха, — сказала Софія. — И расходы, и хлопоты, и безпокойство, да и келью табачищемъ такъ прокурятъ, что года въ три смраду изъ нея не выживешь. Иной разъ и хмѣльные чиновники-то бываютъ: шумъ, безчинство...

— Нельзя, нельзя, — говорила игуменья. — Можетъ-статься, Настя опять прѣдетъ погостить, опять же Марѣв Гавриловнѣ не понравится... Разсохины пусть держатъ, что надо — заплачу. Побывай у нихъ завтра, поговори съ Доснѳеей.

— Дѣвицы, матушка, сказывали, закурила, слышь, матушка-то Доснѳеѳа опять, — отвѣчала мать Софія.

— Опять?

— Другу недѣлю во хмелю. Такой грѣхъ.

— Съ Евстихіей поговори, — сказала Манеѳа. — На ней же и лежитъ все у нихъ. Спроси, что возьмутъ за годъ вѣзжу держать. Деньгами не поскуплюсь, припасы на угощенья мои. Да скажи еще Евстихѳин, ко мнѣ бы пришла: братецъ Патапъ Максимычъ по пяти цѣлковыхъ на каждую бѣдну обитель прислалъ. Разсохинымъ, Напольнымъ, Солоникеннымъ, Марѳинимъ, Зарѣчнымъ... Всѣхъ повѣсти... Да повѣсти еще сиротамъ, завтра бы къ часамъ приходили; раздача, молъ, наблины будетъ... Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!.. — примолвила

Манеѳа, зѣвая и крестя открытый ротъ. — Подай-ка мнѣ, Софьюшка, келейную манатейку да лѣстовку... Помолось-ка я да лягу, что-то ужъ очень сонъ сталъ клонить.

Мать Софія подала игуменьѣ все нужное, простилась съ ней и, поправивъ лампадки, ушла въ свою боковушу.

Манеѳа стала на молитву.

Глава третья.

Пока Манеѳа разспрашивала ключницу, въ сосѣднихъ горницахъ Фленушка сидѣла за ужиномъ съ Марьей головщицей.

Во Фленушкиныхъ горницахъ, гдѣ передъ тѣмъ жили и дочери Патапа Максимыча, было четыре комнаты, убранныя гораздо наряднѣй, чѣмъ келья игуменьи. Стѣны оклеены были обоями, полъ крашеный, лаваокъ не было, вмѣсто нихъ стояла разнообразная мебель, обитая шерстяной матеріей. Семь оконъ заставлены были цвѣточными горшками и убраны кисейными занавѣсками. Стояли пяльцы, швейки, кружевные подушки и маленькій станокъ для тканья шелковыхъ поясковъ. По стѣнамъ въ крашеныхъ деревянныхъ рамкахъ висѣли незатѣйливыя картины. То были виды Аѳонской горы, Иргизскихъ монастырей, Рогожскаго кладбища; рядомъ съ ними висѣли картины, изображавшія апокалипсическія видѣнія, страшный судъ и Паскевича съ Дибичемъ на коняхъ.

За столомъ, уставленнымъ келарскимъ кушаньемъ и сластями, привезенными изъ Осиповки, сидѣли дѣвушки, толкуя о разныхъ разностяхъ. Спачала бесѣда ихъ шла вяло, Фленушкѣ не совсѣмъ было весело. Досада разбирала ее. Очень хотѣлось ей недѣлку-другую еще погостить въ Осиповкѣ, да не удалось. Спервоначалу Манеѳа и соглашалась-было оставить ее у Патапа Максимыча до Пасхи, но, заболѣвъ въ день невѣсткихъ именинъ и пролежавъ послѣ того три дня, заговорила другое. «Богъ знаетъ, буду-ль жива я до Пасхи-то, — отвѣчала старица на просьбы Фленушки и племянницъ:— а безъ того не хочу помереть, чтобы Фленушка мнѣ глазъ не закрыла». И, казалось, никогда еще мать Манеѳа не была такъ ласкова, такъ нѣжна къ своей любимицѣ, какъ въ эти дни. Фленушкѣ хоть и очень, очень не хотѣлось ворочаться въ келью на скуку и однообразную жизнь, но, беззавѣтно любя Манеѳу, не рѣшилась ее огорчить. Патапъ Максимычъ былъ не прочь, чтобъ боевая Фленушка поскорѣй убралась изъ его дома. Не то чтобъ онъ подозрѣвалъ что-нибудь, а сдавалось ему, что сбиваетъ она съ толку его Настю. «Какая прежде тихая, какаяд сговорчивая была у насъ Настасья,—говорилъ

онъ женъ: — а проявилась эта Фленушка — сорочій хвостъ, — ровно ее перевернуло всю. И не думай, Аксинья, унимать ту егозу, не упрашивай Манею здѣсь ее оставлять, авось безъ нея дѣвка-то выкинетъ дурь изъ головы». Пыталась — было защищать Аксинья Захаровна и Фленушку и дочь, но Патапъ Максимычъ дыкнулъ, и та замолчала. Наканунѣ Манеина отъѣзда завела-было рѣчь Фленушка, чтобъ отпустили Настю съ Парашей въ обитель гостить да кстати ужъ и поговѣть Великимъ постомъ. Сама Аксинья Захаровна, видя, что Настя хочется побывать въ скиту, сказала мужу, отчего бы и не отпустить ихъ. Придутъ, дескать, великіе дни, дѣвки къ службѣ Божьей привыкли, а живучи въ деревнѣ гдѣ помолится, особенно же на Страстной недѣлѣ? Патапъ Максимычъ отказалъ наотрѣзъ. Настя знала, что стѣбитъ ей захотѣть, такъ она переупрямитъ отца и во всемъ поставитъ на своемъ; хотѣла взяться за дѣло, но Фленушка остановила ее. «Молчи, не приставай къ отцу, — сказала она, — пожалуй, испортишь все. Пушай его маленько повеличается, а ужъ я жива быть не хочу, коли не будешь ты у насъ въ скиту Великимъ постомъ, не то весною». Какъ ни твердо была увѣрена Фленушка въ успѣхъ своего намѣренья, все же ей было скучно теперь и досадно. Не любя, не привѣтна показалась ей родная келья съ ея обстановкой, непохожей на убранство богатаго дома Патапа Максимыча.

— Разсказывай, Фленушка, все по ряду, какъ наши дѣвицы въ міру живутъ. Помнятъ ли насъ грѣшныхъ, аль изъ памяти вонъ? — спрашивала Марьюшка.

— Какъ не помнить, — отвѣтила Фленушка. — Тебѣ особенно кланяться наказывали.

— Богъ ихъ спасетъ, коль и насъ изъ людей не выкинули — молвила головщица.

— Кончила подушку-то, чтѣ въ Казань шила? — спросила Фленушка.

— Дошила, вечеръ изъ цялецъ выпоролла, — отвѣчала Марьюшка.

— Нову зачинай. Настя подарокъ прислала тебѣ: канвы, шерстей, синели, разныхъ бисеровъ, стеклярусу. Утрѣ разберусь, отдамъ.

— Благодаримъ покорно, — отвѣтила головщица. — Только нову-то подушку врядъ ли придется мнѣ шить. Матушка омофоръ епископу хотѣла вышивать.

— Когда это будетъ, про то еще сорока на водѣ хвостомъ писала, — молвила Фленушка. — Матушка не одинъ годъ еще продумаетъ да по всѣмъ городамъ письма отписывать будетъ,

подобаеть, нѣтъ ли архіерею облаченье строить изъ шерсти. Покамѣстъ будутъ рыться въ книгахъ, дожиனு подушекъ усиѣнешь смастерить.

— Инь спросишь завтра у матушки, — сказала головщица.

— Спросишь, а Настя тебѣ и новыхъ узоровъ прислала, — замѣтила Фленушка.

— Ну, вотъ за этотъ за подарочекъ такъ очень я благодарна, — молвила Марьюшка. — А то узорами-то у насъ больно ужъ стало бѣдно, все старыя да рваныя... Да что-жъ ты, Фленушка, не расскажешь, какъ наши дѣвицы у родителей проживаютъ. Скучненько поди: дѣвицъ подѣ пару имъ нѣтъ, все однѣ да однѣ.

— Парала-то не скучаетъ, — молвила Фленушка.

— Чтò такъ? — спросила головщица.

— Да чтò она? Увалень, — отвѣтила Фленушка. — Какъ здѣсь сонуля была, такъ и въ міру. Пухнетъ индо со сна-то, глаза совсѣмъ почти заплыли.

— Чтò-жъ это она? Со скуки поди? — сказала Марьюшка.

— Не разберешь, — отвѣтила Фленушка. — Молчитъ все больше. День-денской только и дѣла у нея, что поѣсть да на кровать. Каждый Божій день до обѣда проспала, встала — обѣдать стала, помолилась да опять спать завалилась. Здѣсь все-таки маленько была поворотливѣй. Ну, бывало, хоть къ службѣ сходить, въ келарню, туда, сюда, а дома ровно сурокъ какой.

— Поди же ты, какая стала, — покачивая головой, молвила Марьюшка. — Ну, а Настасья Патаповна чтò? Такая же все думчивая, молчаливая?

— Поглядѣла бы ты на нее! — усмѣхнувшись, отвѣтила Фленушка. — Бывало, здѣсь ее водой не замутишь, а въ деревнѣ такъ развернулась, что только ой.

— Полно ты! — удивилась головщица. — Бойка стала?

— Меня бойчѣй — вотъ какъ, — оживляясь, отвѣтила Фленушка. — Чуть не всѣмъ домомъ вертитъ. На что родитель — медвѣдь, и того къ рукамъ прибрала. Такая стала отважная, такая удалая, что бѣда.

— Поди вотъ тутъ, — говорила Марьюшка. — Долго ли, кажись, въ міру пожила, на волѣ-то. Здѣсь-то, бывало, смотреть тихоней, словечко не часто проронить.

— На людяхъ и теперъ не болько говорлива, — молвила Фленушка. — А на своемъ захочетъ поставить — поставитъ. Люта стала, вотъ ужъ, чтò называется, вьется ужомъ, топорщится ежомъ.

— Платъевъ, поди, чтò нашили имъ? — спросила головщица.

— Полны сундуки, — отвѣтила Фленушка. — А какія платья-то, посмотрѣла бы ты, Марьюшка! Одно другого пригляднѣе. И по буднямъ въ шелку ходить. Отродясь не видала я нарядовъ такихъ: сережки бриллантовые, запонки такъ и горять огнями самоцвѣтными. Параша чтѣ! На нее, какъ на пень, чтѣ ни напаяль, все кувалдой смотритъ. А ужъ Настя! Надо чести приписать, разрядится — просто король. Въ именины-то, знаешь, у нихъ столы народу ставили, ста два человекъ кормились: день-отъ былъ ясный да теплый, столы-то супротивъ дома по улицѣ стояли. Вотъ тутъ посмотрѣла бы ты на ихніе наряды, какъ съ родителями да съ гостями онѣ вышли народъ угощать.

— Въ чемъ Настенька-то была? — спросила головщица.

— Былъ на ней сарафанъ шелковый голубой съ золотымъ кружевомъ, — рассказывала Фленушка: — рукава кисейные, передникъ батистовый, голубой синелью расшитый, на головѣ невысокая повязка съ жемчугами. А какъ выходить на улицу, на плечи шубейку накинула алаго бархата, на куньемъ мѣху, съ собольей опушкой. Смотрѣть загляднѣе!

— Хотъ бы глазкомъ взглянула! — сказала, вздохнувъ, Марьюшка.

— А вотъ погоди; къ намъ въ гости прїѣдутъ, увидишь, — молвила Фленушка.

— Гдѣ увидать? — покачавъ головой, отвѣтила головщица. — Развѣ въ скиту въ такомъ уборѣ ходятъ дѣвицы?

— А можетъ статья, и въ міру увидишь ее, — прищурившись и зорко глядя на головщицу, сказала Фленушка.

— Гдѣ ужъ намъ, Флена Васильевна, мірскія радости видѣть!.. — съ горькимъ чувствомъ, вздохнувъ, молвила Марьюшка. — Хорошо имъ при богатыхъ родителяхъ, а у нашей сестры чтѣ въ міру? Бѣднота, пить-ѣсть нечего, тутъ не до веселья. И то денно и ночью Бога благодарить, что матушка Манева призрѣла меня сироту. По крайности не голодаешь какъ собака. А и то сказать, Флена Васильевна, развѣ легко мнѣ у матушки-то жить: чужой-отъ вѣдь обѣдъ хоть сладокъ, да не спорь, чужіе-то хлѣба живутъ прїѣдчивы. Медъ чужой и тотъ горекъ, Фленушка.

— Ну, разрюмилась, чтѣ Радунца, — подхватила Фленушка. — Нечего хныкать, радость во времени живетъ, и на нашу долю когда-нибудь счастливый часокъ выпадетъ... Изъ Саратова нѣтъ ли вѣстей? — спросила Фленушка, лукаво улыбаясь. — Семенушка не пишетъ ли?..

— А ну, песъ его дери! — съ досадою отвѣтила Марьюшка. — Забыла объ немъ и думать-то.

— Врешь! По глазамъ вижу! — приставала Фленушка.

— Ей-Богу, право, — продолжала головщица. — Да что? Одно пустое это дѣло, Фленушка. Вѣдь безъ малаго дѣлѣй годъ глазъ не кажется окаянный.. Ему что? Чай, и думать забылъ... А тутъ убивайся, сохни... Не хочу, ну его къ ляду!.. Эхъ, бѣднота, бѣднота!.. — прибавила она, горько вздохнувъ. — Распроклятая жизнь!

— Полно тебѣ!.. Меня, дѣвка, не обморочишь, — усмѣхнувшись, сказала Фленушка. — Получила вѣсточку?.. А?.. По глазамъ вижу, что получила.

— Ну, получила!.. Ну что же? — рѣзко отвѣтила головщица.

— Письмо, что ли, прислалъ?

— Ну, письмо прислалъ... Еще что будетъ?.. Тебѣ изъ Казани не пришло ли письмеца отъ Петрушки черномазаго?

— Мое дѣло, голубушка, иное, — усмѣхаясь, отвѣтила Фленушка. — Мнѣ только слово сказать, за разъ свадьбу уходомъ сыграемъ... Матушку только жаль, — вздохнувъ, прибавила она: — вотъ что... Въ гробъ уложишь ее.

— А мнѣ и гадать про свадьбу нечего, — желчно сказала Марьюшка. — Не ровны мы съ тобой, Флена Васильевна. Тебѣ въ ларцахъ у матушки Манеены кое-что припасено, а у меня, сироты, приданого-то голикъ лѣсу да кузовъ земли.

— Да полно тебѣ, надоѣла съ своей бѣднотою какъ торькая рѣдка, — молвила Фленушка. — Хнычетъ-хнычетъ, точно на смерть ведутъ ее. Скажи-ка лучше: сходились безъ меня на сунрядки?

— Сходились, — отвѣтила головщица. — И сегодня вплоть до вашего прїѣзда сидѣли.

— Что-жъ? Весело? — спросила Фленушка.

— Какое веселье! Развѣ не знаешь? — молвила Марьюшка. — Какъ допрежь было, такъ и безъ тебя. Побалуются маленько дѣвицы, мать Вириная ворчатъ зачнетъ, началить... Ну, какъ водится, подмаслимъ ее, стихеру споемъ, расхныкается старуха, смягнетъ — вотъ и веселье все. Надоѣла мнѣ эта анаемская жизнь... Хоть бы умереть ужъ, что ли!.. Одинъ бы конецъ.

— Это кровь въ тебѣ бродитъ, Марьюшка, — внушительно замѣтила Фленушка. — Знаю по себѣ. Иной разъ до того доходить, такъ бы вотъ взяла да руки на себя и наложила... Прїѣдетъ, что ли, Семень-отъ Петровичъ?

— Обѣщался... Да кто его знаетъ, можетъ, обманетъ; у ихняго брата завсегда такъ — на словахъ какъ на санихъ, а на дѣлѣ какъ на копылѣ. Тутъ сиди себѣ, сохни да сокрушайся, а онъ и думать забылъ, — сказала Марьюшка.

— Обѣщался, такъ прїдетъ, — утѣшала ее Фленушка. — Не кручинься... Завсегда онъ наѣзжаетъ, только Волга вскроется. Гляди, послѣ Пасхи прїдетъ. Вотъ, Марьюшка, веселье-то у насъ тогда пойдетъ: къ тебѣ Семенушка прїдетъ, моего чу-челу изъ Казани шутъ принесетъ, Настеньку залучимъ да ея дружка приманимъ...

— Шибаева-то, что ли? — спросила головщица.

— Ну его къ лѣшему! — молвила Фленушка. — Поближе найдемъ.

— Про самарскаго жениха говоришь? — сказала Марьюшка. — Болтали намедни, Снѣжковъ-де какой-то свататься къ ней прїѣзжалъ. Богатый, слышь!

— Какой тутъ Снѣжковъ! — молвила Фленушка. — Не всякъ голова, у кого борода, не всякъ женихъ, кто присватался, иному отъ невѣстныхъ воротъ живеть и поворотъ. Погоди — завтра все расскажу... Видишь ли, Марьюшка, дѣльце затѣяно. И по тому дѣлу безъ тебя не обойтись. Ты вѣдь воструха, дѣвка хитроватая, глаза отводить да концы хоронить мастерица, за уловками дѣло у тебя не станетъ. Какъ хочешь, помогай.

— Что-жь? Рада помочь, коли смогу... Для Настеньки на все я готова, — отвѣтила Марьюшка.

— Она на тебя, что на каменну гору надѣется, — молвила Фленушка. — Ай, батюшки!.. Забыла сказать... Про шерсти да бисера помянула, а про самые-то первые подарки забыла. Платокъ шелковый прислала тебѣ, ситцу на сарафанъ, колечко съ бирюзой, цѣпочку.

— Напрасно это, — съ ужимкой отвѣтила Марьюшка. — Развѣ я изъ корысти? Ситець-отъ какой?

— Розовый съ разводами.

— Ой ли! Такого давно мнѣ хотѣлось. А платочекъ?

— Голубой съ цвѣточками да съ изюминками, — сказала Фленушка.

— Спаси ее Христось, что не забываетъ меня, сироту, — сказала, довольная подарками, Марьюшка.

— И впредь обижена не будешь, — молвила Фленушка. — Удалось бы только намъ дѣльце наше состряпать, будутъ у тебя и шелковы сарафаны.

— Ну ужъ и шелковы! — улыбнулась Марьюшка.

— Я тебѣ говорю, — молвила Фленушка. — Только молчи да ухо держи востро... Видишь ли, какое дѣло вышло — слушай. Только прїѣхали мы въ Осиповку, гляжу я на Настю, думаю, что это такое случилось съ ней. Ровно не она; заговоришь съ ней, то заревомъ вспыхнетъ, то муки бѣлѣйи станетъ,

глаза горять, а вдругъ ни съ того ни съ сего затуманятся. Зачнетъ говорить — въ рѣчахъ пугается, видимо, другое чтò въ мысляхъ держать... Думаю я, тутъ что-нибудь да не такъ, это не то, чтò съ Васькой Шибаевымъ соловьевъ у перелѣска слушать. Стала пытаться, созналась дѣвка.

— Слюбилась? — живо спросила Марьюшка.

— Посмотрѣла бы ты, Марьюшка, парень-отъ какой, — сказала Фленушка. — Такой молодець, что хоть прямо во дворець. Высокій да статный, самъ кровь съ молокомъ, волость-отъ черный да курчавый, глаза-то какъ угли, за одно поглядѣнье рубля не жаль. А умница-то какая, смышленный какой...

— Кто-жъ онъ таковъ? Изъ купцовъ? Заѣзжій? — спрашивала Марьюшка.

— Деревенщина, голь перекатная, — отвѣтила Фленушка. — И вовсе не заѣзжій, у нихъ въ дому живетъ.

— Кто-жъ такой? — допытывалась Марьюшка.

— Токаръ, въ работники его Патапъ-отъ Максимычъ нанялъ, — отвѣтила Фленушка. — Деревнюшка отъ нихъ есть неподалеку, Поромова прозывается, — оттолѣ. Незадолго до нашего прїѣзда и нанять-то былъ.

— Стало-быть, Настенька допрежь водилась съ нимъ? — спрашивала Марьюшка.

— Слыхомъ не слыхала, что есть на свѣтѣ Алешка Лохматый, — отвѣтила Фленушка.

— Алексѣемъ зовутъ?

— Да. А ты слушай: только увидѣла она его, сердце у ней такъ и закипѣло... Да безъ меня бы не вышло ничего, глаза бы только другъ на дружку пялили... А чтò въ ней, въ сухой-то любви?.. Терпѣть не могу... Надо было смастерить... я и смастерила — сладилась.

— Какъ же?

— Какъ водится, — сказала Фленушка. — По веснѣ надо дѣло до конца довести, — прибавила она, немножко помолчавъ.

— Какъ довести? — спросила Марьюшка.

— Окрутить Алешку съ Настасьей, — отвѣчала Фленушка.

— Уходомъ? — спросила Марьюшка.

— Да.

— Смотри, Фленушка, не обожгись, — молвила Марьюшка. — Патапа Максимыча я мало знаю, а толкуютъ, что ежели онъ на кого оцетинится, тому лучше съ бѣла свѣта долой. Не то что насъ съ тобой, всю обитель вверхъ дномъ повернетъ.

— У медвѣдя лапа-то пошире, да и тотъ въ капканъ попадаетъ, — смѣючись, подхватила Фленушка. — Своровку надо

знать, Марьюшка... А это ужь мое дѣло, ты только помогай. Твое дѣло будетъ одно: гляди въ два, не въ полтора, однимъ глазомъ спи, другимъ стереги, а что устережешь, про то мнѣ доводи. Кто мигнуль, кто кивнуль, ты догадывайся да мнѣ сказывай. Вотъ и вся недолга...

— Да я готова; боязно только,—говорила Марьюшка.

— Э! Перестань. Прежде смерти не умрешь!—сказала ей Фленушка. —Зубастъ Патапъ Максимычъ, да насъ съ тобой не съѣсть ему, а и захотѣлъ бы, такъ не по горлу придется—подавится. Говорила тебѣ, хочешь въ шелковыхъ сарафанахъ ходить?

— Да такъ-то оно такъ, Фленушка,—въ раздумѣ говорила Марьюшка. — Ну, а какъ Патапъ Максимычъ провѣдаетъ, тогда что?

— А какъ же это ему провѣдать-то? — возразила Фленушка.—Лѣтомъ на Низъ сплыветъ, тогда все и сработаемъ. Приѣзжай послѣ на готовое-то, встрѣчай зятя съ молодой женой. Готовь шпы, созывай гостей—это ужь его дѣло...

Чуть не до полночи протолковали дѣвнцы, какъ бы половчѣй состряпать Настину свадьбу уходомъ.

На утро, еще до свѣта, по всей Манеиной обители поднялась обычная, не суетливая, но спорая работа. Едва съверовостокъ небосклона зардѣлъ тонкой розовой полосой, какъ пятеро пожилыхъ, но еще крѣпкихъ и бодрыхъ трудниковъ съ лопатами на плечахъ пришли въ обитель съ коннаго двора, стоявшаго за околицей, и начали расчищать снѣжные сугробы, нанесенные за ночь едва стихшею подъ утро мятелю. Прочистили они дорожку отъ часовни къ келарнѣ, и пошли по ней только-что отпѣвшія утреню инокини и бѣлицы, прочистили еще дорожки къ игуменской кельѣ, къ домику Марьи Гавриловны и отъ одной стаи до другой, къ погребамъ, къ амбарамъ и къ другимъ обительскимъ строеньямъ. Послѣ заутрени по всѣмъ кельямъ огоньки засвѣтились. Толстыя, здоровенныя бѣлицы изъ рабочихъ сестеръ, скинувъ коты и башмаки, надѣли мужскіе сапоги и нагольные тулупы, подпоясались кушаками и, обернувъ головы шерстяными платками, стали таскать охапки дровъ, каждая въ свою стаю, а всѣ вмѣстѣ въ келарню и къ крыльцу матушки-игуменьи. Черезъ полчаса высокіе столбы дыма выско вились надъ трубами въ тихомъ, недвижномъ, морозномъ воздухѣ. Трудницы межъ тѣмъ таскали изъ колодца воду по кельямъ, скоблили скребками крыльца, подтирали въ кельяхъ и въ сѣняхъ натоптанные съ вечера слѣды. Мать Виринея со своими подручницами

хлопотала въ келарнѣ, оттаивала принесенную изъ кладовой рыбу, перемывала рубленую капусту, засыпала въ чугуны горохъ и гречневую крупу. А въ обитель межъ тѣмъ собирался посторонній людъ. Мать Софія не выходила еще изъ Манеѣиной кельи, но сироты ужъ Богъ ихъ знаетъ какъ провѣдали о предстоящей раздачѣ на блины и на масло, пришли къ заутренѣ и, отслушавъ ее, разбрелись по обители: кто на конный дворъ, кто въ коровью избу, а кто и въ келарню, дожидаться, когда позоветъ ихъ мать игуменья и велитъ казначеѣ раздавать подаянье, присланное Патапомъ Максимычемъ.

Совсѣмъ разсвѣло. Въ сѣняхъ уставщицы раздался серебряный звонъ небольшого колокольчика. Ударили девять разъ, затѣмъ у часовни послышался рѣзкій звукъ деревяннаго била. Мѣрные удары его разносились по обители. Вдалекѣ по сторонамъ послышались такіе же звуки билъ и клепалъ изъ другихъ обителей. Это былъ скитскій благовѣстъ къ часамъ.

Вскорѣ Манеѣина часовня наполнилась народомъ. Инокнии въ черныхъ мантияхъ и креповыхъ наметкахъ чинно становились рядами передъ иконостасомъ, пѣвицы по клиросамъ, впереди всѣхъ Марьюшка. Сироты тоже прибрели въ часовню, но стали въ притворѣ, мужчины по одну сторону, женщины по другую. Еще раздались три удара въ колокольчикъ уставщицы, а за нимъ учащенные звуки била, и входныя двери часовни распахнулись настезь. Вошли рядомъ двѣ сторбленные древнія старушки, въ черной одеждѣ, расшитой красными крестами и буквами молитвы «Святый Боже». То были инокини-схимницы. Опираясь на деревянный костыль, медленно выступала за ними мать Манеѣа, въ длинной черной манти, въ апостольникѣ и камилавкѣ съ черною креповой наметкой. Ровною поступью проходила она между рядами склонявшихся передъ нею до земли шнокинъ и бѣлицъ и стала на свое игуменское мѣсто. За нею, склоня голову, шла Фленушка и стала за правымъ клиросомъ. Вслѣдъ за Манеѣой вошла Марья Гавриловна, высокая, стройная, миловидная женщина, въ перестяномъ сѣромъ платьѣ и въ шелковой кофейнаго цвѣта шубейкѣ, подбитой куннымъ мѣхомъ, и въ темной бархатной шапочкѣ, отороченной соболемъ. Вдовушка прошла сторонкой подлѣ стѣны и стала рядомъ съ Фленушкой.

— За молитвы святыхъ отецъ нашихъ, Господи Ісусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ, —громко возгласила Манеѣа.

— Аминь, —отвѣтила стоявшая среди часовни за наюемъ бѣлица, исправлявшая должность канонарха. Неспѣшно, истово отчеканивая каждое слово, начала она чтеніе часовъ.

Чинно, уставно, съ полнымъ благоговѣннемъ справляли келейницы службу. Мать Аркадія, какъ уставщица, стояла у аналоя, поставленнаго среди солен и, подобно церковному престолу, покрытаго со всѣхъ сторонъ дорогою парчой. Въ положенное время, поклонясь игуменьѣ, Аркадія дѣлала возгласы. Всѣ стояли рядами недвижно, всѣ были погружены въ богомысліе и молитву, никто слова не молвить, никто на сторону не взглянуть — оборони Богъ увидитъ матушка Манеѳа, а она зоркая, даромъ что черный крепь покрываетъ половину лица ея. Увидитъ, тутъ же при всѣхъ осрамить — среди часовни на поклоны поставитъ, не посмотреть ни на лѣта ни на почетъ провинившейся. Всѣ разомъ крестились и кланялись въ положенное уставомъ время, всѣ въ разъ бросали передъ поклонами на полъ подручники, всѣ въ разъ поднимали ихъ, всѣ въ разъ перебирали лѣстовки. Часа полтора продолжалось протяжное чтеніе часовъ и медленное пѣніе на клиросахъ. Наконецъ Манеѳа сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и прочитала «прѣщу». Всѣ до земли поклонились ей, и она также. Затѣмъ рядами пошли всѣ вонъ изъ часовни.

Сойдя съ паперти, шедшая впереди всѣхъ Манеѳа остановилась, пропустила мимо себя ряды инокинъ, и, когда вслѣдъ за ними пошла Марья Гавриловна, сдѣлала три шага ей навстрѣчу. Обѣ низко поклонились другъ другу.

— Здравствуете ли, сударыня Марья Гавриловна?—ласково спросила у нея мать Манеѳа.—Какъ васъ Господь Богъ милуетъ, все-ль по добру по здорову?

— Вашими святыми молитвами, матушка,—отвѣчала Марья Гавриловна.—Вы какъ съѣздили?

— Чтѣ про меня, старуху, спрашивать? — отвѣтила Манеѳа.—Мои годы такіе: скорби да болѣзни. Все почти время прохворала, сударыня... Братецъ Патапъ Максимычъ приказалъ вамъ поклониться, Аксинья Захаровна, Настя съ Парашей...

— Благодаримъ покорно, — съ улыбкой отвѣтила Марья Гавриловна. — Здоровы ли всѣ они?

— Слава Богу, сударыня, — сказала Манеѳа и, понизивъ голосъ, прибавила:—Братецъ-отъ очень скорбитъ, что вы его не посѣтили... Самъ себя бранить, желательно было ему самому пріѣхать къ вамъ позвать къ себѣ, да дѣла такія подошли, задержали. Очень ужъ онъ опасается, не оскорбились бы вы...

— Э, полноте, матушка, — отвѣтила Марья Гавриловна. — Развѣ за тѣмъ я въ обитель пріѣхала, чтобъ по гостямъ на щры развѣзжать? Спокой мнѣ нуженъ, тихая жизнь... Про-

стите, матушка, — прибавила она, поклонясь игуменьѣ и намѣреваясь идти домой.

— До свиданья, сударыня, — отвѣтила Манеѳа. — Вотъ я не на долгое время въ келарню схожу, люди тамъ меня ждутъ, а послѣ къ вамъ прибреду, коли позволите.

— Милости просимъ, удостойте, — отвѣчала Марья Гавриловна. — Будемъ ждать. Фленушка, — прибавила она, обращаясь къ ней: — пойдемъ ко мнѣ... Марьюшка! Ко мнѣ на чашку чаю.

И, поклонясь еще разъ матери Манеѳѣ, Марья Гавриловна пошла къ своему домику, а за ней Фленушка съ головщицей.

Мать Манеѳа съ инокинями, бѣлицами и сиротами прошла въ келарню. Тамъ столы были уже накрыты, но кушанье еще не подано. Въ дверяхъ встрѣтила игуменью мать Вириная съ своими подручницами и поклонилась до земли. Клирошанки запѣли тропарь пресодобному Ефрему Сирину, Манеѳа проговорила «прѣшу» и сѣла на свое мѣсто. Инокини разсѣлись по сторонамъ по старшинству, бѣлицы стояли за ними. Лицомъ къ игуменьѣ у самыхъ дверей рядами стали пришедшіе сироты. Легкій шопотъ раздавался по келарнѣ. Мать Манеѳа ударила въ кандію, и все смолкло.

— Здравствуйте о Христвѣ Исусѣ, — сказала она, обращаясь къ сиротамъ.

Тѣ въ разъ поклонились ей до земли.

— Богъ вамъ милости прислалъ, — продолжала Манеѳа: — а Патапъ Максимычъ Чапуринъ кланяться велѣлъ.

Еще разъ сироты молча до земли поклонились.

— Говорила я ему про вашу бѣдность и нужды, вотъ приходитъ, молю, Сырная недѣля, къ Великой Четырехдесятицѣ приуготовленіе, а нашимъ сиротамъ не на что гречневой мучки купить да маслица. И Патапъ Максимычъ пожаловалъ вамъ, братія и сестры, по рублю ассигнаціями на дворъ.

— Дай Богъ многолѣтняго здравія Патапу Максимычу и всему дому его, — проговорили сироты, опять кланаясь до земли.

Бабы отирали слезы, мужики гладили бороды, ребятишки, выставленные впередъ, разинувъ ротъ, удивленными глазами смотрѣли на игуменью и на сидѣвшихъ вокругъ нея инокинь.

— По муку да по крупу на базаръ вамъ ѣздить не надо, — продолжала мать Манеѳа не допускающимъ противорѣчія голосомъ. — Нечего время попусту тратить. Отпусти, Таифа, сиротамъ на каждый дворъ муки да масла. Свѣточковъ прибавь, судачка вяленаго да пшеничной мучки на пряженцы. Разочти, чтобъ на каждый дворъ по рублю съ четвертью приходилось. По четверти отъ нашей худости примите, — промолвила Манеѳа, обращаясь къ сиротамъ.

Почесалъ иной мужикъ-сирота затылокъ, а бабы скорчили губы, ровно укусу хлебнули. Сулили по рублю деньгами — кто чайлъ шубейку починить, кто соли купить, а кто думалъ и о чарѣ зеленá вина. А все-таки надо было еще разъ земной поклонъ матушкѣ Манеѣ отдать за ея великія милости...

— Молитесь же за здравіе рабовъ Божіихъ Патапія, Ксе-ніи, Анастасіи и Параскевы,—продолжала мать Манеѣ.—Дѣ-вицы, возьмите по бумажкѣ да пишите на память сиротамъ, за кого имъ молиться. Кромѣ семьи Патапа Максимыча еще благодѣтели будутъ.

Три бѣлицы принесли бумаги и стали писать «памятки» на раздачу сиротамъ. Манеѣ вынула изъ кармана три письма и, подавъ казначеѣ, сказала:

— Читай, мать Таифа.

Надѣвъ на носъ очки въ мѣдной оправѣ, казначея стала читать:

«Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Крайняго и пресвѣтлаго, грядущаго града небеснаго Іерусалима взыскательницѣ, любозрительныхъ же и огнелучныхъ ангельскихъ силъ ревнительницѣ, плоть свою Христа ради изнурившей, твердому и незыблемому адеманту древлеблагочестивыя отеческія наша вѣры, пресвѣтло аки луча солнечная сіяющей во благочестіи и хриstopодражательномъ пребываніи, пречестной матушкѣ Манеѣ, о еже во Христѣ съ сестрами пречестныя обители святыхъ, славныхъ и всехвальныхъ, верховныхъ апостолъ Петра и Павла земнокасательное поклоненіе и молитвенное прошеніе о еже принести Подателю всѣхъ благъ, Всевышнему Богу о насъ грѣшныхъ и недостойныхъ святыхъ и пріятныхъ ваши молитвы. По семъ возвѣщаемъ любви вашей о Божіемъ посѣщеніи на домъ нашъ бывшемъ, ибо сего января въ 8 день на память преподобнаго отца нашего Георгія Хозевита возлюбленнѣишій сынъ нашъ Іерасимъ Никитичъ отъ сего тлѣннаго свѣта отыде и преселился въ вѣчный покой. И вамъ бы его поминати на двадцатый и на сороковой день, полугодовыя и годовыя памяти творити, и вписати бы его въ сенаникъ и вѣчно поминати его, а въ день кончины его и на тезоименитство, 4-го марта, кормы ставить: по четыре ясты горячихъ и квасы сыченые, и кормити опричь обительскихъ и сиротъ, которые Бога ради живутъ въ скитѣ нашемъ. Пятсотъ рублей на серебро вкладу на вѣчное поминовеніе пришлемъ съ Ростовской ярмарки, а теперь посылаемъ двѣсти пятьдесятъ рублей ассигнаціями въ ручную раздачу по обители и по сиротамъ и по всѣмъ старымъ и убогимъ, которые Бога боядеса живутъ постоянно:

на человѣка на каждаго поскольку придется и вы по нимъ по рукамъ раздайте. А насъ письменно увѣдомьте, всѣ ли получили деньги, и означьте въ письмѣ вашемъ доподлинно имена обительскихъ, а также и сиротъ, которымъ раздадите наше усердное приношеніе. Только тѣмъ подавайте, которые хорошо молятся и живутъ постоянно, помолитесь бы хоть по три поклона на день на всѣ шесть недѣль за Гарашу покойника и за насъ о здравіи Никиты и Евдокии и о вдовицѣ Гарашиной Анисіи съ чадами. А здѣсь у насъ на дому молятся хорошо—негасимую и всенощную читаетъ ваша читалка, Аринушка, прилежно и усердно, все чередомъ идетъ. У Богдановыхъ она годовую отчитала, и мы ее взяли къ себѣ. А какъ у насъ отчитаетъ, то мы пришлемъ въ вашу обитель еще приношеніе по силѣ возможности. За симъ, припадая къ стопамъ ногъ вашей честности и паки прося святыхъ вашихъ молитвъ, остаемся ваши доброжелатели Никита Зарубинъ съ сожительницею, снохою и внучатами».

— Пишите, дѣвицы, — сказала Манеѳа: — въ рядъ послѣ Патапа Максимыча семейства: «за здравіе Никиты, Евдокии, Анисіи съ чадами», а на затылкѣ пишите: «за упокой Герасима новопреставленнаго». Другое письмо читай, мать Таифа.

«Пречестная матушка Манеѳа Максимовна, съ собранными о Христвѣ сестрами, здравствуйте. Когда мы видѣлись съ вами, матушка, послѣдній разъ у Макарья въ прошедшую ярмарку въ лавкѣ вашей на Стрѣлкѣ, сказывалъ я вашей чести, чтобы вы хорошенько Богу молились, даровалъ бы Господь мнѣ благое поспѣшеніе по рыбной части, такъ какъ я впервые еще тогда въ рыбную коммерцію попасть и очень боялся, чтобы мнѣ въ карманъ не наклали, потому что доселѣ все больше по подрядной части маялся, а рыба для насъ было дѣло закрытое. И теперь вижу, что Бога молили вы какъ не надо лучше, потому что, вотъ какъ передъ самимъ истиннымъ Христомъ, все не думалъ по рыбѣ займаться, потому думалъ, дѣло плевое, а вышло дѣло-то способное. И вашими святыми молитвами на судахъ взять я по полтинѣ барыша съ пуда да на коренной двадцать три копейки съ деньгой. А Егоръ Трифоновъ хотѣлъ перебить у меня эту часть да и проторговался. Такъ ему хорошо въѣхала судачина, что копеекъ по двѣнадцати съ пуда скостить должонъ, а икра вся прогоркла, да, почитай, и совѣмъ протухла; развѣ что въ Украину сбурить, а здѣсь на Москвѣ никто такой икры и лизнуть не захочетъ. И такое Божіе милосердіе вашимъ святымъ молитвамъ приписуючи, шлю вамъ, матушка, сто рублей на серебро на раздачу обительскимъ да сиротамъ по рукамъ, которые хорошо

Бога молили. А Игнатъевымъ въ обитель отнюдь не давайте для того, что онъ за Егорку Трифонова Бога молятъ, онъ еще у Макарья при моихъ глазахъ деньги имъ давалъ и судаками. Только ихняя-то молитва, видимо, не такъ до Бога доходна, какъ ваша. Просимъ и впредь не оставить, молиться хорошенько, чтобъ Господь по нашей торговлѣ больше барышей намъ подавалъ. А поминать за здравіе меня да супругу нашу Домну Григорьевну. Засимъ, пожелавъ вамъ всякаго благополучія, остаемся извѣстный вамъ Сергій Орѣховъ».

— Пишите, дѣвицы: «за здравіе Сергія и Домны», — проговорила обычнымъ, невозмутимымъ голосомъ Манеѳа. — Третье письмо читай, мать Таифа.

«Любезненькая наша матушка Манеѳа, ангельскія твои уста, серафимскія твои очи!.. Что это вы, матушка, давно намъ не отписываете, каково въ трудахъ своихъ подвизаетесь, и о здоровьѣ вашемъ и о Фленушкѣ милой ничего мы не знаемъ, какъ она, голубушка наша, поживаетъ, и про племяненокъ вашихъ про Настасью Патаповну, Прасковью Патаповну. А мы съ Варенькой каждый день васъ поминаемъ, какъ лѣтось гостили въ вашей обители и ужъ такъ вами были обласканы и ужъ такъ всѣмъ были удовольствованы, что остается только Богу молиться, чтобъ и еще когда сподобилъ въ вашемъ честномъ пребываніи насладиться спасительною вашею бесѣдой. Извѣщаю васъ, матушка, что Варенькѣ моею Богъ судьбу посылаетъ. Сосватана она за Петра Александрыча Саблукова — въ нашемъ городе что ни на есть первые люди, а Петръ Александрычъ хоша и вдовецъ, однакоже бездѣтенъ, и самому всего двадцать седьмой годочекъ пошелъ. У отца у ихняго фабрика здѣсь кумачевая, два сына да дочка замужемъ, отдѣленная, а въ капиталѣ они въ хорошемъ. Одно только, что по единовѣрью они, по новоблагословенной, значить, какъ въ Москвѣ у Салтыкова моста, аль по вашимъ мѣстамъ Медвѣдевской церкви, а, впрочемъ, люди хорошіе. Свадьбу сыграемъ въ пятницу передъ Масленой, хоша и не все приготовлено, да не ждате же Фоминой недѣли, — что хорошаго томить жениха съ невѣстой?.. А присватался-то позднечко, на самое Богоявленье по рукамъ били. При семъ посылаю вамъ, матушка, сто двадцать рублевъ на серебро, помолились бы вы и ваши богоугодныя сестры, а также которые сироты живутъ постоянно, за дочку за нашу и за жениха, чтобы послалъ имъ Господь бракъ честенъ, ложе нескверно и житіе безмятежно. А бисерную лѣстовку и подручникъ, шитый по канвѣ, мы получили и много за то благодарствуемъ. Засимъ, прося вашихъ святыхъ и до Бога доходныхъ молитвъ и уповая на мн-

лость вашу, остаюсь доброжелательница ваша Наталья Шарымова».

— Пишите: «за здравіе Петра, Варвары и Наталіи», — сказала Манеа.

— Можно ли, матушка, жениха-то поминать? Вѣдь онъ не нашего соглася, — наклонясь къ игуменьѣ, шопотомъ спросила уставщица, мать Аркадія.

— Поминайте жениха безъ сумнѣнія, — громко отвѣтила Манеа. — Инославныхъ за упокой поминать не подобаешь, а за здравіе можно. Молимся же за Державнаго, за боляры и за вою.

— Такъ то вѣдь власти, матушка, — продолжала полушопотомъ мать Аркадія. — За всяку власть предержашую по Апостолу молимся. А шарымовскій женихъ что намъ за власть?

— Зато благодѣтель, — молвила Манеа. — А за благодѣтелей первѣе всего подобаешь молиться. Впрочемъ, вольному воля, — прибавила она, немного помолчавъ: — кому не по совѣсти молиться за Петра Александрыча, тотъ не молись. Сказывайте, кому не по совѣсти, того мы выключимъ изъ раздачи шарымовскихъ денегъ.

Всѣмъ было по совѣсти. Никто не отказался отъ части въ шарымовской присылкѣ.

— Мать Таифа, — сказала игуменья, вставая съ мѣста. — Тысячу двадцать рублей на ассигнаціи разочти какъ слѣдуетъ и, по чемъ придется, сиротамъ раздай сегодня же. И ты имъ на масленицу сегодня же все раздай, матушка Виринея... Да голодныхъ изъ обители не пускай, накорми сиротъ, чѣмъ Богъ послалъ. А я за трапезу не сяду. Неожется что-то съ дороги-то, — лечь бы мнѣ, да боюсь: поддайся одной боли да лягъ — другую наживешь, ужъ какъ-нибудь, бродя, перемогусь. Прощайте, матери, простите, братія и сестры.

Провожаемая низкими поклонами и громкими благодарностями сиротъ, мать Манеа медленно удалилась изъ келарни.

Проводя игуменью, всѣ стали вокругъ столовъ. Казначей мать Таифа, какъ старѣйшая, заняла мѣсто настоятельницы. Подали въ чашкахъ кушанье, Таифа ударила въ кандію, прочитали молитву передъ трапезой, сѣли и стали обѣдать въ строгомъ молчаньи. Только одинъ рѣзкій голосъ каноницы, на распѣвъ читавшей житіе преподобнаго Ефрема Сирина, уныло раздавался въ келарѣ.

Глава четвертая.

Въ Казани, за Булакомъ, несмотря на частые пожары, и до сихъ поръ чуть ли не цѣлъ небольшой каменный домъ ста-

ринной постройки, гдѣ родилась Марья Гавриловна. Во время оно принадлежалъ тотъ домъ купцу третьей гильдіи Гаврилѣ Маркелычу Залетову.

Не былъ Гаврила Маркелычъ въ числѣ первостатейныхъ купцовъ, не ворочалъ милліонами, но считался весьма зажиточнымъ. Въ Плетеняхъ на Кабанѣ былъ у него мыловаренный заводъ, рядомъ съ нимъ китаечная фабрика. Заведены были они не на широкую ногу, зато устроены исправно и держались въ хорошемъ порядкѣ. У Макарья Залетовъ торговалъ, тамъ у него было двѣ лавки; въ понизовыхъ городахъ дѣла велъ, въ степи да за Уралъ за сырьемъ ѣзжалъ. Опрічь того двѣ расшивы у него возили по Волгѣ пшеницу отъ Балакова до Рыбинска. Въ это дѣло самъ онъ не вступался, предоставлявъ его старшему женатому сыну, жившему съ отцомъ за одну семью. Очень хотѣлось Гаврилѣ Маркелычу пароходъ завести, потому что видѣлъ онъ скорый конецъ неуклюжимъ росшивамъ, баркамъ, коломенкамъ и ладьямъ, что изстари таскали кладъ по Волгѣ. Изъ головы у него не выходилъ пароходъ: цѣлые часы, бывало, ходитъ взадъ и впередъ и думаетъ о немъ; спать ляжетъ, и во снѣ ему пароходъ грезится; раздумается иной разъ, и слышатся ему то свистокъ, то шумъ колесъ, то мѣрный стукъ паровой машины... Но не могъ Гаврила Маркелычъ исполнить завѣтной, долгіе годы занимавшей его мечты — денегъ не хватало на постройку, а онъ сроду ничего въ долгъ не дѣлывалъ и ни за какія блага не сталъ бы дѣлать займа... Зато ничего не пожалѣлъ бы, жену, дѣтей радъ бы, кажется, былъ продать, если-бъ только можно было ему пароходъ свой доспѣть.

Ходила молва по купечеству, что у Залетова денегъ много, и хоть не пишется онъ въ первую гильдію, а будетъ богаче иныхъ первогильдейцевъ. Какъ сказано, долженъ онъ сроду никому не бывалъ, торговалъ всегда на наличныя. Выпадали случаи, столь обычные въ жизни торговаго человѣка, что Гаврилѣ Маркелычу деньги бывали нужны до зарѣзу; тогда всякій бы съ радостью готовъ былъ одолжить его, но Залетовъ ни за что на свѣтѣ копейки у чужихъ людей не бралъ. «Нѣтъ, — говаривалъ онъ: — чужи-то денежки зубасты, возьмешь лычко, отдашь ремешокъ, займы та же кабала». Сынъ приставалъ иной разъ, уговаривалъ вести торговлю на кредитъ.

— Батюшка, — скажетъ, бывало, ему: — сами вы у себя деньги отнимаете, — иной разъ какой бы можно было оборотъ сдѣлать, а нѣтъ въ наличности денегъ — дѣло и пропустишь... На иномъ дѣлѣ можно бы такой барышъ взять, что пароходъ бы выстроили.

— Не смущай ты меня, Антипъ, — отвѣчалъ обыкновенно на это Гаврила Маркелычъ. — Экій лукавый — знаетъ, чѣмъ смутить... Не поминай, не мочи смущать родителя... Побольше тебя на свѣтѣ живемъ, побольше твоего и видали. Зачни-ка дѣлать долги, — втянешься такъ, что по уши завязнешь... Слыхалъ, какіе въ прежни годы въ нашемъ городу богатѣи были? Вихляевыхъ къ примѣру взять, Круподеровыхъ — какими дѣлами ворочали, какіе были у нихъ заводы, а какъ пошли по этому чайному дѣлу да стали на пустышку дѣло вести, все прахомъ пошло. Вонъ вихляевскій-то внукъ въ извозчикахъ на биржѣ стоитъ, а дѣдъ, прадѣдъ первыми людьми по всей Казани были... Нѣтъ, Антипъ, покамѣстъ на свѣтѣ живу, копейки ни у кого не возьму, да и тебѣ нѣтъ моего благословенья ни въ долги входить ни людямъ давать... Это все заморски купцы выдумали кредитъ этотъ — нѣмцы... Ну ихъ къ бѣсовою матери!.. Одно наводjenje!.. Будутъ у тебя залежныя, строй пароходъ — дѣло выгодное, не чета твоимъ расшивамъ. А построивши пароходъ, коли еще лишнихъ денегъ наживешь — другой выстрой, третій, а не то ужъ лучше по старинному — въ кубышку да въ подполье. Тамъ крѣпче деньгамъ лежать, за море не улетятъ... А пуще всего въ люди денегъ давать не мочи, потому это баловство одно, какъ есть малодушіе и больше ничего. Коли видишь человѣка въ нуждѣ, а человѣкъ онъ добрый, стѣпкій, — дай ему — только не въ долгъ, а безъ отдачи. Справится по времени, принесетъ деньги — прими, не принесетъ — не поминай. А давай не грошъ, не гривну, а чтобы справиться можно было человѣку. Пуще всего роднѣ займы не давай да друзьямъ-приятелямъ, потому что долгъ — ограда любви и дружбы. А случится, надоѣстъ какой человѣкъ, и не сможешь ты отъ него ничѣмъ отдѣлаться, дай ему займы, глазъ не покажетъ... Это завсегда такъ: вѣрнѣе отцовскому слову... Помни это, Антипъ, во всю твою жизнь помни и дѣтямъ своимъ заповѣдай, говаривалъ-де мнѣ покойникъ родитель, «плуть, кто беретъ, глупъ, кто даетъ»...

Такъ думалъ и такъ поступалъ Гаврила Маркелычъ, оттого и жилъ въ своей средѣ особнякомъ. Не то, чтобы люди его бѣгали, али-бъ онъ отъ людей сторонился, но дружество ни съ кѣмъ у него не клеилось.

А въ скрагой вельзя было назвать его. Никто честнѣй Залетова съ рабочими не раздѣльвался. Въ заводѣ не бывало того у Гаврилы Маркелыча, чтобы обчитать бѣднаго человѣка. Да, если бы паче чаянія случилось, чтобы сынъ его сдѣлалъ такое дѣло, гривну бы какую при расчетѣ утапулъ, Гаврила Маркелычъ ему голову бы, кажется, сорвалъ. У него было такъ: не-

ладенъ работникъ, аль дѣнтай какой, сейчасъ расчетъ, отдастъ ему, что слѣдуетъ, до копейки, да тутъ же и на порогъ укажетъ, а хорошему рабочему сверхъ уговора что-нибудь дастъ, только накажетъ ему строго-настрога о прибавкѣ никому не сказывать... А въ часовню, что у Татарскаго моста на Булакѣ стояла (раскольниковъ Гаврила Маркелычъ, по бѣглому священству былъ), кто больше всего жертвовалъ?.. Кто ризы на иконахъ золотилъ, кто ослопныя свѣчи къ каждой Пасхѣ, къ каждому Рождеству передъ мѣстными образами ставилъ, кто сиротъ и странниковъ въ часовенной богадѣльнѣ всѣмъ удовлетворить старался?... Гаврила Маркелычъ Залетовъ, даромъ что изъ часовеннаго общества другіе невпримѣръ богаче его были... У кого каждую субботу нищимъ ручная раздача милостыни? У Гаврилы Маркелыча... Кто каждое воскресенье, каждый праздникъ въ острогъ калачи посылаетъ? Гаврилы Маркелычъ... У кого на окнахъ снаружи приворотной свѣтелки каждую ночь хлѣбъ, пироги и другую, какая случится, пищу кладутъ, ради тайной милостыни? У Гаврилы Маркелыча...

Въ гостиномъ дворѣ аль на Бакалдѣ *) зачнутъ, бывало, купцы къ нему приставать.

— Чтой-то ты, Гаврила Маркелычъ, дѣлаешь? Всѣмъ, сударь мой, ты на удивленіе! Съ такими деньгами, съ такимъ твоимъ капиталомъ сидишь, братецъ мой, въ третьей гильдіи. Дяче въ первую не пишешься?

— Эхъ, други мои любезные,—молвить на то Гаврила Маркелычъ. — Что за невидаль ваша первая гильдія? Мы люди сѣрые, намъ, пожалуй, она не подѣ статься... Говорите вы про мой капиталъ, такъ чужая мошна темна, и денегъ моихъ никто не считалъ. Можетъ статься, капиталу-то у меня и много поменьше того, какъ вы разсуждаете. Да и какой мнѣ припѣвъ въ первой гильдіи сидѣть? Кораблей за море не отправлять, сына въ рекруты все едино не возьмутъ, коль и по третьей запишемся, изъ-за чего же я стану лишніи хлопоты на себя принимать?

— Почету больше, Гаврила Маркелычъ,—говорять ему торговцы.

— Ну ужъ почетъ — нечего сказать!—отвѣтить, бывало, Залетовъ. — Свысока-то станешь глядѣть — глаза запорошишь. Невпримѣръ лучше по-нашему, по-сѣрому: лежи низенько, ползи помаленьку, и упасть некуда, а хоть и упадешь, не зашибешься. Такъ-то, други вы мои любезные.

Въ семейномъ быту Гаврила Маркелычъ былъ съ головы

*) Бакалдою называется пристань на Волгѣ близъ Казани.

до ногъ домовладыка старо-русскаго завѣта. Любилъ жену, любилъ дѣтей, но по-своему... Всегда казался къ нимъ холоденъ, бывалъ даже суровъ ни за что, ни про что, такъ — здорово живешь. «Хозяинъ всему голова,—говаривалъ онъ:—жена и дѣти мои: хочу, ихъ милую, хочу, въ гробъ заколочу». Воля Гаврилы Маркелыча была закономъ, малѣйшее проявленіе своей воли у дѣтей считалъ онъ непокорствомъ, непочтеньемъ, влекущимъ за собой скорую и строгую расправу. Когда сыну его пришла пора жениться, онъ сказалъ ему:

— Антипушка, пора тебѣ законъ свершить, а невѣсту тебѣ я сыскалъ. Матвѣя Петровича Солодова дочку, Аннушку, видаль?.. Хозяйка по тебѣ: смиренная, работающая, изъ себя казиста — видная такая, кость широкая, собой дѣвка здоровенная, надолго тебѣ ее хватить, небось, не овдовѣешь... Говорю тебѣ, по всѣмъ статьямъ останешься доволенъ... Завтра сватовъ надо засылать, для того, что мясофду остается немного... Скорымъ дѣломъ васъ окрутимъ, благо попъ съ Иргиза наѣхалъ.

Хоть объ Аннушкѣ Солодовой Антипу Гавриловичу и въ голову никогда не приходило, но, не поморщившись, исполнилъ онъ волю родительскую, пошелъ подъ вѣнецъ, съ кѣмъ приказано... И послѣ ничего... Не нахвалится, бывало, женой. Ладно жили между собою.

Дочка еще была у Гаврилы Маркелыча — дѣтище моленное, прошенное и страстно, до безумія любимое матерью. И отецъ до Маши ласковъ бывалъ, рѣдко когда пожурить ее. Да, правду сказать, и журить-то ее было нѣ за что. Дѣвочка росла умненькая, добрая, послушная, а изъ себя такая красавица, какихъ на свѣтѣ мало родится. Заневѣстилась Марья Гавриловна, семнадцатый годокъ ей пошелъ, сталъ Гаврила Маркелычъ про жениховъ думать-гадать.

Въ старинныхъ русскихъ городахъ до сихъ поръ хранится обычай «невѣсть смотреѣть». Для того взрослыхъ дѣвицъ одѣваютъ въ лучшія платья и отправляются съ ними въ извѣстный день на условное мѣсто. Молодые люди приходятъ на выставку дѣвушекъ, высматриваютъ суженую. Въ новомъ Петербургѣ такія смотрины бывають на гуляньѣ въ Лѣтнемъ саду, въ старыхъ городахъ — на крестныхъ ходахъ. Такъ и въ Казани водится.

Приближался день приноса чудотворной иконы изъ Семиозерной пустыни, когда казанскіе женихи невѣсть высматривають. Гаврила Маркелычъ велѣлъ жепѣ Машу вырядить и отправляться на смотръ *). Разрядилась Маша въ шелки-бар-

*) На смотринахъ при крестныхъ ходахъ и старообрядцы принимаютъ участіе. Въ своихъ часовняхъ и моленныхъ не могутъ они устраивать

хаты и рано утромъ съ матерью и невѣстой пошла на широкую луговину, чтò разстилается между кремлемъ и Кижицами. Черезъ нее должны были пронести икону Богородицы. Прихватили Залетовы съ собой бабушку Абрамовну, двоюродную тетку Гаврилы Маркелыча, кочевашую по роднымъ и знакомымъ, гдѣ подомовничать, гдѣ за больнымъ походить, гдѣ по хозяйству передъ праздниками пособить. Маленько и сватаньемъ занималась Абрамовна.

Дѣло было въ юнѣ. Съ раняго утра гудѣлъ торжественный звонъ колоколовъ съ пятидесяти казанскихъ колоколенъ. Погода стояла теплая, ясная; поднимавшееся на небосклонъ солнце ярко освѣщало городскія зданія и кремлевскія стѣны и переливчатымъ блескомъ играло на золотомъ шарѣ Сумбекиной башни. Разряженные горожане густыми толпами спѣшили по луговинѣ къ Кижицкому монастырю, туда еще съ вечера принесли икону изъ Семиозерной обители. Женщинъ, какъ всегда и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, было гораздо больше чѣмъ мужчинъ; бѣлые, красные, голубые и другихъ яркихъ цвѣтовъ наряды, цвѣтные зонтики, распущенные надъ головами богомолокъ, придавали необычный въ другое время, праздничный видъ луговинѣ, весной заливаемой водопольемъ, а потомъ посѣщаемой развѣ только косцами да охотниками за болотной дичью. Чѣмъ ближе къ монастырю, тѣмъ гуще и пестрѣй становились толпы. Народный говоръ, гиканье казаковъ, летавшихъ взадъ и впередъ по дорогѣ, крики полицейскихъ, въ потѣ лица работавшихъ надъ порядкомъ, стукъ экипажей, несшихся къ монастырю, и колокольный благовѣстъ — все сливалось въ одинъ праздничный гулъ, далеко разносившійся по окрестностямъ. Семейство Гаврилы Маркелыча остановилось у того мѣста, гдѣ должны были встрѣтиться два крестные хода: одинъ изъ города, другой изъ монастыря. Шестнадцатилѣтняя Маша сіяла красотой: черные, какъ смоль, волосы отбѣняли смуглое, румяное личико, огневые черные глаза такъ и горѣли изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Высокая, стройная, статная дѣвушка скромно стояла на мѣстѣ, глазъ не поднимаючи, а молодежь такъ и кружилась вокругъ нея,

---

смотришь «страха ради іудейска», то-есть, попросту говоря, страха ради полиціи, не допускающей большихъ раскольниковыхъ сборищъ. А смотрѣть невѣстѣ надо — безъ того нельзя обойтись. И веноманули ревнители древяго благочестія изреченныя лѣтъ полтора ста тому назадъ словеса своего «страдальца», протопопа Аввакума Петровича, разрѣшившаго поклоняться чудотворнымъ иконамъ, хранимымъ иконіанами, но не иначе, какъ на открытомъ мѣстѣ, напимѣръ, на крестныхъ ходахъ, а отнюдь не подъ церковными сводами.

такъ на нее и заглядывается. На семь полѣ не было красивѣе Маши Залетовой.

Но вотъ вмѣсто мѣрнаго благовѣста въ монастырѣ затрезвонили. Затрезвонили тотчасъ и на городскихъ колокольняхъ. Толпы пришли въ движеніе: кто слѣшилъ къ монастырю, кто къ мѣсту встрѣчи крестныхъ ходовъ. Изъ Книжидъ показалось церковное шествіе: хоругви, кресты и наконецъ всѣми ожидаемая икона, во время оно, какъ гласитъ преданіе, спасшая Казань отъ морової язвы. Несли икону на рукахъ священники, сопровождаемые пришлыми изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ богомольцами... Запылены тѣ богомольцы въ пути, навьючены котомками и пещерами... Въ то же время по крутому спуску къ рѣкѣ Казанкѣ, изъ Тайницкихъ воротъ кремля, двинулось другое шествіе. Тамъ развѣвались цеховые значки и церковныя хоругви, блестя на солнцѣ дородоровыя ризы духовенства, расшитыя золотомъ мундиры казанскихъ властей и штыки гарнизоннаго батальона, разставленнаго рядами по сторонамъ пути. Звонъ колоколовъ, грохотъ барабановъ, военная музыка, пѣніе клира и глухой перекатный топотъ многотысячной толпы сливались въ нестройные, но торжественные звуки.

На приготовленномъ мѣстѣ встрѣтились крестные ходы. Все смолкло: и звонъ, и пѣніе, и барабанный бой, и музыка, и народный топотъ, и говоръ. Всякій звукъ замеръ въ громадной толпѣ, и далеко по луговинѣ раздалось бряцанье серебрянаго кадила въ рукѣ архіерея, привѣтствовавшаго еиміамомъ пришествіе Владычицы. Слышались еще шумный шорохъ отъ движенія десятковъ тысячъ рукъ крестившагося народа да звонкая, вольная пѣсня жаворонка, лившаяся на землю изъ лазурнаго пространства. Но вотъ архіерей, принявъ на свои руки принесенную святыню, передалъ ее городскому головѣ, и клиръ торжественно воскликнулъ: «Днесъ свѣтло красуется градъ сей, яко зарю солнечную воспріемше, Владычице, чудотворную Твою икону!»... Блеснули слезами взоры молящейся толпы, и десятки тысячъ поверглись ницъ предъ ликомъ Дѣвы Маріи. Опять загудѣли колокола, опять загрохотали барабаны, опять раздалось громкое пѣніе, опять грянула военная музыка. Шествіе двинулось въ кремль. И у всѣхъ на душѣ было свѣтло, легко и радостно.

— Ну, вотъ и привелъ Господь проводить Владычицу! Слава Тѣ, Господи,—говорили пришедшіе издалека богомольцы, собираясь во-свои, иные за сотню верстъ и больше отъ Казани.

— Слава Тѣ, Господи! Дождались матушку Пресвятую Богородицу! Привелъ Богъ встрѣтить Царицу Небесную, — на-

божно крестясь, говорили расходившіеся по домам горожане. И, встрѣчаясь съ знакомыми, весело и радостно поздравляли они другъ друга съ великимъ праздникомъ. У всѣхъ лица сіяли чистой, свѣтлой радостью. На что толстый, широкоплечій, со здоровенными кулаками, частный приставъ Хоменко, долго и неустанно возбуждавшій православныхъ къ благоговѣнію и порядку, даже и тотъ, остановясь у Тайницкихъ воротъ, раза два перекрестился усталою рукою... А затѣмъ, окинувъ съ высоты горы орлинымъ взоромъ разстилавшуюся внизу луговину и замѣтивъ на ней кучки богомольцевъ, тамъ и сямъ разсѣвшихся по травѣ, подозвалъ квартальнаго и зычнымъ голосомъ отдалъ приказъ:

— Ишь ихъ чертей что тамъ насѣло!.. Взять трехъ хожа-лыхъ да казаковъ. Для усиленія четырехъ подчасковъ — черезъ полчаса чтобъ не было народу на полѣ. У меня не зѣвать!

И меньше чѣмъ черезъ полчаса народу на полѣ не осталось ни одного человѣка.

По случаю торжества въ городской думѣ былъ завтракъ, стоившій двухъ обѣдовъ. Это городской голова угощалъ архіерея съ духовенствомъ, губернатора со властями и почетное купечество. Стерляди были уму помраченіе, разварной осетръ глядѣлъ богатыремъ, а кулебяка вышла такая, что первый знатокъ повареннаго дѣла, дюжій помѣщикъ, Петръ Александровичъ Кострильцовъ, хотѣлъ - было пальчики облизать, да застыдился. Онъ ограничилъ восторгъ свой тѣмъ, что издали низенько поклонился головѣ, сдѣлалъ ему ручкой и целкнулъ языкомъ. Голова, погладивъ бороду, собственноручно подлил хорошему человѣку вина и промолвилъ: «пожалуйте-съ»... Тостовъ было множество, пили всѣхъ и за вся. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, а въ Швейцаріи *), на дачѣ губернатора составился танцевальный вечеръ. Черезъ день въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатана была умилительная и въ высшей степени благонамѣренная статья о минувшемъ торжествѣ. Все въ ней было сказано, ни о чемъ не забыто — говорилось и о лазурныхъ небесахъ, и о майскомъ зефирѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ, не были забыты ни яркое солнце, сочувствовавшее ликованію благочестивыхъ жителей богоспасаемаго града, ни пѣсни жаворонка, ни осетры на завтракъ, ни благочестіе монаховъ Кижичкаго и особенно Зилантова монастыря, ни восхитительные наряды дамъ на танцевальномъ

*) Швейцаріей въ Казани называется загородное мѣсто, гдѣ устроены дачи горожанъ. Швейцаріи двѣ — нѣмецкая и русская.

вечеръ въ Швейцаріи, ни слезы умиленія, ни превосходный полицейскій порядокъ. Въ заключеніе упомянуто, что всѣ жители города, безъ малѣйшаго исключенія, безиредѣльно преданы душой и сердцемъ его превосходительству господину губернатору и видятъ въ немъ не начальника, а отца. Статья понравилась, и всѣ были увѣрены, что ее перепечатаютъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Губернаторъ, читая статью, прослезился, читали ее даже казанскія дамы, а редакторъ въ первое воскресенье былъ приглашенъ къ губернатору обѣдать, и послѣ обѣда губернаторша имѣла съ нимъ разговоръ о поэзіи въ чувствахъ.

Дѣла давно минувшихъ дней! А давно ли, кажется, были они?

Но возвратимся къ семейству Гаврилы Маркелыча. Тамъ жизнь не краснѣе, зато цѣльнѣе и непримѣръ своеобразнѣй.

Когда на луговинѣ передъ Кижипами встрѣтились крестные ходы, сдѣлалась такая тѣснота, такая толкотня и давка, что Маша не успѣла оглянуться, какъ ее оттѣснили отъ матери и чуть не сбили съ ногъ. Не видя вокругъ ни одного знакомаго лица, дѣвушка заплакала... Положеніе Маши, никогда не бывавшей на многолюдствѣ, въ самомъ дѣлѣ было трудное... Но нашелся избавитель. Красивый, статный молодой незнакомецъ взялъ трепетавшую отъ страха дѣвушку подъ руку, сильной рукой раздвинулъ толпу и вывелъ на просторъ полуживую Машу. Она оправляла помятое платье и, глядя по сторонамъ, искала своихъ. Растерявшись, не догадалась даже поблагодарить молодого человѣка, не взглянула даже на него хорошенько.

— Вы съ кѣмъ-съ? Съ маменькой, что-ли-съ? — спрашивалъ Марью Гавриловну ея избавитель, любуясь красотой плачущей дѣвушки.

— Съ маменькой... съ сестрицей... да еще бабушка съ нами... — отвѣчала Маша, всхлипывая.

— Не плачьте-съ... онѣ придуть... сейчасъ придуть-съ, — успокаивалъ ее молодой человѣкъ. — Будемте стоять здѣсь на одномъ мѣстѣ, непременно придуть-съ.

Взглянула Маша на молодого человѣка, и сердце у нея упало. Сроду не видала она такихъ красавцевъ. Да и гдѣ было видѣть ихъ, сидя дома, чуть не взаперти?

Скоро замѣтила она и мать и невѣстку, успѣвшихъ кое-какъ выдраться изъ толпы. Она подбѣжала къ нимъ. Когда всѣ ахали и охали, а Маша сказывала, что ее совсѣмъ было задавили, да спасибо добрый человѣкъ выручилъ, онъ подошелъ къ Залеговымъ. Мать поблагодарила его, но разговоръ

у нихъ не клеился. Узнали однакожь, что это былъ купеческій сынъ изъ Москвы, Евграфъ Макарычъ Масляниковъ, накануне прѣхавшій въ Казань, гдѣ знакомыхъ у него не было ни единого человѣка. Машина мать сказала Масляникову, кто они такіе и гдѣ живутъ. Затѣмъ разстались.

Не вздумай самъ Гаврила Маркелычъ послать жену съ дочерью на смотрины, была бы въ домѣ немалая свара, когда бы узналъ онъ о случившемся. Но теперь дѣло обошлось тихо. Ворчалъ Гаврила Маркелычъ вплоть до вечера, зачѣмъ становились на такое мѣсто, зачѣмъ не отошли въ-время, однако все обошлось благополучно — смякъ старикъ. Сказали ему про Масляникова, что, если-бъ не онъ, совсѣмъ бы задавили Машу въ народѣ. Поморщился Гаврила Маркелычъ, но шумѣть не сталъ.

— Какъ его зовутъ, говоришь ты? — спросилъ онъ жену.

— Евграфомъ Макарычемъ, — отвѣтила она.

— Изъ Москвы?

— Московскій, сказывалъ.

— Гм! Ужь не тотъ ли это Масляниковъ, чѣмъ домъ въ Сыромятникахъ? Макарычъ по отчеству-то? — спрашивалъ Гаврила Маркелычъ.

— Макарычъ.

— Пожалуй, что изъ нихъ, — молвилъ Гаврила Маркелычъ. — Старика-то Макарь Тихонычъ зовутъ; люди богатые, въ миллионѣ... Вотъ бы тебѣ, Маша, такого молодца подцѣпить, — прибавилъ онъ, обращаясь къ дочери.

Маша поникла головой и зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ.

— Чего краснѣть-то? — молвилъ отецъ: — дѣло говорю, нечего голову-то гнуть, чѣмъ кобыла къ овсу... Да если-бъ такое дѣло случилось, я бы тебя со всякимъ моимъ удовольствіемъ Масляникову отдалъ: одно слово, миллионеры, опять же и по нашему согласію — значить, по Рогожскому. Это по нашему состоянію дѣло не послѣднее... Ты это должна понимать... Чего глаза-то куксишь?.. Дура!

— Да я... тятенька... право, не знаю... — безсвязно говорила Маша, а у самой такъ и волнуется грудь, такъ и замираетъ сердце, такъ и подступаютъ рыданья, напрасно силится она сдержать ихъ, глядя на отца перепуганными глазами.

— Чего тутъ — тятенька! — ворчалъ свое Гаврила Маркелычъ. — Подчалъ такого жениха, коль на самомъ дѣлѣ сыномъ Макару Тихонычу приходится, я тебѣ, кажись, въ ноги поклонюсь, даромъ что отецъ, а ты мое рожденье... Ей-Богу, право, поклонился бы... Чего рюмишь? Понимаешь ли ты, глупая, чѣмъ такое означаетъ одно слово: Масляниковъ?.. То

пойми — миллионеры.. Вѣдь если бы Господь такую благодать послалъ, не то что тебя, насъ бы тогда рукой не достать!.. Чужихъ денегъ не бирывалъ, а отъ тебя, отъ своего рожденія, завсегда могу взять... Потому я тебя на свѣтъ породилъ... Пароходнице какой бы я тогда спяпалъ — понимаешь ты это, аль нѣтъ?.. Строять теперь на Балахиѣ «Сампсона», чуть не въ пятьсотъ силъ, я бы въ тысячу выстроилъ... Ты это понимать должна!.. Потому что ты дочь — мое рожденье... Такъ ли говорю?.. А?.. Такъ, аль не такъ?

Маша только рыдала.

— Хныкать-то нечего! — продолжалъ свое Гаврила Маркелычъ. — За умъ берись. Говорять тебѣ: причаливай жениха — лучше этого въ жизнь не будетъ... Богъ дастъ, завернетъ къ намъ, а не завернетъ, самъ пойду, разыщу, заманю... Смотри-жь у меня, Марья, — скачи передъ нимъ задомъ и передомъ — это ужъ ваши дѣвичьи ухватки, тутъ вашу сестру учить нечего, а чтобъ у меня этотъ женихъ былъ на причалѣ... Слышала?.. Мнѣ бы только пароходъ, а все прочее, какъ знаетъ Господь, такъ и устроить.. Его святая воля!.. Только ты у меня смотри, Марья, хоть и сказано тебѣ отъ отца, отъ родителя значить: причаливай Масляникова, а того не забывай — коли прежде вѣнца до грѣха дойдешь, живой тебѣ не быть. Мужа прилучай, а дѣвичью честь не порушай... Помни мое слово, ты ужъ не махонькая — все понимать должна.

Дня черезъ два молодой Масляниковъ пріѣхалъ къ Гаврилѣ Маркелычу будто китайку торговать, хоть ему ни до какой китайки дѣла не было. Китайки у Гаврилы Маркелыча не оказалось, работали ее только по заказамъ. Зашли разговоры о томъ, о семь, и Гаврила Маркелычъ съ удовольствіемъ узналъ, что гость его въ самомъ дѣлѣ сынъ московскаго богача Масляникова. Знакомство завязалось. Гаврила Маркелычъ частенько зазывалъ Евграфа Макарыча на вольномъ воздухѣ чайкомъ побаловаться, въ саду, въ бесѣдкѣ. Хоть Масляниковъ въ Казани былъ проѣздомъ и никакихъ дѣлъ у него тамъ не было, однако прожилъ недѣли три и чуть не каждый вечеръ распивалъ чай въ бесѣдкѣ Гаврилы Маркелыча, а иногда оставался на короткое время одинъ-на-одинъ съ Машей. Сначала они молчали, потомъ разговорились... Прошла недѣля, другая, третья, и — зоркій глазъ бабушки Абрамовны, лазившей зачѣмъ-то на чердакъ, подкараулилъ, какъ въ темномъ уголкѣ сада, густо заросшемъ вишеньемъ, Масляниковъ не то шепталъ что-то Машѣ на ухо, не то цѣловалъ ее. Сослѣпа старуха хорошенько не разглядѣла...

Пока Абрамовна раздумывала, сказать аль нѣтъ родителямъ про то, что подглядѣла, Масляниковъ, собравшись въ путь, попросилъ Гаврилу Маркелыча переговорить съ нимъ наединѣ о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Долго говорили они въ бесѣдкѣ, и кончился разговоръ ихъ тѣмъ, что Евграфъ Макарычъ весело распростился со всѣми, а Гаврила Маркелычъ обѣщался на другой день проводить его до пристани.

Воротаясь домой, Залетовъ говоритъ жепѣ:

— Помнишь, какъ вы тогда со смотришь изъ Кижницъ пришли? Шутки я тогда съ Марьей шутилъ, хорошо бы, молъ, Евграфа Макарыча подчалить? Шутки-то на правду стали походить.

— Что ты, Маркелычъ? — вскрикнула жена его. — Неужли въ самомъ дѣлѣ?

— Врать, что ли, стану? — закричалъ Гаврила Маркелычъ, да такъ, что жена маленько вздрогнула. — Посватался, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Что-жъ ты сказалъ, Маркелычъ? Какъ рѣшилъ? — спросила взволнованная мать.

— Нечего пока рѣшать-то, — отвѣтилъ Гаврила Маркелычъ. — Сказалъ, что тутъ прежде всего воля родительская, если, молъ, Макаръ Тихонычъ пожелаетъ съ нами родниться, мы, молъ, не прочь... Станемъ ждать вѣстей изъ Москвы... Да ты Марья-го покамѣсть не говори... нечего прежде времени дѣвку мутить. Да никому ни гу-гу, лучше будетъ.

Но Маша смекнула, что Масляниковъ сватался. Видя, что отецъ былъ необычайно ласковъ на прощаньи съ Евграфомъ Макарычемъ, даже на пароходъ проводилъ его, съ радостнымъ трепетомъ сердца она догадалась, что дѣло на ладъ пошло. Расцвѣла, повеселѣла дѣвушка, стала краше прежняго. Съ ранняго утра до поздняго вечера вольной пташкой распѣвала она, бѣгая по отцовскому садику, вспоминая, на какомъ мѣстѣ какія сладкія рѣчи говаривалъ ей желанный. Отецъ гораздо мягче сталъ, крику его больше не слышно, даже ласкалъ то и дѣло Машу. Бывало, придетъ въ садъ, взглянетъ на нее и молвить, улыбаясь:

— Не приустила-ль, Машенька? Что это день-денской ты по саду все строчишь?

— Нѣтъ, тятенька. Какая мнѣ усталъ? Не работа какая.

— Ну, гуляй, дѣвка, гуляй, пой свои цѣсенки, — молвить Гаврила Маркелычъ и своей дорогой поидеть.

Письмо изъ Москвы пришло, писалъ Евграфъ Макарычъ, что отецъ согласенъ дать ему благословенье, но напередъ хочеть познакомиться съ Гаврилой Маркелычемъ и съ будущей

невѣсткой. Такъ какъ наступала Макарьевская ярмарка, Евграфъ Макарычъ просилъ Залетова прїѣхать въ Нижній съ Марьей Гавриловной. Тутъ только сказали Машѣ про сватовство. Отвѣтила она обычными словами о покорности родительской волѣ: за кого, дескать, прикажете, тятенька, за того и пойду, а сама рѣзвѣй забѣгала по саду, громче и веселѣй заплѣла пѣсни свои.

— Человѣкъ онъ хорошій, — какъ-то сказалъ ей отецъ. — Любъ онъ тебѣ, Маша?

— Онъ добрый... пригожій такой... — краснѣя, проговорила Маша.

— Чтò пустяки-то городишь! — крикнулъ Гаврила Маркелычъ. — Пригожій!.. А какого шута тебѣ въ его пригожествѣ? Съ мужнина лица не воду пить; какого Богъ уродилъ, таковъ и будетъ — все едино... Тутъ главна причина, что одинъ сынъ у отца: рано ли, поздно ли всѣ капиталы ему безъ раздѣлу достанутся. Опять же люди они постоянные, благочестивые. Домъ богобоязненный, отъ кого ни послышишь. Вотъ это статья!.. Ты не на рожу, въ мощну гляди. Ужъ выдать бы мнѣ только тебя, Марья, за Масляникова, какой бы мы съ тобой пароходъ спустили!.. Первый по Волгѣ былъ бы!..

Старикъ Масляниковъ былъ старый вдовецъ. Схоронивъ Евграфову мать, женился онъ на молоденькой дѣвушкѣ, изъ бѣднаго семейства, но и та пожила недолго. Поговаривали, будто обѣ жены пошли въ могилу отъ кулаковъ благовѣрнаго. Въ третій разъ Макарь Тиховичъ жениться не хотѣлъ.

— Куда мнѣ, старому грибу, съ молодой женой возиться!.. Пора душу спасать, вѣкъ мой на исходѣ, — говаривалъ онъ свахамъ, зачастившимъ-было къ богатому вдовцу съ предложеньями своего товара. — Правда, — продолжалъ онъ: — безъ бабьяго духа въ домѣ пустымъ что-то пахнетъ, такъ у меня сыну двадцать первый пошелъ, выберу ему хорошу невѣсту, дамъ дѣла и капиталъ, а самъ запрусь да Богу молиться зачну. Мы свое изжили, наше время прошло, — молодымъ надо дорогу давать. Да и то сказать надо, не хочу отъ врага рода человѣческаго жену себѣ пойти, потому сказано: «перва жена отъ Бога, втора отъ людей, третья отъ бѣса».

Воротаясь изъ Казани, Евграфъ Макарычъ, замѣтивъ однажды, что недоступный, мрачный родитель его былъ въ веселомъ духѣ, осторожно повелъ рѣчь про Залетовыхъ и сказалъ отцу:

— Есть, молъ, у нихъ дѣвица очень хорошая, и если-бъ па то была родительская воля, такъ мнѣ бы лучше такой жены не надо.

— Ишь ты! — усмѣхнулся отецъ. — Я его на Волгу за дѣломъ посылалъ, а онъ дѣвокъ тамъ разыскивалъ. Счастливъ твой Богъ, что поставку хорошо обладилъ, не то бы я за такое твое малодушіе спину-то нагрѣлъ бы. У меня думать не смѣй самому невѣсту искать... Каку дать отецъ, таку и бери... Вотъ тебѣ и сказъ... А женить тебя въ самомъ дѣлѣ пора. Безъ бабы и по хозяйству все не ходко идетъ, да и въ дому жиломъ не пахнетъ... По осени безпремѣнно надо свадьбу сварганить, надоѣло безъ хозяйки въ домѣ.

— А развѣ, тятенька, у васъ есть на примѣтѣ? — взволнованнымъ голосомъ спросилъ Евграфъ.

— А тебѣ что за дѣло? Сыщу, такъ скажу.

Замолкъ Евграфъ Макарычъ, опустилъ голову, слезы на глазахъ у него выступили. Но не смѣлъ супротивъ родителя словечка промолвить. Цѣлу ночь онъ не спалъ, горюя о судьбѣ своей и на разные лады передумывая, какъ бы устроить, чтобъ отецъ его узналъ Залетовыхъ, чтобы Маша ему понравилась, и согласился бы онъ на ихъ свадьбу. Но ничего придумать не могъ. Одолѣла тоска, хоть руки наложить, такъ въ ту же пору.

Прошло съ недѣлю времени. Приѣхалъ однажды Макарь Тихонычъ изъ города развеселый. Сѣли обѣдать, говоритъ онъ сыну:

— Сегодня намъ съ тобой, Евграфъ, счастья Богъ послалъ — всю залежь, что ея въ лавкѣ ни было, съ рукъ спустилъ. Что ни было стараго, негодящаго товару, весь сбывъ, да еще за наличныя. Думалъ убытки нести, выпалъ барышъ, да какой!

— Кому же, тятенька, продали? — робко спросилъ Евграфъ Макарычъ.

— Послалъ Господь олуха. Благодарю Создателя!.. Изъ Сибири дуракъ приѣхалъ. Дѣла-то свои только-что начинаетъ, толку-то ни въ чемъ еще не смыслить. Молоденькій, вотъ какъ твое же дѣло, легковѣрный такой, что ему ни ври, всему вѣрить... Ужъ и объгорилъ же я его, обулъ, какъ Филю въ чортовы лапти!.. Ха-ха-ха!.. Не забудетъ до вѣку... Надо будетъ завтра на Рогожское съѣздить, Господа поблагодарить... Вели-ка послѣ обѣда приказчику пшеничной муки туда свезти, по кулю на каждую палату, да масла деревяннаго бутыли двѣ Богу на лампадки.

— Слушаю, батюшка.

— А вѣдь тебѣ дураку не удастся этакъ съ алтыномъ подъ полтну подѣхать! — хвалился Макарь Тихонычъ. — Посмотрю я на тебя, Евграфъ, толку-то въ тебѣ нисколько нѣтъ — ни

на маково зернышко... Помру — въ прахъ проторгуешься. Ей-Богу, помяни мое слово. Споровки, братецъ, до сихъ поръ не знаешь, какъ обойти покупателя, какъ ему намолоть съ три короба, чтобъ у него въ глазахъ помутило, въ мысляхъ бы затуманило. Да что про это толковать, — со вздохомъ прибавилъ Макаръ Тихонычъ: — известно дѣло, что глупому сыну и родной отецъ ума къ кожѣ не пришьеть... Развѣ воть какъ женю тебя, не будешь ли маленько поумнѣе?.. Да, чуть-было не забылъ спросить.. Намедни ты про Залетовыхъ поминалъ... Ъздитъ онъ къ Макарю, аль иѣтъ?

— Какъ же, тятенька! Ъздитъ, — немного оторопѣвъ отъ неожиданнаго вопроса, отвѣтилъ Евграфъ Макарычъ. — Въ казенномъ гостиномъ дворѣ въ китаечномъ ряду лавка у него, да въ деревянныхъ рядахъ мыломъ торгуешь.

— Такъ. Въ китаечномъ да въ мыльномъ... — раздумывалъ Макаръ Тихонычъ. — Это хорошо... Фабрика у него, сказываешь, да заводъ?

— Такъ точно, тятенька.

— Ладно... Оборотъ великъ?

— Не могу сказать, а, должно-быть, немалый... Гаврила же Матвѣичъ только на наличныя торгуешь, грошомъ не кредитуется, — отвѣчалъ Евграфъ.

— Дуракъ, значить, хоть его сегодня въ Новотроицкомъ за чаемъ и хвалили, — молвилъ Макаръ Тихонычъ. — Какъ же въ кредитъ денегъ аль товару не брать? Въ долги давать, пожалуй, не годится, а коль тебѣ деньги даютъ, да ты ихъ не берешь, значить, ты безмозглая голова. Бери, да коль статья подойдетъ, сколь можно и утани, тогда настоящее будетъ дѣло, потому купецъ тотъ же стрѣлецъ, чужой оплошки долженъ ждать. На этомъ вся коммерція зиждется... Много-ль за дочерью Залетовъ даетъ?

— Не знаю, тятенька, о томъ рѣчи не было. Какъ же бы смѣлъ я безъ вашего приказанья спросить? — отвѣчалъ Евграфъ Макарычъ.

— Это ты умно сказалъ!.. Обмолвился, должно-быть, — проговорилъ Макаръ Тихонычъ, выпивъ стаканъ холоднаго квасу и погладивъ сѣдую бороду. — Одинъ сынъ, говоришь, да дочь, только всего и дѣтей?

— Только, тятенька!

— Сынъ-отъ отдѣленъ?

— Нѣтъ еще, не отдѣленъ, — отвѣчалъ Евграфъ Макарычъ. — Далъ родитель ему расшивы на весь отчетъ, а прочее все при немъ.

— Такъ... — промычалъ Макаръ Тихонычъ. — Много хоро-

шаго про Залетова я слышанъ, — продолжалъ онъ, помолчавъ и поглядывая искоса на сына. — Съ кѣмъ въ городѣ ни заговоришь, опричь добраго слова ничего объ немъ не слышать... Вотъ чтò: у Макарья мы повидимся, и коли твой Залетовъ по мысли придется мнѣ, такъ и быть, благословлю — бери хозяйку... Дѣвка, сказываютъ, по всѣмъ статьямъ хороша... Почитала бы только меня да изъ моей воли не выходила, а про другое чтò, какъ сами знаете.

На этотъ разъ тѣмъ разговоръ и кончился. Но и этого много было Евграфу. На другой же день отписалъ онъ Гаврилѣ Маркелычу.

Поѣхали на ярмарку и Масляниковы и Залетовы. Свидѣлись. Макару Тихонычу и самъ Залетовъ по нраву пришелся. «Человѣкъ обстоятельный», — сказалъ онъ сыну по уходѣ его. Хотя слово то было брошено мимоходомъ, но, зная отцовскій нравъ, Евграфъ такъ обрадовался, что хотъ въ присядку.

Дня черезъ три завернулъ старикъ Масляниковъ въ китайскій рядъ, свидѣлся тамъ съ Гаврилой Маркелычемъ. Слово за слово. Залетовъ позвалъ гостя навѣрхъ въ палатку чайку напиться. Поломался маленько Макарь Тихонычъ, однако пошелъ. Тутъ увидалъ семейныхъ Гаврилы Маркелыча. Маша ему приглянулась.

— Дѣвка придется намъ ко двору, — молвилъ онъ сыну, воротаясь домой. — Экій ты плутъ какой, Евграфка! Кажись, и не доспѣлъ разумомъ, а какую паву выслѣдилъ — умному такъ въ пору. Какъ бы ты по торговой-то части такой же дока былъ, какъ на дѣвокъ, тебя бы, кажется, озолотить мало... Засылай сваху, дуракъ!..

— Тятенька! — виѣ себя отъ радости вскричалъ Евграфъ, кидаясь отцу въ ноги и цѣлуя его руки. — Тятенька! Благослови васъ Господи!

— Дуракъ! Не тебѣ меня благословлять, а мнѣ тебя... Ноги выше головы не растутъ, — угрюмо отвѣтилъ Макарь Тихонычъ, отстраняя Евграфа. — Чего лижешься, ровно теленокъ?.. Очумѣлъ?.. Ишь, какъ его прорвало!.. Сказано: сваху васылай — чего еще тебѣ?.. По всему видно, каковъ ты разумомъ: люди говорятъ: «дуракъ и посуленому радъ». Такъ и ты.

— Тятенька, тятенька! — говорилъ Евграфъ и смѣясь и заливаясь слезами. — Вы родитель мой... вы отецъ... глава... Не отталкивайте меня... Какъ Богъ, такъ и вы... батюшка!

— Да чего визжать-то? Сказано, есть на то воля родительская... Какого тебѣ еще лѣшаго?

Отыскалъ Евграфъ Макарычъ знакомую купчиху, попросилъ ее за сваху быть. Безъ свахи нельзя — старозавѣтный

обычай соблюсти необходимо. Рѣшили послѣ ярмарки ѣхать въ Москву и тамъ свадьбу играть. По настоящему-то, жениху бы съ родней надо было ѣхать къ невѣстѣ, да на это Макаръ Тихонычъ не пошелъ бы... Гордыня!.. Поѣдетъ такой богатей къ купцу третьей гильдіи!.. Какъ же!..

Полная свѣтлыхъ надеждъ на счастье, радостно покидала родной свой городъ Марья Гавриловна. Душой привязалась она къ жениху и, горячо полюбивъ его, ждала впереди длиннаго ряда ясныхъ дней, счастливаго житья-бытья съ милымъ избранникомъ сердца. Не омрачала тихаго покоя дѣвушки никакая дума, беззавѣтно отдалась она мечтамъ объ ожидавшей ее долѣ. Хорошее, счастливое было то время! Довѣрчиво, весело глядѣла Марья Гавриловна на міръ Божій.

Макаръ Тихонычъ непомѣрно былъ радъ дорогимъ гостямъ. Къ свадьбѣ все уже было готово, и, по приѣздѣ въ Москву, отцы рѣшили повѣнчать Евграфа съ Машей черезъ недѣлю. Уряжали свадьбу пышную. Хоть Макаръ Тихонычъ и далеко не миллионеромъ былъ, какъ думалъ сначала Гаврила Маркелычъ, однакожъ на половину миллиона все-таки было у него въ домахъ, въ фабрикахъ и въ капиталахъ — человекъ, значитъ, въ Москвѣ не изъ послѣднихъ, а сынъ одинъ... Стало-быть, надо такую свадьбу справить, чтобы долго о ней потомъ толковали.

Въ свадебныхъ хлопотахъ помолодѣлъ старикъ Масляниковъ, правомъ даже ровно переродился. Незамѣтно стало въ немъ порывовъ своенравія, всячески угождалъ онъ названымъ роднымъ, а къ невѣстѣ такъ былъ ласковъ, что всѣмъ знавшимъ крутой и мрачный нравъ его было то на великое удивленіе.

Вѣнчанье назначено. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Залетовъ, какъ водится, сдѣлалъ стговоръ на своей квартирѣ. Немало гостей съѣхалось, и все шло обычной чередой: пѣли дѣвушки свадебныя пѣсни, величали жениха со невѣстою, величали родителей, сваха плясала, дружка балагурилъ, молодежь веселилась, а рядомъ въ особой комнатѣ почетные гости сидѣли, пуншевали, въ трынку *) играли, про свои дѣла толковали. Макаръ Тихонычъ верховодилъ и, видя воздаваемый ему со всѣхъ сторонъ почетъ, вполне благодушествовалъ. Нерѣдко выходилъ онъ въ комнату, гдѣ молодежь справляла свое дѣло, подшучивалъ надъ товарищами Евграфа «нуге-ка, де-

*) «Трынка» — карточная игра, въ старину была изъ «подкаретныхъ» (кучера подъ каретами игравали), но впоследствии очень полюбилась купечеству, особенно московскому. Задорная игра.

скасть, сыщите другую такую королеву», подсаживался къ Машѣ, называлъ ее милою дочкой и, шутя, низко кланялся и просилъ, чтобъ она, сдѣлавшись хозяйкою, не согнала его, стараго хрыча, со двора долой, а покоила-бъ и берегла старость его да поскорѣй бы внучать народила ему. Маша краснѣла отъ шутокъ нареченнаго свекра, ласкалась къ нему робко, но такъ довѣрчиво, какъ не всякая дочь къ родному отцу ласкается. Глядя на жениха, утопала она въ счастье.

Ужинать сѣли. Какъ водится, жениха съ невѣстой рядомъ посадили, по другую сторону невѣсты усѣлся Макаръ Тихонычъ. Бесѣда шла веселая, вино рѣкой лилось — хорошо пировали. Вдоволь угостился Макаръ Тихонычъ, поминутно сыпалъ шутками. Въ концѣ стола, взглянувъ на невѣсту, сказалъ, обращаясь къ Гаврилѣ Маркелычу:

— Ну, сватушка, нечего сказать — умѣлъ дочку родить, умѣлъ и вырастить. Такой красавицы, такой умницы, пройди Москву насквозь съ огнемъ, не отыщешь.

— Какова есть—вся тутъ,—шутилъ Гаврила Маркелычъ.— Отдаемъ безъ обману.

— И молодцовъ такихъ, какъ Евграфъ Макарычъ, тоже съ огнемъ поискать,—думая польстить Макару Тихонычу, молвила Маша мать.—Тоже по всей Москвѣ другого такого, пожалуй, не найдется.

— Такихъ-то здѣсь непочатой уголь,—отвѣтилъ Макаръ Тихонычъ.— Много почище найдется.

— Гдѣ же много?—сказала Залетова.— Что-то ровно такихъ и не видать.

— А хоть бы я, напимѣрь?—отразилъ Масляниковъ, облокотясь на столъ и прищурясь на Машу.— Куда-жь ему ровняться со мной? У меня голова на плечахъ, а у него что? Тыква, не голова!

— Про это что говорить,—молвила Маша мать.—Только ужъ не прогнѣвайтесь, Макаръ Тихонычъ, старшій молодому не ровня, наше съ вами время прошло.

— Про это бабушка-то на двое сказала,—ляпнулъ подгулявшій Макаръ Тихонычъ.— Хоть сѣда борода, а за молодого еще постою. Можно развѣ Евграфу со мной ровнять? Да онъ ногтя моего не стѣдитъ... А гляди, какую королеву за себя брать вздумалъ... Не по себѣ, дуракъ, дерево клонишь — выбирай сортомъ подешевле,—прибавилъ онъ, обратясь къ оторопѣвшему сыну.

— Чтой-то вы, Макаръ Тихонычъ?—вступился Залетовъ.— Какъ же можно такъ обижать?

— Какая тутъ обиды? — кричалъ Масляниковъ.— Кому?..

Чать, Евграшка маленько сродни мнѣ приходится? Чтò хочу, то съ нимъ и дѣлаю — хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло изъ него пахтаю. Какая ему отъ меня обида быть можетъ?

Всѣ замолчали, видя разгорячившагося Макара Тихоныча.

— Чтò за шутки, сватушка?.. — молвила Машина мать. — Время-ль теперь?

— Какія шутки! — на всю комнату крикнулъ Макаръ Тихонычъ. — Никакихъ шутокъ нѣтъ. Я, матушка, слава Тебѣ, Господи, седьмой десятокъ правдой живу, шуткомъ сроду не бывалъ... Да чтò съ тобой, съ бабой, толковать — съ родителемъ лучше рѣшу... Слушай, Гаврила Маркелычъ, плюнь на Евграшку, меня возьми въ зятя — дѣло то непримѣръ будетъ ладнѣе. Завтра же за Марью Гавриловну домъ запишу, а опрочъ того пятьдесятъ тысячъ капиталу чистоганомъ вручу... Идетъ, что ли?

Женихъ пополовѣлъ — въ лицѣ ни кровинки. Зарыдала Марья Гавриловна. Увели ее подъ руки. Гаврила Маркелычъ совсѣмъ растерялся, захмелѣвшій Масляниковъ на сына накинулся, бить его вздумалъ. Гости одинъ по другому вонъ. Тѣмъ и кончился Машинъ сговоръ.

Всѣ думаютъ, захмелѣлъ старикъ за ужиномъ и, не помня себя, наговорилъ глупыхъ рѣчей. Но хмель со сномъ прошелъ, а блажь изъ головы Макара Тихоныча не вылѣзла. Шальная мысль, засѣвъ въ голову пьянаго самодура, ровно клиномъ забита была... «А дай-ка распотѣшу всѣхъ, — думалъ, проснувшись и потягиваясь на одинокой постели, Макаръ Тихонычъ: — семъ-ка женюсь въ самомъ дѣлѣ на Марьѣ. Пуцай Москва двѣ недѣли про мою свадьбу толкуетъ... Дѣвка же сдобная, важная — грудь копной, глаза такъ и прыгаютъ. Крѣпышъ дѣвка, ровно рѣпа — знатная будетъ жена!» — думалъ, подзадоривая себя, Макаръ Тихонычъ.

На утро вырядился, прямо къ Залетовымъ.

— Коли хочешь со мной родниться, — сказалъ Гаврилъ Маркелычу: — выдавай дочь за меня. Мой молокососъ рыломъ не вышелъ, перстика ея не стоить — какой онъ ей мужъ?.. Толковать много нечего, не люблю... Кончатъ, такъ разомъ кончай, дѣломъ не волочи... Угостилъ ты меня вечеръ на славу, Гаврила Маркелычъ, развеселое было у тебя пированье... Спасибо за угощенье... Ну, грѣшнымъ дѣломъ хоть и шумѣло у меня въ головѣ, и хоть то слово во хмелю было сказано, однакожь я завсегда правдой живу: отъ слова не пачусь. Отдашь за меня Марью Гавриловну, сегодня-жъ ей домъ и пятьдесятъ тысячъ въ опекуней совѣтъ на ея имя внесу... Ты это понимай, какъ оно есть, Гаврила Маркелычъ: все будетъ запи-

сапо на дѣвицу Марью Гавриловну Залетову, значить, если паче чаянїя помретъ бездѣтна, тебѣ въ родъ пойдетъ... А пароходъ мой, что на Волгѣ бѣгаетъ, знаешь, чать, *Смѣлый* прозывается, въ шестьдесятъ силъ, да двѣ баржи при немъ — это у меня тестю въ подарокъ сготовлено.

Вотъ онъ пароходъ-отъ!.. Вѣкъ думаль, гадалъ про него Гаврила Маркелычъ, совсѣмъ было-отчаялся, а онъ ровно съ неба упалъ. Затуманилось въ головѣ — все забылъ, — одинъ пароходъ въ головѣ сидитъ.

— Какъ же это будетъ?—раздумываль Гаврила Маркелычъ.

— Такъ же и будетъ, какъ сказываю,—отозвался Макаръ Тихонычъ. — А то, пожалуй, отдавай свою дочь и за Евграшку, перечить не стану, твое дѣтище, твоя надъ нимъ и воля. Только знай, что ему отъ меня мѣднаго гроша не будетъ ни теперъ ни послѣ... Бери зятя въ домъ, въ чемъ мать на свѣтъ его родила — гроша, говорю, Евграшкѣ не дамъ, — самъ женюсь, на комъ Богъ укажетъ, и все, что есть у меня, перепису на жену. А не женюсь, все добро до копейки размытарю... Съ цыганками пропью, въ трынку спущу, а Евграшкѣ мѣдной пуговицы не оставлю. Слово мое крѣпко.

Пароходъ, домъ, пятьдесятъ тысячъ, а пуще всего пароходъ... Взглянулъ Гаврила Маркелычъ на иконы, перекрестился, и, подавая руку Масляникову, сказалъ:

— Видно, есть на то воля Вожїа. Будь по-твоему, любезный зятюшка.

Обнялись старики, поцѣловались.

— Когда-жъ невѣстѣ-то станешь объявлять? — спросилъ новый женихъ.

— Какъ хочешь, — отвѣтилъ Гаврила Маркелычъ. — Хоть сегодня же. Привози только напередъ купчїя да билеты. Тутъ ей и скажемъ.

Нашла коса на камень. Попалъ топоръ на сучокъ... Думаль Масляниковъ посуломъ отѣхать, да не на такого попалъ... А сердце стариковское по красавицѣ разгорѣлось; крикнулъ Макаръ Тихонычъ, поморощился, однакожъ поѣхаль купчїя совершать и деньги въ совѣтъ класть.

На другой день отдалъ онъ бумагу и билеты нареченному тестю. Продали Машу, какъ буру корову.

Свадьбу сыграли. Передъ тѣмъ Макаръ Тихонычъ послалъ сына въ Урюпинскую на ярмарку. Маша такъ и не свидѣлась съ нимъ. Старый приказчикъ, приставленный Масляниковымъ къ сыну, съ Урюпинской повезъ его въ Тифлисъ, оттолъ на Крещенскую въ Харьковъ, изъ Харькова въ Ирбитъ, изъ Ирбита въ Симбирскъ на Сборную. Такъ дѣло и протянулось до

Пасхи. На возвратномъ пути Евграфъ Макарычъ гдѣ-то захворалъ и померъ. Болтали, будто руки на себя наложилъ. болтали, что опился съ горя. Богъ его знаетъ, какъ на самомъ дѣлѣ было.

Восемь лѣтъ выжила Марья Гавриловна съ ненавистнымъ мужемъ. Чтò мукъ стерпѣла, чтò брани перенесла, попрековъ, побоевъ отъ суроваго старика... Тому только удивляться надо, какъ жива осталась... Восемь лѣтъ какъ въ затворѣ сидѣла, изъ дому ни разу не выходила: старый ревнивецъ подь страхомъ потасовки къ окнамъ даже запретилъ ей подходить. Только и жила бѣдная памятью о миломъ сердцу да о тѣхъ немногихъ, какъ сонъ пролетѣвшихъ дняхъ сердечнаго счастья, чтò выпали на ея долю передь свадьбой. Истаяла вся, стала худа, желта и совсѣмъ опротивѣла мужу. Макарь Тихонычъ ядренныхъ, дородныхъ любилъ.

Совсѣмъ одичала Марья Гавриловна, столько лѣтъ никого не вида, окромѣ скитскихъ старицъ, прїѣзжавшихъ въ Москву за сборами. Другихъ женщинъ никого не позволялось ей принимать. Отецъ съ матерью померли, братнина семья далеко, а Масляниковъ строго-настрого запретилъ женѣ съ братомъ переписываться.

Впрочемъ, Макарь Тихонычъ человекъ былъ благочестивый, набожный, богомольный. На сгибахъ указательныхъ и среднихъ пальцевъ отъ земныхъ поклоновъ мозоли у него росли, и любилъ онъ выставлять на показъ эти признаки благочестія. Много денегъ жертвовалъ на скиты и часовни, не только всѣ посты соблюдалъ, понедѣльничалъ даже, потому и вѣроваль безъ сомнѣнія въ спасеніе души своей. Чтòбъ это было еще повѣрнѣе, въ домѣ читалку ради повседневной божественной службы завелъ. Случалось, что читалка, послѣ келейныхъ молитвъ, съ Макаромъ Тихонычемъ куда-то ночью въ его каретѣ ѣздила, но что-жь тутъ подѣлаешь? — врагъ силѣнъ, крѣпкихъ молитвенниковъ всегда наводитъ на грѣхъ, а брѣнному человеку какъ устоять противъ демонскаго стрѣлянія? И то надо помнить, что этотъ грѣхъ замолишь — плевое дѣло. Клади шесть недѣль по сту поклоновъ на день, отпой шесть молебновъ мученицѣ Фомандѣ, ради избавленія отъ блудныхъ страсти, все какъ съ гуся вода, — на томъ свѣтѣ не помянется.

Прїѣхала разъ въ Москву мать Манеѳа. Заговорили объ ней на Рогожскомъ. Макарь Тихонычъ давно ее зналъ и почиталъ чуть не за святую. Молил онъ матушку посѣтить его, тутъ-то и познакомилась съ нею Марья Гавриловна.

Мать Манеѳа наслышана была про судьбу бѣдной женщины и, вспоминая свое прошлое, поняла ея страданья. Коротко онѣ сблизились, Марья Гавриловна вполнѣ высказалась Манеѳѣ; ни съ кѣмъ никогда такъ по душѣ она не разговаривала, какъ съ нею. Игуменья плакала съ ней и утѣшала не мертвыми изреченіями старыхъ книгъ, а душевными словами женщины, испытавшей сердечное горе. Тихонько отъ Макара Тихоньча и отъ его читалки молилась Манеѳа съ Марьей Гавриловной за упокой раба Божія Евграфа. Молитвой, терпѣньемъ, упованьемъ на милость Господню Манеѳа учила ея врачевать наболѣвшее сердце. И слезы Марьи Гавриловны, послѣ каждой бесѣды съ игуменьей, казались ей не такъ горькіи, какъ прежде, а на душѣ становилось свѣтлѣй. Не водворялось въ этой душѣ сладкаго, мирнаго покоя, что бываетъ удѣломъ немногихъ страдающихъ, зато холодное безстрастіе, мертвенная притупленность къ ежедневнымъ обидамъ проникли все ея существо. Мало-по-малу перестала Марья Гавриловна ненавидѣть своего злодѣя, стала думать о немъ съ сожалѣньемъ. Даже на молитвѣ стала поминать мужа, а прежде и въ голову ей того не приходило.

Тогда Манеѳа бывала въ Москвѣ нерѣдко, и съ каждымъ прїѣздомъ ея Марья Гавриловна сильнѣй къ ней привязывалась. Дѣло понятное: кромѣ Евграфа, никто еще не относился къ ней съ истинной любовью. Отецъ продалъ ее за пароходъ, мать любила, но сама же уговаривала идти за старика, что хочеть ихъ всѣхъ осчастливить, брать... да что и поминать его, самъ онъ былъ у отца забитый сынъ, а теперь, разбогатѣвъ отъ вырученнаго за счастье сестры парохода, живетъ себѣ припѣваючи въ своей Казани, и нѣтъ объ немъ ни слуху ни духу. Мать Манеѳа всѣхъ дороже стала Марьѣ Гавриловнѣ.

На девятый годъ третьяго своего супружества, въ понедѣльникъ на масленицѣ, Макарь Тихоньчъ, накушавшись первыхъ блиновъ съ икрой у знакомаго и запивъ блины холоденькимъ, воротился домой, обругалъ хозяйку, прилечь на диванъ и отдалъ Богу спасенную душу свою.

На волю вышла Марья Гавриловна... Фабрика, домъ, деньги — все ея. Богатство, свобода, а не съ кѣмъ слова перемолвить...

Куда дѣваться двадцатипятилѣтней вдовѣ, гдѣ преклонить утомленную бѣдами и горькими напастями голову? Нѣтъ на свѣтѣ близкаго человѣка, одна, какъ персть, одна головня въ полѣ, не съ кѣмъ поговорить, не съ кѣмъ посоветоваться. На другой день похоронъ писала къ брату и къ матери Манеѳѣ, увѣдомляя о перемѣнѣ судьбы, звала ихъ въ Москву. Манеѳа

долго ждать себя не заставила. Много съ ней толковала молодая вдова, какъ и гдѣ лучше жить — къ брату ѣхать не хотѣлось Марьѣ Гавриловнѣ, а одной жить не приходится. Сказала Манеѳа:

— Да къ намъ милости просимъ, въ нашу святую обитель: мы бы васъ успокоили.

— Не могу я, матушка, снести иноческой жизни, — не въ силахъ черной рясы надѣть.

— А зачѣмъ ее надѣвать? — возразила игуменья. — У насъ обитель большая, мѣста вдоволь, желательно со мной жить, мѣсто найдется, хоть, правду сказать, тѣсненько вамъ покажется, послѣ этихъ хоромъ неприглядно. Не то поставьте себѣ келью, какую знаете, и живите въ ней со своими дѣвицами. Угодно къ службѣ Божией — ходите, не угодно — не взыщемъ. Будете жить на своемъ отчетѣ и на полной своей волѣ. А если насчетъ пищи или одежды безпокоитесь, такъ вы не въ числѣ обительскихъ будете: у насъ свой уставъ, у васъ будетъ свой, и скромное кушайте на здоровье, и цвѣтное носите.

Такъ расхвалила Манеѳа жизнь монастырскую, что Марьѣ Гавриловнѣ понравилось ея приглашенье. Жить въ уединеніи, въ тихомъ пріютѣ, среди добрыхъ людей, возлѣ матушки Манеѳы, бывшей во дни невзгодъ единственной ея утѣшительницей, — чего еще лучше?..

— А вы, сударыня Марья Гавриловна, вотъ какъ сдѣлайте, — совѣтовала ей Манеѳа. — Сорочины по покойникѣ придутся въ понедѣльникъ на шестой. До того изъ дому вамъ ѣхать нельзя: и люди осудятъ, и передъ Богомъ грѣшно... Каковъ ни былъ Макарь Тихонычъ, царство ему небесное, все же супругъ — простить надо его, сударыня, за всѣ озлобленія... молиться надо, успокоилъ бы Господь многомятежную душу его... Вотъ мы вмѣстѣ съ вами и помолимся... Если угодно, останусь у васъ до сорочинъ. Въ то время устройте дѣла, а на шестой недѣлѣ, если рѣки пропустятъ, поѣдемте къ намъ за Волгу. Пасха-то нынче ранняя, кажись бы, къ тому времени дорогамъ не надо испортиться. Страстную службу у насъ послушаете, Воскресеніе Христово встрѣтимъ, а потомъ и гостите у насъ, сколько заблагоразсудится... Посмотрите на наши обычаи, узнаете наше житье-бытье, а коли понравится, ставьте къ зимѣ келью себѣ, мѣстечко отведу хорошее, возлѣ самой часовни, и садикъ разведете, и все, что вамъ по мысли придется.

Марья Гавриловна согласилась. Когда братъ ея пріѣхалъ изъ Казани и сталъ уговаривать богатую сестру ѣхать къ

нему на житье, она ему наотрѣзъ отказала. Общались, впрочемъ, лѣтомъ побывать къ нему на короткое время въ Казань.

Явились наслѣдники, были предъявлены векселя покойника. Марья Гавриловна продала фабрику, раздѣлалась со всѣми безъ споровъ. У ней осталось больше двухсотъ тысячъ наличными да домъ полная чаша.

Къ Пасхѣ Манеѳа ворогилась въ Комаровъ съ дорогою гостьей. Марья Гавриловнѣ скитское житье показалось. И не мудрено: всѣ ей угождали, всѣ старались предупредить малѣйшее ея желанье. Непривыкшая къ свободной жизни, она отдыхала душой. Лѣтомъ купила въ сосѣднемъ городкѣ на свозъ деревянный домъ, поставила его на обительскомъ мѣстѣ, убрала, разукрасила и по первому зимнему пути перевезла изъ Москвы въ Комаровъ все свое имущество.

Москву, кромѣ горя, нечѣмъ было ей помянуть, и она преврала съ нею всѣ сношенія. Наслѣдники, очень довольные ея неприязнительностью, хоть и называвшіе ее за то дурой, кредиторы, которымъ съ другого безъ споровъ и скидокъ врядъ ли бы можно было получить свои деньги, писали къ ней ласковыя письма, она не отвѣчала. На родину, въ Казань, къ брату ѣздила. Тамъ и братняя семья и другіе родные и знакомые, помня Марью Гавриловну еще дѣвочкой, наперерывъ другъ передъ дружкой за ней ухаживали. И женихи закружились вокругъ богатой молодой вдовушки. Выгоднѣе ея по всему Поволжью врядъ ли другая невѣста была, но она никому ни словомъ ни взглядомъ не подала на успѣхъ надежды. Свахамъ отъ нея былъ одинъ отвѣтъ: «изъ скитовъ замужъ не выходятъ». И братъ и невѣстка пытались уговаривать Марью Гавриловну выбрать друга по мысли, но она на рѣчи ихъ только головой качала. Несмотря на неудачи, искатели не оставляли въ покоѣ богатой невѣсты... Пadoшло ей, и поспѣшила она уѣхать въ мирный пріютъ на Каменномъ Вражкѣ.

Тихо, спокойно потекла жизнь Марьи Гавриловны, зажили помаленьку сердечныя раны ея, время забвеньемъ крыло минувшія страданья. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то новая, небывалая, не испытанная дотолѣ тоска съ каждымъ днемъ росла въ тайникѣ души ея... Чего-то недоставало Марья Гавриловнѣ, а чего, и сама понять не могла, все какъ-то скучно, невесело... Ни степенныя рѣчи Манеѳы, ни рѣзвыя шалости Фленушки, ни разговоры съ Настей, которую очень любила Марья Гавриловна, ничто не удовлетворяло... Куда дѣваться?.. Чтò дѣлать?

Ото всѣхъ одалъ держалась Марья Гавриловна. Съ другими обителями вовсе не водила знакомства и въ своей только у Манеы бывала. Мать Вириная ей пришлось по душѣ, но и у той рѣдко бывала она. Жила Марья Гавриловна своимъ домкомъ, была у нея своя прислуга — привезенная изъ Москвы, молоденькая, хорошенькая собой дѣвушка Таня, было у ней отдѣльное хозяйство и свой столъ, на которомъ въ скоромные дни ставилось мясное.

Дочери Патапа Максимыча, жившія у тетки, понравились ей. Съ самаго прїѣзда въ скитъ, Марья Гавриловна ласкала дѣвушекъ, особенно Настю. Бывали у нея еще Фленушка съ Марьюшкой, другія рѣдко, и то развѣ по дѣлу какому.

Патапъ Максимычъ очень былъ доволенъ ласками Марьи Гавриловны къ дочерямъ его. Лестило его самолюбію, что такая богатая, изъ хорошаго рода женщина отличаетъ Настю съ Парашей отъ другихъ обительскихъ жительницъ. Сталъ онъ частенько навѣщать сестру и посылать въ скитъ Аксинью Захаровну. И Марья Гавриловна раза по два въ годъ ѣзжала въ Осиповку навѣстить добраго Патапа Максимыча. Принималъ онъ ее какъ самую почетную гостью, благодарилъ, что «дѣвчонокъ его» жалуетъ, учить ихъ уму-разуму.

Добра была до Патапа Максимыча Марья Гавриловна и во всемъ ему вѣрила... Капиталъ ея лежалъ въ опекунскомъ совѣтѣ, и часто предлагала она Чапурину взять у нея хоть всѣ двѣсти тысячъ на его обороты... Патапъ Максимычъ не соглашался, но, взявши не по силамъ подрядъ на горящину, поклонился Марьѣ Гавриловнѣ, и она дала ему двадцать тысячъ по векселю, срокомъ по 8-е іюля... По веснѣ увидаль Патапъ Максимычъ, что къ сроку денегъ ему не собрать, сказалъ про то Марьѣ Гавриловнѣ, и она его обнадежила, что готова хоть годъ, хоть и больше ждать, а когда придетъ срокъ — вексель она переишетъ.

Глава пятая.

За круглымъ столомъ въ уютной и красиво разубранной «кельѣ» сидѣла Марья Гавриловна съ Фленушкой и Марьей головщицей. На столѣ большой томпаковый самоваръ, дорогой чайный приборъ и серебряная хлѣбница съ такими кренделями и печеньями, какихъ при всемъ стараньи ужъ, конечно, не сумѣла бы изготовить въ своей келарнѣ добродушная мать Вириная. Марья Гавриловна привезла искусную повариху изъ Москвы — это ея рукъ дѣло.

Заспала ли Фленушка свою досаду, въ часовнѣ ли ее про-

молила, но, сидя у Марьи Гавриловны, была въ такомъ развеселомъ, въ такомъ разбитномъ духѣ, что чуть не плясать готова была. Да и заплясала бы и запѣла бы залихватскую пѣсенку, да стыдно было ей передъ Марьей Гавриловной. Недолюбливала вдовушка шумнаго веселья; опять же обитель — можно тамъ и поплясать, можно и пѣсенку сѣть, но все-жъ опасаячись, слава не пошла бы, не было бы на обитель нареканія. Все можно, все позволительно, только втайнѣ, чтобъ иголки никто не подточилъ. Тогда ничего: «тайно содѣянное тайно и судится». Такъ говорится въ обителяхъ.

Развеселая Фленушка такъ и заливалась, рассказывая Марьѣ Гавриловнѣ про гостины у Патапа Максимыча. Пересыпая рѣчь насмѣшками и издѣвками, описывала она именнинный пиръ и пересмѣивала пировавшихъ гостей. Всѣхъ перецыганила, и Манеѳу не помиловала. Очень ужъ расходилась, не стало удержу. До того увлеклась смѣхотворными рассказами, что, выскочивъ на середь горницы, пошла въ лицахъ представлять гостей, подражая голосу, походкѣ и ухваткамъ каждаго. Весело слушала Марья Гавриловна болтовню баловницы обительской и улыбалась на ея выходки. Марья головница держала себя сдержанно.

— Матушка идетъ, — выглядывая изъ передней, молвила хорошенькая, свѣженькая Таня, одѣтая не по-скитски, а въ «нѣмецкое» платье.

Поджала хвостъ Фленушка, какъ ни въ чемъ не бывало, чиннехонько усѣлась за столъ и скромно принялась за сахарную булочку... Марья Гавриловна сѣвшила въ переднюю навстрѣчу игуменьи.

Войдя въ комнату, Манеѳа уставно перекрестилась передъ иконами, поздоровалась съ Марьей Гавриловной, а та, какъ слѣдуетъ по чину обительскому, сотворила передъ нею два обычныхъ метанія.

— Садитесь-ка, матушка, — приглашала ее Марья Гаврилова, придвигая къ столу мягкое кресло. — Утомились въ келарнѣ-то. Покорно прошу чайку покушать, а мы ужъ, простите Христа ради, по чашечкѣ, по другой пропустили, васъ дожидаячи...

— На здоровье!.. Богъ благословить, — промолвила мать Манеѳа. — Гдѣ меня дожидаться?.. Дѣловъ-то у меня немало — совсѣмъ измаялась въ келарнѣ. Стара становлюсь, сударыня Марья Гавриловна, устаю: не прежни годѣ. Видно, стары кости захотѣли деревяннаго тулуша... Живымъ прахомъ брожу — вотъ что значать стары-то годы.

— Какіе еще ваши годы, матушка? — отвѣтила Марья Га-

вриловна, подавая чашку и ставя передъ игуменьей серебряную хлѣбницу. — Развѣ вотъ отъ хлопотъ отъ вашихъ? Это пожалуй... Очень вы ужъ заботны, матушка, всяку малость къ сердцу близко принимаете.

— Хлопоты, заботы само по себѣ, сударыня Марья Гавриловна, — отвѣчала Манеѳа. — Конечно, и онѣ не молодять, ину пору отъ думы-то и сонъ бѣжитъ, на молитвѣ даже умъ двоится, да это бы ничего — съ хлопотами да съ заботами можно бы при Господней помощи какъ-нибудь сладить... Да... Смолоду здоровьемъ я богата была, да молодость-то моя не радостями цвѣла, горемъ да печалями меркла. Теперь вотъ и отзывается. Да и годы ужъ немалые — на шестой десятокъ давно поступила.

— Что-жъ это за годы, матушка? — сказала Марья Гавриловна.

— Не въ годахъ сила, сударыня, — отвѣтила Манеѳа. — Не годы человѣка старять, горе, печали да заботы.. Какъ смолоду горя принято вдоволь, да потомъ какъ изъ заботъ да изъ хлопотъ ни день ни ночь не выходишь, поневолѣ раньше вѣку состаришься... Къ тому-жъ дѣло наше женское — слабое, недаромъ въ людяхъ говорится: «сорокъ лѣтъ — бабій вѣкъ». Какъ на шестой-отъ десятокъ перевалить, трудъ да болѣзнь только останутся... Поживите съ мое, увидите... вспомните слова мои... Ну, да ваше дѣло иное, Марья Гавриловна, хоть и знали горе, все-таки ваша жизнь иная была, — глубоко вздохнувъ, прибавила Манеѳа.

— Матушка! — быстро подхватила Марья Гавриловна, вскинувъ черными своими глазами на Манеѳу. — Жизнь мою вы знаете — это-ль еще не горе!..

— Всякому человѣку только свой крестъ тяжелъ, сударыня, — внушительно отвѣтила Манеѳа. — Все же видали вы красивые дни, хоть недалгое время, а видали... И вотъ теперь, привель Богъ, живете безъ думы, безъ заботы, аки птица небесная.. Печали человѣка только крушатъ, заботы сушатъ. Горе проходчиво, а забота какъ ржа ѣсть человѣка до смерти... А такихъ заботъ, какъ у меня грѣшной, у васъ и прежде не бывало и теперь не предвидится... Конечно, все во власти Божіей, а, судя по человѣчеству, кажись бы, и напередъ такихъ заботъ вамъ не будетъ, какія на мнѣ лежать. Вѣдь обителью править развѣ легкое дѣло? Семейка-то у меня, сами знаете, какая: сто почти человѣкъ — обо всякой подумай, всякой пить, ѣсть припаси, да порядки держи, да смотри за всѣми. Иѣтъ, не легко начальство держать... Такъ тяжело, сударыня, такъ тяжело, что, самой не испытавши, и понять

мудрено... Такъ вотъ какое мое дѣло, далеко не то, что ваше, Марья Гавриловна... Какія вамъ заботы? Все у васъ готово, чего только ни вздумали!.. Опять же и здоровьемъ не такія, какъ я въ ваши годы была. Оттого и старость позднѣй къ вамъ придетъ.

— Какъ про то знать напередъ? — сказала Марья Гавриловна: — все во власти Господней.

— Вѣстимо такъ, — отвѣтила Манеѳа и, немного помолчавъ, заговорила ласкающимъ голосомъ: — А я все насчетъ брата-то, сударыня Марья Гавриловна. Очень ужъ онъ скорбитъ, что за суетами да недосугами не отписалъ къ вамъ письмаца, на именины-то не позвалъ. Такъ скорбитъ, такъ кручинится, не поставили бы ему въ вину.

— Полноте, матушка, — отвѣчала Марья Гавриловна. — Вѣдь я еще давеча сказала вамъ... Затѣмъ развѣ я въ обители поселилась, чтобъ по пирамъ развѣзжать... Бывала прежде у Патапа Максимыча и еще какъ-нибудь сберусь, только не въ такое время, какъ много у него народу бываетъ...

— Да такъ-то оно такъ, — продолжала мать Манеѳа: — все-жъ однако гребитесь ему — не оскорбились ли?.. Такъ ужъ онъ васъ уважаетъ, сударыня, такъ почитаетъ, что и сказать невозможно... Фленушка, поди-ка, голубка, принеси коробокъ, что Марья Гавриловнѣ прислать.

— Напрасно это, матушка, право, напрасно, — говорила Марья Гавриловна, между тѣмъ какъ Фленушка, накинувъ шубейку, побѣжала по приказанію Манеѳы. — Скажите-ка лучше, какъ поживаетъ Патапъ Максимычъ? Аксинья Захаровна что?.. Дѣвочки ихнія какъ теперь?

— Слава Богу, — отвѣчала Манеѳа: — дѣла у брата, кажись, хорошо идутъ. Поставку новую взялъ на горящину, надѣется хорошіе барыши получить, только не знаетъ, какъ къ сроку послѣтъ. Много ли времени до весны осталось, а работниковъ мало, новыхъ взять негдѣ. Принялъ кой-кого, да не знаетъ, управится ли... Къ тому-жъ передъ самымъ Рождествомъ горемъ Богъ его посѣтилъ.

— Что такое случилось? — озабоченно спросила Марья Гавриловна.

— Знали-ль вы у него приказчика Савельича? — спросила мать Манеѳа.

— Какъ не знать, матушка, славный такой старичокъ, — отвѣтила Марья Гавриловна.

— Померъ вѣдь...

— Полноте?

— Померъ сердечный, — продолжала Манеѳа. — На Вве-

деньевъ день въ Городецъ на базаръ поѣхалъ, на обратномъ пути застанъ его вьюга, сбился съ дороги, плуталъ цѣлу ночь, промерзъ. Много-ль надо старику? Недѣлки три поболѣлъ и преставился...

— Царство небесное!.. — набожно перекрестясь, молвила Марья Гавриловна: — добрый былъ человекъ, хорошій. Марьюшка, — прибавила она, обращаясь къ головщицѣ: — возьми-ка тамъ у меня въ спальнѣ у иконъ поминанье. Запиши, голубушка, за упокой. Егоромъ никакъ звали? — обратилась она къ Манеѣ.

— Такъ точно, Георгіемъ.

— Прошу я васъ, матушка, соборнѣ канонъ за единоумершаго по новопреставленномъ рабѣ Божиемъ Георгіѣ отиѣтъ, — сказала Марья Гавриловна. — И въ сенаникѣ извольте записать его и трапезу на мой счетъ заупокойную по душѣ его поставьте. Все, матушка, какъ слѣдуетъ, исправьте, а потомъ, хоть завтра, что ли, дамъ я вамъ денегъ на раздачу, чтобъ годъ его поминали. Ужъ вы потрудитесь, раздайте, какъ кому заблагоразсудите.

— Благодаримъ покорно, сударыня, — молвила, слегка поклонясь, Манеѣ. — Все будетъ исправлено... Да, плохо, плохо стало братцу Патану Максимычу безъ Егора Савельича, — продолжала она. — Одно то сказать — двадцать лѣтъ въ дому жилъ, не шутка въ нынѣшнее время... Хотя не родня, а дороже родного сталъ. Правой рукой братцу былъ: и токарни всѣ у него на отчетѣ были, и красильни, и присмотръ за рабочими, и на торги ѣздилъ, — вѣрный былъ человекъ, — хозяйскую копейку пуце глаза берегъ. Такихъ людей нынѣ что-то мало и видится... Тужить по немъ братецъ, очень тужить.

— Какъ, матушка, не тужить по такомъ человекѣ! — отозвалась Марья Гавриловна. — Жаль, очень жаль старика. Какъ же теперь безъ него Патанъ Максимычъ? Нашелъ ли кого на мѣсто его?

— Взялъ человекъ, да не знаю, выйдетъ ли толкъ, — отвѣчала Манеѣ. — Царень, сказываютъ, по ихнимъ дѣламъ искусный, да молодъ больно... И то мнѣ за диковинку, что братецъ такъ скоро рѣшился приказчикомъ его сдѣлать. По всякимъ дѣламъ, по домашнимъ ли, по торговымъ ли, кажись, онъ у насъ не торопыга, а тутъ его ровно шиломъ кольнуло, прости Господи, сразу рѣшилъ... Каку-нибудь недѣлю выжилъ у него царень въ работникахъ, вдругъ какъ неожиданный карась въ вѣршу поцалъ... Приказчикомъ!..

— Откуда-жъ онъ добылъ его? — спросила Марья Гавриловна.

— Изъ окольныхъ, — отвѣтила Манеѣ. — Нанималъ въ то-

кари, да ровно онъ обошелъ его: недѣли, говорю, не жилъ— въ приказчики. Парень умный, смиренный и грамотникъ, да все-таки развѣ возможно человѣка узнать, когда у него губы еще не обросли? Двадцать лѣтъ съ чѣмъ-нибудь... Надо бы, надо бы постарше... Да что съ нашимъ Патапомъ Максимычемъ подѣлаешь, сами знаете, каковъ. Нравный человѣкъ— чего захочетъ, вынь да положь, никто перечить не смѣй. Вотъ хоть бы насчетъ этого Алексѣя...

— Какого Алексѣя?—спросила Марья Гавриловна.

— Да я все про новаго-то приказчика, — продолжала Манеѳа. — Хоть бы про него взять. Акинѣй Захаровиѣ братецъ хоть бы единое слово напередъ сказалъ, беру, молю, парня въ домъ, нѣтъ, сударыня. При гостяхъ къ слову пришлось, такъ молвилъ, тутъ только хозяйшкa и узнала. Говорила ему послѣ того Акинѣя Захаровна: «Хоть, молю, Алексѣй человѣкъ и хорошій, кроткій, и тихій, да ладно ли, говорить, будетъ молодому парню быть у насъ въ приближеньи? Уѣдешь ты на Низъ, аль въ Москву, останется онъ въ домѣ одинъ, другого мужчины нѣтъ. Долго-ль до славы? Ну, какъ зачнуть люди пустыя рѣчи про дочерей нести?.. Дѣвки на возрастъ...» Такъ и слушать, сударыня, не хочеть: — «Никто, говорить, не смѣетъ про моихъ дочерей пустыхъ рѣчей говорить; голу, говорить, сорву тому, кто посмѣетъ».

— Напрасно, — молвила Марья Гавриловна. — Живучи въ міру, отъ сплетенъ да отъ напраслины мудрено уйти. Падки люди до клеветы, матушка!

— Да не то что въ міру, сударыня, — сказала Манеѳа: — у насъ по обителямъ, кажись бы, этого и быть не должно, а развѣ мало клеветы да напраслинъ живетъ?.. Нѣтъ, гордостень больно Патапъ-отъ Максимычъ, такъ гордостень, что сказать невозможно. Не разъ я ему говаривала и отъ писанія вычитывала: «Послушай меня скудоумную, не хуже тебя люди рѣчи мои слушаютъ: не возносятся гордостью. Сатана на небесѣхъ сидѣлъ, а загордился, куда свалился? Навухоносоръ царь превыше себя никого быть не чаялъ, гордостью аки волю наполнился, за то Господь въ волю его обратилъ; фараонъ, царь египетскій, за гордость въ морѣ потопъ. Вотъ, говорю, цари были, а гордостью проклятой до чего дошли? Мы-то какъ, молю, загордимся, такъ куда годимся?»... И ухомъ не ведеть, сударыня.

Вошла Фленушка съ увѣсистымъ коробомъ. Вскрыли его, два фунта цвѣточнаго чаю вынули, голову сахару, конфеты, сушенныя плоды, пастилу, варенье и другія сласти.

— Напрасно это, право, напрасно, — говорила Марья Гаври-

ловна, когда Фленушка, вынимая изъ коробка гостинцы, раскладывала ихъ по столу. — Что это такъ безпокоится Патапъ Максимычъ?

— Нельзя, сударыня, — молвила Манеѳа. — Какъ же бы я съ именинъ безъ гостинцовъ прѣѣхала? Такъ не водится. Да и Патапъ Максимычъ что бы за человѣкъ былъ, если-бъ васъ не уважилъ? И то кручинится — не оскорбились ли.

— Да перестаньте, пожалуйста, говорить про это, матушка, — возразила Марья Гавриловна. — На умѣ у меня не было сътовать на Патапа Максимыча. Скажите-ка лучше, дѣвицы наши какъ поживаютъ, Настя съ Парашей?

— Живутъ помаленьку, — отвѣчала Манеѳа. — Въ Парашѣ мало перемѣны, такая же, а Настенька, на мои глаза, много измѣнилась съ той поры, какъ изъ обители уѣхала.

— Чѣмъ же, матушка? — спросила Марья Гавриловна.

— Да какъ вамъ сказать, сударыня? — отвѣтила Манеѳа. — Вы ее хорошо знаете, дѣвка всегда была скрытная, а въ головѣ думъ было много. Какихъ, никому, бывало, не выскажетъ... Теперь пуще прежняго — теперь и не сговоришь съ ней... Живши въ обители, все-таки подъ смиреньемъ была, а какъ отецъ съ матерью потачку дали, власти надъ собой знать не хочетъ... Вся въ родимаго батюшку — гордостная, нравная, своеобычная — все бы ей надъ какимъ ни на есть человѣкомъ покуражиться...

— Что вы, матушка? — возразила Марья Гавриловна. — Настенька дѣвица такая скромная.

— Нѣтъ въ ней смиренья ни на капельку, — продолжала Манеѳа: — гордыня, одно слово, гордыня. Такъ-то на нее посмотрѣть — ровно-бъ и скромная и кроткая, особливо при чужихъ людяхъ, опять же и сердца добраго, зато, коли что не по ней — такъ строптивая, такъ непокорна, что не глядѣла-бъ на нее... На что отецъ, много-то съ нимъ никто не говорить, и того, сударыня, упрямствомъ гнетъ подъ свою волю. Онъ же души въ ней не чааетъ — Настасья ему дороже всего.

— Значитъ, Настенька не даетъ изъ себя дѣлать, что другіе хотятъ? — молвила Марья Гавриловна.

Потомъ помолчала немного, съ минуту посидѣла, склоня голову на руку, и, быстро поднявъ ее, молвила:

— Не худое дѣло, матушка. Сами говорите: дѣвица она умная, добрая — и, какъ я ее понимаю, на правдѣ стоитъ; лжи, лицемерія капли въ ней нѣтъ.

— Да такъ-то оно такъ, сударыня, — сказала, взглянувъ на Марью Гавриловну и понизивъ голосъ, Манеѳа. — Къ тому только рѣчь моя, что, живучи столько въ обители, ни смире-

нію ни послушанію она не научилась... А это маленько обидно. Кому ни доведись, всякъ осудить мевя можетъ: тетка-де родная, а не сумѣла племянницу научить... Вотъ про что говорю я, сударыня.

— Ну, матушка, хорошо смиренье въ обители, а въ міру иной разъ никуда не годится, — взволнованнымъ голосомъ сказала Марья Гавриловна, вставая изъ-за стола.

Заложивъ руки за спину, быстро стала она ходить взадъ и впередъ по горницѣ.

— И въ міру смиреніе хвалы достойно, — говорила Манеѳа, опутивъ глаза и больше прежняго понизивъ голосъ. — Сказано: «Смиреніемъ міръ стоитъ: киченіе губить, смиреніе же пользуетъ... Смиреніе есть Богу угожденіе, уму просвѣщеніе, душѣ спасеніе, дому благословеніе, людямъ утѣшеніе»...

— Нѣтъ, нѣтъ, матушка, не говорите мнѣ этого, — съ горечью отвѣтила Марья Гавриловна, продолжая ходить взадъ и впередъ. — Мнѣ-то не говорите... Не терзайте душу мою... Не поминайте!..

Манеѳа стихла и заговорила ласкающимъ голосомъ:

— Не въ ту силу молвила я, сударыня, что надо совсѣмъ безотвѣтной быть, а какъ же отцу-то съ матерью не воздать послушанія? И въ писаніи сказано: «Не поживетъ дней своихъ, иже прогнѣвляеть родителей».

— А написано ли гдѣ, матушка, чтобъ родители по своимъ прихотямъ дѣтей губили? — воскликнула Марья Гавриловна, становясь передъ Манеѳой. — Сказано-ль это въ какихъ книгахъ?.. Ахъ, не поминайте вы мнѣ, не поминайте!.. — продолжала она, опускаясь на стулъ противъ игуменьи. — Забытъ, матушка, хочется... простить, — не поминайте же...

И навзрыдъ заплакала Марья Гавриловна. Фленушка съ Марьюшкой вышли въ другую горницу. Манеѳа, спустивъ на лобъ креповую наметку, склонила голову и, перебирая лѣстовку, шопотомъ творила молитву.

— Нѣтъ, матушка, — сказала Марья Гавриловна, отнимая платокъ отъ глазъ: — нѣтъ... Мало ли развѣ родителей, что изъ расчетовъ, аль въ угоду богатому, сильному человѣку своихъ дѣтей приводятъ на закланіе?.. Счастье отнимаютъ, въ пагубу кидаютъ ихъ?

— Бываетъ, — скорбно и униженно молвила мать Манеѳа.

— Не бываетъ развѣ, что отецъ по своенравію на всю жизнь губить дѣтей своихъ? — продолжала какъ полотно поблѣвшая Марья Гавриловна, стоя передъ Манеѳой и опираясь рукою на столъ. — Найдеть, примѣромъ сказать, дѣвушка человѣка пдъ сердцу, хорошаго, добраго, а родителю

забрeдeть въ голову выдать ee за нужнаго ему чeлoвѣка, и начнeтся тирaнствo... дѣвкa въ воду, парeнь въ пeтлю... А родитeль руками разводитъ да говоритъ: «Судьбa тaкaя! Богу тaкъ угоднo».

Слoвa Марьи Гавриловнѣ болѣзненно отдались въ самомъ глубокомъ тайникѣ Манеѣина сердца. Вспомнились ей затѣйныя рѣчи Якимушки, свиданья въ лѣсочкѣ, и кулаки разъяреннаго родителя... Вспомнился и паломникъ, бродящій по бѣлу свѣту... Взглянула игуменья на вошедшую Фленушку, и слезы заискрились на глазахъ ея.

— Нездоровится что-то, сударыня Марья Гавриловна, — сказала она, поднимаясь со стула. — И въ дорогѣ утомилась и въ келарнѣ захопоталась — я ужъ пойду... Прощенья просимъ, благодаримъ покорно за угощенье... Къ намъ милости просимъ... Пойдемъ, Фленушка.

И, приди въ келью, Манеѣа заперлась и стала на молитву... Но умъ двоится, и не можетъ она выжить изъ мыслей какъ изъ мертвыхъ возставшаго паломника.

Разговоръ съ Манеѣой сильно взволновалъ и Марью Гавриловну. Горе, что хотѣлось ей схоронить отъ людей въ тиши полумонашеской жизни, переполнило ея душу, истерзанную долгими годами страданій и еще не совсѣмъ исцѣленную. По уходѣ Манеѣы, оставшись одна въ своемъ домикѣ, долго бродила она по комнатамъ. То у одного окна постоять, то у другого, то присядеть, то опять зачнетъ ходить изъ угла въ уголъ. Вспоминались ей то минуты свѣтлой радости, что быстрой молніей мелькнули на ея житейскомъ поприщѣ, то длинный рядъ черныхъ годовъ страдальческой жизни. Ручьемъ катились слезы по блѣднымъ щекамъ, когда-то сиявшимъ пышной красотой, цвѣтущимъ здоровьемъ, свѣтлымъ счастьемъ.

На другой день по возвращеніи Манеѣы изъ Осиповки, рядчикъ Патапа Максимыча, старикъ Пантелей, пріѣхалъ въ обитель съ двумя возами усердныхъ приношеній. Сдавая припасы матери Танфѣ, Пантелей сказалъ ей, что у нихъ въ Осиповкѣ творится что-то неладное.

— Пятнадцать лѣтъ, матушка, въ домѣ живу, — говорилъ онъ: — кажется, всѣ бы ихніе порядки долженъ знать, а теперь ума не приложу, что у насъ дѣлается... Послѣ Крещенья нанялъ Патапъ Максимычъ работника-токаря, деревни Паромовой, крестьянскій сынъ. Парень молодой, взрачный такой изъ себя, Алексѣемъ зовутъ... И какъ будто здѣсь не просто, матушка, ровно околдовалъ этотъ Алексѣй Патапа Максимыча: недѣли не прожилъ, а хозяинъ ему и токарни и красильни

на весь отцеть... Какъ покойникъ Савельичъ былъ, такъ онъ теперь: и обѣдаетъ, и чай распиваетъ съ хозяевами, и при гостяхъ больше все въ горницахъ... Ровно сына родного возлюбилъ его Патапъ Максимычъ. Право, нѣтъ ли ужъ тутъ какого навожденія.

— Слышала, Пантелеюшка, слышала, — отвѣтила мать Таифа. — Фленушка вечеръ про то же болтала. Сказываетъ однакожъ, что этотъ Алексѣй умный такой и до всякаго дѣла доточный.

— Про это чтò и говорить, — отвѣчалъ Пантелей. — Парень — золото!.. Всѣмъ взялъ: и умень, и грамотей, и душа добрая... Самъ я его полюбилъ. Совсе непохожъ на другихъ парней — худого слова аль пустошныхъ рѣчей отъ него не услышишь: годами молодъ, разумомъ старъ... Только все же, сама посуди, возможно-ль такъ приближать его? Парень холстой, а у Патапа Максимыча дочери.

— Правда твоя, правда, Пантелеюшка, — охая, подтвердила Таифа. — Молодымъ дѣвицамъ съ чужими мужчинами въ одномъ домѣ жить не годится... Да не только жить, видаться-то почасту и то опасливое дѣло, потому человекъ не камень, а молодая кровь горяча... Поднеси свѣчку къ сѣну, нешто не загорится?.. Такъ и это... Долго-ль тутъ до грѣха? Недаромъ люди говорятъ: «береги дѣвку, чтò стеклянну посуду, грѣхомъ разбибешь — вѣкъ не починишь».

— Пускай до чего до худого дѣло не дойдетъ, — сказала на то Пантелей: — потому дѣвицы онѣ у насъ разумныя, до пустяковъ себя не доведутъ... Да вѣдь люди, матушка, кругомъ, народъ же все непостоянный, зубоскаль, только бы посудачить имъ да всякаго пересудить... А къ богатымъ завистливы. На глазахъ лебезятъ хозяину, а чуть за уголь; и пошли его ругать да цыганить... Чего добраго, такихъ сплетокъ налетуютъ, такую славу распустятъ, что не приведи Господи. Сама знаешь, каковы нынѣшнии люди.

— Чтò и говорить, Пантелеюшка! — вздохнувъ, молвила Таифа. — Разсѣялъ врагъ по людямъ злобу свою да неправду, гордость, зависть, человеконенавидѣніе! Охо-хо-хо-хо!

— Теперь у насъ какое дѣло еще!.. Просто бѣда — всѣ можемъ пронасть, — продолжалъ Пантелей. — Не знаемо какой человекъ съ Дюковымъ съ купцомъ наѣхалъ. Сказываетъ, отъ епископа насланъ, а на мои глаза ровно бы какой проходимецъ. Сидитъ съ ними Патапъ Максимычъ, съ этимъ проходимцемъ да съ Дюковымъ, замкнувшисъ въ подклѣтѣ, чуть не съ утра до ночи... И такія у нихъ дѣла, такія затѣи, что подумать страшно... Не епископомъ, а бѣсомъ смущать

на худыя дѣла посланъ къ намъ тотъ проходимецъ... Теперь хозяинъ ровно другой сталъ: ходитъ одинъ, про что-то самъ съ собой бормочетъ, зачнетъ по пальцамъ считать, ходитъ-ходить, да вдругъ и станетъ на мѣстѣ, какъ вкопанный, постоитъ маленько, опять зашагаетъ... Не къ добру, не къ добру, къ самой послѣдней гибели!.. Боюсь я, матушка, охъ, какъ боюсь!.. Сама посуди, живу въ домѣ пятнадцать лѣтъ, пріобыкъ, я же безродный, ни за мной ни передо мной никого, я ихъ замѣсто своихъ почитаю, голову готовъ положить за хозяина... Ну, да какъ бѣда-то стряется?.. Охъ, Ты, Господи, Господи, и подумать такъ страшно.

— Что-жъ они затѣвуютъ? — спросила Таифа.

— Затѣвуютъ, матушка... охъ, затѣвуютъ... А зачинщикомъ этотъ проходимецъ, — отвѣчалъ Пантелей.

— Что-жъ за дѣло такое у нихъ, Пантелеюшка? — выпытывала у него Таифа.

— Кто ихъ знаетъ?.. Понять невозможно, — отвѣчалъ Пантелей. — Только сдается, что дѣло нехорошее. И Алексѣй этотъ тоже цѣлыя ночи толкуетъ съ этимъ проходимцемъ, прости Господи. Въ одной боковушѣ съ нимъ и живетъ.

— Да кто-жъ такой этотъ человѣкъ? Откуда?.. Изъ какихъ мѣстовъ? — допытывалась мать Таифа.

— Родомъ будто изъ здѣшнихъ. Такъ сказывается, — отвѣчалъ Пантелей. — Патапу Максимычу, слышь, сызмальства былъ знаемъ. А зовутъ его Якимъ Прохорычъ, по прозванью Стуколовъ.

— Слыхала я про Стуколова Якима, слыхала смолоду, — молвила мать Таифа. — Только тотъ безъ вѣсти пропалъ, годовъ двадцать тому, коли не больше.

— Пропадалъ, а теперь объявился, — молвилъ Пантелей. — Про странства свои намедни разсказывалъ мнѣ, гдѣ-то, гдѣ ни бывалъ, какихъ земель ни видывалъ, коли только не вретъ. И, признаться, ему больше на лобъ да на скулы гляжу. Думаю, не клалъ ли ему палачъ отмѣтинъ на площади...

— Ну ужъ ты! Епископъ, говоришь, прислалъ? — сказала Таифа. — Пошлетъ развѣ епископъ каторжнаго!..

— Говорить, отъ епископа, — отвѣчалъ Пантелей: — а можетъ, и вретъ.

— А если отъ епископа, — замѣтила Таифа: — такъ, можетъ, толкують они, какъ ему въ наши мѣста прибыть. Дѣло опасное, надо тайну держать.

— Коли-бъ насчетъ этого, танться отъ меня бы не стали, — сказалъ на то Пантелей. — Попа ли привезти, другое ли что — завсегда я справляю. Нѣтъ, матушка, тутъ другое что-нибудь...

Опять же, если-бъ насчетъ прїѣзда епископа — стали бы развѣ отъ Аксиньи Захаровны тантъся, а то вѣдь и отъ нея тайкомъ... Опять же матушка Манеѣа гостила у насъ, съ кѣмъ же бы и совѣтоваться, какъ не съ ней... Такъ ибѣтъ, она всего только разъ и видѣла этого Стуколова... Гости два дня гостили, а онъ все время въ боковушѣ сидѣлъ... Пѣтъ, матушка, тутъ другое, совсѣмъ другое... Охъ, боюсь я, чтобъ онъ Патапа Максимыча на недоброе не навелъ!.. Оборони, Царю Небесный!

— Да что - жь ты полагаешь? — сторая любопытствомъ, спрашивала Таифа. — Скажи, Пантелеюшка... Сколько лѣтъ меня знаешь?.. Безъ пути лишнихъ словъ болтать не охотница, всяка тайна у меня въ груди, какъ огонь въ кремнѣ, скрыта. Опять же и сама я Патапа Максимыча какъ родного люблю, а ужъ дочекъ его, такъ и сказать не умѣю, какъ люблю, ровно бы мои дѣти были.

— Да такъ-то оно такъ! — мялся Пантелей: — все же опасно мнѣ... Развѣ вотъ чтѣ... Матушкѣ Манеѣѣ самъ я этого сказать не посмѣю, а такъ полагаю, что если-бъ она хорошенько поговорила Патапу Максимычу, остерегла бы его да поначалила, можетъ статья, онъ и послушался бы.

— Наврядъ, Пантелеюшка! — отвѣтила, качая головой, Таифа. — Не такого складу челоуѣкъ. Наврядъ послушаетъ. Упрямъ вѣдь онъ, упоренъ, такихъ самонравовъ поискать. Не больно матушки-то слушаетъ.

— Дѣло-то такое, что если матушка ему какъ слѣдуетъ выскажетъ, онъ, пожалуй, и послушается, — сказалъ Пантелей. — Дѣло-то вѣдь такое!.. Къ палачу въ ланы можно угодить, матушка, въ Сибирь пойти на каторгу!..

— Чтѣ ты, Пантелеюшка! — испугалась Таифа. — Ай, какія ты страсти сказалъ!.. На душегубство, что ли, совѣтуютъ?

— Экъ тебя куда хватило!.. — молвилъ Пантелей. — За одно развѣ душегубство на каторгу-то идутъ? Мало-ль передъ Богомъ да передъ великимъ государемъ провинностей, за которы ссылають... Охо-хо-хо!.. Только вздумаешь, такъ сердце ровню кпяткомъ обварить.

— Да сказывай все по ряду, Пантелеюшка, — приставала Таифа. — Коли такое дѣло, матушка и впрямъ его разговорить можетъ. — Тоже сестра, кровному зла не пожелаетъ... А поговорить учительню да усовѣститъ челоуѣка въ напасть грядущаго, гдѣ другую сыскать супротивъ матушки?

Долго колебался Пантелей, но Таифа такъ его уговаривала, такъ его умасливала, что тотъ наконецъ подѣлился своей тайной:

— Только смотри, мать Таифа, — сказалъ напередъ: — опричь матушки Манеы словечка никому не моги проронить, потому, коли молва разнесется — бѣда... Ты мнѣ напередъ передъ образомъ побожись.

— Божиться не стану, — отвѣтила Таифа. — И мірскимъ великій грѣхъ божиться, а иночеству паче того. А если излишь, вотъ тебѣ по евангельской заповѣди, — продолжала она, поднимая руку къ иконамъ: — буди тебѣ: ей, ей.

И, положивъ семипоклонный началъ, взяла изъ кіота мѣдный крестъ и поцѣловала.

Потомъ, сѣвъ на лавку, обратилась къ Пантелею.

— Говори же теперь, Пантелеюшка, заклѣта душа моя, запечатана...

— Дюкова купца знаешь? — спросилъ Пантелей: — Сампсона Михайловича?

— Наслышана, а знать не довелось, — отвѣтила Таифа.

— Слышала, что годовъ десять али больше тому судился онъ по государеву дѣлу, въ острогѣ сидѣлъ?

— Можетъ, и слышала, вѣрно сказать не могу.

— Судился онъ за мягкую денежку, — продолжалъ Пантелей. — Хоша Дюкова въ томъ дѣлѣ по суду выгородили, люди толкуютъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ дѣломъ займовался. Хоть самъ, можетъ, монеты и не коваль, а съ монетчиками дружбу водилъ и работу ихнюю переводилъ... Про это всѣ тебѣ скажутъ — кого ни спроси... Недаромъ каждый годъ разъ по десяти въ Москву ѣздитъ, хоть торговыхъ дѣлъ у него тамъ сроду не бывало, недаромъ и на Ветлугу частенько наѣзжаетъ, хоть ни лѣсомъ ни мочалой не промышляетъ. Да и скрытнѣй такой — все молчитъ, слова отъ него не добьешься.

— Такъ что же? — спросила Таифа.

— А то, что этотъ самый Дюковъ того проходимца къ намъ и завезъ, — отвѣчалъ Пантелей. — Дѣло было наканунѣ именинъ Аксиньи Захаровны. Приѣхали нежданные, незванные — ровно съ неба свалились. И все-то шепчутся, ото всѣхъ хоронятся. Добрые люди такъ развѣ дѣлають?.. Коли нѣтъ на умѣ дѣла, зачѣмъ людей таиться?

— Извѣстно дѣло, — отозвалась Таифа. — Что-жъ они Патаца-то Максимыча на это на самое дѣло и смущають?

— Похоже на то, матушка, — сказалъ Пантелей: — по крайности такъ моимъ глупымъ разумомъ думается. Словно другой хозяинъ сталъ, въ раздумѣе все ходитъ... И ночью, подмѣтилъ я, встанетъ да все ходитъ, все ходитъ и на пальцахъ считаетъ. По дѣлу какому къ нему и не подступайся — что ни говори, ровно не понимаетъ тебя, махнетъ рукой, либо

зарычить: «убирайся, не мѣшай!»... А чего мѣшать-то?.. Никакого дѣла пятый день не дѣлается... И по токарнямъ и по красильнямъ все стало... Новый-отъ приказчикъ Алексѣй тоже ни за чѣмъ не смотритъ, а Патапу Максимычу это ни почемъ. Все по тайности съ нимъ толкуетъ... А работники, извѣстно дѣло, народъ вольница, видятъ, нѣтъ призору, и пошли черезъ пень колоду валить.

— Да почему-жъ ты думаешь, что они насчетъ фальшивыхъ денегъ? — спросила Таифа.

— А видишь ли, матушка, — сказалъ Пантелей. — Третьяго дня, ходивши цѣлый день по хозяйству, зашелъ я въ сумерки въ подклѣтъ и прилежъ на полати. Заснулъ... только меня ровно кто въ бокъ толкнулъ — слышу разговоры. Рядомъ тутъ приказчикова боковуша. Слышу, тамъ говорятъ, а сами впотѣмахъ... Слышу Стуколова голосъ и Патапа Максимыча. Дюковъ тутъ же былъ, только молчалъ все, и Алексѣй тутъ же. Ну и наслушался я, матушка.

— Что-жъ они, Пантелеюшка? — съ нетерпѣньемъ спрашивала Таифа. — Про эти самыя фальшивыя деньги и толкуютъ?.. Ахъ, Ты, Господи, Господи, Царь Небесный!..

— Вѣрно такъ, — отвѣтилъ Пантелей. — Начала-то ихняго разговора я не слыхалъ — проспалъ, а очнулся, пришелъ въ себя, слышу, толкуютъ про золотые пески, что по нашимъ мѣстамъ будто бы водятся; Ветлугу поминаютъ. Стуколовъ высчитываетъ, какіе капиталы они наживутъ, если примутся за то дѣло... Не то что тысячи, миліоны, говоритъ, будете имѣть... Про какіе-то снаряды поминаль... Такъ и говоритъ: «мытъ золото» надо этими снарядами... И про то сказывалъ, что люди къ тому дѣлу есть у него на примѣтъ, да и самъ, говоритъ, я того дѣла маленько мерѣкаю... Смущаетъ хозяина всячески, а хозяинъ тому и радъ — торопитъ Стуколова, такъ у него и загорѣлось — сейчасъ же вынь да положь, сейчасъ же давай за дѣло приматься. Стуколовъ говоритъ ему: пока снѣгъ не сойдетъ, къ дѣлу приступать нельзя. А потомъ, слышу, на Ветлугу хозяинъ собирается... Вотъ и дѣла!..

— Ахъ дѣла, дѣла!.. Ахъ, какія дѣла! — охаетъ мать Таифа. — Такъ-таки и говорятъ: «станутъ фальшивыя деньги дѣлать»?

— Напрямикъ такого слова не сказано, — отвѣчалъ Пантелей: — а понимать надо такъ — какой же по здѣшнимъ мѣстамъ другой золотой песокъ можетъ быть? Опять же Ветлугу то и дѣло поминаютъ... Не знаешь развѣ, чѣмъ на Ветлугѣ народъ займется?

— А чѣмъ, Пантелеюшка? — спросила мать Таифа.

— Лѣса тамъ большущіе — такая палестина, что версть по пятидесяти ни жила ни дорогъ нѣту, — развѣ гдѣ тропинку найдешь. По этимъ по самымъ лѣсамъ землянки ставлены, въ однихъ старцы спасаются, въ другихъ мужики мягку деньгу куютъ.... Вотъ чтò значить Ветлуга... А ты думала, тамъ только мочаломъ да дубомъ промышляютъ?

— Ахъ, дѣло-то, какое дѣло-то!.. Матушка Царица Небесная!.. — причитала мать Таифа.

— То-то и есть, чтò значить наша-то жадность? — раздумчиво молвилъ Пантелей. — Чего еще надо ему? Такъ нѣтъ, все мало... Хотѣлъ-было поговорить ему, боюсь... Скажи ты при случаѣ матушкѣ Манеѣ, не отговоритъ ли она его... Думалъ молвить Аксинѣ Захаровнѣ, да пожалѣлъ — станеть убиваться, а зачнетъ ему говорить, на грѣхъ только наведеть... Не больно онъ рѣчи-то ея принимаетъ... Развѣ матушку не послушаетъ ли?

— Не знаю, Пантелеюшка, — сомнительно покачавъ головою, отвѣчала Таифа. — Сказать ей скажу, да врядъ ли послушаетъ матушку Патапъ Максимычъ. Вѣдь онъ какъ забереть чтò въ голову, указчики ступай прочь да мимо.... А сказать матушкѣ скажу... Какъ не сказать!..

Въ тотъ же день вечеромъ Таифа была у игуменьи. Доложивъ ей, что присланные припасы приняты по росписи, а ветчина припрятана, она, искоса поглядывая на ключницу Софію, молвила Манеѣ вполголоса:

— Мнѣ бы словечко вамъ сказать, матушка.

— Говори, — отвѣтила Манеѣ.

— Съ глазу бы на глазъ.

— Чтò за тайности? — не совсѣмъ довольнымъ голосомъ спросила Манеѣ. — Ступай покамѣсть вонъ, Софьюшка, — прибавила она, обращаясь къ ключницѣ.

— Ну, какія у тебя тайности? — спросила игуменья, оставшись вдвоемъ съ Таифой.

— Да насчетъ Патапа Максимыча, — зачала-было Таифа.

— Чтò такое насчетъ Патапа Максимыча? — быстро сказала Манеѣ.

— Не знаю, какъ и говорить вамъ, матушка, — продолжала Таифа. — Такое дѣло, что и придумать нельзя.

— Толкомъ говори... Мямлить, мямлить, понять нельзя!.. — нетерпѣливо говорила Манеѣ.

— Смущаютъ его недобрые люди, на худое дѣло смущаютъ, — отвѣчала мать казначея.

— Сказано: не мямли, — крикнула игуменья, даже ногой топнула. — Кто наущаетъ, на какое дѣло?

— Фальшивы деньги ковать... — шопотомъ промолвила мать Таифа.

— Съ ума сошла? — вся побагровѣвъ, вскрикнула Манеѳа и, строго глядя въ глаза казначеѣ, промолвила: — Кто навралъ тебѣ?

— Пантелей, матушка, — опустя голову, смиренно сказала Таифа.

— Пустомеля!.. Стыда во лбу нѣтъ!.. Чтѣ городить!.. Онъ отъ кого узналъ? — въ тревогѣ и горячности, быстро взадъ и впередъ ходя по кельѣ, говорила Манеѳа.

— Ихній разговоръ подслушалъ... — отозвалась мать Таифа.

— Подслушалъ? Гдѣ подслушалъ?

— На палатахъ лежалъ, въ подклѣтѣхъ у нихъ... Спалъ, а проснулся и слышитъ, что Патапъ Максимычъ въ боковушѣ съ гостями про анаоемское дѣло разговариваетъ.

— Ну?

— И толкуютъ, слышь, они, матушка, какъ добывать золотыя деньги... И снаряды у нихъ припасены ужъ на то... Да все Ветлугу поминаютъ, все Ветлугу... А на Ветлугѣ тѣ плутовскія деньги только и работаютъ... По тамошнимъ мѣстамъ самый корень этихъ монетчиковъ. Къ нимъ-то и собираются ѣхать. Жалѣючи Патапа Максимыча, Пантелей про это мнѣ за великую тайну сказалъ, чтобы кромѣ тебя, матушка, никому я не открывала... Самъ чуть не плачетъ... Молви, говоритъ, Христа ради, матушкѣ, не отведетъ ли она братца отъ такого поскуднаго дѣла...

— Съ кѣмъ же были разговоры? — угрюмо спросила Манеѳа.

— А были при томъ дѣлѣ, матушка, трое, — отвѣчала Таифа: — новый приказчикъ Патапа Максимыча, да Дюковъ купецъ, а онъ прежде въ острогѣ за фальшивыя деньги сидѣлъ, хоть и не приличонъ остался.

— Третій кто? — перебила Манеѳа.

— А третій всему дѣлу заводчикъ и есть... Привезъ его Дюковъ, а Дюковъ по этимъ деньгамъ первый здѣсь воротила... Стуколовъ какой-то, отъ епископа будто присланъ...

Подкосились ноги у Манеѳы, и тяжело опустилась она на лавку. Голова поникла на плечо, закрылись очи, чуть слышно шептала она:

— Господи помилуй!.. Господи помилуй!.. Царица Небесная!.. Что-жъ это такое?.. Въ умѣ мутится... Ахъ, злодѣй онъ, злодѣй!..

И судорожныя рыданья перервали рѣчь. Манеѳа упала на лавку. Кликнула Таифа ключницу и вмѣстѣ съ нею отнесла на постель безчувственную игуменью.

Засуетились по кельямъ... «Съ матушкой попритчилось!..

Матушка умираетъ!»,— передавали однѣ келейницы другимъ, и черезъ нѣсколько минутъ вѣсть облетѣла всю обитель... Соплились матери въ игуменьину келью, пришла и Марья Гавриловна. Всѣ въ слезахъ, въ рыданьяхъ. Фленушка, стоя на колѣняхъ у постели и склонивъ голову къ рукѣ Манеѣы, ровно окаменѣла...

Софья говорила матерямъ, что, когда съ игуменьей случился припадокъ, съ нею осталась одна Таифа, хотѣвшая рассказать ей про какое-то тайное дѣло... Стали спрашивать Таифу. Молчить.

Недѣли три пролежала въ горячкѣ игуменья и все время была безъ памяти. Не будь въ обители Марьи Гавриловны, не быть бы Манеѣѣ въ живыхъ.

Матери хлопотали вокругъ начальницы, каждая предлагала свои лѣкарства. Одна совѣтовала умыть матушку водой съ громовой стрѣлы*), другая — напоить ее виномъ, напередъ заморозивъ въ немъ живого рака, третья учила деревяннымъ масломъ изъ лампадки всю ее вымазать, четвертая — накормить овсянымъ киселемъ съ воскомъ, а пятая увѣряла, что нѣтъ ничего лучше, какъ достать живую щуку, разрѣзать ее вдоль и обложить голову матушкѣ, подналивая рыбу богоявленской свѣчой. Потомъ зачали всѣ въ одно слово говорить, что надо безпремѣнно въ Городецъ за чернымъ пономъ посылать, или поближе куда-нибудь за старцемъ какимъ, потому что вседашнее желаніе матушки Манеѣы было передъ кончиной принять великую схиму... Много было суеты, еще больше болтанья и пустыхъ разговоровъ. Большая осталась бы безъ помощи, если-бъ Марья Гавриловна отъ себя не послала въ городъ за лѣкаремъ. Лѣкаръ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больную, сказалъ, что опасна. Марья Гавриловна просила лѣкаря остаться въ скитѣ до исхода болѣзни, но, хотъ предлагала за то хорошія деньги, онъ не остался, потому что былъ одинъ на цѣлый уѣздъ. Успѣла однако упросить его Марья Гавриловна пробыть въ Комаровѣ, пока не привезутъ другого врача изъ губернскаго города. Пріѣхалъ другой врачъ и остался въ обители, къ немалому соблазну келейницъ, считавшихъ лѣчение дѣломъ Господу неудобнымъ, а для принявшихъ иночество даже грѣховнымъ.

Марья Гавриловна на своемъ настояла. Чтò ни говорили матери, какъ ни спорили онѣ, лѣчение продолжалось. Больше огорчалась, сердилась и даже бранилась съ Марьей Гаври-

*) Песокъ, скипѣвшійся отъ удара молніи. Вода, въ которую онъ пушенъ, считается въ простонародѣ цѣлебной.

ловной игуменьина ключница Софія. Она вздумала-было выливать лѣкарства, приготовленные лѣкаремъ, и поить больную какимъ-то взваромъ, что, по ея словамъ, отъ сорока недуговъ пользуетъ. А сама межъ тѣмъ, въ надеждѣ на скорую кончину Манеѣы, къ сундукамъ ея подобралась... За то Марья Гавриловна, при содѣйствіи Аркадія, правившей обителю, выслала вонъ изъ кельи Софію и не велѣла Фленушкѣ пускать ее ни къ больной ни въ кладовую... Старанія искуснаго врача, заботливый и умный уходъ Марьи Гавриловны и Фленушки, а больше всего хоть надорванное, но крѣпкое отъ природы здорье Манеѣы подняли ее съ одра смертной болѣзни...

Когда пришла она въ сознаніе и узнала, сколько заботъ прилагала о ней Марья Гавриловна, горячо поблагодарила ее, но тутъ же промолвила:

— Ахъ, Марья Гавриловна, Марья Гавриловна!.. Зачѣмъ вы, голубушка, старались поднять меня съ одра болѣзни? Лучше-бъ мнѣ отойти сего свѣта... Охъ, тяжело мнѣ жить...

— Полноте, матушка!.. Можно-ль такъ говорить? Жизнь ваша другимъ нужна... Вотъ хоть Фленушка, напримѣръ... — говорила Марья Гавриловна.

— Ахъ, Фленушка, Фленушка!.. Милое ты мое сокровище, — слабымъ голосомъ сказала Манеѣа, прижимая къ груди своей голову дѣвушки. — Какъ бы знала ты, что у меня на сердцѣ.

И зарыдала.

— Успокойтесь, матушка, это вамъ вредно, — уговаривала Манеѣу Марья Гавриловна. — Теперь пуще всего вамъ надо беречь себя.

Успокоилась ненадолго Манеѣа, спросила потомъ:

— Отъ брата нѣтъ ли вѣстей?

— Патапъ Максимычъ уѣхалъ, — отвѣчала Фленушка.

— Куда?

— На Ветлугу... говорятъ.

— На Ветлугу!.. — взволнованнымъ голосомъ сказала Манеѣа. — Одинъ?

— Нѣтъ, — молвила Фленушка: — съ купцомъ Дюковымъ да съ тѣмъ, что тогда свои похождения рассказывалъ...

Поблѣднѣла Манеѣа, вскрикнула и лишилась сознанья.

Ей стало хуже. Осмотрѣвъ больную и узнавъ, что она взволновалась отъ разговоровъ, врачъ строго запретилъ говорить съ ней, пока совсѣмъ не оправится.

Только къ Пасхѣ встала Манеѣа съ постели. Но здоровье ея съ тѣхъ поръ хизнуло. Вся какъ-то опустилась, задумчива стала.

Однажды, когда Манеѣѣ стало получше, Фленушка пошла

посидѣть къ Марьѣ Гавриловнѣ. Толковали онѣ о матушкѣ и ея болѣзни, о томъ, что хоть теперь она и поправилась, однакожь при ея слабости необходимъ за ней постоянный уходъ.

— Лѣкаръ говоритъ, — сказала Марья Гавриловна: — что надо отдалить отъ матушки всякія заботы, ничѣмъ не беспокоить ея... А одной тебѣ, Фленушка, не подѣ силу день и ночь при ней сидѣть... Надо бы еще кого изъ молодыхъ дѣвиць... Марьюшку развѣ?

— У Марьюшки свое дѣло, — отвѣчала Фленушка. — Безъ нея клиросъ станеть, нельзя безотлучно ей при матушкѣ быть.

— Право, не придумаю, какъ бы это уладить, — сказала Марья Гавриловна. — Анафролія да Минодора съ Натальей только слава одна.. Работницы онѣ хорошія, а куда-жъ имъ за больно ходить? Я-было свою Таню предлагала матушкѣ — слышать не хочетъ.

— Вотъ какъ бы Настя съ Парашей пріѣхали, — молвила Фленушка.

— И въ самомъ дѣлѣ! — подхватила Марья Гавриловна. — Чего бы лучше? Тутъ главное, чтобъ до матушки, пока не поправится, никакихъ заботъ не доводить... А изъ здѣшнихъ кого къ ней ни посади, каждая зачнетъ сводить рѣчь на дѣла обительскія. Чего бы лучше Настеньки съ Парашей... Только отпустить ли ихъ Патапъ-отъ Максимычъ? Не слыхала ты, воротился онъ домой аль еще нѣтъ?

— Къ Страстной ждали, должно-быть, дома теперь, — сказала Фленушка.

— Отпустить ли онѣ ихъ, какъ ты думаешь? — спросила Марья Гавриловна.

— Не знаю, какъ сказать, — отвѣчала Фленушка. — Самы стануть проситься, не пустить.

— А если матушка попроситъ? — спросила Марья Гавриловна.

— Наврядъ чтобъ отпустилъ, — отвѣчала Фленушка.

— Попробовать развѣ, поговорить матушкѣ, что она на то скажетъ — согласится, такъ напиши отъ нея письмецо къ Патапу Максимычу, — молвила Марья Гавриловна.

— Тогда ужъ навѣрно не отпустить, — сказала Фленушка. — Не больно опъ меня жалуеть, Патапъ-отъ Максимычъ... Еще скажетъ, пожалуй, что я отъ себя это выдумала. Вотъ какъ бы вы потрудились, Марья Гавриловна.

— Я-то тутъ при чемъ? — возразила Марья Гавриловна. — Для дочерей не сдѣлаетъ, для сестры большой не сдѣлаетъ, а для меня-то съ какой же стати?

— А я такъ полагаю. что для васъ однѣхъ онѣ только это

и сдѣлаетъ, — сказала Фленушка. — Только вы припишите, что вамъ самимъ желательно Настю съ Парашей повидать, и попросите, чтобъ онъ къ вамъ отпустилъ ихъ, а насчетъ того, что за матушкой стануть приглядывать, не поминайте.

— Понять не могу, Фленушка, съ чего ты взяла, чтобы Патапъ Максимычъ для меня это сдѣлалъ. Чтò я ему? — говорила Марья Гавриловна.

— А вы попробуйте, — отвѣтила Фленушка. — Только напишите, попробуйте.

— Право, не знаю, — раздумывала Марья Гавриловна.

— Да пишите, пишите скорѣе, — съ живостью заговорила Фленушка, ласкаясь и цѣлуя Марью Гавриловну. — Хоть маленько повеселѣй съ ними будетъ, а то совсѣмъ околѣешь съ тоски. Миленькая Марья Гавриловна, напишите сейчасъ же, пожалуйста, напишите... Вѣдь и вамъ-то съ ними будетъ повеселѣе... Вѣдь и вы совсѣмъ извелись отъ здѣшней скуки... Голубушка!.. Марья Гавриловна!

— Чтòбъ онъ не осердился? — сказала Марья Гавриловна.

— На васъ-то?.. Чтò вы?.. Чтò вы?.. — подхватила Фленушка, махая на Марью Гавриловну обѣими руками. — Полноте!.. Какъ это возможно?.. Да онъ будетъ радъ-радехонекъ, самъ привезетъ дочерей, да вамъ же еще кланяться станеть. Очень уважаетъ васъ. Посмотрѣли бы вы на него, какъ кручинился, что на именинахъ-то васъ не было... Онъ васъ маленько побаивается...

— Чего ему меня бояться? — засмѣялась Марья Гавриловна. — Я не кусаюсь.

— А боится—вѣрно говорю... Съ вашимъ братцемъ, что ли, дѣла у него,—вотъ онъ васъ и боится.

— Изъ чего же тутъ бояться? — сказала Марья Гавриловна. — Какія у нихъ дѣла, не знаю... И чтò мнѣ такое брать? Пустое городишь, Фленушка.

— Ужъ я вамъ говорю,—настаивала Фленушка. — Попробуйте, напишите—сами увидите... Да пожалуйста, Марья Гавриловна, миленькая, душенька, утѣшите Настю съ Парашей—имъ-то вѣдь какъ хочется у насъ побывать — порадуйте ихъ.

Марья Гавриловна согласилась на упрашиваніе Фленушки и на другой же день обѣщалась написать къ Патапу Максимычу. Къ тому-жъ она получила отъ него два письма, но не успѣла еще отвѣтить на нихъ въ хлопотахъ за больной Манею...

Манея рада была повидать племянницъ, но не надѣялась, чтобъ Патапъ Максимычъ отпустилъ ихъ къ ней въ обитель.

— Безъ того ворчить, будто я племянницъ къ келейной

жизни склоняю, — сказала она. — Пошумѣлъ онъ снова на Настю, а та дѣвка огонь — сама ему наотрѣзъ. Онъ ей слово, она пятокъ, да вдругъ и брякни отцу такое слово: «я, дескать, въ скиты пойду, иночество надѣну»... Ну какая она черно-ризица, сами посудите!.. То ли у ней на умъ?.. Попугать отца только вздумала, иночествомъ ему пригрозила, а онъ на меня какъ напустится: «это, говоритъ, ты ей такія мысли въ уши напѣла, это, говоритъ, твое дѣло»... И ужъ такъ шумѣлъ, такъ шумѣлъ, Марья Гавриловна, что хоть изъ дому вонъ бѣги... И послѣ того не разъ мнѣ выговаривалъ: «У васъ, дескать, обычай въ скитахъ повелся: богатенькихъ племянницъ сманивать, такъ ты, говоритъ, не надѣйся, чтобъ дочери мои къ тебѣ въ черницы пошли. Я, говоритъ, теперь ихъ и близко къ кельямъ не допущу, не то чтобы въ скиту имъ жить»... Такъ и сказала... Нѣтъ, не послушаетъ онъ меня, Марья Гавриловна, не отпуститъ дѣвицъ ни на малое время... Напрасно и толковать объ этомъ...

— А если-бъ Марья Гавриловна къ нему написала?.. Къ себѣ бы Настю съ Парашей звала? — вмѣшалась Фленушка.

— Это дѣло другое, — отвѣтила Манеѳа. — Къ Марьѣ Гавриловнѣ какъ ему дочерей не пустить? Супротивъ Марьи Гавриловны онъ не пойдетъ.

— Я бы написала, пожалуй, матушка, попросила бы Патапа Максимыча, — сказала Марья Гавриловна.

— Напишите въ самомъ дѣлѣ, сударыня Марья Гавриловна, — стала просить мать Манеѳа. — Утѣшите меня, хоть послѣдній бы разокъ поглядѣла я на моихъ голубушекъ. И имъ-то повеселѣе здѣсь будетъ; дома-то онѣ все однѣ да однѣ — поневолѣ одурь возьметъ, подругъ нѣтъ, повеселиться хочется, а не съ кѣмъ... Здѣсь Фленушка, Марьюшка... И вы, сударыня, не оставите ихъ своей лаской... Напишите въ самомъ дѣлѣ, Марья Гавриловна. Ужъ какъ я вамъ за то благодарна буду, ужъ какъ благодарна!

Проводивъ Марью Гавриловну, Фленушка повертѣлась маленько вокругъ Манеѳиной постели и шмыгнула въ свою горницу. Тамъ Марьюшка сидѣла за пяльцами, дошивая подушку по новымъ узорамъ.

Подбѣжала къ ней сзади Фленушка и, схвативъ за плечи, вскрикнула:

— Гуляемъ, Маруха!

И, подперевъ руки въ боки, пошла плясать середь комнаты, припѣвая:

Я по жердочѣ иду,
Я по тоненькой бреду.

Я по тоненькой, по еловенькой.
Тонка жердочка погнется,
Да не сломится.
Хорошо съ милымъ водиться,
По лугамъ съ дружкой гулять.
Ужь я дѣвка разгуляюся,
Разгуляюся пойду
За новья ворота,
За новья кленовья
За рѣшетчатая.

— Чтѣ ты, чтѣ ты?—вскочивъ изъ-за палець, удивлялась головщица.

Съ начала болѣзни Манеѣ Фленушка совсѣмъ-было другая стала: не только звонкаго хохота не было отъ нея слышно, не улыбалась даже и съ утра до ночи съ заплаканными глазами ходила.

— Рехнулась что-ль ты, Фленушка?—спрашивала головщица.— Матушка лежитъ, а ты гляди-ка чтѣ.

— Чтѣ матушка!.. Матушкѣ, слава Богу, совсѣмъ облегчало,—прыгая, сказала Фленушка.—А у насъ праздникъ отъ какой!

— Чтѣ тако?—спросила ее Марьюшка.

— Съ праздникомъ поздравляю, съ похмелья умпраю, нѣтъ ли гривень шести, душу отвести?—кривляясь и кобенясь, кланялась Фленушка головщицѣ и потомъ снова зачала прыгать и пѣть.

— Да полно же тебѣ юродствовать!—говорила головщица.— Толкомъ говори, чтѣ тако?

— А вотъ чтѣ: дѣнь черезъ пять, аль черезъ недѣлю, въ этихъ самыхъ горнищахъ будутъ жить

Двѣ дѣвицы,
Двѣ сестрицы,
Дѣвушки подруженьки:
Настенька съ Парашенькой,—

напѣвала Фленушка, вытопывая дробь ногами.

— Полно?—изумилась Марьюшка.

— Вѣрно!—кивнувъ головой, сказала Фленушка.

— Какъ такъ случилось?—спрашивала Марьюшка.

— Да такъ и случилось,—молвила Фленушка.— Ты всегда, Марьюшка, должна понимать, что если чего захочетъ Флена Васильевна—быть по тому. Слушай—да говори правду, не ломайся!.. Есть ли вѣсти изъ Саратова?

— Ну его! Забыла и думать,—съ досадой отвѣтила Марьюшка.

— Да ты глаза-то на сторону не врати, дѣломъ отвѣчай!.. Писаль еще аль нѣтъ?—спрашивала Фленушка.

— Писать-то писалъ, да вретъ все,—отвѣчала Марьюшка.

— Не все же вретъ — иной разъ, пожалуй, и правдой обмолвится,—сказала Фленушка. — Когда прѣдетъ?

— Къ Троицѣ обѣщаль — да вретъ, не прѣдетъ,—отвѣчала Марьюшка.

— Къ Троицѣ!.. Гм!.. Кажись, можно къ тому времени обладать все,—раздумывала Фленушка.—Мы твоего Семенушку за бока. Его же мало знаютъ здѣсь, дѣло-то и выходитъ подходящее.

— Куда еще его?—спросила Марьюшка. — Чтò еще затѣвать вздумала?

— Да я все про Настю. Сказывала я тебѣ, что падо ее безпремѣнно окрутить съ Алешкой... Твоего саратовца въ поѣзжане возьмемъ — кулаки у него здоровенные... Да мало-ль будетъ хлопотъ, мало-ль къ чему пригодится. Мой анаѣма къ тому же времени въ здѣшнихъ мѣстахъ объявится. Падо всѣмъ заодно дѣлать. Какъ хочешь, уговори своего Семена Петровича. Сказано про шелковы сарафаны, то и помни.

— Не знаю право, Фленушка. Боязно... — промолвила головщица.

— Кого боязно-то?

— Патапа-то Максимыча. Всѣмъ шкуру спуститъ,—сказала Марьюшка.

— Ничего не сдѣлаешь,—подхватила Фленушка. — Такъ подстроимъ, что пикнуть ему будетъ нельзя. Сказано: жива быть не хочу, коль этого дѣла не состряпаю. Значить, такъ и будетъ.

— Экая ты безстрашная какая, Фленушка! — говорила Марьюшка. — Аль грому на ты иѣтъ?..

— Можетъ, и есть, да не изъ той тучи,—сказала Фленушка. — Полно-ка, Марьюшка: удалой долго не думаетъ, то ли, сѣ ли будетъ, а коль вздумано, такъ отмынивать нечего. Помни, что смѣлому горохъ хлебать, а несмѣлому и рѣдкн не видать... А въ шелковыхъ сарафанахъ хорошо щеголять?.. А?.. Загуляемъ, Маруха?.. Отписывай въ Саратовъ: прѣзжай, молю, скорѣй.

— Ужъ какая ты, Фленушка! Какъ это Господь тернить тебѣ! Всегда ты на грѣхъ меня наведешь,—говорила Марьюшка.

— И грѣха въ томъ иѣтъ никакого,—отвѣтила Фленушка. — Паденіе — не грѣхъ, хоть матушку Таифу спроси. Сколько книгъ я ни читала, сколько отъ матерей ни слыхала — паденіе, а не грѣхъ... И святые падали, да угодили же Богу. Безъ того никакому человѣку не прожить.

— Ну ужъ ты!..

— Э! нечего тутъ! Гуляй, пока молода, состаришься, и песь на тебя не взлаеть, — во все горло хохоча, сказала Фленушка и опять заплясала, припѣвая:

Дьячокъ меня полюбилъ
И звонить позабылъ;
По часовнѣ онъ прошелъ,
Мнѣ на ножку наступилъ,
Всю ноженку раздавилъ;
Посулил онъ мнѣ просфирокъ рѣшето:
Мнѣ просфирокъ-то хочется,
Да съ дьячкомъ гулять не хочется.
Полюбилъ меня молоденькій попокъ:
Посулил мнѣ въ полтора рубля платокъ,
Мнѣ платочка-то хочется...

Глянула въ дверь Анафродія и позвала Фленушку къ Маноѣ. Мигомъ бросилась та вонъ изъ горницы...

— Эка воструха какая! — идя слѣдомъ за ней, ворчала Анафродія. — Матушка головушки еще поднять не можетъ, а она, глядь-ка поди, — скачетъ аки бѣсъ... Ну ужъ дѣвка!.. Понекать такихъ!..

Глава шестая.

Въ Осиповкѣ всѣ глядятъ сумрачно, чѣмъ-то всѣ озабочены. У каждаго своя дума, у каждаго своя кручина.

Аксинья Захаровна въ хлопотахъ съ утра до ночи, и хоть старымъ костямъ не больно подь силу, а день-денской бродить взадъ и впередъ по дому. Двѣ заботы у ней: первая забота, чтобъ Алексѣй безъ нужного дѣла не слонялся по дому и отнюдь бы не ходилъ въ верхнія горницы, другая забота: не придумаетъ, чтѣ дѣлать съ братцемъ любезнымъ... Только успѣлъ Патапъ Максимычъ со двора съѣхать, Волкъ закурилъ во всю ивановскую. Нахлебается съ утра хлѣбной слезы и пойдетъ на весь день куролесить: съ сестрой бранится, вздорить съ работниками, и чуть завидитъ Алексѣя, тотчасъ хоть въ драку... И за старый промыселъ принялся: чтѣ плохо лежитъ, само ему въ руку лѣзетъ, само въ кабакъ подь закладъ просится. Согнать со двора хотѣла его Аксинья Захаровна, пойдетъ: «меня-де самъ Патапъ Максимычъ къ себѣ жить пустилъ, я-де ему въ Узеняхъ нуженъ, а ты мнѣ не указчица»... И денегъ ужъ Аксинья Захаровна давала ему, уйди только изъ деревни вонъ, но и тѣмъ не могла избавиться отъ собинки: пропьянствуетъ на сторонѣ дня три-четыре да по милымъ роднымъ и стоскуется — опять къ сестрѣ на дворъ...

Настя и Параша сидятъ въ своихъ свѣтелкахъ сумрачныя, грустныя. На что Параша, ко всему безучастная, лѣнивая

толстуха, и ту скука до того одолѣла, что хоть руки на себя поднимать. За одно дѣло примется—не клеится, за другое—изъ рукъ вонъ валится; что ни зачнетъ, тотчасъ бросить, и опять за новое берется. Только и отрады, какъ завалится спать...

У Насти другая скорбь, иная назола. Тоскуетъ она по Фленушкѣ, безъ нея не съ кѣмъ словомъ ей перекинуться. Тоскуетъ она, не видя по цѣлымъ днямъ Алексѣя; тоскуетъ, видя его думчиваго, угрюмаго. Видѣться имъ рѣдко удается, наверхъ ходу ему нѣтъ, а если когда и придетъ, такъ Аксинья Захаровна за нимъ по пятамъ... Тоскуетъ Настя днемъ, тоскуетъ ночью, мочить подушку горячими слезьми... Томятъ ее думы... что-то съ ней будетъ, какая-то судьба ей выпадетъ?.. Будетъ ли она женой Алексѣя, иль на роду ей писано изныть въ одиночествѣ, сокрушаясь по миломъ и кляня судьбу свою горе-горькую?..

«Что такое съ нимъ подѣялось? — думаетъ и передумываетъ Настя, сидя въ своей свѣтелкѣ. — Что за грусть, за тоска у него на сердцѣ? Спросишь—молчитъ, и ровно хмарой лицо у него вдругъ задернется... И такой молчаливый сталъ, самъ не улыбнется... Разлюбить, кажись бы, еще некогда — да и не за что... За что же, за что разлюбить меня?.. Все ему отдала беззавѣтно, дѣвичей чести не пожалѣла, стыда-совѣсти не побоялась, не устрашилась грознаго слова родительскаго... Думаю, не придумаю... Раскину умомъ-разумомъ, разгадать не могу—откуда такая остуда въ немъ?.. Новой зазнобы не завелось ли у него?..»

И отъ одной мысли о новой зазнобѣ у Насти въ глазахъ туманится, сверкаютъ глаза зловѣщимъ блескомъ, а сердце ровно кипяткомъ обливается...

Запала черная дума. Какъ ни бьется Настасья Патаповна, отогнать ее — не можетъ... Небывалая разлучница то и дѣло мерещится въ глазахъ ея...

У Алексѣя свои думы. Золотой песокъ не сходитъ съ ума. «Денегъ, денегъ, казны золотой! — думаетъ онъ самъ про себя. — Богатому вездѣ ширь да гладь, чего захочетъ, все передъ нимъ само выкладывается. Ино дѣло бѣдному... Ему только на умъ какое дѣло вспадетъ, и то страшно покажется, а богатый тѣшь свое хотѣнье — золотымъ молотомъ онъ и желѣзны ворота прокуетъ. Тугая мошна не говоритъ, а чудеса творить — крижки да денежкой брякни, все тебѣ поклонится, все по твоему сдѣлается».

Люба Настя Алексѣю, да съ пустымъ карманомъ какъ до-быть ее? Хоть и сталъ онъ въ чести у Патапа Максимыча,

а попробуй-ка, заикнись ему про дочку любимую, такой задасть поворотъ, что только охнешь. «У тестя казны закрома полны, а у зятя ни хижи ни крыши. На свѣтъ такъ не водится, такіа свадьбы не ладятся... Уходамъ развѣ, какъ Фленушка говорила?.. Такъ это затѣя опасная. Не таковъ человекъ Патапъ Максимычъ, чтобъ такую обиду стерпеть — не пришибеть что собаку, такъ съ тюремнымъ горемъ заставитъ спознаться... Золота, золота!.. Чѣмъ бы денегъ ни добыть, а безъ нихъ нельзя жить!..»

Такія мысли туманили Алексѣеву голову. Тянетъ его на Ветлугу, тамъ золото въ землѣ, слышь, разсыпано... Гребизагребай, набивай машину дорогой казной, тогда не лиха бѣда и посвататься. Другимъ тогда голосомъ заговорилъ бы сибиривый тысячникъ... Не приходятъ Алексѣю на умъ ни погорѣлый отецъ, ни мать, душу свою положившая въ сыновьяхъ своихъ, ни сѣстры, ни любимый братецъ Саввушка... Черствое себялюбіе завладѣло Алексѣемъ: гнететъ его забота объ одномъ себѣ, до другихъ ему и нуждушки нѣтъ... Раздумывая о богатствѣ, мечтая, какъ онъ развернется и заживетъ на славу, — не думаетъ и про Настю Алексѣй... Золото, золото да жажда людского почета заслоняли въ думахъ его образъ дѣвушки, въ пылу страстной любви беззавѣтно ему предавшейся.

А если не нароетъ онъ на Ветлугѣ дорогой казны?.. Пропадай тогда жизнь бѣдовая, доля горькая!.. А если помимо Ветлуги выпадутъ ему несмѣтные деньги, во всемъ обиліе, житье-бытье богатое?.. И если за такую счастливую долю надо будетъ покинуть Настасью Патаповну... забыть ее, другую полюбить?..

Думаетъ-передумываетъ Алексѣй думы тяжелыя. Алчность богатства, жадная корысть съ каждымъ днемъ разрастаются въ омраченной душѣ его... И смотритъ онъ на свѣтъ Божій ровно хмара темная. Не слышать отъ него ни звонкихъ пѣсней ни прежнихъ веселыхъ рѣчей, не свѣтятся глаза его ясной радостью, не живитъ игривая улыбка туманнаго лица его.

Съ тяжелой тоской на душѣ, облокотясь на столъ и склонивъ голову, сидѣлъ Алексѣй въ своей боковушѣ. Роются думы въ умѣ его, паяву грезится желанное житье-бытье богатое.

Вдругъ надъ нимъ три раза ногой топнули. То былъ условный знакъ, придуманный Фленушкой. Въ тотъ вечеръ, какъ справляли канунъ именинъ Аксиныи Захаровны, она такую уловку придумала.

Отодвинулъ Алексѣй оконницу и сталъ глядѣть, какъ прилетитъ къ нему птичка, про которую говорила тогда Фленушка... Не впервой было Алексѣю такихъ птичекъ ловить...

Изъ окна Настинной свѣтлицы, приходившейся какъ разъ надъ Алексѣевой боковушей, спустилась на шнуркѣ зашпечка... (Окна выходили на огородъ, занесенный сугробами, замѣтитъ некому.

Прочелъ Алексѣй записку. Пишетъ Настя, что стосковалась она, долго не видя милаго, и хочетъ сейчасъ сойти къ нему. Благо пора выдалась удобная: набродившись съ утра, Аксинья Захаровна заснула, работницы, глядя на нее, тоже завалились сумерничать... Черкнулъ Алексѣй на бумажкѣ одно слово: «приходи», подвязалъ ее на шнурокъ. Птичка полетѣла кверху.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь въ боковушу растворилась, и вошла Настя. Тихой поступью, медленно ступая, подошла она къ Алексѣю, обвила его шею бѣлоснѣжными руками и, припавъ къ плечу, зарыдала...

— Голубчикъ ты мой!.. Ненаглядный... — всхлиывая и трепетно прижимаясь къ милому, говорила она. — Стосковалась я по тебѣ, измучилась!.. Не милъ сталъ мнѣ вольный свѣтъ!.. Тощехонько!..

Алексѣй ласкалъ Настю, но ласки его были не такъ горячи, не такъ страстны и порывисты, какъ прежде...

— Чтой-то, Алеша, — покачавъ головой, молвила Настя. — Ровно ты мнѣ и не радъ.

— Чтой-то ты вздумала, Настасья Патаповна!.. Какъ же мнѣ твоему приходу не раду быть? — сухо проговорилъ Алексѣй, глядя Настю по головкѣ.

— Настасья Патаповна! — съ укоромъ прошептала дѣвушка. — Развѣ я тебѣ Настасья Патаповна?.. — вскрикнула она вслѣдъ затѣмъ.

— Ну, не сердись, не гнѣвайся, моя разлапушка, — съ притворной нѣжностью заговорилъ Алексѣй, цѣлуя Настю. — Такъ съ языка сорвалось.

— Разлюбилъ ты меня!.. Вотъ чтò!.. — стиснувъ зубы и отстраняясь отъ него, молвила Настя.

— Чтò ты, чтò ты?.. Настенька... Милая!.. Подумай, какое слово ты молвила! — говорилъ Алексѣй, взявъ ее за руку.

— Нечего думать! — нахмуря брови, отрывисто сказала Настя, выдергивая руку. — Вижу я, все вижу... Меня не проведешь! Сердце вѣшунъ — оно говорить, что ты...

— Да послушай!.. — зачалъ-было Алексѣй.

— Тебѣ меня слушать!.. Не мнѣ тебя!.. Молчи! — строго сказала Настя, отступивъ отъ него и скрестивъ руки... Глаза ея искрились гнѣвомъ!.. — Все вижу, меня не обманешь... Такой ли ты прежде бывалъ?.. Чѣмъ я передъ тобой провини-

лась?.. А?.. Чѣмъ?.. Говори... Говори же скорѣе... Что-жъ. наругаться ты, что ли, вздумалъ надо мной?.. А?..

— Въ умѣ-ль ты, Настя?.. Съ чего ты это взяла? — говорилъ совсѣмъ растерявшійся Алексѣй.

— Молчи, говорятъ тебѣ, — топнувъ ногой, не своимъ голосомъ крикнула Настя. — Бесовѣстный ты человекъ!.. Думаешь, плакаться буду, убиваться?.. Не на такую попалъ!.. Ни по чемъ сокрушаться не стану... Слышишь — ни по чемъ... Только вотъ что скажу я тебѣ, молодецъ... Коль заведется у тебя другая — разлучницѣ не жить... Да и тебѣ не корыстно будетъ... Помни мое слово!

И, презрительно взглянувъ на Алексѣя, выбѣжала изъ боковуши.

Какъ стоялъ, такъ и остался Алексѣй, опустья руки и поникнувъ головою...

На другой день послѣ размолвки Настасьи съ Алексѣемъ воротился изъ Комарова Пантелей и привезъ извѣстіе о внезапной болѣзни Манеѣы. Всѣ переполошились, особенно Аксинья Захаровна. Только выслушала она Пантелея, кликнула канонницу Евпраксею, охая и всхлипывая, сказала ей печальную вѣсть, велѣла зажигать большія свѣчи и лампы передъ всѣми иконами въ моленной и начинать канонъ за болящую. Дочерямъ приказала помогать Евпраксеюшкѣ, а сама, бродя по горницамъ, раздумывала, какому бы святому вѣрнѣе службу отправлять ради исцѣленія матушки Манеѣы. «Вѣдь отъ каждой болѣзни, — думала она: — своему святому молиться слѣдуетъ: зубы заболятъ — Антипію, глаза заболятъ — Лаврентію, оспа прикинется — молись преподобному Конону Исаврійскому, а отъ виннаго запойства мученикъ Вонифатій исцѣленіе подаетъ... А какъ доподлинно не знаешь болѣзни, какому угоднику станешь молиться?.. Ну какъ не тому каноны-то справишь — тогда, пожалуй, и толку не выйдетъ».

Разъ по пяти на каждый часъ призывала Аксинья Захаровна Пантелея и переспрашивала его про матушкину болѣзнь. Но Пантелея и самъ не зналъ хорошенько, чѣмъ захворала Манеѣа, слышалъ только отъ матерей, что лежитъ безъ памяти, голова какъ огонь, а сама то и дѣло вздрагиваетъ.

Послѣ долгаго совѣщанія съ Евпраксіей, Аксинья Захаровна рѣшила гнать Пантелея на тройкѣ обратно въ Комаровъ и спросить уставщицу мать Аркадію, кому въ обители за матушку богомольствуютъ, а до тѣхъ поръ на всякій случай читать каноны Іоанну Предтечѣ, скорому помощнику отъ

головной боли да преподобному Марю, цѣлителю трясавичной болѣзни.

Прибыло у Насти тоски и думы: то Алексѣй на умѣ, то Фленушка. «Что съ ней-то будетъ, что будетъ съ Фленушкой, коли помретъ тетенька? — думаетъ она, стоя въ моленной за канонемъ. — Черной рясы она не надѣнетъ, а бѣлицей въ обители будетъ ей не житье... Заѣдятъ сердечную матери... Нѣтъ, не житье Фленушкѣ въ Комаровѣ... Возьметъ ли ее казанскій женихъ, Самоквасовъ, еще Богъ знаетъ, а до вѣнца куда ей будетъ голову приклонить?.. У насъ бы — чего, кажется, ближе, — да тягенька не приметъ, не любитъ онъ Фленушку... Къ Грунѣ развѣ идти?.. Ахъ, ты бѣдная моя, бѣдная Фленушка!.. Хоть минуточку съ тобой бы побыть, хоть глазкомъ бы на тебя посмотрѣть!.. Авось бы вмѣстѣ печали-то свои мы размыкали, и твое горе и мою бѣду... Эхъ, Фленушка, Фленушка!.. Нужно было тебѣ сводить меня съ этимъ лиходѣемъ...»

И Фленушку-то жаль, и у смертнаго одра больной тетки хочется хоть часокъ посидѣть... «Покаялась бы я во всемъ тетенькѣ, — думаетъ Настя: — во всемъ бы ей покаялась... Изъ могилы тайны она бы не выдала, а грѣху все-таки прощенье получила бы. Прочитала бы она мнѣ предсмертную прѣщцу, и спала-бъ у меня съ души тоска лютая... Закрыла бы я глаза магушкѣ, отдала бы ей послѣднее цѣлованіе... А пуще всего изъ дому, изъ дому вонъ!.. Бѣжать бы куда-нибудь далеко-далекѣ — хоть въ пучину морскую, хоть въ вертепы земные, не видать бы только глазамъ моимъ врага-супротивника, не слышать бы ушамъ моимъ постылыхъ рѣчей его!.. Вотъ судьба-то!.. Вотъ моя доля недобрая!.. «Скоро свыкались, скорѣе того расходились» — такъ, кажется, въ пѣснѣ-то поется... И какъ этотъ грѣхъ случился, ума приложить не могу... Кого винить, на кого жалиться!.. На Фленушкины проказы, аль на свой глупый дѣвничій разумъ?.. Нѣтъ, ужъ такая, видно, судьба мнѣ выпала... Супротивъ судьбы не пойдешь!..»

И много и долго размышляла Настя про злую судьбу свою, про свою долю несчастную. Стоитъ въ моленной, перебираетъ рукой шитую бисеромъ и золотомъ лѣстовку, а сама все про бѣду свою думаетъ, все врагъ Алешка на умѣ ей лѣзетъ. Гонить Настя прочь докучныя мысли про лиходѣя; не хочетъ вспомнить про губителя, а онъ тутъ какъ тутъ...

Воротился Пантелей, сказалъ, что въ обители молебствуютъ преподобной Фотиніи Самарянычѣ, и что магушка Манеаа стала больно плоха — лежитъ въ огневницѣ, день ото дня ей хуже, и матери не чаютъ ей въ живыхъ остаться. Съ него-

дованіємъ узнала Аксинья Захаровна, что Марья Гавриловна послала за лѣкаремъ.

— Вога она не боится!.. Умереть не даетъ Божьей старицѣ какъ слѣдуетъ, — роптала она. — Въ черной рясѣ да къ лѣкарямъ лѣчиться — грѣхъ-то какой!.. Чего матери-то глядятъ, зачѣмъ даютъ Марьѣ Гавриловнѣ въ обители своевольничать!.. Слыхано-ль дѣло, чтобы старица, да еще игуменья, у лѣкарей лѣчилась?.. Передъ самою-то смертью праведную душеньку ея опогавить вздумала!.. Охъ, злодѣйка, злодѣйка ты, Марья Гавриловна... Еще нѣмца, пожалуй, лѣчить-то привезутъ — нехрестя!.. Ой!.. Тошнехощько и вздумать про этакій грѣхъ...

И цѣлый день съ утра до ночи пробродила Аксинья Захаровна по горницамъ. Вздыхая, охая и заливаясь слезами, все про лѣченье матушки Манеѣы она причитала.

Стала Настя проситься у матери.

— Отпусти ты меня въ обитель къ тетенькѣ, --- съ плачемъ молила она. — Поглядѣла-бъ я на нее сердечную, хоть маленько бы походила за ней!.. Больно мнѣ жалко ея!

И, рыдая, припала къ плечу матери.

— Полно-ка ты, Настенька, полно, моя болѣзная, — уговаривала ее Аксинья Захаровна, сама едва удерживая рыданья. — Посуди, дѣвонька, могу-ль я отпустить тебя? Отецъ воротится, а тебя дома нѣтъ!.. Что тогда?.. Аль не знаешь, какъ онь во гнѣвѣ бываетъ?..

— Мамынька, да вѣдь это не такое дѣло!.. Не на гулянье прошусь, не ради какихъ пустяковъ поѣду!.. За что-жъ ему гнѣваться?.. Тятенька разсудливъ, похвалить еще насъ съ тобой.

— Много ты знаешь своего тятеньку!.. — тяжело вздохнувъ, молвила ей Аксинья Захаровна. — Тридцать годовъ съ нимъ живу, получше тебя знаю норовъ его!.. Ты его намени разстроила, молвивши, что хочешь въ скиты идти!.. Да коль я отпущу тебя, такъ онь и не знай чего со мной натворить. Нѣтъ, и не думай про ѣзду въ Комаровъ!.. Что дѣлать?.. И рада бы пустила, да не смѣю!..

— Да право же, мамынька, не будетъ ничего, — приставала Настя. — Вѣдь матушка Манеѣа и мнѣ и тятенькѣ не чужая!.. Серчать не станеть!.. Отпусти Христа ради!.. Пожалуйста.

— Да полно-жъ тебѣ!.. Сказано нельзя, такъ и нельзя, — съ досадою крикнула, топнувъ ногой, Аксинья Захаровна. — Приѣдетъ отецъ, просись у него, а мнѣ и не говори, и словъ понапрасну не трать!.. Не пуцу!

— А какъ тетенька-то помретъ?.. Тогда что?.. Развѣ не

будешь вѣпоры каяться, что не хотѣла пустить меня проститься съ ней?.. — тростила свое Настя.

— Отвяжешься ли ты отъ меня, непутная? — въ сердцахъ закричала наконецъ Аксинья Захаровна, отталкивая Настю. — Сказано, не пущу, значить, и не пущу!.. Экая нравная дѣвка, экая вольная стала!.. На-ка поди... Нѣтъ, голубка, пора тебя къ рукавъ прибрать, ужъ больно ты высоко голову стала носить... Въ моленную!.. Становись за канонъ... Слышишь?.. Тебѣ говорятъ!..

Съ сердцемъ повернулась Настя отъ матери, быстро пошла изъ горницы и хлопнула изо всей мочи дверью.

— Э!.. Жизнь каторжная!.. — пробормотала она, выходя въ сѣни.

— Эка дѣвка-то непутная выросла!.. — оставшись одна, ворчала Аксинья Захаровна. — Ишь какъ дверью-то хлопнула... А вотъ я тебя самое такъ хлопну... погоди ты у меня!.. Ишь ты!.. И страху нѣтъ на нее, и родительской грозы не бонется... Отпусти ее въ скитъ безъ отцовскаго позволенья... Да онъ голову съ меня сниметъ... А любить же Настасья матушку... Такъ и разливается - плачетъ, и сама ровно не въ себѣ ходить. Охъ, охъ, охъ!.. И сама бы я съвздила, да домъ-отъ на кого покинуть?.. Не Алексѣя же съ дѣвками оставить... А ихъ взять въ Комаровъ — тоже бѣда... Охъ, дѣвоньки мои, дѣвоньки!.. Была бы моя воля, отпустила-бъ я васъ... Не смѣю... А матушка-то Манева!.. Поганятъ голубушку лѣкарствами передъ смертью-то!..

И горько зарыдала Аксинья Захаровна, прижавъ къ столу голову...

Шли у Насти дни за днями въ тоскѣ да въ думахъ.

Словомъ не съ кѣмъ перекинуться: сестра подходя дремлетъ, Евпраксеюшка каноны читаетъ, Аксинья Захаровна дѣденской бродитъ по горницамъ, охаетъ, хнычетъ да ключами побрякиваетъ, и все дочерей молиться за тетку заставляеть.

О врагъ-лиходѣй ни слуху ни духу... Вспомнить его Настя сердце такъ и закипитъ, такъ взяла бы его да своими руками и порѣшила... Не хочется врага на умѣ держать, а что-то тянетъ къ окну поглядѣть, нейдетъ ли Алексѣй, и грустно ли смотреть онъ, али весело.

Не видно Алексѣя... Никто не поминаеть про него Настасья Патаповиѣ.

«Да что-жь это за врагъ такой, — думаетъ она. — Ему и горюшка мало, и думать забылъ про меня!.. Что-жь, моль?.. Подвернулась дѣвчонка неразумная, не умѣла сберечь себя,

сама виновата!.. А наше, моль, дѣло молодецкое—натѣшилсѣ да и мимо, другую давай!.. Нѣтъ, молодецъ!.. Пстой!.. Еще не знаешь меня!.. Покажу я тебѣ, какова Настасья Патаповна!.. Вѣкъ не забудешь меня... Подъ солдатскую шапку упрячу, стѣить только тятенькѣ во всемъ повиниться... А змѣн-разлучницѣ, только-бъ узнать, кто она такова... ножъ въ бокъ—и дѣлу конецъ... Въ Сибирь такъ въ Сибирь, а ужъ ей, подколенной гадинѣ, на бѣломъ свѣтѣ не жить».

Почти бѣгаетъ взадъ и впередъ по свѣтлицѣ взволнованная дѣвушка, на разные лады обдумывая мщенье небывалой разлучницѣ. Лицо горитъ, глаза зловѣщимъ пламенемъ блещутъ, рукава засучены, руки крѣико сжаты, губы трепещутъ судорогами.

Однажды въ сумерки, когда Аксинья Захаровна, набродившись досыта, приустила и легла въ боковушѣ посумерничать, Настя вышла изъ душевой, прокуренной ладаномъ моленной въ большую горницу и тамъ, стѣя у окна, глядѣла на догоравшую въ небѣ зарю. Было тихо, какъ въ могилѣ, только изъ сосѣдней комнаты раздавались мѣрные удары маятника.

Скрипнула дверь, Настя оглянулась. Передъ ней стоялъ Алексѣй.

— Чего тебѣ здѣсь надо? — строго спросила его Настя, не двигаясь съ мѣста и выпрямившись во весь ростъ.

— Къ Аксиньѣ Захаровнѣ, — робко проговорилъ Алексѣй, глядя въ полъ и повертывая въ рукахъ шапку.

— Спать... Теперь не время, — сказала Настя и повернулась къ окну.

— Дѣло-то такое, Настасья Патаповна, сегодня бы надо было мнѣ доложиться ей, — молвилъ Алексѣй, переминаясь у двери.

— Сказано, спать. Чего еще?.. Ступай! — горделиво сказала Настя, не оборачиваясь къ Алексѣю.

Онъ не уходилъ. Настя молчала, глядя на зарю, а сердце такъ и кипитъ, такъ и рвется. Силится сдержать вздохи, но грудь, какъ волна, подымаетъ батистовую сорочку.

Разъ двадцать ударилъ маятникъ. Оба ни слова, оба недвижны...

Ступилъ шагъ Алексѣй, другой, третій... Настя быстро обернулась, поднявъ голову...

Ни слова ни тотъ ни другая.

Еще ступилъ Алексѣй, приближаясь къ Настѣ... Она протянула руку и, указывая на дверь, твердо, холодно, какими-то мѣдными звуками сказала ему:

— Вонъ!

Онъ схватилъ ее за руку и, припавъ къ ней лицомъ, навзрыдь заплакалъ.

— Настенька!.. Золотая моя!.. За что гнѣваешься?.. Пожалѣй ты меня горькаго... Тошнехонько!.. Хоть руки на себя наложить!..

— Тише!.. тише... мамынька услышитъ!.. — шопотомъ отвѣтила Настя.

И жгучій поцѣлуй заглушилъ ея рѣчи.

Страсть мгновенно вспыхнула въ сердцѣ дѣвушки... Какъ въ чаду какомъ, безсознательно обвила она «врага-лиходѣя» бѣлоснѣжными руками...

Безъ рѣчей, безъ объясненій промелькнули сладкія минуты примиренья. Размолвка забыта, любовь въ Настиномъ сердцѣ загорѣлась жарче прежняго.

Послѣ недолгаго молчанья Алексѣй, не выпуская Настинной руки, сказалъ ей робкимъ голосомъ, запинаясь на каждомъ словѣ:

— Про какую разлучницу ты поминала? Кто это напелъ на меня?..

— Не поминай, — шептала Настя, тихо склоняясь на грудь лиходѣя. — Что поминать?.. Зачѣмъ?

— Да нѣтъ, съ чего ты взяла? — продолжалъ Алексѣй. — Мнѣ въ голову не приходило, на разумъ не бывало...

— Да перестань же, голубчикъ!.. Такъ просто сказалось: ты невеселый такой, думчивый... Мнѣ и вспало на умъ...

— То-то и есть: «думчивый, невеселый»! А откуда веселью-то быть, гдѣ радостей-то взять? — сказалъ Алексѣй.

— Такъ моя любовь тебѣ не на радость? — быстро, взглянувъ ему въ глаза, спросила Настя.

— Не про то говорю, ненаглядная, — продолжалъ Алексѣй. — Какой мнѣ больше радости, какого счастья?.. А спадетъ какъ на умъ, что впереди будетъ, сердце кровью такъ и обдѣлется... Слюбились мы, весело намъ теперь, радостно, а какой конецъ тому будетъ?.. Вотъ мои тайныя думы, вотъ отъ чего невеселый брожу...

— Какъ какой конецъ? — молвила удивленная Настя. — Будемъ мужъ да жена. Тѣмъ и дѣлу конецъ...

— Легко сказать, Настенька, каково-то сдѣлать? — уныло промолвилъ Алексѣй.

— Какъ люди, такъ и мы, — отвѣтила Настя. — Нечего о томъ сокрушаться.

— А родители? — чуть слышно сказалъ Алексѣй.

— Чья?

— Извѣстно, не мои.

— Ты про тятеньку, что ли?—спросила Настя.

— Да...

— Повѣнчавшись, придемъ да въ ноги ему, — усмѣхнулась Настя. — Посерчаетъ, поломается да и смилуется... Старину вспомнить... Вѣдь самъ онъ мамыньку-то уходомъ свель, самъ свадьбу-самокрутку игралъ...

— Мало ли что старики смолоду творять, а дѣтямъ не велятъ?..—сказала Алексѣй.—То, золотая моя, дѣло было давнишнее, дѣло позабытое... Случись-ка что — вспомнить развѣ онъ про себя съ Аксиньей Захаровой?..

— Вспомнить! — молвила Настя. — Безпремѣнно вспомнить и простить...

— Не таковъ человекъ, — отвѣтил Алексѣй. — Тутъ до бѣды недолго.

— До какой бѣды?

— До кровавой бѣды, моя ненаглядная. до смертнаго убойства, — сказала Алексѣй. — Гордь и кичливъ Паталь-отъ Максимычъ... Страшенъ!.. На погибель мнѣ твой родитель!.. Не снести его душѣ. чтобы дочь его любимая за нищимъ голышомъ была... Быть мнѣ отъ него убитому!.. Помяни мое слово. Настенька!..

— Пустое городишь, — сухо отвѣтила Настя. — Игрують же свадьбы уходомъ: не мы первые, не мы и послѣдніе... Да съ чего ты взялъ это, голубчикъ?.. Тятенька вѣдь не медвѣдь какой... Да что пустое толковать!.. Дѣло кончено — раздумывать поздно, — рѣшительно сказала Настя. — Вотъ тебѣ кольцо, вотъ тебѣ и лента.

Сняла золотой перстень съ руки, вырвала изъ косы ленту и отдала Алексѣю. Таковъ обычай передъ свадьбами-самокрутками. Это нѣчто въ родѣ обрученья.

Медленно принялъ Алексѣй свадебный даръ и, какъ водится, поцѣловалъ невѣсту.

И поникъ Алексѣй головою. Жалкій такой, растерянный стоитъ передъ Настей.

— Это Фленѣ Васильевнѣ съ руки про самокрутку-то расписывать, — молвилъ онъ: — а намъ съ тобой не приходится.

Шагъ сдѣлала Настя впередъ. Мгновенно алымъ румянцемъ вспыхнуло лицо ея, чело нахмурилось, глаза загорѣлись.

— Не любишь ты меня!.. — отрывисто сказала она полушопотомъ и вырвала изъ рукъ Алексѣя ленту и перстень.

— Настенька!.. Другъ ты мой сердечный!.. — умоляющимъ голосомъ заговорилъ Алексѣй, взявъ за руку дѣвушку. — Какое ты слово опять молвила!.. Я-то тебя не люблю!.. Отдай, отдай

ленту да колечко, отдай назадъ, моя ясынька, солнышко мое ненаглядное... Я не люблю?.. Да я за тебя и въ огонь и въ воду пойду...

— Въ водѣ глубоко, въ огнѣ горячо, — съ усмѣшкой сказала Настасья Патаповна. — Берегись, молодецъ: потонешь. не то сгоришь.

— Тебѣ смѣхи да издѣвки, а знала бы что на душѣ у меня!.. Какъ бы вѣдала, отчего боюсь я Патапа Максимыча, отчего денно и ночью страшусь гнѣва его, не сказала бы обиды такой... Погибели боюсь... — зачаль-было Алексѣй.

— Знаю, — перебила Настя. — Все знаю, что у парня на умѣ: и хочется, и колется, и болитъ, и матушка не велить... Такъ, что ли?.. Нечего глазами-то хлопать, — правду сказала.

— Тѣшь свой обычай, смѣйся, Настасья Патаповна, а я говорю дѣло, — переминаясь на мѣстѣ, сказалъ Алексѣй. — Безъ родительскаго благословенья мнѣ тебя взять не приходится... А какъ я сунусь къ нему свататься?.. Вѣдь отъ него погибель... Пришелъ бы я къ нему не голышомъ, а брякнулъ бы золотой казной, другія-бъ рѣчи тогда отъ него услыхаль...

— А гдѣ тебѣ добыть золотой казны? На большую дорогу, что ли, съ кистенемъ пойдешь, аль нечистому душу заложить? — желчно усмѣхнулась Настя.

— Оборони Господи объ этомъ и помыслить. Обидно даже отъ тебя такую рѣчь слышать мнѣ! — отвѣчалъ Алексѣй. — Не каторжный я, не бѣглый варнакъ. Въ Бога тоже вѣрую, имѣю родителей — захочу-ль я ихъ старость срамить? Вотъ тебѣ Никола Святитель, ничего такого у меня на умѣ не бывало... А скажу словечко по тайности, только, смотри, не въ проносъ: въ одно ухо впусти, въ друго выпусти. Хочешь слушать тайную рѣчь мою?.. Не промолвишься?

— Не изъ таковскихъ, чтобы зря болтать, — небрежно отвѣтила Настя.

— Наслышанъ я, Настенька, что недалеко отъ нашихъ мѣстовъ золото есть, — началъ Алексѣй.

— Ну?..

— Выкопать можно его...

— Ну?..

— Столько можно нарыть, что первымъ богачомъ будешь, — продолжалъ Алексѣй.

— Кладъ, что ли? — спросила Настя.

— Не кладъ, а песокъ золотой въ землѣ разсыпанъ лежитъ, — шепталъ Алексѣй. — Мнѣ показывали... Стѣпколовъ этотъ показывалъ, что съ Патапомъ Максимычемъ поѣхаль... За тѣмъ они на Велугу и поѣхали... Не проговорись только,

Христа ради, не погуби... Вотъ и думаю я — не пойти ли мнѣ на Ветлугу... Накопавши золота, пришелъ бы я къ Патапу Максимычу свататься...

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ-былъ мужикъ, — перебила Настя, подхвативъ батистовый передникъ рукой и подбоченясь ею. — Прогноилась у того мужика на дому кровля, середь избы капель пошла. Напилилъ мужикъ драни, вырубилъ застрѣхи, конекъ вытесалъ — все принасъ кровлю перекрыть. И вздумалось тутъ ему ставить каменны палаты. Думаетъ день, думаетъ другой, много годовъ прошло, а онъ все думаетъ, откуда денегъ на палаты достать. Денегъ не сыскалъ, палатъ не построилъ, дрань да застрѣхи погнили, а избенка развалилась... Хороша-ль моя сказочка, Алексѣй Трифоновъ?.. Ась?..

И, задорно прищуривъ горѣвшіе глазки, быстро кивнула Настя головой и птичкой порхнула въ боковушу. Алексѣй опѣшилъ. Стоить да глядитъ, ровно глоткомъ подавился.

Вдругъ большая дверь быстро распахнулась. Ввалился пьяный Волкъ, растерзанный, растрепанный, все лицо въ синякахъ и рубцахъ съ запекшейся кровью, губы разбиты, глаза опухли, самъ весь въ грязи: по всѣмъ статьямъ кабацкій заведатель.

— А! Дѣвшниль-ушникъ!.. — крикнулъ онъ Алексѣю. — И сюда забрался!.. Постой ты у меня, я те отпотчую.

— Молчать, пьяная рожа! — накинулся на него Алексѣй. — Только слово пикни, до смерти разражу.

— Нечего грозиться-то. Ахъ, ты, анаема!

Алексѣй хотѣлъ-было схватить Никифора, но тотъ извернулся и бросился въ боковушу, куда убѣжала Настя.

Въ дверяхъ боковуши стояла капонница Евпраксеюшка съ пукомъ восковыхъ свѣчей.

Залился веселымъ хохотомъ Никифоръ.

— Ай да приказчикъ!.. Да у тебя, видно, цѣлому скиту спуску нѣтъ... Намедни съ Фленушкой, теперь съ этой толстухой!.. То-то я слышу голоса: твой голосъ да чей-то дѣвичій!.. Ха-ха-ха! Прилипчивъ же ты, парень, къ женскому полу!.. На такую рябую рожу и то польстился!.. Ну ничего, ничего, паренекъ: былъ молодцу не покорь, всяку дрянъ къ себѣ чаль, Богъ увидитъ, хорошеньку пошлетъ.

— Постой ты у меня, кабацкая затычна!.. Я те упеку въ добро мѣсто!.. — кричалъ Алексѣй. — Я затѣмъ и къ хозяйкѣ шелъ, чтобъ про новыя твои проказы ей доложить... Кто пѣгу-то кобылу въ Кошелевскомъ перелѣскѣ зарѣзалъ?.. Кто кобылью шкуру въ Захлыстинскомъ кабакѣ заложилъ?.. А?..

— Нешто я?—съ наглостью отозвался Никифѳръ.

— А нешто не ты? — наступая на него, закричалъ Алексѳей.—Шкура-то у меня, а цѳловальникъ налицо... Ахъ, ты, Волкъ этакій, прямой волкъ!..

Вышла на шумъ Аксинья Захаровна. Узнавъ о новомъ подвигѳ любезнаго братца, согласилась она съ Алексѳемъ, что его до приѳзда Патапа Максимыча, на запоръ слѳдуетъ.

Такъ и сдѳлали. Заперъ Алексѳей нареченнаго дядюшку во мшеникъ на хлѳбъ на воду.

Новыя напасти, новыя печали съ того дня одолѳли Настю. Не чаяла она, что въ возлюбленномъ ея нѳтъ ни удачества молодецкаго ни смѳлой отваги. Гадала сокола поймать, поймала сѳру утицу.

Дивомъ казалось ей, понять не могла, какъ это она вдругъ съ Алексѳемъ поладила. Въ самое то время, какъ сердце въ ней разгорѳлось, когда гнѳвомъ такъ и рвало душу ея, вдругъ ни съ того ни съ сего помирились, ровно допрежь того и ссоры никакой не бывало... Увидала слезы, услышала рыданья—воскомъ растаяла. Не видывала до той поры она, ни отъ кого даже не слыхивала, чтобъ парни передъ дѳвницами плакали, — а этогъ...

Думала прежде Настя, что Алеша ея ровно сказочный богатырь: и тѳломъ силенъ и душою могучъ, и что на цѳломъ свѳтѳ нѳтъ человѳка ему по плечу... И вдругъ онъ плачетъ, рыдаетъ и, еще ничего не видя, труситъ Патапа Максимыча, какъ старая баба домового... Гдѳ же удалъ молодецкая, гдѳ сила богатырская?.. Видно, у него только обличье соколѳ, а душа-то воронья...

Упалъ въ Настинныхъ глазахъ Алексѳей!.. Жаль ей парня, но жаль какъ беззащитнаго ребенка, какъ калѳку-старика... Плохъ онъ, думаетъ Настя, какъ же за такимъ замужемъ жить?.. Только жизнь волочить да маягься до гробовой доски.

Скучно ей, ждать не дождется отца. Выпросилась бы къ больной теткѳ и тамъ бы въ обители развѳяла съ Фленушкой госку свою. Опостылѳлъ Настѳ домъ родительскій.

Видалась она послѳ того съ Алексѳемъ. Чуть не каждый день видалась, но эти свиданья непохожи были на первыя. Не клеились тайныя бесѳды, не сходили съ устъ слова душевныя... Сойдутся, разъ-другой поцѳлуются, перекинутъ нѳсколько словъ, глядь, и говорить больше не о чемъ. И поцѳлуи ужъ не такъ горячи и ласки не такъ страстны, какъ прежде бывали. Только и осталось приманчиваго, что тайна свиданій да тревожное опасенье, чтобъ кто не засталъ ихъ на

поцѣлуй. Однажды сошла Настя въ подклѣтъ къ Алексѣю. Немножко поговорили и замолкли, а когда Алексѣй, обнявъ станъ Насти, припалъ къ ея плечу, она — зѣвнула.

Зачиналь-было Алексѣй заводить рѣчь, отчего боится онъ. Патапа Максимыча, отчего такъ много сокрушается о гнѣвѣ его... Настя слушать не захотѣла. Такъ бывало не разъ и не два... Алексѣй больше и говорить о томъ не начиналъ.

Но какъ ни боится онъ Патапа Максимыча, а все-таки прежнюю думу лелѣетъ, какъ бы жениться на богатой Настѣ. У нея въ сундукахъ добра счету нѣтъ, а помретъ отецъ, половина всего имѣнья ей достанется... Другой такой невѣсты ему не сыскать... Краше Настасьи Патаповны тоже ему не найти... Да что краса, что пригожество, не того надо молодцу, не о томъ его думы, заботы, не въ томъ тайныя его помышленья... Съ женина лица не воду пить, красота приглядчива, а приданыя денежки на всю жизнь пригодятся. А богатства Чапуриныхъ не перечестъ, — живи, не тужи, — что ни день, то праздникъ... Одна бѣда — сумѣлъ дѣвку достать, какъ жену-то добыть?.. «Родитель-отъ, Патапъ-отъ Максимычъ, — думаетъ Алексѣй: — добръ до меня, ужъ такъ добръ, что не придумаешь, чѣмъ угодить могъ ему, а все же онъ гибель моя... Заикнись ему про Настю, конскимъ хвостомъ пепель твоей размететь... Сохрани, Господи, отъ лютаго человѣка и помилуй меня!..»

Спать ляжетъ, во снѣ такіе же сны видятся. Вотъ сидитъ онъ въ своихъ каменныхъ палатахъ, все прибрано и все богато разукрашено... Несмѣтныя сокровища, людской почетъ, домъ полная чаша, а подъ бокомъ жена-красавица, краше ея во всемъ свѣтѣ нѣтъ... Жить въ добрѣ да въ краснѣ и во снахъ хорошо: тѣшатъ Алексѣя золотыя грезы, сладко бьется его сердце при видѣ длиннаго роя сладкихъ призраковъ, обступających его со всѣхъ сторонъ, и вдругъ неотвязная мысль о Чапуринѣ, о гибели... Сонныя видѣнія мутятся, туманятся, все исчезаетъ, и передъ очами Алексѣя темной марой встаетъ страшный образъ разъяреннаго Патапа Максимыча. Какъ зарево ночного пожара пылаетъ грозное лицо его, раскаленными угольями сверкаютъ налитые кровью глаза, по локоть рукава засучены, въ рукѣ дубина,* а у ногъ окровавленная, едва дышащая Настя... Кругомъ убійцы толпятся рабочій людъ, ожидаетъ хозяйскаго приказа... Грозный призракъ указываетъ на полумертваго отъ страха Алексѣя, кричитъ: — «Давай его сюда: жилы вытяну, ремней изъ спины накрою, въ своей крови онъ у меня захлебнется!..» Толпа кидается на беззащитнаго, ножъ блеснулъ... И съ страшнымъ крикомъ про-

сынается Алексѣй... Долго не можеть очнуться и, опомнившись, спѣшно творить одно за другимъ крестныя знаменья...

Чуть не каждую ночь такіе тяжелые сны... И западаетъ на мысль Алексѣю: не просто такіе сны видятся, то вѣщие сны, Богомъ они насылаются, ангелами приносятся, правду предсказываютъ... Вспоминаетъ про первое свиданье съ Патапомъ Максимычемъ, вспоминаетъ, какъ тогда у него ровно кипяткомъ сердце обдало при взглядѣ на будущаго хозяина, какъ ему что-то почудилось — не то беззвучный голосъ, не то мысль незванная, непрощенная... И становится Алексѣй день ото дня сумрачнѣй, ходитъ унылый, отъ людей сторонится, иной разъ и по дѣлу какому слова отъ него не добьются. Заѣли Лохматаго думы да страхи... Гдѣ бы смѣлости взять, откуда-бъ набраться отваги?

«Эхъ, далось бы мнѣ это ветлужское золото! — думаетъ онъ. — Другимъ бы тогда человѣкомъ я сталъ!.. Во всемъ довольство, обилье, ото всѣхъ почетъ и самъ себѣ господинъ, никого не боюсь!.. Иль другую бы дѣвицу, либо вдовушку подцѣпить въ-время, чтобъ у ней денешки водились свои, не родительскія... Тогда... Ну, тогда прости, прощай, Настасья Патаповна — не поминай насъ лихомъ...»

Разъ утромъ, послѣ тревожныхъ сновидѣній, въ подклѣтѣ, возлѣ своей боковуши, сидѣлъ Алексѣй, крѣпко задумавшись. Подсѣлъ къ нему старикъ Пантелей.

— Алексѣюшка, — молвилъ онъ: — послушай, родной, что скажу я тебѣ. Не посѣтуй на меня, старика, не погнѣвайся, кажись, будто творится съ тобой что-то неладное. Всего шесть недѣль ты у насъ живешь, а вѣдь ровно изъ тебя другой парень сталъ... Побывай у своихъ въ Поромовѣ, мать родная не признаетъ тебя... Милости подобно, какъ ты извелся... Хворь, что-ль, какая тебя одолѣла?

— Нѣтъ, Пантелей Прохорычъ, хворя нѣтъ у меня никакой. Такъ что-то... на душѣ лежитъ... — отвѣчалъ Алексѣй.

— Дума какая? — продолжалъ свой допросъ Пантелей.

— Охъ, Пантелей Прохорычъ! — вздохнулъ Лохматый. — Всѣхъ моихъ думъ не передумать. Мало-ль заботы мнѣ. Люди мы разоренные, семья большая, родитель-батюшка совсѣмъ хизнулъ съ тѣхъ поръ, какъ Господь насъ горемъ посѣтилъ... Поневоля крылья опустишь, поневоля въ лицѣ помутнишься и сохнуть зачнешь: забота людей не красить, печаль не цвѣтить.

— Не о чемъ тебѣ, Алексѣюшка, много заботиться. Патапъ Максимычъ не оставитъ тебя. Видишь самъ, какъ онъ волюбилъ тебя. Мнѣ даже на удивленье... Больше двадцати го-

довь у нихъ въ дому живу, а такое дѣло впервой вижу... О недостаткахъ не кручинься — не покинетъ онъ въ нуждѣ ни тебя ни родителей, — уговаривалъ Пантелей Алексѣя.

— Такъ-то оно такъ, Пантелей Прохорычъ, а все же гребтися мнѣ, — сказалъ на то Алексѣй. — Мало-ль что можетъ быть впереди: и Патапъ Максимычъ смертный человѣкъ, тоже подъ Богомъ ходить... Ну какъ не станеть его, тогда что!.. Опять же, какъ погляжу я на него, нравомъ-то больно крутенекъ онъ.

— Есть грѣшокъ, есть, — подтвердилъ Пантелей. — Иной разъ ни съ того ни сего такъ разъярится, что хоть святыхъ вонъ неси... Зато отходчивъ...

— Какъ на грѣхъ чѣмъ не угодишь ему... Человѣкъ я маленький, робкій... Воюсь я его, Пантелей Прохорычъ... Гроза сильнаго аль богатаго нашему брату полсмерти.

— Не говори такъ, Алексѣюшка, — грѣхъ!.. — внушительно сказалъ ему Пантелей. — Коли жить хочешь по-Божьему, такъ бойся не богатаго грозы, а убогаго слезы... Самъ никого не обидишь, и тебя обидѣть не попуститъ Господь.

— Знаю я это, сызмалу родители тому научили, — молвилъ Алексѣй: — а все же грозень и страшень Патапъ Макенмычъ мнѣ... Скажу по тайнѣ, Пантелей Прохорычъ, вѣдь я тебя какъ родного люблю, знаю, худого отъ тебя мнѣ не будетъ...

— Что же, что такое? — спросилъ Пантелей, думая, что Алексѣй хочетъ рассказывать ему про замыслы Стуколова.

Всталъ Алексѣй съ лавки и зачалъ ходить взадъ и впередъ по подклѣту.

— Тайная дума какая? — допытывалъ Пантелей: — можетъ, неладное дѣло затѣяно?

— Худыхъ дѣлъ у меня не затѣяно, — отвѣчалъ Алексѣй: — а тайныхъ думъ, тайныхъ страховъ довольно... Что тебѣ повѣдаю, — продолжалъ онъ, становясь передъ Пантелеемъ: — никто доселѣ не знаетъ. Не говорилъ я про свои тайные страхи ни попу на духу, ни отцу съ матерью, ни другу, ни брату, ни родной сестрѣ... Тебѣ все расскажу... Какъ на ладонкѣ раскрою... Разговори ты меня, Пантелей Прохорычъ, научи меня, пособи горю великому. Ты много на свѣтѣ живешь, много видалъ, еще больше того отъ людей слыхалъ... Исцѣли мою скорбь душевную.

И, опершись руками на плечи Пантелея, опустилъ Алексѣй на грудь его пылающую голову.

— Чтой-то, парень? — дивился Пантелей. — Голова такъ и палить у тебя, а самъ причитаешь, ровно баба въ родахъ!.. Никакъ слезу ронишь?... Очумѣлъ, что ли, ты, Алексѣюшка!..

Въ порткахъ, чать, ходишь, не въ сарафанѣ, какъ же тебѣ рюмы-то распускать... А ты рассказывай, размазывай толкомъ, что хотѣлъ говорить.

— Видишь ли, Пантелей Прохорычъ, — собравшись съ силами, началъ Алексѣй свою исповѣдь: — у отца съ матерью былъ я дитятко моленное-прошенное, первенцомъ родился, холили они меня, лелѣяли, никогда того и на умъ не впадало ни мнѣ ни имъ, чтобы привелось мнѣ когда въ чужихъ людяхъ жить, не свои щи хлебать, чужимъ сугрѣвомъ грѣться, подъ чужой крышей спать... И во снѣ мнѣ такого не грезилось... Посѣтилъ Господь, обездолили насъ люди недобрые — довелось въ чужихъ людяхъ работы искать, — продолжалъ Алексѣй. — Самъ посуди, Пантелей Прохорычъ, каково было мнѣ, какъ родитель посылалъ насъ съ братишкой на чужіе хлѣба, къ чужимъ людямъ въ работники!.. Каково было слышать мнѣ ночныя рыданія матушки!.. Она, сердечная, думала, что мы съ братомъ лежимъ сонные, да всю ночь-ноченскую просидѣла надъ нами, тихонько крестила насъ своей рученькой, кропила лица наши горячѣй слезой... Охъ, каково было горько тогда... Вздумать не могу!..

И крѣпко обнялъ Алексѣй старика Пантелея.

— Полно... не круши себя, — говорилъ Пантелей, глядя морщинистой рукой по кудрямъ Алексѣя. — Не ропщи... Богъ все къ добру строитъ: мы съ печалями, Онъ съ милостью.

— Не ропщу я на Господа. На Него возвращаю печали мои, — сказалъ, отирая глаза, Алексѣй. — Но послушай, родной, что дальше-то было... Что было у меня на душѣ, какъ пошелъ я изъ дому, того рассказать не могу... Свѣту не видѣлъ я — солнышко высоко, а я ровно темной ночью брелъ... Не помню, какъ сюда доволокея... На умъ было — хозяинъ каковъ? Дотолѣ его я не видывалъ, а слуховъ много слыхалъ: одни сказываютъ — добрый-предобрый, другіе говорятъ — нравомъ крутъ и лютъ какъ звѣрь...

— Мало ль промежъ людей ходитъ слуховъ? Сто лѣтъ живи, всѣхъ не переслушаешь, — сказалъ Пантелей.

— Прихожу я въ Осиповку, — продолжалъ Алексѣй: — Патапъ Максимычъ изъ токарни идетъ... Какъ взглянулъ я на него, сердце у меня такъ и захолонуло...

— Грозень показался? — спросилъ Пантелей.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Алексѣй. — Свѣтель лицомъ и добръ. Только ласку да пріятство видѣлъ я на лицѣ его, а какъ вскинулъ онъ на меня глазами, показались мнѣ его глаза родительскими: такіе любовные, такіе заботные. Подхожу къ нему... И тутъ... ровно шепнулъ мнѣ кто-то: «отъ сего человѣка по-

гибель твоя». Такъ и говорить: «отъ сего чловѣка погибель твоя». Откуда такое извѣщеніе — не знаю.

— Отъ сряща бѣса полуденнаго,—строгаго сказалъ Пантелей.— Его окаянное дѣло, по всему видно. Отъ него и страхи ночные бывають, и вещь, во тьмѣ преходящая, и стрѣла, летящая во дни... Ты, Алексѣюшка, вражьему искушенью не поддавайся. Читай двѣнадцату каѳизму, а не то хоть одинъ псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго», да молись пренедобному Нифонту о прогнаніи лукавыхъ духовъ... И отступится отъ тебя бѣсъ полуденный... Это онъ шепталъ и теперь онъ же смущаетъ тебя... Гони его прочь — молись...

— Буду молиться, родной, сегодня-жъ зачну, — отвѣчалъ Алексѣй. — А не выйдетъ у меня изъ головы то извѣщеніе, все-таки буду бояться Патапа Максимыча.

— А отъ страха передъ сильнымъ, слушай, что пользуетъ, — сказалъ Пантелей. — «Вихорево гнѣздо» видаль?

— Не знаю, что за «вихорево гнѣздо» такое — отвѣчалъ Алексѣй.

— На березѣ живеть, — сказалъ Пантелей. — Когда вихорь летитъ да кружить — это вѣтры небесные межъ себя играютъ... Невѣгласи, темные люди врутъ, что вихорь — бѣсовская свадьба, не вѣрь тьмѣ пустымъ рѣчамъ... Вѣтры идутъ отъ дуновенія устъ Божіихъ, какое же мѣсто врагу, гдѣ играютъ они во славу Божію... Не смущайся — что сказывать стану — въ томъ нечисти бѣсовской ни капли нѣтъ... Когда вѣтры небесные вихрями играютъ предъ лицомъ Божіимъ, заигрываютъ они иной разъ и съ видимою тварію — съ цвѣтами, съ травами, съ деревьями. Бываетъ, что, играя съ березой, завивають они клубомъ тонкія верхушки ея... Это и есть «вихорево гнѣздо».

— Видаль я на березахъ такіе клубы, не зналъ только, отколь берутся они, — молвилъ Алексѣй.

— Возьми ты это «вихорево гнѣздо», — продолжалъ Пантелей: — и носи его на себѣ, не снимаючи. Не убоишься тогда ни сильнаго, ни богатаго, ни князя, ни суди, ни иной власти чловѣческой... Укрѣпится сердце твое, не одолѣетъ тебя ни страхъ ни боязнь... Да смотри, станешь то гнѣздо съ березы брать, станешь на себя вздѣвать — дѣлай все съ крестомъ да съ молитвой... Вѣдь это не ворожба, не колдовство... Читай третій псаломъ царя Давыда, да какъ дойдешь до словъ: «Не убоюся отъ темъ людей окрестъ нападающихъ на мя», перекрестись и надѣвай на шею... Да чтобъ никто на тебѣ «вихорева гнѣзда» не видаль, не то вся сила его пропадетъ, и станешь робѣть пуще прежняго. Лучше всего возьми ты самую середку гнѣзда, зашей во что ни на есть

и носи во славу Божию на крестъ наузой*)... Носятъ еще отъ страха барсучью шерсть въ наузѣ, не дѣлай этого, то не отъ Бога, а отъ злого чарованья. Кто барсучью шерсть носить, въ того человѣка дьяволъ намѣсто робости злобу къ людямъ вселяетъ. Казаки, что въ стары годы по Волгѣ разбоемъ ходили, всѣ барсучью шерсть на шеѣ носили, оттого и были на кровопролитіе немилостивы...

Внимательно слушалъ Алексѣй Пантелея и рѣшилъ съ того же дня искать «вихорева гнѣзда».

Вдругъ благодушное выраженіе лица Пантелея смѣнилось строгимъ, озабоченнымъ видомъ; повернулъ онъ рѣчь на другое.

— А скажи-ка ты мнѣ, Алексѣюшка, не замѣтно-ль у васъ чего недобраго?.. Этотъ проходимецъ, что у насъ гостилъ, Стуколовъ, что ли... Сдается мнѣ, что онъ каку-нибудь кашу у насъ заварилъ... Куда Патапъ-отъ Максимычъ поѣхалъ съ нимъ?

— Въ Красну Рамень на мельницу, — сказалъ Алексѣй.

— Не ври, парень, по глазамъ вижу, что знаешь про ихнее дѣло... Ты же наемни и самъ шептался съ этимъ проходимцемъ... Да у тебя въ боковушѣ и Патапъ Максимычъ, отъ людей таясь, съ нимъ говорилъ да съ этимъ осторожникомъ Дюковымъ. Не можетъ быть, чтобъ не зналъ ты ихняго дѣла. Сказывай... Не ко вреду спрашиваю, а всѣмъ на пользу.

— Торговое дѣло, Пантелей Прохорычъ. Про торговое дѣло вели разговоръ, — сказалъ Алексѣй.

— Даты, парень, хвостомъ-то не верти, истинную правду мнѣ сказывай, — подхватилъ Пантелей. — Торговое дѣло!.. Мало-ль какихъ торговыхъ дѣлъ на свѣтѣ бываетъ — за ину торговлю чувствуютъ, за другую шлетъми шлепаютъ. Есть товары заповѣдныя, есть товары запретныя, бываютъ товары опальныя. Боюсь, не подбилъ бы нечутный шатунъ нашего хозяина на запретное дѣло... Опять же Дюковъ тутъ, а про этого молчанку по народу недобрая слава идетъ. Безъ малаго годъ въ острогѣ сидѣлъ.

— Не все-жъ виноватыя въ острогѣ сидятъ, — замѣтилъ Алексѣй. — Говорится: «отъ сумы да отъ тюрьмы никто не отрекайся»... Оправдали его.

— Такъ-то оно такъ, — сказалъ Пантелей: — а все-жъ недобрая слава сложилась про него...

— Какая слава? — спросилъ Алексѣй.

— Насчетъ серебреца да золотца... — молвилъ Пантелей, пристально глядя на Алексѣя.

*) Науза, иногда обереть — привѣска къ тѣльному кресту, амулетъ.

— Золота? — вспыхнулъ Алексѣй. — Изъ какихъ мѣстовъ?

— Песъ ихъ знаетъ, прости Господи, гдѣ они поганое дѣло свое стряпаютъ, на Ветлугѣ, что ли, — молвилъ Пантелей.

— На Ветлугѣ?.. — смутился Алексѣй. — Да они на Ветлугу и поѣхали.

— То-то и есть... А давеча говорилъ — въ Красну Рамень... Самъ знаю, что они на Ветлугѣ, а по какому дѣлу?.. По золотому?.. Такъ, что ли?.. — порывисто спрашивалъ Пантелей.

— Не наведи только погибели на меня, Пантелей Прохорычъ, — отвѣчалъ Алексѣй, поблѣднѣвъ и дрожа всѣмъ тѣломъ...

— Не на погибель веду, отъ погибели отвести хочу... Отвести тебя и хозяина, — заговорилъ Пантелей. — Живу я въ здѣшнемъ домѣ, Алексѣюшка, двадцать годовъ слишкомъ, нѣтъ у меня ни роду ни племени, ни передо мной ни за мной нѣтъ никого — одинъ какъ перстъ... Патапа Максимыча и его домашнихъ за своихъ почитаю, за сродниковъ... Какъ же не убиваться мнѣ, какъ сердцемъ не болѣть, когда онъ въ неминуемую бѣду лѣзеть... Скажи мнѣ правду истинную, не утай ничего, Алексѣюшка, авось поможетъ Господь бѣду отвести... Говори же, говори, Алексѣюшка, словечка не пророю никому.

— Почитаючи тебя замѣсто отца, за твою ко мнѣ доброту и за пользительныя слова твои всю правду, какъ есть передъ Господомъ, открою тебѣ, — медленно заговорилъ въ конецъ смутившійся Алексѣй. — Такъ точно, по этому самому дѣлу, по золоту то-есть, поѣхали они на Ветлугу.

— Ахти, Господи!.. Охъ, Владыка Милостивый!.. Что-жъ это будетъ такое?.. — захохалъ Пантелей. — И не грѣхъ тебѣ, Алексѣюшка, въ такое дѣло входить?.. Тебѣ бы хозяина побережь... Мнѣ бы хоть, что ли, сказалъ... Ахъ, ты, Господи, Царю Небесный!.. Такъ впрямь на золото поѣхали?

— Да что-жъ тутъ неладнаго, Пантелеѣ Прохорычъ? — спросилъ Алексѣй. — Въ толкъ не могу я принять, какая бѣда тутъ по-твоему...

— Дѣло-то какое!.. — отвѣчалъ Пантелей. — Самъ дьяволъ этого шатуна съ острожникомъ подослалъ смущать Патапа Максимыча, на погибель вести его... Ахъ, ты, Господи, Господи!.. Чтò же нашъ-отъ сказалъ, какъ зачали они манить его на то дѣло?

— Сначала не соглашался, потомъ рѣшился. Выгодное, говорить, дѣло... — отвѣчалъ Алексѣй.

— Выгодное дѣло!.. Выгодное дѣло!.. — говорилъ, покачивая головой, старикъ. — Да за это выгодное дѣло въ прежни годы, при старыхъ царяхъ, горячимъ оловомъ горла заливали... Нонѣ

коша того не дѣлають, а все-жъ не бархатомъ спину на площади глядятъ...

— Что ты, Пантелей Прохорычъ?.. Господь съ тобой!.. — сказалъ удивленный Алексѣй. — Да ты про какое дѣло разумѣешь?

— Извѣстно, про какое!.. За что Дюковъ-отъ въ острогѣ сидѣлъ?.. Увернулся, собачій сынъ, отъ Сибири да, видно, опять за стары промыслы... Опять фальшивы деньги ковать.

— Окстись, Пантелей Прохорычъ!.. Чтой-то ты? — воскликнулъ Алексѣй. — Каки фальшивы деньги? Поѣхали они золотой песокъ досматривать... На Ветлугѣ, слышь, золото въ землѣ родится... Конать его думаютъ...

— Знаемъ мы, какое золото на Ветлугѣ родится, — отвѣчалъ Пантелей. — Тамъ, Алексѣюшка, все родится: и мягкое золото, и цѣлковики, въ подпольѣ работанные, и бумажки-красноярки, своей самодѣльщины... Издавна на Ветлугѣ живутъ тѣмъ промысломъ... Охъ ужъ мнѣ эти треклятые проходимцы!.. На осинѣ бы имъ висѣть — поди-ка ты, какъ отуманили они окаянныя нашего хозяина.

— Самъ видѣлъ я ветлужскій золотой песокъ — Стуколовъ показывалъ. Какъ есть заправское золото, — сказалъ Алексѣй.

— Знаемъ мы, знаемъ это золото, — молвилъ Пантелей. — Изъ него-то мягкую денюгу и куютъ. Охъ, этотъ лодырь*) Стуколовъ!.. Недаромъ, только взглянулъ я ему въ рожу-то, сердце у меня повернулось... Вотъ этотъ человекъ такъ ужъ истинно на погибель...

Долго убѣждалъ Алексѣя старикъ Пантелей и самому отстать отъ опаснаго дѣла и Патапа Максимыча разговаривать.

Не разъ возобновлялся у нихъ разговоръ объ этомъ, и сердечными, задушевными словами Пантелея убѣдился Алексѣй, что затѣянное ветлужское дѣло чѣмъ-то не чисто... Про Стуколова, пропадавшаго такъ долго безъ вѣсти, такъ они и рѣшили, что не по дальнимъ мѣстамъ, не по чужимъ государствамъ онъ странствовалъ, а, должно-быть, за фальшиву монету сосланъ былъ на каторгу и оттуда бѣжалъ.

— Гляди ему въ лобъ-отъ, — говорилъ Пантелей: — не знаешь ли, какъ палачъ его на торгу желѣзными губами цѣловалъ.

Глава седьмая.

На шестой недѣлѣ Великаго поста Патапъ Максимычъ домой воротился. Только-что послышался поѣздъ саней его, настезь распахнулись ворота широкаго двора, и въ домѣ все

*) Лодырь — шатающийся плутъ, бездѣльникъ.

пришло въ движеніе. Дѣло было въ сумерки. Толстая Матрешка суетливо зажигала свѣчи въ переднихъ горницахъ: Евпраксеюшка, бросивъ молебные каноны, кинулась въ стряпущую съ самоваромъ; Акинья Захаровна заметалась изъ угла въ уголь, выбѣжала изъ свѣтлицы Настя, и, лѣнливо переваливаясь съ ноги на ногу какъ утка, выплывала полусонная Параша. Чинъ чиномъ: помолился Патапъ Максимычъ передъ иконами и промолвилъ семейнымъ: «здравствуйте», предоставивъ женѣ и дочерямъ раздѣвать его. Акинья Захаровна кушакъ развязывала, Настя съ Парашей шубу снимали. Раздѣвшись, сталъ Патапъ Максимычъ цѣловать сначала жену, потомъ дочерей по старшинству. Все по-писанному, по-наученному, по уставному.

— По добру ли по здорову ли безъ меня поживали? — спрашивалъ онъ, сядя на диванъ и предоставивъ дочерямъ стаскивать съ ногъ его дорожные валеные сапоги.

— Все слава Богу, — отвѣчала Акинья Захаровна. — Ждали мы тебя, ждали и ждать перестали... Придумать не могли, куда запропастился. Откуда теперь?

— Изъ Городца, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Вечоръ въ Городцѣ видѣлъ Матвѣя Корягу... Зазнался въ номерахъ... А ты бы, Захаровна, чайку поскорѣ велѣла собрать.

— Тѣмчасъ, тѣмчасъ, Максимычъ, — захопотала она: — мигомъ поспѣеть... А вамъ бы, дѣвки, накрыть покамѣсть столъ-отъ да посуду поставить бы... Чтѣ безъ дѣла-то глаза мялнть?..

Всѣ принялись за работу.

— Песъ его знаетъ, какъ и въ попы-то попалъ, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Въ Городцѣ нонѣ мало въ Корягу вѣруютъ и во все это австрійское священство... Такъ я полагаю, что это все московскихъ тузовъ одна пустая выдумка... Архіереевъ какихъ-то, песъ ихъ знаетъ, насвятили! Намъ бы хоть немудреного попики, да бѣглаго, и тѣмъ бы довольны остались. А они архіерея!.. Блажь одна — съ жиру бѣсятся... Чего намъ съ архіереями-то дѣлать?.. Святости, что ли, прибудеть отъ тѣхъ, грѣшнть меньше станемъ, что ли?.. Какъ же!.. По нашимъ мѣстамъ московская затѣйка въ ходъ не пойдетъ... Завелся вотъ Коряга, полугодѣ не прошло, отъ часовни ему отказъ какъ шесть... у Войлошниковыхъ теперь на дому службу справляютъ... Тѣ пока принимаютъ, ну и пусть ихъ... А намъ бы въ Городецку часовню бѣгленькаго... Съ бѣглымъ - то непримѣръ поваднѣе... Нерво дѣло, безъ просыпу пьянъ: хошь веревку вей изъ него, хошь щепу щепай... Другое дѣло — страху въ немъ больше, послушанія... А Коряга

и всё, слышь, эти австрійскіе — капли въ ротъ не берутъ — зато гордыбачить зачали... «У меня-де свой епископъ, не вы, говорить, мужики, онъ мнѣ указъ...» И задали мы Корягѣ указъ: вонъ изъ часовни, чтобъ духа его не было!.. Ну ихъ къ шути совсѣмъ!..

— Какъ же мы Страшную-то да Пасху безъ попа будемъ? — унылымъ голосомъ спросила у мужа Аксиныя Захаровна.

— А Евпраксея-то чѣмъ не пошъ?.. Не справить развѣ? Чѣмъ она плоше Коряги?.. Дѣла своего мастерица, всяку службу не хуже попа сваяетъ... Опять же теиерь у насъ въ дому двѣ подпѣвалы, — сказалъ Патапъ Максимычъ, указывая на дочерей. — Вели-ка, Настасья, Алексѣя ко мнѣ кликнуть. Чтò нейдетъ до сей поры?

Настя чуть-чуть вспыхнула. Аксиныя Захаровна отвѣтила мужу:

— Дома нѣтъ его, Максимычъ. Давеча говорилъ: надо ему въ Марково да въ Березовку зачѣмъ-то съѣздить...

— Ну, инъ ладно, — сказалъ Патапъ Максимычъ и зѣвнулъ, сидя въ креслахъ. Дорога притомила его.

А встрѣча была что-то непохожа на прежнія. Не прыгаютъ дочери кругомъ отца; не заигрываютъ съ нимъ утѣшными словами. Аксиныя Захаровна вздыхаетъ, глядитъ исподлобья... Самъ Патапъ Максимычъ то и дѣло зѣваетъ и чаемъ торопитъ...

— Матушка у насъ захворала, — подгорюнясь, молвила Аксиныя Захаровна.

— Чтò? — равнодушно спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Матушка Манеѣа больнешенька, — повторила Аксиныя Захаровна.

— Нешто спасѣной душѣ! Не помретъ — отдышитесь! — отозвался Патапъ Максимычъ. — Старого лѣсу кочерга! Скрыпить, трещить, не сломится.

— Нѣтъ, Максимычъ, не говори, — молвила Аксиныя Захаровна. — Совсѣмъ помираетъ, лежитъ безъ памяти... А Марья-то Гавриловна!.. Грѣховодница этакая, — промолвила старушка, всхлипывая. — Передъ смертью-то старицу поганить вздумала: лѣкаръ въ Комаровѣ живетъ, лѣчитъ матушку-то.

— Дѣло не худое, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Лѣкаръ больше вашей сестры разумѣеть... — И, немного помолчавъ, прибавилъ: — Спосылать бы туда, чтò тамъ?

— И то я три раза Пантелея въ обитель-то гоняла, — молвила Аксиныя Захаровна. — На прошлой недѣлѣ въ послѣдній разъ посылала: плоха, говорить, ровно свѣча таетъ, ни рученькой ни ноженькой двинуть не можетъ.

— Кто возлѣ нея? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Кому быть? — отвѣтила Аксинья Захаровна: — знамо, дѣло обительское.

— Чтѣ смыслятъ эти обительскія! — съ досадою молвилъ Патапъ Максимычъ. — Дура на дурѣ, напередъ смерти всякаго уморять... А эта егоза Фленушка поди, чать, пляшетъ да скачетъ теперъ безъ призора-то... Лѣкаръ развѣ, да не сидитъ же онъ дель и ночь у одра болящей.

— Не грѣши на Фленушку, Максимычъ, — заступилась Аксинья Захаровна.—Дѣвка съ печали совѣмъ ума рѣшилась!.. Самъ посуди, каково ей будетъ житье безъ матушки?.. Куда пойдетъ? Гдѣ голову приклонить?

— Гм-да! — промычалъ Патапъ Максимычъ.

— Возлѣ матушки больше Марья Гавриловна,—проговорила Аксинья Захаровна. — Всю обитель подѣ ноготь подогнула... Мать Софію изъ кельи вытурила, ключи отобрала, другихъ старицъ къ болящей тоже не пускаетъ...

— И умно дѣлаетъ,—рѣшилъ Патапъ Максимычъ. — Спасибо!.. Хоть она толкомъ позаботилась.

— Я было-вздумала, Максимычъ... — робко, нерѣшительно проговорила Аксинья Захаровна.

— Чего еще? — спросилъ Патапъ Максимычъ, глядя въ сторону.

— Да вотъ Настя пристаесть: отпусти да отпусти ее за матушкой поводиться.

— Ну? — спросилъ Патапъ Максимычъ, поворотивъ къ женѣ голову.

— Не посмѣла, батька, безъ тебя,—едва пропищала Аксинья Захаровна.

— Еще бы посмѣла!—молвилъ Патапъ Максимычъ.—Прасковья, сползи въ подклѣтъ, долго-ль еще самовару-то ждать?

Параша пошла поспѣшнѣй обыкновеннаго. Прыти при-было, видигъ, что отецъ не то въ сердцахъ, не то въ досадѣ, аль просто недобрый стихъ нашель на него.

— Отпусти ты меня, тятенька, — тихо заговорила Настя, подойдя къ отцу и наклоня голову на плечо его. — Походила-бъ я за тетенькой и, если будетъ на то воля Божія, закрыла-бъ ей глаза на вѣчный покой... Безъ родныхъ вѣдь лежитъ, одна-одинешенька, кругомъ чужіе.

— Подумать надо,—сказалъ Патапъ Максимычъ, слегка отводя рукой Настю. — Ну, вотъ и самоваръ! Принеси-ка, Настя, тамъ на окнѣ у меня коньяку бутылка стояла, пуншику вышить съ дороги-то...

Выкушалъ Патапъ Максимычъ чашечку, выкушалъ другую, третью... Сталъ веселѣй, разговорчивѣй.

— Вотъ и отогрѣлся, — молвилъ онъ. — Налей-ка еще, Настенька. А знаешь ли, старуха? Вѣдь меня на Львовъ день волки чуть не заѣли!

— Полно ты!.. — всплеснувъ руками, воскликнула Акинья Захаровна.

— Совсѣмъ было-поѣли и лошадей и насъ всѣхъ, — сказывалъ Патапъ Максимычъ. — Сродясь столь великой стаи не видывалъ. Лѣсомъ ѣхали, и набралось этого звѣрья видимо-невидимо, не одна сотня, поди, набѣжала. Мы на мѣстѣ стали... Впередъ ѣхать страшно — разорвутъ... А волки кругомъ такъ и рыщутъ, такъ и прядаютъ, да сядутъ передъ нами и, глядя на насъ, зубами такъ и щелкаютъ... Думалось, совсѣмъ конецъ пришелъ...

— Какъ же отбились-то, какъ вамъ Господь помогъ? — спросила поблѣднѣвшая отъ мысли объ опасности мужа Акинья Захаровна.

— Отобьешься тутъ!.. Какъ же!.. — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Тутъ на каждого изъ насъ, можетъ, десятка по два звѣрья-то было... Стуколову спасибо — надоумилъ огонь разложить... Обложились кострами. На огонь звѣрь нейдетъ — боится.

— Дай Богъ здоровья Якиму, какъ, бишь, его, Прохорычъ, что ли, — набожно перекрестясь, сказала Акинья Захаровна. — Какъ ему отъ всякаго зла обороны не знать!.. Всѣ страны произошелъ, всякихъ дѣловъ наглядѣлся, всего натерпѣлся.

— Мошенникъ! — съвозъ зубы промолвилъ Патапъ Максимычъ.

И жена и дочери смолкли, увидя, что онъ опять нахмурился.

Мало погодя Акинья Захаровна спросила его:

— Чѣмъ же мошенникъ онъ-отъ? Кажись бы, добрый человекъ... Отъ писанія свѣдущій, постный, смиренный... Много золь ради вѣры Христовой претерпѣлъ.

— Можетъ, и кнутомъ дранъ, только не за Христа, — съ досадой молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ такъ, Максимычъ? — придвигаясь къ мужу, спросила Акинья Захаровна.

— Не твоего ума дѣло, — отрѣзалъ Патапъ Максимычъ. — У меня про Якимку слова никто не могли сказать... Помню чтобъ про него не было... Ни дома межъ себя ни въ людяхъ никто зашкаться не смѣй...

Никто ни звука... Замолкъ и Патапъ Максимычъ.

— Да, съѣли-бъ меня волки, некому бы и гостинцевъ изъ городу вамъ привезти, — черезъ нѣсколько минутъ ласково молвилъ Патапъ Максимычъ. — Дѣвки!.. тащите чемоданъ, что

съ мѣдными гвоздями... Живѣй у меня... Не то осерчаю и го-
стинцевъ не дамъ.

Дочери побѣжали, хоть это и не больно привычно было об-
лѣнившеюся дома Парашѣ.

— Пора бы дѣвокъ-то подѣ вѣнецъ,—молвилъ Патапъ Макси-
мычъ, оставшись вдвоемъ съ женой. — У Прасковьи пускай
глаза жиромъ залпыли, не вдругъ распознаешь, что въ нихъ
написано, а погляди-ка на Настю... Мужа такъ и просить!
Поди, чай, спать и видить...

— Да чтой-то съ ума, что ли, ты сошелъ, Максимычъ? На
родныхъ дочерей что плетешь,—вскрикнула Аксиныя Захаровна.

— Житейское дѣло, Аксиныя Захаровна, — ухмыляясь, мол-
вилъ Патапъ Максимычъ. — Не клюковный сокъ, кровь въ дѣвкѣ
ходить. Про себя вспомни-ка, какова въ ея годы была. Тоже
девятнадцатый шель, какъ со мной сошлась?

— Тьфу! — плюнула чуть не въ самого Патапа Максимыча
Аксиныя Захаровна. — Безстыжій!.. Поминать вздумалъ!..

Патапъ Максимычъ только улыбался.

— А ты слушай-ка, Захаровна, — молвилъ онъ: — насчетъ
Настасьи я кое-что вздумалъ...

— Снѣжковъ, что-ль, опять?.. Чужимъ людямъ жену наги-
шомъ казать? — спросила Аксиныя Захаровна.

— Ну его къ шуту, твоего Снѣжкова! — отвѣтилъ Патапъ
Максимычъ.

— Не мой, батюшка, не мой, — твое сокровище, твое из-
обрѣтенъе! — скороговоркой затростила Аксиныя Захаровна. — Не
вали съ больной головы на здоровую!.. Я бы такого скомо-
роха и на глаза къ себѣ близко не пустила... Твое, Макси-
мычъ, было желанье, твоимъ гостемъ гостилъ.

— Заверещала!.. Молчи, дѣло хочу говорить,—молвилъ Па-
тапъ Максимычъ, но, замѣтивъ, что дочери тащатъ чемоданъ,
смолъ.

— Послѣ, — сказалъ онъ женѣ.

Чемоданъ вскрыли. Патапъ Максимычъ вынулъ свертокъ
и, подавая Аксиныѣ Захаровнѣ, молвилъ:

— Это тебѣ, сударыня ты моя Аксиныя Захаровна, для
Христова праздника... Да смотри, шей скорѣй, поторапливайся...
Не вздѣнешь этого сарафана въ Свѣтло Воскресенье, и хри-
стосоваться не стану. Стой утреню въ этомъ самомъ сара-
фанѣ. Вотъ тебѣ сказъ...

— Куда мнѣ старухѣ такую одѣжу носить! — молвила обра-
дованная Аксиныя Захаровна, развертывая кусокъ толстой,
добротной, темно-коричневой шелковой матеріи. Мнѣ бы пора
ужъ на саванъ готовить.

— Не смѣй помирать!.. — топнувъ ногой, весело крикнулъ Чапуринъ. — Прежде двѣ дюжины такихъ сарафановъ въ ключь износи, нотомъ помирай, коли хочешь.

— Ужъ и двѣ дюжины!.. — улыбаясь, отвѣтила Аксинья Захаровна. — Не много-ль будетъ, Максимычъ?.. Годы мои тоже немалые!..

— А это вамъ, красны дѣвицы, — говорилъ Патапъ Максимычъ, подавая дочерямъ по свертку съ шелковыми матеріями. — А вотъ еще подарки... Ихъ теперь только покажу, а дамъ, какъ христосоваться станемъ.

И открылъ коробку, гдѣ лежали сахарныя пасхальныя яйца.

Качая головой, Аксинья Захаровна разматривала ихъ... Вдругъ сердито вскрикнула на мужа:

— Выкинь, выкинь!.. Ахъ, ты, старый грѣхпроводникъ!.. Ахъ, ты, окаанный!.. Выбрось сейчасъ же да вымой руки-то!.. Ишь каку погань привезъ!.. Это что?.. Четвероконечный!.. А?.. Не видалъ?.. Гдѣ глаза-то были?.. Чтобы духу его въ нашемъ домѣ не было... Еретицкими яйцами христосоваться вздумалъ!.. Развѣ можно ихъ въ моленну внести?.. Выбрось, сейчасъ же выкинь на дворъ!.. Экъ обмірщился, экъ до чего дошелъ!

Патапъ Максимычъ не возражалъ. Нельзя... Изстари повелось по вѣрѣ бабѣ порядки блюсти. Онъ только отшучивался и кончилъ тѣмъ, что въ мелкія крошки раздробилъ привезенные подарки.

— Ишь грозная какая у васъ мать-та... — шутливо молвилъ онъ дочерямъ. — Ну, прости, Христа ради, Захаровна, не доглядѣлъ... Право слово, не доглядѣлъ, — сказалъ онъ жепѣ.

— То-то не доглядѣлъ, — ворчала Аксинья Захаровна. — Ты такого, батька, натащишь, что послѣ семеро поповъ домъ-отъ не пересвятятъ... Аль не знаешь про Кирьяка преподобнаго?

— Какого тамъ еще Кирьяка? — зѣвнулъ Патапъ Максимычъ, надоѣдать стала ему благочестивая ругань жены.

— Бысть инокъ Кириакъ, — протяжно и съ расиѣвомъ, по обычаю старообрядскихъ чтецовъ, зачала Аксинья Захаровна: — подвигомъ добрымъ подвизался, праведенъ же бѣ и благоговѣиенъ. И восхотѣ Пресвятая Богородица въ келію къ преподобному внити, обаче не видѣ. Преподобный же Кириакъ паде ницъ и моли Владычицу, да видѣтъ въ келію. Она же отвѣща ему: «не могу, старче, къ тебѣ внити, поне бо еретическая книга въ келіи твоей лежитъ»... Видишь ли, безумный ты этакій!.. Отъ книги отъ одной не вошла Богородица къ Кириаку, а ты чего натащилъ?.. Поди, поди, вымой руки-то!

— Да полно-жь тебѣ! Вѣдь ужь раздробилъ, чего еще тростить-то? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Руки вымой,—настаивала Аксинья Захаровна.—Сейчасъ мой... При мнѣ—чтобъ я видѣла!.. Настасья! Принеси отцу руки мыть.

Настя принесла умывальникъ и полотенце. Нечего дѣлать, пришлось Патапу Максимычу смывать съ рукъ великое свое прегрѣшене.

Аксинья Захаровна, на радости, что выпалъ на ея долю часть воли и власти, хотѣла-было продолжать свои сказанья, по вошелъ Алексѣй.

— Здорово, Алексѣюшка, — сказалъ, здороваясь съ нимъ, Патапъ Максимычъ. — Что?.. Какъ у насъ?... Все ли благополучно?

— Все, слава Богу, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ приказчикъ. — Посуду докрасили и по сортамъ почитай всю разобрали. Малости теперь не хватаетъ; нарочно для того въ Березовку ѣздилъ. Завтра общались все предоставить. Къ Страстной занабашимъ. Вся работа будетъ сполна.

— Съ послѣзавтраго горянницу помаленьку надо въ Городецъ подвозить, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — По всѣмъ примѣтамъ, нынѣшній годъ Волга рано пройдетъ. Наледь *) кднямъ по брюхо... Кого бы послать съ обозомъ-то?

— Да я, коли угодно, съѣздитъ бы,—отвѣчалъ Алексѣй.

— Тебя въ ино мѣсто надо посылать,—Маркела развѣ?

— Что-жь, Маркель работникъ хорошій, усердный. Кажись, ему можно повѣрить, — отозвался Алексѣй.

— Маркела и пошлемъ, — рѣшилъ Патапъ Максимычъ. — Стушайте однако вы по мѣстамъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ и дочерямъ.

Тѣ вышли.

— Послушай-ка, Алексѣюшка, — тихимъ голосомъ повелъ рѣчь Патапъ Максимычъ. — Ты это должнъ понимать, что я возлюбилъ тебя и довѣріе къ тебѣ имѣю большое. Понимаешь ты это, аль нѣтъ?

Алексѣй всталъ и, низко клаясь, проговорилъ:

— Какъ мнѣ не понимать того, Патапъ Максимычъ? Поэтому, какъ Богъ, такъ и вы... И призвѣли меня и все такое...

Вспоминалъ онъ про «погибель» и путался маленько въ рѣчахъ, не зналъ, куда клонить слова свои Патапъ Максимычъ.

— Садись. Нечего кланяться-то, — молвилъ хозяинъ. — Вижу,

*) Вешняя вода, поверхъ рѣчного льду.

парень ты смиренный, умный, руки золотыя. Для того самого доврие и показываю... Понимай ты это и чувствуй, потому что я какъ есть по любви... Это ты должонъ чувствовать... Должонъ ли?.. А?..

— Я, Патапъ Максимычъ, чувствую... Какъ же мнѣ не чувствовать! Не чурбанъ же я какой!..

— И чувствуй... Должонъ чувствовать, что хозяинъ возлюбиль... Понимай... Шу, да теперь не про то хочу разговаривать... Вотъ что... Только сохрани тебя Господи и помилуй, коли рѣчи мои въ люди вынесешь!..

— Помилуйте, Патапъ Максимычъ. Какъ это возможно?.. — молвилъ Алексѣй, робко взглядывая на хозяина.

— Быль я на Велугѣ-то, — понизивъ голосъ, сказала Патапъ Максимычъ. — Мошенники!

— Кто-съ? — вполголоса спросилъ Алексѣй.

— И Стуколовъ и Дюковъ... Всѣ... Висѣлицы имъ мало!

— Это такъ точно, Патапъ Максимычъ...? Дюковъ даже въ острогѣ сидѣлъ.

— Знаю, что сидѣлъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Это бы не бѣда: оправдался, значитъ, оправился — и дѣло съ концомъ. А тутъ на повѣрку дѣло-то другое вышло: они, проходимцы, тѣмъ золотомъ въ бѣду насъ впутать хотѣли... Да.

— Это такъ точно-съ. И то я вашего приѣзду дожидался, чтобы сказать про ихніе умыслы, Патапъ Максимычъ. Доподлинно узналъ, что на Велугѣ они фальшивы деньги работаютъ.

— Кто сказалъ? — пристально взглянувъ на Алексѣя, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пантелей Прохорычъ говорилъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Пантелей? Онъ отъ кого провѣдалъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ. Глаза его засверкали.

— Не могу знать, — опустя глаза, отвѣчалъ Алексѣй. — Сами спросите!

— Кликни его! — сказала Патапъ Максимычъ и, вскочивъ со стула, быстро зашагалъ назадъ и впередъ по горницѣ.

«И Алексѣй знаетъ, и Пантелей знаетъ... этакъ, пожалуй, въ огласку пойдетъ, — думалъ онъ. — А народъ нонѣ непостоянный, разомъ наплетутъ... О, чтобы ты въ нитку вытянуть, шапунъ проклятый!.. Напрасно вздумали мы съ Сергѣемъ Андреемъ выводить ихъ на свѣжую воду, напрасно и Дюкову деньги я далъ. Наплевать бы на нихъ, на всѣ ихнія затѣйки — одинъ бы конецъ... А приѣхали-бъ опять, такъ милости просимъ мимо воротъ щи хлебать!..»

— Здорово, Прохорычъ, — сказалъ онъ вошедшему съ Алексѣемъ Пантелею. — Какъ живетъ-можетъ?..

— Пеньшимъ помаленьку, батюшка Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ старикъ. — Ты по добру-ль по здорову ли съѣздилъ?

— Слава Богу, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Садись-ка и ты; чего стоять-то?

Усѣлись. Патапъ Максимычъ, пристально глядя на Пантелея, спросилъ:

— Ты что Алексѣю про Стуколова съ Дюковымъ рассказывалъ?

— Нехорошіе они люди, Патапъ Максимычъ, вотъ что, — сказалъ Пантелей. — Алексѣюшкѣ молвилъ и тебѣ не потаюсь — не стать бы тебѣ съ такими лодырями знаться... Право слово. Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ твоей милостью.

— А ты толкомъ говори, рѣчь-то не заворачивай!.. Зачѣмъ они нехорошіе люди? Что примѣтилъ за ними? — спрашивалъ Патапъ Максимычъ.

— Самому мнѣ гдѣ примѣчать?.. А по людямъ говоръ нехорошъ ходитъ, — отвѣчалъ Пантелей. — Кого ни спроси, всякъ про Дюкова скажетъ, что вѣкъ свой на воровскихъ дѣлахъ стоитъ.

— На какихъ же такихъ воровскихъ дѣлахъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да хоша-бъ насчетъ фальшивыхъ денегъ, — отвѣчалъ Пантелей. — Ты думаешь, напрасно онъ въ острогъ-то сидѣлъ?.. Какъ же!.. Зачѣмъ бы ему каждую недѣлю на Ветлугу таскаться?.. За какими дѣлами?.. Ветлуга знамо какая сторона: тамъ по лѣсамъ кто спасается, а кто денежку печатаетъ...

— Спрашиваю я, кто про это тебѣ сказывалъ?.. Какой человекъ?.. Стоящій ли? — приставалъ къ Пантелею Патапъ Максимычъ.

— Всѣ говорятъ, кого ни спроси, — отвѣчалъ Пантелей. — По здѣшнимъ мѣстамъ еще мало Дюкова знаютъ, а поѣзжай-ка въ городъ либо къ Баки, каждый парнишка на него пальцемъ тебѣ укажетъ и «каторжнымъ» обзоветъ.

— Гм!.. Что-жъ ты мнѣ прежде о томъ не довелъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Прежде что не довелъ?.. — усмѣхнулся старикъ. — А какъ мнѣ было доводить-то тебѣ?.. Когда гостили они, приступу къ тебѣ не было... Хорошо вѣдь съ тобой калякать, какъ добрый стихъ на тебя нападетъ, а въ ино время всякъ отъ тебя норовить подальше... Самъ знаешь, каковъ бываешь... Опять же ты съ ними взапертяхъ все сидѣлъ. Какъ-же-бъ я до тебя довелъ?..

— Затвердила сорока Якова! — перервалъ Пантелея Патапъ Максимычъ. — Про Стуколова чтò знаешь?

— Мошенникъ онъ, либо цѣлый разбойникъ, вотъ чтò я про него знаю. Недаромъ про Сибирь все расписываетъ... Не съ каторги-ль и къ намъ объявился?.. Погляди-ка на него хорошенько, рожа-то самая анаемская.

Ничего больше не добился Патапъ Максимычъ. Но его тò поразило, что Колышкинъ съ Пантелеемъ, другъ друга не зная, оба въ одно слово: чтò одинъ, то и другой.

Оставшись съ глазу на глазъ съ Алексѣемъ, Патапъ Максимычъ подробно разсказалъ ему про свои похождения во время поѣздки: и про Силантя лукеринскаго, какъ тотъ ему золотой песокъ продавалъ, и про Колышкина, какъ онъ его испробовалъ, и про Стуколова съ Дюковымъ, какъ они разругали Силантя за лишнія его слова. Сказалъ Патапъ Максимычъ и про отца Михаила, прибавивъ, что мошенники и такого Божьяго человѣка, какъ видно, хотять ошлести.

— Вотъ чтò я вздумалъ, Алексѣюшка. Управимся съ горящиной, отпразднуемъ праздникъ, пошлю я тебя въ путь-дорогу. Поѣдешь ты спервоначалу въ Комаровъ, тамъ сестра у меня захворала, свезешь письмецо Марьѣ Гавриловнѣ Масляниковой, кулеческая вдова тамъ у нихъ проживаетъ. Отдавши ей письмо, поѣзжай ты на Ветлугу въ Красноярскій скитъ, посылочку туда свезешь къ отцу Михаилу да поговоришь съ нимъ насчетъ этого дѣла... Ты у него сначала умненько повыспытай про Стуколова, старикъ онъ простой, разскажетъ, чтò знаетъ. А потомъ и молви ему, что хотя, моль, песокъ и добротень, и Патапъ-де Максимычъ хотя Дюкову деньги и выдалъ, однакожь, моль, все-таки сумнѣвается, потому что неладные слухи пошли... А насчетъ фальшивыхъ денегъ не сразу говори, сперва умненько словечко закинь да и послушай, чтò старецъ станетъ отвѣчать... Коли въ примѣту будетъ тебѣ, что ничего онъ не вѣдаетъ, молви: «Жалѣеть, моль, тебя Патапъ Максимычъ, бонтся, чтобъ къ отвѣту тебя не довели. Въ городу, моль, Зубкова купца — въ острогъ за фальшивыя деньги посадили, а доставилъ-де ему тѣ воровскія деньги незнакомый молодецъ, сказался Красноярскаго скита послушникомъ...» А Стуколова застанешь въ скиту, лишняго съ нимъ не говори... Да тебя учить нечего, парень ты смысленый, догадливый... Вотъ еще чтò!.. Будучи въ скиту, огляди ты все хозяйство отца Михаила, онъ тебѣ все покажетъ, я ужъ ему наказывалъ, чтобы все показалъ... Есть, паренекъ, чему поучиться... Поучись, Алексѣюшка, впередъ пригодится... Да и мнѣ, Богъ дастъ, на пользу будетъ... А воротисься, одну вещь

скажу тебѣ... Ахнешь съ радости!.. Ну, да чтò до поры поминать!.. Послѣ...

До праздника съ работой управились... Горящину на пристань свезли и погрузили ее въ зимовавшія по затонамъ тихвинки и коломенки. Раздѣлался Патапъ Максимычъ съ дѣлами, какъ ему и не чаялось. И на мельницахъ работа хорошо сошла, муку тоже до праздника всю погрузили... Съ Низу письма получены: на суда кладчиковъ явилось довольно, а пшеницу въ Баронскѣ купили по цѣнѣ сходной. Благодушествоетъ Патапъ Максимычъ, весело встрѣчаетъ великій праздникъ.

Въ Великую субботу попросился Алексѣй домой — въ Поромово.

Патапъ Максимычъ слегка насупился, но отпустилъ его.

— А я-было такъ думалъ, Алексѣюшка, что ты у меня въ семьѣ праздникъ-отъ Господень встрѣтишь. Вѣдь я тебя какъ есть за своего почитаю, — ласково сказалъ онъ.

— Тятенька съ мамынькой безпремѣнно наказывали у нихъ на праздникъ быть. Родительская воля, Патапъ Максимычъ.

— Такъ-то оно такъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Про то ни слова. «Чти отца твоего и мать твою»... Господне слово!.. Хвалю, что родителей почитаешь... За это Господь наградить тебя счастьемъ и богатствомъ.

Алексѣй вздохнулъ.

— Да, Алексѣюшка, вотъ нонѣ великіе дни. Въ эти дни праздное слово какъ молвить?.. — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — По душѣ скажу: не наградилъ меня Богъ сыномъ, а если-бъ даровалъ такого, какъ ты, денно-нощно благодарилъ бы я Создателя.

Робко взглянулъ Алексѣй на Патапа Максимыча, и краска сбѣжала съ лица. Поблѣднѣлъ какъ скатерть.

Такой же передъ нимъ стоитъ, какъ въ тотъ день, когда Алексѣй пришелъ рядиться. Такъ же свѣтелъ ликомъ, такимъ же добромъ глаза у него свѣтятся и кажутся Алексѣю очами родительскими... Такъ же любовно, такъ же заботно глядятъ на него. По опять, слышится Алексѣю, шелчетъ кто-то незнакомый: «отъ сего человѣка погибель твоя». «Вихорево гнѣздо» не помогло...

— Чтò ты?.. Аль неможется?.. — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ красильнѣ все утро былъ, угорѣлъ, надо-быть, — едва внятно отвѣтилъ Алексѣй.

— Эхъ, парень!.. Какъ же это ты, — заботливо сказалъ Патапъ Максимычъ. — Пошелъ бы да прилесть маленько, капусты кочанной къ головѣ-то приложилъ бы, въ уши-то мерзлой клюквы.

— Нѣтъ, ужъ я лучше, если будетъ ваше позволенье, домой побреду; на морозцѣ угарь-отъ выйдетъ, — сказалъ Алексѣй.

— Ну, какъ хочешь, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Да неужто тебя пѣшкомъ пустить?.. Вели буланку запрячь, отъѣзжай. Да теплѣй одѣвайся, теперь весна, снѣгъ сходитъ. Долго-ль лихоманку нажить?

— Благодарю покорно, Патапъ Максимычъ, — низко поклонясь, сказалъ Алексѣй. — Ужъ позвольте мнѣ всю Святую утятеньки пробить, — молвилъ Алексѣй.

— Всю недѣлю? — угрюмо спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Ужъ всю недѣлю позвольте, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Ну, неча дѣлать... Прощай, Алексѣйшюшка, — вздохнувъ, промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Счастливо оставаться... — низко кланаясь, сказалъ Алексѣй.

— Постой маленько, обожди... Я сейчасъ, — перервалъ его Патапъ Максимычъ, выходя изъ горницы.

Алексѣй стоялъ, понуривъ голову. «Какъ же онъ ласковъ, какъ же милостивъ, душа такъ и льнетъ къ нему... А страшно, страшно»!..

Воротился Патапъ Максимычъ... Подойдя къ Алексѣю, сказалъ:

— Похристосуемся. Завтра вѣдь не свидимся... Христось воскресе!

— Воистину Христось воскресе! — отвѣчалъ Алексѣй.

Патапъ Максимычъ крѣпко обнялъ его и трижды поцѣловалъ, потомъ далъ ему деревянное красное яйцо.

— Будешь дома христосоваться — вскрой — и вспомни про меня старика.

Слеза блеснула на глазахъ Патапа Максимыча.

— На праздниѣ-то навѣсти же, — сказалъ онъ. — Отцу съ матерью кланяйся да молви — пріѣзжали бы къ намъ попраздновать, познакомились бы мы съ Трифономъ Михайлычемъ, потолковали. Умныхъ людей бесѣду люблю... Хотѣлъ завтра, ради великаго дня, объявить тебѣ кое-что, да, видно, ужъ послѣ...

Ушелъ Алексѣй, а Патапъ Максимычъ сѣлъ у стола и опустилъ голову на руки.

Совѣмъ захопоталась Аксинья Захаровна. Глазъ почти не смыкала послѣ длиннаго «стоянья» Великой субботы, от-

правленнаго въ моленной при большомъ стеченн бгомольцевъ, цѣлый день въ суетахъ бѣгала она по дому. То въстрянушую заглянетъ, хорошо-ль куличи пекутся, то въ моленной надо посмотрѣть, какъ Евпраксеюшка съ Парашей лампы да иконы чистятъ, крѣпко-ль вставляютъ въ подсвѣчники ослопныя свѣчи, и достаточно-ль чистыхъ горшковъ для горячихъ углей и роснаго ладана онѣ приготовили... Изъ моленной въ боковушу къ Настѣ забѣжитъ, поглядѣть, какъ она съ Матренушкой крашены яйца по блюдамъ раскладываетъ... Съ ранней зари по всему дому бѣготня, суетня ни на минуту не стихала... Даже часы Великой субботы Евпраксеюшка одна прочитала. Аксиныя Захаровна только и забѣжала въ моленну послушать паремью съ припѣвомъ: «Славно бо прославися!»

Стало смеркаться, все помаленьку успокоилось, Аксиныя Захаровна всѣмъ была довольна... Вездѣ удача, какой и не чаяла... Въ часовнѣ иконы и лампы какъ жарь горятъ, все выметено, прибрано, вычищено, скѣмьи коврами накрыты, на длинномъ столѣ, крытомъ камчатною скатертью, стоятъ фарфоровыя блюда съ красными яйцами, съ бѣлоснѣжною пасхой и пышными куличами; весь полъ моленной густо усыпанъ можевелникомъ... Одна бѣда, попа не досѣли, придется на такой великій праздникъ сиротскую службу отправить... Въстряпушей тоже все удалось: пироги не подгорѣли, юха курячья съ шафраномъ сварилась на удивленье, солонина съ гусинными полотками подъ чабромъ вышла отличная, а индюшку разсолную да рябчиковъ подъ лимоны и кума Никитична не лучше бы, пожалуй, сготовила. Благодарствуетъ хозяйшка... И пошла-было она къ себѣ въ боковушу, успокоиться до утрени, но, увидавъ Патапа Максимыча въ раздумьѣ, стала передъ нимъ.

— Ты бы, Максимычъ, прилежь покуда, — молвила она. — Часокъ, другой, третій соснуль бы до утрени-то.

Патапъ Максимычъ поднялъ голову. Лицо его было ясно, радостно, а на глазахъ сверкала слеза. Не то грусть, не то сердечная забота видѣлась на крутомъ, высокомъ челѣ его.

— Присядь, старуха, посовѣтовать хочу.

Ни слова не молвивъ, сѣла Аксиныя Захаровна возлѣ мужа.

— Я все объ Настѣнкѣ, — сказалъ онъ. — Чтò ни толкуй, пора ее подъ вѣнецъ.

— Нашель время про скоромныя дѣла говорить. Такіе ли дни? — отвѣтила Аксиныя Захаровна.

— Не про худо говорю, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Доброму слову всякій день мѣсто... Жениха подыскаль...

— Кого еше?

— Да хоть бы Алексѣя, — молвилъ Патапъ Максимычъ. Аксиныя Захаровна всплеснула руками да такъ и застыла на мѣстѣ.

— Въ умѣ ли ты, Максимычъ? — вскрикнула она.

— А ты не верещи какъ свинья подъ ножомъ... Ей говорить: «совѣтовать хочу», а она верещать!.. — еще громче крикнулъ Патапъ Максимычъ. — Услышать могутъ, помѣшать... — сдержанно прибавилъ онъ.

— Да я такъ, Максимычъ... — сробѣвъ, отвѣтила Аксиныя Захаровна. — Въ умѣ взять не могу!.. Хорошаго человѣка дочь, а за мужика!..

— А сама ты за какого князя выходила? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же ты его къ себѣ прировнялъ, Максимычъ? — молвила Аксиныя Захаровна. — Вѣдь онъ чтò? Нищій, по наймамъ ходить...

— Жена богатство принесеть, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Зачнуть хозяйствовать богаче, чѣмъ мы съ тобой зачинали...

Всталъ Патапъ Максимычъ, къ окну подошелъ... Ночь темная, небо черное, пò небу все звѣзды, звѣзды — счету имъ нѣтъ. Тихо мерцають, будто играютъ въ безконечной своей высотѣ. Задумчиво глядитъ Патапъ Максимычъ то въ темную даль, то въ звѣздное небо. Глубоко вздохнувъ, обратился къ Аксиныѣ Захаровнѣ.

— Помнишь, какъ въ первый разъ мы встрѣчали съ тобой великій Христовъ праздникъ?.. Такая же ночь была, такъ же звѣзды сіяли... Небеса веселились, земля радовалась, люди праздновали... а мы съ тобой въ слезахъ у гробика стояли...

Прослезилась Аксиныя Захаровна, вспомня давно потеряннаго первенца.

— Помнишь, каково намъ горько было тогда!.. Кажись, и махонькій былъ, а кручина съ ногъ насъ сбила... Теперь такой же бы былъ!.. Ровесникъ ему, и звали тоже Алешей... Захаровна!.. Не самъ Богъ ли посылаетъ намъ сына за мѣсто того?.. А?..

Аксиныя Захаровна молча отерла слезы.

— Парень умный, почтительный, душа добрая. Хорошій будетъ сынокъ... Будетъ на кого хозяйство наложить, будетъ кому и глаза намъ закрыть, — продолжалъ Патапъ Максимычъ.

— Оно, конечно, Максимычъ... — въ нерѣшимости молвила Аксиныя Захаровна. — Настя-то какъ?

— Чего ей еще?.. Какого рожна? — вспыхнулъ Патапъ

Максимиць. — Погляди-ка на него, каковъ изъ себя... Рѣдко сыщешь: и тѣлень, и дѣлень, и лицомъ казистъ, и глядитъ молодцомъ... Выряди-ка его хорошенько, дѣвки за нимъ не утонятся... Какъ Настасьѣ не полюбить такого молодца?.. А смиренство-то какое, послушливость-та!.. Гнилого слова не сходитъ съ языка его... Коли Господь приведетъ мнѣ Адексѣя сыномъ назвать, кто счастливѣй меня будетъ?

— Тдропокъ ты больно, Максимиць, — возразила Аксиныя Захаровна. — Чтò влѣзетъ тебѣ въ голову, тотчасъ вынь да положи. Подумать прежде надо, посудить... Тогда хоть бы Снѣжкова привезъ!.. Славы только надѣлать, по людямъ говоръ пустилъ, а дѣло-то какое вышло?.. Ты дома не живешь, ничего не слышишь, а мнѣ куда горько слушать людскіе-то пересуды... На чтò ежовска Акулина, десятникова жена, самая ледащая бабенка, и та зубы скалить, и та судачить. «Привозили-де къ Настасьѣ Патаповнѣ заморскаго жениха, не то царевича, не то королевича, а женихъ-отъ невѣсты поглядѣлъ да хвостомъ и вильнулъ...» Каково матери такія рѣчи слушать?.. А?..

— Не слушай глухихъ бабенокъ — и вся недолга, — равнодушно молвилъ Патапъ Максимиць.

— Рада бы не слушать, да молва, чтò вѣтеръ, сама въ окна лѣзетъ, — отвѣчала Аксиныя Захаровна. — Намедни безъ тебя крива рожа Пахомиха изъ Шишинки притащилась... Новины *) хотѣла продать... И та подлюха спрашиваетъ: «катору краю за купецкаго-то сына ладили?» А дѣвицы тутъ сидятъ, при нихъ покуда тако слово молвила... Ужъ задала же я ей купецкаго сына... Въ другорядъ не заглянетъ на дворъ.

— Охота была! — отозвался Патапъ Максимиць. — Наплевала бы да и полно... Съ душой чего вязаться? Бабій кадыкъ ничѣмъ не загородишь — ни пирогомъ ни кулакомъ.

— Не стерпѣтъ, Максимиць, воля твоя, — возразила Аксиныя Захаровна. — Вѣдь я мать, самъ разсуди... Ни корова теля ни свинья порося въ обиду не дадутъ... А мнѣ за дѣвокъ какъ не стоять.

— Да полно тебѣ тростить!.. Плюнь!.. Такіе ли дни теперъ! — уговаривалъ раскипятившуюся жену Патапъ Максимиць. — Лучше совѣтъ совѣтуй... Какъ твои мысли насчетъ Настасьи?..

— Какъ самъ знаешь, Максимиць!.. Ты въ дому голова, — глубоко вздохнувъ, промолвила Аксиныя Захаровна.

*) *Новина* — катокъ крестьянскаго холста въ три стѣны, то-есть въ 30 аршинъ длины.

— Тебѣ-то Алексѣй помыслили будетъ?.. — спрашивалъ онъ.

— Не все-ль едино — по мысли онъ мнѣ али нѣтъ? — опускающая голову, молвила Акинья Захаровна. — Не мнѣ съ нимъ жить, Настасью спроси.

— И спрошу, — сказала Патапъ Максимычъ. — Я-было такъ думалъ — утрѣ, какъ христосоваться станемъ, огорошить бы ихъ: «Цѣлуйтесь, моль, и во славу Христову и въ сласть — вы, моль, женихъ съ невѣстой»... Да къ отцу Алексѣй-отъ выпросился. Нельзя не пустить.

— Настасью бы впередъ спросить... — молвила Акинья Захаровна. — Не станеть перечить, значить — Божья судьба... Тогда бы и дохнуть съ кѣмъ-нибудь потихоньку Трифону Лохматому — сватовъ бы засылалъ. Безъ того какъ свадьбу играть?.. Не по чину выидеть...

— А ты по какому чину шла за меня? — съ усмѣшкой молвилъ Патапъ Максимычъ. — Свадьбы-то уходомъ кѣмъ уложены?.. Я Алексѣю загануль загадку — пойметъ.

— Чтѣ еще такое? — спросила Акинья Захаровна.

— Такъ, малехонько, обинякомъ ему молвилъ: «Большое, моль, дѣло хотѣлъ тебѣ завтра сказать, да, видно, моль, надо повременить... Ахнешь, говорю, съ радости...» Двѣсти цѣлковыхъ подарилъ на праздникъ — смекнетъ...

— По моему разуму, не слѣдъ бы ему, батька, допрежъ поры говорить, — возразила Акинья Захаровна.

— Съ твое не знаю, что-ль?.. Рыломъ не вышла учить меня, — вспыхнулъ Патапъ Максимычъ. — Ступай!.. Для праздника браниться не хочу!.. Чтѣ стала?.. Подъ, говорю, — спокойся!..

Къ свѣтлой заутренѣ въ ярко освѣщенную моленную Патапа Максимыча столько набралось народа, сколь можно было помѣститься въ ней. Не кручинилась Акинья Захаровна, что свибловскій попъ накроетъ ихъ на тайной службѣ... Пантелей караульныхъ по задворкамъ не ставилъ... Въ великую ночь Воскресенья Христова всякъ человекъ на молитвѣ... Придетъ ли на умъ кому метить въ такіе часы какому ни есть лютому недругу?..

Чинно, уставно правила пасхальную службу Евпраксеюшка. Стройно пѣли дочери Патапа Максимыча съ другими дѣвками канонъ Воскресенію. Радостно, весело встрѣтили праздникъ Христовъ... Но Акинья Захаровна, стоя у образѣвъ въ новомъ шелковомъ сарафанѣ съ раззолоченной свѣчой въ рукѣ, на каждомъ прмосѣ вздыхала, что не привелъ Господь справить великую службу съ «проѣзжающимъ священникомъ»... Вздыхала и, глядя на сияющую красотой Настю, думала:

«Кому-то, кому красота такая достанется? Не купцу богатому, не хозяину палатъ бѣлокаменныхъ... Доставаться тебѣ, доченька, убогому нищему, голопятому работнику!..»

Настя глядѣла празднично... Изстрадалась она отъ гнета душевнаго... И узнала-бъ, что замыслилъ отецъ, не больно-бъ тому возрадовалась... Жалокъ ей сталъ трусливый Алексѣй!.. И то приходило на умъ: «Ужъ какъ загорѣлись глаза у него, какъ зачалъ онъ сказывать про ветлужское золото... Коры-стенъ!.. Не мою, видно, красоту дѣвичью, а мое приданое возлюбилъ погубитель!.. Нѣтъ, парень, постой, погоди!.. Сумѣю справиться. Не хвалиться тебѣ моей глупостью!.. Ахъ, Фленушка, Фленушка!.. Богъ тебѣ судья!..»

Праздники прошли. Виду не подалъ Настѣ Патапъ Максимычъ, что судьба ея рѣшена. Строго-настрога запрещалъ и женѣ говорить про это дочери.

Въ Осмино воскресенье воротился Алексѣй. Патапъ Максимычъ пенялъ ему, что не заглянулъ на праздникахъ съ родителями.

— Тятенька всю Святую прохвораль, — оправдывался Алексѣй. — Опять же такой одѣжи нѣтъ у него, чтобъ гостить у вашей милости. Всю вѣдь тогда выкрали...

— Нешто ты, парень, думаешь, что нашъ чинъ не любитъ овчинъ? — добродушно улыбаясь, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Полно-ка ты. Сами-то мы какихъ великихъ боярскихъ родовъ?.. Всѣ одной глины горшки!.. А думалось мнѣ на досугъ душевно покалякать съ твоимъ родителемъ... Человѣкъ, съ кого ни послышишь, разсудивый, живетъ по правдѣ... Чего еще?.. Разумъ золота краше, правда солнца свѣтлѣй!.. Объ одѣжѣ стать ли тутъ толковать?

Вдохнулъ Алексѣй, ни слова въ отвѣтъ.

— Что? Справляется - ль отецъ-отъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Справляется поменьку вашими милостями, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ Алексѣй. — Коней справилъ, токарню поставилъ... Все вашими милостями.

— Трифонъ Михайлычъ самъ завсегда бывалъ милостивъ... А милостивому Богъ подаетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А ты справилъ себѣ что изъ одѣжи? — спросилъ онъ послѣ недолгаго молчанія.

— Не справлялъ, Патапъ Максимычъ, — потупя глаза, отвѣтилъ Алексѣй...

— Что-жъ это ты, парень! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Я нарочно тебѣ чуточку въ красное яйцо поло-

жить, чтобъ ты одежей маленько покрасилъ себя... Экій недогадливый!

— Тятенькѣ отдашь, — еще больше потупясь, сказалъ Алексѣй.

— Что-жь такъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ. — Ты бы шелкову рубаху справилъ, кафтанъ бы снято сукна, шапку хорошую.

— Не шелковы рубахи у меня на умѣ, Патапъ Максимычъ, — скорбно молвилъ Алексѣй. — Тутъ отецъ убивается, захворалъ отъ недостатковъ, матушка каждую ночь плачетъ, а я шелкову рубаху вдругъ вздѣну! Не такъ мы, Патапъ Максимычъ, въ прежни годы великій праздникъ встрѣчали!.. Тоже были людьми!.. А нонѣ — и гостей угостить не на что, и сестрамъ на улицу не въ чемъ выйти... Не ваши бы милости, разговѣться-то нечѣмъ бы было.

— Хорошо, хорошо, Алексѣюшка, доброе слово ты молвилъ, — дрогнувшимъ отъ удивленія голосомъ сказалъ Патапъ Максимычъ. — Родителей поконить — Божью волю творить... Такой человекъ вѣвѣки не сгинетъ: «чтый отца очиститъ грѣхи своя».

И крупными шагами зашагалъ Патапъ Максимычъ по горницѣ...

— Слушай-ка, что я скажу тебѣ, — положивъ руку на плечо Алексѣя и зорко глядя ему въ глаза, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Человекъ ты молодой, будутъ у тебя другой отецъ, другая мать... Ихъ-то ты станешь ли любить?.. Объ нихъ станешь ли такъ же промышлять, будешь ли поконить ихъ и почитать по закону Божьему?..

— Какіе же другіе родители? — смутившись, спросилъ Алексѣй.

— Человекъ ты въ молодяхъ. Женисься — тесть да теща будутъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ, любовно глядя на Алексѣя.

Дрогнувъ Алексѣй, пополовѣлъ лицомъ. Попрежнему ровно шепнулъ ему кто на ухо: «отъ сего человека погибель твоя»... Хочетъ слово сказать, а языкъ, что брусокъ.

«Догадался, — думаетъ Патапъ Максимычъ: — обезумѣлъ радостью».

— Что-жь, Алексѣюшка? Отвѣтъ на мой спросъ! — спрашивалъ его Патапъ Максимычъ.

Съ шумомъ распахнулась дверь. Весь ободранный, вкочененный и облѣпленный грязью, влетѣлъ пьяный Никитѣрь.

— Вся власть твоя, батюшка Патапъ Максимычъ, — кри-

чать онъ охрипшимъ голосомъ. — Житья не стало отъ нескудныхъ твоихъ работниковъ.

— Молчи, непутный, — крикнулъ на него Патапъ Максимычъ.

— Чего молчать!.. Безъ того молчалъ, да немоготу ужъ приходится. Бранятся, ругаются, грязью лукаютъ... Все же я человекъ!.. — плакался Никифоръ. — Проходу нѣтъ, ребятишки маленьки и тѣ забираютъ...

— Видишь, до чего дошелъ!.. — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Сколько разъ зарекался? Сколько разъ образъ со стѣны снималъ? Нейдется!.. Ступай, непутный, въ подклѣтъ, проспись.

— Яйца, пострѣлята, катаютъ, я говорю: «Святая прошла, грѣхъ яйца катать», — оправдывался Никифоръ. — Ну и разбросалъ яйца, а ребятишки грязью.

— Ступай, говорятъ тебѣ, ступай, проспись!.. — крикнулъ Патапъ Максимычъ.

Тутъ вбѣжала Аксинья Захаровна и свое понесла.

— Закажи ему путь отъ нашего двора, Максимычъ, — кричала она. — Чтобъ не смѣлъ онъ, безпутный, ноги къ намъ накладывать!.. Долго-ль изъ-за тебя мнѣ слезы принимать?..

— Ступай, Захаровна, ступай въ свое мѣсто, — успокаивалъ жену Патапъ Максимычъ. — Крикомъ тутъ не помочь.

— Обухомъ по башкѣ, вотъ ему псу и подмочь, — плюнула Аксинья Захаровна. — Голову снимаешь съ меня, окаянный!.. Жизни моей отъ тебя не стало!.. Во гробъ меня гонишь!.. — задорно кричала она, наступая на брата.

Такъ и рвется, такъ и наскакиваетъ на него Аксинья Захаровна. Полимемъ пышетъ лицо, разгорается сердце, и порываетъ старушку костлявыми перстами вцѣпиться въ распухшее, багровое лицо родимаго братца... А когда-то такъ любовно она водилась съ Микешенькой, когда-то любила его больше всего на свѣтѣ, когда-то пѣвала ему колыбельныя пѣсенки, суля въ золотѣ ходить, людямъ серебро дарить...

Не отвѣчая на сестрины слова, Никифоръ пожималъ плечами и разводилъ руками. Насилу развели его съ сестрицей, насилу спровадили въ холодный подклѣтъ.

Такъ и не удалось Патапу Максимычу договорить съ Алексѣемъ.

«Не судьба, не въ добрый часъ началъ, — подумалъ Патапъ Максимычъ. — Ну, воротится — тогда порадую».

Раннимъ утромъ на радуницу поѣхалъ Алексѣй къ отцу Михаилу, а къ вечеру того же дня изъ Комарова гонецъ пригналъ. Привезъ онъ Патапу Максимычу письмо Марьи Га-

вриловны. Приятно было ему то письмо. Богатая вдова пишет так почтительно, съ «покорнѣйшими» и «нижайшими» просьбами — любо-дорого посмотрѣть. Прочель Патапъ Максимычъ, Аксиныю Захаровну кликнулъ.

— Къ утрему дочерей сготовь: къ Манеевѣ поѣдутъ, — сказалъ онъ.

Ушамъ не повѣрила Аксиныя Захаровна — ротъ такъ нараспашку у ней и остался... О чемъ думать перестала, заикнуться о чемъ не смѣла, самъ заговорилъ про то.

— Не съ матушкой ли что случилось, Максимычъ? — тревожно спросила она.

— Ничего, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Ей лучше, въ часовню стала бродить.

— Письмо, что ли? — спросила Аксиныя Захаровна.

— Марья Гавриловна пишетъ, просить дѣвокъ въ обитель пустить, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Что же, пускаешь?

— Велѣно сряжаться — такъ чего еще спрашивать?.. — отрѣзалъ Патапъ Максимычъ. — Марья Гавриловна развѣ можно отказать? Намедни деньгами ссудила... безъ просьбы ссудила, да впередъ еще сто разъ пригодится.

— Съ кѣмъ пустишь? Самой, что ли, мнѣ собираться? — спросила Аксиныя Захаровна.

— Куда тебѣ по этакой грязи таскаться, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Обительскій работникъ говорилъ, возлѣ Кошелева, на вражкѣ, цѣлый день промаялся.

— Съ кѣмъ же дѣвицамъ-то ѣхать? — пригорюнясь, спросила Аксиныя Захаровна. — Не одѣмъ же съ работникомъ ѣхать?

— Самому придется, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Недосужно, а дѣлать нечего... Скоро ворочусь: къ вечеру приѣдемъ, со свѣтомъ домой.

Ровно живой воды хлебнула Настя, когда велѣли ей сряжаться въ Комаровъ. Откуда смѣхъ и пѣсни взялись. Весело бѣгаетъ, радостно суетится — узнать дѣвки нельзя. Параша — та ничего. Хоть и рада въ скитъ ѣхать, но такимъ же увальнемъ сряжается, какимъ всегда обыкла ходить.

То суетится Настя, то сядетъ на мѣсто, задумается, и на силу могутъ ее докликаться. То весело зашебечетъ, ровно выпущенная изъ неволи птичка, то вдругъ ни съ того ни съ сего взоръ ея затуманится, и на глазахъ слеза навернется.

Отворила она только-что выставленное окно въ свѣтлицѣ и жадно впивала свѣжій весенній воздухъ. Въ тотъ годъ зима

сошла дружно. Хоть Пасха была не изъ позднихъ, но къ Ѳоминой снѣгу нисколько не осталось. Развѣ гдѣ въ глубокомъ овражкѣ бѣлѣлся да узенькими полосками по лѣсной окраинѣ лежалъ. По пригоркамъ, на солнечномъ припекѣ, показалась молодая зелень. Погода хорошая, со взохода до заката свѣтитъ и грѣетъ, въ небѣ ни облачка... Рѣчки и ручьи шумно бурлятъ, дуга затоплены, легкой вѣтерокъ рябитъ широкія воды, и дрожащими золотыми переливами ярко горять онѣ на вешнемъ солнцѣ.

Какъ въ забытьѣ какомъ стоитъ Настя у раствореннаго окна. Мысли путаются, голова кружится. «Господи! — думаетъ: — скорѣй бы вырваться отсюда... Здѣсь какъ въ могилѣ!»

А какая тутъ могила! По деревнѣ стономъ стоятъ голоса... Послѣ праздника весення хлопоты подоспѣли: кто борону вяжетъ, кто соху чинить, кто въ кузницѣ сошникъ либо плугу перековываетъ — пахота не за горами... Не налюбуются пахари на изумрудную зелень, пробившуюся на озимыхъ поляхъ. «Поднимайся, рожь зеленая, охрани тебя, матушку, небесный Царь!.. Уроди, Господи, крещенымъ людямъ вдоволь хлѣбушка!..» — молятъ мужики.

Бабы да дѣвки тоже хлопочуть: гряды въ огородахъ копаютъ, сѣмена на солнцѣ размачиваютъ, вокругъ коровенокъ возятся и ждуть не дождутся Егорьева дня, когда на утренней зарѣ святой вербушкой погонять въ поле скотинушку, отошалаю, истощенную отъ долгаго зимняго холода-голода... Молодежь работаетъ неустанно, а веселья не забываетъ. Звонкія пѣсни разливаются по деревнѣ. Парни, дѣвки весну окликаютъ.

Весна, весна красная,
Приходи къ намъ съ радостью!

Ребятишки босикомъ, въ одиѣхъ рубашонкахъ, полѣтнему, кишатъ на улицѣ, бѣгають по всполюю — обѣдать даже не скоро загонишь ихъ... Стономъ стоятъ тоненькіе дѣтскіе голоса... Жмурясь и щурясь, слятся они своими глазенками прямо смотрѣть на солнышко и, рѣзво прыгая, поютъ ему весеннюю пѣсню:

Солнышко, ведрышко,
Выглянь въ окошечко.
Твои дѣтки плачуть...
Солнышко, покажись,
Красное, нарядись.
Къ тебѣ гости на дворъ,
На пиры пировать.
Во столы столовать.

Радунца пришла!.. Красная горка!.. Веселье-то какое!..

А Настя ничего не слышитъ. Стоитъ у окна грустная, печальная... А какъ, бывало, прыгала она, какъ рѣзвилась, встрѣчая весну на Каменномъ Вражкѣ, за обительской околицей, вмѣстѣ съ Фленушкой, съ Марьюшкой и другими дѣвками Манеиной обители... Сколько громкихъ пѣсень, сколько свѣтлаго веселья!.. Вспомнилась обитель, вспомнились подружки-игруны, вспомнилось и то, что черезъ день будетъ она опять съ ними... Побѣжала вонъ изъ свѣтлицы и чуть съ ногъ не сшибла въ сѣняхъ Аксинью Захаровну... Она съ Парашей и Евпраксеюшкой укладывала тамъ пожитки дочерей.

Досадно стало Аксиньѣ Захаровнѣ.

— Посмотрю я на тебя, Настасья, ровно тебѣ немилъ сталъ отцовскій домъ. — Чуть не съ самаго перваго дня, какъ воротилась ты изъ обители, ходишь, какъ воду опущеная, и все ты дѣлаешь рывкомъ да съ сердцемъ... А только молвилъ отецъ: «въ Комаровъ ѣхать» — ногъ подъ собой не чувствуешь... Спасибо, доченька, спасибо!.. Не чаяла отъ тебя!..

Вспыхнула Настя... Хотѣла что-то молвить, но сдержала порывъ.

— Благодарности нонѣ отъ дѣтокъ не жди, — ворчала Аксинья Захаровна, укладывая чемоданъ. — Правда молвится, что родительское сердце въ дѣтяхъ, а дѣтское въ камешкѣ... Хоша бы стѣнъ-то постыдилась, срамница!.. Мать по дочери плачетъ, а дочь по доскамъ скачетъ!.. Безстыжая!.. Гляди, Прасковья, — мыло-то въ лѣвый уголъ кладу, не забывай, тутъ яичное съ духами — умываться, тутъ бѣлое — въ баню ходить, а въ красненькомъ ларчикѣ московское — свежи отъ меня Марьѣ Гавриловнѣ... Да полно бѣситься-то тебѣ!.. Что за коза такая взялась?.. Чѣмъ бы погужить, что съ матерью разстаешься, она на-ка-съ поди... Батистовы рукава съ кружевомъ не каждый день вздѣвайте... Дорогіе вѣдь, другихъ когда-то еще отъ отца дождетесь... Подай сюда, Параша, платки-то... Суй въ уголъ... Да тише, дурица, — экъ ее ломить!.. Претъ ровно лошадь, прости Господи, — изомнешь вѣдь... Да что я стѣнаю, что ли, говорю, Настасья?.. Что сложа руки-то стоишь, что не пособляешь?.. Погоди, погоди, вотъ мать-то Богъ приберетъ, какъ-то безъ меня будете жить?.. Помянешь, не разъ помянешь!.. Не знаете вы, каково горько безъ матери сиротами-то жить!.. Охъ, не приведи Господи!.. И деньги будутъ и достатки — все купишь, а родной матери не купишь... А ты ровнѣй складывай, Прасковья, — не мни!..

Вслушиваясь въ рѣчи матери, Настя сознавала справедли-

вость ея попрековъ... Но какъ удержаться отъ веселья, потокомъ нахлынуваго при мысли, что завтра покинетъ она родительскій домъ, гдѣ довелось ей извѣдать столько горя? Одна мысль, что, свидѣвшись съ Фленушкой, она выплачетъ на ея груди свое горе неизбывное, оживляла бѣдную дѣвушку... Вѣдь ей дома ни съ кѣмъ нельзя говорить про это горе... Не съ кѣмъ размыкать его... Мимо ушей пропускала она ворчанье матери... Но, когда Аксиныя Захаровна повела рѣчь о смерти, наболѣвшее сердце Насти захолонуло — и стало ей жаль доброй, болѣзной матери. Мысль о сиротствѣ, объ одиночествѣ, о томъ, что по смерти матери останется она всѣми покинутою, что и любимый ею еще такъ недавно Алексѣй тоже покинетъ ее, эта мысль до глубины взволновала душу Насти... Съ рыданьями кинулась она на шею Аксиныѣ Захаровнѣ.

— Мамынька!.. Родимая!.. Не говори такихъ рѣчей, не круши сердца, не томи меня!..

Слезы дочери свѣяли досаду съ сердца доброй Аксиныи Захаровны. Сама заплакала и принялась утѣшать рыдавшую въ ея объятіяхъ Настю.

— Ну, полно, полно же... перестань, дѣвонька... Не слези своихъ глазынекъ... Вѣдь это я такъ только съ досады молвила... Богъ милостивъ, не помру, не пристроивши васъ за добрыхъ людей... Молитесь Богу, дѣвоньки, молитесь хорошенько... Онъ, Свѣтъ, не оставитъ васъ.

— Мамынька! прости ты меня глупую, что огорчила тебя, — заговорила Настя, сдерживая судорожныя рыданья. — Ахъ, мамынька, мамынька!.. Тяжело мнѣ на свѣтѣ жить!.. Какъ бы знала ты да вѣдала!..

— Чтѣ ты, чтѣ ты, Настенька?.. Чтѣ за горе?.. Какое у тебя горе?.. Чтѣ за печаль?.. Отколь взялась?.. — тревожно спрашивала Аксиныя Захаровна.

— Горе мое, мамынька, великое, бѣда моя неизбывная!.. Не выплакать того горя до смерти!.. А я-то все одна да одна, не съ кѣмъ раздѣлить моего горя-бѣды... Ну и полегчало маленько на сердцѣ... Фленушку увижу, хоть съ ней чуточку развѣю печали мои.

— Развѣ Фленушка ближе матери? — съ тихимъ, но горькимъ упрекомъ молвила Аксиныя Захаровна.

— Она все знаетъ... — едва слышно простонала Настя, прижавъ къ плечу матери.

— Да чтѣ это?.. Мать Пресвятая Богородица!.. Угодники преподобные!.. — засуетилась Аксиныя Захаровна, чуя недоброе въ смутныхъ рѣчахъ дочери. — Параша, Евпраксеюшка, — ступайте въ боковушу, укладывайте тотъ чемоданъ... Да

ступайте же, Христа ради!.. Увальни!.. Что ты, Настенька?.. Что это?.. Ахъ, Ты, Господи, Ватюшка!.. Про что знаетъ Фленушка?.. Скажи матери-то, дѣвонька!.. Материна любовь все покроетъ... Охъ, да скажи же, Настенька... Говори, голубка, говори, не мучь ты меня!..—со слезами молила Акси́нья Захаровна.

Настя молчала. Припавъ къ материнской груди, она кропила ее слезами и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Да скажи-жъ, говорятъ тебѣ... Легче будетъ,—продолжала уговаривать Акси́нья Захаровна, цѣлуя Настю въ голову.

— Не цѣлуй меня, мамынька! — едва слышно промолвила Настя.

— Да вымолви словечко Христа ради, — жалобно причитала Акси́нья Захаровна...

Догадывалась мать, въ чемъ дѣло, но вѣрить боялась.

— Полюбился, что-ль, кто? — скрѣпя сердце, шепнула наконецъ она дочери на ухо. — Зазнобушка завелась?.. А?

Ни слова Настя... Но крѣпко-крѣпко сжала мать въ своихъ объятіяхъ.

Поняла Акси́нья Захаровна безмолвный отвѣтъ. Руки у ней опустились...

Настя къ окну отошла... Сѣла на скамью и, облокотясь, закрыла лицо ладонями.

— Въ скиту, что ли? — спросила Акси́нья Захаровна разбитымъ голосомъ.

Настя покачала головой.

— Гдѣ же? — съ удивленьемъ спросила мать.

— Дома, — едва могла прошептать Настя.

— Кто-жъ такой?.. Неужель Сиѣжковъ?

Настя опять покачала головой.

— Ума не приложу, — молвила Акси́нья Захаровна.

Старушка совсѣмъ растерялась въ мысляхъ... Вспомнился разговоръ съ мужемъ передъ Свѣтлой заутреней, и спросила:

— Ужъ не приказчикъ ли?

Стремительно вскочила Настя и кинулась въ землю передъ матерью... Дрожащими, холодными руками судорожно обвила ее ноги.

— Виновата я!.. — задыхаясь отъ волненія, вскрикнула она.

— Судьбы Господни! — набожно сказала Акси́нья Захаровна, взглянувъ на иконы и перекрестясь. — Ты, Господи, все строишь ими же вѣси путями!.. Пойдемъ къ отцу, — прибавила она, обращаясь къ дочери. — Онъ радъ будетъ...

— Ни за что!.. Ни за что!.. — вскрикнула Настя, быстро вставъ на ноги. — Петлю на шею, въ колодець!.. Нѣтъ, нѣтъ!..

— Опомнись, что говоришь? — уговаривала ее Акинья Захаровна. — Отец радъ будетъ... Знаешь, какъ возлюбилъ онъ Алексѣя...

— Убьетъ онъ его!.. Не сказывай тятенькѣ, не говори... Я не все сказала.

— Не все? — съ ужасомъ вскрикнула Акинья Захаровна.

— Родная!.. — чуть слышно шептала Настя у ногъ матери. — Не на то ты растила меня, не на то меня холила!.. Потеряла я себя!.. Нѣтъ чести дѣвнчей!.. Понесла я, мамынька!..

Страшное слово, какъ небесная гроза, сразило бѣдную мать.

— Настенька!.. — только и могла въ ужасѣ и сердечномъ трепетѣ произнести несчастная старушка.

Настя не слыхала вопля матери. Какъ клонится на землю подкошенный безпощадной косой пышный цвѣтокъ, такъ, блѣдная ровно полотно, недвижная, безгласная, склонилась Настя къ ногамъ обезумѣвшей матери...

Глава восьмая.

На Пасхѣ усопшихъ не поминаютъ. Таковъ народный обычай, такъ и церковный уставъ положилъ... Въ великій праздникъ Воскресенья нѣтъ рѣчи о смерти, нѣтъ помина о глѣни. «Смерти празднуемъ умерщвленіе!..» — поютъ и въ церквахъ и въ раскольничьихъ моленныхъ, а на обительскихъ трапезахъ и по домамъ благочестивыхъ людей читаются восторженные слова Златоуста и гремятъ побѣдные клики апостола Павла: «Гдѣ ти, смерти, жало? гдѣ ти, аде, побѣда?»... Нѣтъ смерти, нѣтъ и мертвыхъ — всѣ живы въ воскресшемъ Христѣ.

Но въ русскомъ народѣ, особенно по захолустьямъ, рядомъ съ христіанскими вѣрованьями и строгими обрядами церкви твердо держатся обряды стародавние, заботно берегутся обломки вѣрованій въ веселыхъ старо-русскихъ боговъ...

Вѣрять народъ, что Великъ Громъ Гремучій каждую весну поднимается отъ долгаго сна и, сѣвъ на коней своихъ — сизыя тучи, — хлещетъ золотой вожжой — палочей молоньей Мать Сыру Землю... Мать Земля отъ того просыпается, молодеетъ, красить лицо цвѣтами и злаками, пышетъ силой, здоровьемъ — жизнь по жиламъ ея разливается... Все оживаетъ: и поля, и луга, и темныя рощи, и дремучіе лѣса... Животворящая небесная стрѣда будить и мертвыхъ въ могилѣ... Встаютъ они изъ гробовъ и, незримые земнымъ очамъ, носятя середь остающихся въ живыхъ милыхъ людей... Слы-

шатъ гробные жилицы все, видятъ все — что люди на землѣ дѣлаютъ, слова только молвить не могутъ...

Какъ не встрѣтить, какъ не угостить милыхъ гостей?.. Какъ не помянуть сродниковъ, вышедшихъ изъ сырыхъ, темныхъ жальниковъ на свѣтъ поднебесный?.. Услышать «окличку» родныхъ, придуть на зовъ, раздѣлять съ ними поминальную тризну...

Встаютъ мертвецы въ радости; выйдя изъ жальниковъ, любятся свѣтлымъ небомъ, краснымъ солнышкомъ, серебрянымъ мѣсяцемъ, частыми мелкими звѣздочками... Радуется и живое племя, разставляя свѣди по могиламъ для совершенія тризны... Оттого и день тотъ зовется Радунницей *).

Стукнетъ Громъ Гремучій по небу горячимъ молотомъ, хлестнетъ золотой вожжой — и пойдетъ по землѣ веселый Ярѣ **) гулять... Ходитъ Ярѣ-Хмель по ночамъ, и тѣ ночи «хмелевыми» зовутся. Молодежь въ тѣ ночи пѣсни играетъ, хороводы водить, въ горѣлки бѣгаетъ отъ вечерней зари до утренней...

Ходитъ тогда Ярило ночью порой въ бѣломъ обьяринномъ ***) балахонѣ, на головушкѣ у него вѣнокъ изъ алаго

*) Жальникъ — могила, собственно бугоръ земли, насыпанной надъ нею. Окличка — обращеніе къ мертвымъ на кладбищахъ, зовъ. Объ окличкахъ, бывающихъ на кладбищахъ въ Радунницу, говорится въ Стоглавѣ (25 парскій вопросъ въ главѣ 42). Радунница — въ южныхъ губерніяхъ понедѣльникъ, въ среднихъ и сѣверныхъ — вторникъ Троицкой недѣли, когда совершается и церковное поминовеніе по умершимъ. Въ уставахъ поминовенія усопшихъ въ этотъ день не положено, но церковь хотѣла освятить радунницкую тризну своими священнодѣйствіями, чтобы въ народной памяти заглядѣть языческое ея происхожденіе.

**) Словомъ Ярѣ означалась весна, а также зооморфическое божество жизни и плодородія, иначе Ярило. Оно же именуется Купалой (отъ стараго слова купить — въ смыслѣ совокупить). Мѣстами зовутъ его «Ярѣ-Хмель» — отсюда «хмелевыя ночи», то-есть весенніе хороводы и другія игры молодежи, продолжающіяся до утренней зари: Радунца, Красна Горка, Русальная недѣля, Бисериха, Земля-именинница (10-го мая), Семикъ, Зеленя Святки, Девята пятица, Ярило, Кострома, Клечалы, Кукушки, Купало, хороводы: радунцкіе, русальные, илькощница, златовы, семпкіе, троицкіе, всевятскіе, пятницкіе, ивановскіе или купальскіе, — все это рядъ праздниковъ одному и тому же Ярилу или Купалу. На Радунницу празднуется его приходъ, на Купалу похороны, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хоронять соломенную куклу, называемую Ярилой, Костромой, Кострубомъ и пр. Отъ Троицкой недѣли до Иванова дня (Иванъ Купала 24-го іюня) продолжаютъ «хмелевыя ночи», и это самое веселое время деревенской молодежи. Въ большихъ городахъ и селахъ къ названнымъ праздникамъ приурочены народныя гулянья, называемыя «полями» — Семяково поле, Ярилоно поле и т. п. Каждое происходитъ на особомъ мѣстѣ, гдѣ, быть-можетъ, во время оно совершались языческіе праздники Ярилу.

***) Обьярь — волнистая шелковая матерія (муаръ) съ серебряными струями, иногда съ золотыми.

мака, въ рукахъ спѣлые колосья всякой яри *). Гдѣ ступить Ярѣ-Хмель — тамъ несѣянный яровой хлѣбъ вырастаетъ, глянетъ Ярило на чистое поле — лазоревы цвѣточки на немъ запедрѣютъ, глянетъ на темный лѣсъ — птички защебечутъ и пѣснями громко заляются, на воду глянетъ — бѣлыя рыбки весело въ ней заиграютъ. Только ступить Ярило на землю — соловьи прилетятъ, помретъ Ярило въ Ивановъ день — соловьи смолкнутъ.

Ходитъ Ярилушка по темнымъ лѣсамъ, бродитъ Хмелинушка по сѣламъ-деревнямъ. Самъ собою Ярѣ-Хмель похваляется: «Нѣтъ меня, Ярилушки, краше, нѣтъ меня, Хмеля, веселѣе — безъ меня, веселаго, пѣсенъ не играютъ, безъ меня, молодого, свадебъ не бываетъ...»

На кого Ярило воззрится, у того сердце на любовь запросится... По людямъ ходитъ Ярило не торопко, безъ спѣха — ходитъ онъ, веселый — по сѣнямъ, по клѣтамъ, по высокимъ теремамъ, по свѣтлицамъ, гдѣ красныя дѣвицы спятъ. Тронетъ во снѣ молодца золотистымъ колосомъ — кровь у молодца разгорается. Тронетъ Ярѣ-Хмель алымъ цвѣткомъ сонную дѣвицу, занеетъ у ней ретивое, не спится молодой, не лежится, про милаго, желаннаго гребтится... А Ярило стоитъ надъ ней да улыбается, самъ красну дѣвицу утѣшаетъ: «Не горюй, красавица, не печалься, не муди своего ретива сердечка — выходи вечерней зарей на мое на Ярилино поле: хороводы водить, плетень заплетать, съ дружкойми миловаться, подъ ельничкомъ, березничкомъ сладко цѣловаться».

Жалуетъ Ярило «хмелевыя» ночи, любитъ высокую рожь да темные перелѣски. Что тамъ въ вечерней тиши говорится, что тамъ теплою ночью творится — знаютъ про то Громъ Гремучій, сидя на сизой тучѣ, да Ярило, гуляя по сырой землѣ.

Таковы народныя повѣрья про возстаніе мертвыхъ и про веселаго бога жизни, весны и любви...

Только минетъ Святая и смолкнетъ пасхальный звонъ, по сельщинѣ-деревенщинѣ «помины» и «оклички» зачинаются. Въ «навіи день» **) старъ и младъ спѣшатъ на кладбища съ мертвецами христосоваться. Отпѣвъ церковную панхиду, за старо-русскую тризну садятся.

Разсыпается народъ по Божіей нивѣ, зарываетъ въ могилки красныя яйца, поливаетъ жалъники сыченой брагой, убираетъ

*) Яровой хлѣбъ: пшеница, ячмень, овесъ, греча, просо и другіе.

**) «Навіи день», а въ Малороссіи «мертвецкій великъ день» — другое названье Радуніцы... Навь, навье — мертвецъ.

ихъ свѣжимъ дерномъ, раскладываетъ по жальникамъ блины, олады, пироги, кокурки *), крашены яйца, пшенники да лапшенники, ставить вино, пиво и брагу... Затѣмъ окликають загробныхъ гостей, просятъ ихъ попить-поѣсть на поминальной тризнѣ.

Оклички женщинами справляются, мужчинами никогда. Когда вслушаешься въ эти оклички, въ эти «жальные причитанья», глубокой стариной пахнетъ!.. Тѣ слова десять вѣковъ переходятъ въ устахъ народа изъ рода въ родъ... Старымъ богамъ тѣ пѣсни поются: Грому Гремучему, да Матери Сырой Землѣ.

Со восточной со сторонушки
Подымались вѣтры буйные,
Расходились гучи черныя,
А на тѣхъ ли на тученькахъ
Громъ Гремучій со молоньями,
Со молоньями да съ палючими...

Ты ударь, Громъ Гремучій, огнемъ полымемъ,
Расшиби ты, громова стрѣла,
Еще матушку — Мать Сыру Землю...

Охъ, ты, матушка Мать Сыра Земля,
Разступись на четыре сторонушки,
Ты раскройся, гробова доска,
Распахнитесь, бѣлы саваны,
Отвалитесь, руки бѣлыя,
Отъ ретиваго сердечушка...

Государь ты нашъ, родной батюшка, —
Мы пришли на твое житье вѣковѣчное,
Пробудить тебя ото сна отъ крѣпкаго.
Мы раскинули тебѣ скатерти браныя;
Мы поставили тебѣ яства сахарныя,
Принесли тебѣ пива пьянаго,
Садись съ нами, молви слово сладкое,
Ужъ мы сядемъ супротивъ тебя,
Мы не можемъ на тебя наглядѣться,
Мы не можемъ съ тобой набаяться.

Нашлакавшись на «жальныхъ причитаньяхъ», за тризну весело принимаются. Вмѣсто раздирающей душу, хватающей за сердце «оклички», веселый говоръ раздается по жальникамъ...

Пошелъ пиръ на весь міръ — Яр-Хмель на землю ступилъ.

Другія пѣсни раздаются на кладбищахъ... Поютъ про «калинушку съ малинушкой — лазоревый цвѣтъ», поютъ про «кручинушку, крытую бѣлою грудью, запечатанную крѣпкою думой», поютъ про то, «какъ прошли наши вольные веселые дни да наступили слезовы-горьки времена». Не жаркимъ ве-

*) Пшеничный хлѣбецъ съ залеченнымъ въ немъ яйцомъ.

сельемъ, тоской горемычной звучать ояѣ... Нѣтъ, то новыя пѣсни, не Ярилины.

Клонится солнце на западъ... Пусть ихъ старухи да молодки по домамъ идутъ, а батки да свекры, похмельными головами прильнувъ къ холоднымъ жальникамъ, спать богатырскимъ сномъ... Молодцы-удальцы!.. Ярило на поле зоветъ — Красну Горку справлять, пѣсни играть, хороводы водить, просо сѣять, плетень заплетать... Дѣвицы-красавицы!.. Ярило зоветъ — бѣгите невѣститесь...

Шаромъ-валомъ катить молодежь съ затихшаго кладбища на зеленѣющія луговины.

Тамъ игры, смѣхи... Всѣхъ обуялъ Ярый Хмель...

— Красну Горку!.. Плетень заплетать!.. Сѣру утицу!.. — раздаются веселые голоса.

И громко заливадается пѣсня:

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая.
Завернися, камка хрущатая!..

Ой мимо двора,
Мимо широка
Не утица плыла
Да не сѣрая,
Туть шла ли, прошла
Красна дѣвица,
Изъ-за Красной Горки,
Изъ-за синя моря,
Изъ-за чиста поля
Утиць выгоняла.

Лебедей скликала:

„Тига, тига, мои ути,
„Тига, лебеди, домой!..

„А сама я съ гуськомъ,
„Сама съ сѣренькимъ,
„Нагуляюсь, намилуюсь
„Съ миль-сердечнымъ дружкоймъ“.

Спряталось за небесный закрой солнышко, алой тканью раскинулась заря вечерняя, заблесталъ синій сводъ яркими; безмолвно сверкающими звѣздами, а веселыя пѣсни льются да льются по полямъ, по лугамъ, по темнымъ перелѣскамъ... По людямъ пошелъ веселый Яръ разгуливать!..

Перелѣски чернѣютъ, пушистыми волнами серебряный туманъ кроетъ Мать Сыру Землю... Грозный Громъ Гремучій не кроетъ неба тучами, со звѣздной высоты любитесь онъ на Ярилины гулянки, глядитъ, какъ развеселый Яръ межъ людей увивается...

Холодно стало, но звонкія пѣсни не молкнутъ — стономъ стоять голоса... Дохнетъ Яр-Хмель своимъ жаркимъ, разым-

чивымъ дыханьемъ — кровь у молодежи огнемъ горитъ, ключомъ кипитъ, на сердцѣ легко, радостно, а пѣсня такъ и льется, — сама собой поется, только знай да слушай. Прочь горе, долой тоска и думы!.. Какъ солью сытымъ не быть, такъ горя тоской не избыть, думами его не размыкать. «Гуляй, душа, веселися!.. Нѣтъ слаще веселья, какъ сердечная радость — любовная сласть!»... Таково слово Ярѣ-Хмель говоритъ. Слово то крѣпко, недвижно стоитъ оно отъ вѣку до вѣку. Гдѣ тотъ день, гдѣ тотъ часъ, когда прейдетъ вѣковѣчное, животворное Ярилино слово? Пока солнце грѣетъ землю, пока дышитъ живая тварь, не минутъ словесамъ веселаго бога...

— Въ горѣлки! — кричатъ голоса.

— Въ горѣлки! Въ огарыши! — раздается со всѣхъ сторонъ.

Начинается извѣстная игра, старая, древняя, какъ мѣръ славянскій. Красны дѣвицы со своими сѣренькими гуськами становятся парами, одинъ изъ молодыхъ, по жеребью, всѣхъ впереди.

— Горю, горю пень!.. — кричитъ онъ.

— Что ты горишь? — спрашиваетъ дѣвушка изъ задней пары.

— Красной дѣвицы хочу, — отвѣчаетъ тотъ.

— Какой?

— Тебя, молодой.

Пара обжигъ, и молодець ловитъ подругу.

Старый обычай, еще Несторомъ описанный: «Схожахуся на игрища, на плясанья и ту умькиваху жены зебѣ, съ нею же кто съвѣщашеся».

Пары рѣдѣютъ, забѣгая въ перелѣски. Слышатся и страстный лепетъ и звуки поцѣлуевъ. Гуляетъ Ярѣ-Хмель... Что творится, что говорится — знаютъ лишь темная ночь да яркія звѣзды.

Стихло на Ярилиномъ полѣ... Развѣ какой-нибудь безталанный, отверженный лебедушками горюнь, сѣренькій гусекъ, до солнечнаго восхода сидитъ одинокій и, наигрывая на бала-лайкѣ, заливается ухорскою пѣсней, сквозь которую слышны и горе, и слезы, и сердечная боль:

Эхъ! зять ли про тещу да пиво варить,

Кумъ про куму брагу ставленную.

Выпили бражку на Радуницу,

Ломало же съ похмелья до Иванова дня.

На Каменномъ Вражкѣ по-своему Радуницу справляютъ. Съ ранняго утра въ Манеиной обители въ часовню всѣ собрались. Всѣ, кромѣ матушки Виринеи съ келарными при-спѣшницами.

Недосужно было добродушной матери-келарю: загодя надо довольную трапезу учредить: двѣ яствы горячихъ, двѣ яствы студеньхъ, пироги да блины, да овсяный кисель съ сытой*). И не ради однѣхъ обительскихъ доводилось теперь стряпать ей, а вдвое либо втрое больше обычнаго. Въ поминальные дни обительскія ворота широко, на весь крещеный мѣръ распахнуты — приди сильный, приди немощный, приди богатый, приди убогий — всякому за столомъ мѣсто... Сберутся на халтуру**) и «сироты» и матери съ бѣлицами изъ захудалыхъ обителей, придутъ и деревенскіе христіяны... Кому не охота сродниковъ на чужихъ харчахъ помянуть?

Тихо, не слышно передвигая слабыми еще ногами, брела Манеѳа въ часовню. Въ длинной соборной мантии изъ чернаго камлота, отороченной краснымъ пшуркомъ, образующимъ, по толкованію старовѣровъ, «Христовы узы», въ черной камилавкѣ съ креповою наметкой, медленно выступала она... Фленушка съ Марьюшкой вели ее подъ руки. Попадавшіяся на пути инокини и бѣлицы до земли творили передъ нею по два «метанія», низко преклонялись и прихожіе богомольцы. Едва склоняя голову, величая Манеѳа, вмѣсто обычной прѣщи, привѣтствовала встрѣчныхъ пасхальнымъ привѣтомъ: «Христъ воскрес!».

Не разъ останавливалась она на короткомъ пути до часовни и радостно-сіявшими очами оглядывала окрестность... Сладко было Манеѳѣ глядѣть на пробудившуюся отъ зимняго сна природу, набожно возводила она взоры въ глубокое синее небо... Свой праздникъ праздновала она, свое избавленье отъ стоявшей у изголовья смерти... Истово творя крестное знаменье, тихо шелтала она, глядя на вешнее небо: «Иже ада плѣнникъ и челоуѣкъ воскресивъ воскресеніемъ Своимъ, Христе, сподоби мя чистымъ сердцемъ Тебе пѣти и славити».

Черезъ великую силу взобралась она на высокое крутое крыльцо часовни. На паперти присѣла на скамейку и маленько вздохнула. Затѣмъ вошла въ часовню, сотворила уставной семипоклонный началъ, замолитвовала начинъ часовъ и сѣла на свое игуменское мѣсто, преклоняясь на посохъ, окрашенный празеленью съ золотыми разводами...

Отправили часы, Манеѳа прочла отпустъ. Уставщица мать Аркадія среди часовни поставила столикъ, до самаго полу

*) Сыта — разварной съ водой, но не бродившій медъ.

**) Халтура (въ иныхъ мѣстахъ халтура — отъ глагола халать — брать съ жадностью) — даровая ѣда на похоронахъ и поминкахъ. Халтурой также называется денежный подарокъ архіерею или другому священнослужителю за отправленіе заказной церковной службы.

крытый бѣлоснѣжною полотняною «одеждой» съ нашитыми на каждой сторонѣ осьмиконечными крестами изъ алой шелковой ленты. Казначая мать Танфа положила на немъ икону Воскресенія, воздвизальный крестъ, канунъ*), блюдо съ кутьей, другое съ крашеными яйцами. Чинно отпѣли канонъ за умершихъ...

Большого образа соборныя старицы мать Никанора, мать Филарета, мать Евсталя, мать Лариса, въ черныхъ креповыхъ наметкахъ, спущенныхъ до половины лица, и въ длинныхъ мантияхъ, подняли кресты и иконы ради крестнаго хода въ келарню. Уставщица съ казначеей взяли поминальныя блюда... Впереди двинулись пѣвицы съ громогласнымъ пѣніемъ стихеръ: «Да воскреснетъ Богъ и разидутся врази Его». Марьюшка, какъ головщица праваго клироса, шла впереди; звонкій чистый ея голосъ покрывалъ всю «пѣвчую стаю». Среди крестовъ, иконъ и поминальныхъ блюдъ тихо выступала Манеа, склоняясь на посохъ... Ставъ на верхней ступени часовенной паперти, выпрямилась она во весь ростъ и повелительнымъ, давно не слышаннымъ въ обители голосомъ кликнула:
— Стойте, матери.

Крестный ходъ остановился.

— Къ матушкѣ Екатеринѣ,—приказала игуменья.

Ходъ поворотилъ направо. Тамъ, за деревянной огородью, въ небольшой рощицѣ, среди старыхъ и новыхъ могилъ, возвышались два каменные надгробія. Подъ однимъ лежала предшественница Манеа, мать Екатерина, подъ другимъ мать Платонида, въ кельѣ которой гордая красавица Матренушка стала смиренной старицей Манеаой...

Поклонясь до земли передъ надгробіемъ, Манеа взяла съ блюда пасхальное яйцо и, положивъ его на землю, громко сказала:

— Матушка Екатерина! Христось воскресе!

Потомъ съ такимъ же привѣтомъ положила яйцо на могилу Платониды.

Марьюшка завела прмось: «Воскресенія день». Пѣвицы стройно подхватили, и громкое пѣніе пасхальнаго канона огласило кладбище. Матери раскладывали яйца на могилки, христосуясь съ покойницами. Инокнии, бѣлицы, сироты и прихожіе богомольцы разсыпались по кладбищу христосоваться со сродниками, друзьями, пріятелими...

Пропѣли канонъ и стихеры. Возгласили «вѣчную память». Съ пѣніемъ «Христось воскресе» крестный ходъ двинулся къ келарю.

*) Канунъ—медъ, поставляемый на столъ при отправленіи панихиды.

Тѣмъ и кончился поминальный обрядъ на кладбищѣ... Причитать надъ могилами въ скитахъ не повелось, то эллинское бѣснованіе, нечестивое богомерзкое дѣло, по мнѣнію келейницъ. Самъ Стоглавъ возвращаетъ оклички на Радуницу и вопли на жальникахъ...

Въ келарнѣ собралась вся обитель. Много пришло «сиротъ», немало явилось матерей и бѣлицъ изъ скудныхъ обителей: и Напольныя, и Маренны, и Зарѣчныя, и матери Салоникей, и погорѣлыя Разсохины, всѣ тутъ были, всѣ собрались подъ гостепріимнымъ кровомъ возставшей отъ смертнаго одра Манеѣы. Хотѣлось имъ хоть глазкомъ взглянуть на сердобольную, милостивую матушку, въ жизни которой совсѣмъ-было отчаялись... А больше всего нашло деревенскихъ христіюбцевъ. Изъ всѣхъ окрестныхъ селеній собрались они. Пришли бабы, пришли дѣвки, пришли малые ребята — всѣ привалили помянуть покойниковъ за сытной обительской трапезой.

Сѣвъ на игуменское кресло, Манеѣа ударила въ кандію, и трапеза пошла по чину, стройно, благоговѣнно. Обительскія и сироты сидѣли съ невозмутимымъ безстрастіемъ, пришлые христіюбцы изрѣдка потихоньку покашливали, шептались даже межъ собою, но строгій взоръ угощавшихъ старицъ мгновенно смирялъ безвременное ихъ шептанье... Все шло тихо, благообразно, по чину... Но Богу попускающу, врагу же дѣйствующу, учинилось велие искушеніе...

Чтеніями на трапезѣ распорядается уставщица. На Великій постъ выдала магъ Аркадія изъ кладовой книгу Лѣствицу, дорогую старообрядцамъ книгу, печатанную при патриархѣ Іосифѣ. До Страстной успѣли прочитать изъ нея тридцать степеней монашескаго подвига и нѣсколько добавленій, помѣщенныхъ въ концѣ книги. Страстной стали Страсти читать, на Пасхѣ Златоуста. Лѣствица осталась недочитанною... На Радуницу надо бы матушкѣ Аркадіи иную книгу въ келарню внести, да за хлопотами ей не удосужилось. Придя въ келарню, и вздумала она сбѣгать за книгой, да на грѣхъ ключъ отъ сундука обронила. Нечего дѣлать, пришлось Лѣствицу дочитывать—самое послѣднее слово отъ Патерника Скитскаго *).

Замолитвовала Манеѣа, и раздалось по келарнѣ мѣрное чтеніе рядовой канонницы:

«Повѣда намъ отецъ Евстаѣій, глаголя...»

Спихватилась знавняя наизусть всю Лѣствицу Манеѣа, но было ужъ поздно. Не въ ея власти прекратить начатое чтеніе. То грѣхъ незамолимый, непрощаемый, то непомѣрный соблазнъ

*) «Лѣствица». печатанная при патриархѣ Іосифѣ въ Москвѣ 1647 года.

передъ своими, тѣмъ паче передъ прихожими христіянами. А выкинуть изъ чтенія ни единого слова нельзя. Какъ смѣтъ святыя словеса испразднать?.. Это, по мнѣнію старообрядцевъ, запачило бы надъ святыней ругаться, дьявольское дѣло творить. Ссылаясь на хворь и на слабость, Манеѳа торопила суетившуюся Виринію скорѣй кончать трапезу, а канонницѣ велѣла читать какъ можно протяжнѣй. То было на мысли у игуменьи, чтобы чтенія не довести до конца. Но у Вириніи столько было наварено, столько было нажарено, людей за столами столько было насажено, что, какъ медленно ни читала канонница, душеполезное слово было дочитано.

Читаетъ канонница, какъ Евстаѳій, накопивъ денегъ, восхотѣлъ на мздѣ хиротонисатися пресвитеромъ и того ради пошелъ изъ пустыни въ великій градъ Александрію. И бысть на пути Евстаѳію отъ бѣса искушеніе. Предсталъ окаянный въ странномъ образѣ...

«Идуше же ми путемъ, — читала среди глубокой тишины канонница: — видѣхъ мужа, высока ростомъ и ноги до конца, черна видѣніемъ, гнѣсна образомъ, мала главою, тонконога, несложна, безколѣнна, грубосоставлена, желѣзнокотна, чермоока, весь звѣрино подобіе имѣя, бѣше же женомужъ, лицомъ чернъ, дебело-устнатъ, вели... вели... великому...»

Споткнулась канонница. Такія видитъ рѣчи, что дѣвицѣ на людяхъ зазорно сказать. А пропустить нельзя, сохрани Богъ отъ такого грѣха!.. Въ краску бросило бѣдную, сторѣла вся...

— Говоркомъ вели читать, учащала бы...—строга шепнула Манеѳа уставщицѣ.

Спѣшно и вполголоса прочитала канонница смутившія ея реченія... Матери потушили взоры, бѣлицы тихонько перемигивались, прихожіе христіяны лукаво улыбались.

«Азъ же видѣвъ его убояхся,—продолжала, немножко оправясь отъ смущенія, канонница: — знаменахъ себя крестнымъ знаменіемъ».

Изъ дальнѣйшаго чтенія оказалось, что и это не помогло Евстаѳію.

«Абіе бысть, — читала канонница: — аки жена красна и благозрачна...»

Опять споткнулась бѣдная... Слезы даже на глазахъ у ней выступили.

— Скорѣй бы кончала,—угрюмо шепнула Манеѳа, бросая суровые взгляды на Аркадію.

Душеполезное слово кончилось. Потупя глаза и склонивъ голову, сторѣвшая со стыда канонница со всѣхъ ногъ кинулась въ боковушу, къ матери Вириніи. Глубокое молчаніе на-

стало въ келарнѣ. Всѣмъ стало какъ-то не по себѣ. Чтобы сгладить впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ о видѣніяхъ Евстаѳія, Манеѳа громко кликнула:

— Пойте Пасху, дѣвицы.

И звучные голоса велегласно зазвѣли: «Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его».

Кончились стихеры, смолкло пѣніе, Манеѳа уставной отпустъ прочла и «прѣщу» проговорила.

Затѣмъ, стоя у игуменскаго мѣста, твердымъ голосомъ сказала:

— Господу изволившу, обыде мя болѣзнь смертная... Но не хотяи смерти грѣшнику, да обратится душа къ покаянію, Онъ, сый челоуѣколюбець, воздвигъ мя отъ одра болѣзненнаго. Исповѣдую неизреченное Его милосердіе, славлю смотрѣніе Создателя, пою и величаю Творца Жизнодавца, дондеже есмь. Васъ же молю, отцы, братіе и сестры о Христѣ Ісусѣ, помяните ми убогую старицу во святыхъ молитвахъ своихъ, да проститъ ми согрѣшенія моя вольная и невольная и да устроитъ самъ Спасъ душевное мое спасеніе...

И до земли поклонилась Манеѳа на три стороны. Всѣ бывшіе въ келарнѣ отвѣтили ей такими же поклонами.

— А въ раздачу сиротамъ на каждый дворъ по рублю... Каждой сестрѣ, пришедшей въ день сей изъ скудныхъ обителей, по рублю... Прихожимъ христіюльцамъ, кто нужду имѣеть, по рублю... И та раздача не изъ обительской казны, а отъ моего недостойнства... Раздавать будетъ мать Таифа... А ты, матушка Таифа, прими кромѣ того двѣсти рублей въ раздачу по нашей святой обители.

— Благодаримъ покорно, матушка!.. Дай тебѣ Господи долготѣнаго здравія и души спасенія!.. Много довольны твоей милостью...—загудѣли голоса.

Двинулась съ мѣста Манеѳа. Передъ нею всѣ разступились. Фленушка съ Марьюшкой повели игуменью подъ руки, соборныя старицы провожали ее.

Взойдя за крыльцо своей кельи, Манеѳа присѣла на скамейку подъ яркими лучами весенняго солнца. Матери стояли передъ ней.

— Въ огородахъ просохло? — спросила она казначею.

— Просыхаетъ, матушка, — торопливо отвѣтила Таифа. — Въ бороздахъ только межъ грядокъ грязненько... Да день-другой солнышко погрѣетъ, вездѣ сухо будетъ.

— Молодымъ гряды копать, старымъ сѣмена мочить,—распоряжалась Манеѳа. — Сѣмянъ достанетъ?

— Вдосталь будетъ, матушка,—отвѣчала Таифа:— всего по милости Божьей достанетъ.

— Всхожи ли? — спрашивала игуменя.

— Всхожія, матушка, всхожія, — увѣряла мать Таифа. — Всѣ испробовала — хорошо всходятъ.

— Навозъ на гряды возили?

— До праздника еще свезли, на снѣгъ еще возили, — отвѣтила Таифа.

— Въ большомъ огородѣ двадцать грядъ подь свеклу, двадцать подь морковь, пятнадцать подь лукъ-саженецъ, остальные подь рѣдьку, — приказывала Манеѳа.

— Слушаю, матушка, — кланяясь, отвѣтила Таифа.

— За коннымъ дворомъ, въ маломъ огородѣ, брюкву да огурцы... Капусту, какъ прежде, на мокромъ лужку... Срубы подь рассаду готовы?

— Нѣтъ еще, матушка, не справлены, — отвѣтила Таифа. — Когда же было? Праздники..

— Завтра справить. Ирины мученицы въ пятницу — рассады сѣвъ, — сказала Манеѳа.

— Будетъ готово, матушка, все будетъ исправлено, — успокаивала ее казначея.

— А въ четвергъ апостола Пуда, — продолжала игуменя.

— Вынимай пчель изъ-подь спуда, — съ улыбкой подхватила Таифа. — Знаю, матушка, знаю *).

— То-то, не забудь.

— Какъ забыть?.. Чтѣ ты, матушка?.. Христосъ съ тобой... Можно-ль забыть! — зачастила мать казначея.

— Марью Гавриловну спроси, не надо-ль ей грядокъ подь цвѣточки. Если прикажетъ — бѣлицамъ вскопать.

— Велю, матушка.

— А тебѣ, мать Назарета, послушаніе, — сказала Манеѳа, обращаясь къ одной изъ степенныхъ старицъ: — пригляди за бѣлицами. Пусть ихъ маленько сегодня разгуляются, на всполѣ сходятъ...

— Слушаю, матушка, — низко поклонясь, молвила мать Назарета.

— Ронжинскихъ ребятъ чтобы духу не было, — сказала Манеѳа: — да мірскія гѣсни дѣвицы чтобы не вздумали пѣть.

— Какъ это возможно, матушка? — вступилась Назарета и нѣкоторыя другія матери. — Нашихъ дѣвицъ похаютъ нельзя — дѣвицы степенныя, разумныя.

— Знаю я ихъ лучше васъ, — строго промолвила Манеѳа. — Чуть не догляди, тѣчасъ бѣсовскія игрища заведутъ... Пля-

*) Иринѣ мученицѣ празднуютъ 16-го апрѣля; народъ называетъ этотъ день «Арины расадницы», «Арины сѣи капусту на расадникахъ (въ срубяхъ). Апрѣля 15-го апостола Пуда — доставай пчель изъ-подь спуда.

саніе пойдеть, нечестивое скаканіе, въ долони плесканіе и всякія богомерзкія коби *). Нечего рыло-то кривить, — крикнула она на Марью головщицу, замѣтивъ, что та переглянулась съ Фленушкой.—Телѣгу нову работную купили?—обратилась Манеѳа къ казначеѣ.

— Евстихей Захарычъ изъ Ключева въ помишокъ прислалъ, — отвѣтила Таифа. — Справная телѣга, колеса дубовыя, шины желѣзныя въ палець толщиной.

— Спаси его Христочъ, — сказала Манеѳа. — Молился за благодѣтеля?

— Какъ же, матушка, на годъ въ синодикъ записанъ. — вступилась уставщица.

— А сиву кобылу продать, — рѣшила Манеѳа. — Вечоръ Трофимъ проѣхалъ на ней, поглядѣла я, плоха — чуть ноги волочитьъ.

— Старая лошадушка, еще при матушкѣ Екатеринѣ вкладомъ дана — много годовъ-то ей будетъ, — замѣтила мать Таифа.

— За что ни стало продать. Велъ бы Трофимъ въ четвергъ на базаръ, — сказала Манеѳа. — Куръ много ли несется?—спросила она подошедшую Вириною.

— Сорокъ молодочекъ, матушка, сорокъ... — отвѣчала Вириная. — Двѣ заклохтали, хочу на яйца сажать.

— Яиць много?

— Сотъ семь отъ праздника осталось, каждый день по сороку прибываетъ, — сказала Вириная.

— До Петровокъ станеть?

— Хватить, матушка, хватить. Какъ до Петровокъ не хватить? — отвѣчала Вириная.

— Масла, сметаны станеть? — продолжала спрашивать игуменя.

— Уповаю на Владычицу. Всего станеть, матушка, — говорила Вириная. — Не изволь мутить себя заботами, всего, при милости Божіей, хватить. Слава Господу Богу, что поднялъ тебя... Теперь все ладнехонько у насъ пойдеть: вѣдь хозяйюшкинъ глазъ, чтѣ твой алмазь. Хозяйюшка въ дому, чтѣ оладышекъ въ меду: ступить — копейка, переступить — другая, а зачнетъ сѣменить — и рублемъ не покрыть. За тобой, матушка, голодомъ не помереть.

— Ну ужъ сѣменить-то мнѣ, Вириноюшка, не приходится, — улыбувшись, отвѣтила Манеѳа на прибаутки добродушной Вириной. — И стара и хила стала. А ты, матушка, ужъ пригляди, поради́й Бога ради, не заставь голодать обитель.

*) Волхованіе, погань, скверность.

— Ахъ, ты, матушка, чтой-то ты вздумала? — утирая выступившія слезы, заговорила добрая Виринея. — Да мы за тобой, какъ за каменной стѣной, была бы только ты здорова, нужды не примемъ...

— Это какъ есть истинная правда, матушка, — заговорили соборныя старицы, кланяясь въ поясъ игуменьѣ. — Будешь жива да здорова — мы за тобой сыты будемъ!..

— Подастъ Господь пищу на обитель нищу!.. — сквозь слезы улыбаясь, прибавила мать Виринея. — Съ тобой одна рука въ меду, друга въ патоку...

— Богъ спасетъ за ласковое слово, матери, — поднимаясь со скамейки, сказала игуменья. — Простите ради Христа, а я ужъ къ себѣ пойду.

Матери низко поклонились и стали расходиться. Пошла-было и Аркадія, но мать Манеѳа остановила ее.

— Войди-ка, матушка Аркадія, ко мнѣ на минуточку, — сказала она.

Вошли въ келью, помолились на иконы. Утомленная Манеѳа сѣла, а Фленушкѣ съ Марьюшкой велѣла въ свое мѣсто идти.

— Ты это что надѣлала? — грозно спросила Манеѳа оторопѣвшую уставщицу.

— Прости Христа ради, матушка, — робко молвила Аркадія, кланяясь въ землю передъ Манеѳой.

— Какое ты чтеніе на трапезѣ-то дала?.. А?..

— Прости Христа ради, — съ новымъ земнымъ поклономъ молвила уставщица.

— При чужихъ-то людяхъ!.. Сдѣлажны въ обители творить?.. А?..

Глаза Манеѳы такъ и горѣли... Всѣмъ тѣломъ дрожала Аркадія.

— Прости Христа ради, матушка, — едва слышно оправдывалась она, творя одинъ земной поклонъ за другимъ передъ пылавшею гнѣвомъ игуменьей. — Думала я Прологъ вынести, аль Ефрема Сиринна, да на грѣхъ ключъ отъ книжнаго сундука невѣдомо куда засунула... Память теряю, матушка, безпамятна становлюсь... Прости Христа ради — не вмѣни оплошки моей во грѣхъ.

— Не знаешь развѣ, что слѣва объ Евстаѳіи не то что при чужихъ, при своихъ читать не подобаетъ?.. Сколько разъ говорила я тебѣ, какіхъ статей на трапезѣ не читать? — начала Манеѳа Аркадію.

— Говорила, матушка!.. Много разъ говорила... Грѣхъ такой выпалъ! — оправдывалась уставщица.

— Гдѣ память-то у тебя была? Гдѣ умъ-отъ былъ?.. А?.. — продолжала Манеѳа.

— Прости Господа ради, матушка, — кланяясь до земли, говорила Аркадія. — Ни впредь ни послѣ не буду!..

— Еще бы ты и впередъ стала такіе соблазны заводить!.. — грозно сказала Манеѳа. — Нѣтъ, ты мнѣ скажи, чѣмъ заглядить то, чтѣ случилось?.. Какъ изъ памяти припльхъ христолюбцевъ выбить, чтѣ имъ было читано на трѣзезѣ? Вотъ чтѣ скажи.

— Что-жь, матушка? Слова свѣтыя преподобными отцами составлены, — робко промолвила уставщица. — Какъ ихъ судить?.. Кто посмѣетъ?

Такъ и вспыхнула Манеѳа.

— Дура! — вскрикнула она, топнувъ ногой. — Дожила до старости, а ума накопить не успѣла.. Экое ты слово осмѣлилась молвить!.. Преподобные по-твоему виноваты!.. А?.. Безумная ты, безумная!.. Преподобные въ простотѣ сердца писали, намъ съ ними не въ версту стати!.. Преподобныхъ простота намъ грѣшнымъ соблазнъ.. Видѣла, какъ дѣвицы-то перемигивались?.. Видѣла, какъ мужики-то поглядывали?.. Бабы да сироты чуть не хихикали... Чтѣ теперь скажутъ, чтѣ толковать учнутъ!.. Кто отженить отъ нихъ омраченіе помысловъ?.. Кто?.. Въ соблазнъ, какъ въ тину смердящую, вкинуты, въ яму бездонную, полную грѣховныхъ мерзостей!.. А кто ихъ вкинулъ?.. Кто ввергъ?.. Ну-ка, скажи!.. Разошлись теперь по домамъ, чтѣ говорятъ?.. На людяхъ-то чтѣ скажутъ?—«Были, дескать, мы на Радуницу въ Манеѳиной обители, слышали поученіе отъ божественнаго писанія — въ кабакъ не ходи, и тамъ середь пьяныхъ такой срамоты не услышишь»... Вотъ чтѣ скажутъ по твоей милости... Да... А врагамъ-то никоніанамъ, какъ молва до нихъ донесется, какая слава, какое торжество будетъ!.. Вотъ, скажутъ, у нихъ, у раскольниковъ-то, прости Господи, какова чистота, сорѣмныя слова въ поученіе читаютъ... Срамница!.. А дѣвкамъ-то напомнимъ, даже черницамъ, изъ молодыхъ, развѣ не соблазнъ было слушать?.. Ахъ, ты, старая, старая!.. Помнишь евангельское слово?.. Лучше камень на шею да въ омутъ головой, чѣмъ слово объ Евстаѳіи дать на трапезѣ читать.

— Прости Христа ради, матушка, — говорила, кланяясь въ ноги, Аркадія. Слезы катились у ней по щекамъ — отереть не смѣла.

— Чью должность исправила ты? — приставала къ ней Манеѳа. — Чью?

Аркадія молча рыдала.

— Чье, говорю, дѣло ты правила?.. Чье?..

— Моя вина, матушка, моя вина... Прими покаяніе, прости меня грѣшную, — молвила уставщица у ногъ игуменьи.

— Чье дѣло творила, спрашиваю?.. — топнула ногой Манеѳа. — Отвѣчай: чье дѣло?

— Не разумѣю учительнаго твоего слова, матушка... Не умѣю отвѣта держать... Прости ради Христа...

— Дьявола!.. Вотъ чье дѣло сотворила ты, окаянная! — грозно сказала ей Манеѳа. — Кто отецъ соблазновъ?.. Кто соблазны чинить на пагубу душамъ христіанскимъ?.. Кто?.. Говори — кто?..

— Дьяволъ, матушка, — едва слышно проговорила лежащая у ногъ игуменьи Аркадія.

— Ему поработала... Врагу Божію послужила... Его волю сотворила.

— Вѣдаю грѣхъ свой великій, исповѣдую его тебѣ... Прости, матушка... меня, скудоумную, прости меня, неключимую, — молила Аркадія.

Долго длилось молчанье. Только звуки маятника стѣнныхъ часовъ въ большой горницѣ Манеѳиной кельи да судорожныя всхлипыванья и тихіе вздохи уставщицы слышны были въ келейной тишинѣ.

— Встань! — повелительно сказала Манеѳа. — Старость твою не стану позорить передо всею обителью... На поклоны въ часовнѣ тебя не поставлю... А вотъ тебѣ епитимья: до дня Пятидесятницы—по тысячѣ поклоновъ на день. Ко мнѣ приходи отмаливать, это тебя же ради, не видали бы. Къ тому-жъ сама хочу видѣть, сколь велико твое послушаніе... Ступай!

— Матушка, прости, матушка, благослови! — обычно сказала уставщица, творя метанія предъ игуменьей.

— Прощу и благословлю, коль жива буду, во святыи день Пятидесятницы... — сказала Манеѳа.

Съ поникшей головой вышла Аркадія изъ кельи игуменьи. Лица на ней не было. Потъ градомъ выступалъ на лбу и на морщинистыхъ ланитахъ уставщицы.

До костей проняли ее строгія рѣчи игуменьи...

Оставшись одна, прилечь захотѣла Манеѳа. Но наслалъ же и на нее проклятый бѣсъ искушеніе... То вспоминаются ей слова Лѣствицы, то мерещится образъ Стуколова... Не того Стуколова, что видѣла недавно у Папапа Максима, не стараго паломника, а бѣлолицаго, остроглазаго Якимушку, что когда-то, давнымъ-давно, помутилъ ея сердце дѣвичье, того удалаго добра молодца, безъ котораго цвѣты не цвѣтнѣ цвѣли, деревья не красно росли, солнышко въ небѣ сіяло не радостно... Молиться, молиться!.. Но нейдетъ молитва на умъ, расшатаанный воспоминаньями о суетномъ мѣрѣ... Давнишній, забытый, казалось, мѣръ опять заговорилъ въ остывшей крови. Опять

шепчетъ онъ страстью, опять на грѣховныя думы наводитъ... Бѣсь, бѣсь! Отмолиться надо, плоть побороть!..

И стала Манеѳа на поклоны. И клала поклоны до истощенія силъ.

Не помогло старицѣ.. Тѣломъ удручилась, душой не очистилась... Столь страшно бываетъ демонское стрѣляніе, столь велика злоба дьявола на облекшихся въ куколь незлобія и въ одежду иноческаго безстрастія!.. Искушеніе!.. Охъ, это искушеніе!.. Придетъ оно, кто въ силахъ отвратить его?.. Царить. владѣть людьми искушеніе!.. Кто противъ него?..

Но что-жъ это за искушенье, что за бѣсь, взволновавшій Манеѳину кровь? То веселый Ярѣ—его чары... Не заказанъ ему путь и въ кельи монастырскія, отъ его жаркаго разымчиваго дыханья не спасутъ ни черный куколь, ни власница, ни крѣпкіе монастырскіе затворы, ни даже старые годы..

Глава девятая.

Часа черезъ полтора послѣ того, какъ матери разошлись по кельямъ, а бѣлицы съ Назаретой ушли погулять за околицу, на конный дворъ Манеѳиной обители въѣхала кибитка съ кожанымъ верхомъ и наглухо застегнутымъ фартукомъ, запряженная парой толстыхъ съ гляпovitою шерстью скитскихъ лошадей. Изъ работницкой «стан» вышелъ конюхъ Дементій и весело привѣтствовалъ тщедушнаго старика, сидѣвшаго на козлахъ:

— Родіонъ Данилычъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Матушку, что-ль, какую привезъ?

— Гостя московскаго, распѣвалу, — отвѣчалъ Родіонъ, слѣзая съ козелъ и витаясь *) съ Дементіемъ. — Спать, — промолвилъ онъ, заглянувъ подъ фартукъ. — Умаялся, сердечный...

— Видно, лѣсныя путинки не по московскимъ костюмъ, — замѣтилъ Дементій.

— И доро́га же, другъ! — сказалъ Родіонъ. — Къ вамъ-то ближе еще туда-сюда, а у насъ вкругъ Оленева—бѣда!.. На Колосковской гати совсѣмъ завязли... Часа три пробились... Ужъ я на деревню за народомъ бѣгалъ... Не приведи Господи.

— Знамо, распутица, — промолвилъ Дементій, почесываясь спиною объ уголь крыльца.

Родіонъ сталъ распрягать приусталыхъ коней.

— Что за гость такой? — спросилъ Дементій.

— А кто его знаетъ? Съ подаяніемъ, должно-быть. Въ Оле-

*) Витаться — здороваться, подавая другъ другу руку.

нево къ намъ сие на шестой недѣлѣ прїехалъ... А бывалъ не у всѣхъ, у насъ въ Анюсиной да у матушки Фелицаты... По другимъ обителямъ ни ногой.

— Чтò же такъ? — спросилъ Дементїй.

— Ихне дѣло. Какъ намъ узнать? — отвѣчалъ Родїонъ. — Пѣтъ тоже обучалъ, у насъ все съ Анной Сергѣевной пѣлъ, чтò при матушкѣ Маргаритѣ живеть, а водился больше съ Аграфеной, чтò живеть въ келарныхъ приспѣшницахъ; у Фелицатинныхъ больше съ Анной Васильевной.

— Ишь ты! Съ молоденькими все да съ пригожими. — лукаво улыбаясь, замѣтилъ Дементїй.

— Ихне дѣло! Намъ не узнать, наше дѣло черное, трудовое, въ чисты свѣтлицы ходу намъ нѣтъ, — проговорилъ Родїонъ, распрягая лошадей.

— Вѣстимо; въ Чернухѣ были? — спросилъ Дементїй.

— Обѣхали, — сказалъ Родїонъ. — Ему, слышь, прописано у насъ быть да у васъ въ Комаровѣ. Поѣдетъ ли, нѣтъ ли въ Улангеръ — навѣрно тебѣ сказать не могу...

— Охъ, какъ въ Улангеръ придется!.. Бѣда!.. — сказалъ Дементїй. — На Митюшино развѣ будетъ везти... Прямо вхать затопешь.

— Не клянчи, Дементыюшка, — отозвался Родїонъ. — У насъ двѣ недѣли гостилъ, коль у васъ столь-жъ погостить, дорого-то обсохнеть.

— Хорошо бы такъ. Пушай бы подольше ему погостилось, — молвилъ Дементїй. — Онъ къ кому?.. Не знаешь?.. — спросилъ конюхъ, немного помолчавъ. — Изъ матерей къ которой, аль къ самой матушкѣ Манеѣ?

— Къ самой поди, — отозвался Родїонъ. — Чтò ему до матерей?.. По игуменьямъ ѣздитъ, московскїй.

— Наша-то матушка не больно еще оправилась, — сказалъ Дементїй. — Хворала... Думалп, не встанеть.

— Слышно было про то, — молвилъ Родїонъ. — Теперь какъ?

— Обошлась, ничего, — отвѣчалъ Дементїй. — Лѣкарь изъ города наѣзжалъ... Лѣчили... Грѣха-то чтò было!..

— А чтò?

— Да лѣкарь-отъ изъ нѣмцевъ аль басурманинъ какой... У людей Великїй постъ, а онъ скоромятину, ровно собака, жретъ... Въ обители-то!.. Матери бунтъ подняли, сквернить, знаешь, имъ... Печки не давали скоромное-то стряпать. Да тутъ у насъ купчиха живеть, Марья Гавриловна, тамъ у ней стряпали... Было, было всякаго грѣха!.. Не сразу отмолятъ...

— А вылѣчилъ-таки? — спросилъ Родїонъ.

— Еще бы не вылѣчить! — усмѣхнувшись, отвѣтилъ Дементій. — Вѣдь матери, Родіонушка, не нашъ братъ — голь да перетька... У нихъ — деньгамъ заговѣнья нѣтъ. А богатыхъ и смерть не сразу беретъ... Рубль не Богъ, а тоже милуетъ.

— И вѣрно такъ, Дементьюшка, — сказалъ Родіонъ: — вѣрно... Дай-ка овсеца кѣнямъ-то засыпать, — прибавилъ онъ, отводя лошадей въ конюшню.

— Пойдемъ, — сказалъ Дементій и лѣнливо побрелъ за Родіономъ.

Межъ тѣмъ спавшій въ оленевской кибиткѣ московскій пѣвецъ проснулся. Отворотилъ онъ бокъ кожанаго фартука, глядитъ — мѣсто незнакомое, лошади отложены, людей ни души. Живого только и есть, что жирная корова, улегшаяся на солнопѣкѣ, да высокій голландскій пѣтухъ, окруженный курами всѣхъ возможныхъ породъ. Склонивъ голову на-бокъ, сѣтскій горлопанъ стоялъ на одной ножкѣ и гордо поглядывалъ то на одну, то на другую подругу жизни.

Отстегнулъ пріѣхавшій гость фартукъ, поднялся съ груди подушекъ въ ситцевыхъ чехлахъ и тихонько вылѣзъ изъ кибитки.

Это былъ невысокаго роста, черноволосый, съ рѣденькой бородкой и быстро бѣгавшими, черными глазками человѣкъ, въ синей суконой шубкѣ на хорьковомъ мѣху и съ новенькимъ гаруснымъ шарфомъ на шеѣ — должно-быть, подарокъ какой-нибудь оленевской мастерицы... Пѣвецъ догадался, что онъ въ Комаровѣ, но гдѣ же люди? Не въ сонное же царство, не въ мертвый заколдованный городъ пріѣхалъ.

— Охъ, искушеніе!.. — молвилъ онъ серебристымъ звонкимъ голоскомъ и пошелъ въ работницкую поискать, нѣтъ ли хоть тамъ живого человѣка. Изба была пуста.

— Вотъ какое положеніе! — сказала онъ, выйдя на крыльцо. — Родіонъ пропалъ... Родіонушка! — крикнулъ онъ, сколько было мочи.

— Ась? — отозвался тотъ изъ конюшни.

Пріѣзжій направился на голосъ.

— Проснулся, Василій Борисычъ? — спросилъ Родіонъ. — А я ужъ кѣней отпрягъ и корму задалъ... Чтò, аль со сна-то головушку разломилò?

— И то маленько вздремнулъ!.. Искушеніе!.. — молвилъ Василій Борисычъ.

— Ну, вздремнуть не вздремнулъ, а здорово всхрапнулъ, — замѣтилъ, улыбаясь, Родіонъ. — Отъ самой Клоихи носомъ пѣсни игралъ — пятнадцать верстъ...

— Ужъ и пятнадцать?.. — усомнился Василій Борисычъ.

— Говорю тебѣ, пятнадцать, — сказалъ Родіонъ. — Хоть людей спроси, — прибавилъ онъ, указывая на Дементія.

— До Клопики точно пятнадцать верстъ отселева будетъ... Больше будетъ — дорога-то вѣдь здѣсь не мѣрная, — подтвердилъ Дементій.

— А матушку Манею можно повидать? — спросилъ его прїѣзжій.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать, господинъ купецъ, — отвѣтилъ Дементій. — Хворала у насъ матушка-то — только-что встала. Сегодня же Радуницу справляли — часы стояла, на могилки ходила, въ келарнѣ за трапезой сидѣла. Притомилась. Поди чать теперь отдыхать легла.

— Охъ, искушеніе! — тихонько промолвилъ Василій Борисычъ, покачавъ головой.

— Съ Мѣсквы *) что-ль будете? — спросилъ его Дементій.

— Изъ Мѣсквы, — отвѣтилъ гость.

— Та-а-къ, — протянулъ Дементій. — Большая, слышь, столиція?

— Побольше вашего скита, — сказалъ, улыбнувшись, Василій Борисычъ.

— Однѣхъ церквей сорокъ сороковъ!

— Такъ говорится — на дѣлѣ-то поменьше будетъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ,

— И все золотоглавья? — продолжалъ спрашивать Дементій.

— Есть и золотоглавья, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Эка подумаешь! — удивлялся Дементій. — А Иванъ Великій высокъ будетъ?

— Высокъ, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Диковина! — вскрикнулъ Дементій. — А правда-ль, что въ Мѣсквѣ сорокамъ не вѣдь?

— Не видать.

— Это Алексѣй митрополитъ на сороку заклятіе положилъ, чтобъ она въ Мѣскву не летала... Птица-воръ, а на Мѣсквѣ, сказываютъ, и безъ того много воровъ-то.

— Есть, — подтвердилъ Василій Борисычъ.

— Вотъ и къ Макарью на ярманку воры-то больше все изъ Мѣсквы наѣзжаютъ, — замѣтилъ Дементій. — А правда-ль, что у васъ хлѣбъ по шести да по семи гривенъ на серебро живетъ?

— Случается, — сказалъ Василій Борисычъ.

— То-то и есть: толсто звонятъ да тонко ѣдятъ... — при-
молвилъ Дементій. — У насъ по лѣсамъ житье-то, видно, при-

*) За Волгой во многихъ мѣстностяхъ говорятъ „Мѣсква“ твердымъ о.

гляднѣй московскаго будетъ, даромъ что воротами въ уголь живемъ. По крайности бѣшь безъ мѣры, кусковъ не считаютъ.

— Вонъ старица невѣдомо какая бредеть, ее бы про матушку спросить, — молвилъ Василій Борисычъ, показывая на Таифу, подходившую къ конному двору.

— Эта наша мать казначея, — сказалъ Дементій. — Ругаться поди на конный дворъ идетъ... Ухъ, бѣдовая старица!.. Всяка порошинка у ней на перечеѣ. Одно слово, бѣдовая!..

Василій Борисычъ пошелъ навстрѣчу Таифѣ.

— Чтѣ вашей милости угодно? — спросила она.

— Къ матушкѣ Манеѣ писъмецо изъ Москвы привезъ, да вотъ еще къ матери Назаретѣ отъ сродницы.

— Матушка Манеѣа тенерь започивала, — отвѣтила Таифа. — Скорбна у насъ матушка-то — жизни не чаяли... Развѣ въ сумерки къ ней побываете... А мать Назарета въ перелѣсокъ пошла съ дѣвицами... До солнечнаго заката ей не воротиться.

— Я бы сходилъ къ ней покудова. Чать недалеко?.. — встрепенувшись, подхватилъ Василій Борисычъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, — сказала Таифа. — Пожалуй, Дементій укажетъ дорогу... Да вы обѣдали ли?.. Не то въ келарню милости просимъ.

— Покорно благодарю, матушка, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Дорѣгой закусили — сытехонекъ. Благословите къ матушкѣ Назаретѣ сходить.

— Инъ самоварчикъ не поставитъ ли? — уговаривала гостя мать казначея. — Ко мнѣ бы въ келью пожаловали, побесѣдовали маленько, а тѣмъ временемъ и матушка Назарета подошла бы, и матушка Манеѣа проснулась бы.

— Мнѣ бы матушку Назарету поскорѣй повидать, — стоялъ на своемъ Василій Борисычъ и, какъ ни упранивала его казначея посѣтить ея келью, устоялъ на своемъ.

Какъ истый москвичъ, не прочь бы онъ отъ чашки чаю, пожалуй, и отъ трапѣзы не отказался бы, но ужъ очень загорѣлось у него поскорѣй идти къ Назаретѣ. Знать ее не зная, въ глаза не видывалъ, и покамѣстъ одна читалка па Рогожскомъ не покучилась ему свезти Назаретѣ писъмецо съ посылочкой, во сняхъ даже про такую старицу не слыхивалъ. Но, узнавъ, что пошла она съ дѣвицами на гулянку, ногъ подъ собой не слышалъ Василій Борисычъ... Такъ и тянетъ его поглядѣть на комаровскихъ бѣлицъ, какъ онѣ тамъ въ перелѣскѣ свою Красну Горку справляютъ. Искушешіе!.. Ну да вѣдь человекъ не старій, кровь въ жилахъ не ледяная.

Втащили въ работницку избу поклажу Василья Борисыча. Расшнуровалъ онъ чемоданъ; вынулъ суконный кафтанчикъ,

чуйку на ваточной подкладкѣ, шалочку новую, и такимъ молодцомъ вырядился, что любо-дорого посмотреть. Затѣмъ отправился съ Дементьемъ за околицу...

Только дошли до Каменнаго Вражка, какъ послышались издали молодые веселые голоса и звонкій хохотъ Фленушки.

Дементій воротился, Василій Борисычъ тихонько пошелъ на голоса.

Звучнымъ, пріятнымъ голосомъ искусно завелъ онъ пѣсню про «младую юность».

Горе мнѣ, увы мнѣ во младой во юности!
Хочется пожить — не знаю, какъ быти,
Мысли побиваютъ, къ грѣху привлекаютъ.
Кому возвѣщу я гибель мое горе?
Кого призову я со мной слезно плакать?
Горе мнѣ, увы мнѣ во юности жити —
Во младой-то юности мнози борють страсти.
Плоть моя желаетъ больше согрѣшати;
Юность моя, юность, младое ты время,
Быстро ты стрекашь, грѣхи собираешъ,
Гдѣ бы и не надо — вездѣ поспѣваешъ,
Къ Богу ты лѣнива, ко грѣху радива.
Тебѣ угодати — Бога прогнѣвляти!..

Смолкли бѣлицы... Съ усладой любовались онѣ нѣжнымъ голосомъ незнаемаго пѣвца и жаднымъ слухомъ ловили каждый звукъ унылой, но дышавшей страстностью пѣсни. Василій Борисычъ продолжалъ:

— Юность моя, юность во мнѣ ощутилась,
Въ разумъ приходила, слезно говорила:
„Кто добра не хочетъ, кто худа желаетъ?“
„Развѣ змѣй-соперникъ, добру ненавистникъ!“
„Сама бы я рада — силы моей мало,
„Сижу на конѣ я, а конь не обузданъ,
„Смирить коня нечѣмъ — вожжей въ рукахъ нѣту,
„По горамъ, по хѣлмамъ прямо конь стрекаетъ,
„Меня разрываетъ, умъ мой потребляетъ.
„Внѣ ума бываю, творю что — не знаю.
„Вижу я погибель, страхомъ вся объята;
„Не знаю, какъ быти, какъ коня смирити!..“

Заслушалась и мать Назарета... Заслоня ладонью отъ солнца глаза, съ недоумѣніемъ разглядывала она подходящаго незнакомца.

— Кто-бъ это такой? — говорила она. — Не здѣшній, не окольный, а наѣзжихъ гостей, кажись, во всемъ Комаровѣ нѣтъ... Что за человекъ?

— Московскимъ глядитъ, — молвила Фленушка.

— А можетъ, изъ самаго Питера, — подхватила Марья головщица.

— Можетъ, и питерскій, — согласилась Фленушка. — А глосокъ-отъ каковъ!.. Какъ есть соловей.

— Вотъ бы на клиросъ въ нашу «пѣвчую стаю» такого пѣвца залучить, — закинувъ бойко голову, молвила молодая, пригожая смуглянка съ пылавшими страстнымъ огнемъ очами. Звали ее Устиньей, прозывали Московкой, потому что не одинъ годъ сряду въ Москвѣ у купцовъ въ читалкахъ жила.

— Молчи, срамница!.. Услышать можетъ... — строго замѣтила ей Назарета.

— Мы бы ему бородку-то выщипали, въ сарафанъ бы его обрядили, — продолжала со смѣхомъ Устинья Московка.

— Замолчишь ли, срамница?.. Аль совѣсти не стало въ глазахъ? — ворчала Назарета.

Василій Борисычъ межъ тѣмъ подошелъ къ старицѣ и, низко поклонившись ей, спросилъ:

— Матушка Назарета не вы ли будете?

— Такъ точно, — отвѣчала она. — Чтò угодно вашей милости?

— Письмецо къ вамъ съ Рогожскаго привезъ, — сказалъ онъ, вынимая изъ кармана письмо. — Посылочки тоже есть, уже предоставляю.

— Отъ кого это, батюшка? — недовѣрчиво спросила Назарета, быстрымъ взоромъ окидывая дѣвицъ, столпившихся во-кругъ незнакомца.

— Отъ Домны Васильевны, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Въ Антоновской палатѣ въ читалкахъ живетъ...

— Отъ Домнушки! — радостно воскликнула мать Назарета. — Чтò она, голубушка?.. Какъ живетъ-можетъ?..

— Спасается, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Негасимую у болящихъ читаетъ — любятъ ее старушки...

— Ну, слава Богу!.. На утѣшительномъ словѣ благодарю покорно, батюшка, — сказала мать Назарета. — Какъ имечко-то ваше святое?

— Василій.

— По батюшкѣ?

— Борисовъ.

— Утѣшили вы меня, Василій Борисычъ. Вѣдь Домнушка-то, по плоти, племянница мнѣ доводится — братца-покойника дочка... Вѣдь я тоже московская родомъ-то.

— Очень пріятно, — отвѣтилъ Василій Борисычъ, а черные глазки его такъ и разбѣжались по молодымъ, цвѣтуцимъ здоровьемъ бѣлицамъ, со всѣхъ сторонъ окружившимъ его и мать Назарету.

— Къ матушкѣ Мадеевъ прибыли? — спросила Назарета.

— Такъ точно, — отвѣчалъ Василій Борисычъ: — тоже письма привезъ.

— Отъ кого, батюшка, письма-те? — продолжала свои разспросы старица.

— Отъ разныхъ, — отвѣчалъ онъ. — Отъ матушки Пульхеріи есть письмецо, отъ Гусевыхъ, отъ Мартынова Петра Спиридоныча.

— Великій благодѣтель намъ Петръ Спиридонычъ, дай ему, Господи, добраго здравія и души спасенія, — молвила мать Назарета. — День и ночь за него Бога молимъ. Имъ только и живемъ и дышимъ — много милостей отъ него видимъ... А чтò, дѣвицы, не пора-ль намъ и ко дворамъ?.. Покуда матушка Манеѳа не встала, я бы вотъ чайкомъ Василья-то Борисыча напоила... Пойдемте-ка, умницы, солнышко-то стало низенько...

— Рано еще, матушка!.. Погоди маленько!.. — заголосили бѣлицы.

— Чтò вы, чтò вы?... Какъ возможно не угостить дорогого гостя?.. Пойдемте... Будетъ — погуляли, натѣшились.

— Да матушка!.. Да еще маленько!.. Да погоди хоть съ полчаса.

— Вы для меня, матушка, не безіаконитесь, — вступился Василій Борисычъ. — Дайте дѣвицамъ развеселиться... Онѣ намъ споютъ что-нибудь.

— Такому пѣвцу да лѣсныя пѣсни слушать! — бойко подхватила Фленушка, прищуривая глазки и лукаво взглядывая на Василія Борисыча. — Соловью худыхъ птицъ слушать не приходится... Отъ худыхъ птицъ худыя и пѣсни.

— А у матушки Маргариты въ Оленевѣ про васъ не то говорятъ, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Тамъ очень похваляютъ здѣшнее пѣніе, говорятъ, что лучше вашего клира по веѣмъ скитамъ пѣтъ...

— Такъ вы изъ Оленева пожаловали? — спросила мать Назарета.

— Изъ Оленева, матушка, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Тамъ и Страстную пробылъ и праздникъ праздновалъ.

— У кого гостили? Въ какой обители? — спросила Назарета.

— У Анѳиспныхъ больше, съ матушкой-то Маргаритой мы давнѣе знакомые — она вѣдь тоже наша московка... У Фелицатиныхъ тоже гостилъ.

— Это вамъ Анна Сергѣевна, что ли, напе-то пѣніе славила? — спросила его Марыѣшка.

— И Анна Сергѣевна хвалила и Аграфена келарная, а изъ Фелицатиныхъ Анна Васильевна... Всѣ хвалили, — говорилъ Василій Борисычъ.

— Всѣхъ-то что самыхъ ни на есть лучшихъ дѣвицъ въ Оленевѣ спознали, — лукаво усмѣхнувшись и быстро вскинувъ глазами, молвила Фленушка.

— Пѣть обучалъ, — улыбнувшись, замѣтилъ Василій Борисычъ.

— И насъ бы поучили!.. — защебетали и Фленушка, и Марьюшка, и Устинья Московка, и другія крылошанки.

— Отчего-жъ не поучить?.. Съ великою радостью! — сказалъ Василій Борисычъ. — Только вѣдь надо прежде голоса попробовать: какіе у васъ голоса — безъ того нельзя.

— Пробуйте насъ, пробуйте, — приставали бѣлицы.

— Оченно бы радъ попробовать, — сказалъ Василій Борисычъ. — Матушка Назарета, благословите псалму спѣть.

— Пойте во славу Божию, — молвила Назарета, отрываясь на минутку отъ письма.

— Воскресную надо, дѣвицы... Пасхальную, — сказалъ Василій Борисычъ. — «Велю радость» знаете?

— Знаемъ, знаемъ, — защебетали бѣлицы, окружая московскаго пѣвца.

Высоко, чистымъ голосомъ, завелъ онъ:

Велю радость днесь въ мірѣ явися...

Стройно и бойко подхватилъ дѣвичій хоръ:

Христось бо воскресе, а смерть умертвися,
Сущіе во гробѣхъ животь воспріяша!
Восноемъ же, други, пѣснь радостну нынѣ —
Христось бо воскресе отъ смертныя сѣни,
Животь дарова въ семь мірѣ чловѣку!
Нынѣ всѣ ликуемъ,
Духомъ торжествуемъ,
Простилъ бо Господь грѣхи наши. Аминь.

Голоса Василія Борисыча и головницы Марьюшки покрывали остальные. Далекѣ по передѣлкамъ разносились звуки воскресной псалмы...

— А мірскія пѣсенки попѣваете, Василій Борисычъ? — бокомъ подвернувшись къ московскому гостю, спросила Фленушка.

— Флена Васильевна! — строго крикнула на нее, складывая письмо, Назарета. — Матушкѣ доложу.

— Не пужай, мать Назарета!.. Я вѣдь не больно изъ робкихъ, — рѣзко отвѣтила Фленушка и, не смигаючи, съ рьянымъ задоромъ глядѣла въ разгорѣвшіеся глаза Василія Борисыча.

— Вольница этакая!.. Безстыдница!.. — ворчала Назарета.

— Что-жъ, Василій Борисычъ?.. Поете мірскія? — приставала Фленушка, не обращая вниманія на ворчавшую и хлопавшую о полы руками мать Назарету.

— Затѣмъ мірскія? — переминаясь на одномъ мѣстѣ, сказалъ Василій Борисычъ. — Божественныхъ много, можно и безъ мірскихъ обойтись...

— А мы думали — вы новенькихъ пѣсенокъ намъ привезли, — недовольнымъ голосомъ молвила Фленушка. — У насъ есть, да все старья. Очень ужъ прискучили. Нѣтъ ли у васъ какого хорошенькаго «романика»?

— Безпутная!.. Тебѣ-ль говорятъ?.. За молчи, озорная!.. Забыла, что въ обители живешь?.. — кричала Назарета.

— Мы не черницы! — громко смѣясь, отвѣчала старицѣ Фленушка. — Ты что-ль на насъ манатью-то *) надѣвала?.. Мы бѣлицы, мірское намъ во грѣхъ не поставится...

— Все матушкѣ скажу... Погоди у меня, воструха! — ворчала Назарета и рѣшительнымъ голосомъ приказала бѣлицамъ домой собираться.

Впереди пошли Василій Борисычъ съ Назаретою. За ними, разсыпавшись кучками, пересмѣиваясь и весело болтая, прыгали шаловливыя бѣлицы, Фленушка подзадоривала ихъ запѣть мірскую. Но что сходило съ рукъ игуменьиной любимицѣ и баловницѣ всей обители, на то другія не дерзали. Только Марьюшка да Устинья Московка не прочь были подтянуть Фленушкѣ, да и то вполголоса.

Фленушка завела плясовую:

Во городѣ во Казани
Полтора ста рублей сани.
Дѣвка ходитъ по крыльцу,
Платкомъ машетъ молодцу.

Веселый, игривый напѣвъ нерадостно звучитъ въ устахъ скитскихъ пѣвицъ... То ли дѣло льющаяся изъ жаркой, взволнованной Ярѣ-Хмелемъ груди свободная, опяняющая пѣснь Радуницы, что раздавалась о ту пору на Руси по ея несчетнымъ лугамъ, полямъ и перелѣскамъ...

Напившись у матери Назареты чаю, Василій Борисычъ въ сумерки отправился къ Мансѣѣ.

Положивъ пачалъ и сотворивъ метанія, Василій Борисычъ сказалъ:

— Съ нисьмецомъ къ вамъ, матушка, отъ Петра Спиридоныча да отъ Гусевыхъ... Отъ матушки Пульхеріи тоже есть.

— Садитесь милости просимъ, — величаво молвила Манеѣа,

*) Манатья (мантія), иначе иночество — черная пелеринка, иногда отороченная краснымъ шнуркомъ, которую носятъ старообрядскіе ипоки и инокини. Скинуть ее хоть на минуту считается грѣхомъ, а кто надѣнетъ ее хоть шутя, тотъ уже постриженъ.

указывая гостю на лавку у стола, на которомъ уже разставлено было скитское угощенье. Икра, балыки и другая соленая, подстрекающая на большую ѣду, снѣдь поставлена была рядомъ съ финиками, урюкомъ, шапталой, настилой, мочеными въ меду яблоками и всякихъ сортовъ орѣхами.

Василій Борисычъ сѣлъ и, пока Манеѳа читала письма, принялся разсматривать убранство кельи. Келья была просторная, чистая — нигдѣ ни порошинки. Въ переднемъ углу, въ божницѣ изъ простого дерева, съ алой бархатной пеленой, стояло нѣсколько древнихъ иконъ высокихъ нисемъ, а въ самой серединѣ образъ Корсунской Богородицы стараго новгородскаго пошиба въ густо позолоченной ризѣ сканнаго дѣла. Та икона была у Манеѳы родовая, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ шла... Передъ нею неугасимо теплилась серебряная лампадка съ бисерными подвѣсками. Стѣны кельи обшиты были ясеновыми досками, поставленными стоймя, гладко выструганными и натертыми воскомъ. Кругомъ широкія деревянныя скамьи съ положенными на нихъ мягкими суконными полавочниками. Въ красномъ углу подъ святыми и по двумъ сторонамъ стола полавочники были кармазинныя *), остальные васильковаго цвѣта. На окнахъ, убранныхъ бѣлоснѣжными кисейными занавѣсками, обшитыми красною бахромкой, стояли горшки съ бальзамномъ, розанелью, геранью, бѣлокрайкой, чудомъ въ мѣрѣ и столѣтнимъ деревомъ **). По стѣнамъ развѣшаны были картины въ деревянныхъ рамкахъ, не отличившіяся, впрочемъ, ни смысломъ ни изяществомъ. То были московскія произведенія, изображавшія апокалипсическія дѣянія антихриста, видѣніе святымъ Макаріемъ бѣса въ тыквахъ, распятіе плоти во образѣ монаха съ замкомъ на устахъ, хожденіе Теодоры по мытарствамъ и другія сказанья византийскаго склада. И на каждой картинѣ непремѣнно бѣсъ сидитъ... Ни одной, гдѣ бы не былъ намалеванъ хоть маленькій чертенокъ...

— Такъ вы и въ Бѣлой-Креницѣ побывали!.. Вотъ какъ!.. — молвила Манеѳа, прочитавъ нисѣма. — Петръ Спиридонычъ пишетъ, что вы многое мнѣ на словахъ перескажете... Рада васъ слушать, Василій Борисычъ... Побесѣдуемъ, а теперь покамѣсть передъ чайкомъ-то... настоечки рюмочку, не то мадерки не прикажете ли?.. Покорно прошу...

Василій Борисычъ хватилъ какой-то девятисильной ***)) и

*) Кармазинный цвѣтъ — ярко-алый.

**) Бальзамит — balsamina. Розанель, герань и бѣлокрайка — разные виды *pelargonium*. Чудо въ мѣрѣ — *mirabilis*. Столѣтнее дерево, иначе алой — одинъ изъ видовъ кактуса.

***)) Девятисильною зовутъ настойку на травѣ девясилѣ.

откроешь добрый ломоть палосной икры. За дѣвичьими гулянками да за пѣніемъ божественныхъ псалмъ совсѣмъ забывъ онъ, что въ тотъ день путемъ не обѣдалъ. Къ вечеру прозялъ голодъ московскаго посланника. Сдѣлалъ Василій Борисычъ честь донскому балыку, не отказалъ въ ней ветлужскимъ груздямъ и вятскимъ рыжикамъ, ни другому, что добраго передъ нимъ гостепріимной игуменьей было наставлено.

— Давно-ль изъ Москвы? — спросила его Манеѳа.

— Давненько, матушка, я съ Москвы-то съѣхалъ, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Еще на четвертой недѣлѣ... Дороги — не приведи Господи! Черезъ Волгу пѣшкомъ переходили... Страстную и праздники въ Оленевѣ взялъ.

— У матушки Маргариты? — спросила Манеѳа.

— У нея, матушка... Еще у матери Фелицаты погостить, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Къ австрійскому-то священству склонныхъ обителей въ Оленевѣ только и есть.

— И у насъ склонныхъ немного, — замѣтила Манеѳа. — Наши да Жженишы, Бояркины да Московкины — вотъ и всѣ... Изъ захудалыхъ обителей еще кой-какія старицы.. А по другимъ скитамъ и того пѣтъ. Въ Улангерѣ только мать Юдѳеа маленько склонна...

— А въ Черпухѣ? — помолчавъ, спросилъ Василій Борисычъ.

— Развѣ самое малое число, — отвѣтила Манеѳа. — А по деревнямъ и слышать не хотѣть.

— Слѣпотствуютъ, — молвилъ Василій Борисычъ. — Народъ темный, непонимающій.

— Не слѣпота, Василіи Борисычъ, сблазнь отъ австрійскаго священства больше отводитъ людей, — сказала Манеѳа. — Вамъ, московскимъ, хорошо: вы на свѣту живете. Не грѣхъ бы иной разъ и объ насъ подумать. А вы только совѣсть маломощныхъ сблазнами мутите.

— Какіе же сблазны, матушка?.. Кажись, отъ Москвы сблазновъ никогда не бывало, — возразилъ Василій Борисычъ, посматривая на Манеѳу.

— По письму Петра Спиридоныча, что про васъ пишетъ, да опять же наслышана будучи про васъ отъ батюшки Ивана Матвѣича *) да отъ матушки Пульхеріи, не обвиняя всю правду буду говорить тебѣ, Василій Борисычъ... О чемъ по нашимъ палестинамъ заикнуться не слѣдъ, и про то скажу, — съ замѣтнымъ волненіемъ заговорила Манеѳа. Ея голосъ дрожалъ негодованіемъ, но говорила она сдержанно, ни на волосъ не нарушая обычной величавости. Царицей смотрѣла.

*) Бѣлый пошъ, по фамиліи Ястребовъ, жившій на Рогожскомъ кладбищѣ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ старообрядцевъ.

— Что-жъ такое, матушка? — тревожно спросилъ игуменью Василій Борисычъ. — Скажите, Господа ради.

— Издали зачну, съ чего все дѣло началось, — сказала Манеа. — По письмамъ батюшки Ивана Матвѣича склонились-было мы австрійское священство принять. Много было противностей отъ слабыхъ совѣстей, много было и шатости... Трости вѣтромъ колеблемы здѣшніе люди... но, Господу помогающу, склонила я, убогая, обитель нашу къ пріятію и другія немногія обители, въ Оленевѣ матушку Маргариту, матушку Фелицату, въ Улангерѣ матушку Юдию. И сначала духовно мы ликовали, Василій Борисычъ, наконецъ-то, говорили, явися благодать Божія, спасительная всѣмъ челоукамъ... Не нарадовались Господню смотрѣнію... Чтò же?.. Слышимъ, на Москвѣ закипѣли раздоры, одни толкуютъ: «неправилонъ митрополитъ, — обливанецъ», другіе Богомъ заклинаютъ, чтò крещенъ въ три погруженія... Кому вѣрить?.. Кого послушать?.. У насъ по лѣсамъ народъ темный, силы писанія не разумѣтъ, а новшества страшится, дабы въ чемъ не погрѣшить... Сколько было молвы, сколько шатости!.. Разказать невмѣстимо... Я, убогая, говорила тогда: «потерпите, други любезные, потерпите самое малое время, явить Господь благодать Свою, не предайте слуха словесамъ мятежнымъ»... И по милости Господней удержала...

— Знаютъ на Москвѣ про старанія ваши, матушка, — прервалъ-было Василій Борисычъ.

— Славы, другъ, не ищу... — вспыхнула Манеа. — Чтò дѣлаю, Господа ради дѣлаю, не ради вашей суетной Москвы.

— Праведное дѣло, матушка, — вполголоса замѣтилъ смѣшавшійся немного Василій Борисычъ.

Величаво, но едва замѣтно склонила Манеа голову, какъ бы въ знакъ согласія. Затѣмъ, отчеканивая каждое слово, продолжала:

— А скажи по совѣсти, чѣмъ намъ пособила Москва?..

— Что-жъ, матушка, кажется, не были оставлены, — промолвилъ Василій Борисычъ.

— Не про деньги рѣчь, — съ усмѣшкой презрѣнья прервала его Манеа. — Про духовное у тебя спрашиваю... Чѣмъ поддержали меня?.. Сблѣзнами?

— Да какими же, матушка, сблѣзнами? — съ робкимъ удивленьемъ спросилъ Василій Борисычъ.

— Сколько годовъ душевнымъ голодомъ томимы были мы безъ священника?.. Писали-писали на Москву: «пришлите пастыря» — ни отвѣта ни привѣта... Ну, вотъ и дождались...

— Отца Михаила? — сказалъ Василій Борисычъ.

— Да, Михайлу Корягу... Но нашимъ мѣстамъ такъ его величаютъ, — отвѣчала Манеѳа. — Онъ-отъ и есть камень соблазна для здѣшняго христіанства.

— Человѣкъ начитанный, сказывали, постный, — замѣтилъ Василій Борисычъ.

— Постный-отъ онъ постный, только не пьюще, не ядуще, а пенязи беруще, — съ усмѣшкой молвила Манеѳа.

— Гдѣ-жъ безсребренника достать, матушка? Сытыхъ глазъ что-то нонѣ не видится, — сказалъ Василій Борисычъ.

— А чинъ на немъ какой положитъ? — возразила Манеѳа. — Благодать, другъ мой Василій Борисычъ, не рѣпа, за деньги ее не стать продавать... Коряга — стяжатель... Пальцемъ безъ денегъ не двинетъ... Да еще торгуется... Намедни просить его болящаго исправить, а онъ: — «сколько дашь?». Посулили полтину, народъ бѣдный — больше дать не подь силу, а Коряга: — «за полтину, говоритъ, я тебѣ и «Господи помилуй» не скажу»... Такъ-то, другъ!.. Вотъ какимъ пастыремъ насъ Москва наградила... Въ Апостолѣ-то что писано про Симона, восхотѣвши на сребрѣ благодать стяжати?.. А?.. Ну-ка, скажи... Коряга тотъ же Симонъ-волхвъ — потому стяжатель... Такихъ пастырей намъ не надо... Скорѣй душевнымъ гладомъ истомимся, чѣмъ къ такому попу на исправу пойдемъ.

— Какъ же, матушка, возможно пробыть безъ священника!.. — воскликнулъ Василій Борисычъ. — Не въ безповы-жѣ идти...

— Спасова воля... — твердо сказала Манеѳа. — Какъ Ему Свѣту угодно, такъ съ нами и будетъ... Самъ Онъ спасеніе наше управить... А Корягѣ путь къ намъ заказанъ... Такъ и скажи въ Москвѣ...

Не отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Коли на то пошло, я тебѣ, другъ, и побольше скажу, — продолжала Манеѳа. — Достоверно я знаю, что Коряга на мздѣ поставленъ. А по правиламъ, такой попъ и епископъ, что ставилъ его, изверженію подлежатъ, отъ общенія да отречются. Такъ ли, Василій Борисычъ?

— Есть такія правила, точно что есть, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Двадесять девятое апостольское, четвертаго собора двадесятое, на шестомъ и на седьмомъ соборахъ тожъ подтверждено.

— То-то и есть, — продолжала Манеѳа. — Какъ же должно вашего Софрона епископа понимать?.. А?.. Были отъ меня посланы вѣрные люди по разнымъ мѣстамъ, и письмами обсылалась... Нехорошіе про него слухи, Василій Борисычъ,

охъ, какіе нехорошіе!.. А Москва его терпять!.. Да какъ не терпѣть?.. Московскій избраникъ!..

— Это, матушка, вы сказали несправедливо, — возразилъ Василій Борисычъ. — Не было Софрону московскаго избранья. Самъ въ епископы своей волей втесался... Нашего согласія ему дадено не было... Да нонѣ въ Москвѣ его и принимать перестали.

— Съ конхъ поръ?.. — быстро спросила Манеѳа.

— Я все доподлинно вамъ расскажу, — молвилъ Василій Борисычъ. — Затѣмъ и присланъ — выслушать извольте.

— Слушаю, другъ, слушаю, — медленно проговорила Манеѳа, облокачиваясь на столъ и устремивъ какъ уголь горѣвшіе черные глаза на Василя Борисыча.

— Епископа Софронія въ міру Степаномъ Трифонычемъ звали, Жировымъ...

— Знаю, — перебила Манеѳа. — Дворъ постоянный въ Москвѣ держалъ.

— И бѣглыми понами торговалъ, — добавилъ Василій Борисычъ. — Развозилъ по христіанству... Свелъ онъ, матушка, въ то самое время дружбу съ наломникомъ однимъ... Якимъ Стуколовъ прозывается.

Чуть замѣтно дернуло у Манеѳы бровь, но подавила она вздохъ и, спустивъ на глаза креновую наметку, судорожно сжала губы...

— Этоть Стуколовъ по чужимъ землямъ долго странствовалъ, искавши епископа древляго благочестія. Оттого въ Бѣлой-Криницѣ ему ото всѣхъ большое довѣріе было... Вздумалъ тотъ Якимъ Стуколовъ заодно съ Жировымъ деньги добывать — богатства захотѣлось, въ милліонщики вылѣзть пожелалъ. Спервоначалу стали они гдѣ-то въ Калужской губерніи искать золото... Землю купили — заварилось у нихъ дѣло. Каково было то дѣло, говорятъ разное... Господь вѣдаетъ, что у нихъ межъ собой творилось — обманъ ли какой, на самомъ ли дѣлѣ золото сыскали — не могу сказать доподлинно; только Жировъ со Стуколовымъ межъ собой были друзья велики... А у Жирова золото золотомъ, поны понами, прежняго промыслу не покидалъ... Въ самое то время наши московскіе соборнѣ уложили особаго для Россійской державы епископа получить, потому что въ Австріи смуты да войны настали... Не ровень часъ — іерархія въ одинъ часъ могла бы порѣшиться; опять бы остались безъ архіерейства... Покамѣсть на Рогожскомъ судили да рядили, кого послать за архіерействомъ, Степанъ Трифонычъ не будь плохъ, да съ чернымъ поникомъ *),

*) Черный покъ — іеромонахъ.

Егоромъ звали, и махни за границу... «Если, думаетъ, отъ развоза поновъ добрыя деньги въ мощу перепали, отъ епископа невпримѣръ больше получить ихъ можно»... Ладно, хорошо: взялъ онъ у пріятели своего у Стуколова письма и повезъ Егора въ Вѣлу-Креницу въ архіереи ставить. Тамъ гостямъ рады, туда ужъ успѣли дохнуть, что московскіе желаютъ своего епископа, и по письмамъ Стуколова скорехонько занялись того попа Егора въ архіереи поставить... Стали исповѣдывать, и напелись за Егоромъ такіе грѣхи, что ему не то чтобъ епископомъ — въ полахъ-то быть не годится... Монастырскія власти Степану про то объявили — никакъ, дескать, невозможно... Степанъ Трифонычъ туда-сюда — не соглашаются. Тогда и говоритъ ему отецъ Павелъ, настоятель тамонній: — «Да за чѣмъ, говоритъ, дѣло стало? Ты, Степанъ Трифонычъ, человекъ вдовый, въ писаніи гораздъ, для че самому тебѣ архіереемъ не быть?.. Якимъ Прохорычъ Стуколовъ про тебя хорошо описалъ, а мы ему вѣримъ во всемъ...» Степанъ радъ-радехонекъ... Не думалъ, не гадалъ — хиротонія сама на него свалилась... На другой же день постригли его во иночество, Софроніемъ нарекли, въ дьяконы поставили, на завтра въ попы, послѣзавтра въ епископы. Такъ его въ трое сутокъ и обмотали... На четвертые домой архіерей отправился... Дордой-то, правда ли, нѣтъ ли, Егора въ рѣкѣ утопилъ... Москва такъ и ахнула, узнавши, каковъ святитель въ ней проявился... А дѣлать нечего: омофоръ не шуба — съ плечъ не сбросишь... Толки пошли, пересуды, вражда въ обществѣ, свары да ссоры... Однакожь все помаленьку утишилось... Хочешь не хочешь, къ новому владыкѣ ступай.

— Такъ вотъ онъ каковъ! — едва слышно промолвила Манева.

— Таковъ, матушка, таковъ — поистинѣ говорю, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Про это самое доложить вамъ и велѣно...

— Хороша Москва!.. Можно чести приписать!.. — съ горечью сказала Манева, поднимая наметку и сурово вскинувъ глазами на Василья Борисыча. — Некутся о душахъ христіанскихъ! Соблюдаютъ правую вѣру!

— Грѣхъ такой вышелъ, матушка, искушеніе!.. Пичего тутъ не подѣлаешь, — разводя руками, чуть слышно проговорилъ Василій Борисычъ и потушилъ взоры передъ горѣвшими негодованьемъ очами величавой игуменьи.

— Истинно грѣхъ вышелъ, да еще грѣхъ-отъ какой! — Горше его нѣтъ!.. — сказала Манеча. — Спасибо вамъ, московскимъ, спасибо!.. Сами впали въ яму и другихъ съ собой втащили!.. Спасибо!..

Не отвѣчалъ Василій Борисычъ. Не по себѣ ему было. Вынувъ изъ кармана шелковый платокъ, молча отиралъ онъ обильно выступившій на лбу потъ.

— Дальше что? — спросила Манеѳа послѣ молчанія, длившагося нѣсколько минутъ.

— Святокупецъ святокупцомъ и остался, — слегка запинаясь, отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Попа поставить — пятьсотъ цѣлковыхъ, одигонъ *) — та же цѣна и выше, съ поставленныхъ поповъ меньше ста рублей въ мѣсяць оброку не беретъ... Завель вѣчныя пошлины, таковы-де при патриархѣ Иосифѣ бывали: пять цѣлковыхъ съ вѣнца, три за погребенье, но три съ крещенія, со всего.

— Прежде торговалъ попами, теперь благодатью Святаго Духа?.. Такъ, что ли? — язвительно усмѣхнувшись, спросила Манеѳа.

— Такъ... такъ точно, матушка, — приниженно молвилъ Василій Борисычъ и снова принялся утираться платкомъ.

— Что-жъ это онъ у Макарья лавки не возьметъ себѣ?.. Вывѣску бы повѣсилъ — большую, золотую, размалеванную.. Написалъ бы на ней: «Торговля благодатью Святаго Духа московскаго купца епископа Софронія».

— Бываль и у Макарья, матушка, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Безъ вывѣски, должно-быть, торговалъ. Такой что-то не видѣлось, — съ желчной улыбкой отвѣтила Манеѳа. — Такцію бы ему напечатать — за одигонъ, мошь, пятьсотъ, за попа пятьсотъ... Грѣховодники!..

— Не наша вина, матушка... Не Москва Софрона выбирала, — оправдывался Василій Борисычъ. — Аки песь на престоль вскочилъ.

— Это ты изъ Гранографа **), — усмѣхнулась Манеѳа. — Про Гришку Растригу въ Гранографѣ такъ писано... А вѣдь подумать хорошенько, и вашъ Степка, хоть не Гришкиной стезей, а въ его же предѣлы идетъ: — къ Сатанѣ на колѣна — рядомъ съ Иудой предателемъ... Соблазны по христіанству разносить!.. Шатость по людямъ пускать!.. Есть ли такимъ грѣхамъ отпущенье?..

— Охъ, искушеніе!.. — глубоко и горько вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Хоть не вѣдали мы про такія дѣла Софроновы, а вѣры ему все-таки не было, — послѣ нѣкотораго молчанья прогово-

*) Одигонъ — путевой престоль, переносный антиминъ, на которомъ во всякомъ мѣстѣ можно совершать литургію.

***) Хронографъ.

рила Манеѳа. — Нѣтъ, другъ любезный, Василій Борисычъ... Дорога Москва, а душъ спасеніе дороже... Такъ и было писано Петру Спиридонычу, имѣли бы насъ отреченныхъ... Не желаемъ такого священства — не хотимъ сквернить свои души... Матушка Маргарита въ Оленевѣ что тебѣ говорила?

— Да тѣ же рѣчи, что и ваши, — отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Видишь!.. И не будетъ у насъ согласья съ Москвой... Не будетъ!.. Общенія не разорвемъ, а согласья не будетъ!.. По-старому останемся, какъ при бѣгствующихъ іереяхъ бывало... Какъ отцы и дѣды жили, такъ и мы будемъ жить... Знать не хотимъ вашихъ московскихъ затѣвъ!..

При этихъ словахъ вошла въ келью келейная дѣвица и, низко поклонясь гостю, доложила игуменьѣ:

— Отъ Патапа Максимыча нарочнаго пригнали.

— Пантелей? — спросила Манеѳа.

— Нѣтъ, матушка, невѣдомо какой человѣкъ. — Молодой еще изъ себя, рослый такой.

— Знаю, — кивнула ей Манеѳа. — Кликни.

Келейная дѣвица вышла, и минуты черезъ двѣ явился Алексѣй. Сотворя уставной началь передъ иконами и два метанія передъ игуменьей, поклонился онъ гостю и, подавая Манеѳѣ письмо, сказалъ:

— Патапъ Максимычъ приказали кланяться.

Не вставая съ мѣста и молча, Манеѳа низко склонила голову.

— Здоровы-ль всѣ? — спросила она. — Садись, гость будетъ, — приможвила она.

— Всѣ, слава Богу, здоровы, — отвѣчалъ Алексѣй, садясь на лавку рядомъ съ Васильемъ Борисычемъ. — Про вашу болѣзнь очень скорбѣли.

— Патапъ Максимычъ въ отлучкѣ былъ? — спросила Манеѳа.

— Уѣзжали, на шестой недѣлѣ воротились, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Какъ праздникъ справили? — невозмутимо, ровнымъ голосомъ продолжала разспросы Манеѳа.

— Все слава Богу, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Ну и слава Богу, — молвила Манеѳа и, показывая на разставленные закуски, прибавила: — милости просимъ, покушай, чѣмъ Богъ послалъ...

Алексѣй выпилъ, закусилъ... Чаю подали ему.

— Тамъ кое-что привезено къ вашей святынѣ, матушка... Отъ Патапа Максимыча припасы... Кому прикажете сдать? — спросилъ Алексѣй.

— Завтра, — молвила Манеѳа и ударила въ малую кандію, стоявшую возлѣ нея на окошкѣ. Келейная дѣвица вышла изъ-за перегородки.

— Въ заднихъ кельяхъ прибрано? — спросила Манеѳа.

— Прибрано, матушка.

— А въ свѣтлѣкъ надъ стряпущей?

— И тамъ все какъ надо быть.

— Московскаго гостя дорогаго въ заднюю, — сказала Манеѳа: — а его, — прибавила, показывая на Алексѣя: — въ свѣтлѣку. Вели постели стлать... Пожитки ихніе туда перенести. Сейчасъ же.

Низко поклонившись, вышла келейная дѣвица.

— Ты сюда нарочно, аль проѣздомъ? — спросила Манеѳа Алексѣя.

— Въ два мѣста Патапъ Максимычъ послали, — отвѣчалъ онъ: — велѣлъ вамъ да Марьѣ Гавриловнѣ письма доставить, а отсель проѣхать въ Урень.

— На Ветлугу? — быстро спросила Манеѳа, вскинувъ глазами на Алексѣя и нахмури брови.

— На Ветлугу, матушка, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Марью Гавриловну видѣлъ? — немного помолчавъ, спросила она.

— Нѣтъ еще, матушка.

— Ступай къ ней куда, — сказала Манеѳа. — Не больно еще поздно, она-жъ полуночица... Долго-ль у насъ прогостишь?

— Благословите, матушка, завтра-жъ пораньше отправиться, — молвилъ Алексѣй.

— Какъ знаешь... Работника послала я въ Осиповку, съ письмомъ отъ Марьи Гавриловны. При тебѣ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, матушка.

— Разъѣхались. Ступай съ Богомъ. Завтра позову, — сказала Манеѳа, слегка наклоняя голову.

Положилъ Алексѣй исходный началъ передъ иконами, сотворилъ метанія и вышелъ.

— Помѣшали намъ, — молвила Манеѳа Василью Борисычу. — Суета!.. Чтѣ дѣлать?.. Не пустыня Фиваидская — съ міромъ не развяжешься!.. Чтѣ-жъ еще Петръ Спиридонычъ наказывалъ.

— Да насчетъ того же Софронія, матушка, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Узнавши про нечестивыя дѣла его, кладбищенскіе попечители на первыхъ порахъ келейно его уговаривали, усовѣстити желали... И то было неоднократно... Деньги давали, жалованье положили, пересталъ бы только торговать благодатью да ставилъ бы въ пошы людей достойныхъ, по

выбору общества. А онъ и деньги возьметъ и безпутныхъ поповъ наставить... А услѣдить невозможно — все въ разбѣздахъ... Время гонительное, всюду розыски — на одномъ мѣстѣ пребывать нельзя, а ему то и на руку... Этакъ, матушка, безъ малаго четыре года съ нимъ маялись... Отъ того отъ самаго и вамъ добраго священника до сей поры не выслали... Чтò съ самочинникомъ подѣлаешь?..

— Въ прежии годы обо всѣхъ дѣлахъ и не столь важныхъ съ Рогожскаго къ намъ въ лѣса за извѣстіе посылали, совѣтовались съ нами, а нонѣ изъ памяти насъ убогихъ выкинули, — укоряла Манеѳа московскаго посла. — Въ четыре-то года можно бы, кажись, избрать время хоть одно письмецо написать...

— Все хотѣлось, матушка, келейно, по тайности уладить, чтобъ молва не пошла... Соблазна тоже боялись, — оправдывался Василій Борисычъ. — Хотъ малую, а все еще возлагали надежду на Софронову совѣсть, авось, полагали, устыдитесь... Наконецъ, матушка, позвали его въ собраніе, всѣ вины вычитали: и про святокупство, и про клевету, и про несвойственныя сану оболганія, во всемъ обличили.

— Что-жъ онъ? — спросила Манеѳа.

— А плюнулъ, матушка, да все собраніе гнилыми словами выругалъ... — сказалъ Василій Борисычъ. — «Не вамъ, говорить, мужикамъ, епископа судить!.. Какъ смѣть говорить, ногѣ выше головы стать?.. На меня, говорить, судъ только на небеси да въ метрополіи»... Погрозили ему жалобой митрополиту и заграничнымъ епископамъ, а онъ на то всему собранію анаѳему.

— Анаѳему! — съ ужасомъ воскликнула Манеѳа.

— Какъ есть анаѳему, матушка, — подтвердилъ Василій Борисычъ. — Да потомъ и говорить: «Теперь поѣзжайте съ жалобой къ митрополиту. Вамъ, отлученнымъ и анаѳемѣ преданнымъ, вѣры не будетъ». Да, взявши Кормчую, шестое правило второго собора и зачалъ вычитывать: «аще которые осуждены или отлучены, симъ да не будетъ позволено обвинять епископа». Наши такъ и обмерли: дѣлу-то не пособили, а клятву съ анаѳемой доспѣли!.. Вотъ те и съ праздникомъ!..

— Ахъ онъ разбойникъ! — вскочивъ съ мѣста, воскликнула Манеѳа. Лицо ея такъ и пылало...

— Истинно такъ, матушка, — подтвердилъ Василій Борисычъ. — Иначе его и понимать нельзя, какъ разбойникомъ... Тутъ, матушка, пошли доноситься объ немъ слухи одинъ другого хуже... И про попа Егора, чтò въ воду посадилъ, и про

золото, что съ паломникомъ Стуколовымъ подь Калугой искалъ... Золото, какъ слышно, отводомъ только было, а они, слышь, поганымъ ремесломъ занимались: фальшивы деньги ковали.

Наклонивъ голову, Манеѳа закрыла ее ладонями. Смолкъ Василій Борисычъ.

— Дальше что? — спросила игуменья, поднявъ голову послѣ минутнаго молчанья.

Не думалъ Василій Борисычъ, какими пожами рѣзалъ онъ сердце Манеѳы.

— Жалобу къ митрополиту послали, — продолжалъ онъ: — другого епископа просили, а Софрона извергнуть.

— Ну? — спросила Манеѳа.

— Согласился владыка-митрополить, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Другого епископа передь Богоявленіемъ Господнимъ, нынѣшняго года, поставилъ, нарекъ его владимірскимъ, Софрона же ограичилъ однимъ Симбирскомъ... Вотъ и уставъ новоучрежденной владимірской архіепископіи, — прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана тетрадку и подавая ее Манеѳѣ.

— Потрудитесь почитать, глаза-то у меня послѣ болѣзни плохи, мало видять, — сказала Манеѳа.

Василій Борисычъ началъ чтеніе:

«Владимірскій архіепископъ подвѣдомственно себѣ имѣть долженъ всѣ единовѣрныя епархіи нынѣ существующія и впредь учредиться могущія во всей Россійской державѣ, даже до Персіи и Сибири простирающіяся и на сѣверъ до Ледовитаго моря достигающія. И имѣеть право во оныя епархіи поставлять епископовъ по своему усмотрѣнію съ содѣйствіемъ своего намѣстника».

— Какого-жь это намѣстника? — спросила Манеѳа.

— А другого-то епископа, матушка, что въ Бѣлой-то Криницѣ, — отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Софрона! — воскликнула Манеѳа.

— Нѣтъ, матушка... Какъ возможно... Избави Богъ, — сказалъ Василій Борисычъ. — Софронъ только при своемъ мѣстѣ, въ Симбирскѣ будетъ дѣйствовать — тамъ у него пріатели живутъ: Вандышевы, Мингалевы, Константиновы — нускай его съ ними, какъ знаетъ, такъ и валандается. А въ намѣстникахъ иной — человекъ достойный — епископъ Онуфрій браиловскій, а на мѣсто Софрона въ російскіе предѣлы тоже достойный епископъ поставленъ — Антоній.

— Дальше читай, — молвила Манеѳа.

«А по поставленіи давать только свѣдѣніе Бѣлокриницкой метрополіи», — продолжалъ Василій Борисычъ.

— Это хорошо, — замѣтила Манеѳа. — Что въ самомъ дѣлѣ съ заграничными невѣсть какими водиться!.. Свои лучше.

«Всѣ епископы, подвѣдомственные владимірской архіепископіи, отнынѣ и впредь, по поставленіи своемъ, должны по чину, въ Чиновникѣ *) изображенному, исповѣданіе вѣры и присяжные листы за своимъ подписомъ давать прямо архіепископу владимірскому. Въ дѣйствиі же епископы и прочіе священники въ Россіи сущіе, смотрительнаго ради случая и доколѣ обстоитъ гоненіе, могутъ имѣть пребываніе во всякомъ градѣ и мѣстѣ, гдѣ кому будетъ возможность скрыться отъ мучительскихъ рукъ, и имѣть право безвозвратно въ нуждахъ христіаномъ помогать и ихъ требы священническія исполнять. Святительскія же дѣла, сирѣчь поставлять поповъ и дьяконовъ и прочихъ клириковъ, и запрещать или извергать, безъ благословенія архіепископа, да не дерзаютъ. Въ своей же епархіи каждый епископъ полное право имѣетъ распорядиться и поставлять поповъ и дьяконовъ и прочихъ клириковъ, по его благоусмотрѣнію, яко господинъ въ своемъ домѣ» **).

Долго еще читалъ Василій Борисычъ уставъ владимірской архіепископіи и, кончивъ, спросилъ онъ Манеѳу:

— Какихъ же мыслей будете вы насчетъ этого, матушка? Узнать ваше мнѣніе вѣрно мнѣ.

Задумалась Манеѳа. Соображала она.

— А что мать Маргарита? — спросила она.

— Матушка Маргарита склонна, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Писать къ вамъ собирается... Ваше-то какое рѣшеніе будетъ?

— Что-жъ... По моему разсужденію, дѣло не худое... Порочить нельзя, — сказала Манеѳа. — Дай только Богъ, чтобъ христіанству было на пользу.

— О согласіи вашемъ прикажете въ Москву доложить? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Обожди, другъ, маленько. Скорога дѣла не хвалятъ, — отвѣтила Манеѳа. — Ты вотъ погости у насъ, — добрымъ гостямъ мы рады всегда, — а тѣмъ временемъ пособорумъ, тебя позовемъ на собраніе — дѣло-то и будетъ въ порядкѣ... Немалое дѣло, подумать да обсудить его надо... Тебѣ вѣдь не къ спѣху?... Можешь недѣльку, другую погостить?

Вспомнилъ Василій Борисычъ про полногрудыхъ, быстро-

*) Такъ называется книга, въ которой изложены правила архіерейскихъ священнодѣйствій.

**) Дословно изъ устава владимірской (старообрядской) архіепископіи, составленнаго 4 февраля 1853 года въ Бѣлой-Крѣпости.

глазыхъ бѣлицъ и возрадовался духомъ отъ приглашенія Манеѳы.

— Сколько будетъ угодно вамъ, матушка. столько подъ вашимъ кровомъ и проживу, — сказалъ онъ. — Дѣло въ самомъ дѣлѣ таково, что надо объ немъ подумать да и подумать. А чтобъ мнѣ у васъ не напрасно жить, благословите въ часовнѣ подъячить.

— Развѣ гораздъ? — спросила Манеѳа.

— На томъ стоимъ, матушка... Сызмальства обученъ, — сказалъ Василій Борисычъ. — На Рогожскомъ службы справляли... Опять же меня и въ митрополю-то съ уставщикомъ Жигаревымъ посылали, потому что службу знаю до тонкости и могъ примѣтить, каково правильно тамъ ее справляютъ... Опять же не въ похвальбу насчетъ пѣнія скажу: въ Оленевѣ у матушки Маргариты да у матушки Фелицаты пѣнію дѣвицъ обучилъ — разводъ демественный имъ показалъ.

— И нашимъ покажи, Василій Борисычъ, — молвила Манеѳа. — Мы вѣдь поемъ попросту, какъ отъ старыхъ матерей павыкли, по слуху больше... Не больно много у насъ, прости Христа ради, и такихъ, чтобъ путемъ и крюки-то разбирали. Ину пору заведутъ догматику — «Всемирную славу», аль другой какой — одинъ сблазнь: кто въ лѣсъ, кто по дрова... Не то, чтò у васъ на Рогожскомъ, тамъ пѣніе ангелоподобное... Поучи, родной, поучи, Василій Борисычъ, нашихъ-то дѣвицъ, — много тебѣ благодарна останусь.

— Съ великимъ моимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. Черненькіе глазки его такъ и заискрились при мысли, что средь пригоженькихъ да молоденькихъ онъ не одну недѣлю какъ сыръ въ маслѣ будетъ кататься. «Подольше бы только старицы-то соборовали», — думалъ онъ самъ про себя.

— Ну, гость дорогой, не пора-ль и на покой? — поднимаясь съ мѣста, молвила Манеѳа. — Выкушай посошокъ... Милости прошу... А тамъ въ задней кельѣ ужинать тебѣ подадутъ.

Василій Борисычъ выкушалъ посошокъ и, помолясь иконамъ, простился съ игуменьей.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — сказала Манеѳа, провожая его. — Дай Богъ счастливо ночь почевать. Утрѣ, какъ встанешь, пожалуй ко мнѣ въ келью, чайку вмѣстѣ изопьемъ да еще потолкуемъ про это дѣло... Дѣло немалое!.. Немалое дѣло!..

— Какого еще дѣла больше того, матушка? — отозвался Василій Борисычъ, выходя изъ кельи.

Въ сѣняхъ со свѣчей встрѣтила его келейница.

— Пожалуйте, гость дорогой... Вотъ сюда пожалуйте, — говорила она, проводя Василья Борисыча по внутреннимъ закоулкамъ игуменьиной «стай», мимо разныхъ чулановъ и боконувъ, среди которыхъ непривычному человѣку легко было заблудиться.

По уходѣ Василья Борисыча Мансѳа перестала сдерживаться. Дала просторъ и волю чувствамъ, вызваннымъ рѣчами московскаго посла... Облокотясь на столъ обѣими руками и закрывъ разгорѣвшееся лицо, тяжело и прерывисто вздыхала она. Не столько безобразія святопродавца Софрона и соблазны, поднявшіеся въ старообрядской средѣ, мучили душу ея, сколько *онъ*, этотъ когда-то милый сердцу ея человѣкъ, потомъ совершенно забытый, а теперь ставшій врагомъ, злодѣемъ, влекущимъ людей на гибель... И прежде нерѣдко задумывалась она надъ словами Таифы, поразившими ее чуть не на смерть, но до сей поры не твердо имъ вѣрила, все хотѣлось ей думать, что сказанное казначеи — одиѣ пустыя сплетни... Теперь конецъ сомнѣнья... *Онъ*, въ самомъ дѣлѣ, лживый, коварный человѣкъ, *онъ* нечестіе свое лживо и лицемерно покрываетъ обманной личиной святости и духовности... «Ахъ, Фленушка, Фленушка! — шевелилось въ умѣ Мансѳы. — Горькая ты моя сиротинушка!.. Благо, что не знаешь, отъ кого ты на свѣтъ родилась!..»

Глава десятая.

Отъ Мансѳы Алексѣй пошелъ-было къ Марьѣ Гавриловнѣ, по вышедшая изъ домика ея бойкая, быстроглазая, пригоженькая дѣвушка, одѣтая не по-скитски, вся въ цвѣтномъ, остановила его.

— Вамъ кого надобно? — спросила она Алексѣя.

— Марью Гавриловну, — отвѣчалъ онъ. — Письмо къ ней привезъ.

— Отъ кого письмо? — спросила дѣвушка.

— Изъ Осиповки, отъ Патана Максимыча. Еще посылочка маленькая, — сказалъ Алексѣй.

— Обождите маленько, — молвила дѣвушка. — Сегодня Марьѣ Гавриловнѣ что-то не поздоровилось, собиралась пораньше лечь... Ужъ не раздѣлась ли... Да я тотчасъ скажу ей. Обождите у воротецъ манехонько...

Минуты черезъ три дѣвушка воротилась и сказала, чтобы Алексѣй письмо и посылку отдалъ ей, а самъ бы приходилъ къ Марьѣ Гавриловнѣ завтра поутру.

Побродилъ Алексѣй вокругъ домика, походилъ и вокругъ часовни. Но ужь стемнѣло, и путемъ ничего нельзя было разглядѣть. Пошелъ на огонь къ игуменской «стаѣ», добраться бы до ночлега да поскорѣй на боковую... Только переступилъ порогъ, кто-то схватилъ его за руку.

— Тебя зачѣмъ принесло, пучеглазый? — дернувъ его за рукавъ, вполголоса спросила Фленушка.

— Ахъ, Флена Васильевна! — воскликнулъ Алексѣй. Незамѣтно было въ его голосѣ, чтобъ обрадовался онъ нечаянной встрѣчѣ со старой знакомой. — Все ли въ добромъ здоровьѣ?.. — прибавилъ онъ, заминаясь.

— Зачѣмъ сюда попалъ? — спрашивала Фленушка, сильнѣе дергая его за рукавъ.

— Мимоѣздомъ... — отвѣчалъ онъ. — Съ письмомъ отъ Наташа Максимыча.

— Куда ѣдешь?

— Далеко, — отшучивался Алексѣй.

— Куда, говорятъ?.. Сказывай, совѣсть твоя проклятая!.. — продолжала Фленушка.

— Отсель не видать, — молвилъ Алексѣй, отстраняясь отъ Фленушки.

— Сказывай, безстыжій, куда? — приставала къ нему Фленушка.

— Много будешь знать — мало станешь спать, — съ усмѣшкой отвѣтилъ Алексѣй. — Про что не сказываютъ, того не допытывайся.

— Цыганъ безсовѣтный... Отъ тебя-ль такія рѣчи? — сказала Фленушка. — Что Настя?

— Настасья Патаповна ничего. Кажись, здорова, — равнодушно отвѣтилъ Алексѣй.

— Да ты, другъ ситный, что за разводы вздумалъ передо мной разводить?.. А?.. — изо всей силы трепли за кафтанъ Алексѣя, вскрикнула Фленушка. — Сказывай сейчасъ, безстыжіе твои глаза, что у васъ тамъ случилось?

— Ничего не случилось, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Меня не проведешь... Вижу я... Дѣло пеладно. Сказывай скорѣй — долго-ль мнѣ съ тобой раздабаривать?..

— Да ничего не случилось, — сказала Алексѣй. — Образъ, что ли, тебѣ со стѣны тащить?..

— Ходишь къ ней?

Алексѣй молчалъ.

— Да говори же, непутный... — приставала Фленушка. — Пучеглазый ты этакій, безсовѣстный!.. Говори скорѣй, все-ль у васъ попрежнему?

Сѣни освѣтились — изъ задней со свѣчей въ рукахъ вышла келейная дѣвица. Фленушка быстро отскочила отъ Алексѣя.

— Сирашиваетъ, гдѣ ночевать ему приготовлено, — сказала она. — Это отъ Патапа Максимыча.

— Знаю, — отвѣчала келейница. — Пойдемъ, молодѣць... Сюда вотъ... А тебѣ, Флена Васильевна, не пора-ль на покой?

— Знаю съ твое! — быстро отвернувшись, молвила Фленушка и скорыми, частыми шагами пошла въ свои горницы. Остановясь на подорогѣ, обернулась она и громко сказала:

— Я съ тобой письмо къ Настенькѣ пошлю... Надо кой-что узнать отъ нея... Передъ отъѣздомъ скажись...

Въ отведенной свѣтелкѣ Алексѣй плотно поужиналъ подѣ говоръ келейной дѣвицы. Рада была она радехонька, что пришлось ей покалякать съ новымъ человѣкомъ.

Долго рассказывала она Алексѣю, какъ матушка Манеѳа, воротясь изъ Осиповки съ именинъ Аксиныи Захаровны, ни съ того ни съ сего слегла и такъ тяжело заболѣла, что съ минуты на минуту ожидали ея кончины, ужъ теплая вода готова была обмывать тѣло покойницы. Горько жаловалась на Марью Гавриловну... И лѣкаря-то выписала поганить нечестивымъ лѣкарствомъ святую душеньку, и власть-то забрала въ обители непомянутую, такую власть, что даже ключницу, мать Софію, изъ игуменскихъ келій выгнала, не уважа того, что пятнадцать годовъ она въ ключахъ при матушкѣ ходила, а сама Марья Гавриловна безъ году недѣлю въ обители живетъ, да и то особымъ хозяйствомъ... А послѣ того, какъ выздоровѣла матушка, должно-быть, Марьей же Гавриловной наговорено что-нибудь на мать Софію. Не пожелала матушка, чтобъ она при ней въ ключахъ ходила, и пока не придумала, кому быть въ ключахъ, ее при кельѣ держать.

И это промолвила старая, рябая келейная дѣвица съ чувствомъ гордости.

Алексѣй слушалъ ее краемъ уха... Думы его были далече.

Не спалось ему на новомъ мѣстѣ. Еще не разгорѣлась заря, какъ онъ ужъ поднялся съ жаркой перины и, растворивъ оконце душиной свѣтелки, жадно вивалъ свѣжій утренній воздухъ.

Обитель спала. Только чириканье воробьевъ, прыгавшихъ по скату крутой часоенной крыши, да щебетанье лѣсныхъ птичекъ, гнѣздившихся въ кустахъ и деревьяхъ кладбища, нарушали тишину ранняго утра. Голубымъ паромъ поднимался туманъ съ зеленѣющихъ полей и бурыхъ, желѣзистой ржавчиной крытыхъ, мочажинъ... Съ каждой минутой ярче и шире

алѣла заря... Золотистыми перьями раскидывались по ней лучи скрытаго еще за небосклономъ свѣтила.

Глядитъ Алексѣй на стоявшій отдѣльно отъ обительскихъ строеній домикъ... Вовсе непохожъ онъ на другіе... Крытъ желѣзомъ, обшитъ тесомъ, выкрашенъ, бемскія стекла, мѣдныя оконныя приборы такъ и горятъ на зарѣ... «Такъ вотъ въ ка-кихъ хоромахъ поживаетъ Марья Гавриловна», — думаетъ Алексѣй, не сводя глазъ съ красиваго, свѣженькаго домика...

Поднялась занавѣсь въ домикъ, запахнулось окно... Стройная, высокая молодая женщина, вся въ бѣлоснѣжномъ платьѣ, стала у окна, устремивъ взоры на разгоравшуюся зарю... Вздохнувъ нѣсколько разъ свѣжимъ весеннимъ воздухомъ, зорко оглянулась она и заплѣла вполголоса:

Кручина ты моя, кручинушка великая,
Никому ты, кручина моя, неизвѣтна,
Знаетъ про тебя одно мое сердце,
Крыта ты, кручинушка, бѣлой моей грудью,
Запечатана крѣпко моей думой.

Дивуется Алексѣй... Что за красота!.. Что за голосъ звонкій, душевный!.. И какая же можетъ быть у нея кручина?.. Какое у нея можетъ быть горе?

Еще тише заплѣла Марья Гавриловна:

Не слышать тебѣ, другъ милый, моихъ пѣсень,
Не узнать тебѣ про мою кручину,
Ахъ! Заной же, заной, сердце ретивое.

— Ахъ! — тихо вскрикнула она. Пѣсня оборвалась.

Быстро захлопнулось окно... Внутри опустилась шелковая занавѣска.

Зѣвая и лѣнливо всей пятерней почесывая въ затылкѣ, изъ кельи уставщицы Аркадіи выползла толстая, рябая, съ подслѣповатыми гноившимися глазами, канонница. Неснѣжнымъ шагомъ дошла она до часовенной палерти и передъ иконой, поставленной надъ входною дверью, положила семипоклонный началъ... Потомъ медленно потянулась къ полкѣ, взяла съ нея деревянный молотъ и ударила въ било... Заутрени!

Изъ-за вершинъ дальняго темно-сизаго лѣса сверкнулъ золотистый серпъ. Онъ растетъ, растетъ, и вотъ на безоблачный ясный небосклонъ выкатилось свѣтоносное солнце. Заблестѣли подъ его лучами длинные ряды обительскихъ келій и убогія сиротскія избенки, переливнымъ огнемъ загорѣлись стекла домика Марьи Гавриловны. Ниже и ниже стелется туманъ... Заря потухла, и только вверху небосклона розовымъ свѣтомъ сіяютъ тонкія полосы полупрозрачныхъ перистыхъ облаковъ... Звончѣй, веселѣй щебечутъ птицы въ кустахъ и на деревьяхъ.

скитскаго кладбища... Игривыми, радостными криками по дальним перелѣскамъ громко и вольно заливаеся разноголосная пернатая тварь...

Клеплетъ рябая въ «малое древо», клеплетъ въ «великое», мѣрно ударяетъ въ желѣзное кленало *). Издали со всѣхъ сторонъ слышались такіе-жъ глухіе, но рѣзкіе звуки... По всѣмъ обителямъ сзываютъ на молитву... Смолкли, промчавшись по воздуху, призывные звуки, опять затихло все подъ утренними лучами солнца... Ярko стелются эти лучи по зеленой луговинѣ по бурнымъ тропинкамъ, протореннымъ отъ каждой стаи келій къ часовнѣ... Вѣетъ весной, жизнью, волей...

Ровно черныя галицы слѣшатъ по тропинкамъ инокини, собираясь въ часовню... Медленна, величава ихъ поступь... Живо, рѣзво обгоняютъ ихъ по свѣжей зеленой муравѣ бѣлицы... Открылись окна въ часовнѣ... Послышалось заунывное гвѣние.

Обутрѣло... Пошелъ Алексѣй къ Марьѣ Гавриловнѣ... Не красна на молодцѣ одежа, самъ собою молодець красенъ.

Идетъ дворомъ обительскимъ, черницы на молодца поглядываютъ, молоды бѣлицы съ удалаго не сводятъ глазъ. На пригожество Алексѣево дивуются, сами межъ собой такъвы рѣчи поговариваютъ: «откуда, изъ какихъ мѣстовъ такой молодчикъ повывился, чей таковъ, зачѣмъ къ намъ пожаловалъ?..»

А онъ степеннымъ шагомъ идетъ себѣ по двору обительскому... На стороны Алексѣй не озирается, лишь изрѣдка по окнамъ палочными глазами вскидываетъ... И отъ взглядовъ его не одно сердце дѣвичье въ то ясное утро черной тоской и алчными думами мутилось...

*) Колокола въ скитахъ запрещены. Въмѣсто колокольнаго звона тамъ сзывали къ богослуженію «билами» и «кленалами», употребившимися въ старину повсемѣстно. По большей части у каждой часовни бывало по одному бизу, больше трехъ никогда. «Малое древо» дѣлается изъ сухого исееневаго дерева, аршина въ полтора длины, вершка въ два ширины и въ два пальца толщины; по краямъ его по два или по три отверстія. Малое древо виситъ на веревкахъ, иногда скрученныхъ изъ толстыхъ струнъ. «Великое древо» отличается отъ малаго только размѣромъ, оно въ два съ половиною аршина или въ сажень длины, въ полъ-аршина ширины и вершка въ полтора толщины. Въ малое было колотятъ однимъ деревяннымъ (иногда желѣзнымъ) молотомъ, въ большое двумя. «Желѣзное кленало» — чугуная доска, такая же, что употребляется ночными караульщиками. По немъ бьютъ желѣзнымъ молоткомъ или большимъ гвоздемъ (троестеснымъ). Сначала въ било ударяютъ медленно, потомъ скорѣй и громче, съ повышеніемъ и пониженіемъ звуковъ и разными перебивами, что зависитъ отъ болѣе или менѣе сильнаго удара молотомъ. «Деревянный звонъ», какъ называли его въ скитахъ, гармониченъ, особенно издали и если производить его опытная рука... Въ скитахъ дорожили искусными «звонарихами», умѣвшими владѣть такими незатѣйливыми инструментами.

Въ скитскихъ обителяхъ не знаютъ ни запоровъ, ни затворовъ, только на почъ тамъ замыкаются. Поднялся Алексѣй на разубранное точеными балясинами и раскрашенное въ разные цвѣта крылечко уютнаго домика Марьи Гавриловны, миноваль небольшія сѣнцы и переднюю, и вошелъ въ первую горницу... Райской свѣтлицей она показалась ему. Хорошо въ хоромахъ у Патапа Максимыча прибрало, богато они у него разукрашены, но далеко имъ до пріютнаго жилья молодой вдовы... И свѣтло и красно въ томъ жильѣ, чисто и ладно все обряжено, цвѣтамъ да заморскимъ деревьямъ счету нѣтъ, на полу разостланы ковры пушистые, по окнамъ въ клѣткахъ прыгаютъ веселыя иташки-канареечки, заливаются громкими пѣснями...

Вспомнилъ Алексѣй, какъ на утренней зарѣ видѣлъ онъ молодую вдову, вспомнилъ про пѣсню ея кручинную, про звонкій, душевный голосъ и про внезапный переполохъ ся... И чего такъ спугалась она?.. Его ли примѣтила?.. Иль, завидя звонариху, спѣшно укрылась отъ нея съ глазъ долой? — Не разгадать Алексѣю.

Распахнулись двери створчатыя — передъ Алексѣемъ во всей красѣ стала Марья Гавриловна.

Въ синемъ шелковомъ платьѣ, съ лазоревымъ левантиновымъ платочкомъ на головѣ, стоитъ она стройная, высокая, будто молодая сосенка. Глаза опущены, а бѣлое лицо тонкимъ багрецомъ подернулось... Чѣмъ-то неожиданнымъ-негаданнымъ она взволнована: грудь высокѣ подымается, полуоткрытыя аллы губки слегка вздрагиваютъ.

Стоитъ Алексѣй, какъ вкопанный, не сводитъ со вдовой красы своихъ ясныхъ очей. Чѣмъ дольше глядитъ, тѣмъ краше Марья Гавриловна ему кажется.

А у той ровно гири на вѣки повѣшены — глазъ не можетъ поднять, стоитъ опуствя взоры летучіе и, ровно дѣвушка-слѣточка, ничего на вѣку своемъ не выдавшая, перебираетъ рукой оборочку шелковаго передника.

Подаль Алексѣй ей письмо.

— Отъ Патапа Максимыча? — чуть слышно спросила Марья Гавриловна.

— Отъ Патапа Максимыча, — отвѣтилъ Алексѣй.

Вскинула глазами вдовушка... Будто маленькіе хрусталики, на рѣсницахъ ея блеснули чуть замѣтныя слезки. Зардѣлось лицо пуще прежняго.

— Отвѣтъ пришлю съ дѣвушкой, — тихо она промолвила. — Иль сами послѣ обѣда зайдите.

Забылъ Алексѣй, что надо ему наскорѣ ѣхать къ отцу Михаилу... Разокъ бы еще полюбоваться на такую красоту неоци-

сапную... Медленнымъ, низкимъ поклономъ поклонился онъ. Марья Гавриловнѣ и не то съ грустью, не то съ робостью промовиль ей:

— Счастливо оставаться!

— До свиданья, — тихо отвѣтила Марья Гавриловна и, слегка наклонивъ голову, оставила Алексѣя.

Высоко несъ онъ голову, ровнымъ, неспѣшнымъ шагомъ ступалъ, идя къ Марья Гавриловнѣ. Потупя взоры, нетвердой поступью, ровно самъ не въ себѣ, возвращался въ кельи игуменьи. Много женскихъ взоровъ изъ келейныхъ оконъ на пригожаго молодца было кинуто, весело щебетали промежь себя, глядя на него, дѣвицы. Ничего не видалъ, ничего не слыхалъ Алексѣй. Одно «до свиданья» раздавалось въ ушахъ его.

— Пилъ ли чай-отъ, нешутный? — спросила Фленушка, схвативъ Алексѣя за рукавъ, когда въ задумчивомъ молчаньи входилъ онъ въ сѣни игуменьиной стаи.

— Ахъ, Флена Васильевна! — вздрогнувъ, сказалъ Алексѣй.

— Чтò, безстыжкіе твои глаза? — быстро спросила она. — Нечего рожу-то воротить, гляди прямо, коли совѣсти не потерялъ... Чего вздрогнулъ?.. Сказывай!

— Испугала ты меня, Флена Васильевна! — отозвался Алексѣй. — Подкралась невзначай — дернула вдругъ. Развѣ можно такъ человѣка пужать?..

— Инъ какой ты нѣженка! — отвѣтила Фленушка. — Самого съ коломенску версту вытянуло, а онъ ровно малый ребенокъ пужается. Иди ко мнѣ — самоваръ на столѣ.

— Благодарю покорно, Флена Васильевна, — сказалъ Алексѣй, слегка сторонясь отъ Фленушки. — Что-то корежить *) меня — увольте.

— Ахъ, ты, пучеглазый этакій — видно, въ тебѣ совѣсти нѣтъ ни на грошъ! — подхватила Фленушка, крѣпче держа за рукавъ Алексѣя. — Дѣвица чай его пить зоветъ, а онъ носъ на сторону... Мужланъ ты сиволапый!.. Другой бы за честь поставилъ, а ты глядь-ка, поди!

— Ей-Богу... право, черезъ великую силу брожу, Флена Васильевна, — отговаривался Алексѣй. — Въ другой разъ со всякимъ моимъ удовольствіемъ... А теперь увольте Господа ради. Голова болитъ, ногъ подъ собой не чую, никакъ веснянка **) накатываетъ. Совсѣмъ расхлябъ — мнѣ бы отдохнуть теперь.

*) Гнететь лихорадочнымъ ознобомъ.

**) Веснянка — весенняя лихорадка. Осенью зовутъ эту болѣзнь «подосеницей».

— На то ночь была, — подхватила Фленушка.

— Да я, право, Флена Васильевна... — началъ-было Алексѣй.

— Нечего тутъ!—стояла на своемъ Фленушка. — Ишь сахаръ медовичъ какой вынекался!. Нѣтъ, другъ сердечный, отлыню *) здѣсь не возьмешь. Здѣсь наша большая—твори волю дѣвичью, не мори супротивничать. Волей неидешь — силкомъ сволочѣшь... Марьюшка!

Изъ боковуши выглянула Марія голонница.

— Гляди, каки вѣжливы гости наѣхали. Дѣвица зоветъ чай его пить, приятную бесѣду съ нимъ хочеть вести, а онъ ровно быкъ передъ убоимъ — уширается. Хватай подъ руки безстыжаго — тащи въ горницу.

Волей-неволей пришлось Алексѣю зайти къ Фленушкѣ.

— Садись—гость будешь,—съ веселымъ хохотомъ сказала Фленушка, усаживая Алексѣя къ столу съ кипящимъ самоваромъ. — Сядись рядышкомъ, Марьюшка! Ты, Алексѣюшка, при пей не таись, — прибавила она, шутливо поглаживая по головѣ Алексѣя. — Это наша пѣвунья Марьюшка, Настина подружка, — она знаетъ, какъ молодцы по дѣвичьимъ свѣтлицамъ пальцы ходять чинить, какъ они красныхъ дѣвицъ въ подкляты залучаютъ къ себѣ.

Ни слова въ отвѣтъ Алексѣй. Только брови маленько у него подвинулись

— Разказывай про ланушку-сударушку, — молвила Фленушка, подавая Алексѣю чашку чая. — Чтѣ она? Какъ все идетъ у васъ? Попрежнему-ль по-хорошему, али какъ по-новому?

— Невдомекъ мнѣ ваши рѣчи, Флена Васильевна, — сквозь зубы процѣдилъ Алексѣй.

— А ты лисьимъ-то хвостомъ не верти, — молвила Фленушка, ударивъ Алексѣя по лбу чайной ложечкой. — Сказано, при Марьюшкѣ таиться нечего. Разказывай же: каково видались, каково разставались. Люблю вѣдь я, парень, про эти дѣла слушать — пряникомъ не корми.

— Чего разказывать-то?—глядя въ сторону, молвилъ Алексѣй. — Не знаю, чего вамъ требуется?.. Настасья Потановна при своемъ мѣстѣ, я при своемъ...

— Наверхъ ходишь? — рѣзко спросила Фленушка.

— Какъ наверхъ не ходить? — не глядя на нее, отвѣчалъ Алексѣй:—хозяйски дѣла тоже на рукахъ.

— Ну? — съ нетерпѣньемъ топнувъ ногой, молвила Фленушка.

*) Отлынь — отъ глагола отлынивать — уклониться съ ложью, изъ дѣл...

— Значить, каждый день къ хозяину хожу, а не случится его дома, къ хозяйкѣ, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Да ты, парень, нюхомъ-то не увертывайся, у насъ, у дѣвиць — увертка не вывертка, — сказала Фленушка. — Прямо говори: попрежнему-ль съ Настенькой любишься?

— Отдохнуть бы мнѣ маленько, — молвилъ Алексѣй, покрывая допитую чашку. — Больно что-то недужится — въ глазахъ мутить, головушку совсѣмъ разломилло.

— Эхъ, ты! — воскликнула Фленушка. — Ударить бы путемъ дурака, да жаль кулака.

Опусти голову на полъ, глядѣль Алексѣй.

— Марьюшка, сливки-то совсѣмъ скислись; сбѣгай, голубушка, доспѣй кипяченыхъ, — молвила Фленушка головщицѣ и подмигнула.

Марьюшка степенно поднялась и несиѣшно вышла изъ горницы.

— Часто-ль сходитесь? Сказывай, долговязый! — торопливо спросила Фленушка Алексѣя, когда осталась съ нимъ глазъ на глазъ.

Алексѣй какъ воды въ ротъ набралъ. Смотрить въ окно, самъ ни словечка.

— Да что-жъ это такое? — воскликнула Фленушка, сверкнувъ на него очами. — Нешто разохлось?

— Эхъ, Флена Васильевна! — съ тяжкимъ вздохомъ промолвилъ Алексѣй и, облокотясь на подоконникъ, наклонилъ на руку голову.

— Что такое?.. Говори, что случилось, — приставала къ нему встревоженная Фленушка.

Не отвѣчалъ Алексѣй.

— Да говори же, несть ты этакій!.. — крикнула Фленушка. — Побранились, что ли?.. Аль оступда какая?..

— Не въ мѣру горда стала Настасья Потаповна... — едва слышно проговорилъ Алексѣй.

— А что-жъ ей? — воскликнула Фленушка. — Поги твои мыть да воду съ нихъ пить?.. Иишь зазнайка какой!.. Обули босаго въ сапоги — износить не успѣли, а ужъ спеси на немъ что сала на свиньѣ иаросло!.. Впомни — стоишь ли весь ты мизиннаго ея перстика?.. Да нечего рыло-то воротить — правду говорю.

Попрежнему склонивъ голову, безсознательно глядѣль Алексѣй въ окошко... Изъ него видѣлся домикъ Марьи Гавриловны.

— Не бросить ли выдумаль?.. Не вздумалъ ли избезчестить дѣвичью красоту? — крикнула Фленушка, наступая на Алексѣя.

— Что-жь, Флена Васильевна?.. — съ глубокимъ вздохомъ промолвилъ онъ. — Человѣкъ я сѣрый, неученый, какъ есть неотесаная деревенщина... Ровня-ль я Настасья Патаповнѣ... Ихней любви, можетъ-быть, самые что ни на есть первостепенные купцы, аль генералы какіе достойны... А я что?..

— Такъ ты срамить ее? — вскочивъ съ мѣста, вскрикнула Фленушка. — Думаешь, на простую дѣвку напалъ?.. Побаловалъ да и бросилъ?!.. Нѣтъ, гусь лапчатый, — шалишь!.. Жива быть не хочу, коль не увижу тебя подъ красной шапкой. Надъ Настей насмѣешься, надъ своей головой заплачешься.

Дверь растворилась — и тихо вошла мать Манеѳа. Помогилась на иконы, промолвила:

— Чай да сахаръ!

Фленушка сотворила уставныя метанія, поцѣловала у игуменьи руку. Потомъ Алексѣй дважды наклонился до земли передъ матушкой Манеѳой.

— А я прибрела на твой уголокъ поглядѣть, — сказала Манеѳа, садясь на широкое, обтянутое сафьяномъ кресло. — А у тебя гости?.. Ну что, другъ, видѣлся ли съ Марьей Гавриловной?

— Видѣлся, матушка, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Что-жь она сказала тебѣ? — спросила Манеѳа.

— Подаль письмо отъ Патапа Максимыча, послѣ обѣда велѣла за отвѣтомъ придти, — отвѣчалъ Алексѣй, стоя передъ игуменьей.

— Что-жь это она вздумала? — молвила Манеѳа. — Ты вѣдь отсель на Ветлугу?

— На Ветлугу, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Поѣдешь назадъ—тогда бы я могла написать, — сказала Манеѳа. — Говорилъ ей ты, что на Ветлугу посланъ?

— Не сказывалъ, матушка, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Тебѣ бы сказать, — молвила Манеѳа. — Зачѣмъ ей писать безвременно?.. Вечоръ сказала ли я тебѣ, что работника нарядила къ Патапу Максимычу?

— Сказывали, матушка, — молвилъ Алексѣй.

— Не сегодня, такъ завтра съ отвѣтомъ воротится, — сказала Манеѳа. — И такъ я думаю, что сама Аксинья Захаровна съ дочерьми приѣдетъ ко мнѣ.

Алексѣй немножко смутился.

— Аксинья Захаровна съ недѣлю мѣста пробудеть здѣсь, она бы и отвезла письмо, — продолжала Манеѳа. — А тебѣ, коли на слѣхъ посланъ, чего попустому здѣсь проживать? Гостя не гою, а молодому человѣку старушечій совѣтъ даю: коли посланъ по хозяйскому дѣлу, на пути не засиживайся,

бываетъ, что дѣло часомъ опозданное годомъ не наверстаешь... Поѣзжай-ка съ Богомъ, а Марья Гавриловичъ я скажу, что протурила тебя.

— Слушаю, матушка, — подавляя вздохъ, молвилъ Алексѣй.

— Маленько-то повремени, — сказала Манеѳа. — Безъ хлѣба-соли супа въ пути изъ обители не пускаютъ... Подъ въ келарню, потрапезуй чѣмъ Господь послалъ, а тамъ дорога тебѣ скатертью — Богъ въ помощь, Никола въ путь!

Помолился Алексѣй на иконы и сталъ творить прощенные поклоны. Манеѳа, проговоря прощю, молвила:

— На обратномъ пути милости просимъ. Не объѣзжай, другъ, нашей обители.

— Что онъ къ тебѣ съ письмомъ, что-ль, отъ дѣвиць, аль съ вѣстями какими? — спросила Фленушку Манеѳа, когда Алексѣй затворилъ за собою дверь.

— Настенька на словахъ приказывала, — небрежно выронила слово Фленушка.

— Про что? — спросила Манеѳа.

— Да тамъ насчетъ шерстей да бисеру, — сказала Фленушка. — Обѣщались къ празднику прислать, да у самой, говорить, нѣтъ еще, до сихъ поръ не привезли изъ городу.

— Подушку-то кончила? — спросила Манеѳа, оглядывая Фленушкины и Марьюшкины пяльцы.

— Самая малость осталась, — отвѣтила Фленушка. — Денекъ, другой посидѣть, совсѣмъ готова будетъ.

— Кончай да скорѣе отдѣлывай, изъ Казани гостямъ надо быть. Съ ними отошлю, — сказала Манеѳа, садясь въ кресло.

— А послѣ подушки омофоръ, что ли, начинать? — спросила Фленушка. — Коли Настенька съ Парашей пріѣдутъ, съ ними да съ Марьюшкой какъ разъ вышьемъ.

— Не надо, — отрѣзала Манеѳа.

— Что-жъ такъ, матушка?.. Раздумала? — спросила Фленушка. — Цѣлу зиму работой торопила, чтобъ омофоръ скорѣй зачинать, а теперь вдругъ и не надо...

— Не надо, — повторила игуменья.

— Что же благословишь работать? — сѣвни за пяльцы, спросила Фленушка.

— Что хотите, то и шейте, — тихо сказала мать Манеѳа.

— Такъ мы тебѣ въ келью къ иконамъ новы пелены вышьемъ, — подхватила Фленушка, вскинувъ веселыми глазами на Манеѳу.

— Ладно, хорошо. Господь васъ благословить... Шейте съ Богомъ, — молвила игуменья, глядя полными любви глазами на Фленушку. — Ахъ, ты, Фленушка моя, Фленушка! — тихо

проговорила она послѣ долгаго молчанья. — Съ ума ты нейдешь у меня... Вотъ по милости Господней поднялась я съ одра смертнаго... Ну, а если бы померла, что бы тогда было съ тобою?.. Бѣдная ты моя сиротинка!..

— Полно, матушка! — вскочивъ изъ-за нялецъ и ласкаясь къ Манеѣ, воскликнула Фленушка.

— Изъ ума у меня не выходишь, — съ озабоченнымъ видомъ продолжала Манеѣ. — Надо мнѣ хорошенько съ тобой посоветовать.

— Да полно-жь, матушка, — наклоняясь головой на плечо игуменѣ, сквозь слезы молвила Фленушка. — Что о томъ поминать?.. Осталась жива, сохранилъ Господь... ну, и слава Богу. Зачѣмъ грустить да печалиться?.. Прошли бѣды, минули печали — Бога благодарить надо, а не горевать.

— Впервой хворала я смертнымъ недугомъ, — сказала Манеѣ: — и все время была безъ ума, безъ памяти. Ну какъ къ смерти-то разболѣюсь да тоже не въ себѣ буду... не распоряжусь какъ надо?.. Потому и хочется мнѣ загодя устроить тебя, Фленушка, чтобъ послѣ моей смерти никто тебя не обидѣлъ... Въ мое добро матери могутъ вступиться, вѣдь по уставу имѣнье инокини въ обитель идетъ... А что, Фленушка, не надѣтъ ли тебѣ, голубушка моя, манатю съ черной рясой?..

— Что ты, матушка? — тревожно воскликнула и поблѣднѣла Фленушка. — Да у меня въ мысляхъ этого не бывало, на умъ не приходило...

— Хоть и молода, а я бы тебя, отходя сего свѣта, на игуменство благословила. Тогда матери должны будутъ тебѣ покориться, — не отвѣчая на Фленушкины слова, продолжала Манеѣ. — Все бы мое добро при тебѣ осталось. Во всемъ бы ты была моею наслѣдницей.

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ, — взволнованнымъ голосомъ сказала Фленушка. — Не поминай мнѣ про это... Не бывать мнѣ черницей — не могу и не хочу.

— Напрасно, Фленушка, напрасно такъ говоришь, милая моя, — молвила на то Манеѣ. — Подумай-ка хорошенько, голубка... Помру — куда пойдешь?..

— Въ обители вѣкъ доживу, — отирая глаза, сказала Фленушка. — Отъ твоей могилки куда-жь мнѣ идти?

— Блѣлицей, Фленушка, останешься — не ужиться тебѣ въ обители, — замѣтила Манеѣ. — Востра ты у меня наче мѣры... Матери пойдомъ тебя заѣдятъ... Не гляди, что теперь лебезятъ, въ глаза тебѣ смотрятъ... Только духъ изъ меня вонъ, тотчасъ ниня стануть — увидишь. А когда бы ты постриглась,

да я бы тебѣ игуменство сдала—другое бы вышло дѣло, изъ-подъ воли твоей никто бы не вышелъ.

— Молода я, матушка, не снести мнѣ иночества,—сказала Фленушка.

— Я моложе тебя иночество приняла,—замѣтила Манеѳа:— а помогъ же Господь — снесла.

— У тебя такое произволеніе было, а у меня его нѣтъ,— рѣшительно сказала Фленушка. — Нѣтъ, матушка, воля твоя, ты мнѣ лучше про это и не поминай — въ черницахъ мнѣ не бывать.

Вдохнула Манеѳа и, поникнувъ головой, задумалась.

— Не тороплю тебя, — послѣ недолгаго молчанья сказала она, поднявъ голову. — Время терпѣть. А ты подумай хорошенькѣ да разсуди. Сказываю: въ бѣлицахъ житья тебѣ не будетъ, куда-жъ ты голову сиротскую преклонишь?.. У братца Патала Максимыча?.. Да не больно онъ тебя жалуешь, нравомъ же крутенекъ, — живучи у него, много придется слезъ принимать... Аксиныя же Захаровна хилѣть зачала, Настя съ Парашей того гляди замужъ выйдутъ... По-моему ужъ лучше въ Вихорево къ Аграфенушкѣ... Она добрая, жалостливая... А все-таки хоть и Аграфенушку взять, чужой домъ не свой, Фленушка. Люди говорятъ: свой сухарь сытнѣй чужихъ пироговъ... И правда, суцая правда... Святое бы дѣло обителю тебѣ хозяйствовать.

— Нѣтъ, матушка, не могу, — сдерживая рыданья, отвѣтила Фленушка.

— Мѣръ смущаешь? — спросила Манеѳа.

— Гдѣ я видѣла его, мѣръ-отъ, матушка? — покачивая головой, возразила Фленушка. — Развѣ что въ Осиповкѣ, да когда, бывало, съ тобой къ Макарью съѣздишь... Сама знаешь, что я отъ тебя ни на пядь — гдѣ-жъ мнѣ мѣръ-отъ было видѣть?

Въ ея голосѣ звучали и грусть и укоры судьбѣ.

— Лукавъ мѣръ, Фленушка, — степенно молвила Манеѳа. — Не то что въ келью, въ пустыни, въ земные вертепы онъ проникаетъ... Много того видимъ въ житіяхъ преподобныхъ отецъ... Не днемъ, такъ ноцію во снѣ челоуѣку козни свои дѣветъ!

Молчала Фленушка.

— Ты въ мѣръ не захотѣла ли?.. Замужъ не думаешь ли? — спросила Манеѳа.

— Какъ мнѣ замужъ идти?.. За кого?.. — съ грустью сказала Фленушка. — Честью изъ обители подъ вѣнецъ не ходятъ, уходомъ не пойду... Тебя жаль, матушка, тебя огорчить не хочу — оттого и не уйду... ухodomъ...

— Ахъ, Фленушка моя, Фленушка! — вздохнула Манеа и, склонивъ голову, тихо побрела зонъ изъ горницы.

Алексѣй въ келарню прошелъ. Тамъ, угощая путника, со сверкавшими на маленькхъ глазкахъ слезами любви и участя, добродушная мать Виридея спрашивала его про житье-бытье Насти съ Парашей подъ кровомъ родительскимъ. Отъ души любила ихъ Виридея... Какъ по покойницамъ плакала она, когда Патапъ Максимычъ взялъ дочерей изъ обители.

— Расскажи ты мнѣ, Алексѣй Трифонычъ, расскажи, родной, какъ поживаютъ онѣ, мои ластушки, какъ времечко коротаютъ красавицы мои ненаглядныя?—пригорюнясь, спрашивала она гостя, сидѣвшаго за большой сковородкой личицы-глазуны.— Какъ-то онѣ, болѣзныя мои, у батюшки въ дому взвеселяются, поминаютъ ли про нашу обитель, про матушекъ да про своихъ совѣтныхъ подруженекъ?

— Какъ же, матушка, не помянуть? — отвѣтилъ Алексѣй. — Долго вѣдь жили у васъ, нельзя вдругъ позабыть.

— Богъ ихъ спаси, что помятъ насъ,—молвила Виридея.— А скажи-ка ты мнѣ, болѣзненный ты мой, такая-ль теперь Настенька-то шустрая да бойкая, какъ росла у насъ въ обители? Была она здѣсь первая любимая затѣйница, на всякія игры первая забавница. Взвеселяла насъ старухъ старыхъ, потѣшала нашихъ дѣвушекъ, своихъ милыхъ совѣтныхъ подруженекъ... Соберутся, бывало, мои лебедушки ко мнѣ въ келарню зимнимъ вечеромъ, станутъ шутить разныя шуточки, затѣютъ игры дѣвичьи, не посмотрись на нихъ, не налюбуйся. Есть ли теперь у нихъ подруги-то, есть ли вкругъ нихъ дружныя разговорщицы?

— Нѣтъ, матушка, подругъ у нихъ не видится, — отвѣчалъ Алексѣй. — Съ деревенскими дѣвками дружитья имъ не повелось, а ровни по близости нѣтъ.

— Скучно-жъ имъ, моимъ голубонькамъ,—пригорюнясь, молвила мать Виридея. — Все одинъ да одинъ — этакъ не взмилѣтъ и бѣлый свѣтъ... Жениховъ на примѣтъ нѣтъ ли?

Замаялся Алексѣй, но тотчасъ оправился и отрывисто отвѣтилъ:

— Не слышать, матушка.

— Не слышать!.. Что-жъ такъ?.. Ну, да эти невѣсты въ дѣвкахъ не засидятся—перестарками не останутся,—замѣтила Виридея. — И изъ себя красовиты и умомъ-разумомъ отъ Бога не обижены, а приданого, поди, сундуки ломаются. Такихъ невѣсть въ міру нарасхватъ берутъ.

Жутко было слушать Алексѣю несмолкаемая рѣчи словоохотливой Виридея. Каждое ея слово про Настю мутило душу

его... А межъ тѣмъ иныя думы, иныя помышленья роились въ глубинѣ души его, иныя желанья волновали сердце.

Распрошавшись съ Виринеей, снабдившей его на дорогу большимъ кулькомъ съ крупичатымъ хлѣбомъ, пирогами, курками, крашеными яйцами и другими снѣдями, медленными шагами пошелъ онъ на конный дворъ, заложилъ пару добрыхъ вятковъ въ легкую телѣжку, уложился и хотѣлъ — было ужъ ѣхать, какъ ровно невѣдомая сила потянула его назадъ. Самъ не понималъ, куда и зачѣмъ идетъ. Очнулся передъ дверью домика Марьи Гавриловны.

«Зайду... скажу, что за письмомъ... что ѣхать пора...» — подумалъ онъ, не помня приказа Мансеина, и съ замираньемъ сердца, робкимъ шагомъ взошелъ на крыльцо.

Въ горницѣ встрѣтилъ онъ Таню, прислужницу Марьи Гавриловны.

— Чтѣ надобно вашей милости? — спросила она у Алексѣя.

— За письмомъ... Марья Гавриловна зайти велѣли, — отвѣтилъ онъ вполголоса.

— Обождите маленько. Скажу ей, — молвила дѣвушка, окинувъ любопытнымъ взоромъ Алексѣя.

Долго ждалъ онъ возвращенія Тани. Сердце такъ и замирало, такъ и колотилось въ груди, въ ухахъ звенѣло, въ головѣ мутилось... Самъ не свой стоялъ Алексѣй. Сроду не бывало съ нимъ этого.

Вышла дѣвушка, молвила, что Марья Гавриловна письма не изготовила.

— Ёхать пора мнѣ, — сказалъ онъ задрожавшимъ отъ такой вѣсти голосомъ. — Матушка Манеѣ скорѣй наказывала ѣхать... Путь не ближній... Лошади заложены.

— Скажу... Обождите минуточку, — сказала дѣвушка и скрылась за дверью.

«Выидетъ ли она?.. Увижу-ль ее? — думалъ Алексѣй. — Голову бы отдалъ на отсѣченье, только бы на минутку повидать ее».

Таня появилась въ дверяхъ и сказала, что письма не будетъ, а когда онъ назадъ черезъ скитъ поѣдетъ, завернуть бы къ Марьѣ Гавриловнѣ... Къ тому времени она и отвѣтъ напишетъ и посылочку изготовитъ.

— Скоро-ль назадъ-то будете? — спросила Таня.

— Не знаю, — мрачно отвѣтилъ Алексѣй. — Недѣли черезъ полторы либо черезъ двѣ.

— Такъ я и скажу... А вы ужъ безпремѣнно заѣзжайте, — съ улыбкой молвила Таня. — Далекѣ-ль вамъ ѣхать-то?

— Далеконько, — отвѣчалъ Алексѣй. — На Ветлугу, коли слыхали.

— Про Ветлугу-то?.. Слышала, — сказала она. — Это вѣдь туда, кажись, за Кѣрженцемъ?

— Да, за Кѣрженцемъ, — молвилъ Алексѣй, жадно глядя на бѣлую какъ мраморъ створчатую дверь, за которой, сдавалось ему, стояла Марья Гавриловна.

— Даи Богъ счастливаго пути, — поклонившись, сказала Алексѣю Таня. — Прощайте.

— Прощайте! — грустно отвѣтилъ онъ, наклоняя голову, и съ тяжелымъ вздохомъ пошелъ вонъ изъ горницы.

Точно по незнаемымъ мѣстамъ возвращался Алексѣй отъ домика Марьи Гавриловны. Весеннее солнце ярко сіяло, подымаясь на полуденную высоту, а ему все казалось въ мутномъ свѣтѣ... На крыльцѣ келарни стояла мать Вириная, справляя уѣзжавшему гостю прощальные поклоны — не видалъ ея Алексѣй... Изъ свѣтелки игуменьиной кельи Фленушка грозила ему кулакомъ и плюнула вслѣдъ, и того не замѣтилъ... Оглянуться — бѣ ему на шелковыя занавѣски, что висѣли въ среднемъ окнѣ Марьи Гавриловны, не примѣтилъ ли бы онъ межъ ними свѣтлаго, искрометнаго глаза, зорко слѣдившаго за удалявшимся молодцемъ?..

Слѣзъ Алексѣй въ телѣжку и, выѣхавъ за околицу, съ чувствомъ безильной злобы жарко хлестнулъ арапникомъ по крутымъ бедрамъ откормленныхъ саврасыхъ вятковъ. Стрѣлой понеслись кони по гладкой извиистой дорожкѣ, и вскорѣ густой перелѣсокъ скрылъ отъ взоровъ уѣзжавшаго и часовни, и келейныя стаи, и сиротскія избенки Каменнаго Вражка. Удары арапника крѣпче и крѣпче раздавались въ лѣсной тиши, телѣжка такъ и подпрыгивала по рытвинамъ и выбоинамъ. Расходилася рука, раззудѣлось плечо, распалилось сердце молодецкое — птицей летитъ Алексѣй по лѣсной дорожкѣ... Того и гляди, что телѣжка зацѣпитя о пень либо корневище... Не сдобровать тогда побѣдной головѣ распаленнаго новой страстью и смутной надеждой молодца... Больше версты проскакалъ онъ сломя голову. Тутъ маленько отлегло у него отъ сердца, и громкая, тоскливая шѣсня вырвалась изъ груди:

Ты судьба-ль моя, судьбина некорыстная,
Голова-ль ты моя безталанная!
Сокрушила ты меня, кручиннушка,
Ты рассыпала печаль по яснымъ очамъ,
Присушила русы кудри ко буйной головѣ,
Приневолила шататься по чужой сторонѣ.

Прискучила Настя Алексѣю. Чувствуетъ, что согнуть дерево не по себѣ. Годами молода, норовомъ стара... Добыть ее въ

жены теперь не трудное дѣло, зато тужить да плакать вѣкъ свой доведется. Не ему надъ домомъ власть держать, ей верховодить надъ мужемъ. Во всемъ надо будетъ изъ ея рукъ смотрѣть, не смѣть выступить изъ воли ея, завсегда имѣть голову съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, руки съ подносомъ... А это ужъ послѣднее дѣло: не звѣрь въ звѣряхъ ежъ, не птица въ птицахъ нетопырь, не мужъ въ мужьяхъ, кѣмъ жена владѣть. Лучше въ дырявой лодкѣ по морю плавать, чѣмъ жить со властной женой...

А Патапа Максимыча пуще огня боится. Хоть добръ и ласковъ до него казался, а изъ памяти Алексѣя не выходитъ таинственный голосъ, предрекавшій ему гибель отъ руки Патапа Максимыча. Немало думалъ онъ про его слова, сказанныя наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія и еще разъ, какъ, отпраздновавъ Пасху съ родителями, въ Осиповку въ Радунцу онъ воротился... Тогда же догадался, что Патапу Максимычу взбрело на умъ въ зятя его взять. Не порадовался, а утрастился онъ тому. «Тутъ-то и есть погибель моя»,—подумалъ онъ... Страшна стала ему Настя, чуть не страннѣй самого Патапа Максимыча—горда очень и власть любить паче мѣры. А силы въ ней много—какъ разъ мужа подъ ногу подберетъ. Что-жъ тутъ хорошаго?.. Житье подъ бабимъ началомъ хуже неволи, горчѣй каторги...—«Эхъ, въ какую-жъ я петлю попалъ,—думаетъ Алексѣй самъ про себя:—ни вонъ ни въ избу, ни въ коробъ не лѣзетъ ни изъ короба нейдетъ. Подсунула тогда нелегкая эту распроклятую Фленушку... А узнаетъ неравно про наши дѣла Патапъ Максимычъ—тогда что?.. Звѣрь вѣдь, не человекъ, обиды не спуститъ. А Настасью взять... Нѣтъ, легче въ омутъ головой...»

Въ такомъ тяжкомъ раздумѣ увидѣлъ Алексѣй Марью Гавриловну. Умильнымъ взоромъ и блескомъ непомеркшей красоты пригрѣла она изболѣвшее его сердце... Просіяло на темной душѣ его.

Первые порывы новой страсти выразились скачкой сломи голову по изрытой и переkreщенной корневищами лѣсной дорожкѣ, затѣмъ разрѣшились громкой горькой пѣсню... Та пѣсня, сперва шумная, порывистая, полная отчаянья и безнадежнаго горя, постепенно стихала и подъ конецъ замерла въ чуть слышныхъ звукахъ тихой грусти и любви. Добрыя вятки дробной рысцой трусили по дорожкѣ, проторенной по лывинѣ *). Въ лѣсу стояло полное затишье, листъ на деревѣ не дрогнетъ, вѣтерокъ не шевельнетъ молодую травку, только

*) Лывина — лѣсъ, растущій по сырому мѣсту или по болоту.

иволги, снѣгири и малиновки на разные голоса межъ собой перекликаются... Гдѣ-то вдали защелкалъ соловей... Славный соловей, мало такихъ за Волгу прилетаетъ... Всѣ-то колѣна звонко и чисто у него выливаются... Вотъ «запулькалъ» ояъ, «заклыкалъ» стекляннымъ колокольчикомъ, раскатился мелкой серебряной «дробью», «запленкалъ», завелъ «юлиную стукотню», громко защелкалъ и, залившись «дудочкой», смолькъ *). А черезъ минуту опять «починь» заводитъ, опять колѣно за колѣномъ выводитъ. Дальше гдѣ-то въ трущобѣ еще засвисталъ соловушка... другой, третій. Не слышитъ ничего Алексѣй, ничего не видитъ онъ ни кругомъ ни возлѣ... Въ летасахъ **) какъ въ маревѣ является миловидный обликъ молодой вдовы... видитъ Алексѣй стройный станъ ея, крытый густыми бѣлоснѣжными складками утренней одежды, какъ видѣлъ ее на солнечномъ восходѣ... А жадная мысль о богатой казнѣ вдовушки тоже не спадаетъ съ ума. Помышленье корыстное царитъ надъ его думами. Про Настю ни мысли ни помина... Правду говорила Фленушка, называя Алексѣя безсовѣстнымъ... Шутка ея на дѣло стала похожа.

Хорошей жизни Алексѣю все хочется, довольства, обилья во всемъ; будь жена хоть коза, только-бъ съ золотыми рогами, да смирная, подкладистая, чтобъ не смѣла выше мужа головы поднимать!.. Хорошая жизнь!.. Охъ, эта хорошая жизнь!.. Не то было-бъ тогда!.. Чтѣ онъ теперь?.. Батракъ, наймитъ... Самому бы хозяйствовать, да такъ, чтобы ворочать тысячами и ото всѣхъ людей въ почетѣ быть. Не думаетъ про то Алексѣй, что чѣмъ больше почетъ, тѣмъ больше хлопотъ: ему бы только стать тысячникомъ, а людской почетъ, мнится ему, самъ собой придетъ незванный, непрошенный. Да вотъ горе—откуда тысячи-то взять?.. Золото на Ветлугѣ вышло обманнымъ дѣломъ, про Настю и вздумать страшно... Ну ее со-всѣмъ и съ приданнымъ богатствомъ!.. Эхъ, какъ бы со вдовушкой сладиться; богатства у нея, слышно, счету нѣтъ, сама надо всѣмъ большуха, не глядитъ изъ отцовскихъ рукъ... Дернуть бы свадьбой да скорымъ дѣломъ подальше съ родины, на новыя мѣста... Подальше, какъ можно подальше, куда-бъ не могла досягнуть долгая рука Патапа Максимыча.

Вотъ чтѣ думалось, вотъ чтѣ гребѣло измученному душевной истомой Алексѣю, когда онъ въ какомъ-то забытѣ тихонько

*) Всѣхъ колѣнъ соловьиного пѣнія до двѣнадцати, а у курскихъ соловьевъ еще больше. Каждое колѣно имѣетъ свое названіе: пульканье, клыканье, дробь, раскатъ, пленканье, лѣшева дудка, кукушкинъ перелетъ, гусачокъ, юлиная стукотня, починь, отолчка и пр.

**) Летасы — мечты, грезы наяву, иллюзіи.

проѣзжалъ по тѣнистымъ лѣсамъ подъ щебетанье и веселыя клики разнородныхъ пташекъ.

И вдругъ темнымъ морокомъ пала ему на умъ Настя... Вспомнилось, какъ вдвоемъ въ подлѣтѣхъ посиживали, тайныя любовныя рѣчи говаривали, вспомнилось, какъ гордая красавица не снесла пыла страсти — отдалась желанному и душой и тѣломъ.

Не раскаянье, не сожалѣнiе шевельнулись на душѣ его, иная мысль затмила... «Что-жъ?.. Не мы первые, не мы и послѣднiе... Кучился-мучился, dospѣлъ и бросилъ... Не нами заведено, таково дѣло покопѣ въка стоитъ. Дѣвка — чужая добыча: не я, такъ другой бы...» Но, какъ ни утѣшалъ себя Алексѣй, все-таки страхомъ подергивало его сердце при мысли: «А какъ Настасья да расскажетъ отцу съ матерью?..» Вспоминались ему тревожныя сны: страшный образъ гнѣвнаго Патапа Максимыча съ засученными рукавами и тяжелой дубиной въ рукахъ, вспоминались и грозныя рѣчи его: «Жилы вытану, ремней изъ сиины накрою!..» Жмурить глаза Алексѣй, и мерещится ему сверкающiй ножъ въ рукахъ Патапа, слышится вой ватаги работниковъ, ринувшихся по приказу хозяина...

«Вѣщiй тотъ сонъ, --- думаетъ Алексѣй. — Да нѣтъ, быть того не можетъ, не статочно дѣло!.. Не вымолвить Настасьѣ отцу съ матерью ни единого слова... Безъ мѣры горда, не откроетъ бѣду свою дѣвичью, не захочетъ накинуть покора на свою голову...»

Живучи въ честной обители Манеѣы, забыла Марья Гавриловна обиды и муки, претерпѣнныя ею въ восемь лѣтъ замужества. Во всемъ простила она покойнику, все его озлобленiя покрыла забвеньемъ. Записала имя его въ синодики постѣнные и литейныя по всѣмъ обителямъ Кѣржешскимъ, Чернораменскимъ. Каждый годъ справляла по немъ уставныя поминки: и на день преставленiя и въ день тезоименитства покойника, на память преподобнаго Макарія Египетскаго, поставляла Марья Гавриловна «большия кормы» на трѣпезѣ. Но это ради людей, не ради Бога... Богу принесла она жертву сокрушенную и смиренную — все простила покойнику, все, даже разлуку съ Евграфомъ. Каждый Божiй день и утромъ и на сонъ грядущiй усердно молилась она на келейной молитвѣ за мучителя, со слезами молила о прощенiи прегрѣшенiй его, объ упокоенiи души, отошедшей безъ грѣщи, безъ покаянiя. Но, предавъ забвенью горькiе дни, не могла забыть немногихъ сладкихъ дней, чтó выпали на ея долю.

И въ могилѣ любила Евграфа. Несомнѣнно вѣря, что въ

награду за земныя страданья пріялъ онъ въ небесахъ вѣнецъ блаженства, даже обрачалась къ нему въ молитвахъ. Рѣдкая почъ проходила, чтобъ не видала она во снѣ милаго, и каждый день о немъ думала... Съ утра до вечера цѣлые рои воспоминаній проносились въ ея памяти. То какъ будто въ яснови-дѣнны представлялась ей широкая, зеленѣющая казанская луговина межъ Кремлемъ и Кижичами: гудятъ колокола, шумитъ, какъ бурное море, говоръ многолюдной толпы, но ей слышится одинъ только голосъ, тихій, ласковый голосъ, отъ котораго упало и впервые сладко заныло сердце дѣвичье... То передъ душевными очами ея предстаетъ темный, густо заросшій вишенъемъ уголокъ въ родительскомъ саду: жужжать пчелки — Божьи угодницы, не вникаетъ она жужжанью ихъ, не видитъ въ слуховомъ окнѣ чердака зоркой Абрамовны, слышитъ одинъ страстный лепетъ наклонившагося Евграфа и, стыдливо опушта глаза, ничего не видитъ кругомъ себя... Вспоминается и то Марья Гавриловнѣ, какъ повеселѣла она, узнавъ про сватовство желаннаго, какъ вольной пташкой распѣвала пѣсенки, бѣгала съ утра до ночи по отцовскому садику... А вотъ и тѣ незабвенные дни, какъ свидѣлась она съ женихомъ у Макарья на ярманкѣ... Жизнь была полна и любви и свѣтлыхъ надеждъ на долгое счастье съ любимымъ человѣкомъ, но пала гроза, и сокрушилось счастье отъ прихоти стараго сластолюбца. Разбилась жизнь, а избранникъ сердца, желанный, любимый женихъ Богъ вѣсть гдѣ и какъ слегъ въ могилу. Свѣтло-радужнымъ колесомъ вращается передъ душевными очами Марьи Гавриловны рядъ свѣтлыхъ воспоминаній о быстро промелькнувшемъ счастьѣ. И въ каждомъ воспоминаньи неприступнымъ свѣтомъ, неземнымъ блескомъ сияетъ образъ того, кому безза-вѣтно отдала она когда-то молодую душу свою...

Такъ проходили годы... Закрылись понемногу сердечныя раны, забылись страданья, перенесенныя отъ суровости постылаго разлучника. Но по мѣрѣ того, какъ забвенье крыло горечь былого, блѣднѣй и туманнѣй представлялся передъ нею милый образъ. Стало ей какъ будто обидно, досадно какъ-то на себя. Рѣже и рѣже являлся милый во снѣ, какая-то тоска, до того незнаемая, разрасталась въ ея сердцѣ... Болитъ, ноетъ, занываетъ, ничего не сказываетъ... Скучно вдовушнѣ, все надоѣло, ни на что-бъ она не глядѣла. Просить чего-то душа, а чего просить — не разумѣетъ и сама Марья Гавриловна...

И напала на нее злая кручина, одолѣла ее сердечная истома. Хочется жить, да не такъ, какъ живется — хочется жить жизнью полной, людямъ полезной... Хочется на кого-нибудь

излить всю свою преданность, всю, всю, до крайняго предѣла жепскаго самоотверженья... А тутъ въ обители все одно; все вяло, безцвѣтно... Не любя ей стала скитская жизнь... Первое время пребыванія въ тихомъ пристанищѣ подъ крылышкомъ доброй матери Манеѣы принесло Марьѣ Гавриловнѣ несомнѣнную пользу: она сама сознавала, что только обительская жизнь уврачевала ея сердечныя раны и помирила ее съ прошедшимъ. Но когда истерзанной душѣ возвратилось здоровье, зачѣмъ же оставаться въ больницѣ?.. Но куда идти? Въ Москву ли, гдѣ все стало бы поминать ей восьмилѣтнюю горемычную жизнь, гдѣ все отравляло бы дни ея горькими воспоминаньями?.. Въ Казань ли къ брату?.. Но вѣдь онъ чуть не совсѣмъ забылъ ее въ слезовые дни ея замужества, сталъ заботнымъ и ласковымъ лишь съ той поры, какъ сдѣлалась она вольной вдовой съ большимъ капиталомъ... Аль затѣмъ ѣхать къ брату, чтобъ опять женихи закружились вокругъ нея?.. Богъ съ ними!.. Вѣдь были же межъ нихъ и хорошіе люди, но и глядѣть не хотѣлось на нихъ Марьѣ Гавриловнѣ... Какъ вспоманетъ, бывало, Евграфа да сравнить его съ подѣзжавшими женихами — какими нескладными, непригожими они ей покажутся... Кто извѣдалъ сладость полного счастья, не захочется тому отвѣдывать горькаго...

А душевная тоска растетъ да растетъ. Что дѣлать, какъ горю пособить?

Ночью послѣ Радуніцы съ тоски и раздумья не спалось Марьѣ Гавриловнѣ. На зарѣ встала она съ душевной постели и, накинувъ бѣлое батистовое платье, вздумала освѣжиться воздухомъ ранняго утра, полюбоваться на солнечный исходъ. Отворила окно, оглянулась кругомъ — ни души не видать, обитель спала еще. Вперивъ очи на блѣднѣвшую предъ восходящимъ свѣтиломъ зарю, раздумалась она про тоску свою и, сама не помнятъ, какъ это случилось, тихимъ голосомъ завела пѣсню про томившую ее кручину. Свободнѣй и свободнѣй, громче и громче вырывались изъ груди звуки... Ничего кругомъ не видитъ она, неподвижно устремивъ взоръ на разгоравшійся золотистыми лучами восточный край небосклона и на тонкія полосы перистыхъ облаковъ, сіявшихъ вверху неба... Вдругъ поворотила голову и въ окнѣ свѣтелки надъ игуменьиной кельей увидѣла... Евграфа.

Вскрикнула Марья Гавриловна, захлопнула окно, опустила занавѣску.

«Что это? — думаетъ она. — Обаянье-ль какое, мечта ли отъ сряща бѣса полуденнаго?.. Иль видѣнье отъ небесныхъ селеній ниспосланное?.. Или впрямь то живой чело-

вѣкъ?.. Волось въ волось — двѣ капли воды!.. Что-жъ это за диво такое!»

Растерялась бѣдная, не знаетъ, что и придумать... А сердце такъ и бьется, такъ и ноетъ, тоска такъ и поднимается въ груди.

Долго сидѣла Марья Гавриловна, облокотясь на подоконникъ и склоня голову на руку... Сухимъ лихорадочнымъ блескомъ глаза горѣли, щеки пылали, губы сохли отъ внутренняго жара... Таня вошла.

— Раненько поднялись, Марья Гавриловна, — сказала она. — Утреню не допѣли, а вы ужъ на ногахъ.

— Не спалось мнѣ что-то сегодня, Таня, — поднявъ голову, молвила Марья Гавриловна: — да и теперь что-то неможется.

— Что это съ вами, сударыня? — съ неподдѣльнымъ участиемъ, даже съ испугомъ молвила Таня. Какъ къ матери родной привязана была къ «сударынѣ» своей дѣвушка, взятая изъ семьи, удрученной бѣдностью и осыпанной благодѣянiami Марьи Гавриловны,

— Ничего... такъ... пройдетъ... — успокаивала ее Марья Гавриловна. — Поставь самоваръ... Да вотъ еще что... Не знаешь ли?.. У матушки Манеѣы есть гости какіе на пріѣздѣ?

— Есть, — отвѣчала Таня. — Вечоръ отъ насъ изъ Москвы какой-то пріѣхаль... И прокурать же парень — ни въ часовнѣ не помолился ни у матушки не благословился, первымъ дѣломъ къ бѣлицамъ за околицу куролесить да пѣсни пѣть... Самъ изъ себя маленекъ да черненекъ, а дѣвицы сказываютъ, голосъ, что соловей.

«Не онъ», — подумала Марья Гавриловна.

— А то еще изъ Осиповки съ припасами къ матушкѣ приказчикъ присланъ отъ Патана Максимыча... Въ свѣтелкѣ его ночевать положили...

— Въ свѣтелкѣ? — вскрикнула Марья Гавриловна.

— Въ свѣтелкѣ... — подтвердила Таня. — Вотъ что сюда окнами — въ этой... — прибавила она.

— Поди, Таня, поставь самоваръ, — сказала Марья Гавриловна, медленно проводя по лбу ладонью и потомъ закрывъ ею глаза.

Таня вышла. Марья Гавриловна стала ходить взадъ и впередъ по горницѣ.

«Тотъ, тотъ самый, что Фленушка сказывала, — думала она. — Непремѣнно онъ... А похожъ-то какъ!.. Вылитый голубчикъ Евграша!.. Ровно онъ изъ могилы всталъ...»

По-новому сердце забилось... Во что бы ни стало захотѣлось поближе взглянуть на красавца... Рѣшила скорѣй идти

къ Манею, чтобъ увидѣть его. Тѣмъ часъ принялась одѣваться. Надѣла синее шелковое платье, что особенно шло ей къ лицу.

Принесла Таня самоваръ и подивилась, увидя «сударыню» въ нарядномъ платьѣ.

— Что это вы такъ одѣлись? — спросила она, разставляя посуду на чайномъ столѣ.

— Къ матушкѣ Манею хочу сходить, — отвѣчала Марья Гавриловна.

— А платье-то зачѣмъ такое надѣли?.. Сегодня не праздникъ, — молвила Таня.

Немного смѣшалась Марья Гавриловна, но тѣмъ часъ оправилась.

— Какая-жъ ты, Таня, недогадливая! — сказала она. — Какъ это ты до сихъ поръ не можешь понять, что когда у матушки бываютъ посторонніе люди, особенно изъ Москвы, такъ, идучи къ ней, надо одѣваться наряднѣй. Всѣ знаютъ про мои достатки — выдѣ-ка я къ людямъ растрепой, тѣмъ часъ осудятъ, назовутъ скрягой.

— Да, это такъ, — тихо проговорила Таня, удивляясь, какъ это самой ей не пришло того въ голову.

— А ты сбѣгай-ка къ матушкѣ, узнай, не встала ли она, — сказала Марья Гавриловна.

Вышла Таня, но черезъ минуту воротилась.

— Приказчикъ отъ Патапа Максимыча къ вамъ идетъ, — сказала она: — на крылечко ужъ взшелъ.

Опустились руки у Марьи Гавриловны.

— Ступай къ себѣ, — сказала она Танѣ. — Сейчасъ выйду... Да покаместъ къ матушкѣ-то не ходи, послѣ часовъ къ ней пойду.

Таня вышла. Марья Гавриловна старалась принять на себя строгій, сдержанный видъ. Проходя мимо зеркала, заглянула въ него и поправила на груди ленточку.

Вошла въ горницу, гдѣ Алексѣй дождался, — обомлѣла... Евграфъ, съ ногъ до головы Евграфъ.

Смутилась, опустила глаза... Слова не можетъ сказать... Заговорилъ Алексѣй — Евграфовъ голосъ, его говоръ...

Какъ въ туманѣ какомъ пробыла Марья Гавриловна, пока стояла передъ Алексѣемъ, а вшелъ онъ, тяжело опустилась на стулъ и закрыла руками лицо... Тяжело и сладко ей было. Почувствовала она особое бѣненіе сердца, напомнившее золотыя минуты, проведенныя когда-то въ уголкѣ садика, поросшаго густымъ вишенемъ.

Таня вошла.

— Что это съ вами, сударыня? — сказала она. — Вольно,

видно, неможется — личико-то такъ и горить... Легли бы въ самомъ дѣлѣ.

— И то лягу, Таня, — отвѣтила Марья Гавриловна. — Пойдемъ-ка, раздѣнь меня... Нѣтъ, ужъ я не пойду къ матушкѣ. Послѣ, завтра, что ли...

Часа три пролежала Марья Гавриловна. Рѣями думы носятя въ ея головѣ. Про Евграфа вспоминала, но мысль своевольная на Алексѣя какъ-то все сворачивала.

Вошла Таня, сказала:

— Осиповскій приказчикъ за письмомъ пришелъ.

Вскочила съ постели Марья Гавриловна.

— Одѣваться скорѣй... Скажи, обождаль бы маленько... Ахъ, нѣтъ... Скажи, письма, молъ, не успѣла написать... Да вѣдь я сказала, чтобъ онъ послѣ обѣда пришелъ.

Таня вышла. Тутъ только вспомнила Марья Гавриловна про письмо Патапа Максимыча. Оно лежало пераспечатаннымъ.

«Отвѣтъ надо писать», — подумала она и, взявши письмо, стала читать... Не понимаетъ ничего.

Таня пришла, сказала, что приказчикъ уѣзжаетъ, кони заложены, матушка-де Манеѣа ѣхать скорѣй велить.

«По скорости не могу письма написать, никакъ не могу, — думаетъ Марья Гавриловна. — Какъ же быть-то, какъ же быть-то мнѣ?.. Повидать бы его хоть минуточку... Скажу Танѣ... Нѣтъ, не могу».

— Скажи ему, Таня, — молвила: — на обратномъ бы пути зашелъ, теперь, молъ, некогда мнѣ письма изготвить... Поди, скажи... Посылочку, молъ, еще принасу...

Таня пошла, а Марья Гавриловна, на босу ногу, въ одной сорочкѣ, побѣжала въ горницу, смежную съ той, гдѣ Алексѣй дожидался. Тихонько подвинула она дверцу и, припавъ къ щели глазами, смотрѣла на Алексѣя, говорившаго съ Таней.

Онъ ушелъ, а Марья Гавриловна, чуть-чуть раздвинувъ оконныя занавѣски, вслѣдъ за нимъ смотрѣла. «Онъ, онъ — Евграфъ», — думалось ей.

И когда, завернувъ за уголь келарни, Алексѣй скрылся изъ глазъ Марьи Гавриловны, закрывъ нылающее лицо холодными руками, она разразилась рыданьями...

И надобно же было такъ случиться, что въ тѣ самые часы, когда двойникъ Евграфа свидѣлся съ Марьей Гавриловной, пострадавшая Настя повѣдала матери про свое неизбежное горе, про свой позоръ, котораго нельзя спрятать отъ глазъ людскихъ.

Глава одиннадцатая.

Подъ вечеръ того дня, какъ Алексѣй уѣхалъ изъ Комарова, прискакалъ туда гонецъ изъ Осиповки. Писемъ не привезъ, на рѣчахъ подалъ вѣсть, что Патапъ Максимычъ, по желанью Марьи Гавриловны, снарядилъ-было въ путь обѣихъ дочерей, но вдругъ съ Настасьей Патаповной что-то попричилось, и теперь лежитъ она безъ памяти, не знаютъ, въ живыхъ останется ли... Христомъ Богомъ велѣлъ Патапъ Максимычъ просить Марью Гавриловну, дала бы посланному письмо къ городскому лѣкарю, что вылѣчилъ Манею, звала бы скорѣй его въ Осиповку. Письмо къ лѣкарю было написано, гонецъ помчался въ городъ.

На другой день скитскій работникъ пріѣхалъ изъ Осиповки. Тѣ же вѣсти: лежитъ какъ пласть, наврядъ ли встанетъ.

Всполошились въ обители. Матери и бѣлицы любили Настю, всѣ жалѣли объ ней... Строга и сдержанна мать Манею, но, узнавъ о тяжелой болѣзни племянницы, и та при людяхъ заплакала. Фленушка такъ и рвалась, такъ и металась во всѣ стороны. Въ какомъ-то изступленіи бѣгала она изъ кельи въ келью, плакала, рыдала; наконецъ сама слегла... Алексѣевы рѣчи навели ее на мысль, что Настина болѣзнь отъ него пришла. И кляла себя Фленушка всѣми клятвами, что свела Настю съ лиходѣемъ безсовѣстнымъ. У матерей только и рѣчи, что про Настину болѣзнь, а добрая Вириная пѣходя плакала, и въ келарнѣ у ней все пошло не попрежнему: то рыба переварится, то пироги въ уголь перегорятъ. Сколько лѣтъ въ келарнѣ хозяйствуетъ, никогда такой бѣды не случалось.

Только-что свѣдала Манею про болѣзнь племянницы, нарядила въ часовнѣ соборную службу ради исцѣленія отъ тѣлесной скорби рабы Божіей дѣвицы Анастасіи служить... Повѣстили о томъ сиротамъ и по всѣмъ обителямъ. И былъ въ келарнѣ большой кормъ, обильная трапеза и велико число прохожихъ молещичковъ. И большая раздача дана сиротамъ и инымъ скуднымъ людямъ, дабы молились о здравіи болящей дѣвицы. И по другимъ обителямъ Комарова послала Манею денегъ на соборныя службы и на кормы. Послала даже къ Глафиринымъ, къ Игнатьевымъ и къ другимъ пораздорившимъ съ нею изъ-за австрійскаго священства. А на расходы Манею деньги выдавала отъ имени ктитора обители, брата своего родного по плоти, скитскаго заступника и во всемъ оберегателя, Патапа Максимыча.

Ни службы по часовнямъ, ни кормы по келарнимъ не помогали Настѣ. Черезъ каждыя два-три дня пересылалась Манеѳа съ Осиповкой; каждый разъ одну вѣсть привезили ей: «нѣтъ облегченія».

Въ той самой свѣтлицѣ, куда Фленушка привела Алексѣя пальцы чинить, безъ чувствъ, безъ памяти, неподвижна и блѣдна лежала Настя. У изголовья больной, погруженная въ думу, стояла сестра ея богоданная — сердобольная, вселюбящая Груня. Въ одномъ углу сидѣла убитая горемъ, потерявшая сознание Аксиѣя Захаровна, возлѣ нея Настина крестная, знаменитая повариха Никитична. Въ другомъ углу Параша. Окна были растворены, свѣжесть весны и благовонный запахъ цвѣтущей черемухи обильно вливались въ свѣтлицу. Не слышно было никакого звука, опричь щebetанья птичекъ въ огородѣ да глухихъ вздоховъ больной.

Лежить Настя не шелохнется; приустили рѣзвы ноженьки, притомились бѣлыя рученьки, сошелъ бѣлый свѣтъ со ясныхъ очей. Лежить Настя, разметавшись на тесовой кровати — скосила ее болѣзнь трудная... Не дождѣвая вода въ мать сыру землю уходитъ, не бѣлы-то снѣги отъ вѣшняго солнышка таютъ, не красное солнышко за облачкомъ теряется, таетъ-потухаетъ бездольная дѣвица. Вянетъ майскій цвѣтъ, тускнетъ райскій свѣтъ — красота ненаглядная кончается.

Недвижно лежить она на постели, ни шопота ни стопа не слышно. Не будь лицо Настино крыто смертною блѣдностью, не запади ея очи въ темныя впадины, не спади алыи цвѣтъ съ полуоткрытыхъ устъ ея, можно-бъ было думать, что спитъ она тихимъ, безмятежнымъ сномъ.

Патапъ Максимычъ подолгу въ свѣтеле не оставался. Войдетъ, взглянетъ на дочь любимую, задрожать у него губы, заморгаютъ слезами глаза, и пойдетъ за дверь, подавляя подступавшія рыданья. Сумрачнѣй осенней ночи бродитъ онъ изъ горницы въ горницу, не ѣсть, не пить, никто слова отъ него добиться не можетъ... Куда дѣлись горячія всыпки кипучаго права, куда дѣлась величавая строгость? Косой подкосило его горе, церемогла крѣпкую волю лютая скорбь сердца отцовскаго.

Лѣкарь приѣхалъ. Стрѣлой полетѣлъ навстрѣчу къ нему Патапъ Максимычъ. Съ рыданьемъ кинулся ему въ ноги и, охвативъ колѣна, восклицалъ трепетнымъ голосомъ:

— Батюшка!.. Будь отецъ родной!.. Вылѣчи дочку... Тысячъ не пожалѣю... Помоги ради Создателя... Не умерла бы, не покинула-бъ меня горькаго...

— Полноте, Патапъ Максимычъ, перестаньте, — успокоивалъ его лѣкаръ, отстраняясь отъ рыдавшаго у ногъ его тысячника. — Вотъ осмотримъ больную, сдѣлаемъ что нужно... Богъ милостивъ, не всякая болѣзнь къ смерти бываетъ.

— Голубчикъ ты мой, Андрей Богданычъ... Всего-то девятнадцатый годокъ!.. Умница-то какая!.. Помогни ты ей, — продолжалъ мольбы свои Патапъ Максимычъ, ведя въ свѣтлицу лѣкаря.

Андрей Богданычъ осмотрѣлъ больную. Груня рассказала ему, что знала про болѣзнь ея отъ Аксиньи Захаровны. Сама Аксинья Захаровна не могла говорить.

— Что?.. Что, Андрей Богданычъ? — съ нетерпѣньемъ спрашивалъ Патапъ Максимычъ, переходя изъ свѣтлицы въ переднюю горницу. — Можно вылѣчить?.. А?.. Подымется?.. Выздоровѣть?..

Молча перебиралъ Андрей Богданычъ въ дорожномъ ящикѣ снадобья.

— Самоваръ бы поставить да плитку развести, — сказалъ онъ.

Патапъ Максимычъ бросился изъ горницы. Оказалось, что и самоваръ на столѣ и плитка разведена. Въ ожиданьи лѣкаря, Никитична заранѣе все приготовила, и ветошекъ наръзала, и салфетки для нагрѣванья припасла, и ледъ, и горчичники; плитка ужъ двое сутокъ не гасла, самоваръ со стола не сходилъ.

Отобравъ нужныя снадобья, Андрей Богданычъ свѣсилъ ихъ и пошелъ на кухню лѣкарство варить.

— Да скажи же мнѣ Христа ради, Андрей Богданычъ, пожалѣй сердце отцовское, — приставалъ Патапъ Максимычъ.

— Что-жъ я скажу, Патапъ Максимычъ? — пожавъ плечами, отозвался лѣкаръ. — Все сдѣлаю, что нужно, а ручаться не могу.

— Помретъ! — вскрикнулъ Патапъ Максимычъ.

Ноги у него подкосились, и грузно опустился онъ на лавку. Холодный потъ выступилъ на померкшемъ лицѣ.

Прислуживавшая лѣкарю Никитична закрыла рукой глаза и прошептала молитву.

— Молитесь Богу, Патапъ Максимычъ, — сказалъ Андрей Богданычъ. — Въ его власти и чудеса творить...

— Господи! Господи!.. — закрывая лицо руками и снопомъ повалясь на лавку, завопилъ Патапъ Максимычъ. — Голубонька ты моя!.. Настенька!.. Настя!.. Свѣтикъ ты мой!.. Умильная ты моя!

— Да перестаньте же, не убивайте себя, — успокоивалъ его Андрей Богданычъ.

— Распороли бы вы, батюшка, грудь мою да посмотрѣли на отцовское сердце, — вскочивъ съ лавки, вскричалъ Патапъ Максимычъ. — Есть у васъ дѣтки-то?

— Есть, — отвѣчалъ лѣкарь, ставя на плиту кастрюлю съ лѣкарствомъ.

— А теряли ли вы ихъ?

— Нѣтъ, благодаря Бога, не терялъ... — отвѣчалъ Андрей Богданычъ.

— И не дай вамъ Господи до такого горя дожить, — сказала Патапъ Максимычъ. — Тутъ, батюшка, одинъ день десять лѣтъ жизни съѣсть... Нѣтъ горчѣй слезъ родительскихъ!.. Ахъ, Настенька... Настенька!.. Улетаешь ты отъ насъ, покидаешь вольный свѣтъ!..

И ровно хмельный, качаясь, вышелъ изъ кухни. Постоявъ нѣсколько въ раздумѣ передъ свѣтлицей, робкой рукой отворилъ дверь и взглянулъ на умирающую.

— Что сказалъ? — быстро вскинувъ на него глазами, шепнула Груня.

Патапъ Максимычъ махнулъ рукой и, чувствуя, что не въ силахъ долѣе сдерживать рыданій, спѣшно удалился. Шатаясь, какъ стѣнь, прошелъ онъ въ огородъ и тамъ въ дальнемъ уголкѣ ринулся на свѣжую, только-что поднявшуюся травку. Долго раздавались по огороду отчаянные его вопли, сердечные стоны и громкія рыданья.

Всталъ Патапъ Максимычъ, въ моленную пошелъ. Тамъ всѣ свѣчи были зажжены, канонница Евпраксія мѣрнымъ голосомъ читала канонъ за болящую.

— Евпраксеюшка, — молилъ Патапъ Максимычъ: — самому мнѣ немоготу писать, напиши, голубка, письмецо въ Городецъ къ Михаилу Петровичу Скорнякову, просить, молъ, Патапъ Максимычъ какъ можно скорѣе пона прислать, а нѣтъ наготовѣ пона, такъ старца какого... дочку, молъ, надо исправить *).

Въ заднемъ углу стонъ раздался. Оглянулся Патапъ Максимычъ — а тамъ съ лѣстовкой въ рукахъ стоитъ на молитвѣ Микешка Волкъ. Слезы ручьями текутъ по багровому лицу его. Съ того дня, какъ заболѣла Настя, пересталъ онъ пить и, забившись въ уголокъ моленной, почти не выходилъ изъ нея.

— Что ты, Никифоръ? — грустно спросилъ его Патапъ Максимычъ.

— Помираетъ!.. — всхлипывая, молвилъ Никифоръ и горько, по-дѣтски заплакалъ...

*) Исповѣдать.

Патапъ Максимычъ не отвѣчалъ ему.

Лѣкарства не помогли. Попржежнему Настя въ забытьѣ лежить. Дыханье становилось слабѣй и слабѣй. Андрей Богданычъ сталъ задумываться.

Только пять дней прошло съ прїѣзда лѣкаря, а Патапа Максимыча узнать нельзя; лицо осунулось, опухшіе глаза впади, полусѣдая борода совсѣмъ побѣлѣла.

На шестой день Андрей Богданычъ сказалъ ему:

— Силы упали, лѣкарства не дѣйствуютъ.

— Не дѣйствуютъ? — дрожащимъ голосомъ молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Последнее средство употреблю, мускуса дамъ... — продолжалъ Андрей Богданычъ.

— Мускуса? — безсознательно повторилъ за нимъ Патапъ Максимычъ, не понимая слова.

— Да, — подтвердилъ Андрей Богданычъ. — Отъ мускуса на короткое время возвратятся ей силы; тогда дамъ ей рѣшительное средство... Поможетъ — хорошо, не поможетъ — Божья воля.

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному, — прошепталъ Патапъ Максимычъ.

Стояло ясное, теплое весеннее утро. Солнце весело горѣло въ небесной выси, въ воздухѣ царилъ тишина невозмутимая: листочекъ на деревцѣ не шелохнется... Тихо въ Настиной свѣтлицѣ, тихо во всемъ домѣ, тихо и кругомъ его... Только и слышны щебетанье птичекъ, прыгавшихъ по кустикамъ огорода, да лившаяся съ поднебѣся вольная пѣсня жаворонка.

Легкій, чуть замѣтный румянецъ показался на блѣдныхъ ланитахъ Насти. Глубже и свободнѣй стала она вздыхать, исхудавшая грудь начала подыматься. Гуще и гуще разыгрывался румянецъ... И вотъ больная открыла глаза, сухіе, какъ стекло блестящіе.

Оглянувъ стоящихъ, улыбнулась Настя ясной улыбкой и голосомъ тихимъ, какъ жужжанье пчелки, сказала:

— Приподнимите меня.

Груня съ Никитичной приподняли подушки, больная осталась въ полусидячемъ положеніи.

Отецъ съ матерью бросились къ ожившей дочери, но Андрей Богданычъ остановилъ ихъ.

— Не тревожьте, — сказалъ онъ. — Вотъ лѣкарство... Дайте скорѣе съ Божьей помощью.

Груня дала лѣкарство. Принявъ его, Настя весело взглянула на нее и молвила:

— Ахъ, Груня!.. И ты здѣсь... Крѣстенька!.. И ты... Ну вотъ и хорошо, вотъ и прекрасно, что всѣ собрались... Благодарствуйте, милыя... Тятенька, голубчикъ, что ты такой?.. Мамынька!.. Родная ты моя!..

— Ясынька ты моя, голубушка! — обливаясь слезами, сказала Аксиныя Захаровна. — Что это случилось съ тобой?

— Ничего, мамынька, ничего, теперь мнѣ легко... У меня теперь ничего не болитъ... Ничего...

И свѣтлая какъ ясный день улыбка ни на мигъ не сходила съ устъ ея, и съ каждымъ словомъ живѣй и живѣй разгорались глаза ея.

Вдругъ слетѣла улыбка, и глаза стыдливо опустились. Слабо подняла она исхудавшую руку и провела ею по лбу, будто что вспоминая.

— Мамынька, — тихо сказала она: — наклонись ко мнѣ.

Аксиныя Захаровна наклонилась.

— Прости ты меня Господа ради, — жалобно прошептала Настя. — Не жилища я на бѣломъ свѣтѣ, прости меня, родная.

— Что помнить, что помнить? — всхлипывая, тихо молвила Аксиныя Захаровна.

— Тятѣ сказывала? — шепнула Настя.

— Охъ, сказала, дитятко; сказала, родная ты моя, — еще тише промолвила Аксиныя Захаровна.

— Кто еще знаетъ? — спросила Настя.

— Кому знать? Никто больше не знаетъ, — сказала Аксиныя Захаровна.

— Скажи, чтобъ не погнѣвались, выпли бы всѣ, а ты останься съ тятенькой!.. — младенческимъ какимъ-то голоскомъ пролепетала Настя и закрыла усталые глаза.

Когда вышли всѣ, зорко взглянула она на отца, и слеза сверкнула на рѣсницахъ ея.

— Прости меня, тятя... Согрubiла я передъ тобой...

— Не поминай, Настенька, не поминай, Господь простить... — заливаясь слезами и наклоняясь къ дочери, проговорилъ Патапъ Максимычъ.

— Горько тебѣ... Обиду какую я сдѣлала!.. — жалобно продолжала Настя.

— Полно, забудь... — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Выздоровливай только... Къ чему поминать?..

— Поцѣлуй же меня, тятя, поцѣлуй, какъ, бывало, маленькую цѣловаль.

— Охъ, ты, милая моя, ненаглядное мое сокровище, — едва могъ проговорить Патапъ Максимычъ и, прижавъ губами къ Настѣ, навзрыдъ зарыдалъ.

— Перестань, тятя, не плачь, голубчикъ, — съ свѣтлой улыбкой говорила Настя. — Исполни мою просьбу... послѣднюю...

— Говори, родная, что ни вымолвишь, все будетъ по-твоему... — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Прости его...

Сверкнулъ глазами Патапъ Максимычъ. Ни слова въ отвѣтъ.

— Не можешь? По крайности зла не дѣлай... Господь съ нимъ!..

Молчить Патапъ Максимычъ.

— Тятя, — грустно заговорила Настя: — завтра, какъ будешь стоять у моего гробика да взглянешь на меня — не жаль тебѣ будетъ, что не утѣшилъ ты меня въ послѣдній часъ?.. А?

И она тихо заплакала.

— Добрая ты моя!.. Голубица ты моя!.. — сказалъ до глубины души тронутый Патапъ Максимычъ. — Не сдѣлаю зла... Зачѣмъ?.. Господь съ нимъ!..

— Ну, вотъ и хорошо... вотъ и прекрасно, — улыбнулась Настя. — Гдѣ онъ?

— Не воротился, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ну и слава Богу... — съ горькой улыбкой прошептала Настя. — Господь съ нимъ!.. Теперь, тятя, благослови ты меня на смерть великимъ своимъ родительскимъ благословеніемъ... благослови и ты, мамынька!

— Да полно, Настя, тебѣ вѣдь лучше... Богъ милостивъ... Онъ подниметъ тебя, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Нѣтъ, тятя, не надѣйся... не вставать мнѣ, — отвѣтила Настя. — Смерть ужъ въ головахъ. Благословите-жъ меня поскорѣе да другихъ позовите... Со всѣми проститься хочу...

Положивъ уставной семипоклонный началь, Аксинья Захаровна благоговѣнно подняла изъ божницы икону Богородицы и подала ее мужу. Тотъ благословилъ Настю, потому Аксинья Захаровна... Затѣмъ всѣ вошли въ свѣтлицу.

— Прости, Параша... прощай, сестрица милая... — обращаясь то къ одному, то къ другому, говорила Настя тихимъ пѣвучимъ голосомъ: — не забывай меня... Поѣдешь къ тетенькѣ, поклонись ей, и Фленушкѣ отдай поклонъ, и всѣмъ, всѣмъ... Походи вездѣ, гдѣ мы съ тобой, бывало, гуляли, цвѣточки гдѣ рвали, вѣночки плели... Марьюшкѣ голубой сарафанъ, новый шелковый — пусть поминаетъ меня... Груня, ты моя милая сестрица богоданная... прости, голубушка... помолись за меня за грѣшную, твоя молитва чиста... до Бога доходна... Молись же, не забудь меня... Прости, благослови меня

на смерть, крестненька, великимъ своимъ благословеніемъ... Евираксеюшка... Матрепушка, простите...

И всѣхъ, всѣхъ одарила Настя послѣднимъ привѣтомъ... Свѣтлая, небесная улыбка такъ и сіяла на устахъ умиравшей... Всѣ работники пришли, всѣ работницы — всякому ласковое слово сказала, каждому что-нибудь отказала на память...

Вдругъ кто-то сильными размахами растолкалъ работный людъ, ринулся къ кровати и съ громкимъ рыданьемъ упалъ передъ нею.

— Прости, моя радость!.. Прости, святая душа!..

Онъ поднялся, всплеснулъ руками и до крови разбился головой о край кровати.

— Дядя, не пей, голубчикъ, — тихо молвила ему Настя.

— Не буду, лебедушка, не буду, — рыдалъ Никифоръ. — Покарай меня Господи, коль забуду зарокъ, что даю тебѣ... Молись обо мнѣ окаянномъ, святая душенька!.. Ахъ, Настенька, Настенька!.. Не знаешь, каково я любилъ тебя... А подойти близко боялся... Что-жъ?.. Пьянь завсегда, мерзко вѣдь тебѣ было взглянуть на меня... Только издали любовался тобой... Помолись за меня Царю Небесному, передъ Его престоломъ стоячи...

— Полно, дядя, полно... благослови меня, перекрести... — молвила Настя.

— Нѣтъ, святая дупа, ты меня благослови на хорошую жизнь... Съ твоимъ благословеньемъ не пропаду, опять чело-вѣкомъ стану, — сказалъ Никифоръ, становясь на колѣни передъ племянницей.

Она перекрестила дядю.

— Тятенька, миленькій, простимся еще разокъ... — сказала упадавшимъ голосомъ Настя.

Стоявшій въ углу Андрей Богданычъ шепнулъ Никитичнѣ, чтобъ лишній народъ вышелъ вонъ... Пока выходили, отецъ съ матерью вдругорядъ благословили Настю.

Сталъ сбѣгать румянецъ съ лица Настина, вѣки смежались, дыханье становилось слабѣе и рѣже...

— Тихе... Кончается, — шепнулъ Андрей Богданычъ Никитичнѣ, а самъ потихоньку вышелъ изъ свѣтлицы.

Зажгла Никитична свѣчи передъ иконами и вышла вмѣстѣ съ канонницей... Всѣ переглянулись, догадались... Аксинья Захаровна сѣла у изголовья дочери и, прижавшись къ Грунѣ, тихо плакала. Паталъ Максимычъ, скрестивъ руки, глазъ не сводилъ съ лица дочери.

Вошла Никитична. Въ одной рукѣ несла стаканъ съ водой, въ другой кацею съ жаромъ и ладаномъ. Стаканъ по-

ставила на раскрытое окно, было бы въ чемъ ополоснуться душѣ, какъ полетитъ она на небо... Кащею трижды покалила Никитична подсолонь передъ иконами, потомъ надъ головою Насти. Вошла съ книгой канонница Евпраксея и, ставъ у иконъ, вполголоса стала читать «канонъ на исходъ души».

Тише и рѣже вздыхала Настя... Скоро совѣмъ стихать начала.

Въ это время откуда ни возьмись малиновка — нѣжно, уныло завела она свою пѣсенку, звучнѣй и громчѣй полилась съ поднебѣсья вольная пѣсня жаворонка... Повѣялъ тихій вѣтерокъ и слегка шелохнулъ приподнятыя оконныя занавѣси.

— Молитесь, — оглянувъ всѣхъ, шепнула Никитична: — ангелы за душой прилетѣли.

Всѣ въ глубокомъ молчаньи набожно стали креститься.

Никитична зажгла восковую свѣчу и, вложивъ въ руку умиравшей, шепнула Парашѣ, чтобъ она поддержала ее.

Глубже вздохнула Настя... Еще разъ потише... Еще... и дыханье совѣмъ прекратилось.

Никитична дернула за рукавъ канонницу. Та перестала читать.

Минуть пять продолжалось глубокое молчанье... Только и слышно было заунывное пѣніе на землѣ малиновки да веселая пѣсня жаворонка, налившаго въ поднебѣсье.

Наклонилась Никитична щечкой къ хладѣвшимъ губамъ Насти и, обратясь къ Аксиньѣ Захаровнѣ, молвила:

— Отошла.

Поднялась со стула Аксинья Захаровна. Закрыла глаза дочери и, перекрестивъ ее, тихо промолвила:

— Прощай, доченька милая, меня дождишься!..

И поднялись по всему дому крики и вопли... Плачъ заглушилъ и унылую малиновку и поднебесную пѣсню жаворонка...

Насилу выпроводила всѣхъ изъ свѣтлицы Никитична. Оставшись съ канонницей Евпраксеей да съ Матренушкой, стала она готовить Настю «подъ святые», обмывать, чесать и опрятьвать *) новопреставленную рабу Божию дѣвицу Анастасію.

Никитична на всѣ руки была мастерица, на всякія дѣла дошлая источникъ. Похоронной обрядней тоже умѣла распорядиться, Евпраксея съ Матренушкой были ей на подмогу.

Только-что обмыли покойницу, взяла Никитична у Аксиньи

*) Одѣвать.

Захаровны ключи отъ сундуковъ и вынула, что пужно было для погребенья. Дала дѣвицамъ кусокъ тонкаго батиста на шитье савана, а первые три стежка заставила сдѣлать самой Акинью Захаровну. Подъ вѣнецъ ли дѣвицу сряжать, во гробъ ли класть ее — всякое шитье мать должна зачинать — такъ повелось на Руси...

Достала Никитична новаго полотна обернуть ноги покойницѣ, новое недержанное полотенце дать ей въ руки, было бы чѣмъ отереть съ лица потъ въ день страшнаго суда Христова. Обмыли, причесали Настю. Чистую сорочку на нее надѣли, въ саванъ окутали, спеленали новымъ разрѣзнымъ полотномъ и положили въ моленной на столѣ... А на томъ столѣ загодя наложили соломы и покрыли ее чистой простыней. Парчи наготовѣ не явилось, зато нашелся кусокъ голубого вепицейскаго бархата; готовили его въ приданое Настѣ. На тотъ бархатъ изъ золотого позумента нашли большой осьмиконечный крестъ съ копьемъ, съ тростію и съ подножіемъ и покрыли имъ тѣло покойницы. Канонница Евпраксеюшка достала изъ книжнаго шкапа моленной бумажный вѣнецъ старой московской печати съ надписаніемъ молитвы «Святый Боже», Акинья Захаровна положила тотъ вѣнецъ на охладѣвшее чело дочери. Зажгли свѣчи передъ всѣми иконами, поставили подсвѣчники съ ослѣплыми свѣчами вкругъ тѣла, и канонница Евпраксея, окадивъ образа и покойницу, начала псалтырь читать.

Никитична сама и мѣрку для гроба сняла, сама и постель Настину въ курятникъ вынесла, чтобъ тамъ се по три ночи пѣтухи опѣли... Управившись съ этимъ, она снаружи того окна, въ которое вылетѣла душа покойницы, привѣсила чистое полотенце, а стаканъ съ водой съ мѣста не тронула. Въды души покойниковъ шесть недѣль витають на землѣ и до самыхъ похоронъ прилетаютъ на то мѣсто, гдѣ разлучились съ тѣломъ. И всякій разъ душа тутъ умывается, утирается.

И тѣмъ Никитична распорядилась, чтобъ на похоронахъ какъ можно больше дѣвиць было. Молодость молодостью что подъ вѣнецъ, что въ могилу провожается. Для того разослали работниковъ по окольнымъ деревнямъ ближнимъ и дальнимъ звать-позывать всѣхъ дѣвиць проводить до вѣковѣчнаго жилья Настасью Патаповну... И скитамъ инымъ повѣстили... Ждали гостей изъ Городца и даже изъ города — повсюду разосланы были посыльные. А дѣвицамъ всѣмъ дары были заготовлены, которымъ по платку, которымъ по переднику, которымъ по лентѣ въ косу. За Волгой ведется обычай на дѣвичьихъ похоронахъ, какъ на свадьбѣ, дары раздавать.

Не забыла Никитична послать за плакушами *). Не пришлось отпраздновать Настину свадьбу, надо справить ее погребение на славу, людямъ бы на долгое время памятно было оно... Нарядила Никитична подводу версть за сорокъ, въ село Стародумово, звать - позывать знаменитую «плачею» Устинью Клециху, что по всему Заволжью славилась плачами, причитаньями и свадебными пѣснями... Золото эта Клециха была. Свадбу играютъ, заведетъ пѣсню — сѣдые старики въ присядку пойдутъ, на похоронахъ «плачь заведетъ» — каменный зарыдаетъ... Кромѣ Устины еще шесть «вопленницъ» позвала Никитична, чтобъ вся похоронная обрядня справлена была чинно и стройно, какъ отцами, дѣдами заповѣдано.

А межъ тѣмъ на улицѣ передъ домомъ Патапа Максимыча семеро домохозяевъ сосновыя доски тесали, «домовину» изъ нихъ сколачивали **). Изготовивъ, внесли его въ сѣни и обили алымъ бархатомъ съ позументомъ, а стружки и обрубки бережно собрали и отдали Никитичнѣ... Она сама снесла ихъ за околицу и тамъ съ молитвой пустила по живой водѣ — въ рѣчку кинула. Обороны Господи, если малый какой остатокъ гроба въ огонь угодитъ — жарко на томъ свѣтѣ покойнику будетъ... Въ гробъ дѣвушки, какъ подъ брачное ложе, ржаныхъ сноповъ настлали и потомъ все нутро новымъ бѣлымъ полотномъ обили.

Хороша лежала въ гробу Настенька... Строгое, думчивое лицо какъ кипень бѣло, умильная улыбка недвижно лежитъ на поблеклыхъ устахъ, кажется, вотъ-вотъ откроетъ она глаза и осіаетъ всѣхъ радостнымъ взоромъ... Во гробъ пахучей черемухи наклали... Приѣхала Марья Гавриловна, рѣдкихъ цвѣтовъ съ собой привезла, обложила ими головку усопшей красавицы.

Фленушку Марья Гавриловна съ собой привезла. Какъ увидѣла она Настю во гробѣ, такъ и ринулась на полъ безъ памяти... Хоть и не знала, отчего приключилась ей смертная болѣзнь, но чуяла, что на душѣ ея грѣхъ лежитъ.

Приѣхала и Марья головщица со всѣмъ правымъ клиросомъ, мать Вириная, мать Таифа... Еще собралось нѣсколько матерей... Сама Манеѳа порывалась ѣхать, хотѣлось ей про-

*) Плакуши, плачен, вопленницы — женщины, которыя по найму причитаютъ и поютъ древніе «плачи» на похоронахъ, на поминкахъ и на свадьбахъ.

***) Дѣлаютъ гробъ непременно на улицѣ, обыкновенно родственники умершаго и непременно въ нечетномъ числѣ. За неимѣніемъ родныхъ, дѣлаютъ гробъ домохозяева той деревни, гдѣ умеръ покойникъ.

водитъ на вѣковѣчное жильѣ любимую племянницу, да силъ у нея не достало.

Сотня свѣчей горитъ въ паникадилѣ и на подсвѣчникахъ въ моленной Чалурина. Клубами носится голубой кадильный дымъ роснаго ладана; тихо, уныло поютъ пѣвицы плачевныя пѣсни погребальнаго канона. Въ головахъ гроба въ длинной соборной мантии, съ лицомъ, покрытымъ чернымъ креномъ наметки, стоитъ мать Таифа — она службу править... Кругомъ родныя и стороннія женщины, всѣ въ черныхъ сарафанахъ, съ платками бѣлаго полотна на головахъ... Патапъ Максимычъ у самаго гроба стоитъ, глазъ не сводитъ съ покойницы и только порой покачиваетъ головою... Покамѣстъ жива была Настя, терзался онъ, рыдалъ, какъ дитя, заливался слезами, теперь никто не слышитъ его голоса — окаменѣлъ.

Донѣли канонъ. Дрогнувъ голосъ Марьюшки, какъ завела она запѣвъ прощальной пѣсни: *приидите послѣднее дадимъ упованіе*... Первымъ прощаться подошелъ Патапъ Максимычъ. Истоиво сотворилъ онъ три поклона передъ иконами, тихо подошелъ ко гробу, трижды перекрестилъ покойницу, прижалъ устами къ холодному челу ея, отступилъ и поклонился дочери въ землю... Но какъ всталъ да взглянулъ на мертвое лицо ея, затрясся весь и въ порывѣ отчаянья вскрикнулъ:

— Родная!..

И расшибся бы на мѣстѣ, если-бъ сильныя руки стоявшаго сзади Колышкина не поддержали его.

Оглянулея Патапъ Максимычъ.

— Сергѣй Андреичъ?.. Какими судьбами? — слабымъ голосомъ спросилъ онъ прискакавшаго въ Осиповку ужъ во время отиѣванья Колышкина.

— Узналъ, крестный, про горе твое, — молвилъ онъ. — Какъ же не пріѣхать-то?

Горячо обнявъ его Патапъ Максимычъ, сдерживая рыданья.

— Плачь а ты, крестный, плачь, не крѣпись, слезъ не жалѣй — легче на сердцѣ будетъ, — говорилъ ему Колышкинъ... А у самого глаза тоже полнехоньки слезъ.

Послѣ прощанья Акемью Захаровну безъ чувствъ на рукахъ изъ моленной вынесли.

Кончились простины. Изъ дома вынесли гробъ на холстахъ и, поставивъ на черныи «одѣръ» *), понесли на плечахъ. До кладбища было версты двѣ, несли перемѣняясь, но Никифоръ

*) Посилки, на которыхъ носятъ покойниковъ. За Волгой, особенно между старообрядцами, носить покойниковъ до кладбища на холстахъ или же возить на лошадахъ почитается грѣхомъ.

какъ сталъ къ племянницѣ подѣ правое плечо, такъ и шелъ до могилы, никому не уступая мѣста.

Только-что вынесли гробъ за околицу, вдали запылилась дорога и показалась пара добрыхъ саврасокъ, заложенныхъ въ легкую телѣжку. Возвращался съ Ветлуги Алексѣй.

Своротилъ онъ съ дороги, соскочилъ на землю... Видитъ гробъ, крытый голубымъ бархатомъ, видитъ много людей, и люди все знакомые. Въ смущеннн скинулъ онъ шапку.

Приближался шедшій впереди подростокъ лѣтъ четырнадцати, въ черномъ суконномъ кафтанчикѣ, съ двумя полотенцами, перевязанными крестомъ черезъ оба плеча. Въ рукахъ на большой батистовой пеленѣ несъ онъ благословенную икону въ золотой ризѣ, ярко горѣвшей подѣ лучами полуденнаго солнца.

— Кого это хоронять? — спросилъ у него Алексѣй.

— Настасью Патаповну, — вполголоса отвѣтилъ мальчикъ.

Такъ и остолбенѣлъ Алексѣй... Даже лба перекрестить не догадался.

Какъ въ сонномъ видѣннн проносятся передѣ нимъ смутные образы знакомыхъ и незнакомыхъ людей. Вотъ двое высокорослыхъ молодцовъ несутъ на головахъ гробовую крышу. Смотрить на нее Алексѣй... Алый бархатъ... алый... И вспоминается ему точно такой же алый шелковый платокъ на Настинной головкѣ, когда она, пынная, цвѣтущая красой и молодостью, рѣзво и весело вбѣжала къ отцу въ подклѣтъ и, впервые увидѣвъ Алексѣя, потунила звѣздистыя очи... Аленькій гробокъ, аленькій гробокъ!.. Въ такомъ же аломъ тафтяномъ сарафанѣ съ пынными бѣлоснѣжными рукавами одѣта была Настя, когда онъ по приказу Патапа Максимача впервые пришелъ къ ней въ свѣтлицу... когда, улыбаясь сквозь слезы, она страстно взглянула ему въ очи и въ порывѣ любви кинулась на грудь его... Вотъ «пѣвчая стая» Малеенныхъ крылошанокъ, впереди знакомая головница Марьюшка. Она знаетъ, что покойница любила его, Фленушка ему о томъ сказывала. Тихо пѣвицы поютъ: *Христось воскресъ изъ мертвыхъ, смертню на смерть наступи...* Тутъ только вспомнилъ Алексѣй, что слѣдуетъ перекреститься... А вотъ четверо несутъ «одѣръ» на плечахъ... Въ головахъ твердой поступью идетъ Никифоръ... Показалось Алексѣю, что онъ злобно взглянулъ на него... Отъ мѣрныхъ шаговъ носильщиковъ гробъ слегка покачивается, и колышется на немъ голубой бархатный покровъ... Силъ не стало у Алексѣя, потупилъ глаза и низко преклонился передѣ покойницей...

Вотъ ведутъ подѣ руки убитую горемъ Аксинью Захаровну...

Вотъ неровными шагами, склонивъ голову, идетъ Патапъ Максимычъ... какъ похудѣлъ онъ, сердечный, какъ посѣдѣлъ!.. Вотъ Параша, Фленушка... Увидя Алексѣя, она закрыла глаза передникомъ, громко зарыдала и пошатнулась... Кто-то подхватилъ ее подъ руки... Звѣзды небесныя!.. Да, это она — Марья Гавриловна!.. Вотъ взглянула молодая вдова на Алексѣя, сама зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, и стыдливо опустила искрометныя очи... Свѣта не взвидѣлъ Алексѣй, и въ глазахъ и въ умѣ помутилось... Видитъ пеструю толпу — мужчины, женщины, дѣти, много, много народу... Слышитъ голосистыя, за душу тянущія причитанья вопленницъ:

Не утай, скажи, касатка моя, ластушка,
Ты чего, моя касатушка, спужалася?
Отчего ты въ могилушку сряжалася?
Знать, того ты спужалася, моя ластушка,
Что нонѣ годочки пошли все слезовые,
Молодые людюшки пошли все обманные,
Холосты ребята пошли нонѣ безсовѣтные.

Какъ ножомъ по сердцу полоснуло Алексѣя отъ этихъ словъ старорусскаго «жалнаго плача»... Заговорила въ немъ совѣсть, ноги подкосились, и какъ осиновый листъ онъ затрясся... Мельтешить передъ нимъ длинный поѣздъ кибитокъ, таратаекъ, крестьянскихъ телѣгъ; шагомъ ѣдутъ онѣ за покойницей.

Жалко ему стало ту, за которую такъ недавно съ радостью сложилъ бы голову... Мутится въ умѣ, двоится мысли!.. То покойница вспоминается, то Марья Гавриловна на память идетъ.

Опомнился Алексѣй. Вскочивъ въ телѣжку, во весь опоръ помчался за похороннымъ поѣздомъ и, догнавъ, поѣхалъ сзади всѣхъ... Влекло впередъ, хотѣлось взглянуть на Марью Гавриловну, но гробъ не допускалъ.

— Ефремъ, — окликнулъ онъ красильщика, ѣхавшаго въ задней телѣгѣ.

— Чего? — откликнулся тотъ.

— Отъ чего померла?

— Знамо, отъ смерти, — ухмыльнувшись, отвѣтилъ Ефремъ.

— Дѣломъ говори... — строго прикрикнулъ Алексѣй.

— Хворала, болѣла, пу и померла, — встряхнувъ головой, молвилъ Ефремъ.

— Долго-ль хворала? — спросилъ Алексѣй.

— Недѣли съ полторы, не то и болѣ, — отвѣчалъ красильщикъ. — Лѣкаря изъ городу привозили, вечеръ только ѣхалъ... Лѣчилъ тоже, да, видно, на роду ей писано помереть... Тутъ ужъ, братъ, ничего не подѣлаешь.

— А что за болѣзнь была? — перебилъ Ефрема Алексѣй.

— А кто ее знать, дѣло хозяйское, — почесавъ въ затылкѣ, молвилъ красильщикъ. — Безъ памяти, слышь, лежала, безъ языка.

— Безъ языка? — быстро спросилъ Алексѣй.

— Ни словечка, слышь, не вымолвила съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ съ нею попритчилось.

— А что-жь съ ней такое попритчилось? — продолжалъ свои разспросы Алексѣй.

— Кто ихъ знать... Дѣло хозяйское!.. Мы до того не доходимъ, — сказалъ Ефремъ, но тотчасъ же добавилъ: — болтають на деревнѣ, что собралась она въ Комаровъ ѣхать, уложились, коней запрягать велѣли, а она, сердечная, хватъ о полъ, ровно громомъ ее сразило.

«Коли такъ, все какъ осенній слѣдъ запало», — подумалъ Алексѣй.

Сталъ Ефремъ рассказывать, что у Патапа Максимыча гостей на похороны наѣхало видимо-невидимо; что угощенье будетъ богатое; что «строить» столы во всю улицу; что каждому будетъ по три подноса вина, а пива и браги пей, сколько въ душу влѣзеть; что на поминки наварено, настряпано, чего и прѣсть нельзя; что во всѣхъ восемнадцати избахъ деревни Осиповки бабы блины пекутъ, чтобъ на всѣхъ поминальщиковъ стало горяченькихъ.

Мимо ушей пропускалъ Алексѣй рассказы несмолкаваго Ефрема... Много въ тѣ минуты думъ у него было передуманно.

Погребальные «плачи» вѣютъ стариной отдаленной. То древняя обрядня, останки старорусской тризны, при совершеніи которой близкіе къ покойнику, особенно женщины, плакали «плачемъ великимъ». Повсюду на Руси сохранились эти пѣсни, вылившіяся изъ пораженной тяжкимъ горемъ души. По наслуху переходили онѣ въ теченіе вѣковъ изъ одного поколѣнья въ другое, несмотря на запрещенія церковныхъ пастырей творить языческіе плачи надъ христіанскими тѣлами...

Нигдѣ такъ не сберегались эти отголоски старины, какъ въ лѣсахъ Заволжья и вообще на Сѣверѣ, гдѣ, по недостатку церкви, народъ меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, иодвергся вліянію духовенства. Плачен и вопленицы — эти истолковательницы чужой печали — прямыя преемницы тѣхъ вѣщихъ женъ, что «великими плачами» справляли тризны надъ нашими предками. Погребальные обряды свершаются ими чинно и стройно, по уставу, изустно передаваемому изъ рода

въ родъ. На богатыхъ похоронахъ вопленицы справляютъ плачи въ видѣ драмы: главная «заводитъ плачь», другія, составляя хоръ, отвѣчаютъ ей... Особые бываютъ плачи при выносѣ покойника изъ дому, особые во время переноса его на кладбище, особые на только-что зарытой могилѣ, особые за похороннымъ столомъ, особые при раздачѣ даровъ, если помереть молодая дѣвушка. Одни плачи поются отъ лица мужа или жены, другіе отъ лица матери или отца, брата или сестры, и обращаются то къ покойнику, то къ роднымъ его, то къ знакомымъ и сосѣдямъ... И на все свой порядокъ, на все свой уставъ... Такимъ образомъ одновременно справляются двое похоронъ: однѣ церковныя, другія древнія старорусскія, вѣющія той стариной, когда предки наши еще поклонялись Облаку ходячему, потомъ Солнцу высокому, потомъ Грому Гремучему и Матери Сырой Землѣ *).

Вотъ за гробомъ Пасти, вслѣдъ за родными, идутъ съ поникшими головами семь женщинъ. Всѣ въ синихъ краше-ныхъ сарафанахъ съ черными рукавами и бѣлыми платками на головахъ... Впереди выступаетъ главная «плачяя» Устинья Клещикха. Хоронятъ дѣвушку, оттого въ рукахъ у ней зеленая вѣтка, обернутая въ красный платокъ.

Завела Устинья плачь отъ лица матери, вопленицы хоромъ повторяютъ каждый стихъ. Далекѣ по полю разносятся голосистыя причитанья, заглушая тихое пѣніе воскреснаго тропаря идущими впереди пѣвицами.

На полѣтъ летить бѣлая лебедушка,
 На быстромъ несется касатка — ластушка.
 Ты куда, куда летишь, лебедь бѣлая,
 Ты куда несешься, моя касатушка?
 Не утай, скажи, дитя мое родное...
 Ты въ какой же путь снарядилася,
 Во которую путь-дороженьку,
 Въ каки гости незнакомые,
 Незнакомые, нежеланные?
 Собралася ты, снарядилася
 На вѣчное житье безконечное.
 Какъ пчела въ меду у меня ты купалася,
 Какъ скатной жемчугъ на золотѣ блюдѣ разсыпалася.
 Ужь какъ зарились удамы добрыя молодцы
 На твою красоту ненаглядную,

*) Въ глубокой древности наши предки поклонялись ходячему небу или ходячему облаку — это *Сварогъ*. Потомъ стали поклоняться солнцу — это *Дажбогъ*, и наконецъ грому — это *Перунъ* или *Громъ Гремучій*. То же самое было и у древнихъ эллиновъ: сначала поклоненіе Урану (небо), потомъ Кроносу (время, которое показывается ходомъ солнца) и наконецъ Зевсу (грому). Что у эллиновъ Кливилла — то у насъ Мать Сыра Земля.

Говорили-жъ тебѣ совѣтны милы подруженъки:
„Ужъ счастлива-жъ ты, дѣвица таланная,
„Цвѣтнымъ платьемъ ты изнавѣшана;
„Тяжелой работой ты не огружена,
„Браннымъ словечушкомъ не огрублена“.
Не чаялась я, горюша, не надѣялась
Глядѣть на тебя во гробу да въ дубовоимъ.
Ужъ какъ встану я, бывало, по раннему по утрышку,
Потихонечку приду ко твоей ко кроватишкѣ,
Сотворю надъ тобой молитву Ісусову,
Принакрою тебя соболинымъ одѣяльчикомъ,
Я поглажу тебя по молодой по головушкѣ:
„Да ты спи же, усни, моя бѣла лебедушка,
„Во своемъ во прекрасномъ во дѣвичесствѣ,
„На мягкой на пуховой на перинушкѣ“
Не утай, скажи, дитятко мое удатное,
Чѣмъ, побѣдная горюша, тебя я прогнѣвала,
Кои́мъ словомъ тебѣ я согрubiла?
Что не солнышко за облачкомъ потерялося,
Не свѣтѣль мѣсяцъ за тучку закатался,
Не ясна звѣзда со небушка скатилася —
Отлетала моя доченька рѣдная
За горушки она да за высокія,
За тѣ ли за лѣса да за дремучіе,
За тѣ ли облака да за ходячія,
Ко красному солнышку на бѣздущку,
Ко свѣтлому мѣсяцу на супрядки,
Ко частымъ звѣздущкамъ въ хороводъ играть.

Приносили на погостъ дѣвушку, укрывали бѣлое лицо гробовой доской, опускали ее въ могилу глубокую, отдавали Матери Сырой Землѣ, засыпали рудо-желтымъ пескомъ.

Стоитъ у могилки Аксинья Захаровна, рѣдитъ слезы горькія по лицу блѣдному, не хочется разставаться ей съ новосельемъ милой доченьки... А отецъ стоитъ: скрестилъ руки, склонилъ голову, сизой тучей скорбь покрыла лицо его... Всѣ родные, подруги, знакомые стоятъ у могилы, слезами обливаются... И, только-что пѣвицы келейныя пропѣли «вѣчную память», Устинья надъ свѣжей могилкою новый плачъ завела, обращаясь къ покойницѣ:

Я клянѹ да свою буйнѹ головушку,
Я корю свое печально скорбно сердечушко!
Ахъ, завѣйте, завѣйте-тка, вѣтры буйные,
Вы развѣйте, развѣйте-тка желты пески,
Что на новой, на свѣжей на могилушкѣ.
Расколите, расколите гробову доску.
Разверните, разверните золоту парчу,
Разверните, разверните бѣлъ тонкой саванъ,
Размахни ты, моя голубонька, ручки бѣлыя,
Разомкни ты, моя ластушка, очи звѣздистыя,
Распечатай, моя лебедушка, уста сахарныя,
Посмотри на меня, на горюшу побѣдную,

Ты промолви-ка мнѣ хоть едино словечушко...
Я надѣялась на тебя крѣпкой надеждушкой:
Растила до хорошаго до возрасту,
Научала уму-разуму
И всякому рукодѣльцу.
Не судиль мнѣ Господь съ тобой пожить,
Покидала ты меня, горюшу, ранымъ-ранешенько,
Миновалася жизнь моя хорошая,
Наступило горько, слезовое времечко...

Одинъ по одному разошлись съ погоста. Выпрягли и потомъ вновь запрягли коней и поѣхали въ деревню. Безъ этого обряда нельзя съ кладбища ѣхать — не то другую смерть въ домъ привезешь.

Опустѣла Настина могилка, всѣ ее покинули, одинъ не покинулъ. До поздняго вечера, обливаясь слезами, пролежалъ на ней Никифоръ. Хоть Аксинья Захаровна и говорила, что остался онъ на кладбищѣ, чтобъ удалиться отъ искушенія, что предстало бы ему на поминальной трапезѣ; но неправду про брата сказала она. Хоть виду не подавалъ, хоть ни единымъ словомъ никогда никому не высказывалъ, но съ раняго дѣтства Насти горячо онъ любилъ ее преданной и беззавѣтной любовью. Нежданная смерть племянницы такъ поразила его, что онъ совсѣмъ переродился. Душа-то у него всегда была хороша, губила ее только чара зеленъ вина.

Дня потомъ не проходило, чтобъ Никифоръ по нѣскольку часовъ не просиживалъ на дорогѣй могилкѣ. На девятый день пришли на кладбище покойницу помянуть и, какъ водится, дерномъ могилу окласть, а она ужъ обложена и крестъ поставленъ на ней. Пришли на поминки въ двадцатый день, могилка вся въ цвѣтикахъ.

Проводивъ за околицу крестницу и предоставивъ дальнѣйшую погребальную обрядню Устинѣ Клещикѣ, Никитична воротилась въ домъ Патапа Максимыча и тамъ, съ помощью работницъ и позванныхъ деревенскихъ молодухъ, все привела въ порядокъ. Вымыли и мокрыми тряпичами подтерли полы во всѣхъ горницахъ и въ моленной. Тряпицы, вѣники, весь соръ, солому, на которой до положенія во гробъ лежала покойница, горшокъ, изъ котораго ее обмывали, гребень, которымъ расчесывали ей волосы, все собрала Никитична, съ молитвой вынесла за околицу и бросила тамъ на распутіи... Послѣ того, умывшись и переодѣвшись во все чистое, принялась она вмѣстѣ съ прислѣбницами «помины строить». Во всѣхъ горницахъ накрыли столы и разставили на нихъ кандувъ, кутью и другія поминальныя снѣди. Вдоль улицы, какъ во время осеннихъ и троицкихъ «гормовъ», длиннымъ рядомъ

выстроили столы и покрыли их столешниками *). На столахъ явились блюда съ кутьей и кануномъ, деревянные жбаны съ сыченой брагой и баклагы съ медовой сытой для поминальнаго овсянаго киселя.

Къ возврату съ погоста досужая Никитична успѣла все обрядить, какъ слѣдуетъ. Гости какъ на дворъ, такъ и за столъ... Устинья Клепиха, взойдя въ большую горницу, положила передъ святыми три поклопа, взяла съ «краснаго **) стола» блюдо съ кутьей, сначала поднесла отцу съ матерью, потомъ роднымъ и знакомымъ. На улицѣ за столами усѣлось больше двухсотъ человекъ мужчинъ, бабъ, дѣвокъ и подростковъ; тамъ вопленницы тѣмъ же порядкомъ вѣсмъ кутью разносили. Бли ее въ молчаніи, такъ стародавнимъ обычаемъ установлено.

Послѣ куты въ горницахъ родные и почетные гости чай пили, а на улицѣ всѣхъ обносили виномъ, а непьющихъ бабъ, дѣвокъ и подростковъ ренскимъ потчевали. Только-что сѣли за столъ, плачен стали подъ окнами дома... Устинья завела «поминальный плачь», обращаясь отъ лица матери къ покойницѣ съ зовомъ ея на погребальную тризну:

Родимая моя доченька,
Любимое мое дитяtko,
Настасья свѣтъ Патаповна,
Тебѣ добро принять пожаловать
Стаканъ вина да пьянаго,
Чарочку да зеленѧ вина
Отъ меня отъ горящи побѣдныя.
Съ моего ли пива пьянаго
Не болить буйна головушка,
Не шемить да ретиво сердце;
Веселѧ да напиватися
И легко да просыпатися.
Ты пожалуй, бѣла лебедушка,
Хлѣба-соли покушати;
Дубовы столы поразставлены,
Яства сахарны наношены.

На улицѣ подавали народу поминальныя яства въ изобиліи. Изо всѣхъ восемнадцати домовъ деревни вынесли гречневые блины съ масломъ и сметаной, а блины были мѣрные, добрые, въ каждый блинъ ломоть завернуть. За блинами угощали народъ пирогами-столовиками ***) , щами съ солониной, лапшой со свиной, пряженцами съ яйцами, а въ концѣ стола

*) Скатерть.

**) Главный столъ, приготовленный для почетныхъ гостей.

***) Круглый пирогъ изъ сочной, съ начинкой изъ молочныхъ блиштовъ и рѣны.

подавъ быть кисель съ сытой. Виномъ по-трижды обносили, пива и сыченой браги пили, сколько хотѣли, безъ угощенья. Послѣ киселя покойницу «тризной» помянули: выпили по доброду стакану смѣси изъ пива, меду и ставленной браги *). Въ хоромахъ за краснымъ столомъ кушанья были отборныя: тамъ и дорогія вина подавали, и мѣрныхъ стерлядей, и жирныхъ индюковъ, и разную дичину. Но блины, кисель и тризна, какъ принадлежности похоронной трапезы, и за краснымъ столомъ были ставлены.

Только-что отобѣдали, раздача даровъ началась. Сначала въ горницахъ замѣнявшая мѣсто сестры Параша раздала оставшіеся послѣ покойницы наряды Фленушкѣ, Марьюшкѣ, крылошанкамъ и нѣкоторымъ деревенскимъ дѣвицамъ. А затѣмъ вмѣстѣ съ отцомъ, матерью и почетными гостями вышла она на улицу. На десяти* большихъ подносахъ вынесли за Парашей дары. Устинья стала возлѣ нея, и одна безъ волепenniцъ пропѣла къ людямъ «причетъ»:

Вы ступайте, люди добрые,
Люди добрые, крещеные,
Принимайте дары великіе,
А великіе да почетные
Отъ Настаеи свѣтъ Патаповны:
Красны дѣвицы по шириночкѣ,
Молоды молодки по передничку,
Добры молодцы по опоясочкѣ.
Да не будьте вы крикливые,
Да не будьте вы ломливые,
А будьте вы милостивы,
Еще милостивы да жалостливы,
Жалостливы да приступливы.

Спервоначалу дѣвицы одна за другой подходили къ Парашѣ и получали изъ рукъ ея: кто платокъ, кто ситцу на рукава аль на передникъ. Послѣ дѣвицъ молодичицы подходили, потомъ холостые парни, ихъ дарили платками, кушаками, опоясками. Не остались безъ даровъ ни старики со старухами, ни подростки съ малыми ребятами. Всѣхъ одарила щедрая рука Патапа Максимыча: поминали-бъ дорогую его Настеньку, молились бы Богу за упокой души ея.

А во время раздачи даровъ Устинья съ волепenniцами пѣла:

Не была я, горюша, заботлива **),
Не была, побѣдна головунка, безпамятна,
Поспронать родное свое дѣтище,

*) Эту смѣсь, въ которую прибавляется также и виноградное вино, зовутъ «тризной», а также «сашей». Поповское или семинарское ея названіе — «пивомеріе».

***) То-есть забывчива.

Какъ раздать кому ея одеженьку.
Видъ сотдѣютъ въ сундукахъ платья цвѣтныя,
Потускнѣютъ въ скрынѣ камни самоцвѣтные,
Забусѣтъ въ ларцѣ скатной жемчугъ.
Говорила же мнѣ бѣла лебедушка,
Что Настасья свѣтъ Патаповна:
„Я кладу жемчужны поднизи
„И всѣ камни самоцвѣтныя
„Ко иконѣ Пречистой Богородицы
„Я своей душѣ кладу на спасенье
„И на вѣчное поминаніе.
„А всѣ алы, цвѣтны ленточки
„По душамъ раздамъ по краснымъ дѣвушкамъ:
„Поминали-бъ меня дѣвицу
„На веселыхъ своихъ на бесѣдушкахъ.
„Сарафаны свои мелкоскладные
„Я раздамъ молодымъ молодушкамъ,
„Поминали-бъ меня красну дѣвицу.
„А шелковые платочки атласные
„Раздарю удалымъ добрымъ молѣдцамъ,
„Пусть-ка носятъ ихъ по праздникамъ
„Вокругъ шен молодецкія,
„Поминаючи меня красну дѣвицу“.

А милостыню по нищей братіи раздавали шесть недѣль каждый Божій день. А въ Городецкую часовню и по всѣмъ обителямъ Кѣрженскимъ и Чернораменскимъ разосланы были великія подавнія на службы соборныя, на свѣчи негасимыя и на большіе кормы по трапезамъ... Хорошо, по всѣмъ порядкамъ устроилъ душу своей дочери Патапъ Максимычъ.

И ходила про то молва великая, и были говоры многіе по всему Заволяю и по всѣмъ лѣсамъ Кѣрженскимъ и Чернораменскимъ. Всѣ похваляли и возносили Патапа Максимыча за доброе его устроеніе. Хоть и тысячникъ, хоть и бархатникъ, а, дочку хороня, справилъ все по-старому, по-завѣтному, какъ отцами-дѣдами старорусскому люду заповѣдано.

На кладбищѣ, передъ тѣмъ какъ закрывать гробовую крышку, протѣснился къ могилѣ Алексѣи и сталъ среди окружившихъ Настю для отдачи послѣдняго поцѣлуя... Взглянулъ онъ на лицо покойницы... Свѣта не взвидѣлъ... Злая совѣсть стѣбитъ палача.

Опомнился, когда народъ съ кладбища пошелъ, послѣднимъ въ деревню пріѣхалъ, отдалъ кѣней работнику, ушелъ въ подкѣтъ и заперся въ боковушѣ... Доносились до него и говоръ поминальщиковъ и причитанья воиленницъ, но былъ онъ ровно въ чаду, сообразить ничего не могъ.

Ужъ подъ вечеръ, когда разошлись по домамъ поминальщики, вышелъ онъ изъ боковуши и увидалъ Пантелея. Скло-

пивъ голову на руки, сидѣлъ старикъ за столомъ, погруженный въ печальныя думы. Удивился онъ Алексѣю.

— Отколь взялся, Алексѣюшка? — спросилъ онъ.

— Приѣхалъ вотъ, — сумрачно отвѣтилъ Алексѣй.

— Когда?

— Утромъ давеча... Во время выносу... Навстрѣчу попалась, — сказалъ Алексѣй.

— Вотъ горе-то какое у насъ, Алексѣюшка, — молвилъ, покачавъ головой, Пантелей. — Нежданно - негаданно — вдругъ... Кажется, кому бы и жить, какъ не ей... Молодехонька была, царство ей небесное, изъ себя красавица, какихъ на свѣтѣ мало живетъ, всѣ-то ее любили, опять же во всякомъ довольствѣ жила, чего душа ни захочетъ, все передъ ней готово... Да, видно, человѣкъ гадаетъ по-своему, а Богъ рѣшаетъ по-своему...

— Какъ это случилось, Пантелей Прохорычъ? — спросилъ Алексѣй. — Давеча толку ни отъ кого добиться не могъ. Что за болѣзнь такая съ нею была, отъ чего?

— Богъ ее знаетъ, что за болѣзнь, — отвѣчалъ Пантелей. — На другой никакъ день, какъ ты на Ветлугу уѣхалъ, Патапъ Максимычъ сталъ въ Комаровъ съ дѣвицами сряжаться. Марья Гавриловна, купецкая вдова, коли слыхалъ, живетъ тамъ у матушки Манеены, она звала дѣвицъ-то погостить... Покойницѣ, мнится мнѣ, не по себѣ что-то было: то развеселая по горницамъ бѣгаетъ, пѣсни поетъ, суетится, ѣхать торопится, то ровно варомъ ее обдастъ, помутится вся изъ лица, сядетъ у окна грустная такая, печальная... Тамъ наверху въ большихъ сѣняхъ Аксинья Захаровна съ покойницей ихни пожитки въ чемоданы складывала, а Прасковья Патаповна съ Евпраксеюшкой въ свѣтлицѣ была... Вдругъ она, голубушка, ни съ того ни съ сего пала аки мертвая... По дому забѣгали, засуетились, на рукахъ отнесли ее на кровать... И десять денечковъ лежала она недвижимая, и не было отъ нея ни гласа ни послушанія... Передъ смертью только очнулась, и ужъ какъ же она, голубушка, прощалась со всѣми, — камень, кажись, и тотъ бы растаялъ. Всякому-то доброе слово промолвила, никого-то не забыла послѣднимъ своимъ подареннымъ... Всѣ приходили: и работники, и работницы, и съ деревни много людей приходило, со всѣми прощалась... Одинъ ты, Алексѣюшка, не угодилъ проститься... И только-что успѣла со всѣми попрощаться, ровно заснула голубушка... Тихо взлетѣла чистая ея душенька ко престолу Царя Небеснаго... Да, Алексѣюшка, видалъ я много разъ, какъ люди помирають, дожилъ, какъ видишь, до сѣдыхъ волосъ, а такой тихой, блаженной кончины не видывалъ... Ни на землѣ зла не оста-

вила ни за собой людского зла не унесла... Вот хоть бы сегодня взять... Сколько было на поминкахъ народу, а были ли хоть единъ человекъ, кто бы лихомъ ее помянулъ?.. Правду аль нѣтъ говорю?

— Да, — вымолвилъ Алексѣй, отирая платкомъ обильный потъ, выступившій на лицѣ его.

— При жизни, пожалуй, и у ней завистники бывали, — продолжалъ Пантелей. — Кто уму-разуму завидовалъ, кто богатству да почести, кто красотѣ ея неописанной... Самъ знаешь, какова приглядна была.

— Да, — прошепталъ Алексѣй.

— Смертью все смирилось, — продолжалъ Пантелей. — Миръ да покой и вѣчное поминаніе!.. Смерть все миритъ... Когда Господь повелитъ грѣшному тѣлу иди въ гробную тѣсноту, лежать въ холодкѣ, въ темномъ уголкѣ, подъ дерновымъ одѣяломъ, а вольную душеньку выпустить на Свой Божій просторъ — перестаютъ тогда всѣ счеты съ людьми, что живы остались... Смерть все кроетъ, Алексѣюшка, все...

— Все? — сказалъ Алексѣюшка, вскинувъ глазами на Пантелея.

— Все, — внушительно подтвердилъ Пантелей. — Только людскихъ грѣховъ передъ покойникомъ покрыть она не можетъ... Кто какое зло покойнику сдѣлалъ, тому до покаянья грѣхъ не прощенъ... Охъ, Алексѣюшка! Нѣтъ ничего лютѣй, какъ злобу къ людямъ имѣть... Каково будетъ на тотъ свѣтъ отъ нести ее!.. Тяжела ноша, ухъ, какъ тяжела!..

Угрюмо молчалъ Алексѣй, слушая рѣчи Пантелея... Конца бы не было разсужденьямъ старика, не войди въ подклѣтъ Никитична. Любилъ потолковать Пантелей про смерть и послѣдній судъ, про райскія утѣхи и адскія мѣки. А тутъ какой поводъ-отъ были!..

— Забѣгалась я, Пантелеюшка, искавши тебя, — сказала Никитична. — Ступай кверху, Патапъ Максимычъ зоветъ.

— Чтò онъ? — спросилъ Пантелей, вставая съ лавки.

— Легъ... Совсе сердечный примучился... Посылать никакъ хочеть тебя куда-то, — сказала Никитична. — Ты давно ли пріѣхалъ? — обратилась она къ Алексѣю.

— Давеча, во время похоронъ, — молвилъ Алексѣй.

— Вишь на какое горе пріѣхалъ!.. Не чаяли мы, не гадали такого горя... Да что-жь я давеча тебя не запримѣтила! — спросила Никитична.

— На кладбищѣ-то я былъ, — молвилъ Алексѣй.

— Не про кладбище рѣчь, — сказала Никитична: — за столами тебя не видала.

— Двѣ ночи не спалъ я, Дарья Никитична, притомился очень, — сказалъ Алексѣй. — Пріѣхавши отдохнуть прилежъ да грѣхомъ и заснулъ... Разбудить-то было некому.

— Какъ же это, парень?.. И покойницу не помянулъ и даровъ не принялъ, а еще въ домѣ живешь, — сказала Никитична. — Ноѣсть не хочешь ли?.. Иди въ стряпуную.

— Нѣтъ, Дарья Никитична, неохота, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Ну какъ знаешь, — молвила Никитична и потомъ спросила: — Патапа Максимыча видѣлъ?

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ Алексѣй. — Не до того, поди, ему теперь.

При этихъ словахъ вошелъ Пантелей и сказалъ Алексѣю, что Патапъ Максимычъ его требуетъ.

— Тебя-то куда посылаетъ? — спросила старика Никитична.

— Въ Городецъ да по скитамъ съ сорокоустами, — отвѣчалъ Пантелей.

И Пантелей и Никитична обошлись съ Алексѣемъ ласково, ничего не намекнули... Значить, про него во время Настинной болѣзни особыхъ рѣчей ведено не было... Но всему видно, что Настя тайну свою въ могилу снесла... Такими мыслями бодрилъ себя Алексѣй, идя на зовъ Патапа Максимыча. А сердце все-таки тревогой замирало.

Патапъ Максимычъ раздѣтый лежалъ на кровати, когда Алексѣй, тихонько отворивъ дверь, вошелъ въ его горницу. Лицо у Патапа Максимыча осунулось, наплаканные глаза были красны, вѣки припухли, сѣдины много прибыло въ бородѣ. Лежалъ истомленный, изнуренный, но брошенный на Алексѣя взоръ его гнѣвень былъ.

— Здорово, Алексѣй Трифонныч! — сдержанно проговорилъ онъ. — По добру-ль по здорову ли съѣздилъ?

Алексѣй поклонился. Надо бы сказать что-нибудь, да рѣчи на умъ не шли.

— Пантелей сказывалъ, что ты еще утромъ пріѣхалъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ, устремивъ пристальный взоръ на тяжело переводившаго духъ Алексѣя.

— Такъ точно, — едва слышно проговорилъ Алексѣй.

— Вотъ какіе нонѣ у насъ приказчики заведись, — усмѣхнулся Патапъ Максимычъ. — Пріѣдетъ съ дѣломъ, а хозяину и глазъ не кажетъ. Просить его надо, пословъ посылать...

— Такое время, Патапъ Максимычъ, — зачинаясь, отвѣтилъ смущенный Алексѣй. — До того ли вамъ было?.. Не посмѣлъ.

— Чего не посмѣлъ? — быстро спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не посмѣлъ беспокоить васъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Такъ ли, полно, парень? — сказала Патапъ Максимычъ. — А я такъ полагаю, что совѣстно тебѣ было на глаза мнѣ показаться... Видно, совѣсти-то малая толика осталась... Не до конца растерялъ.

Поблѣднѣлъ Алексѣй. Ни живъ ни мертвъ стоитъ передъ Патапомъ Максимычемъ.

— Что молчишь? Аль языкъ-отъ въ цѣпи заковало?.. Говори!..

— Не погубите... — простоналъ Алексѣй, кинувшись въ ноги передъ кроватью.

— Губить тебя?.. Не бойся... А знаешь ли, криводушный ты человекъ, почему тебѣ зла отъ меня не будетъ? — сказала Патапъ Максимычъ, сѣвъ на кровать. — Знаешь ли ты это?.. Она, моя голубушка, на исходѣ души за тебя просила... Да... Не снесла ея душенька позору... Увидала, что отъ людей его не сокроешь — въ могилу пошла... А кто виноватъ?.. Кто ее погубилъ?.. А она-то, голубушка, лежа на смертномъ одрѣ, Христомъ Богомъ молила — волосомъ не трогать тебя.

Заплакалъ Алексѣй, припавъ къ ногамъ Патапа Максимыча.

— И-ль тебя не жалѣлъ, я ли не возлюбилъ тебя, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — А ты за мое добро да мнѣ же въ ребро.

— Согрѣшилъ я передъ Богомъ и передъ вами, Патапъ Максимычъ, — простоналъ Алексѣй.

— А передъ ней-то, передъ голубушкой-то моей, нешто не грѣшенъ? — отирая слезы, сказалъ Патапъ Максимычъ. — А у меня, у стараго дурака, еще на мысляхъ было въ зятя тебя взять, выдать ее за тебя... А ты позоромъ накрылъ ее... Да что лежать-то?.. Встань.

— Глазъ не смѣю поднять, Патапъ Максимычъ, — простоналъ Алексѣй.

— Вставай, коли говорятъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. Алексѣй всталъ и отеръ слезы.

— Зла не жди, — сталъ говорить Патапъ Максимычъ. — Гнѣвъ держу — зла не помню... Гнѣвъ дѣло человеческое, злопамятство — дьявольское... Однако знай, что можешь ты меня и на зло навести... — прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанья. — Слушай... Про Настинъ грѣхъ знаемъ мы съ женой, больше никто. Если же, оборони Богъ, услышу я, что ты покойницей похваляешься, если кому-нибудь проговоришься — на днѣ морскомъ сыщу тебя... Тогда не жди отъ меня пощады... Попу станешь каяться — про грѣхъ скажи, а имени называть не смѣй... Слышишь?

— Слушаю, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ Алексѣй. — Умреть со мной.

— Смотри же, помни, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Не хочу, чтобы срамными рѣчами память ея порочили... Не потерплю ни единого гнилого слова объ ней... Пойдетъ молва — кровавыми слезами наплачешься... Помни мое слово!..

— Буду помнить, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ Алексѣй, понуривъ голову.

— Еще тебѣ сказъ, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Самъ понимать можешь, что тебѣ у меня не житье... Любилъ я тебя, души въ тебѣ не чаялъ, въ зятя прочилъ, а теперь отвратилась отъ тебя душа моя... Сейчасъ дать тебѣ расчетъ нельзя, толки пойдутъ... Нѣкое время побудь при дѣлахъ, а тѣмъ временемъ мѣста ищи... Чтò у меня забрано—прими на поминъ ея души... Когда отпускать стану тебя—не оставлю... До той поры моей хозяйкѣ глазъ не смѣй показывать!.. Не стерпитъ твоего виду душа ея... Скажу, что послалъ тебя за какимъ ни на есть дѣломъ, а ты ступай, куда знаешь.

— Можно войти? — спросилъ, отворяя дверь, Колышкинъ.

— Войди, Сергѣй Андреичъ... Отчего не войти? — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Можетъ, у тебя дѣла какія?—сказалъ Колышкинъ.

— Какія теперь дѣла!—со вздохомъ молвилъ Патапъ Максимычъ. — На умъ ничего нейдетъ... Это мой приказчикъ, посылалъ его кой-куда, сегодня воротился. Да и слушать не могу его теперь — послѣ.

— А по-моему теперь-то тебѣ про дѣла и поговорить, — замѣтилъ Сергѣй Андреичъ. — Это бы маленько разсѣяло печаль твою, и на сердцѣ полегчало бы.

— Эхъ, другъ ты мой, Сергѣй Андреичъ!.. Моего горя ничѣмъ не размыкаешь, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Развѣ говорю я, что разговорами размыкаешь его? Твое горе только годы размыкать могутъ, — молвилъ Колышкинъ.— А надо тебѣ мыслями перескочить на что на другое... Коли про дѣла говорить не можешь, разспроси парня, каково сѣздилъ, кого видѣлъ, про что говорилъ...

— Пожалуй!..—неохотно промолвилъ Патапъ Максимычъ.— Ахъ, да вѣдъ ты, Сергѣй Андреичъ, про это дѣло знаешь...

— Про какое? — спросилъ Колышкинъ.

— А помнишь, я у тебя постомъ-то былъ, про золото сказывалъ?

— Про мышинное-то?.. Помню... Чтò-жъ ты молодца-то за нимъ, что ли, посылалъ?.. — улыбувшись, спросилъ Колышкинъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ: — тутъ другое... Сказалъ ты мнѣ тогда, что Зубкова Максима Алексѣича за

фальшивы бумажки въ острогъ посадили, и что бумажки тѣ Красноярскаго скита послушникъ ему продавалъ.

— Помню, — молвилъ Колышкинъ. — Теперь по этому дѣлу пропасть народу навезли—дѣлу фабрику, говорятъ, нашли.

— Ну, такъ видишь ли?.. Игумень-отъ красноярскій, отецъ Михаилъ, мнѣ пріятель, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Человѣкъ добрый, хорошій, да старъ сталъ—добротой да простотой его мошенники, надо полагать, пользуются. Онъ, сердечный, ничего не знаетъ—молится себѣ да хозяйствуетъ, а тутъ подъ носомъ у него они воровскія дѣла зачѣвываютъ... Вотъ и написалъ я къ нему, чтобы онъ лихихъ людей оберегался, особливо того проходимца, помнишь, что въ Сибири-то на золотыхъ пріискахъ живалъ?.. Стуколовъ...

— А сколь давно ты знаешь этого игумена? — спросилъ Колышкинъ.

— Да вотъ тогда, какъ къ тебѣ ѣхать, Великимъ постомъ, впервой его видѣлъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Скоренько же ты пріятелей-то наживаешь, — сказалъ Колышкинъ. — А пословица. кажись, говорить, что человѣка узнать — куль соли съ нимъ съѣсть.

— Такого старца видно съ перваго разу, — рѣшилъ Патапъ Максимычъ.— Душа человѣкъ—одно слово... И хозяинъ домовитый и жизни хорошей человѣкъ!.. Нѣтъ, Сергій Андреичъ, я вѣдь тоже не первый годъ на свѣтѣ живу—людей различать могу.

— То-то, смотри, не облапошилъ бы онъ тебя, — сказала Колышкинъ.— Про этотъ Красноярскій скитъ нехорошая намолвка пошла — бросить бы тебѣ этого игумна... Ну его совѣмъ!.. Бываетъ, что одни уста и тепломъ и холодомъ дышать, таковъ, сдастся мнѣ, и твой отецъ Михаилъ... По нонѣшнему времени завсегда надо опаску держать — самъ знаешь, что отъ малаго опасенья живетъ великое спасенье... Кинь ты этого игумна — худа не посовѣтую.

— Полно, Сергій Андреичъ!.. Что пустое городить-то? — съ недовольствомъ возразилъ Патапъ Максимычъ.— Не таковъ человѣкъ, чтобы его беречись...

— Бережно—не должно, другъ ты мой любезный, — сказалъ на то Колышкинъ. — Опасливаго коня и звѣрь не беретъ, такъ-то...

Надоѣли Патапу Максимычу наставленья Колышкина... Обратился онъ къ Алексѣю.

— Что Якимка-то? Въ скиту еще, аль уѣхалъ?

— Въ встрѣчу попался, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Куда ѣхалъ?

— Пѣшкомъ шелъ, не ѣхаль, — сказала Алексѣй.

— Какъ пѣшкомъ? — удивился Патапъ Максимычъ.

— Пѣшкомъ, — молвилъ Алексѣй: — въ кандалахъ.

— Въ кандала-а-а-хъ? — вскочивъ съ кровати, вскрикнулъ отъ изумленья Патапъ Максимычъ.

— Съ арестантами гнали, — продолжалъ Алексѣй.

— Значить, допрыгался!.. — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Всякія царства произошелъ, всякія моря переплываль, а доплыль-таки, куда ему слѣдуетъ... Отецъ-отъ Михайлъ знаетъ ли, что Стуколовъ попался?

— Какъ не знать? — молвилъ Алексѣй. — Самъ на одномъ желѣзномъ прутѣ съ нимъ идетъ... И его въ острогъ... До скита и не доѣхаль, пустой теперь стоитъ — всѣхъ до одинаго забрали оттуда...

— Господи. Господи!.. — всплеснувъ руками, вскрикнулъ Патапъ Максимычъ. — Часъ отъ часу не легче!..

— Чтѣ?.. Говорилъ я тебѣ?.. — молвилъ Сергѣй Андреечъ. — Видишь, каковъ твой отецъ Михайлъ... Вотъ тебѣ и душачеловѣкъ, вотъ тѣ и богомолецъ!.. Извѣстное дѣло — воръ всегда слезливъ, плутъ всегда богомоленъ... Письмо-то хозяйское гдѣ? — спросилъ онъ Алексѣя.

Вынувъ изъ кармана письмо, Алексѣй подалъ его Патапу Максимычу.

— Ну, слава Богу, — сказалъ Колышкинъ, разорвавъ письмо на мелкіе куски. — Попалось бы грѣхомъ, и тебя бы притянули.

— Ума не приложу... Отецъ Михайлъ!.. — удивлялся Патапъ Максимычъ. — Самъ ты видѣлъ, какъ гнали его? — обратился онъ къ Алексѣю.

— Рядомъ съ паломникомъ къ пруту прикованъ, — отвѣчалъ Алексѣй. — Я вѣдь въ лицо-то его не знаю, да мнѣ сказали: «Вотъ этотъ высокій, ражій, сѣдой — ихній игумень отецъ Михайлъ», много ихъ тутъ было, больше пятидесяти человѣкъ — молодые и старые. Стуколова самъ я призналъ.

— Какъ же узналъ ты, что въ скиту всѣхъ забрали? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— На дорогѣ сказали, — отвѣтилъ Алексѣй. — Въ Уренѣ узналъ... Ъдучи туда, кой-гдѣ по дорогѣ спрашивалъ я, какъ поближе проѣхать въ Красноярскій скитъ, такъ назадъ-то тѣми деревнями ѣхать поопасился, чтобъ не дать подозрѣнья. Окольнымъ путемъ воротился — восемьдесятъ верстъ крюку даль.

— Хвалю! — молвилъ Колышкинъ, ударивъ по плечу Алексѣя. — Догадливый у тебя приказчикъ, Патапъ Максимычъ. Хватъ парень!.. Изъ молодыхъ да ранній.

— Да, — сквозь зубы процѣдилъ Чапуринъ. — Однако что-то ко сну меня тянетъ... — сказалъ онъ послѣ короткаго молчанья.

— И распрекрасное дѣло, крѣстный!.. — молвилъ Колышкинъ. — Усни-ка въ самомъ дѣлѣ, отдохни...

Но, когда Колышкинъ съ Алексѣемъ ушли, Патапъ Максимычъ даже не прилежъ... Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ по горницѣ, и много разныхъ думъ пронеслось черезъ его сѣдую голову.

Не чаялъ Алексѣй такъ дешево раздѣлаться... Съ первыхъ словъ Патапа Максимыча понялъ онъ, что Настя въ могилу тайны не унесла... Захолонуло сердце, смертный страхъ обуялъ его: «Вотъ онъ, вотъ часъ моей гибели отъ сего человѣка!..» — думалось ему, и съ трепетомъ ждалъ, что вѣщій сонъ станетъ явью.

И слышитъ незлобныя рѣчи, видитъ, съ какой кротостью переноситъ этотъ крутой человѣкъ свое горе... Не мститъ собирается, благодаряне хочетъ оказать погубителю своей дочери... Размягчилось сердце Алексѣево, а какъ свѣдалъ онъ, что въ послѣдніе часы своей жизни Настя умоляла отца не дѣлать зла своему соблазнителю, такая на него грусть напала, что не могъ онъ слезъ сдержать и разразился у ногъ Патапа Максимыча громкими рыданьями. Не вовсе еще очерствѣлъ онъ тогда.

Надо покинуть домъ, гдѣ его, бѣдняка-горюна, приютили, гдѣ осыпали его благодарьями, гдѣ узналъ онъ радости любви, которую оцѣнить не сумѣлъ... Куда дѣваться?.. Какъ сказать отцу съ матерью, почему оставляетъ онъ Патапа Максимыча?.. Опять же легко молвить — «сыщи другое мѣсто»... А какъ сыщешь его?..

Всю ночь провелъ Алексѣй въ тревожныхъ думахъ и не могъ придумать, что дѣлать ему... О возвратѣ къ отцу не помышлялъ. То дѣло недостаточное... Гдѣ же мѣсто сыскать?.. И среди такихъ думъ представлялись его душевнымъ очамъ то Настя во гробѣ, то Марья Гавриловна, устремившая взоры на солнечный всходъ... И каждый разъ, какъ только вспоминалась ему молодая вдова, образъ Насти тускнѣлъ и потомъ совсѣмъ исчезалъ... А больше всего волновали Алексѣя думы про богатство... Денегъ кучу да людской почетъ — вотъ чего ему хочется, вотъ что кружитъ ему голову!.. Но какъ добыть богатство?

Рано утромъ пошелъ онъ по токарнямъ и красильнямъ. Въ продолженіе Настиной болѣзни Патапу Максимычу было не

до горящины, присмотра за рабочими не было. Оттого и работа пошла, что изъ рукъ вонъ. Распорядился Алексѣй, какъ слѣдуетъ, и все закипѣло. Пробылъ въ заведеніяхъ чуть не до полудня и пошелъ къ Патапу Максимычу. Тотъ въ своей горницѣ былъ.

— Что скажешь? — сухо спросилъ его Чапуринъ.

— Насчетъ работы пришелъ доложить, — молвилъ Алексѣй. — Обошелъ красильни и токарни — большіе непорядки, Патапъ Максимычъ.

— Какихъ порядковъ ждать, коли больше двухъ недѣль призору не было! — замѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Ко всѣмъ станкамъ приставилъ работниковъ, — началъ было Алексѣй.

— Не до нихъ мнѣ теперь, — перебилъ его Патапъ Максимычъ. — Дѣлай, какъ прежде. Дня черезъ два самъ за дѣло примусь.

— Слушаю, — сказалъ Алексѣй.

— Ступай, — молвилъ ему Патапъ Максимычъ.

Алексѣй вышелъ.

Возвращаясь въ подклѣтъ мимо опустѣлой Настинной свѣтлицы, онъ неволью остановился. Захотѣлось взглянуть на горенку, гдѣ въ первый разъ поцѣловалъ онъ Настю и гдѣ лежа на смертной постели, умоляла она отца не платить зломъ своему погубителю. Еще утромъ отъ кого-то изъ домашнихъ слышалъ онъ, что Аксинья Захаровна въ постели лежитъ. Оттого не боялся попасть ей на глаза и тѣмъ нарушить приказъ Патапа Максимыча... Необоримая сила тянула Алексѣя въ свѣтлицу... Робкой рукой взялся онъ за дверную скобу и тихонько растворилъ дверь.

Только половина свѣтлицы была видна ему. На мѣстѣ Настинной кровати стоитъ крытый бѣлой скатертью столъ, а на немъ въ золотыхъ окладахъ иконы съ зажженными передъ ними свѣчами и лампадами. На окнѣ любимые цвѣточки Настины, возлѣ пяльцы съ неконченной работой... О! у этихъ самыхъ пялецъ, на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ онъ когда-то робкій и несмѣлый, а она, закрывъ глаза передникомъ, плакала сладкими слезами первой любви... На этомъ самомъ мѣстѣ впервые она поцѣловала его. Тоскливо запыло сердце у Алексѣя.

«А гдѣ столъ стоитъ, тутъ померла она, — думалось ему: — тутъ-то въ послѣдній часъ свой молила она за меня». И умиллось сердце его, а на глазахъ слеза жалости выступила... Добрая мысль его осѣнила — вздумалось ему на томъ мѣстѣ положить семипоклонный началъ за упокой Насти.

Несмѣлой поступью вошелъ онъ въ свѣтлицу... Оглянулся— склонивъ на руку голову, у другого окна сидитъ Марья Гавриловна.

Завидя Алексѣя, она слабо вскрикнула.

— Испужаль я васъ?— робко молвилъ Алексѣй.

— Ахъ, нѣтъ... я задумалась... а вы... невзначай... — опускающая глаза, сказала Марья Гавриловна.

На глазахъ-то хоть и стыдно, зато душѣ отраднѣе... Страстно глядитъ вдовушка на пригожаго мѣлодца... покойнаго Евграфа на памяти нѣтъ.

— Не взыщите... Я не зналъ... думалъ, нѣтъ никого... Я уйду... — говорилъ смущенный Алексѣй и пошелъ-было вонъ изъ свѣтлицы.

— Нѣтъ... зачѣмъ же?.. — вставая съ мѣста, сдержанно молвила Марья Гавриловна. — Вы мнѣ не помѣха.

Молча стоитъ передъ ней Алексѣй... Налюбоваться не можетъ... Настя изъ мыслей вонъ.

— Заѣзжали въ Комаровъ? — съ наружной холодностью спросила Марья Гавриловна.

— Не заѣзжалъ, — отвѣтилъ Алексѣй: — надо было другую дорогу взять.

— А опять на Ветлугу поѣдете? — послѣ короткаго молчанья спросила Марья Гавриловна.

— Не знаю... Можетъ статься, и вовсе не буду тамъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

— И въ Комаровѣ не будете?

— Не знаю.

— Здѣсь, стало-быть, останетесь?.. У Натапа Максима? — спросила Марья Гавриловна, пристально глядя на Алексѣя.

— Врядъ ли долго у него проживу... Мѣста ищу, — сказалъ Алексѣй.

— Какого?—спросила Марья Гавриловна.

— По торговой части... Въ приказчики, — сказалъ Алексѣй. — Да, сказываютъ, трудно... Пока самъ не знаю, какъ Богъ устроить меня.

Не отвѣтила Марья Гавриловна. Опять нѣсколько минутъ длилось молчанье.

— Приведется быть въ Комаровѣ, кельи моей не забудьте, — улыбувшись слегка, молвила Марья Гавриловна.

— Не премину, — отвѣтилъ Алексѣй.

— А насчетъ мѣста я поразузнаю... Братъ у меня въ Казани недавно искалъ приказчика... Его спрошу, — сказала Марья Гавриловна.

— Покорно васъ благодарю... Вовѣкъ не забуду васъ... — началъ-было Алексѣй.

— Ужъ будто и вѣвѣкъ, — лукаво улыбаясь и охорашиваясь, молвила Марья Гавриловна.

— Но гробъ жизни!.. — горячо вскрикнулъ Алексѣй и сдѣлалъ порывистый шагъ къ Марьѣ Гавриловнѣ.

— Прощайте покамѣстъ... До свиданья, — сдвинувъ брови и отстраиваясь отъ Алексѣя, сказала она. — Недѣли черезъ двѣ пріѣзжайте въ Комаровъ... Къ тому времени я отъ брата отвѣтъ получу.

И поспѣшно вышла изъ свѣтлицы.

У Алексѣя изъ головы вонъ, что пришелъ онъ за Настю молиться... Изъ млѣющихъ взоровъ Марьи Гавриловны, изъ дышавшихъ страстью рѣчей ея понялъ онъ, что въ этой свѣтлицѣ въ другой разъ довелось ему присушить сердце женское.

И Марья Гавриловна, и Груня съ мужемъ, и Никитична съ Фленушкой, и Марьюшка съ своимъ клиросомъ до девяти *) остались въ Осиповкѣ. Оттого у Патапа Максимыча было людно и не такъ была замѣтна томительная пустота, что въ каждомъ домѣ чувствуется послѣ покойника. Женщины все почти время у Аксиньи Захаровны сидѣли, а Патапъ Максимычъ по отъѣздѣ Колышкина велъ бесѣды съ кумомъ Иваномъ Григорьевичемъ.

Дня черезъ три послѣ похоронъ завела Марья Гавриловна разговоръ съ Патапомъ Максимычемъ. Напомнила ему про послѣднее его письмо, гдѣ писалъ онъ, что собирается о чемъ-то просить ее.

— Дѣльцо одно у меня затѣвалось, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — а на починъ большой капиталъ требовался... Хотѣлъ-было спросить — не согласны ли будете пойти со мною въ складчину?

— Какое-жъ это дѣло, Патапъ Максимычъ? — спросила Марья Гавриловна.

— Вышло на повѣрку, что дѣло-то бросовое. Не стѣить объ него и рукъ марать, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Невыгодно? — спросила Марья Гавриловна.

— Мало что не выгодно, — дѣло опасное.. Теперь неохота и поминать про него, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ вамъ денегъ теперь не требуется? — спросила Марья Гавриловна.

*) Поминки въ левятыи день послѣ похоронъ.

— Нѣтъ, Марья Гавриловна, не требуется, — отвѣчал Патапъ Максимычъ.—Признаться, думаю сократить дѣла-то... И старъ становлюсь, и утѣхи моей не стало... Парашѣ съ Груней послѣ меня довольно останется... Будетъ чѣмъ отца помянуть... Зачѣмъ больше копить?.. Одинъ тлѣнъ, суета!..

— Вы дѣла кончаете, а я зачинать вздумала. Какъ вы посовѣтуете мнѣ, Патапъ Максимычъ?— сказала Марья Гавриловна.

— Что-жъ такое задумали вы? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да видите ли: есть у меня капиталъ... лежитъ онъ безплодно, — сказала Марья Гавриловна. — Въ торги думаю пуститься... Что деньгамъ даромъ лежать?

— Дѣло доброе, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — По какой же части думаете вы дѣла повести?

— Объ этомъ-то и хотѣла я съ вами посовѣтоваться. Научите, наставьте на разумъ.

— Эхъ, матушка Марья Гавриловна... Какой я учитель теперь? — вздохнулъ Патапъ Максимычъ. — У самого дѣла изъ рукъ валится.

— Полноте, Патапъ Максимычъ!.. Вѣдь мы съ вами не первый день знакомы. Не знаю развѣ, какъ у васъ дѣла идутъ?.. — говорила Марья Гавриловна. — Вотъ познакомилась я съ этимъ Сергѣемъ Андреичемъ. Онъ прямо говоритъ, что безъ васъ бы ему непременно пропасть, а какъ вы его учили, такъ дѣла у него какъ не надо лучше пошли!..

— Сергѣй Андреичъ — иная статья, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Сергѣй Андреичъ мужчина — самъ при дѣлѣ. А ваше дѣло, Марья Гавриловна, женское — какъ вамъ управиться?

— Возьму приказчика, — сказала Марья Гавриловна.

— Мудреное это дѣло, — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Нонѣ вѣрныхъ-то людей мало что-то осталось — всякъ норовить въ хозяйскій кошель лапу залустить.

— Авось найду хорошаго, — молвила Марья Гавриловна.

— Можетъ, на ваше счастье и выищется... Земля не клиномъ сошлась, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Какимъ же дѣломъ посовѣтуете заняться мнѣ? — спросила Марья Гавриловна.

— Коли найдете стѣящаго человѣка, заводите пароходы, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — По нынѣшнему времени пароходнаго дѣла нѣтъ прибыльнѣй. И Сергѣю Андреичу я тоже пароходами заняться совѣтовалъ.

— И въ самомъ дѣлѣ!.. — молвила Марья Гавриловна. —

У брата тоже пароходы по Волгѣ бѣгаютъ — не нахвалятся.

— Дѣло хорошее, сударыня, хорошее дѣло... Убытковъ не бойтесь. Я бы и самъ пароходы завелъ, да куда ужъ мнѣ теперь?.. Не гожусь я теперь ни на что...

Долго толковала Марья Гавриловна съ Патапомъ Максимычемъ. Обѣщала онъ на первое время свести ее съ кладчиками, прискаты капитановъ, лодмановъ и водоливовъ, но указать человѣка, кому бы можно было поручить дѣла, — отказался.

Марья Гавриловна не настаивала. Она уже рѣшила представить къ дѣламъ Алексѣя.

Нодъ конецъ бесѣды молвила она Патапу Максимычу:

— А насчетъ тѣхъ двадцати тысячъ вы не хлопчите, чтобы къ сроку отдать ихъ... Слышала я, что деньги въ получкѣ будутъ у васъ послѣ Макарья — тогда и сочтемся. А къ Казанской не хлопчите — срокъ-отъ, помнится, на Казанскую — смотрите же, Патапъ Максимычъ, не хлопчите. Не то разсержусь, поссорюсь...

Патапъ Максимычъ благодарилъ ее за отсрочку.

Глава двѣнадцатая.

На другой либо на третій день по возвращеніи Марьи Гавриловны изъ Осиповки зашла къ ней мать Манеѣа, вечерокъ посидѣтъ да чайку попить. Про чудную Настину болѣзнь толковали, погоревали о покойницѣ и свели рѣчь на Патапа Максимыча.

— Очень онъ убивается, — сказала Марья Гавриловна: — смотрѣтъ даже жалость. Ровно малое дитя плачетъ-разливается. Ничего, говорить, мнѣ не надо теперь, никакое дѣло на умъ нейдетъ...

— Чтò говорить! — молвила на то Манеѣа. — Какъ не тужить по этакой дочери!.. Сызмальства росла любимымъ дѣтищемъ... Раскипятится, бывало, на что — уйму нѣтъ на него, близко не подходи, въ дому всѣ хоронятся, дрожмя дрожать, а она — семилѣткой еще была — подбѣжить къ отцу, вскочить къ нему на колѣни да ручонками и зачнетъ у него на лбу морщины разглаживать. Поглядитъ на нее и ровно растаетъ, смягчится, разговорчивый станетъ, веселый... И въ дому все оживетъ, про гнѣвъ да про шумъ и помину нѣтъ... Любимая дочка, любимая!.. — вздохнула Манеѣа. — Теперь кому его гнѣвъ утлять?..

— Добрый человѣкъ завсегда съ огонькомъ, — замѣтила

Марья Гавриловна. — А злобнаго въ Патапѣ Максимычѣ нѣтъ ни капельки.

— Злобы точно что нѣтъ, — согласилась Манеѳа. — Зато своенравенъ и крутъ, а разумъ кичливый имѣеть и самомнительный. Забьеть что въ голову — клиномъ не вышибешь... Весь въ батюшку родителя, не тѣмъ будь помянуть, царство ему небесное... Гордыня, сударыня — гордыня!.. За то и наказуегь Господь...

— Не въ примѣту мнѣ, чтобъ горделивъ аль заносчивъ онъ былъ, — молвила Марья Гавриловна.

— Гдѣ-жъ вамъ примѣтить, сударыня? — отвѣтила Манеѳа. — Во всемъ-то куражѣ вы его не видали... Поглядѣть бы вамъ, какъ сдѣлается онъ когда съ человѣкомъ сильнѣй да именитѣй его... Чѣмъ бы голову держать уклонно, а рѣчь вести покорно, ровно коза кверху глядитъ... станеть фергомъ, ноги-то азомъ распялить!.. Что тутъ хорошаго?..

— По моему разсужденью, матушка. — сказала на то Марья Гавриловна: — если человѣкъ гордится передъ слабымъ да передъ бѣднымъ — нехорошо, недобрый тотъ человѣкъ... А кто передъ сильнымъ да передъ богатымъ высоко голову несетъ, добрая слава тому.

— Хорошо такъ судить вамъ, Марья Гавриловна, какъ дѣловъ у васъ нѣтъ никакихъ... — отвѣтила Манеѳа. — А у Патапа и торговля и горящина, суда на Волгѣ и вдоволь наемнаго народу, — значить, начальство всегда можетъ привязку ему сдѣлать... Оттого и не слѣдъ бы ему огрызаться... Опять же въ писаніи сказано: «Всяка душа власти повинуется»... Чего еще?.. За непокорство не хвалю его, за гордость проклятую, а то что говорить, — человѣкъ добрый. Онъ вѣдь, сударыня, — если по правдѣ говорить, — только страхъ на всѣхъ напускаеть, а самъ-отъ вовсе не страшень, не грозень... Ну, а любить, чтобъ боялись его... Какъ вздумаетъ кого настращать, и не знай чего насулить, а потомъ ничего не сдѣлаетъ... Добро еще, пожалуй, сдѣлаетъ... Вотъ съ начальствомъ — тутъ ужъ другое дѣло...

— Не ладить? — спросила Марья Гавриловна.

— Всяко бываетъ, — отвѣтила Манеѳа. — Теперь губернатору знакомъ, въ чести у него, въ милости... Малые-то начальники заижать и не смѣютъ... Да вѣдь губернаторъ не вѣчень, смѣниться можетъ, другой на его мѣсто сядетъ — каковъ-то еще будетъ?.. Опять же наше дѣло взять — обительское. Въ «губерніи» *) всѣ знаютъ, что Патапомъ скиты

*) Губернскій городъ.

держатся, что онъ первая за насъ заступла и по всѣмъ нашимъ дѣламъ коренной ходатай... Ну, какъ за гордыню-то его да на всѣ скиты холодкомъ дунуть?.. Куда пойдемъ?.. Теперь же гдѣ ни послышишь — строгости: скиты зорять, моленны печатають, старцевъ да старицъ по дальнимъ мѣстамъ разсылають... Силѣнъ и славенъ былъ Иргизъ, и съ тѣмъ покончили. Лаврентьевъ порѣшенъ, въ Стародубѣ *) мало что осталось. И на заводахъ **) и на Дону, вездѣ утѣшеніе. Здѣсь покамѣстъ Богъ милуетъ, а надолго-ль, кто можетъ сказать?.. Пожалуй, и нашему Кѣрженцу близка чередка... По теперешнему гонительному времени надо бы Патапу Максимычу со всѣми ладить — большое-ль начальство, малое ли — въ черныи день всякое сгодится... Охъ, сударыня Марья Гавриловна, настали дни, писаніемъ прореченные: «Искупоюще время, яко дни зли суть»... Тутъ не гордостью озлоблять, ублажать надо всякаго, поклоняться всякому — были бы милостивы... А онъ?.. Говорить ему станешь — ругается, просить станешь — хохоchetъ... Намедни, какъ передъ масленой у него гостила я, Христомъ Богомъ молила повеселить чѣмъ-нибудь исправника, былъ бы до насъ подобрѣе, а онъ, прости Господи, ржетъ себѣ, ровно кобыла на овесъ.

— А слыхала я, матушка, Комарову скиту царская грамота дана, чтобъ никогда не рушить его? — спросила Марья Гавриловна. — Говорять, такая грамота есть у Игнатьевыхъ.

— Нѣтъ такой грамоты, сударыня, — отвѣтила Манеѣа. — Посулили да не дали.

— Отчего же такъ? — спросила Марья Гавриловна.

— А вотъ какое было дѣло, — начала Манеѣа разсказывать. — Безъ малаго сто годовъ тому, когда еще царица Катерина землю держала, приходилъ въ здѣшнія мѣста на Каменный Вражекъ старецъ Игнатій. Роду былъ онъ боярскаго, Потемкиныхъ дворянъ, служилъ въ полкахъ, въ походахъ бывалъ, съ туркой воевалъ да съ прусаками, а какъ вышла дворянамъ вольность не носить государевой службы до смерти, въ отставку вышелъ и сталъ ради Бога жить... Воспоманулъ онъ тогда роды своя, какъ въ Никоновы гонительныя времена дѣды его смольяне, отецъ Спиридоній да отецъ Ефремъ, изъ роду Потемкиныхъ, бѣгая церковныхъ новинъ, укрылись въ лѣсахъ Кѣрженскихъ и поставили обитель по близости скита Шарпана... И донинѣ то мѣсто знать, и доселѣ зо-

*) Иргизскіе скиты были въ нынѣшнемъ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи; Лаврентьевъ монастырь въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской, Стародубскія слободы въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи.

**) Демпловскіе заводы — на Уралѣ.

вется оно «Смольяны», потому что туда приходили на житье смольяне Потемкины и иных боярских родов и жили тутъ до Питиримова разоренья. Памятуя ихъ, поревноваль отецъ Игнатій по старой вѣрѣ, иночество надѣль и въ Комаровѣ обитель завелъ... Спервоначалу та обитель мужскою была, по блаженной же кончинѣ отца Игнатія старцы врознь разбрелись, а часовня да кельи Игнатьева строенья доставались сродницѣ его, тоже дворянскаго рода — Иринархой звали... Съ той поры и зачалась женская обитель Игнатьевыхъ... Вживѣ еще былъ отецъ Игнатій, какъ сродникъ его, Потемкиныхъ же роду, у царицы выслужился и сталъ надо всѣми князьями и боярами первымъ російскимъ бояриномъ. Тѣмъ временемъ прилучилось батюшкѣ отцу Игнатію въ Петербургѣ за сборомъ быть. Отыскалъ онъ тамой*) и именитаго сродника, побывалъ у него... Тотъ ему возрадовался и возлюбилъ старца Божія... Много бесѣдовалъ съ нимъ про старую вѣру и про наши лѣса Кѣрженскіе. И говорилъ тотъ великій бояринъ отцу Игнатію: «Склони ты мнѣ, старче, тамошнихъ старовѣровъ на новыя мѣста идти, которыя мѣста я у турка отбилъ. Житье, говоритъ, будетъ тамъ льготное и спокойное. Земли, говоритъ, и всякихъ угодьевъ вдоволь дадутъ. Лѣтъ на двадцать ни податей не надо ни рекрутчины. Каждому, говоритъ, старовѣру казны на проѣздъ и обзаведенье дадутъ... Церквы себѣ строите, монастыри заводите, половъ, сколько хотите, держите и живите себѣ на всей своей волѣ... И будетъ, говоритъ, на тѣ льготы вамъ отъ царицы выдана грамота, навѣки нерушимая... Такія милости великій бояринъ сумилъ... Батюшка отецъ Игнатій обѣщался ему здѣшній народъ приговаривать на новыя мѣста идти, и великій бояринъ Потемкинъ съ тѣмъ словомъ къ царицѣ возилъ его, а она, матушка, съ отцомъ Игнатьемъ разговоръ держала, про здѣшнее положенье разспрашивала и къ рукѣ своей царской старца Божія допустила... Воротясь на Кѣрженецъ, сталъ отецъ Игнатій здѣшній народъ на новыя мѣста приговаривать... Охотниковъ объявилось довольно, да спознали по скорости, что великій бояринъ Потемкинъ старовѣрамъ ловушку подстроить хотѣлъ... Такія же рѣчи у него со стародубскими отцами велись... Былъ въ Стародубѣ тогда инокъ Никодимъ, черезъ него то дѣло происходило. И тотъ Никодимъ подъ власть великоросійскихъ архіереевъ подписался. Какъ спознали о томъ здѣшніе христіане, про новыя мѣста и слышать не захотѣли... А тутъ въ скорости бояринъ Потемкинъ по-

*) Тамъ.

мерь — тѣмъ дѣло и разошлось... Такъ видите ли, сударыня, была та грамота на одномъ посулѣ... Народу же, увѣренія ради, говорится, что лежитъ такая у Игнатьевыхъ... А ея никогда не бывало.

— Зачѣмъ же народъ въ обманѣ держать? — рѣзко взглянувъ на Манею, спросила Марья Гавриловна.

— Крѣпче бы въ истинной вѣрѣ стояли, — спокойно отвѣтила игуменья. — Бываетъ, сударыня, что церковны попы учнутъ мужикамъ говорить, а иной разъ и самъ архіерей прійдетъ да скажетъ: «Ваша-де вѣра царю негодна»... Подумайте, каково это слово!.. Легко-ль его вынести?.. А какъ думаютъ мужики, что лежитъ у Игнатьевыхъ государева грамота, вѣры-то у нихъ тѣмъ словамъ и неймется... Повалятся архіерею въ ноги да въ голосъ и завопятъ: «Какъ родители жили, такъ и насъ благословили — оставьте насъ на прежнемъ положеніи»... А сами себѣ на умѣ: «Не обманешь, дескать, насъ — не искусишь лестными словами, знаемъ, что въ старой вѣрѣ ничего нѣтъ царю противнаго, на то у Игнатьевыхъ и грамота есть»... И дѣло съ концомъ... А мужикамъ внушено, чтобъ они про ту грамоту зря не болтали, отымутъ, дескать... И теперь любого изъ нихъ хоть повѣсь, хоть въ землю закопай, умирать станетъ — про грамоту слова не выронить.

— Стало-быть, деревенскіе-то усердны къ скитамъ? — спросила Марья Гавриловна.

— Усердны! — съ горькой усмѣшкой воскликнула Манея. — Гуда Христа за сребренники продалъ, а наши мужики за ведро вина и Христа и вѣру продадутъ, а скиты на придачу дадутъ...

— Отчего-жъ они такъ крѣпко тайну держать? — спросила Марья Гавриловна.

— А имъ внушено, что въ грамотѣ про ихнія земли поминается, чтобы тѣмъ землямъ за ними быть вѣки вѣчные, — сказала Манея. — По здѣшнимъ мѣстамъ ни у кого вѣдь крѣпостей на землю нѣтъ — народъ все набѣглый. Оттого и дорожатъ Игнатьевой грамотой...

— По-моему, неладно бы дѣлать такъ, матушка, — сказала Марья Гавриловна.

— И ложь во спасеніе бываетъ, сударыня, — перебила Манея. — Народъ темный, непостоянный — нельзя безъ того. Задумалась Марья Гавриловна.

— Вотъ теперь Оленевское дѣло подымается... — молвила Манея. — Боюсь я того дѣла при нынѣшнемъ времени.

— Что за Оленевское дѣло, матушка?.. — спросила Марья Гавриловна.

— А вотъ какое дѣло, — начала Манева. — Лѣтъ пять либо шесть тому назадъ одну оленевскую старочку на Дону въ острогъ посадили за то, что со сборной книгой ходила. А въ книгѣ было прописано: «сборъ-де тотъ на домъ Пресвятой Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія, въ обители Нифонтовыхъ, скита Оленева». Ну, извѣстное дѣло, ходила та старочка безо всякаго паспорта, по простотѣ... До Петербурга дѣло дошло, и рѣшили тамъ дознаться, что за обитель такая Нифонтова, по закону-ль она ставлена, да потому-жъ дознаться и обо всѣхъ скитахъ Кѣрженскихъ... И то дѣло шестой годъ лежитъ въ губерніи, и отъ него безпокойства намъ не было, а теперь, слышимъ, оно поднимается... Слышно еще, будто и насчетъ Шарпана вышелъ указъ... Какой-то злодѣй, прости Господи, послалъ доношеніе: въ Шарпанскомъ-де скиту Казанскую икону Пресвятой Богородицы особнѣ чествуютъ, на ея-де праздники много въ Шарпанѣ народу собирается старобрядцевъ и церковниковъ. И на тѣхъ-де праздникахъ старицы Шарпанской обители поставляютъ кормы великіе, а во время-де кормовъ читаютъ народу про чудеса отъ той иконы бываемыя. И оттого-де многіе отъ церкви отшатились... Правда ли, нѣтъ ли, а слухи пошли, будто велѣно Казанскую изъ Шарпана взять... Сбудется такое дѣло — конецъ Кѣрженцу... Престанетъ тогда наше житіе пространное!..

— Отчего-жъ скитамъ настанетъ конецъ, коль изъ Шарпана возьмутъ икону Казанскую? — спросила Марья Гавриловна.

— Икона та, сударыня, чудотворная, — отвѣтила Манева. — Стояла она въ комнатѣ у царя Алексѣя Михайловича, когда еще онъ пребывалъ въ благочестіи... Отъ него, великаго государя, Соловецкой киновіи она вкладомъ жалована... Когда же соловецкіе отцы не восхотѣли Никоновыхъ новинъ пріяти и укрѣпились за отеческіе законы и церковное преданіе, тогда въ Соловкахъ былъ инокъ схимникъ Арсеній, старецъ чуднаго и высокаго житія, крѣпкій ревнитель древляго благочестія. По вся ноци со слезами молился онъ предъ тою иконою, прося Бога и Пресвятую Богородицу: да избавитъ святую киновію отъ разоренья облажащихъ воевъ... Ноцію же на вселенскую субботу всемірнаго христіанъ поминовенія предъ недѣлею мясспустною бысть тому старцу Арсенію чудное видѣніе... Изыде гласъ отъ иконы: «Гряди за Мною, старче, ничто же сумняся; и гдѣ Азъ стану. — тамо создай обитель во имя Мое, и пока сія икона будетъ въ той обители, древнее благочестіе въ оной странѣ процвѣтатъ будетъ». И по семъ гласѣ поднялась икона на небеса... Въ ту же ноць монахъ нѣкій, Θεоктистъ именемъ, поревновавъ Іудѣ Иска-

ріотскому, возвѣстилъ игемону, ратію святую обитель обложившему, что въ стѣнѣ монастырской есть пролазь... Царскіе воины по слову предателя вошли черезъ тотъ пролазь въ обитель и учинили въ ней великое кровопролитіе... Инока же схимника Арсенія Господь отъ напрасныя смерти соблюлъ... Когда-жъ воевода перевезъ старца Арсенія съ другими отцами на берегъ, тогда заступленіемъ Пречистыя Богородицы избѣгъ онъ руки мучителей и, пришедъ въ лѣсъ, узрѣлъ Казанскую чудотворную икону по облакамъ ходящу... Пошелъ за нею старецъ, дивясь бывшему чудеси, а деревья передъ нимъ разступаются, болота передъ нимъ осушаются, черезъ рѣки проходитъ Арсеній яко по суху... И какъ древле Израиль приведенъ бысть столпомъ небеснымъ въ землю обѣтованную, тако и старецъ Арсеній тою святою иконою приведенъ бысть въ лѣса Керженскіе, Чернораменскіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ опустилась икона на землю, поставилъ онъ обитель Шарпанскую... и та икона понынѣ въ той обители находится. Нока тамо стоитъ, по тѣхъ поръ, по гласу Богородицы, наши скиты дѣлы и невредимы... Возьмутъ икону изъ Шарпана — всѣмъ скитамъ наступитъ конецъ, и мѣсто свято запустѣетъ.

— Богъ милостивъ, матушка... — начала-было Марья Гавриловна.

— Истину сказали, что Богъ милостивъ, — перебила ее Манеѳа. — Да мы-то, окаянныя, немало грѣшны... Стоимъ ли того, чтобъ Онъ насъ миловалъ?.. Смуты вездѣ, споры, свары, озлобленія!.. Христіанское-ль то дѣло?.. Хоть бы эту австрійскую квашню взять... Каковъ человѣкъ попалъ въ епископы!.. Стяжатель, благодатью Святаго Духа ровно горохомъ торгуетъ!.. Да еще вправду ли, нѣтъ ли, обносятся слухи, что въ душегубствѣ повиненъ... За такія-ль дѣла Богу насъ миловать?

— Ахъ, матушка, забыла я сказать вамъ, — спохватилась Марья Гавриловна: — Патапъ-отъ Максимычъ сказывалъ, что тотъ епископъ чуть ли въ острогъ не попалъ... Красноярскій скитъ знаете?

— Бываютъ тамъ не бывала и отцовъ тамошнихъ не вѣдаю, а про скитъ какъ не знать? — отвѣтила Манеѳа. — Далекѣ отселева — за Ветлугой, на Устьѣ...

— На прошлой недѣлѣ тамошнихъ всѣхъ забрали, — продолжала Марья Гавриловна. — На фальшивыхъ, слышь, деньгахъ попались... Патапъ Максимычъ такъ полагаетъ, что епископу плохо придется, съ красноярскими-де старцами взять его посланникъ... За какими-то дѣлами въ здѣшні лѣса его присылалъ... Стуколовъ какой-то...

Свернули очи Манеены, сдвинулись брови. Легкая дрожь по губамъ пробѣжала, и чуть замѣтная блѣдность на впалыхъ щекахъ показалась... Поспѣшно опустила она на глаза креповую наметку.

Не примѣчая, какъ подѣйствовало на игуменью упоминанье про Стуколова, Марья Гавриловна продолжала рассказывать о красноярской братіи:

— Тотъ Стуколовъ гдѣ-то неподалеку отъ Красноярскаго скита искалъ обманное золото и въ томъ обманѣ заодно былъ съ епископомъ. Потому Патапъ Максимычъ и думаетъ, что епископъ и по фальшивымъ деньгамъ не безъ участія... Сердится очень на нихъ... «Пускай бы, говорить, обоихъ по одному каналу за Уральски бугры послали, пускай бы тамъ настоящее государево золото, а не обманное копали»... А игумна Патапъ Максимычъ жалѣетъ и такъ полагаетъ, что попалъ онъ безвинно.

Не отвѣтила Манеена, хотъ Марья Гавриловна приостановилась, выжидая ея отзыва.

— И благочестный, говорить про него Патапъ Максимычъ, старецъ, и души доброй, и хозяинъ хорошій, — продолжала Марья Гавриловна. — Должно-быть, обманомъ подъ такое дѣло подвели его...

— Гдѣ-жъ они теперь? — какъ бы изъ забытья очнувшись, спросила Манеена.

— Въ острогъ, матушка, — отвѣтила Марья Гавриловна. — Пятьдесятъ человѣкъ, слышь, прогнали... Большая переборка идетъ.

— Охъ, Господи, — съ тяжелымъ вздохомъ молвила игуменья.

И не смогла долше сдерживать волненья: облокотилась на столъ и закрыла ладонью глаза.

— Чтѣ съ вами, матушка? — озабоченно спросила ее Марья Гавриловна.

Помолчала Манеена и промолвила взволнованнымъ голосомъ:

— О братѣ вздумала... Патапъ на умъ пришелъ... Знался онъ съ отцомъ-то Михаиломъ, съ тѣмъ красноярскимъ игуменомъ... Постомъ къ нему въ гости ѣздилъ... съ тѣмъ... Ну, съ тѣмъ самымъ человѣкомъ...

И, не договоривъ рѣчи, смолкла Манеена.

— Со Стуколовымъ? — подсказала Марья Гавриловна.

— Опять же на Ѳоминой недѣлѣ Патапъ посылалъ съ письмомъ къ отцу Михаилу того дѣтину... Какъ бишь его?.. забываю все... — говорила Манеена.

Марью Гавриловну теперь въ краску бросило... у ней рѣчь не вяжется, у ней слова съ языка нейдуть.

— Вотъ что въ приказчики-то взять къ себѣ... — продолжала Манеѳа. — Еще къ вамъ на Радуницу съ письмомъ заходить... Алексѣемъ никакъ зовутъ.

Ни слова Марья Гавриловна... Замолчала и Манеѳа.

— Ну, какъ братннно-то письмо да въ судейскія руки попадетъ! — по маломъ времени зачала горевать игуменья. — По такому дѣлу всякій ключокъ въ тюрьму волочетъ, а у приказныхъ людей тогда и праздникъ, какъ богатаго человѣка къ отвѣту притянуть... Какъ не притянуть имъ Патапа?.. Матерой осетерь не каждый день въ ихній неводъ попадаетъ... При его-то спеси, при его-то гордости!.. Да легче ему дочь, жену схоронить, легче самому живому въ могилу лечь!.. Не пережить Патапу такой бѣды!..

— Не безпокойтесь, матушка, — утѣшала Манеѳу Марья Гавриловна. — При мяѣ, какъ я въ Осиповкѣ была, то письмо въ цѣлости назадъ воротилось.

— Какъ такъ? — спросила обрадованная игуменья.

— Тотъ, что... этотъ... приказчикъ-отъ... не доѣхалъ, — отвѣчала Марья Гавриловна, отворотясь отъ Манеѳы и глядя въ окошко. — Дорогой провѣдалъ, что старцевъ забрали... Онъ и воротился.

— Слава Тебѣ, Господи!.. Благодарю Создателя!.. — набожно перекрестясь, молвила Манеѳа. — Эки дѣла-то!.. Эки дѣла!.. — продолжала она, покачивая головой. — Въ обители, во святомъ мѣстѣ, взамѣнъ молитвы да поста чѣмъ вздумали заниматься!.. Себя топятъ и другихъ въ омутъ тануть... Всѣмъ теперь быть въ отвѣгѣ!.. Всѣмъ страдать!..

— Чѣмъ же всѣ-то виноваты, матушка? — спросила удивленная рѣчами игуменьи Марья Гавриловна. — Правый за виноватаго не отвѣтчикъ...

— Скитская бѣда не людская, сударыня... И безъ вины виноваты останемся, — сказала Манеѳа. — Давно на насъ пасмурнымъ окомъ глядятъ, давно обители наши въ конецъ порѣшить задумали... Худой славы про скиты много напущено... Въ какой-нибудь захудалой обители человѣкъ безъ виду *) попадется — про всѣ скиты закричатъ, что бѣглыми полнехоньки... Согрѣшить негдѣ дѣвица и выйдетъ дѣло наружу, ровно въ набатъ про всѣ скиты забьютъ: «распутство тамъ, развратъ непотребный»... Много напраслины на обители пущено!.. Много... А тутъ такое дѣло, какъ красноярское... Того и гляди на всѣхъ оно бѣду обрушить... И все-то одно къ одному — и сборная книга оленевская, и шарпанская

*) Безъ паспорта.

икона, и красноеярское дѣло... Всѣхъ погубять, всѣ святы, всѣ обители!..

— Да разберутъ же правду, матушка. Развѣ можно наказывать невиноватаго? — возразила Марья Гавриловна.

— Можно!.. — съ жаромъ сказала Манева. — По другимъ мѣстамъ нельзя, въ скнтахъ можно... Давно бы насъ разогнали, какъ иргизскихъ, давно бы весь Кѣрженецъ запустошили, если бы мы безъ бережи жили да не было-бъ у насъ сильныхъ благодѣтелей... Подай Господи имъ добраго здравія и вѣчнаго души спасенія!..

Замолчала на короткое время Манева и опять начала:

— Великъ и славенъ былъ Иргизъ, не нашимъ Кѣрженскимъ обителямъ чета, а въ чьихъ рукахъ теперь?.. Давеча спросили вы про царицыну грамоту. Не бывало у насъ такой грамоты, а тамъ, на Иргизѣ, была... Царь Павелъ Петровичъ нарочно къ иргизскимъ отцамъ своего генерала присылалъ — Руничъ былъ по прованію, съ милостивымъ словомъ его присылалъ, три тысячи рублей на монастырское строенье жаловалъ и грамоту за своей рукою отцу Прохору далъ... А тотъ отецъ Прохоръ самъ былъ великъ человекъ — самъ изъ царскаго рода... *) Слыхали, чай?

— Слыхала, матушка, какъ не слышать, — отозвалась Марья Гавриловна.

— А какъ дошло дѣло, не помогли Иргизу ни царская грамота ни царская порода отца Прохора, — продолжала Манева. — Вживѣ былъ еще отецъ-то Прохоръ, какъ его строенье Воскресенскій монастырь порушили: которыхъ старцевъ въ Сибирь, которыхъ на Кавказъ разослали, а монастырь отдали тѣмъ, что къ никоніанамъ преклонились **). Это Иргизъ... А мы что передъ нимъ?.. Все едино, что комары да малыя мушцы. Вздумають порѣшить — многихъ разговоровъ съ нами не поведутъ... И постоять-то здѣсь за насъ некому... На Иргизѣ, когда монастыри отбирали, хотъ народное собранье

*) Прохоръ, игумень Нѣжевоскресенскаго Иргизскаго монастыря, лицо весьма загадочное. Онъ пришелъ на Иргизъ, будучи еще молодымъ человекомъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и умеръ въ тридцатыхъ нынѣшняго. Обладая огромнымъ богатствомъ, находился въ близкихъ и какихъ-то таинственныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми вельможами Екатерины, Павла и Александра I. Къ нему-то Павелъ Петровичъ въ 1797 году присылалъ Рунича. Про него между старообрядцами ходили слухи, будто онъ сынъ Грузинскаго царя, другіе называли его даже сыномъ императрицы Екатерины II. Въ самомъ же дѣлѣ Прохоръ былъ сынъ богатата купца Казмыкова. Отношенія къ нему императора Павла объясняются тѣмъ, что Прохоръ ссужалъ его значительными суммами, когда Павелъ Петровичъ былъ еще великимъ княземъ.

***) Единовѣрцамъ.

было, не хотѣлъ тогда народъ часовенъ отдавать — водой на морозѣ изъ пожарныхъ трубъ людей-то тогда разгоняли... А здѣсь что?.. Послушали-бъ вы, сударыня, что сосѣдушки наши любезные толкуютъ... Прошлымъ лѣтомъ у Глафириныхъ нову «стаю» рубили, такъ ронжински ребята да елфимовскіе смѣются съ галками-то *): «Строй, говорятъ, строй хорошенько — келейницъ-то скоро разгонять, хоромы тѣ намъ достанутся»... Вотъ что у нихъ на умѣ!.. Христіанами зовутся, сами только и дышать обителями, безъ нашего хлѣба-соли давно бы съ голоду перемерли, а вотъ какія слова говорятъ!.. Теперь лебезятъ, кланяются, а случись невзгода — пальцемъ не двинуть, рта не разинуть... Не то что скиты — Христа Царя Небеснаго за ведро вина продадутъ!..

— Ну, ужъ это, матушка, кажется, вы на нихъ напрасно, — заступилась Марья Гавриловна.

— Давно живу съ ними, сударыня, лучше васъ знаю ихъ, лоботрясовъ, — съ досадой перервала ее Манеа. — Изъ-за чего они древяго благочестія держатся?.. Спасенія ради?.. Какъ же не такъ!.. Изъ-за выгоды, изъ-за одной только мірской, житейской выгоды... Надо правду говорить, — продолжала Манеа, понизивъ голосъ: — отъ людей утаишь, отъ Бога не спрячешь — ины матери смолоду баловались съ ребятами, грѣшили... Плоть, сударыня, сильна въ молодые годы бываетъ... Слабъ человѣкъ, не всякому дано плоть побороть... Ну вотъ — старые-то дружки давно поженились, сѣмьями обзавелись, а съ матерями ладовъ не рушатъ... Не въ ту силу говорю, чтобъ матери въ старыхъ грѣхахъ съ ними пребывали... А вѣдь и подъ черной расой и на старости лѣтъ молодая-то любовь помнится...

Смолкла на минуту игуменья и потомъ сдержаннымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, продолжала:

— И подати платятъ за нихъ, и сыновей отъ солдатчины выкупаютъ, и деньгами ссужаютъ и всѣмъ... Вотъ отчего деревенскіе къ старой вѣрѣ привержены... Не было-бъ имъ отъ скитовъ выгоды, давно бы всѣ до единаго въ никоніанство своротили... Какая тутъ вѣра?.. Не о душѣ, объ мошнѣ своей радѣютъ... Слабы нонѣ люди пошли, нѣтъ поборниковъ, нѣтъ подвижниковъ!.. Забывъ Бога, златому тельцу поклоняются!.. Горькія времена, сударыня, горькія!..

— Неужели въ самомъ дѣлѣ скитамъ конецъ наступаетъ? — въ сильномъ раздумѣ послѣ долгаго молчанья спросила Марья Гавриловна.

*) Въ заволжскихъ лѣсахъ мѣстныхъ плотниковъ нѣтъ, они приходятъ изъ окрестностей Гадяча, отчего и зовутся «галками».

— Все къ тому идетъ... — покачавъ головой, со вздохомъ отвѣтила Манеѳа.

— Какъ же вы тогда, матушка? — озабоченно глядя на нгуменью, спросила Марья Гавриловна.

— Признаться сказать, давненько я о томъ помышляю, — молвила Манеѳа. — Еще тогда, какъ на Иргизѣ зачали монастыри отбирать, рѣшила я сама про себя, что рано ли, поздно ли, а такой же участи не миновать и намъ. Ради того кой-чѣмъ загодя распорядилась, чтобъ перемѣна врасплохъ не застала.

— Что-жъ вы сдѣлали, матушка? — спросила Марья Гавриловна.

— А видите ли, дѣло въ чемъ, — сказала Манеѳа: — и на Иргизѣ, и въ Слободахъ, и въ Лаврентьевѣ всѣхъ несогласныхъ принять поповъ, великороссійскими архіереями благословенныхъ — по своимъ мѣстамъ разослали, на родину, значить. Кто гдѣ въ ревизію записанъ, тамъ и живи до смерти, по другимъ мѣстамъ ѣздить не смѣй... Когда до нашихъ скитовъ чередъ дойдетъ — съ нами то же сдѣлають... Потому и сама я въ купчихи къ нашему городку приписалась и матерей, которыя получше да полезнѣе, туда же въ мѣщанки приписала... Когда Керженцу выйдеть рѣшенье... нашу обитель чуть не всю въ одинъ городъ пошлютъ. Тамъ и настроимъ мы домовъ къ одному мѣсту... Можетъ, позволятъ и здѣшне строенье туда перевезть... Часовни хоть не будетъ, а все же будемъ жить вкупѣ... Не станетъ нынѣшняго пространнаго житія, что же дѣлать, не такъ живи, какъ хочется, а какъ Господь благословитъ... И не я одна такъ распорядилась, во многихъ обителяхъ и въ здѣшнихъ, и въ Оленевскихъ, и въ Улангерскихъ то же сдѣлають... Вкупѣ-то всѣмъ жить будетъ отраднѣе.

— А мнѣ-то какъ быть тогда, матушка? — тревожно спросила Марья Гавриловна.

— Вамъ, сударыня, беспокоиться нечего, ваша статья иная... — сказала Манеѳа. — Не въ обители живете, имени вашего въ спискахъ нѣту... путь вамъ чистый на всѣ четыре стороны.

— А какъ меня въ Москву вышлютъ да выѣздъ оттолъ запрѣтятъ?.. Тогда что?.. Жить въ Москвѣ для меня смерти горчѣй — сами знаете. — говорила взволнованная Марья Гавриловна.

— Не сдѣлають этого, — молвила Манеѳа.

— Какъ не сдѣлають? — возразила Марья Гавриловна. — Про Иргизъ поминали вы, а въ Казани я знаю купчиху одну, Замошникова подъ мужѣ была. Овдовѣвши, что мое же дѣло — поѣхала она на Иргизъ погостить. Тамъ въ Покровскомъ мона-

стырѣ игуменья матушка Надежда, коли слыхали, теткой доводилась ей...

— Знавала я матушку Надежду. Какъ не знать? — молвила Манеѳа. — Знакомы были, письмами обсылались. И племяненку-то ея знала...

— Году у тетки она не прогостила, какъ Иргизу вышло рѣшенье, — продолжала Марья Гавриловна. — И переправили Замошникову въ Казань и запретили ей изъ Казани отлучаться... А родомъ она не казанская, изъ Хвалыни была выдана... За казанскимъ только замужемъ была, какъ я за московскимъ... Ну какъ со мной то же сдѣлають?.. Въ Москву какъ сошлють?.. Подумайте, матушка, каково мнѣ будетъ тогда?..

Призадумалась Манеѳа.

— Да, и такъ можетъ случиться, — сказала она. — Вамъ бы, сударыня, къ нашему же городку въ купечество записаться... Если-бъ что и случилось, — вмѣстѣ бы вѣкъ дожили... Схоронили бы вы меня, старуху...

— Капиталъ объявлять надо, — молвила Марья Гавриловна.

— Извѣстно, — подтвердила Манеѳа.

— А капиталъ объявить, надо торговлю вести, — сказала Марья Гавриловна.

— Зачѣмъ? — возразила Манеѳа. — Нашъ городокъ махонькій, а въ немъ болѣ сотни купцовъ наберется... А много-ль, вы думаете, въ самомъ-то дѣлѣ изъ нихъ торгуетъ?.. Четверыхъ не сыщешь, остальные столь великіе торговцы, что передъ новымъ годомъ бьются, бьются сердечные, по міру даже собирають на гильдію. Кто въ долги входитъ, кто послѣдню одежонку съ плечъ долой, только-бъ на срокъ записаться.

— Зачѣмъ же это? — съ удивленіемъ спросила Марья Гавриловна. — Оставались бы въ мѣщанахъ, коли нѣтъ капитала.

— А отъ солдатчины-то ухорониться?... — отвѣтила Манеѳа. — Рекрутски-то квитанціи нонѣ вѣдь дороги стали, да и мало ихъ что-то. А какъ заплатилъ гильдію, такъ и не бойся ни бритаго лба ни красной шапки... Которы сродниковъ много имѣють — въ складчину гильдію-то выправляють. Въ одномъ-то капиталѣ иной разъ душъ пятьдесятъ мужскихъ записано: всего тутъ есть — и купецкихъ сыновей, и купецкихъ братьевъ, и купецкихъ племянниковъ, и купецкихъ внуковъ... А коль скоро веѣ изъ лѣтъ выйдутъ — тогда и гильдію больше не платятъ, въ мѣщанахъ остаются... Этакъ-то непримѣръ дешевле квитанцій обходится, особенно коли много сродства къ одному капиталу приписано.

— Ну, меня-то пускай въ солдаты не забреють, — усмѣх-

нулась Марья Гавриловна. — А коли мнѣ капиталъ вносить, такъ ужъ надо въ самомъ дѣлѣ торговымъ дѣломъ заняться... Я же по третьей не запишусь.

— Вамъ надо по первой, — молвила Манеѳа. — Какъ же можно въ третью съ вашимъ капиталомъ?

— А въ вашемъ городѣ по первой-то много-ль приписано? — спросила Марья Гавриловна.

— По первой! — усмѣхнулась Манеѳа. — И по второй-то сроду никого не бывало. Какой нашъ городъ!.. Слава только, что городъ... Хуже деревни!..

— То-то и есть, — молвила Марья Гавриловна. — Не то что по первой, по второй если припишусь, толковъ немало пойдетъ. — А какъ дѣловъ-то не стану вести — на что-жъ это будетъ похоже?..

— Какими же вамъ, Марья Гавриловна, дѣлами заниматься? — сказала на то Манеѳа. — Дѣло женское, непривычное... Какія вамъ дѣла?

— Да хоть бы на Волгѣ пароходы завести? — поднявъ голову, съ живостью молвила Марья Гавриловна. — Пароходное дѣло хвалить, у брата тоже бѣгаютъ пароходы — и большую пользу онъ отъ нихъ получаетъ.

— Куда вамъ съ пароходами, сударыня! — возразила Манеѳа. — И мужчинѣ не всякому такое дѣло къ рукѣ приходится.

— Приказчика найду, — молвила Марья Гавриловна.

— Развѣ что приказчика, — сказала Манеѳа. — Только народъ-то нонѣ каковъ сталъ!.. Совѣсти нѣтъ ни въ комъ — какъ разъ оберутъ.

— Эхъ, матушка, будто на свѣтѣ ужъ и не стало хорошихъ людей?.. Попрошу, поищу, авось честный навернется... Богъ милостивъ!.. Патапа Максимыча попрошу... Вотъ на похоронахъознакомилась я съ Колышкинымъ Сергѣемъ Андреевичемъ... Патапъ же Максимычъ ему пароходное дѣло устроилъ, а теперь подите-ка вы... По всей Волгѣ гремитъ имя Колышкина.

— Слыхала про него, — отозвалась Манеѳа. — Дѣла у него точно что хорошо идутъ.

— Благословите-ка, матушка, — молвила Марья Гавриловна.

— На что? — спросила Манеѳа.

— Капиталъ объявлять, пароходы заводить, приказчика искать, — сказала Марья Гавриловна, весело глядя на Манеѳу.

— Суета! — сдержаннымъ, но недовольнымъ голосомъ молвила игуменья, однако, немного помолчавъ, прибавила: — Богъ благословитъ на хорошее дѣло...

— Да вѣдь сами же вы, матушка, и гильдію платите и купчихой числитесь.

— Мое дѣло другое, сударыня. Ради христіанскаго покоя это дѣлаю, ради безмятежнаго житія. Поневолѣ такъ поступаю... А вы человекъ вольный, творите волю свою, якоже хотите... А я-было такъ думала, что намъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и помереть... Больно ужъ привыкла я къ вамъ.

— Что-жь? И я возлѣ васъ въ городу построюсь. Будемъ неразлучны, — сказала Марья Гавриловна.

— Развѣ что такъ, — отвѣтила Манеѳа. — А лучше бы не дожить до того дня, — грустно прибавила она. — Какъ впадетъ на умъ, что раскатаютъ нашу часовню по бревнышкамъ, разломаютъ наши уютныя келейки, сердце такъ и захолонѣтъ... А быть бѣдѣ, быть!.. Однакожь засидѣлась я у васъ, сударыня, пора и до кельи брести...

И, простившись съ Марьей Гавриловной, тихими стопами побрела игуменья къ своей «стаѣ».

Изъ растворенныхъ оконъ келарни слышались голоса: то московскій посолъ комаровскихъ бѣлицъ пѣтъ обучалъ. Вернула въ келарню Манеѳа послушать ихъ.

Глава тринадцатая.

Василій Борисычъ въ Манеѳинои обители какъ сыръ въ маслѣ катался. Умильный голосистый пѣвунъ всѣмъ по праву пришелъ, всѣмъ угодить успѣлъ.

Съ матерью Манеѳой и съ соборными старицами чуть не каждый день по нѣскольку часовъ бесѣдоваль днѣ отъ писанія, или рассказываль про Бѣлую-Криницу, куда ѣздила въ лучшую пору ея, при первомъ митрополитѣ Амвросіи. Съ матерью Аркадіей водилъ длинные разговоры про уставную службу на Рогожскомъ кладбищѣ и рассказываль ей, какъ справляется чинъ архіерейскаго служенья митрополитомъ. Мать Назарету утѣшалъ разговорами о племянницѣ ея Домнушкѣ и о порядкахъ, какіе заведены въ Антоновской палатѣ, гдѣ она при старухахъ въ читалкахъ живетъ. Съ Таифой бесѣдоваль о хозяйственныхъ распорядкахъ: оказалось, что Василій Борисычъ и по хозяйству былъ свѣдущъ. Мать казначея наговориться не могла съ такимъ хорошимъ гостемъ... А больше всего дружилъ онъ съ матушкой Виринеей, выучилъ ее, какъ свѣжіе кочни капусты сберегать на зиму, какъ рябину въ меду варить, какъ огурцы солить, чтобъ вплоть до весны оставались зелеными. Разъ до того заговорился съ ней гораздыи на все Василій Борисычъ, что даже сталъ почвать

матушку-келаря, какъ ветчину коптить. Мать Виринея плюнула на такія слова, обозвала московскаго посланника оболтусомъ и шибко на него прикригнула: — «Вздурился, что-ль, батюшка? Развѣ въ обители жрутъ скоромяину?» Это не помѣшало однако добрымъ отношеніямъ Василя Борисыча къ добродушной Виринѣ; возлюбила она его какъ сына, не нарадуется, бывало, какъ завернетъ онъ къ ней въ келарню о разныхъ разностяхъ побесѣдовать... Про бѣлицъ и поминать нечего — души не чаяли онѣ въ Василю Борисычѣ, всѣ до единой отъ рѣчей и отъ пѣсенъ его были безъ ума и одна передъ другой старались угодить, чѣмъ только могли, залетному соловью... Самъ Василій Борисычъ изъ дѣвицъ больше съ пѣвчими водился. Онѣ и въ разговорахъ поумнѣй другихъ были, и собой пригожѣ, и руки у нихъ были не мозолистыя, не заскорузлыя, какъ у рабочихъ бѣлицъ, а нѣжныя, пышныя, мягкія. Это съ первыхъ же дней скитскаго житья-бытья спознала Василій Борисычъ. А пуще всего заглядывался онъ на смуглую, румяную, чернобровую Устинью Московку. Еще въ Москвѣ видалъ онъ ее у знакомыхъ, гдѣ Устинья два лѣта жила въ канонницахъ, «негасимую свѣчу» стояла... Тамъ еще, гдѣ-то на Солодовкѣ, съ Устиньей онъ пашни завелъ, да не успѣлъ до конца добиться — дочитала она свѣчу и уѣхала въ лѣса за Волгу...

По просьбѣ матушки Манеѣы, началъ Василій Борисычъ оба клироса «демественному» пѣнію обучать. Пропѣлъ съ ними стихеры и воззвахи на всѣ господскіе праздники, принялся за догматики, вдругъ занятія его съ дѣвицами поразстроились, въ Осиповку на похороны надо было ѣхать. Покамѣстъ онѣ были тамъ, Василій Борисычъ успѣлъ побывать въ Улангерѣ и уговорить нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ старицъ на приемъ владимѣрскаго архіепископа... Успѣлъ Василій Борисычъ и погѣть съ улангерскими пѣвицами, облюбовать и тамъ одну дѣвицу въ Юдиной обители — нѣжную, бѣленькую, маленькую ростомъ Домнушку, но и съ ней, какъ съ Устиньей въ Москвѣ, дѣла не успѣлъ до конца довести. Гостепріимная Манеѣина обитель больше всѣхъ полюбила московскому посланнику. Думалъ недѣлку пожить въ ней, да, заглядѣвшись на Устинью, рѣшился оставаться, пока изъ обители вонъ его не вытурять.

Въ тотъ самый вечеръ, какъ мать Манеѣа сидѣла у Марьи Гавриловны и вела грустныя рѣчи о паденіи, грозящемъ скитамъ Кѣрженскимъ, Чернораменскимъ, Василій Борисычъ, помазавъ власы своя елеемъ, то-есть, попросту говоря, деревяннымъ масломъ, надѣвъ легонькій демикотоновый кафтанъ

чь и расчесавъ рѣденькую бородку, пѣтушкомъ прилетѣлъ въ келарню добродушной Вириinei. Завязался у нихъ поучительный разговоръ о черепокожныхъ, про которыхъ во всѣхъ уставахъ поминается, что не токмо мірскимъ, но и старцамъ со старицами разрѣшено ихъ яденіе по субботамъ и недѣлямъ святой великой Четырехдесятницы. Мать Вириinea утверждала, что это объ орѣхахъ говорится, а Василій Борисычъ того мнѣнія держался, что черепокожные — морскіе плоды, и сослался на одну древлелісьменную книгу, гдѣ въ самомъ дѣлѣ такое объясненіе нашлось.

— Такъ вотъ оно что, — съ удивленіемъ покачивая головой, говорила мать Вириinea, увидя въ почитаемой за святую книгѣ такіа неудобъ-понимаемыя рѣчи. — Такъ вотъ оно что — морскіе плоды!.. Что-жъ это за морскіе плоды такіе?.. Научи ты меня старуху уму-разуму, ты вѣдь плавалъ, поди, по морямъ-то, когда въ митрополю ѣздилъ... Она вѣдь, сказываютъ, за меремъ.

— Не за моремъ, матушка, а токмо по близости Чернаго моря, того самаго, что въ прологахъ Евксинскимъ понтомъ нарицается, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Помню, голубчикъ, помню, — сказала Вириinea. — А видѣлъ ли ты его, касатикъ?

— Кого, матушка?

— А этотъ понтъ-отъ... — сказала Вириinea. — Вѣдь это, стало-быть, тотъ, про который на троицкой утренѣ поютъ: «Въ понтъ покрывъ Фараона» *)?

— То другой, матушка, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Много вѣдь ихъ, понтовъ-то, у Господа, — прибавилъ онъ.

— Эка премудрость Божія! — съ умиленьемъ сказала Вириinea, складывая на груди руки... — Чего-то, чего на свѣтѣ нѣтъ!.. Такъ что же, видѣлъ ты его, голубчикъ?.. Понтъ-отъ этотъ?..

— Довелось видѣть, матушка, довелось, какъ въ Одессѣ проѣздомъ былъ, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Что-жъ, родной, этотъ понтъ — море, поди, пространное и глубокое? — съ любопытствомъ продолжала разспросы свои мать Вириinea.

— Пространное, матушка, пространное — краевъ не видать, — подтвердилъ Василій Борисычъ.

— И глубокое? — спросила Вириinea.

— Глубокое, матушка — дна не достать, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

*) Такъ въ до-никоновскихъ книгахъ. Нынѣ поется: «Понтомъ покрывъ».

— Какъ Волга, значить... — со вздохомъ молвила Вириная и, облокотившись на столъ, положила щеку на руку.

— Какая тутъ Волга! — усмѣхнулся Василій Борисычъ. — Говорять тебѣ, дна не достать.

— Премудрости Господней исполнена земля! — набожно молвила Вириная. — Такъ вотъ оно море-то какое... Пространное и глубокое, въ немъ же гадовъ нѣсть числа, — глубоко вздохнувъ, добавила она словами псалтыря.

— Есть матушка, и гады, есть, — подтвердилъ Василій Борисычъ.

— Какіе-жъ это плоды-то морскіе, сирѣчь черепокожные?.. Ты мнѣ, родной, расскажи... Научи Христа ради... Видаль ты ихъ, касатикъ?.. Отвѣдываль?.. Какіе на вкусъ-то?.. Чудное, право, дѣло!..

— Морскими плодами, матушка, раковины зовутся, пауки морскіе да раки... — началъ-было Василій Борисычъ.

— Полно ли тебѣ, окаянному!.. — закричала Вириная, поднявъ къверху попавшуюся подъ руку скалку. — Дуру, что ли, неповитую нашель смѣяться-то?.. А?.. Смотри ты у меня, лоботрясъ этакій!.. Я тѣ благословлю по башкѣ-то!..

Досада взяла Василья Борисыча.

— Ну, матушка, съ тобой говорить, что солнышко въ мѣшокъ ловить, — сказалъ онъ. — Какъ же ты этого понять не можешь?

— Статочное ли дѣло, чтобъ святые отцы такую погань вкушали? — громче прежняго закричала Вириная. — И раковъ-то ѣсть не подобаетъ, потому что ракъ — водяной сверчокъ, а ты пауковъ приплелъ... Эхъ, Васенька, Васенька! Умный ты человѣкъ, а ину пору такихъ забобоновъ нагнешь, что и слушать-то тебя грѣхъ.

Василій Борисычъ плюнулъ даже съ досады. Да, забывшись, плюнулъ-то, на грѣхъ, не въ ту сторону. Взъялась на него Вириная.

— Чтѣ плюешься?.. Чтѣ?.. Окаанный ты этакій! — закричала она на всю келарню, изо всей силы стуча по столу скалкой. — Куда плюнулъ-то?.. Въ кого попалъ?.. Креста, что-ль, на тебѣ нѣтъ?.. Коли вздумалъ плевать, на лѣву сторону плюй — на врага, на дьявола, а ты гляди-ка чтѣ!.. На ангела Господня наплевалъ... Аль не знаешь, что ко всякому человѣку ангель отъ Бога приставленъ, а отъ сатаны бѣсъ... Ангель на правомъ плечѣ сидитъ, а бѣсъ на лѣвомъ... Такъ ты и плюй налѣво, а направо плюнешь — въ ангела угодишь... Эхъ, ты, неразумный!.. А еще книги всѣ знаешь; къ митрополиту за миромъ ѣздилъ!.. Эхъ, ты!..

— Такъ что-жь по-вашему, матушка, означаютъ эти черепокожные, сирѣчь морскіе плоды? — спросилъ Василій Борисычъ, стараясь замаять разговоръ о плевкѣ, учиненномъ не по правиламъ.

— Извѣстно, орѣхи, — сухо отвѣтила Вириная.

— Какъ же орѣхи-то на водѣ выросли? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Божьимъ повелѣньемъ, — сказала Вириная.

— Ну, матушка, съ тобой говорить, что воду рѣшетомъ носить, — молвилъ съ досады Василій Борисычъ. — Чтѣ въ книгѣ-то писано?.. «Морскіе плоды». Такъ ли?..

— Съ толку ты меня сбиваешь, вотъ чтѣ... И говорить съ тобою не хочу, — перебила его мать Вириная и, плюнувъ на лѣвую сторону, гдѣ бѣсъ сидитъ, побрела въ боковушу.

Между тѣмъ какъ въ келарнѣ шелъ споръ о черепокожныхъ и о плевкахъ, она наполнилась пѣвицами, провѣдавшими, что учитель ихъ сидитъ у Виринаи.

Троицынъ день наступалъ. Хотѣлось Василю Борисычу утѣшить гостепрѣимную Манею добрымъ осьмогласнымъ пѣніемъ, наряднымъ демествомъ за всеюнощной и за вечерней. Попа нѣтъ, на листу лежать не стануть *), зато въ часовнѣ такое будетъ пѣніе, какое, можетъ-статься, и на Иргизѣ не часто слыхивали... За это Василій Борисычъ брался, а онъ дѣла своего мастеръ, въ грязь лицомъ себя не ударитъ...

Уже по нѣскольку разъ пропѣлъ онъ съ ученицами и воззвахи, и догматикъ праздника, и весь канонъ, и великій прокименъ вечерни: «Кто Богъ велій!». Все какъ по маслу шло, и московскій посолъ напередъ радовался успѣху, чтѣ долженъ былъ увѣнчать труды его... А баловницамъ-пѣвицамъ межъ тѣмъ прискучило пѣть одно «божество», и, не слушая учителя, завели онѣ тронцкую псалму... Василій Борисычъ поневолѣ присталъ къ нимъ, и вскорѣ звонкій голосокъ его покрылъ всю пѣвчую стаю... Съ увлеченьемъ пѣлъ онъ, не спуская глазъ съ разгорѣвшихся щекъ миловидной Устиньи Московки:

Источникъ духовный
Днесъ радости полный,
Страны всего свѣта слышите,
Съ апостолы прѣимите
Росу, росу благодати,
Росу благодати.
Облакъ раздѣляше,

*) За великой вечерней въ Троицынъ день три молитвы, читаемыя священникомъ, старообрядцы слушаютъ, не стоя на колѣняхъ, какъ это дѣлается въ православныхъ церквахъ, а лежа ницъ, при чемъ подкладываютъ подъ лппо пѣвты или березовыя вѣтви. Это называется «лежать на листу».

Языки рождаше,
Рыбарямъ огненная,
Евреямъ ужасная,
И всёмъ врагамъ страшная,
И всёмъ и всёмъ врагамъ страшная.

Фленушка все время одаль сидѣла. Угрюмо взглядывала она на Василья Борисыча и казалась совершенно безучастною къ пѣнію. Не то унынье, не то забота туманили лицо ея. Нельзя было узнать теперь всегда игривую, всегда живую баловницу Манеѣ. Совѣсть ли докучала ей; надъ Настинной ли смертью она призадумалась; надъ совѣтомъ ли матушки надѣтъ иночество и прибрать къ рукамъ всю обитель; томила-ль ее досада, что вотъ и Троица на дворѣ, а казанскаго гостя Петра Степаныча Самоквасова все нѣтъ какъ нѣтъ?... Не разгадаешь... И Марьюшка и Василій Борисычъ не разъ обращались къ ней съ шуточками, но Фленушка будто не слыхала рѣчей ихъ. Пасмурными взорами оглядывала она исподлобья пѣвшихъ бѣлицъ.

Вдругъ ни съ того ни съ сего вскочила она съ мѣста, живымъ огнемъ сверкнули глаза ея, и, подскочивъ къ Василью Борисычу, изо всей силы хлопнула его по плечу.

— Тошнехенько!.. Мірскую бы!.. Веселую, громкую! — вскрикнула она...

— Охъ, искушеніе! — молвилъ Василій Борисычъ, вздрогнувъ отъ поновѣснаго удара по плечу.

— Новенькую какую-нибудь, — продолжала Фленушка, не снимая руки съ плеча Василья Борисыча. — Тоску нагнали вы своимъ мычаньемъ. Слушать даже противно... Да ну же, Василій Борисычъ, запѣвай развеселю!..

— Охъ, искушеніе! — съ глубокимъ вздохомъ, перебѣгая глазами по бѣлицамъ, сказала Василій Борисычъ.

— Да начинай же, говорятъ тебѣ! — топнувъ ногой, съ досадою закричала на него Фленушка. — Скорѣй!

Откашлянувшись Василій Борисычъ и серебристымъ голоскомъ завелъ тихонько скитскую пѣсенку:

Не сама-то я, младшенька, во старочки пошла,
Гдѣ теперь всю невозможность я въ веселости нашла...

Всѣмъ тѣломъ вздрогнула Фленушка. Блѣдность облила лицо ея.

— Не надо, — вскричала. — Чтѣ за пѣсню выдумалъ пѣты!.. Ровно на смѣхъ!.. Другую!.. Веселенькую!.. Да начинай же, Василій Борисычъ!

— Какую же, Флена Васильевна? — разводя руками, молвилъ Василій Борисычъ. — Право, не вадумаю вдругъ... Развѣ

про тирана?.. На Иргизѣ, въ Покровскомъ дѣвицы, бывало, пѣвали ее...

И завель протяжную пѣсню:

Ты, погибель мою строя,
Тѣмъ доволенъ ли, тиранъ,
Что, лишивъ меня покоя,
Совершилъ свой злой обманъ?

При звукахъ этой пѣсни добродушная Виринея, забывъ досаду на Василья Борисыча, выглянула изъ боковуши и, остановясь въ дверяхъ, пригорюнилась.

— Что-жъ это за тиранъ такой? — умильно и съ горькимъ вздохомъ спросила она у Василья Борисыча, не замѣтившаго ея входа.

— Врагъ, матушка, дьяволь, — отвѣтилъ ей Василій Борисычъ. — Кто-жъ какъ не онъ погибель-то нашу строить?

— Онъ, родимый ты мой, Василій Борисычъ, точно что онъ... — простодушно отвѣчала Виринея. — У него окаяннаго только и дѣла, чтобъ людей на погибель приводить.

Бѣлицы засмѣялись. Мать Виринея накинута на нихъ.

— Чему зубы-то скалите? Коему ляду *) обрадовались, непутныя?.. Ихъ доброму поучаютъ, а онѣ хохочутъ, безстыжія, рта не покрываючи... Да уймешься ли ты, Устинья?.. Видно, только смѣхамъ въ Москвѣ-то и выучилась!.. Уймись, говорю тебѣ — не то кочергу возьму... Ишь совѣсти-то у васъ сколько!.. Чѣмъ бы сердцемъ сокрушаться да душой умиляться, а имъ только смѣшки да праздныя слова непутныя!.. Охъ, Владычица, Царица Небесная!.. Какіе нонѣ молодые-то люди пошли!.. Вольница такая, что не приведи Господи!.. Пой а ты, Васенька, пой, голубчикъ!

Не успѣлъ начать Василій Борисычъ, какъ дверь отворилась, и предстала Манеѳа. Всѣ встали съ мѣстъ и сотворили передъ игуменьей обычныя метанія... Тишина въ келарнѣ водворилась глубокая... Только и слышны были жужжанье мухъ да ровные удары маятника.

— Ну что? Каково спѣваете? — спросила Манеѳа.

— Изрядно, матушка, изрядно идетъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Что пѣли?

— Троицку службу, матушка, — степенно отвѣтилъ Василій Борисычъ.

*) Лядъ — тупеядецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — нечистый духъ, въ верховьяхъ Волги — хамсть, принадлежащій къ ереси Божьихъ людей.

— Спаси ты Христось за твое попеченіе, — молвила Манеѣа, слегка наклоняя голову передъ Васильемъ Борисычемъ. — По правдѣ сказать, наши пѣвицы не больно горазды, не таковы, какъ на Иргизѣ бывали... аль у васъ на Рогожскомъ... Бываль ли ты, Василій Борисычъ, на Иргизѣ у матушки Теофаніи, подай Господи ей царство небесное, — въ Успенскомъ монастырѣ?

— Какъ не бывать, матушка?.. Сколько разъ! — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Вотъ ужъ истинно ангелоподобное пѣніе тамъ было. Стоишь, бывало, за службой-то—всякую земную печаль отложишь, никакая житейская суета въ умъ не приходитъ... Да, велико дѣло церковное пѣніе!.. Душу къ Богу подьзметъ, сердце отъ злыхъ помысловъ очищаетъ...

— Что-жь, матушка, и вашего пѣнія похаять нельзя — такого мало гдѣ услышишь, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Какое у насъ пѣніе, — молвила Манеѣа: — въ лѣсахъ живемъ, по-лѣсному и поемъ.

— Это ужъ вы напрасно, — вступился Василій Борисычъ. — Не въ мѣру своихъ пѣвицъ умаляете!.. Голоса у нихъ чистые, ноту держать твердо, опять же не гнусятъ, какъ во многихъ мѣстахъ у нашихъ христіанъ повелось...

— А ты, другъ, не больно ихъ захваливай, — перебила Манеѣа. — Окромѣ Марыюшки да развѣ вотъ еще Липы съ Грушей *), и крюки-то не больно горазды онѣ разбирать. Съ голосу больше пѣть наладилась, какъ Господь даль... Ты, живучи въ Москвѣ-то, не научилась ли по нотѣ пѣть? — ласково обратилась она къ смѣшливой Устиньѣ.

— Когда было учиться-то мнѣ, матушка? — стыдливо закрывая лицо передникомъ, отвѣтила пригожая канонница. — Все дома да дома сидишь — на Рогожскомъ-то всего только разъ службу выстояла.

— Она понятлива, матушка, я ее обучу, — улыбнувшись на Устинью, молвилъ Василій Борисычъ.

Зардѣлась Устинья пуще прежняго отъ рѣчей московскаго посланника.

— Обучай ихъ, Василій Борисычъ, всѣхъ обучай, которы только тебѣ въ дѣло годятся, уставъ, пожалуйста, у меня въ обители доброгласное и умильное пѣніе... А то какъ поютъ?.. Кто въ лѣсѣ, кто по дрова.

— Очень ужъ вы строги, матушка, — сказалъ Василій Бо-

---

*) Липа — уменьшительное Олимпіады, Груша—Агриппины, или по простонарѣчю Аграфены.

рисычь. — Ваши дѣвицы демество даже разумѣютъ, не то что по другимъ мѣстамъ... А вотъ, Богъ дастъ, доживемъ до праздника, такъ за троицкой службой услышите, каково онѣ запоютъ.

— Троицкая служба трудная, Василий Борисычь, — молвила Манеѳа: — труднѣй ея во всемъ кругу *) нѣтъ: и стихеры большіе и канонъ двойной, опять же самогласныхъ **) довольно... Гляди, справишься ли ты, Марьюшка?

— Справится, матушка, безпремѣнно справится, — отвѣтилъ за головщицу Василий Борисычь. — И «сѣдальны» ***) не говоркомъ будутъ читаны, — всѣ нараспѣвъ пропоемъ.

— Ужъ истинно самъ Господь принесъ тебя ко мнѣ, Василий Борисычь, — довольнымъ и благодушнымъ голосомъ сказала Манеѳа. — Праздникъ великій — хочется поблаголѣннѣе да посвѣтлѣй его отпраздновать... Да вотъ еще что — пѣніе-то пѣниемъ, а уборъ часовни самъ по себѣ... Кликните, дѣвицы, матушку Аркадію да матушку Таифу — шли бы скорѣй въ келарню сюда...

Сотворивъ поясной поклонъ передъ игуменьей, Устинья чинно вышла изъ келарни, но только-что спустилась съ крыльца, такъ припустила бѣжать, что только пятки у ней засверкали.

Минуть черезъ пять вошла Аркадія, а вслѣдъ за ней Таифа. Сотворя семипоклонный началъ передъ иконами и обычныя метанія передъ игуменьей, поклонились онѣ на всѣ стороны и, смиренно поджавъ руки на груди, стали передъ Манеѳой, ожидая ея приказаній.

— До святой Пятидесятницы недолго, часовню надо прибрать по-доброму, — сказала игуменья.

— Все будетъ сдѣлано, матушка, — съ низкимъ поклономъ отвѣтила Аркадія. — Какъ въ прежни годы бывало, такъ и онѣ устроимъ все.

— И полы, и лавки, и подокоинники дѣвицамъ вымыть чисто-начисто, — не слушая уставщицу, продолжала Манеѳа. — Дресвой бы мыли, да не лѣнились, скоблили бы хорошенько. Паникадила да подсвѣчники мѣломъ вычистить.

— Къ Пасхѣ чищены, матушка, — замѣтила уставщица.

— Оклады на иконахъ какъ жаръ бы горѣли, — не останавливаясь, продолжала Манеѳа. — Березокъ нарубить побольше, да чтобъ по-лѣтѣшнему у тебя осины съ рябиной въ часовню

*) Кругъ (церковный) — уставъ службы на весь годъ.

**) Самогласенъ — церковная пѣснь, имѣющая свой особый напѣвъ.

***) Особныя церковныя пѣсни за всенощными, во время пѣнія которыхъ позволено сидѣть.

не было натащено... Горькія дерева, не благословлены... Въ домъ Господень вносить ихъ не подобаетъ... Березки по стѣнамъ и передъ солеей разставить, полъ свѣжей травой устлать, да чтобъ въ травѣ ради благоуханія и зоря была, и мята, и кануферъ... На солею и передъ аналогіемъ ковры постлатъ новые, большіе... Выдай ихъ, Таифушка... Да цвѣтныхъ бы пучковъ, съ чѣмъ вечерню стоять, было навязано довольно, всѣмъ бы достало, и своимъ и прихожимъ молешикамъ, которые придуть... Въ субботу передъ всенощной дѣвицъ на всполье послать, цвѣтковъ бы всякихъ нарвали, а которы цвѣты Марья Гавриловна пришлетъ, тѣ къ иконамъ... Мѣстные образа кисеями убрать, лентами да цвѣтами, что будутъ отъ Марьи Гавриловны... А тебѣ, мать Виринея, кормы изготовить большіе: двѣ бы яствы рыбныхъ горячихъ было поставлено, двѣ перемѣны холодныхъ, пироги пеки прѣсные съ яйцами да съ зеленымъ лукомъ, да лепииковъ зажарь, да оладьи были бы съ медомъ, левашники съ изюмомъ... А ты, мать Аркадія, попомни, во всѣхъ паникадилахъ новыя свѣчи были бы вставлены, и передъ мѣстными и передо всѣми... Вечоръ поглядѣла я у тебя — въ часовнѣ-то въ заднемъ углу паутина космами виситъ — чтобъ сегодня же ея не было. Катерина твоя за часовой ходитъ плохо... Скажи ей, на поклоны при всѣхъ поставлю, только разъ еще замѣчу... А ну-ка, Василій Борисычъ, благо дѣвицы въ сборѣ — послушала бы я, какъ ты обучаешь ихъ... Спойте-ка: «Радуйся, Царице!».

Василій Борисычъ раскрылъ Минею Цвѣтную, оглянулъ ставшихъ рядами пѣвицъ и заглѣлъ съ ними девятую пѣснь троицкаго канона... Манеѳа была довольна.

— За такое пѣніе мы тебѣ за вечерней хорошиій пучокъ цвѣтной поднесемъ, — улыбаясь, молвила она Василью Борисычу. — Изъ самыхъ рѣдкостныхъ цвѣтковъ соберемъ, которы Марья Гавриловна намъ покажетъ...

— Пучокъ-отъ связать бы ему съ банный вѣникъ, — со смѣхомъ вмѣшалась Фленушка. — Пусть бы его на каждый листокъ по слезинкѣ положилъ.

— Прекрати, — строго сказала Манеѳа. — У Василья Борисыча не столь грѣховъ, чтобъ ему цѣлый вѣникъ надо было оплакать *).

*) У старообрядцевъ, а также и въ средѣ приволжскаго простонародья держится повѣрье, что во время троицкой вечерни надо столько плакать о грѣхахъ своихъ, чтобы на каждый листочекъ, на каждый лепестокъ цвѣтовъ, что держать въ рукахъ, капнуло хоть по одной слезинкѣ. Эти слезы въ скитахъ зовутся «росой благодати». Объ этой-то «росѣ благодати», говорили тамъ, и въ троицкой псалмѣ поется.

— Вѣрь ты ему! — съ усмѣшкой сказала не унимавшаяся Фленушка. — На глазахъ преподобей, за глазами отъ грѣха не свободень.

— Замолчишь ли? — возвысила голосъ Манеѳа. — Чтò за безстыдница! Не подосадуй, Василій Борисычъ, на глупыя дѣвичьи рѣчи — она вѣдь у меня шальная.

Василій Борисычъ только улыбнулся.

— Искушеніе! — встряхнувъ головой, промолвилъ онъ потомъ и, вздохнувъ, завелъ съ дѣвицами догматикъ троицкой вечерни.

Заслушалась Манеѳа пѣнія, присидѣла въ келарнѣ до самой вечерней трапезы. Въ урочный часъ Вирина съ приспѣшницами ужину собрала, и Манеѳа сама сидѣтъ за трапезой пожелаала... Когда яства были разставлены, всѣ разсѣлись по мѣстамъ, а чередная канонница подошла къ игуменѣ за благословеніемъ начать отъ пролога чтеніе, Василій Борисычъ сказалъ Манеѳѣ:

— Не благословите ли, матушка, замѣсто чтенія спѣтъ что-нибудь?

— Чего спѣтъ? — спросила игуменя.

— Духовную псалму какую-нибудь, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Не водится, Василій Борисычъ; за трапезой псалмы не поютъ, — замѣтила Манеѳа.

— Какъ не поютъ, матушка? — возразилъ Василій Борисычъ. — Поютъ, — онѣ вѣдь божественнаго смысла исполнены, пристойно пѣтъ ихъ за трапезой.

— Сколь обитель наша стоитъ — такого дѣла у насъ не бывало, — сказала Манеѳа. — Да не бывало и по всему Кѣрженцу.

— Про Иргизъ-отъ, матушка, давеча вы поминали, — подхватилъ Василій Борисычъ. — А тамъ у отца Силуяна *) въ Верхнемъ Преображенскомъ завсегда по большимъ праздникамъ за трапезой духовныя псалмы, бывало, поютъ. На каждый праздникъ особыя псалмы у него были положены. И въ Лаврентьевѣ за трапезой псалмы распѣвали, въ Стародубѣ и донныѣ поютъ... Самъ не разъ слыхалъ, пѣвалъ даже съ отцами...

— Право, не знаю какъ, — колебалась Манеѳа. — Да у меня дѣвицы и псалмы-то хорошихъ не знаютъ...

— А вотъ я ихъ «Вогородичну Плачу» на-дняхъ обучилъ, —

*) Силуянтъ, игумень Верхняго Преображенскаго монастыря на Иргизѣ, сдавшій его единовѣрцамъ въ 1842 году.

подхватилъ Василій Борисычъ: — какъ Пречистая Богородица у креста стояла да плакала. Благословите-ка, матушка, пропѣть...

Нечего было дѣлать, уступила Манеѳа.

— Богъ благословить, пойте во славу Божию, — сказала она.

Василій Борисычъ съ Марьюшкой головщицей, съ Устиньей, Липой и Грушей стали впереди столовъ. Къ нимъ подошла Фленушка, и началось пѣніе:

Во святомъ было во градѣ,
 Во Ерусалимѣ,
 На позорномъ Лобномъ мѣстѣ,
 На горѣ Голгоѣѣ —
 Обезславленъ, обезщещенъ
 Ісусъ, Сыне Божій,
 Весь въ кровавыхъ язвахъ,
 На крестѣ бысть распягъ.
 Тутъ стояла Дѣва Мати,
 Плакала, рыдала,
 Сокрушалась и терзалась
 О любезномъ Сынѣ:
 „Ахъ, Ты, Сынъ, Моя надежда,
 „Ісусъ, Сыне Божій,
 „Гдѣ архангелъ, кой пророчилъ,
 „Что царемъ Ты будешь?
 „Я теперь всего лишаюсь,
 „Я теперь безчадна —
 „Бейся, сердце, сокрушайся,
 „Утроба, терзайся“.
 Со креста, узрѣвъ Сынъ Божій
 Плачущую Мати,
 Услыхавъ Ея рыданья,
 Тако проглаголать:
 „Не рыдай Мене, о Мати,
 „И отри токъ слезный,
 „Веселися ты надеждой —
 „Я воскресну, Царемъ буду
 „Надъ землей и небомъ...
 „Я тогда Тебя прославлю
 „И со славою вознесу тѣхъ,
 „Кто Тя возвеличить!..“

Смолкли послѣдніе звуки Богородична Плача, этой русской самородной «Stabat mater», и въ келарнѣ, хоть тамъ былъ не одинъ десятокъ женщинъ, стало тихо, какъ въ могилѣ. Только бой часового маятника нарушалъ гробовую тишину... Пѣніе произвело на всѣхъ впечатлѣніе. Сидя за столами, келейницы умильно поглядывали на Василья Борисыча, многія отирали слезы... Сама мать Манеѳа была глубоко тронута.

— И откуда такую пѣсню занесъ ты къ намъ, Василій Борисычъ? — съ умиленьемъ сказала она. — Слушаешь не

наслушаешься... Будь каменный — и у того душа жалостью растопится... Гдѣ, въ какихъ мѣстахъ научился ты?

— По разнымъ обителямъ ту пѣснь поють, матушка... — скромно отвѣтилъ Василій Борисычъ. — И по домамъ благочестныхъ христіанъ поють... Выучился я пѣть ее въ Лаврентьевѣ, а слыхалъ и въ Куреняхъ и въ Бѣлой-Криницѣ. А изводу *) она суздальскаго. Оттоль, сказываютъ, изъ-подъ Суздаля, разнесли ее по обителямъ.

— Спасибо, другъ, что научилъ дѣвицъ Плачу Богородичну... Много духовныхъ пѣсенъ слыхала я, а столь сладостной, умильной не слыхивала, — молвила Манеѳа. — Много-ль у тебя такихъ пѣсенъ, Василій Борисычъ?

— Довольно-таки, матушка, — отвѣтилъ онъ. — Сызмальства охоту имѣлъ къ нимъ — кои на память выучилъ, кои списалъ на бумагу... Да вотъ искушеніе!.. тетрадку-то не захватилъ съ собою... А много въ ней такихъ пѣсенъ.

— Жаль, другъ, очень жаль, что нѣтъ съ тобой той тетрадки... — молвила Манеѳа. — Которы на память-то знаешь, перескажи дѣвицамъ — запишутъ онѣ ихъ да выучать... Марьюшка, слышишь, чтò говоришь?

— Слушаю, матушка, — съ низкимъ поклономъ отозвалась головщица.

Кончилась трапеза... Старицы и рабочія бѣлицы разошлись по кельямъ. Манеѳа, присѣвъ у раствореннаго окна на лавку, посадила возлѣ себя Василя Борисыча. Мать Таифа, мать Аркадія, мать Назарета, еще три инокини изъ соборныхъ старицъ да вся пѣвчая стая стояли передъ ними въ глубокомъ молчаньи, внимательно слушаая бесѣду игуменья съ московскимъ посломъ...

Про Иргизъ говорили: знакомъ былъ онъ матери Манеѳѣ; до игуменства чуть не каждый годъ туда она ѣздила и гащивала въ тамошнихъ женскихъ обителяхъ по мѣсяцу и дольше... Василій Борисычъ также коротко зналъ Иргизскіе монастыри. Долго онъ разсуждалъ съ Манеѳой о благолѣпнн тамошнихъ церквей, о стройномъ порядкѣ службы, о знаменитыхъ пѣвцахъ отца Силуяна, о пространномъ и во всемъ преизобильномъ житіи тамошнихъ иноковъ и старицъ.

— Какъ по паденіи благочестія въ старомъ Римѣ Царградъ вторымъ Римомъ сталъ, такъ и по паденіи благочестія во святой Аѳонской горѣ второй Аѳонъ на Иргизѣ явился, —

*) Курени или Куреневскій раскольничій скитъ, въ Юго-Западномъ краѣ. Извудъ — редакція, а также мѣсто происхожденія, или указаніе на мѣсто происхожденія.

говорилъ красноглавый Василій Борисычъ. — Поистинѣ царство иноковъ было... Жили они безпечально и во всемъ изобильно... Чтѣ земель отъ царей было имъ жаловано, чтѣ луговъ, лѣсу, рыбныхъ ловель и всякаго другого угодыя!.. Житѣ нѣмцамъ въ той сторонѣ, а иргизскимъ отцамъ и супротивъ нѣмцевъ было привольнѣй...

— А теперъ на Иргизѣ чтѣ? — съ горькимъ чувствомъ молвила Манеѣа. — Не стало красоты церковной, запустѣли обители!.. Которы разорены и знаку отъ нихъ не осталось, которы отданы хромцамъ на обѣ плеснѣ *)!

— Мерзость запустѣнія, Даниломъ прореченная, — проговорилъ Василій Борисычъ.

— За грѣхи наши, за грѣхи! — больше и больше оживляясь, говорила Манеѣа. — Исполнися фѣаль Господней ярости!

— Послѣднія времена! — пригорюнясь, вздохнула Тайфа.

— Да, — сказала Манеѣа, величаво поднимая голову и пылкимъ взоромъ оглядывая предстоявшихъ. — По всему видно, чтѣ близится скончаніе вѣковъ. А мы во грѣхахъ, какъ въ тинѣ зловонной, валяемся, заслѣпли очи, не видимъ, какъ пророчества сбываются... Дай-ка сюда прологъ, мать Тайфа... Ищи ноемврія шестнадцатое.

Тайфа поднесла къ Манеѣѣ раскрытый прологъ... Указавъ казначеѣ на строки, она велѣла ихъ читать громкогласно.

«И рече преподобный Памва ученику своему, — нараспѣвъ стала Тайфа читать: — се убо глаголю, чадо, яко приидуть днѣе, внегда расказать иноцы книги, загладать отеческая житія и преподобныхъ мужей преданія, пишуще тропари и еллинская писанія. Сего ради отцы рѣша: «не пишете доброю грамотою, въ пустыни живушіе, словесъ на кожанныхъ хартіяхъ, хочеть бо послѣдній родъ загладити житія святыхъ отецъ и писати по своему хотѣнію».

— Развѣ не исполнилось? — задрожавшимъ отъ страстнаго волненья голосомъ спросила Манеѣа, пламенными очами обводя предстоявшихъ. — Не сбылось развѣ прореченіе преподобнаго?..

— Давно сбылось, матушка, еще во дни патріарха Никона, — отозвался Василій Борисычъ.

— Книгу Вѣру возьми, читай двѣсти четыредесятъ шестой листъ, — сказала Манеѣа.

Тайфа стала читать:

«Къ сему же внидеть въ люди безвѣріе и ненависть, реть,

*) Такъ раскольники зовутъ единовѣрцевъ.

ротьба *), пьянство и хищеніе; измѣняютъ времена и законъ, и незаконнующій завѣтъ наведутъ съ прелестію и оскверняютъ священныя примѣненія всѣхъ оныхъ святыхъ древнихъ дѣйствъ, и устыдятся креста Христова на себѣ носить».

— Развѣ не видимъ того? — поджигающимъ голосомъ вскрикнула Манеѳа.

Одна громче другой заголосили келейницы, перебивая другъ друга:

— Измѣнили времена!.. Не отъ Адама годамъ счетъ ведутъ!

— Начало иудикта съ Семеня-дня на Васильевъ поворотили **)... Временъ измѣненіе!

— Безблагодатные, новые законы пишутъ!.. Безъ патриаршаго благословенія!

— Отметають градской законъ Устиньяна-царя ***)) и иныхъ царей благочестивыхъ!..

— Замѣсто креста и евангелія идольское зеркало въ судахъ положили!

— А въ томъ зеркалѣ Петръ-богоборецъ писанъ!

— Господѣ кресты съ шей побросали!

— По кунечеству даже крестоборство пошло!

— А все прелесть иноземная — еллинскія басни!

— Нѣмцы, все нѣмцы бѣдѣ на Русь натворили!.. Люторы!.. Кальвины!..

— Житія христіанамъ отъ нѣмцевъ не стало.

Распылились изувѣрствомъ старицы. Злобой загорѣлись ихъ очи, затрепетали губы, задрожали голоса... Одна, какъ ледь холодная, недвижно сидѣла Манеѳа.

— Читай въ Кирилловой книгѣ слово въ недѣлю мясопустную, — сказала она Таифѣ.

Стала читать она:

«Также святыи Ипполитъ папа римскій глаголетъ: «Сія заповѣдахомъ вамъ, да разумѣете напоследокъ быти хотящая: болѣзнь и молву и всѣхъ челоуѣкъ еже другъ ко другу развращеніе, и церкви Божіи якоже простыя храмины будутъ... И развращенія церковная всюду будутъ... Писанія небрегоми будутъ»...

*) Реть — ссора, вражда. Ротьба — клятва, а также заклианье въ родѣ: «лопни мои глаза», «провалиться мнѣ на семь мѣстѣ» и пр.

**) Семень-день (Симеона Столпника) — 1-го сентября; Васильевъ день (Василія Великаго) — 1-го января. Рѣчь идетъ о введеніи январскаго года вмѣсто прежняго сентябрьскаго.

***)) Юстиніанъ Великій — императоръ византійскій. Нѣкоторые изъ законовъ его въ Кормчей книгѣ помѣщены подъ названіемъ «градского» (то-есть гражданскаго) закона.

— Ниже читай: «Басни до конца», — прервала Таифу мать Манеѳа.

«Басни до конца во мящихся христіанѳхъ будутъ, — читала Таифа. — Тогда возстанутъ лжепророцы и ложные апостоли, челоѳцы тлетворницы, злотворцы, лжущіе другъ другу, прелюбодѳи, хищницы, лихоимцы, заклинатели, клеветницы; пастыріе якоже волцы будутъ, а священницы лжу возлюбятъ»...

— Софронъ съ Корягой! — съ желчью вполголоса молвила Василью Борисычу Манеѳа.

Тотъ вздохнулъ и, пожимая плечами, тоже вполголоса молвилъ: — Искушеніе!..

«Иноцы и черноризцы мірская вожделѳютъ», — продолжала Таифа.

— Якоже нѳцыи отъ здѳ сущихъ, — прибавила Манеѳа, окидывая взорами предстоявшихъ.

Старицы поникли головами. Бѳлицы переглянулись.

«О! горе, егда будетъ сіе, — читала Таифа: — восплачутся тогда и церкви Божіи плачемъ велимъ, зане ни приношенія, ниже кадило совершится, ниже служба богоугодная; священныя бо церкви яко овощная хранилища будутъ, и честное тѳло и кровь Христова во днѳхъ онѳхъ не имать явитися, служба угаснетъ, чтеніе писанія не услышится, но тьма будетъ на челоѳцѳхъ».

— Прекрати, — повелѳла Манеѳа.

Смокла Таифа и низко склонила голову. Нѳсколько минутъ длилось общее молчанье, прерываемое глубокими вздохами стариць.

Встала съ мѳста Манеѳа, мрачно поглядѳвъ на келейницъ, сказала:

— И тому по маломъ времени подобаетъ быти.

— Подобаетъ, матушка... Вскорѳ подобаетъ, — глубоко вздохнувъ, промолвилъ и Василий Борисычъ, вскинувъ однако исподтишка глазами на Устинью, у которой обильныя слезы выступили отъ Таифина чтенія и отъ рѳчей игумены...

— Чтѳ дѳлается?.. Какія дѳла совершаются?.. — опираясь на посохъ, продолжала Манеѳа. — Оглянитесь... Иргиза нѳтъ, Лаврентьева нѳтъ, на Вѳткѳ пусто, въ Стародубѳ мало чтѳ не порушено... Оскудѳніе священнаго чина всюду настало — всюду душевный гладъ... Про Бѳлу-Криницу не поминай мнѳ, Василий Борисычъ... сумнительно... Мы однѳ остаемся, да у казаковъ еще пока мѳстъ держится вмалѳ древнее благочестіе... Но вѳдъ казаки люди служилые — какъ имъ за вѳру стоять?..

— Стояли же за вѳру, матушка, и служилые, — робко ввернула слово Аркадія, слышная за великую начетчицу.

— Когда?.. — рѣзко спросила ее Манеѳа, окинувъ строгимъ взглядомъ.

— А стрѣльцы-то, матушка?.. Благочестивая рать небреемая!.. — смиренно промолвила уставщица, сложивъ у груди руки, задрожавшія отъ грознаго взгляда игуменьи.

— Пустого не мели, — отрѣзала Манеѳа. — За вѣру стоятъ стрѣльцы и въ помышленьи не держали... Велѣлъ Якимъ патриархъ угостить ихъ на погребѣ, и пропили они древлесъ благочестіе... Чтѣ пустое городить?.. Служилымъ людямъ — хоть и казаковъ взять — не до вѣры. Ихнее дѣло — царская служба, а вѣра — дѣло духовное, особъ статья... Истинная вѣра монастырями да скитами держится, сирѣчь духовнымъ чиномъ... Оскудѣетъ священный чинъ, престанетъ иноческое житіе — тогда и вѣрѣ конецъ... Нами стоитъ древлее благочестіе... А много-ль намъ остается?.. Подумайте-ка объ этомъ!

— Зачѣмъ, матушка, ропотомъ Бога гнѣвить? — молвилъ Василій Борисычъ. — Живете вы, слава Богу, въ здѣшнихъ лѣсахъ тихо, безмятежно, никакого касательства до васъ нѣтъ...

— Не ропщу, Василій Борисычъ, — сдержанно отвѣтила Манеѳа. — Къ тому говорю, что пророчества сбываются, скончаніе вѣковъ приближается... Блаженъ бдѣй!.. Вотъ чтѣ... А чтѣ сказалъ про наше житіе, такъ повѣрь ты мнѣ, Василій Борисычъ, обителямъ нашимъ недолго стоять... Близится конецъ!.. Скоро не останется кивотовъ спасенія... Въ малѣ времени не будетъ въ нашихъ лѣсахъ хранилищъ благочестія... И тогда не закоснитъ Господь положить конецъ временамъ и лѣтамъ...

Замолчала Манеѳа... Никто ни слова ей въ отвѣтъ... Матери крестились и шептали молитвы.

Минуты черезъ три мать Виринея, отирая обильно выступившія на глазахъ ея слезы, обратилась къ игуменьѣ:

— Намедни, какъ ты хворала, матушка, ронжински ребята ко мнѣ въ келарню старчика приводили. Въ Поломскихъ лѣсахъ, сказываль, спасался, да лѣсъ-отъ вырубать зачали, такъ онъ въ иное мѣсто пробирался... И сказываль тотъ старчикъ, чтѣ твое же слово: по скорости-де скончаніе вѣку будетъ, антихристъ-де давно ужъ народился, а подъ Москвой, въ Гуслицахъ, и Господни свидѣтели ужъ съ полгода ходять — Илья пророкъ съ Енохомъ праведнымъ.

— Пустяковъ не плети, Виринеюпка, — перебила ее Манеѳа. — Знатъ бы тебѣ горшки да плошки, а пустяковъ не городить... Какіе тамъ Илья съ Енохомъ объявились?.. Чего имъ въ Гуслицахъ дѣлать?.. Фальшивы деньги, что ли?

— Старчикъ, по всему видно, матушка, житія высокаго и

даръ разумѣнія, въ пустыни живучи, снискаль... Пустого слова не скажетъ, — зачала-было смущенная словами игумены Виринаея, но Манеѳа опять перебила ее.

— Тебѣ бы того старца напоить, накормить и всѣмъ упокоить, — сказала она: — а пустыхъ рѣчей съ нимъ не заводить... Да, другъ, — немного помолчавъ, сказала Манеѳа, обращаясь къ Василью Борисычу: — недолго, недолго пожить намъ въ обителяхъ!.. Запустѣетъ свято мѣсто!..

— Полноте, матушка, — молвилъ Василій Борисычъ. — Не сейчасъ же вдругъ. Господь милостивъ — на вашъ вѣкъ потерпитъ.

— Не знаешь ты, Василій Борисычъ, здѣшнихъ обстоятельствъ, потому такъ и говоришь, — сказала Манеѳа. — Въ иное время поразкажу, а теперь время идти на покой.. Ишь какъ стемнѣло, ровно осенью.. Прощайте, матери!.. Прощайте, дѣвицы!

И, слегка наклонивъ голову, пошла изъ келарни. Фленушка да Марьюшка вели ее подъ руки. Разошлись по кельямъ и матери и бѣлицы. Только Устинья Московка въ Виринеинной боковушѣ что-то замѣшкалась и вышла послѣднею изъ всѣхъ бѣлицъ и старицъ.

Когда всѣ разошлись, Василій Борисычъ нѣсколько минутъ дружелюбно побесѣдовалъ съ Виринеей про гуслицкихъ Илю съ Енохомъ и за великую тайну сказалъ ей, что, отбѣзжая изъ Москвы, самъ то же слышалъ на Рогожскомъ отъ матери Пульхерии... Этимъ Виринея была очень утѣшена... Значить, ея правда, не Манеѳина, значить, не ложное слово сказалъ ей старчикъ, приведенный ронжинскими ребятами... Распрощался наконецъ и Василій Борисычъ съ Виринеей. Послѣднимъ вышелъ онъ изъ келарни.

На дворѣ стояла такая темень, что по кельямъ хоть огни вздувай. Послѣ продолжительнаго зноя подъ вечеръ потянуло прохладой съ мокраго угла *), и скоро все небо застлалось тучами... Хотя немного дней оставалось до Петра Солноворота **), хотя и сходились ужъ вечерняя заря съ утренней, однакожъ такая темнота настала, что хоть въ осеннюю ночь... Тишь была невозмутимая, лишь вдаль въ заколосившемся хлѣбѣ трещали кузнечики, да по лѣсу раздавались изрѣдка

*) Мокрымъ угломъ зовутъ сѣверо-западную часть небосклона, откуда большею частью приносятся дожди.

***) Юля 12-го.

глухіе звуки бѣталъ *). Дождемъ еще не кропило, но сильно марило **), душный воздухъ помонъ былъ тепла и благовопія. По сторонамъ часто вспыхивали зарницы...

А въ ту пору молодежи не спалось. Душная, неспокойная дремота, разымчивая нѣга всѣхъ одолѣвала. Ярѣ-Хмель по людямъ ходилъ.

А ходилъ еще въ ту пору по Манеѣиной обители конюхъ Дементій. Выпустивъ лошадей въ лѣсъ на ночное, проходилъ онъ въ свою работницкую избу ближнимъ путемъ — черезъ обитель мимо часовни. Идетъ возлѣ высокой паперти, слышитъ подъ нею страстный шопоть и чьи-то млѣющія рѣчи... Остановился Дементій и облизнулся... Одинъ голосъ знакомымъ ему показался. Прислушался конюхъ, плюнулъ и тихими, неслышными шагами пошелъ въ свое мѣсто...

— Ай да московскій пѣвунъ! — проворчалъ онъ сквозь зубы.

Не доходя коннаго двора, Дементій остановился... Постоялъ-постоялъ и, повернувъ въ сторону, спѣшными шагами пошелъ къ крайней кельенкѣ сиротскаго ряда... А жила въ той кельенкѣ молодая бабенка, тетка Семениха... А была та Семениха ни дѣвка, ни вдова, ни мужня жена — мірской чело-вѣкъ — солдатка.

Ходить Ярילו по людямъ, палить страстью, туманить головы. А ноченька выдалась темная, тихая, теплая, душистая... Много жалуется такія ночи развеселый Ярѣ-Хмель молодець!

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

*) Бѣтало — глухой звонокъ, привѣшиваемый лошадямъ и коровамъ на шею, когда пускаютъ ихъ въ ночное по лѣсамъ. За Волгой пастуховъ нѣтъ, скоть пасется одинъ, по раменямъ, для того и привязываютъ ему бѣтала. Каждый хозяинъ знаетъ звукъ своего бѣтала и по этому звуку скоро отыскиваетъ безпастушную свою скотину.

***) Марить — стоять духота, обыкновенно бывающая послѣ долгаго зноя, предъ грозой.

Оглавленіе

II ТОМА.

Въ лѣсахъ. Романъ въ четырехъ частяхъ

стр.

Часть первая 3

Часть вторая 287

F

24.152/2